

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М.М. СМЕРИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
БОРЬБЫ В ГЕРМАНИИ
ПЕРЕД РЕФОРМАЦИЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

✱

Институт истории

М.М. СМЕРИН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
БОРЬБЫ В ГЕРМАНИИ
ПЕРЕД РЕФОРМАЦИЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1952

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

С. Д. СКАЗКИН

ВВЕДЕНИЕ

Подводя итоги анализу событий Великой крестьянской войны, Ф. Энгельс писал: «Раздробление Германии, обострение и усиление которого было главным результатом крестьянской войны, было в то же время и причиной ее неудачи»¹.

Коренные причины политической раздробленности Германии Энгельс видел не в результатах Крестьянской войны, а в преддущем историческом развитии страны. Однако, как показывают приведенные слова Энгельса, действие создавшихся исторически предпосылок германской раздробленности зависело в значительной степени от хода и результатов классовой борьбы эпохи Реформации, которые имели огромное значение в определившейся затем надолго политической судьбе Германии. Для выяснения того политического значения, которое Энгельс придавал революционному подъему эпохи Реформации, необходимо обратиться к его оценке экономического и политического положения в Германии перед Реформацией.

Энгельс всегда подчеркивал, что политическая раздробленность Германии обуславливалась особенностями ее экономического развития. «...Централизация абсолютной монархии,— писал Энгельс в «Крестьянской войне»,— установившаяся во Франции уже со времени Людовика XI, благодаря антагонизму между дворянством и буржуазией, и развивавшаяся все далее, в Германии была невозможна уже потому, что предпосылки, необходимые для национальной централизации, здесь не существовали вовсе или существовали в очень неразвитом состоянии»². В конце книги Энгельс объясняет, что он имел в виду «недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии», которое «делало невозможным

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 196.

² Там же, стр. 159.

всякое объединение немцев в единую *нацию*»¹. Еще определеннее высказываются К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», когда они пишут: «Откуда могла взяться *политическая* концентрация в стране, в которой отсутствовали все *экономические* условия этой концентрации?»².

Однако наряду с этим Энгельс характеризует XV и начало XVI вв. как время значительного экономического подъема Германии. Он неоднократно говорит о том, что, изучая экономику Германии перед Реформацией и Крестьянской войной, необходимо обратить внимание как на слабые ее стороны (на экономическую разобщенность районов страны и в связи с этим — на особенности немецкого бюргерства), обусловившие поражение буржуазной революции XVI в., так и на те стороны развития, которые привели к общенародному подъему, явившемуся первым актом буржуазной революции в Европе. Свою книгу «Крестьянская война в Германии» Энгельс начинает с перечисления элементов экономического подъема в конце XV и в начале XVI вв., указывая при этом, что, несмотря на торговую конкуренцию англичан и голландцев, ставшую особенно ощутимой с конца XV в., «великий торговый путь из Индии на север проходил еще, несмотря на открытия Васко-да-Гама, через Германию, и Аугсбург попрежнему оставался крупным складочным пунктом для итальянских шелковых изделий, индийских пряностей и всех произведений Леванта»³. В одном из набросков, озаглавленном «О реформации и Крестьянской войне в Германии» и являвшемся фрагментом рукописи «О разложении феодализма и развитии буржуазии», Энгельс, характеризуя положение Германии в XV в., писал: «В экономическом отношении Германия вполне на уровне современных ей стран»⁴.

Говоря о недостаточном экономическом развитии Германии, Энгельс, очевидно, имел в виду экономическую разобщенность отдельных частей Германии, развитие отдельных земель которой не вело к образованию национального рынка и национального центра. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс говорят об отсутствии в Германии «экономических условий» централизации. В приведенном уже наброске к рукописи «О разложении феодализма и развитии буржуазии» Энгельс указывает и на политические обстоятельства, препятствовавшие в Германии государственной централизации. «Решающим,— говорится там,— явилось то, что в Германии, раздробленной на провинции и избавленной на длительный срок от вторжений, не ощущалось вследствие этого такой силь-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 195.

² Там же, т. IV, стр. 175.

³ Там же, т. VIII, стр. 116.

⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 357.

ной потребности в национальном единстве, как во Франции (Столетняя война), в Испании, которая только что отвоевала свою территорию у мавров, в России, недавно изгнавшей татар, в Англии (война Роз). Решающим было также и то, что императорская власть была в таком жалком состоянии».

В особых условиях экономического подъема XV—XVI вв. в Германии, который происходил в отдельных городах и районах страны, не связанных в единое целое, Энгельс видел одну из важнейших причин раннего созревания в Германии ситуации буржуазной революции. Элементы капиталистических отношений, возникавшие в Германии, как и в других странах, в недрах феодального общества, не нашли там необходимых для них условий национального развития. И. В. Сталин включает, наряду с Англией, Францией и Италией, отчасти и Германию в состав тех стран, где национальная консолидация совпадала по времени с образованием централизованного государства.

«На западе — в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии — период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своём развитии облекались в государственные формы»¹. Из этого можно заключить, что процесс складывания немецкой нации завершился в XIX в., когда было образовано единое германское государство. Немецкий народ складывался в буржуазную нацию не на заре капиталистического развития. Процесс развития капиталистических отношений в начальных стадиях не выступал в Германии как процесс разрушения феодализма и феодальной раздробленности и, следовательно, не был процессом, собирающим нацию воедино. «К концу XV в., — писал Энгельс, — Германия становится все более раздробленной; центр ее — все более слабым, в то время как Франция и Англия уже более или менее централизованы и нации там уже складываются»².

Условия, в которых в Германии возникали в отдельных отраслях промышленности элементы капиталистических отношений, препятствовали их развитию. Ограниченность торговли и промышленности Германии перед Реформацией Энгельс связывает с отсутствием в стране централизации и необходимых для нее условий³. Маркс писал, что задача установления земского мира и устранения кулачного права была очень важна для торговли городов Германии⁴. Не меньшее значение, чем указанная здесь ограниченность экономических условий, имела

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 33.

² Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 343.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. VIII, стр. 116—117.

⁴ См. Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 138—139.

ограниченность политической роли возникавших в Германии капиталистических элементов, которые в других странах служили опорой королевской власти, выступавшей тогда «представительницей образующейся нации»¹. Прогрессивная сторона процесса усиления королевской власти заключалась в том, что укрепление аппарата власти проводилось в данном случае путем концентрации в руках феодального государства всех необходимых условий национального развития. Усиление королевской власти означало вместе с тем стремление господствующего класса подчинить себе силы национального развития, противопоставляя всю мощь этого развития эксплуатируемому классу. Это — высшая форма классового господства в условиях феодализма, когда на первый план выдвигаются мелкие и средние феодалы, образующие основу усиления королевской власти и пришедшие на смену старой феодальной аристократии. Экономическая роль и политическое значение, которое приобретает в процессе консолидации национальных сил нарождающаяся буржуазия, дают ей возможность впоследствии, по мере выявления противоположности ее интересов с интересами господствующего класса, занять руководящее положение в антифеодальной борьбе масс. В Германии же возникавшие в недрах феодального строя капиталистические элементы лишены были этих благоприятных условий.

Таким образом, те буржуазные элементы, которые уже с XV в. возникали спорадически в различных районах в отдельных отраслях промышленности Германии, с самого начала страдали от отсутствия нормальных условий национального развития. Отсутствие единства являлось уже в XV и в начале XVI вв. препятствием дальнейшему развитию промышленности и торговли Германии. Следовательно, вопрос о политическом единстве поставлен был экономической необходимостью, в то время как развитием страны в предыдущие века не были подготовлены для этого ни экономические, ни политические условия. Энгельс все же считал, что отсутствие исторически подготовленных предпосылок централизации возмещалось в известной степени — при наличии создавшейся экономической необходимости — тем обстоятельством, что Германия занимала в XV и в начале XVI вв. центральное положение на путях мировой торговли.

В «Заметках о Германии» Энгельс, имея в виду рассматриваемое нами время, писал, что «Германия могла бы срастись воедино, так как пути мировой торговли проходили через нее»². Критикуя книгу Каутского — «Предшественники новей-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.

² Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 344.

шего социализма», Энгельс указал в письме от мая 1895 г., что ее автор не обратил внимания на «международное экономическое положение» Германии в конце XV в., на то, что Германия находилась тогда в центре мировой торговли. «Только это положение,— писал Энгельс,— объясняет, почему то буржуазно-плебейское движение в религиозной форме, которое потерпело поражение в Англии, Нидерландах, Богемии, могло в XVI веке в Германии иметь *известный успех*: это успех его *религиозной маскировки*, тогда как успех буржуазного содержания достался на долю следующего столетия и на долю стран, расположенных по возникшему к тому времени новому направлению мирового рынка: Голландии и Англии»¹.

Таким образом в XV в., особенно в конце его и в начале XVI в., в результате бурного экономического подъема быстро назрела экономическая необходимость централизации и что в то же время,— до того, как определилось новое направление мирового рынка,— создавались и экономические условия, стимулировавшие централизацию. То обстоятельство, что возникшие в Германии буржуазные элементы не нашли там исторически подготовленных условий национального развития, резко выявило противоречия этих элементов с классом феодалов. Эти противоречия дали себя чувствовать в Германии сразу. «Когда эта буржуазия достаточно окрепла,— писал Энгельс,— ее борьба с феодальным дворянством... начала принимать национальные размеры. Первый акт борьбы был сыгран в Германии...»².

Важное значение Энгельс придавал, наряду с экономическими, также и политическим обстоятельствам. В «Заметках о Германии» Энгельс писал: «Во Франции и Испании также существовала экономическая раздробленность, но там она была преодолена с помощью насилия»³. Это положение Энгельса может быть понято только в том смысле, что даже во Франции, т. е. в стране, где экономические связи, являвшиеся предпосылками централизации, имели уже давнюю традицию, даже в этой стране экономические предпосылки и стимулы могли привести к ликвидации существовавшей раздробленности не сами по себе, а при помощи насилия. Энгельс имеет здесь в виду королевскую власть, которая усиливалась во Франции в течение XIII—XV вв. Нараставшая в течение долгого времени необходимость в экономических связях и тяготение к экономическому центру, так же

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 418. Дальше Энгельс пишет о своем намерении разработать этот вопрос во втором издании книги «Крестьянская война в Германии», которое он подготавливал, но не успел закончить.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 675.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 344.

как и необходимость борьбы против Англии, толкали господствующий класс к образованию и усилению аппарата концентрированного классового насилия, сделавшегося там, как и в ряде других стран, важным орудием реализации экономических стимулов к единству и устранению всех препятствий к нему.

Особенность же исторического развития Германии заключалась в том, что в решающий момент, — «в решающем XV в.», — по выражению Энгельса, — когда под влиянием новых экономических сдвигов и в ней назрела необходимость в политическом единстве, в классе феодалов не оказалось той активной силы, которая усмотрела бы свой интерес в использовании более прогрессивных элементов городского развития для создания и усиления централизованного аппарата классового господства. Наоборот, к этому времени феодальная раздробленность оформилась уже полностью в территориальной системе. Эту реакционнейшую систему княжеского мелкочерождения, препятствовавшую национальной консолидации, господствующий класс рассматривал как единственное орудие укрепления феодального строя и усиления феодального нажима на крестьянство. Эта же система лежала в основе выдвигавшихся господствующим классом в XV в. проектов так называемой имперской реформы.

Таким образом, элементы, возникшие в ходе исторического развития и прежде всего зачаточные элементы буржуазии, заинтересованные в государственной централизации, не могли ждать реализации своих интересов от какой-либо группы класса феодалов и в рамках феодального строя. Крупная знать Германии не только препятствовала установлению единства, но была силой, пытавшейся проводить активную имперскую политику, по существу являвшуюся антинациональной политикой закрепления территориальной системы — того, что Маркс назвал *«паршивым княжеским суверенитетом»*¹. Вместе с тем в классе феодалов Германии не было в XV в. такой группировки, которая стремилась бы к укреплению феодального строя путем государственной централизации на более или менее прогрессивных началах. Среднее дворянство уже не существовало в XV в. в качестве политического фактора². Что же касается низшего дворянства, то его политический идеал Энгельс характеризует как «одну из самых грубых форм общества», по отношению к которой развитая феодальная иерархия «является уже значительно более высокою ступенью» и которая

---

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 97.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 118—119.

вообще была невозможна в Германии с ее значительными и могущественными городами¹.

Из всего этого следует, что сложившаяся в средневековой Германии к XV в. политическая обстановка исключала возможность объединения разрозненных частей народа в рамках феодального строя. Дело шло здесь, прежде всего, об устранении реакционной системы княжеского мелкoderжавия. Отсюда же следует, что для прогрессивного развития Германии, для обеспечения и дальнейшего развития в ней начавшегося экономического подъема, важнейшее политическое значение получили антифеодальные движения народных масс, прежде всего — крестьянства. В данной работе показывается, каким образом антифеодальное движение крестьянских масс в германских условиях направлялось не только против непосредственных эксплуататоров, не только против системы сеньериальных отношений, но и против власти территориальных князей, против реакционной территориальной системы. В данной работе прослеживается также на конкретных фактах, каким образом, благодаря этому обстоятельству, крестьянские движения перед Реформацией привлекали к себе внимание других социальных слоев и приобретали в силу этого широкое значение.

Не подлежит сомнению, что социальные и политические результаты народных движений зависели тогда от последовательной активности и способности нарождавшейся буржуазии. Это было время образования буржуазных наций, когда, как учит И. В. Сталин, «буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздробленность, собирала нацию воедино и цементировала её»². Немецкое же бюргерство, хотя и было заинтересовано в победе над феодализмом и феодальной раздробленностью, не было способно возглавить борьбу народных масс в интересах этой победы. «Городская буржуазия,— писал Энгельс,— не была еще достаточно сильна и развита, чтобы объединить под своим знаменем все прочие бунтовские элементы: плебеев в городе, низшее дворянство и крестьян в деревне. Прежде всех потерпело поражение дворянство; потом последовало крестьянское восстание, представляющее собою высшую точку революционного движения того времени. Города не поддерживали крестьян, и революция была подавлена войсками крупных феодальных владельцев, которые и воспользовались всеми ее выгодными последствиями. С тех пор в течение целых трех столетий Германия не принадлежала к числу наций, самостоятельно вмешивавшихся в историю»³. В статье «Об историческом

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 158.

² И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 675.

материализме» (Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке») Энгельс также подчеркивает, что Великая крестьянская война была подавлена, «главным образом вследствие нерешительности наиболее заинтересованной партии, городской буржуазии...»¹

Несмотря на поражение крестьянской войны XVI в., Энгельс считал очень важным напомнить немецкому народу об ее историческом значении. Свою книгу о «Крестьянской войне» Энгельс начинает словами: «Немецкий народ также имеет свою революционную традицию». В подготовлявшемся втором издании этой книги Энгельс хотел показать важное значение изучения революционных событий XVI в. для понимания исторической судьбы немецкого народа. 31 декабря 1884 г. он писал Зорге: «Мою «Крестьянскую войну» я перерабатываю совершенно заново. Крестьянская война будет представлена как краеугольный камень всей немецкой истории»². Для Энгельса этот вопрос имел не академическое, а практическое, революционное значение. Он считал необходимым указать немецкому рабочему классу на политическое значение крестьянских движений в истории Германии, на историческую связь проблемы государственной консолидации Германии с победой в ней демократического народного движения, на то, что в Германии государственная централизация представлялась возможной не в рамках феодального строя, предшествуя буржуазной революции, как в других странах, а только в результате победоносной антифеодальной революции, в которой бюргерство объективно было заинтересовано, но которой оно противодействовало не только в XVI в., но и в середине XIX в., когда задача установления в стране государственного единства все еще не была решена.

В этом плане чрезвычайно важно не только выяснить причины и политическое значение наступившей после подавления Крестьянской войны реакции, но и установить основы, характер и значение того подъема народного движения в Германии, который предшествовал Реформации и Великой крестьянской войне. События, рассмотрению которых посвящены настоящие очерки, показывают, что в период от гуситских войн до начала Реформации в нараставшем революционном крестьянском движении уже выступило его политическое острие, направленное против реакционной территориальной системы и вместе с тем проявилось его важное значение в борьбе за прогрессивный и демократический путь развития Германии.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 296.

² Там же, т. XXVII, стр. 444.

В первой главе данной работы разоблачаются реакционные концепции буржуазных немецких историков, рассматривающих политическую историю Германии в отрыве от истории народных масс и их борьбы и фальсифицирующих историческую действительность при помощи применяемого ими абстрактно-юридического метода. Предметом второй главы является рассмотрение начала процесса сеньериальной реакции в Германии XV—XVI вв., тех изменений в базисе феодального общества, которые вызвали новые явления в области надстройки, выразившиеся, в частности, в наступлении господствующего класса на остатки крестьянских прав, в его попытках усиления политического нажима на города и агрессивной политики против швейцарцев и славянских народов. Связанные с этой реакционной программой господствующего класса попытки укрепления установившейся в Германии системы княжеского мелкoderжавия подробно разбираются в пятой главе работы. В других главах автор стремился показать нарастание в XV и начале XVI вв. классовой борьбы крестьянства против усилившегося феодального нажима, влияние этой борьбы на другие слои немецкого народа и ее значение в подготовке общенародного подъема эпохи Реформации и Великой крестьянской войны.

ГЛАВА I

ИЗВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ XV—XVI вв. В НЕМЕЦКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В работе «О разложении феодализма и развитии буржуазии» Ф. Энгельс, рассматривая основные моменты политической истории европейских стран в XV в., указал на большое прогрессивное значение определившейся тогда победы централизованного государства и королевской власти над элементами феодального хаоса и раздробленности и на важную роль, которую сыграла в этой победе буржуазия и другие социальные слои, поддерживавшие королевскую власть, когда она выступала «представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации»¹. Вместе с тем Энгельс в той же статье отметил, что только две страны во всей Европе составляли исключение в этом отношении: Италия и Германия². Это не единственное место, где Энгельс, как и Маркс, имея в виду экономическую разобщенность и государственную раздробленность Германии, писал о слабости и ограниченности политической роли немецкой буржуазии. Особенно подробно Энгельс трактовал эту тему в его анализе истории и уроков Крестьянской войны XVI в., где он указал на большое политическое значение, которое получала в условиях Германии антифеодальная борьба крестьянства и образование крестьянско-плебейского лагеря. Мы уже видели, как Маркс и Энгельс, обращая внимание на этот важный факт политической истории Германии, подчеркивали необходимость усвоения его немецким рабочим классом для лучшего понимания им своей особой исторической задачи и национальной роли в борьбе с проводившейся реакционной политикой опруссачивания Германии.

Маркс и Энгельс, таким образом, считали, что правильная трактовка политической истории Германии явится важным оружием в борьбе немецкого рабочего класса за демократический

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.

² См. там же, стр. 450.

пути развития немецкого народа. В. И. Ленин в лекции «О государстве» говорил, что после Великой Октябрьской социалистической революции, «во время начала социалистической революции во всем мире... вопрос о государстве приобрел самое большое значение и стал, можно сказать, самым большим вопросом, фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности»¹. Не подлежит сомнению, что эти слова В. И. Ленина относятся не только к вопросу об определении понятия и природы государства, но и к вопросам истории государства, которой посвящена значительная часть этой лекции В. И. Ленина.

Вопросы истории государства, которые после Великой Октябрьской революции сделались «фокусом всех политических вопросов», имели важнейшее значение в политической борьбе и раньше, особенно в Германии, где задача государственного объединения оставалась нерешенной не только в XVI в., но и после революции 1848—1849 гг. Немецкая юнкерская и буржуазная историография XIX и XX вв. всячески старалась отвлечь внимание от правильных революционных выводов из политической истории Германии и представить особенности исторического развития Германии в извращенном виде. Весьма характерно, что многие немецкие историки считали невозможным игнорировать или отрицать политическое значение народных движений предреформационной и реформационной эпохи. Однако их извращающие трактовки, как будет показано ниже, направлены против революционных выводов из этого.

В немецкой историографии преобладает стремление представить княжеские и императорские проекты конца XV в. как выражение политических «принципов нового времени», характерных для момента перехода «от средневекового к современному государству». То обстоятельство, что имперская реформа конца XV в. оказалась в действительности неэффективной, а установленные ею «институты» — мертворожденными, — большинство немецких историков приписывает особым причинам (например, политике Габсбургов или «ошибкам» руководителей княжеской партии), которые, хотя и должны быть учтены, все же не могут уничтожить «нового» характера империи, выдвинутого реформой конца XV в., реализация которого остается, по мнению этих историков, задачей современного немецкого государства. С этим связано преобладание в немецкой историографии юридической трактовки вопросов политической истории, настоящий политический смысл которой заключается в стремлении сохранить старые средневековые отношения под новыми юридическими оболочками. «А какова историческая

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 447.

основа наших немецких юристов? — писал Энгельс в книге «Роль насилия в истории». — Не что иное, как пассивно тянувшийся на протяжении столетий, большей частью подгоняемый ударами извне и до сих пор еще незавершившийся процесс разложения остатков средневековья; экономически отсталое общество, в котором феодальный юнкер и цеховой мастер бродят, как призраки, в поисках нового тела для нового воплощения...»¹

Юнкерский историк Леопольд фон Ранке впервые в немецкой историографии дал Реформации политическое освещение, рассматривая ее в связи со всей политической историей Германии XV—XVI вв. Но весь шеститомный труд Ранке — «История Германии в эпоху Реформации», — законченный им в 1847 г., проникнут стремлением автора исторически обосновать реакционную программу опруссачения Германии. По мнению Ранке, задача германской государственности в новое время заключается не в создании нового государства, не в объединении разрозненных частей страны и уничтожении мелкoderжавия, а в усилении старой княжеской знатью своих политических позиций путем сочетания принципа «свободного единения» (Einung) самостоятельных имперских чинов, т. е. сохранения княжеского мелкoderжавия, с принципом монархии, с принципом утверждения основой государства реальной силы одного наиболее мощного княжеского рода. Суть проблемы нового государства Ранке откровенно признавал не в том, что новые социальные слои, носители прогрессивного общественного развития, должны сделаться опорой централизованного государства. Наоборот, по его мнению, старые властители германских земель, мощные княжеские роды (alle die mächtige Häuser), достигшие в Германии исключительно сильного влияния, образуя «начала порядка» внутри страны и основы могущества вне ее, могли держать в узде не только народные массы, но и другие «выросшие элементы общества», как города и рыцарство, деятельность которых Ранке характеризует как предпосылки хаоса и политического распада².

Анализируя основные моменты политической истории Германии в XV в., Ранке утверждает, что династическая политика Габсбургов, особенно после 1486 г., когда Максимилиан был избран римским королем, сделалась важнейшим фактором имперской консолидации. К этому времени мощь Габсбургов значительно выросла: после признания их прав на Венгрию и приобретения ими Нидерландов держава Габсбургов вновь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 504.

² L. v. Ranke. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation, Bd. I, Leipzig, 1873, S. 44—45, 136—140. См. также Bd. II, S. 5.

получила европейское значение. Рост влияния Габсбургов внутри Германии проявился, по мнению Ранке, в образовании Швабского союза и характере его деятельности, подчинившей австрийскому контролю весь юго-запад империи. Ранке считает, что Габсбурги руководствовались всегда своими династическими интересами, но подчеркивает, что в тех же интересах Габсбурги нуждались в имперской помощи. Европейская политика Габсбургов и деятельность созданного ими Швабского союза показывают, по мнению Ранке, что во второй половине 80-х годов имперская политика сделалась важнейшим рычагом династической политики Габсбургов, руководимой Максимилианом. Поэтому сами династические интересы Габсбургов требовали, чтобы реальные силы их княжеского дома, так же как и силы Швабского союза, сделались основой консолидации княжеской империи.

Нельзя отказать Ранке в известной доле реализма, когда он объясняет имперскую политику князей в конце XV в. стремлением обеспечить реальной силой их полное господство над новыми элементами общества. Однако Ранке окончательно оставляет всякую почву реальности, когда он всех противников княжеской власти, всю антифеодальную и антикняжескую оппозицию пытается представить как силы «хаоса и распада», а имперскую политику князей — как проникнутую идеей государственного интереса. Указав на то, что из потребности князей в реальной силе, с одной стороны, и потребности Габсбургов в имперской помощи — с другой, создавалась возможность консолидации империи в «свободное единение» территориальных князей, Ранке подробно комментирует роль руководителя княжеской партии имперских реформ — архиепископа и курфюрста Бертольда Майнцского, который, по мнению Ранке, выступил со всей энергией лишь за тем, чтобы придать частным интересам князей и Габсбургов направление «общей национальной цели». Бертольд Майнцкий был, по словам Ранке, «весь проникнут идеей отечества» и вовсе не знал личных соображений¹. Таким образом, политике так называемой княжеской партии реформ, добивавшейся закрепления мелкодержавия и территориальной системы, Ранке приписывает роль поборника «национальной идеи», а движения, которые содержали в себе тенденцию настоящего государственного единства и ликвидации княжеского мелкодержавия, он характеризует как силы «хаоса и распада». Фальсификация истории является, таким образом, исходной точкой юнкерского историка.

Направляющую деятельность Бертольда Майнцкого и его партии Ранке видит в том, что в 1495 г. в Вормсе удалось до-

¹ L. v. R a n k e. Ук. соч., т. I, стр. 82.

биться компромисса между князьями и Максимилианом и принять решение об учреждении имперского суда и имперского налога. Таким образом, военная и внешняя политика Габсбургов могла быть обращена на интересы империи. Однако судьба этого компромисса и всей имперской реформы была поставлена в зависимость от судьбы военной и внешней политики Габсбургов. Неудачный исход для Габсбургов и Швабского союза войны со Швейцарией в 1499 г. поколебал достигнутый в Вормсе компромисс. Однако он был возобновлен и укреплен в 1500 г. на рейхстаге в Аугсбурге на основе перевеса интересов имперских чинов, заставивших Максимилиана идти на большие уступки. На Аугсбургском рейхстаге 1500 г. имперское устройство было предусмотрено в таком духе, что организация суда, имперского совета и окружного управления, также как и постепенная замена имперского пфенига матрикулярной системой, должны были обеспечить имперским чинам беспспорный перевес в имперских делах. Ранке приписывает и эту заслугу Бертольду Майнцскому, сумевшему якобы использовать затруднения Габсбургов в интересах империи, в интересах государственного целого. Международная сила Габсбургов могла быть вновь поставлена на службу империи и сделаться опорой «единения» самостоятельных территориальных князей, а в этих условиях габсбургское влияние служило бы, по мнению Ранке, идее единства империи и единства немецкой нации.

Однако и это более прочное сочетание частных интересов с интересом общеимперским, наметившееся в первые годы XVI в., также зависело, по словам Ранке, от успешной внешней и военной политики Максимилиана. Несчастный же исход венецианской войны окончательно подорвал эту гармонию. Военная неудача привела уже не к пересмотру и изменению условий компромисса, а к срыву его. Виновником этого срыва Ранке считает Максимилиана, который после позорного поражения, нанесенного ему венецианцами, изменил пути своей внешней политики, вступив в Камбрейскую лигу против Венеции вместе с французским королем и папой. Это новое направление внешней политики Габсбургов не могло уже, по словам Ранке, сочетаться с интересами империи прежде всего потому, что немецкие князья видели в союзе двух сильных монархов опасность для своей самостоятельности. Такая внешняя политика могла бы привести не к консолидации сил самостоятельных князей, а к полному устранению княжеского суверенитета.

Мы видим, таким образом, еще раз, что Ранке не представляет себе государственность нового времени иначе, как на основе сохранения мелкодержавия князей. Идея государства, обращающегося в интересах господствующего класса к

прогрессивным элементам общества, государства, стремящегося укрепить позиции господствующего класса подчинением ему условий и сил прогрессивного развития общества и прибегающего на известном этапе к поддержке этих сил, — идея такого государства остается чуждой Ранке; он ей враждебен. Тем более враждебным остается Ранке к самим прогрессивным силам общества и к проявлявшимся в народе тенденциям к иному, антикняжескому и даже антифеодальному, решению государственной проблемы Германии. Ранке мог дать поэтому только извращенное представление о Реформации на ее первом этапе, когда она являлась выражением общенародного подъема, и о проявившихся тогда политических тенденциях.

Весьма характерно, что Ранке видит социальные силы общества и не отрицает за ними политического значения. Исходным пунктом Реформации он считает брожение в оппозиционных и революционных кругах общества. Поскольку намечавшееся решение вопроса имперской реформы путем компромисса князей и Габсбургов было сорвано, и Габсбурги изменили курс своей внешней политики, то проявилось стремление к самостоятельности не только среди князей, но и среди других сословий. Ранке указывает на рыцарский разбой, на стремление городов к образованию собственных союзов — вне Швабского союза — и на оживление в 1513—1517 гг. деятельности «Башмака». Эти явления он рассматривает как опасные симптомы социального распада, появившиеся вследствие отсутствия твердой власти. Однако основное значение Ранке придает в этой ситуации политическому фактору. На фоне общего брожения всех сословий вопрос о прерогативах папства в империи сделался основной политической проблемой в Германии, поскольку все недовольные элементы связывали свои стремления с борьбой против действий и прав католического духовенства. Ранке совершенно не интересуется вопросом о тех разнообразных социальных и политических требованиях, с которыми связаны были антикатолические выступления разных слоев оппозиции. Положительным во всем этом движении он считает лишь то, что его антипапская направленность могла быть использована для возвращения императора к политике его первых лет, к внешней политике, совпадающей с «общими интересами империи», точнее — к внешней политике, связанной с обеспечением княжеской империи реальной силой Габсбургского дома и Швабского союза. Таким объединителем антипапского движения, оторвавшим его от социальных требований участвовавших в нем классов и направлявшим его в интересах княжеской имперской политики, Ранке объявляет Лютера. Так Ранке объясняет политическую сущность и национальное значение Реформации. Партию Фридриха Саксонского, покровителя Лютера, пред-

ставлявшую собою не только политическую оппозицию князей, но и якобы широкое общественное движение в Германии в той его общей форме, которая была ему придана Лютером, Ранке считал проводником новой политической системы «государства, веры и науки» как основы программы имперского устройства.

Подробно разбирая ход реформационного движения, Ранке заявляет, что если бы политическая цель Фридриха Саксонского и Лютера была достигнута, если бы им удалось при помощи контролируемого ими движения склонить молодого императора Карла V к отказу от союза с папой и с Францией и возвращению к политике, желательной немецким князьям, то подъем во всех классах общества не привел бы к социальным потрясениям. В действительности, продолжает Ранке, ход событий оказался иным. Партия Фридриха Саксонского сумела, правда, заставить императора утвердить закон об «имперском управлении» (Reichsregiment), принятый Вормским рейхстагом 1521 г., и таким образом формально возобновить компромисс старой княжеской партии с Максимилианом. Однако положение нового имперского института не могло оставаться прочным, поскольку Габсбурги и Швабский союз срывали все его мероприятия и продолжали свою прежнюю, чуждую имперским интересам, внешнюю политику. Если реформационное движение направлено было стараниями «национальной» княжеской партии на служение «государственному порядку», то срыв усилий этой партии и падение имперского управления окончательно развязало все разрушительные силы общества, что и привело, по мнению Ранке, к социальной революции.

Таким образом, в угоду прусской юнкерской политике Ранке представляет историю общественных движений эпохи Реформации и историю самой Реформации в извращенном виде. Он старается представить единственным демиургом истории некую политическую организацию князей и монархию, направляемую этой организацией. Интересы всех остальных классов, в особенности тех, которые составляли оппозицию к феодальному строю, не могли играть какой-либо иной роли, кроме роли разрушения; оппозиционные феодализму классы не могли, по мнению Ранке, быть носителями какого-либо нового принципа народного развития и политической организации. Политический смысл Реформации заключался не в реализации интересов классов, участвовавших в этом движении, а в обуздании этих классов и превращении их движения в орудие «княжеской партии» для того, чтобы заставить реальные силы Габсбургов служить государственным интересам в том духе, как эта партия их понимала. Ранке рассматривает, таким образом, реформацию с самого начала как реформацию

к н я ж е с к у ю. Все, что находилось вне княжеской программы, могло быть, по его мнению, только разрушительным, не содержало в себе ничего положительного и конструктивного. Ранке не признает никакой эволюции во взглядах Лютера. Он не комментирует и полностью игнорирует связь лютеровского учения с бюргерской ересью. По его мнению, Лютер с самого начала руководствовался теми же целями, что и Фридрих Саксонский.

Политическая тенденция юнкерского историка выступает особенно ярко в его оценке исторического значения имперской реформы 1521—1522 гг., которую он считает венцом политических достижений Реформации. Ее положительный результат он видел в том, что слабости исполнительной власти в данное время противопоставлена была перспектива сильного правительственного устройства в далеком будущем (*die Aussicht auf eine starke und nachdrückliche Regierungsweise... in der Ferne*). Идеальная форма государственного устройства Германии найдена была, по мнению Ранке, уже в эпоху Реформации. Это — форма «единения» высших имперских чинов, опирающегося на мощь сильнейшего княжества, которая должна быть обращена на служение этому государству. В то время задача не могла быть решена вследствие того, что реальные силы империи находились под контролем Габсбургов, преследовавших другие цели. Из этого должен, по мнению Ранке, следовать вывод о том, что найденная тогда форма сможет быть реализована лишь после того, как появится другая реальная княжеская сила в империи, которая вытеснит Австрию. Нет сомнения, что трактовка Ранке, по мысли ее автора, должна была исторически обосновать малогерманскую программу воссоединения Германии сверху силой прусской монархии. К этому сводится и вся гегелевская фразеология Ранке о том, что государство нового времени — это государство, опирающееся на «собственный принцип», т. е. на самую идею государственности. Так, абстрактно-юридическое понятие государства и построенная на его основе туманная формула привлекаются Ранке для того, чтобы действительное государство, являющееся пережитком средневековой реакции, объявить идеальным воплощением государственности нового времени и исторически сложившейся основой для политического преобразования Германии.

К таким же результатам, хотя и иным путем, приходит и Отто фон Гирке, издавший в 1868 г. первый том своего капитального четырехтомного труда «*Das deutsche Genossenschaftsrecht*», в котором он изложил свои взгляды на развитие немецкой государственности в дофеодальное, феодальное и новое время. Гирке — известный немецкий буржуазный историк-юрист, к которому больше всего применимы приведенные выше слова

Энгельса о немецких юристах. Неверное, специфически-юридическое понятие государства, из которого исходит Гирке, и определяемый этим исходным положением его взгляд на исторический процесс развития немецкого государства, служат тем феодальным юнкерам, которые, по словам Энгельса, «бродят, как призраки, в поисках нового тела для нового воплощения». Политический смысл концепции Гирке, как и Ранке, заключается в объявлении прусской монархии воплощением нового принципа государственности. Юридическое определение природы немецкого государства, данное Гирке, затушевывает его действительную роль органа классового насилия и представляет его как проявление принципа общинности (Genossenschaft), в виде некоей абстрактной идеи «свободного единения» (freie Einung), которое, как субъект права, противостоит составляющим его элементам. Гирке не игнорирует классовых противоречий в обществе и не отрицает их влияния на судьбу государства. Однако смысл политической истории Германии он видит в том, что принцип «свободного единения» выступает в качестве «принципа правового порядка» в конкретной действительности, где проявляются классовые и сословные противоречия и где ему противостоит другой принцип общественного устройства, — принцип власти и авторитета (Herrschaft).

Гирке утверждает, что идеальное государство в классовом обществе — это абстрактная публично-правовая идея, возникающая из «свободной воли» всех классов как их общность, как особый «субъект права», стоящий над всеми классами. Однако нетрудно убедиться, что в своей трактовке конкретного хода истории Гирке наделяет «надклассовыми» качествами «субъекта права» те организации и институты, которые в действительности представляли собою не что иное, как самые реакционные органы насилия господствующего класса.

Хронологической датой завершения образования феодального государства в Германии Гирке считает начало X в., а классическим периодом германского феодализма — время от начала X в. до прекращения династии Штауфенов. Однако и в период высшего расцвета феодализма принцип общинности находил себе место на практике в самой феодальной системе — в графских ландтагах, в судебных округах и особенно в городах, в устройстве которых Гирке видит зародыш вновь возрождающейся государственности. Во второй же половине XIII в., уже во время «Interregnum», возникает первый «союз земского мира», который Гирке рассматривает как начало восстановления формы «свободного единения». Развитие этого процесса он относит к XIV—XV вв. Гирке подробно останавливается на анализе всех объединений, возникавших и распадавшихся в раздробленной Германии в XIII—XV вв. и

характеризует их историю как единый процесс, как крупный поворот в сознании, означавший конец идеи верности авторитету. Идеализируя, таким образом, политическую раздробленность Германии, Гирке заявляет, что завершением этого «прогрессивного» движения была Реформация, подготовленная в течение трех предшествовавших веков¹.

Политическое значение Реформации Гирке, как и Ранке, видит в ее связи с «движением» за имперскую реформу, следовательно, — с деятельностью княжеской партии и с принятыми по ее инициативе имперскими законами 1495 и 1500 гг. Задача последних, по мнению Гирке, заключалась в завершении процесса ломки феодального строя и формирования германской государственности, в том, чтобы составить империю, как «общинную совокупность», как «имперскую личность» (*Reichspersönlichkeit*) и субъект права, противостоящий составляющим его элементам. Выражение «прогрессивного» содержания вормских и аугсбургских решений 1495—1500 гг. Гирке видел в том, что эти имперские реформы строились на основе организации и деятельности Швабского союза, отказавшегося от территориального принципа и являвшегося конфедерацией сословий. Характеризуя структуру и деятельность Швабского союза, Гирке пишет, что его принципом было якобы равенство участвовавших в нем сословий — князей, рыцарства и городов, что, следовательно, он олицетворял собою разрыв с феодализмом и утверждение принципа общинности.

Таким образом, все учреждения и организации, возникавшие в раздробленной Германии, княжеские проекты имперских реформ, цель которых заключалась в увековечении этой раздробленности, и Швабский союз, являвшийся в действительности орудием реакционной политики князей для подавления всякого прогрессивного движения в народе и для подчинения крупнейшим князьям всех сил мелких имперских чинов — рыцарства и городов, — все это Гирке выдвигает как разрыв с феодальной государственностью и торжество принципа «общинности» (*Genossenschaft*) в той его «высшей форме», которая характерна для нового времени. Под видом абстрактной «надклассовой» общинности, венца политического прогресса в начале нового времени Гирке преподносит реакционнейшие попытки феодальной верхушки.

Средством для такого извращения действительной истории служил Гирке его юридический метод, связанный с отказом от рассмотрения внутренней сущности отношений и придающий решающее значение их юридической форме. Поскольку Шваб-

---

¹ O. Gierke. Das Deutsche Genossenschaftsrecht, Bd. 1, Berlin 1868, S. 296—297.

ский союз формально объединял князей, рыцарство и города определенного района, то из этого Гирке заключает о равенстве в этом объединении трех сословий и о том, что принцип равенства являлся основой как самого Швабского союза, так и тесно связанной с ним имперской реформы. Однако, даже руководствуясь чисто формальными признаками, Гирке не может признать ни Швабский союз, ни имперскую реформу проявлением самой широкой и «всенародной» общинности, так как, пишет он, крестьянство «не могло» войти тогда в конфедерацию сословий. Вместо того, чтобы показать крестьянство как класс, против которого направлена была вся иерархия и на подавление движения которого обращена была в первую очередь деятельность Швабского союза и всей феодальной верхушки, Гирке и здесь прибегает к формально-юридическому толкованию. Он утверждает, что в крестьянстве принцип общинности был очень узким и ограниченными рамками марки, что, следовательно, крестьянство не было еще сословием и поэтому не могло войти в конфедерацию «равных» сословий. «В целом, — пишет Гирке, — сельская община оставалась общиной-маркой (eine Markgenossenschaft) в старом смысле»¹. Положение крестьянства по отношению к другим сословиям Гирке объясняет недостаточным развитием его «правового сознания» далеким еще от сознания государственного сословия. По этой причине, по мнению Гирке, крестьянство осталось в стороне от «новой» имперской организации. «Империя была вновь основана, — пишет он, имея в виду имперскую реформу 1495—1500 гг., — через большую конфедерацию всех наличных тогда сословий»².

Само угнетенное положение крестьянства, усиление сеньериального нажима в конце XV и начале XVI вв. Гирке считает следствием этого невыгодного правового состояния крестьян. Поскольку крестьянство оставалось вне новых образований и вне нового, более высокого «принципа общинности», то феодальными силами нетрудно было ущемить и его ограниченную внутреннюю марковую автономию. Из развития нового времени, пишет Гирке, крестьянству доставались только вредные последствия (Nachtheile). Против исключенного из публично-правовой жизни крестьянства ополчились все сложившиеся сословия с тем, чтобы лишить его марковой самостоятельности. Таким образом, признавая факт сеньериальной реакции и вызванную ею борьбу, Гирке рассматривает их не как исходный пункт и причину возникновения политических группировок и проектов, а, наоборот, как следствие политической ситуации. Противоречие

¹ O. Gierke. Ук. соч., т. I, стр. 634.

² Там же, стр. 514 — «...durch eine grosse Konfederation aller noch vorhandenen Stände».

между крестьянством и привилегированными сословиями Гирке сводит к противоречию между широким правовым сознанием высших сословий, выросшим до уровня осознания государственных задач, и узким правовым сознанием крестьянства, не выходящим из круга вопросов сельской общины. Однако весьма характерно, что противопоставляя крестьян привилегированным сословиям, Гирке вынужден признать важное политическое значение выступления крестьян и подчеркнуть большое государственное значение крестьянских требований. Он приводит оценку значения «12 статей», данную Маурером, о том, что «в 12 статьях крестьяне показали больше практического ума, так же как и более глубокое и основательное знание нужд земли, чем все доктора права того времени, вместе взятые». Гирке признал, что «конфедерация сословий», в которой не мог принимать участие самый многочисленный класс, лучше всех знающий «нужды земли», не может считаться наилучшим образом отвечающей государственным интересам. Но он не хотел и не мог признать, что этим самым рушится вся его концепция о «надклассовом» значении, так называемой «конфедерации равных сословий», проектируемой на основе Швабского союза, которая предстает перед нами как организация феодальной верхушки, направленной против народа. Мы уже видели, какими формально-юридическими моментами Гирке старается объяснить «невозможность» для крестьянства вступления в ряды полноправных сословий. Однако характеристика крестьянских статей как программы, лучше всего отражающей «нужды земли», должна была перевести Гирке из области формально-юридических абстракций в область реальных классовых отношений. Если бы Гирке мог вступить на такой путь, то он должен был бы сделать и следующий шаг — рассмотреть действительное место городов в Швабском союзе и в проектах имперских реформ. Тогда он убедился бы в том, что его «конфедерация равных сословий» не только классовая организация, но и притом — самая реакционная, что она не обладала и той относительной прогрессивностью, которая была тогда характерна для централизованных феодальных государств, т. е. что она была абсолютно реакционна с точки зрения государственного интереса.

Из этого следует и то, что антифеодальная борьба крестьян, которая в условиях Германии направлена была своим острием против княжеского суверенитета и против княжеских реакционных проектов «преобразования» империи, была в действительности наиболее прогрессивной с точки зрения государственного интереса, так как она выступала против реакционных политических сил. Но Гирке не хотел отступить ни на шаг от формально-юридического метода и признавал прогрессивные

тенденции в крестьянских статьях только в юридическом плане. Насильственная попытка немецких крестьян собственными силами добиться вступления в ряд полноправных сословий могла иметь своим результатом, по мнению Гирке, разделение нации на классы привилегированных и угнетенных и полный упадок государственной идеи, развивавшейся в течение трех веков на основе «свободных единений» и получившей особый импульс от имперской реформы и Швабского союза. После 1525 г., пишет Гирке, политическая судьба Германии определилась в том смысле, что «свобода возможна в ней только через посредство абсолютизма» (*das in Deutschland nur durch das Mittelglied des Absolutismus die Freiheit möglich sei*)¹.

Нет сомнений, что в 60-х годах XIX в. этот вывод Гирке имел определенный политический смысл, — состоявший в объявлении прусской монархии той абсолютистской верховной властью, которая якобы являлась носительницей «свободы», завещанной «старогерманским духом» и имперской реформой XV—XVI вв. Хотя Гирке, как один из столпов общинной теории, не высказывается принципиально за монархию, практически он считает прусскую монархию единственно возможным и исторически сложившимся проводником германской «свободы». Буржуазный историк Гирке практически пришел к той же реакционной концепции, которую проповедывал и его юнкерский коллега — Ранке, оставив весь свой радикализм в области абстракций.

Гирке оказал значительное влияние на буржуазную немецкую историографию XIX—XX в. в трактовке политической предистории и политического смысла Реформации. Многие видные историки, занимавшиеся этой проблемой, так или иначе комментировали концепцию Гирке, спорили с ним или соглашались. Либеральные историки 80—90-х годов XIX в. Эбергардт Готэйн и Карл Лампрехт также усматривали сущность социальных противоречий, приведших к крестьянской войне, в сословной дискриминации крестьянства, в его отстранении от политической жизни. В этом отношении Готэйн и Лампрехт текстуально повторяют положения Гирке. Но Гирке задается целью установить исторические факты, рассматривая их как результат развития правового принципа в исторически-конкретных условиях. Крестьянство не могло выступать как равноправное сословие. Недовольство крестьян этим положением и их борьба не могли изменить этого исторически сложившегося положения. Они могли только подорвать политическую реформу, которая, по мнению Гирке, являлась завершением принципа общинности, и показать, что в германских условиях

---

¹ O. Gierke. Ук. соч., т. I, стр. 636—637.

только монархия может обеспечить «свободу». Либеральные историки критикуют политических деятелей того времени за недооценку простого народа и утверждают, что власти должны были считаться с народными движениями и соответствующим образом их направлять. Вышедшая в 1878 г. книга Эбергардта Готэйна «Политические и религиозные народные движения перед Реформацией» посвящена не самим народным движениям, а той роли, которую они играли или могли играть в политической жизни страны и судьбе народа. Само появление такой книги в год издания Бисмарком исключительного закона против социалистов свидетельствует о большом интересе, пробудившемся в известных кругах буржуазии к вопросу об исторической роли и политическом значении народного недовольства. Автор этой книги, так же как и другие буржуазно-либеральные историки, интересовался этой темой прежде всего с целью указать на то, что каждая политическая власть должна постоянно иметь в виду все проявления народного недовольства и выработать по отношению к ним определенную политическую линию, которая лучше всего отвечает интересам правящих верхов. Народные движения, пишет Готэйн, всегда являются напоминанием государственным людям о силах, которых они не учитывали.

Готэйн критикует вождя княжеской партии Бертольда Майнцского за то, что он игнорировал настроения простого народа при выработке и проведении имперской реформы. Бертольд Майнцкий, пишет он, считался только с мнением «непосредственно-имперских» (Reichsunmittelbare), прежде всего — территориальных князей. Готэйн считает, что Бертольд был прав только формально-юридически, когда он строил свой план реформы империи на основе интересов непосредственных членов империи. Но правильно ли было, спрашивает Готэйн, вызвать активность общественного мнения территориальных подданных? Останавливаясь на характере и источниках политики сопротивления имперской реформе в каждой территории, Готэйн утверждает, что это сопротивление, так же как и движение имперского рыцарства, отражало недовольство в широких кругах «простого народа», не хотевшего брать на себя бремя политики, цели которой представлялись ему неясными. Ход событий, пишет далее Готэйн, показал княжеской партии реформы полную несостоятельность ее представлений о сельском населении как о безвольной, инертной и послушной массе, по отношению к которой все эксперименты допустимы¹. Руководитель княжеской партии считал какою бы то ни было политику заигры-

---

¹ E. Gothein. Politische und religiöse Volksbewegungen vor der Reformation, Breslau, 1878, S. 46—47 ff.

вания с народом чрезвычайно опасной для возводимого им здания империи и для чисто княжеского плана государственного переустройства. По мнению Готэйна, Максимилиан I представлял себе значение народных масс лучше, чем Бертольд Майнцский. Он отдавал себе отчет в необходимости придать династической политике Габсбургов видимость национальной и сделать ее популярной. Максимилиан стремился использовать народную активность и народные чаяния государственного единства в интересах габсбургской политики. В этом разрезе Готэйн рассматривает внешнюю политику Габсбургов, которую Максимилиан пытался представить как дело чести немецкой нации, как ее «историческую миссию» на Западе и Востоке, военную политику Максимилиана и его проекты реорганизации армии на основе сочетания принципа профессионального наемничества с популярным в крестьянстве принципом национальной обороны, тактику Максимилиана в Швабском союзе и т. д. Готэйн, однако, утверждает, что попытка Максимилиана привлечь к своим планам интерес простого народа, все его ухищрения обмануть народные массы и представить габсбургскую политику как политику национальную не могли иметь успеха. Подчинить себе активность народных масс могла лишь та партия правящей верхушки, которая ставила своей целью консолидацию империи. Готэйн считает, что в имперской реформе конца XV в. содержалась возможность установления единства Германии, но что эта возможность была упущена ее главными деятелями, неправильно представлявшими себе роль народной массы и оказавшимися поэтому неспособными к решению национальной задачи.

Готэйн, таким образом, приходит к выводу, что ни Максимилиан, строивший свои расчеты на обмане народа, ни майнцский курфюрст, игнорировавший простой народ, не могли проводить политики использования народного движения в интересах политического единства. В книге Готэйна важнее всего его признание политического значения народного движения в то время. Однако он не указывает, в чем должна была заключаться правильная политика по отношению к народу с тем, чтобы опереться на него в установлении государственного единства. Либерально-буржуазный историк, обративший внимание на роль народных масс, не мог себе представить применение силы народа иначе, как в форме ее использования для чуждых народу целей. Он требует от руководителей господствующей верхушки использования политических тенденций народного движения, отрывая их от социально-экономической основы и определяющих их классовых интересов. Готэйн не видел, что политические тенденции народных движений в условиях Германии были тесно связаны с антифеодальной борьбой, что использовать и

направлять политическую силу народных масс могла бы тогда буржуазия, готовая опереться на антифеодальную борьбу крестьянства, рассматривавшая эту борьбу как необходимую и полезную с точки зрения ее собственных интересов. Готэйн не хотел видеть всего этого, и поэтому его книга не дает ответа на главный вопрос.

Определить ту политическую линию, которая могла бы дать возможность господствующему классу в предреформационную эпоху овладеть народным движением и решить государственную проблему Германии, пытался другой либерально-буржуазный историк — Карл Лампрехт. Но он имел в виду не использование народных движений, а их предотвращение¹. Усматривая, вслед за Готэйном, основу крестьянского недовольства в то время в его сословном унижении, в том, что оно стремилось изменить свое «положение в жизни нации», Лампрехт коренную причину этого «унижения» находит в одностороннем характере экономического развития Германии, — в «гипертрофии» денежно-хозяйственного развития городов при полном натурально-хозяйственном прозябании и «одичании» деревни. Такое своеобразие процесса экономического развития Германии Лампрехт объясняет отсутствием в ней направляющей политики центральной власти, победой территориального принципа, представляющего собою полное отрицание старогерманской «общинности». По мнению Лампрехта, крестьянство выступило на борьбу за восстановление старогерманского принципа общественного устройства с тем, чтобы покончить со своим сословным унижением. Таким образом, Лампрехт, хотя и придает большое значение характеру экономического развития Германии, но вместе с тем он считает, что в основе этого развития лежат моменты правового порядка, и, не желая видеть главного — классовых противоречий феодального общества, — сводит весь социальный конфликт к сословным противоречиям. В соответствии с этим Лампрехт считает, что правильная политическая линия заключалась тогда в стремлении деятелей имперской реформы использовать династическую политику Габсбургов, в первую очередь — их внешнюю политику, в интересах имперской консолидации. Отказ руководящих кругов князей от федералистической политики превратил бы, по мнению Лампрехта, Швабский союз в имперскую силу и дал бы возможность устранить основу крестьянского недовольства — односторонний характер экономического развития Германии, приведший к натурально-хозяйственному «одичанию» крестьянства и оттеснению его с

---

¹ K. L a m p r e c h t. Das Schicksal des deutschen Bauernstandes bis zu den agrarischen Unruhen des 15-ten und 16-ten Jahrh. «Preussische Jahrbücher», Bd. LVI, 1885. См. также его же. Deutsche Geschichte. Bd. V, Freiburg i. Breisgau, 1904.

арены политической жизни. Правильная имперская политика, утверждает Лампрехт, устранила бы вредные социальные последствия, вытекающие из особенностей экономического развития Германии. В качестве примера Лампрехт указывает на политику по отношению к имперскому рыцарству. Поддержка внешней политики Габсбургов и отказ князей от федералистической политики удовлетворили бы имперское рыцарство, что привело бы, по мнению Лампрехта, к ослаблению нажима на крестьян и предотвратило бы превращение последних в социальных парий. Роковым фактом истории Германии перед реформацией Лампрехт считает отказ княжеской партии от контакта с Габсбургами и ее попытку построить империю на основе княжеского федерализма. Поскольку, по Лампрехту, судьбы немецкой нации оказались в руках отдельных князей, то потерпели крах не только планы централизации государственной власти, но и самый план федералистического устройства. Об устранении нездоровых явлений в социально-экономическом развитии Германии не могло быть, следовательно, и речи. Наоборот, отстранение крестьянства от публично-правовой жизни приняло еще более угрожающий характер, благодаря тому, что потерпевшее поражение рыцарство могло обратиться только против низов. Давно ожидавшееся крестьянское восстание было, таким образом, ускороено¹.

Прежде всего обращает на себя внимание то большое значение, которое Лампрехт придавал внешней политике Габсбургов как средству государственной централизации и решения коренных вопросов внутренней политики. Буржуазно-либеральный историк Лампрехт видел политическую задачу, стоявшую перед деятелями предреформационной эпохи, в том, чтобы внешняя политика Габсбургов оказала влияние на характер внутреннего экономического развития и таким образом предотвратила социальную борьбу. Сводя классовые противоречия к моментам правового порядка, начавшийся процесс сенъериальной реакции к «оттеснению крестьян с публично-правовой арены», а борьбу крестьян против усиления феодального гнета — к борьбе за «улучшение своего места в жизни нации», Лампрехт не хотел признать, что в условиях Германии, где отсутствовали предпосылки к установлению государственного единства в рамках феодального строя, задача установления единства зависела тогда от успешной буржуазной революции, т. е. от поддержки буржуазией антифеодальной борьбы крестьянства. Связав проблему государственного единства Германии не с подъемом антифеодальной борьбы, а с ее предотвращением

---

¹ K. L a m p r e c h t. Deutsche Geschichte, Bd. V, S. 348.

путем поддержки князьями внешней политики Габсбургов, Лампрехт извратил историческую действительность.

Реакционные немецкие историки эпохи империализма, видевшие основную политическую задачу нового времени в утверждении господства Германии в новой системе международных отношений, рассматривали внешнюю политику как самоцель и в этом духе трактовали как историю имперской реформы XV—XVI вв., так и историю реформационного движения. К подобным историкам относится и Фриц Гартунг, автор специальных работ по имперской реформе конца XV в. В статье, посвященной деятельности Бертольда Майнцского, Гартунг характеризовал руководителя партии реформы как «воплощение духа средневековья», не отдававшего себе отчета в том, что принципом нового времени является реальная сила¹. Бертольд, по словам Гартунга, понял опасность новой ситуации, вызванной тем, что династия Габсбургов все больше и больше «вырастала из империи», предоставив своей судьбе немецких князей, положение которых перед лицом консолидировавшихся государств Европы стало «невозможным» и могло привести к установлению связей отдельных имперских чинов с иностранными державами. Бертольд энергично выступил с целью предотвратить подчинение Германии иностранному влиянию. Однако в то время, пишет Гартунг, как новая ситуация требовала новых методов, Бертольд, не признававший ничего нового, стремился старыми средневековыми средствами — организацией курфюрстов в усовершенствованном виде — «вернуть Германии ее старое положение в мире». Ошибку майнцкого курфюрста Гартунг усматривал в недооценке им общегосударственного значения внешней политики, в непонимании значения отношений с Венгрией, Фландрией и Францией. Бертольд был сыном средневековья и оставался в плену тех политических представлений, которые формировались в кругу немецкого мелкoderжавия. Попытка княжеской партии и созданного в 1500 г. имперского управления подчинить силу Габсбургов своей организации, покоившейся на старой основе, Гартунг считает неapolитичной и чуждой духу нового времени, выдвинувшему на первый план фактор реальной силы. Максимилиан не мог войти в имперскую организацию в качестве обыкновенного члена империи, утверждает Гартунг.

Критика Бертольда Майнцского понадобилась Гартунгу прежде всего для обоснования тезиса о том, что основой государства нового времени должна быть широкая внешняя политика, политика экспансии на Восток и на Запад, проводимая

---

¹ F. H a r t u n g. Bertold von Henneberg, Kurfürst von Mainz. Historische Zeitschrift, Bd. 103 (1909), S. 531 ff.

прочной организацией реальной силы. Гартунг стремится доказать, что только игнорирование этой политики княжеской партией и ее руководителем являлось роковой причиной неудачи реформы XV—XVI вв. Он энергично отстаивает важное государственное значение этой реформы, подчеркивая, что Бертольд стремился к подлинному государственному единству. Гартунг вступает в резкую полемику с теми, кто считал Бертольда федералистом и противником политической централизации. В реформах Вормского рейхстага 1495 г., пишет он, речь шла об ущемлении центральной власти императора или о сокращении ее функций, а о перенесении центра тяжести централизованной государственной власти с монарха на организацию имперских чинов, главную роль в которой должна была играть коллегия курфюрстов¹. Тем самым, утверждает Гартунг, Бертольд показал свое пренебрежительное отношение к Швабскому союзу и оттолкнул от империи Максимилиана, обратившегося к силам наследственных габсбургских земель и к Швабскому союзу. Все эти рассуждения Гартунга представляют собою явную фальсификацию действительной истории. Бертольд Майнцский прекрасно понимал значение реальной силы, в особенности той, которую представлял собою Швабский союз. Он не только не игнорировал Швабский союз, но, наоборот, стремился с самого начала подчинить эту организацию интересам своей партии и действительно овладел ее руководством. Ко времени Вормского рейхстага 1495 г. Бертольд был в такой же степени фактическим руководителем Швабского союза, как и княжеской партии. Сама реформа 1495 г. рассчитывала на реальную силу Швабского союза и предусматривала его расширение, как об этом откровенно заявил сам Бертольд на собрании членов этой организации в Аугсбурге 1 августа 1496 г². Дело заключалось не в психологической ограниченности главаря княжеской партии, не в его чрезмерной отчужденности «идеям нового времени», а в том, что княжеская верхушка, интересы которой он выражал, стремилась к закреплению господствовавшей в Германии системы мелкoderжавия и к обеспечению ее реальной силой. Гартунг не мог этого признать, потому что такое признание опровергает значение внешней политики как единственной централизующей силы в Германии. Кроме того, тем самым поставлен был бы вопрос о путях установления действительного государственного единства и о тех социальных силах, которые складывались исторически как единственные носители прогрессивной государственности в Германии.

¹ F. H a r t u n g. Die Reichsreform von 1485 bis 1495, ihr Verlauf und ihr Wesen. Historische Vierteljahrschrift, Bd. XVI (1913), S. 205.

² См. главу V настоящей работы.

Другой реакционный историк немецкой империалистической буржуазии Георг фон Белов также видит политический смысл попыток имперской реформы на рубеже XV—XVI вв. в создании государства на основе военного могущества и агрессивной внешней политики. Как и Гартунг, Белов усматривает в создании такого государства политическую задачу нового времени¹. Но Белов отстаивает тесную связь нового времени со средневековьем и старается доказать, что государство нового времени, хотя и имеет перед собою новые задачи, создается теми же силами, которые являлись раньше носителями средневековой государственности. В изображении Белова «новое» государство вырастает из средневекового; оно представляется как венец и апогей средневекового политического развития. Рассуждения Белова о государстве являются наиболее яркой иллюстрацией того, как для идеологов эксплуататорских классов «учение о государстве служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма»². Белов старается скрыть настоящий характер государства, как органа классового насилия, и представить его как некую силу, которая «несет с собой нечто не от человека, а извне ему данное»³. Задача государства, утверждает Белов, всегда заключалась в проведении целей всей совокупности (Gemeinschaftszwecken), несводимых к каким-либо частно-правовым интересам, и феодальное государство не составляло исключения⁴. Сущность феодальной государственности Белов видел не в упразднении публично-правового начала верховной власти, а лишь в отчуждении (Veräusserung) верховного публичного права локальными силами: отдельным лицом или корпорацией⁵. Процесс отчуждения верховных прав локальными силами, утверждает Белов, был завершен к концу XV в. Феодальная система, пишет он дальше, могла бы остаться тогда стабильной, так как весь «источник верховных прав был уже к тому времени исчерпан». Однако сами имперские чины «убедились» в неизбежности консолидации имперских сил и обновлении центральной власти. В этом Белов видит смысл имперской реформы конца XV в. Эта реформа, которую он называет «великой», была, по его мнению, концом феодализма, но она являлась делом самих территориальных князей⁶.

¹ G. v. B e l o w. Die Ursachen der Reformation, München u. Berlin, 1917, Beilage — Die Reformation und der Beginn der Neuzeit, S. 122—123 ff.

² В. И. Л е н и н. Соч., т. 29, стр. 435.

³ Там же.

⁴ G. v. B e l o w. Der deutsche Staat des Mittelalters, Leipzig, 1914. S. 174.

⁵ К этому, собственно говоря, Белов сводит и сущность самого феодального строя.

⁶ G. v. B e l o w. Ук. соч., стр. 240, 281.

Белов, таким образом, старается устранить в своей трактовке перехода от феодализма к новому времени всякое представление о каких бы то ни было революционных силах. Он не только игнорирует значение борьбы народных масс, подрывающей основы феодального строя, но и снимает самый вопрос о роли буржуазии в этом процессе. Этой цели служит прежде всего полное игнорирование Беловым вопроса о феодальном способе производства и сведение им сущности феодализма к особой форме государственности. Идя этим путем, Белов, выступавший идеологом реакционной буржуазии эпохи империализма, отрицал и возможность революционной роли буржуазии в XVI в. и ее политической связи с народными массами, утверждая, что переход к новому времени и к новой государственности совершался самой верхушкой феодалов. В другом месте, в приложении к книге «Причины Реформации», озаглавленном «Реформация и начало нового времени», Белов утверждает, что имперская реформа XV—XVI вв., несмотря на то, что она на деле осталась неосуществленной, не только являлась центральным событием эпохи, наряду с Реформацией, но и «определила путь империи на три века нового времени»¹. Белов хочет видеть в этой реформе выражение политического смысла самой Реформации, имеющего, по его мнению, определяющее значение для немецкой политики в новое время. Сущность этой политики, «завещанной» новому времени, Белов старается определить в той же книге, ссылаясь на Ранке и других представителей прусской историографии и обильно цитируя «Историю прусской политики» Дройзена. Белов не ограничивается указанием на возросшее в новое время значение внешней политики и фактора силы, на то, что «идея великих держав» пришла на смену идее «равновесия под сенью единой христианской церкви». Политическое значение реформы XV—XVI вв. и всего движения реформации Белов усматривает прежде всего в том, что немецкие князья, показавшие свое враждебное отношение к папству и к попыткам построения габсбургско-испанской мировой монархии, «идеи нового времени», сиречь — идею создания великой державы, опирающейся на силу, принимали только как установление чисто германского господства на Западе и на Востоке. Только ради этого немецкие князья «отказались от феодализма» в его беловском понимании и сами взялись за построение «новой государственности».

Книга Белова — «Причины Реформации» — писалась им во время первой мировой войны. Она вышла из печати как орудие оголтелой пропаганды немецкого империализма. Той же цели

---

¹ G. v. Below. Die Ursachen der Reformation (Beilage: Die Reformation), S. 124.

служила и книга Белова «Немецкое государство средневековья», вышедшая из печати перед самой мировой войной, в 1914 г. Белов пишет в этой книге, что феодальные немецкие государи совершили «большую ошибку», прекратив напор на восток и отказавшись от «германизации восточной Европы»¹. Очевидно, Белов считал, что задача немецкого государства нового времени заключается в возобновлении агрессии на Восток.

Таким образом, Георг фон Белов в своей трактовке истории немецкой государственности и интерпретации имперской реформы XV—XVI вв. и политической истории Реформации преследует двоякую цель. Во-первых, представить стремление немецкого империализма к мировому господству как основную политическую задачу нового времени. Во-вторых, внушить немецкой буржуазии, что лучшим проводником ее политики следует признать прусское юнкерство и военщину, продолжавшую традицию старых немецких протестантских князей, «осознавших» уже на заре нового времени политические задачи нового государства.

Концепции Гартунга и Белова сложились в обстановке шовинистической реакции и империалистической экспансии вильгельмовской Германии. Оба историка исходят из реакционного тезиса Ранке о том, что носителями политической мощи Германии были крупные княжеские роды. Однако они расходятся между собою в оценке роли и значения габсбургской внешней политики в эпоху реформации и имперской реформы. Гартунг вносит некоторые поправки в концепцию Ранке, которая представляется ему чересчур узкой, и считает, что размах, методы и направление габсбургской политики были воплощением принципа реальной политики и реальной силы в духе нового времени, что сохранение аристократической традиции германской политики возможно только в сочетании с военной силой, действующей самостоятельно. Белов же больше, чем Гартунг, остается «ортодоксальным» сторонником прусской концепции Ранке, утверждая, что «новые» задачи были осознаны самими территориальными князьями и княжеской партией, действовавшей вопреки испано-габсбургской политике. Только в этом смысле можно говорить о двух направлениях в оценке государственной проблемы Германии перед Реформацией, сложившихся в реакционной империалистической немецкой историографии уже накануне первой мировой войны.

После войны 1914—1918 гг. в немецкой буржуазной историографии наблюдаются те же два направления и та же общая реакционная тенденция в трактовке вопросов политической

---

¹ G. v. Below. Der deutsche Staat des Mittelalters, S. 367 ff. Белов умалчивает здесь о том, что сие от немецких князей и псов-рыцарей не зависело.

истории Германии накануне и в годы Реформации. Изменившаяся обстановка после падения бисмарко-вильгельмовской империи определила несколько иной подход к проблемам политической истории. В 1921 г. вышло из печати исследование Эриха Молитора «Движение за имперскую реформу в XV веке до смерти императора Фридриха III», в котором автор, вслед за Гартунгом, старается подчеркнуть важное государственное значение для Германии военной и внешней политики Габсбургов¹. Молитор, писавший свою книгу непосредственно после Версальского мира, когда немецкую буржуазию занимали вопросы об исторических причинах политической и военной слабости Германии и о чрезвычайных мерах, необходимых для преодоления этой слабости, старался доказать, что немецкое государство требует подчинения всей внутренней политики и всех интересов подданных интересам внешней политики и военщине. Княжескую партию и Бертольда Майнцского Молитор упрекает не в непонимании задач и политических факторов нового времени, а в том, что проводимая ими имперская реформа, имевшая своим исходным пунктом интересы имперских чинов, не могла тогда способствовать успеху внешней политики. Лишенная внутренней опоры, пишет Молитор, внешняя политика Максимилиана сделалась авантюристической, и таким образом судьба Германии была определена на ряд столетий². Политический смысл концепции Молитора заключается в том, чтобы представить отсутствие внутренней опоры внешней политики как причину роковой слабости Германии в системе европейских государств. Из этого должно следовать, что для восстановления военной мощи Германии необходимо не только поставить на первый план активную внешнюю и военную политику, но и подчинить этой политике весь внутренний государственный порядок.

Аргументация Молитора направлена к доказательству этого тезиса, подсказанного стремлением империалистической немецкой буржуазии к военному реваншу. Вместе с тем Молитор, принадлежавший, как видно из его книги, к католической партии, стремится доказать, что австрийская военная политика исторически могла сделаться национальной политикой Германии, что отход Габсбургов от национальной политики, ставший роковым для Германии, совершился в предреформационную эпоху по вине других князей Германии, стремившихся обеспечить только свои частные интересы. Со свойственной

---

¹ E. Molitor. Die Reichsreformbestrebungen des 15 Jahrhunderts bis zum Tode Kaiser Friedrichs III, Breslau, 1921. В предисловии Молитор выражает Гартунгу благодарность за предоставление возможности пользоваться собранными им материалами.

² E. Molitor. Ук. соч., стр. 222.

католической партии демагогией Молитор объясняет партикуляристическую политику княжеской партии тем, что немецкие князья поддались влиянию «грубейшего материализма XV века», т. е. века раннего капитализма. Только старая Австрия была свободна от этого влияния. Нет сомнения, что вся эта аргументация направлена против руководящей роли Пруссии, возвысившейся в эру капитализма. Каковы бы ни были настоящие мотивы Молитора, важно отметить его утверждение, что княжеские проекты реформ преследовали частные интересы крупных князей, стремившихся к подчинению и медиатизации мелких имперских чинов, особенно — к подчинению цветущих городов¹. С некоторыми оговорками о «патриотизме» Бертольда Молитор утверждает, что проведенная последним реформа не содержала в себе консолидирующих государство элементов. В поисках аргументов в пользу своей трактовки политики князей как политики частных интересов, находившихся в противоречии с государственными интересами, Молитор обращается и к народным памфлетам и программам, указывая, что содержащиеся в них объединительные идеи могли быть использованы государственными людьми. Молитор имеет в виду содержащиеся в народных памфлетах идеи ограничения и упразднения суверенитета территориальных князей в интересах центральной власти. Значительное внимание он уделяет анализу так называемой «Реформации императора Сигизмунда».

Однако представитель реакционной немецкой историографии больше всего боялся вывода о том, что решение государственной проблемы Германии и установление в ней подлинного государственного единства было связано исторически с победой демократического движения, что еще в эпоху Реформации всякий прогресс в области установления государственного единства зависел от судьбы и силы антифеодальной борьбы народных масс. Указывая на народные программы, Молитор заявляет, что они могли быть использованы государственными деятелями, но что сами по себе они не содержали государственной идеи. О «Реформации императора Сигизмунда» Молитор пишет, что она выражала пожелания народных низов, но что она не может рассматриваться как плод государственного ума². Никакой путь объединения снизу не может быть признан, по мнению Молитора, действенным. Содержавшиеся в народных программах идеи могли бы оказаться полезными только в том случае, если бы сами князья решили воспользоваться ими и подчинили бы свои интересы интересам централизации военной мощи. Молитор характеризует как «негосударственные» не только революционные методы устранения княжеского суверенитета, но и прово-

¹ Е. Molitor. Ук. соч., стр. 79—80.

² Там же, стр. 71—76

димую в народных памфлетах связь государственного объединения с удовлетворением социальных нужд народа.

Историки прусской ориентации продолжали и после войны 1914—1918 гг. считать Бертольда Майнцского предшественником Бисмарка, указавшим «настоящие» пути установления государственного единства. Пауль Кальков в книге «Великий вормский рейхстаг 1521 г.», вышедшей в том же 1921 г., что и книга Молитора, старается доказать, что деятели имперской реформы XV—XVI вв. Бертольд Майнцкий и Фридрих Саксонский сумели найти основу германской государственности, которая и в будущее время должна обеспечить ей господствующее положение в мире. Стоя перед фактом полного краха бисмарко-вильгельмовской империи, Кальков считал неудобным и недостаточным анализ политической истории Германии в плане выяснения предпосылок роста ее военной мощи. В глазах Калькова значительно больше актуальности приобретали новые надежды германского империализма 20-х годов о возрождении своей мощи путем утверждения «немецкого духа» на всем Западе и противопоставления его революционному Востоку. Итоги политической борьбы эпохи Реформации Кальков видит в том, что в решениях Вормского рейхстага 1521 г. по имперскому устройству, восходящих ко времени Бертольда Майнцкого и Вормского рейхстага 1495 г. и являющихся политическим выражением всей лютеровской Реформации, определилась «победа немецкого духа», которая, по мнению Калькова, заключалась в преодолении и предотвращении революции, в устранении тех противоречий, которые в средние века вызывали тяжелые схватки¹. Там, где победили идеи Лютера, пишет Кальков, призывы Гуттена к насилию не имели успеха, а события крестьянской войны, хотя и имели место, протекали не так остро, как в других местах.

Этот «довод» Калькова основан на полном извращении исторической действительности. Энгельс убедительно показал, что жалкий характер революции немецкого бюргерства XVI в., отказавшегося от поддержки рыцарского восстания и Великой крестьянской войны, привел к срыву тех возможностей государственной консолидации Германии, которые тогда намечались². Реакционный протестантский историк Кальков на развалинах бисмарко-вильгельмовской империи заявляет о том, что отказ немецкого бюргерства XVI в. от поддержки рыцарского восстания и крестьянской войны утвердил победу «немецкого духа» на всем Западе. Перед лицом краха попыток

¹ P. K a l k o f f. Der grosse Wormser Reichstag von 1521, Darmstadt, 1921, S. 102—104.

² См. Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 345. См. Введение к данной работе, стр. 6—9.

немецкого империализма переделить мир Кальков заверяет немецкую империалистическую буржуазию в том, что факт военного краха не должен ее смущать, поскольку весь христианский Запад опирается уже с начала нового времени на «немецкие принципы», среди которых предотвращение революции занимает важное место. В этой «миссии» быть после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России оплотом реакции на Западе Кальков видел исходный пункт рваншистской политики немецкого империализма, который, утвердившись как необходимый элемент в колеснице англо-франко-американского империализма, обретет силы для новой войны за мировое господство.

Вопросы внешней политики Кальков трактует не так, как Молитор. «Испано-габсбургскую», «бургундскую» политику Карла V Кальков трактует как политику «чужеземную», руководимую чуждыми немцам идеями. В чем заключалась внешняя политика, отвечавшая интересам немцев, об этом Кальков прямо не говорит, но его мнение на этот счет не оставляет никаких сомнений. Он подробно останавливается на разногласиях по вопросам внешней политики между «бургундской» партией Карла V и немецкими курфюрстами, в частности — Фридрихом Саксонским, которого он считает проводником истинно-немецкой политики. Партия Фридриха Саксонского была против войны с Францией. Французский король тоже добивался мира с немцами, стремясь в то же время к разрыву с властителем Неаполя. На рейхстаге 1521 г. в Вормсе представитель императора добивался от имперских чинов определенного заявления о солидарности их с императором в борьбе против Франции. С помощью Пейтингера ему удалось склонить майнцкого архиепископа сделать соответствующее заявление. Однако рейхстаг в конце концов заявил, что готов оказать помощь императору против Франции только в случае угрозы имперским землям, но вовсе не для завоевания Милана. Некоторые курфюрсты поддерживали тогда же контакт с французским послом и сообщали ему обо всем, что происходило на заседаниях рейхстага, и готовы были даже оказать дипломатическую поддержку Франциску I. Негодование «бургундских» политиков по поводу такого поведения имперских чинов и, в частности против Фридриха Саксонского, было так велико, что Карл V стал собирать против него силы и стремился направить на него Зиккингена. Курфюрст Фридрих вынужден был удалиться под личной охраной союзного ему пфальцграфа в Гейдельберг¹.

Таким образом, Кальков считал габсбургскую внешнюю политику чуждой немецким интересам только потому, что

---

¹ P. Kalkoff. Ук. соч., стр. 92—96.

Карл V вел враждебную политику по отношению к Франции. По мнению Калькова, исторически сложившиеся немецкие интересы требуют прежде всего проникновения всего христианского Запада «немецким духом». Победа Германии определится тем, что немецкие «принципы», устраняющие революцию, сделаются основой всей «западной цивилизации». Если рассмотреть выше взгляды Молитора и Калькова в известной степени примыкают к концепции Гартунга, то взгляды Калькова в известной степени примыкают к концепции Белова, противопоставлявшего «национальную» политику партии имперской реформы политике испано-габсбургской династии. Вместе с тем нам уже известно, что Белов видел смысл немецкой политики в новое время прежде всего в возобновлении германизации европейского Востока и захватов славянских земель. Анализ взглядов Молитора и Калькова показывает отсутствие между ними какого-либо принципиального расхождения. Молитор стремится подчеркнуть исключительное значение внешней политики и в истории Германии. Поэтому он восхваляет внешнеполитическую и военную активность Максимилиана I и осуждает партию имперской реформы за отказ в поддержке этой политики и в обеспечении Максимилиану внутренней опоры. Кальков же ставит своей задачей «точнее» указать характер и направление той внешней политики, которая, по его мнению, нужна была Германии. Мы видели уже, что он исходил при этом из современной ему ситуации и из настроений тех кругов, которые в то время нащупывали пути восстановления мощи немецкого империализма.

Среди историков 20-х годов нашего века особое место занимает историк-юрист Эрнст Бокк, выступивший в 1927 г. с книгой «Швабский союз и его устройство» и два года спустя со статьей «Монархия, единение и территория в позднее средневековье». Эрнст Бокк исходит из положения о том, что важнейшим моментом политической истории Германии XV—XVI вв., получившим значение для ее будущей государственности, следует считать не абсолютистско-унитарную политику Габсбургов и не территориальную систему, отстаивавшую принцип дробления верховных прав, а образование и деятельность Швабского союза. В Швабском союзе Бокк видит проявление того принципа «единения» и «общности», который, по его мнению, составляет основу подлинной немецкой государственности. В этом Бокк следует полностью за Отто Гирке, несмотря на то, что он критикует Гирке за формализм в понимании самого принципа «единения» и за схематизм его трактовки политической истории Германии на основании этого принципа¹. В отличие от

¹ См. Е. Б о к к. Monarchie, Einung und Territorium in späten Mittelalter. Historische Vierteljahrschrift, Dresden, 1929. Bd. 24 (32), Hft. 4, S. 558—563, 568.

преобладавшей в немецкой историографии традиции считать Швабский союз габсбургским институтом Бокк утверждает, что Швабский союз в борьбе монархии Габсбургов с территориальной властью выступал третьим элементом, стремившимся занять в этой борьбе самостоятельную позицию, хотя практически он соприкасался то с одной, то с другой из борющихся сторон, попадая иногда под влияние одной из них. Бокк утверждает, что Швабский союз, хотя и был формально создан императором, в действительности являлся продуктом соглашения швабского рыцарства с городами и притом соглашения на равноправных основаниях. Бокк детально разбирает пункты устава Швабского союза в момент его организации и подчеркивает, что несмотря на то, что в основу союза был положен устав дворянского «Общества цита св. Иоргена», городам все же удалось лишить его дворянско-сословного характера и поставить себя в равноправное положение. Большую силу Швабского союза Бокк объясняет тем, что масса мелких чинов достигала при нем такой власти, которая до этого выпадала на долю только территориальных князей¹. Бокк подчеркивает при этом, что Швабский союз был проводником влияния рыцарства и городов и что этому влиянию не могло воспрепятствовать то обстоятельство, что союз сделался ареной борьбы между князьями и императором. На основании анализа судебных порядков и учреждений Швабского союза и его военной организации Бокк утверждает, что преобладание в Швабском союзе влияния мелких чинов привело к утверждению в нем принципа равенства его элементов. В результате последовательного проведения принципа «равенства» внутри своих учреждений, Швабский союз приобрел, по мнению Бокка, «имперско-политические тенденции» (*reichspolitische Tendenzen*), получившие яркое выражение в его политике централизации и в той роли, которую союз играл в «укреплении земского мира». Эта роль, пишет Бокк, особенно утвердилась после того, как Германия вступила в период революционных движений, уже с 1522 г. во время восстания франконского рыцарства, когда войска Швабского союза, вопреки примиренческой позиции имперского управления, подавили восстание, разорив при этом множество рыцарских замков во Франконии². Еще большее значение Бокк придает тому, что Великая крестьянская война заставила империю поручить Швабскому союзу, оказавшемуся единственно способным подавить силу народной революции, — образование органов исполнительной власти³.

¹ E. B o c k. *Der Schwäbische Bund und seine Verfassung*, Breslau, 1927, S. 3—6 ff.

² E. B o c k. Ук. соч., стр. 122.

³ Там же, стр. 137.

Приписывая все эти «заслуги» Швабского союза принципу «единения» и «равенства» всех объединяемых элементов, якобы лежавшему в его основе, Бокк утверждает, что, несмотря на распад Швабского союза, его принцип получил в дальнейшем развитие: имперские связи пережили на 150 лет Вестфальский мир, а затем возникло государство Бисмарка, которое Бокк характеризует как «единение» национального государства с прусским территориальным королевством. И если, пишет Бокк, тогда это единство представлялось как личное дело Бисмарка, то впоследствии, после 1918 г., единство национального государства Германии с территориальным королевством Пруссии достигло высшей степени слияния¹.

Как видим, Бокк выступает с попыткой исторического обоснования Веймарской республики, составлявшей, по его концепции, последнее звено в цепи, первое звено в которой представлял Швабский союз. Бокк, как и Гирке, видит в Швабском союзе начало абстрактно-правового принципа, который «пробивал себе дорогу» среди борьбы классовых интересов. Бокк энергично настаивает поэтому на том, что Швабский союз, как орган объединившихся мелких чинов, выступал в борьбе императора и князей «третьим элементом», отстаивавшим свою собственную самостоятельную позицию.

Концепция Эрнста Бокка, как и многих других буржуазных немецких историков, является ярким примером фальсификации истории при помощи формально-юридического метода. Основное и решающее значение в качестве источников для изучения политической истории Бокк придает уставам Швабского союза и строению его различных органов. Другие же источники, показывающие, как Швабский союз сделался уже в первые годы своего существования орудием княжеской партии, руководители которой стремились превратить его в реальную опору сенъериальной реакции в рамках территориальной системы, источники, выясняющие годичное положение городов и мелкого рыцарства в Швабском союзе и отражающие борьбу против союза и стремление к уходу из него мелких чинов — такие источники он или игнорирует или же просто фальсифицирует. Бокк старается все объяснить борьбой правовых принципов вместо того, чтобы обратиться к источникам, освещающим деятельность Швабского союза и его руководителей и увидеть реальную борьбу, которая происходила внутри господствующего класса и которую вели все элементы феодальной верхушки против революционных выступлений крестьян и против политической оппозиции рыцарства и бюргерства. Бокк игнорирует или искажает те источники,

---

¹ Historische Vierteljahrschrift, Bd. 23 (1929), S. 571—572.

которые показывают несомненную связь и контакт деятельности Швабского союза в последние годы XV в. с деятельностью княжеской партии, проводшей свою имперскую реформу в Вормсе в 1495 г. Это в первую очередь относится к планам расширения Швабского союза в связи с вормскими решениями и к швейцарской войне 1499 г., которая велась, главным образом, Швабским союзом, но которая была предусмотрена решениями, принятыми в 1495 г. в Вормсе¹. При внимательном использовании источников по истории Швабского союза «третий элемент» Эрнста Бокка предстает в своем настоящем виде — как попытка феодальной верхушки укрепить территориальную систему, чтобы разрешить на основе последней усложнившиеся задачи всего феодального класса. О каком-либо стремлении к действительно прогрессивному государственному единству в Швабском союзе не было речи.

Отмеченное здесь стремление использовать формально-юридический метод для того, чтобы представить политические учреждения предреформационной и реформационной эпохи как учреждения, ознаменовавшие собою поворот к новому времени, — характерно не только для Бокка, но почти для всей буржуазной немецкой историографии. Преобладающая тенденция в рассмотренных концепциях заключалась в попытках доказать, что для буржуазного преобразования германской государственности в истории представлялся только один путь — путь преобразования сверху. Правда, не все буржуазные историки одинаково представляли себе этот путь, якобы предуказанный традиционным развитием. Ярким представителем тех историков, которые говорили об утвердившейся традиции преобразования сверху руками самой феодальной верхушки, являлся, как мы уже видели, Георг фон Белов, требовавший строгого следования концепции Ранке и утверждавший, что сами территориальные князья осознали перед Реформацией необходимость консолидации. Но и те историки, которые, примыкая к концепции Отто Гирке, видели основное в политическом развитии Германии в некоей абстрактной идее новой «государственности», которая «пробивала себе путь» как идея, враждебная политическому строю феодальной эпохи, тоже связывали конкретное воплощение этой «идеи» с деятельностью реакционных верхов, с такой реакционной и враждебной народу организацией, как Швабский союз. «Обоснованию» этого и служит вся формально-юридическая аргументация этих историков. Политические настроения прогрессивных кругов общества, связанные с демократическими движениями, возможность государственного преобразования, намечавшаяся в связи с анти-

---

¹ См. главу V настоящей работы.

феодалной и антикняжеской борьбой народных масс,— объявляются лишенными всякого исторического и государственного значения. Значение признается только за тем, что является результатом правовых актов, только за тем, что совершается сверху. Гирке, ссылаясь на Маурера, утверждал, что 12 статей крестьян созданы были практическим умом, лучше всех докторов права понимавшим «нужды земли». Поскольку, однако, крестьяне стремились добиться положения равноправного сословия революционным путем, то их действия, по мнению Гирке, не могли иметь государственно-конструктивного значения; они могли только подорвать намечавшееся «единение» выше их стоящих сословий и доказать, что в Германии получить «свободу» возможно только из рук монарха. Мы видели также, что Готтэйн посвятил специальную книгу вопросу о политических возможностях, создававшихся народными движениями предреформационной эпохи. Однако он утверждает лишь, что народная активность должна была быть учтена и использована феодальной верхушкой в своих планах. О революционных возможностях, создававшихся народными движениями для прогрессивных элементов общества, заинтересованных в подлинном государственном единстве, и прежде всего — для бюргерства, об этом — ни у Готтэйна, ни у следовавшего за ним Лампрехта нет и речи. В таком же духе трактует и Эрих Молитор «Реформацию императора Сигизмунда» и другие прогрессивные проекты политического преобразования. То, что связано с революционным путем, заявляет он откровенно, лишено «государственного ума» и представляет собою только «пожелания низов».

Неизменное стремление немецких реакционных историков «доказать» на основе фальсификации исторической действительности возможность только одного пути преобразования Германии сверху направлено было против единственно-научной трактовки исторического прошлого Германии, данной Марксом и Энгельсом, указавшими на революционные традиции немецкого народа и призывавшими к борьбе против опруссачения Германии, к борьбе за демократический и революционный путь установления ее государственного единства.

Обращая основное внимание на проекты и действия феодальных верхов и сводя проблему государственного преобразования к вопросу о правовой трансформации старых учреждений, немецкие буржуазные историки мало комментируют не только источники, показывающие настоящее политическое значение народных движений в Германии перед реформацией, но и те источники, которые проливают свет на подлинный характер Швабского союза и на деятельность княжеской партии имперской реформы. Мало внимания уделяется источникам,

касающимся политической деятельности Швабского союза, его настоящей роли в проектах княжеской партии и в решениях Вормского рейхстага 1495 г., равно как и подлинных мотивов швейцарской войны 1499 г. В работах немецких буржуазных историков, посвященных государственной проблеме Германии перед Реформацией, общие рассуждения на юридические темы преобладают над анализом источников о конкретных фактах политической борьбы.

Фашистские «историки» сбросили маску формально-юридических рассуждений, которой прикрывались их предшественники. Они предпочли принять средневековые институты как они есть и объявить их пределом «идеальной» государственности и для будущего. Задача имперских преобразований XV—XVI вв. заключалась, по их мнению, в том, чтобы на основе средневековой территориальной политики создать сословное государство. По мнению Фрица Эрнста, автора статьи «Имперская и территориальная политика в южной Германии в конце средних веков», к созданию такого рода государства стремился Швабский союз, которому он придает поэтому основное значение в политической истории Германии до и во время Реформации¹. Другой фашистский «историк» Эдуард Цизен наделяет этой «заслуженной» княжескую партию и ее «фюрера» Бертольда Майнцского. Оба они утверждают, что создавшееся тогда сословное государство потерпело крах из-за Габсбургов, которые, будучи заняты войнами на Западе, проявляли недостаточно активности на Востоке. Третий же фашист Бернгард Шмейдлер, наоборот, считает, что именно Габсбурги переместили центр политической мощи Германии с Запада на Восток². В доказательство он ссылается на то, что Чехия и Венгрия подчинены были Габсбургами «действенной силой», в то время как Бургундия присоединена была дипломатическим искусством. Само собою разумеется, что фашистским «историкам» не было дела до источников по истории политической борьбы в Германии XV—XVI вв. Цизену интересуют больше всего родословная Бертольда Майнцского и... состав крови Максимилиана. Залог «верности» политики Бертольда Цизен видит в расовой «чистоте» его рода. О Максимилиане же он пишет, что в жилах этого «чужестранца» текла кровь «многих европейских наций».

За исключением подобного расового бреда и циничной откровенности в признании средневековых учреждений наиболее

¹ F. E r n s t. Reichs- und Landespolitik im Süden Deutschlands am Ende des Mittelalters. Historische Vierteljahrschrift, Bd. XXX, Dresden, 1935.

² B. S c h m e i d l e r. Die Bedeutung des spätern Mittelalters für die deutsche und europäische Geschichte. Historische Vierteljahrschrift, Bd. XXIX, Dresden, 1934.

пригодными для реализации агрессивных целей германской реакции фашистские «историки» не высказали по вопросам политической истории Германии XV—XVI вв. ни одной новой мысли. Они старались лишь собрать воедино все реакционное, что было высказано в изобилии по этому вопросу до них в старой буржуазной историографии.

В. И. Ленин писал, что вопрос о государстве затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос, что «едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономики и публицистики, как вопрос о государстве»¹. Эти слова В. И. Ленина имеют важнейшее значение и для вопросов политической истории. Предыдущий обзор показал, что вся немецкая буржуазная историография от Ранке до фашистских фальсификаторов истории, трактуя вопросы политической истории эпохи перехода к новому времени, отражала в своих концепциях стремление доказать, что в истории Германии имели положительное значение лишь те попытки государственного преобразования, которые шли сверху, и старалась скрыть те общественные силы, которые указывали прогрессивный путь государственного развития.

Задача советских историков, опирающихся на единственно-научную марксистско-ленинскую методологию, заключается в том, чтобы дать подлинную историю немецкого народа и показать те его силы, которые в решающие моменты его истории были представителями революционного и демократического пути развития.

«...историческая наука,— учит И. В. Сталин,— если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»².

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 434—435.

² И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 552.

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГНЕТА В НЕМЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ В XV И НАЧАЛЕ XVI вв.

Характеризуя этапы развития аграрных отношений в Германии, Энгельс пишет, что период некоторого улучшения положения крестьян продолжался недолго. Уже в XIV и особенно в XV в. на почве дальнейшего развития городов и денежных отношений имел место «новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины; возобновляется и все усиливается стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых — в крепостных, а общую землю марки — в господскую землю»¹. Возобновившийся с конца XIV в. нажим на крестьянство Энгельс считает началом процесса так называемого «второго закрепощения», который до Крестьянской войны сдерживался нараставшей крестьянской борьбой, а после нее определился в полной мере².

Основным районом начавшейся с конца XIV в. сенъериальной реакции и вызванной ею в XV в. крестьянской борьбы являлись земли юго-западной Германии. Однако подъем хозяйственной активности немецких феодалов, стимулировавший начало сенъериальной реакции, охватывал более широкие районы и был почти общим явлением для Германии. На Востоке основным фактом хозяйственной жизни был тогда экономический подъем славянских стран и развитие северно-морской торговли между славянским Востоком, Скандинавией и Западом. В обстановке роста городов и расширения внешней торговли, в особенности — значительного расширения вывоза хлеба из восточных стран на Запад, в восточных землях Германии и

¹ Р. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 641.

² Там же. — «На это хищничество помещиков, дворян и попов с конца XV века крестьяне стали отвечать частыми разрозненными восстаниями, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабию, Баварию, Франконию и не распространилась также на Эльзас, Пфальц, Рейнскую область и Тюрингию. Крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы. С этого момента вновь началось всеобщее преобладание крепостничества среди германских крестьян».

в захваченных немцами землях славянских народов и прибалтийских племен в XV в. складывались уже предпосылки утвердившейся здесь позднее системы крупных рыцарских имений (Gutsherrschaft).

Исследователь истории аграрного строя Померании Карл-Иоганн Фукс указывает, что в XV в. право владения померанских крестьян подвергается значительным колебаниям и связи с начинавшимся сгоном крестьян и расширением рыцарских имений¹. В очерке «Эпохи немецкой аграрной истории» Виттих характеризует XIV—XV вв. как время, когда в восточных землях Германии, в связи с начинавшимся вывозом хлеба, стали возникать рыцарские имения². Густав Аубин указывает, что возникновение крупных рыцарских имений в Восточной Пруссии началось до битвы при Танненберге (1410 г.), но что вначале они не нуждались в барщинном труде, так как предложение свободных рабочих рук было еще велико. В течение XV в. в интересах господского хозяйства проводилось, по словам Аубина, ограничение крестьянской независимости. Медленные темпы этого процесса в XV в. Аубин объясняет политической слабостью Тевтонского ордена после указанной битвы³.

Процесс возникновения и роста крупного помещичьего хозяйства в восточных землях связан был наряду с другими внутренними причинами с развитием хлебной торговли и хлебного экспорта из этих земель. Ганзейские города начали уже в XIII в. вывозить хлеб (преимущественно рожь) из восточных земель в скандинавские страны и на запад — во Фландрию, Голландию, Северную Францию, Шотландию и отчасти Англию. К XV в. хлебный экспорт через Любек, Росток и Гданск принял уже весьма значительные размеры. Гданский хронист сообщает, что за лето 1481 г. из Гданска отплыли на запад в Голландию и во Фландрию 1100 больших и малых кораблей, груженных хлебом. О значении гданского вывоза для Фландрии можно судить по тому, что когда осенью того же года последовало запрещение вывозить хлеб из Гданска, то во Фландрии цена на рожь поднялась почти вдвое⁴. То же наблюдается и в отношении

¹ C. J. F u c h s. Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften nach archivalischen Quellen aus Neu-Vorpommern und Rügen, Strassburg, 1888, § 4, S. 39—46.

² W. W i t t i c h. Epochen der deutschen Agrargeschichte (Grundriss der Sozialökonomik. Separatabdruck aus Abteilung VII. Tübingen, 1914), S. 16—17.

³ G. A u b i n. Zur Geschichte des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Ostpreussen, Leipzig, 1910, Kap. IV—V.

⁴ W. N a u d e. Die Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten vom 13. bis zum 18. Jahrhundert (Acta Borussica, Bd. I), Berlin, 1896, S. 220—221.

Любека. Многочисленные мелкие господские хозяйства и монастыри в Гольштинии вывозили свой хлеб за границу не самостоятельно, а отправляли его по реке Траве в Любек. Богатый Любек сделался также центральным транзитным пунктом хлебного вывоза для Мекленбурга и Померании и вступал в связи с этим в конфликт с Росток, Висмаром и Штральзундом. История городов балтийского побережья в конце XV в. пестрит рассказами о таких конфликтах, а также о волнениях внутри городов на почве дороговизны хлеба, вызванной усиленным вывозом.

Уже самый факт совпадения процесса образования крупных рыцарских имений на востоке с развитием хлебной торговли заставляет предположить наличие связи этих явлений, но есть и прямые указания на то, что хлебный экспорт был уже в XV в. одним из главных стимулов возникновения крупного помещичьего хозяйства. Любекская хроника конца XV в. сообщает о том, что «дворянство этих земель вместе с жадными купцами сделали хлеботорговцами по причине большой дороговизны хлеба во Фландрии... Они отправляют рожь на кораблях во Фландрию и тем самым повышают цену на рожь в Любеке по 7 шиллингов и выше на каждый шеффель»¹. Некоторые богатые бюргеры Любека имели значительную земельную собственность в Гольштинии, Ладенбурге и Мекленбурге и доставляли отсюда хлеб для отправки морем на запад.

Вильгельм Нодэ на основании приводимых им материалов утверждает, что основным экспортером хлеба в XIV—XV вв. оставалось побережье Балтийского моря и земли, расположенные к востоку от Эльбы. Необходимо, однако, признать, что состояние торговли и перемены в положении рыцарства в конце XV и начале XVI вв. должны были стимулировать крупное помещичье хозяйство также в Вестфалии, Саксонии и в других районах северо-западной и южной Германии. О попытках образования в начале XVI в. крупных рыцарских имений в Саксонии и Вестфалии пишет Виттих², о таких же попытках в Баварии и соседних районах сообщает Маргарета Бош³. Однако эти попытки, иногда сопровождавшиеся сгоном крестьян, не привели в этих районах к возникновению крупного помещичьего хозяйства. Большую жизнеспособность обнаружила здесь другая форма хозяйства — крестьянского мейерского хозяйства, т. е. хозяйства крестьян, получавших значительные уча-

¹ W. Naudé. Ук. соч., стр. 221—222 сл.

² W. Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland, Leipzig, 1896, S. 379—381.

³ M. Bosch. Die wirtschaftlichen Bedingungen der Befreiung des Bauernstandes im Herzogtum Kleve und in der Grafschaft Mark im Rahmen der Agrargeschichte Westdeutschlands. Stuttgart, 1920, S. 213—215.

стки господской земли за условленную долю урожая. Особенности мейерского права заключались в том, что формально мейер считался временным арендатором, но фактически приобретал на землю прочные права, которые в ряде мест становились наследственными. Вопрос о характере отношений, сложившихся на этой почве между сеньерами и крестьянами, подлежит особому рассмотрению. Для нас в данном случае важно установить, что в северо-западных районах Германии система крупных рыцарских имений не получила развития, несмотря на благоприятные условия хлебной торговли. Маргарета Бош объясняет это тем, что дворянство не занимало в этих районах такого независимого положения по отношению к княжеской власти, как на востоке¹. Очевидно, что ввиду более острой в северо-западных районах борьбы князей и рыцарства при более сильной власти князей крестьянские мейеры смогли использовать внутреннюю борьбу в лагере господствующего класса для упрочения своих прав на землю. Попытки дворян применять здесь сгон крестьян не могли поэтому иметь успеха.

Однако и в восточных районах, где были более благоприятные условия для образования рыцарского хозяйства, процесс складывания системы крупных рыцарских имений за счет сгона крестьян мог проявиться в XV в. лишь в зачаточном виде, лишь в виде тенденции развития. Немецкое крестьянство находилось в восточных районах в сравнительно лучших условиях, так как со времен так называемой «колонизации» кровавый террор и гнет немецких феодалов-захватчиков был направлен здесь против славянского крестьянства. За счет насильственного вытеснения славянского населения немецкие феодалы установили для немецких крестьян-поселенцев в восточных захваченных землях платежи и повинности более умеренные, чем в старых землях Германии. Это положение сохранилось в известной степени и в XV в. В этих условиях переход к массовому сгону крестьян и созданию за их счет крупных рыцарских хозяйств был еще невозможен. Чтобы создававшиеся в восточных районах тенденции к крупному господскому хозяйству реализовались в полной мере, требовалась та политическая ситуация, которая возникла после подавления Великой крестьянской войны, когда возможность крестьянского сопротивления была уже сильно ограничена по всей стране. Энгельс, говоря о положении немецкого крестьянства в восточных землях перед Крестьянской войной, пишет, что лежавшие на них платежи и повинности «были настолько умеренны, что крестьяне находились здесь в лучшем положении, чем где-либо в Германии.

---

¹ Там же, стр. 225—226, 228—230.

Поэтому они и оставались спокойными, когда разразилась крестьянская война. За это отступничество от своего собственного дела они, однако, жестоко поплатились»¹.

Иным было положение, сложившееся в южной и юго-западной Германии. Здесь не существовало указанных исключительных для крестьян условий, характерных для восточных и северо-западных земель. Возобновившийся с конца XIV в. феодалный нажим на крестьян, хотя и замедлялся крестьянским сопротивлением, нарастал в течение XV в. и особенно — в конце XV и начале XVI вв. Однако иными были в этих районах и хозяйственные условия, лежавшие в основе процесса сеньериального наступления, так же как и формы, в которых он здесь проявлялся.

Хлеб для экспорта доставлялся главным образом из земель, расположенных у Балтийского моря и у рек, которые вели к этому морю. Юго-западная Германия не играла в экспорте хлеба никакой роли. В Швабии почти целиком отсутствовала рожь, являвшаяся в то время главным видом хлебного вывоза². Население Швабии питалось хлебом из полбы (Spelt) и лишь отчасти из пшеницы. Франкония и Тюрингия фигурируют в одной тюрингенской хронике в числе тех стран, которые в 1491 г. регулярно ввозили хлеб из Эрфурта³. В юго-западных районах Германии не было, таким образом, достаточных предпосылок для образования крупных помещичьих хозяйств.

Для юго-западной и южной Германии характерна система хозяйства, известная в немецкой литературе под названием «Grundherrschaft», которую можно также назвать более известным у нас термином — сеньерией. В районах, где господствовала эта система, основная часть земли, в особенности — пашни, находилась в пользовании крестьян, пребывавших в состоянии зависимости различной формы и степени по отношению к верховным собственникам земли — сеньерам (Grundherren). В составе земли, находившейся в непосредственном пользовании господ, различают так называемую «чистую сеньерию» (reine Grundherrschaft), в которой приусадебная земля, находящаяся в непосредственном пользовании сеньера, вовсе не имеет хозяйственного значения, и другой вид, когда барское хозяйство хотя и занимает ограниченное место, все же существует и играет известную роль. В первом случае сеньер представляется как простой получатель денежной ренты, не вмешивающийся в хозяйственную деятельность крестьян. При втором из указанных видов сеньер проявляет хозяйственную заинтересованность,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 640.

² W. Naude. Ук. соч., стр. 207 сл., 235 сл.

³ Там же, стр. 231.

которая становится важным фактором в отношениях между ним и крестьянами.

Прежде чем перейти к вопросу о том, какой из указанных двух видов характерен для сенъерии юго-западной Германии, необходимо отвергнуть установившийся в немецкой буржуазной литературе взгляд, согласно которому сама система сенъериального строя исключает возможность сенъериальной реакции в смысле серьезного ухудшения материального положения крестьян. Немецкие буржуазные историки связывают вопрос о сущности сенъериального строя западной Германии с вопросом о причинах различия в аграрном строе между западом и востоком. Вместе с тем вопрос о причинах фальсифицируется этими историками в угоду своим шовинистическим и расовым бредовым «концепциям». К этому сводятся и трактовки тех историков, которые указывают и экономические и материальные причины.

Объясняя различия аграрного строя запада и востока, Эбергардт Готэйн придает большое значение тому, что на востоке создались благоприятные условия для сбыта сельскохозяйственных продуктов¹. Историк сельского хозяйства Теодор Гольц указывает, что только на востоке географические условия содействовали образованию сплошных крупных хозяйств. На западе же, заявляет он, топографические особенности не допускают этого². Однако ни для Готэйна, ни для Гольца эти экономические и материальные моменты не являются главной причиной. Тот и другой считают, что решающее значение следует придавать не предпосылкам крупного хозяйства, а наличию крепостного труда, которое они, обнаруживая полное невежество в области славянского права, выводят из отсутствия якобы на славянском востоке прочных правовых традиций, зафиксированных в записях обычного права. Другие буржуазные историки вовсе игнорируют экономические условия отдельных районов, ограничиваясь только формально-юридическими объяснениями, к тому же фальсифицированными. Так, Георг фон Белов считает, что особенности аграрного развития восточной Германии коренятся только в слабости публично-правовой власти на востоке³.

Материалы Великой и крестьянской войны, касающиеся аграрных отношений и отражающие причины крестьянского недовольства, показывают, что наступление феодалов имело

¹ E. G o t h e i n. Die Lage des Bauernstandes am Ende des Mittelalters. Westdeutsche Zeitschrift, 1886.

² T. v. d. G o l t z. Geschichte der deutschen Landwirtschaft, Bd. I, Stuttgart — Berlin, 1902, S. 147—148.

³ G. v. B e l o w. Probleme der Wirtschaftsgeschichte, Tübingen, 1926, S. 74—75; е г о ж е. Territorium und Stadt, München u. Leipzig, 1900, S. 36.

место и на почве сеньериального строя (Grundherrschaft). Конкретные формы сеньериальной реакции в значительной степени определялись характером аграрного строя, в зависимости от наличия или отсутствия в рассматриваемых районах предпосылок к образованию крупных господских имений. Но самый факт господского нажима и возобновления крепостного состояния крестьян не зависел от этих условий и не устранился только тем, что в том или другом районе мелкое крестьянское хозяйство сделалось основным элементом аграрного строя.

Важнейшим источником, отражающим положение крестьян в районах Крестьянской войны, являются крестьянские «жалобы» (Beschwerden) и другие материалы переговоров между крестьянами и господами, а также некоторые судебные материалы¹. Буржуазные историки не занимаются детальным анализом этих источников и предпочитают ограничиваться ссылками на юридические документы. Среди них господствует мнение о том, что крестьянские «жалобы» не внушают доверия, ввиду того, что крестьяне были якобы заинтересованы в «сгущении красок». Однако один из реакционных прусских историков Арнольд Эльбен вынужден был признать, что жалоба штюлингенских крестьян, состоящая из 62 статей, очевидно, отражает действительные отношения, так как, несмотря на стремление авторов этой жалобы оправдать отпадение крестьян от графов Лупфен и соответствующим образом подобрать факты, они все же не могли привести вымышленные факты, излагая их к тому же до мельчайших подробностей². Правильность изложенных в штюлингенских статьях фактов подтверждается другим документом, исходящим уже не только от крестьян, — шафгаузенским соглашением от 10 сентября 1524 г., заключенным между штюлингенским ландграфом и крестьянами³. 39 статей этого документа большею частью затрагивают те же вопросы, что и статьи штюлингенских крестьян. Аналогичные факты известны и по другим жалобам, многие из которых поданы были непосредственно местным господам, и по их конкретным пунктам велись переговоры. В ряде жалоб, составленных в очень умеренных выражениях, крестьяне выдвигали свои практические предложения по ограничению платежей и т. п.⁴

¹ F. L. Baumann. Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkriegs aus Oberschwaben. Freiburg, 1877; W. Vogt. Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmanns Ulrich Artzt. Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg. Augsburg, 1879, 1880, 1882. (В дальнейшем «Correspondenz»). H. Schreiber. Der deutsche Bauernkrieg. Gleichzeitige Urkunden, Bd. I—III.

² A. Elben. Vorderösterreich und seine Schutzgebiete im Jahre 1524, Stuttgart, 1889.

³ H. Schreiber. Ук. соч., т. I, стр. 41—50.

⁴ Correspondenz, N 884.

Настроение подобных жалобщиков не было революционным; их тон меньше всего напоминает радикальную пропаганду того времени. Если они предлагали определенную норму платежей, то бесспорно, что размер существовавших платежей превышал эту норму.

Ряд жалоб сопровождается ответами господ. Таковы возражения кемптенского аббата¹, ответ меммингенского магистрата на жалобу принадлежавших ему 27 деревень², возражения Ганса фон Ротт на жалобу деревни Буссмансгаузен³, ответ магистрата Бибераха на жалобу трех его деревень⁴ и ответ фогта деревни Штадион⁵. В перечисленных случаях факты, изложенные в главных статьях жалоб, не оспариваются. Наоборот, они подтверждаются тем, что господа в своих ответах изощряются в подыскании для них юридического оправдания. Так, излюбленной аргументацией кемптенского аббата является ссылка на старый обычай и на распространенность порядков, против которых направлены крестьянские жалобы по всему Альгау. Подобные аргументы повторяются и в ответах других господ. Некоторые из них ссылаются на то, что порядки, явившиеся объектом крестьянских жалоб, установлены в результате соглашений⁶. Как видим, самих фактов господа не оспаривают.

Достоверность фактов, изложенных в кемптенских жалобах, подтверждается материалами судебных следствий после Крестьянской войны. Полемика кемптенского аббата со своими подданными в сентябре 1525 г. являлась продолжением борьбы, которая велась раньше. Разница состоит лишь в том, что в сентябре крестьяне занимали оборонительную позицию. Но мы видим, что объекты борьбы — вопросы о праве владения и о крепостном состоянии — остались те же⁷.

Ко всему этому следует добавить, что почти все жалобы относятся по времени к зиме и ранней весне 1525 г. и по своему характеру не являются ни призывом к революционным действиям, ни оправданием уже совершенных насильственных действий. Жалобы составлялись в процессе переговоров и притом теми кругами, которые шли на переговоры. Не в их интересах было осложнять дело придумыванием несуществующих вопросов.

Таким образом, крестьянские жалобы, отражающие действительные отношения, должны быть признаны источником,

---

¹ F. L. Baumann. Ук. соч., N 62.

² Там же, № 108.

³ Correspondenz, N 55.

⁴ Там же, № 866.

⁵ Там же, № 67.

⁶ Там же, N 55, Art. 5.

⁷ F. L. Baumann. Ук. соч., N 400—401.

внушающим не меньше доверия, чем те источники юридического характера, которыми пользуются немецкие буржуазные историки. Наиболее серьезным источником из этой категории являются так называемые «Уставы» (Weistümer), под которыми иногда понимают приговоры и постановления сельских общинных судов. В действительности же уставы, особенно те, которые изданы Я. Гриммом и которыми обычно пользуются немецкие историки, большей частью охватывают юридические источники другого характера, именно источники, либо исходящие от господ, либо составленные по их инициативе и представляющие собою не что иное, как интерпретацию обычного права в господских распоряжениях. Среди опубликованных уставов встречаются и такие документы, которые представляют собою свод издававшихся раньше распоряжений. Само их название — «Dingrodel» — свидетельствует о том, что они исходят от господского двора, называвшегося тогда «Dinghof». Самый большой такой сводный документ, относящийся к монастырю св. Петра и составленный около 1484 г., после крестьянских волнений в этом месте вносит, как это особенно видно из текста § 6, ряд изменений в существовавшую практику в виде формальных уступок крестьянам¹.

Таким образом, хотя Уставы являются ценным источником, отражающим в известной мере существовавшие обычаи в наиболее типических моментах аграрных отношений, необходимо признать, что почти все доступные нам уставы исходят фактически от господ. Уже одного этого факта достаточно, чтобы не прибегать к этим источникам для доказательства прочности и незыблемости прав крестьянской общины. Но и в отношении тех уставов, которые исходят от крестьян, Энгельс справедливо указывает, что судебные решения марки (Markweistümer) записаны «в то время, когда старое неписанное обычное право начинало становиться спорным»². Факт появления этих документов свидетельствует, таким образом, не об усилении прав марки, а, наоборот, об их ослаблении.

Для разрешения отдельных проблем аграрных отношений уставы могут служить ценным источником, но только наряду с другими источниками, отражающими действительные отношения и события. Необходимо также иметь в виду, что наиболее важные для социально-экономической истории записи обычного права в гриммовское издание не вошли³. Главное, однако, состоит в том, что самый метод, которым пользуются некоторые немецкие историки при ссылках на этот источник, не может

¹ J. Grimm. Weistümer, Bd. I, Göttingen, 1840, S. 347.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 636.

³ K. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, Bd. II, Leipzig, 1885, S. 626, Anm. 24.

быть признан правильным. Так, например, Иоганнес Янсен ссылается на дорнгеймский устав для доказательства наличия у крестьян права перехода в другое место после внесения всех полагавшихся платежей¹. Согласно этому уставу, сеньер не мог препятствовать крестьянину в его праве перехода. Наоборот, устав предписывает сеньеру провожать уходящих от него крестьян соответствующим напутствием². Еще чаще цитируются Янсеном и другими буржуазными историками те пункты из многочисленных уставов, где предписывается давать крестьянам во время барщины обильные порции мяса, хлеба и вина. Однако при этом буржуазные историки оставляют в стороне другие, гораздо более существенные пункты, которые касаются изменений в правах сеньеров и крестьян, в правах крестьян на землю и на общинные угодья. Кроме того, для доказательства хороших условий жизни крестьян недостаточно одних ссылок на юридические документы без осведомления по другим источникам о том, насколько данные правила соблюдались, насколько данные юридические документы отражают действительность.

Если отдельные уставы, составленные после крестьянских волнений и поданных жалоб, должны были служить средством для успокоения крестьян, то совершенно очевидно, что нормы, устанавливаемые в таких документах, являлись исправлением существующей практики. В таких случаях необходимо проверить, не продолжалась ли старая практика и после издания устава, т. е. не оставались ли данные в уставе уступки на бумаге. Так, например, относительно вышеупомянутого Dingrodel монастыря св. Петра на Шварцвальде известно, что содержащиеся в нем уступки не соблюдались. Вопрос о судьбе всякого юридического документа очень важен для определения его пригодности в качестве исторического источника. Особенно это представляется важным, когда речь идет об аграрных отношениях в XV в. в Германии, поскольку сеньериальная реакция заключалась тогда не столько в изменении законов, сколько в нарушении на практике существовавших обычаев и юридических норм. Ясно, что при таких обстоятельствах нельзя просто ссылаться на юридические документы, не выяснив их характера и дальнейшей судьбы.

Рассматривая историю аграрных отношений в юго-западной Германии перед Крестьянской войной, можно установить конкретные формы сеньериальной реакции на почве сеньериального строя юго-западных районов Германии³.

¹ J. J a n s s e n s. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, Bd. I, Freiburg, 1878, S. 272.

² J. G r i m m. Ук. соч., т. I, стр. 375.

³ Аграрным отношениям в юго-западной Германии уделяется в данной главе основное внимание не только потому, что в юго-западных зем-

Прежде всего можно установить, что «чистой сеньерии», т. е. сеньерии, в которой земля, находившаяся в непосредственном пользовании сеньера, вовсе не имела хозяйственного значения, в этих районах не существовало. Среди многочисленных крестьянских хозяйств Верхней Швабии и Шварцвальда были и дворы господские, так называемые «Dinghöfe», о которых упоминается в большинстве уставов и в которых в установленные регулярные сроки (обычно два или три раза в год) производился суд. В таком господском дворе постоянно жил мейер, выполнявший от имени сеньера все административные функции. Мейер обязан был оповещать всех тянувших к господскому двору крестьян о предстоящих судебных заседаниях, присутствие на которых под угрозой штрафа было обязательно для всех. В ряде уставов указывается, что во время этих судов крестьяне уплачивают очередные сеньериальные взносы¹. В отсутствии сеньера мейер заседал от его имени в суде. Он же взимал штраф для сеньера и вообще рассматривался в районе данного двора как представитель сеньера.

Господский двор обычно был невелик по размерам и его хозяйство велось мейером для себя в качестве вознаграждения за выполняемые им функции. Однако и в этих случаях хозяйственное значение двора не ограничивалось доходом с его собственных земель. Через господский двор сеньер осуществлял свои «права» в отношении общинных угодий, используя последние для развития животноводства. Инама-Штернегг указывает на факты расширения господского овцеводства в западной Германии в связи с ростом спроса на шерсть². Многие уставы, определяющие права господ в отношении альменды, свидетельствуют о связи новых поползновений господ на общинный лес с расширением господского свиноводства. Так, засбахский устав от 1432 г. устанавливает в общинном лесу определенную границу, дальше которой крестьяне (die marglut) не имеют права выгонять своих свиней ввиду того, что местность за этой чертой отводится для барского свиноводства³. Монастырь св. Петра на Шварцвальде, продавший замок Вейлер вместе с частью Ибенской долины городу Фрейбургу, сохранил за собою некоторые права, среди которых выделяется право монастыря выгонять в известное время года свой мелкий скот на определенные участки Ибенской долины, границы которых фикси-

ях проявились в наиболее полной мере общие тогда в Германии тенденции аграрного развития, но и главным образом потому, что эти районы сделались ареной тех событий, имевших общегерманское значение, о которых идет речь в следующих главах.

¹ J. Grimm. Ук. соч., т. I, стр. 346, § 2; стр. 355, 437 сл.

² K. Th. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, Bd. III, T. I, Leipzig, 1901, S. 360 ff.

³ J. Grimm. Ук. соч., т. IV, стр. 510.

руются в вейлеровском уставе. Там же указываются особые дни и участки для выгона крупного скота господ¹.

Устав деревни Шерцгейм (Северный Шварцвальд) устанавливает порядок надзора и пользования лесом. Надзор принадлежит пяти наблюдателям из господ, живущих в этом районе. Каждый из них следит за определенной частью леса. Верховное наблюдение принадлежит сеньеру из Лихтенау. Параграфы 5—8 этого устава гласят, что только сеньер имеет право свободно пользоваться лесами марки для выгона свиней. Для общин устанавливается ограниченное право пользования и притом — с санкции верховного наблюдателя².

Указания на расширение господского животноводства имеются и среди крестьянских жалоб 1525 г. Три деревни Оксенгаузенского монастыря (Штейнгауз, Рингшнайт и Роттум) указывают, что аббат выгоняет на их участки сотни овец (*hunderte von Schaffen*) и другого мелкого и крупного скота (*rinde und schmalviech*). Так же поступает аббат в отношении «ночных пастбищ» (*auchtweyden*), куда он выгоняет своих быков. О том же заявляет и деревня Таннгейм. Принадлежавшая монастырю Блаубейрен деревня Роттенаккер также жалуется на ущерб, который наносит общине расширение барского стада. «С давних пор, — заявляют крестьяне, — блаубейренский аббат не имел права (*nit me macht gehept*) выгонять на наше пастбище больше 3—4 голов крупного скота; теперь же он выгоняет 20—30 голов и этим создает для всей деревни недостаток лугов»³. Крестьяне просят поэтому восстановить старый обычай (*wie von alter an uns komen ist*). Из той же жалобы видно, что сеньер, стремясь к расширению своего животноводства за счет крестьянского, старался не допустить проникновения в деревню ростовщических элементов, которые кредитовали крестьянское овцеводство и участвовали в его доходах. Управляющий монастыря, говорится в жалобе, «стал применять в отношении нас новый обычай и запретил нам иметь скот, наполовину заложенный кредитору»⁴.

Из текста жалобы мы узнаем также о дальнейших шагах сеньера: «Управляющий приказал, чтобы каждый из нас освободился от «*halbviech*», разделив скот со своим совладельцем» (*es selle yedermann das halbviech von im thon und mit sein gmeuder thaylen*). «Если же у кого-либо не будет денег для выкупа

¹ Там же, т. I, стр. 360, 364.

² Там же, т. IV, стр. 517—518.

³ Correspondenz, N 896.

⁴ Correspondenz, N 896. «Item er iecz mit unss angefangen ain nuygen brauch und uns verboten, das kainer sol kain halbviech han». «Halbviech» означает здесь скот, частично заложенный и потому находящийся в совместном владении с кредитором. См. J. G r i m m. Ук. соч., т. I, стр. 306

своей части, то пусть обратится к нему (т. е. к управляющему. — *М. С.*) за деньгами, после чего аббат делается совладельцем этого скота» (so wel er im geld geben, das er das viech les und wels sein her mit im gemaun haben). Дальше в жалобе говорится, что не всем были даны деньги на выкуп скота, что в таких случаях мероприятие управляющего вело к потере скота вообще. Потеря же части крестьянского скота освобождала луг для монастырского стада и тем самым приводила к расширению барского животноводства за счет крестьянского.

Таким образом, и в тех случаях, когда господские дворы были небольших размеров, когда их непосредственное полеводческое хозяйство передавалось мейерам, эти дворы становились центрами расширения господского животноводства. «Права», которые сеньеры присваивали себе в альменде и которые они осуществляли лично и через своих мейеров, являлись в их руках орудием усиления хозяйственной активности в этом направлении. Однако нередки были случаи, когда господские дворы имели не только административное, но и важное хозяйственное значение. В ряде уставов уделяется значительное внимание хозяйству господских дворов, в ведении которого, как подчеркивается, сеньер заинтересован непосредственно. В уставах деревень Бетмеринген¹ и Меттенберг² даются подробные инструкции о порядке уборки хлеба и доставки его на место, а также предусматривается выполнение крестьянами барщины на господском дворе. В виде «уступки» уборка хлеба в господском хозяйстве должна производиться раньше, чем у крестьян, чтобы выполнение барщины не было им в ущерб. Отношения между мейером и сен-бласенским монастырем, которому принадлежали указанные деревни, здесь также иные. Согласно обоим уставам мейер дает монастырю треть всего урожая, причем мейер обязан аккуратно вести хозяйство господского двора. В противном случае управляющий монастырем сам должен был заботиться о своевременной уборке монастырской трети и о выполнении других работ за счет мейера (mit dem meiers schaden). В юго-западной Германии мейеры, управлявшие господскими дворами, не имели тех благоприятных условий, в которых находились мейеры северо-западных областей. Мейеры юго-западной Германии не имели прочных прав на землю. Сеньер мог согнать мейера в любую минуту, «хотя бы три раза в день»³. Значительный интерес сеньера к

¹ J. Grimm. Ук. соч., т. I, стр. 306—307.

² Там же, стр. 309—310.

³ Там же. — «...das er den hof und die frönd eins tags mag besetzen und entsetzen»; «...eins tages mag si besetzen und entsetzen ze drin malen».

хозяйству господского двора можно обнаружить и в дорнгеймском уставе, исходившем в 1417 г. от монастыря Альперсбах¹.

Другой устав от 1486 г. также свидетельствует о значительных размерах господского двора как хозяйственной единицы. Каждый крестьянин, имевший плуг, обязан был работать у мейера три дня в году, а во время уборки мейер начинал жатву на день раньше. «И никто не имеет права нанимать жнецов, пока мейер не имеет их в достаточном количестве»². Очевидно в данном случае наемные рабочие применялись в господском хозяйстве наряду с барщинным трудом крестьян, а господский двор был, следовательно, значительных размеров.

Еще более характерные данные имеются по владениям монастыря св. Петра на Шварцвальде. Его господские дворы были разбросаны в обширных долинах центральной части Шварцвальда. Ряд уставов определяет отношения между мейером и двумя категориями крестьян. Отношения во владениях этого монастыря изучены, кроме того, Готэйном по материалам монастырского архива, нам недоступного³. В каждой долине находился один господский двор, которым пользовался мейер. О размерах таких дворов Готэйн пишет, что они были значительны, что в Ибенской долине двор мейера был в семь раз больше обычного крестьянского двора. О больших размерах господских дворов можно судить и по уставам, которые определяют для них значительную барщину. Так, эшбахский устав обязывает каждые 4 лена ежегодно давать один плуг и четырех человек в марте и в мае для подъема пара (*zu brochen*). Кроме того, к сенокосу каждый лен должен дать двух косцов. Готэйн сообщает, что в конце XV в., т. е. в то время, когда составлялся эшбахский устав, мейеры были издольщиками и отдавали монастырю половину прироста скота, не меньше трети урожая и, кроме того, известную часть масла и сыра. Таким образом, господский двор представлял собою крупное хозяйство, которое управлялось мейерами для монастыря и в котором барщинный труд крестьян занимал значительное место.

Многочисленные данные уставов и крестьянских жалоб о барщине свидетельствуют о том, что «чистая сеньерия» в указанном выше смысле в юго-западной Германии не существовала. По вопросу о характере барщины в юго-западной Германии в исторической литературе имеют место существенные разногласия. Вильгельм Фогт и Инама-Штернегг утверждают, что барщина была фиксированная (*gemessene*), хотя они же

¹ J. Grimm. Ук. соч., т. I, стр. 375—377.

² Там же, стр. 843 (Appenweiler), § 17.—«Und sol auch nieman dann snitter gewinnen bis der meier genug hat».

³ E. Gothein. Die Hofverfassung auf dem Schwarzwald. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, 1886.

признают, что фиксация не исключала возможности ее роста, что, наоборот, в изучаемое время имело место увеличение объема барщинных работ¹. Теодор Кнапп объясняет возможность увеличения барщины тем, что фиксировалось не количество дней (Zeitfronen), а перечень работ (Stückfronen). Он предпочитает поэтому прямо называть барщину этого времени в Вюртемберге вообще нефиксированной², поскольку с увеличением господского хозяйства расширялся и объем работ. В другом месте Кнапп приводит акт сдачи из деревни Гаунсгейм от 1480 г. земельного участка после смерти держателей другому лицу³. В этом акте круг барщинных работ нового держателя определяется словами: «служить по всем нашим нуждам, как другие наши подданные». Эта формула показывает, что в данной деревне барщина не ограничивалась каким-либо количеством дней, а зависела от потребностей господского хозяйства. Новому держателю вменяются в обязанность и новые работы (und sunder sol er auch...) — выполнение всех работ над льном — и доставка четырех подвод.

В уставах имеются данные как о барщине, фиксированной определенным количеством дней, так и о другой форме барщины, определяемой перечнем работ. В деревне Засбах крестьянин обязан был работать в барском хозяйстве три дня в году вместе с рабочим скотом⁴. То же говорится и в уставе деревни Аппенвейлер (1486 г.)⁵. Имеются случаи, когда барщина определялась не количеством дней, а размером площади, подлежащей обработке⁶. На примере же Шварцвальда можно видеть, что при более крупных размерах господского двора барщина определялась перечнем работ и количественно зависела от потребностей господского хозяйства. В этом отношении особенного внимания заслуживают крестьянские жалобы, в которых практика барщины отражается лучше, чем в уставах. Крестьян, как видно из их жалоб, возмущала неопределенность нормы барщинных работ, возможность ее постоянного увеличения. Крестьяне деревень Эпфинген и Гриссинген жалуются, что «нет ни одного дня, когда бы они могли бы быть уверенными в том, что сегодня они не подвергнутся тяжелой барщине»⁷. Если

¹ W. V o g t. Vorgeschichte des Bauernkriegs, Halle, 1887; K. T. I n a m a - S t e r n e g g. Ук. соч., т. III, ч. I, стр. 411—412.

² T. K n a p p. Neue Beiträge zur Rechts- und Wirtschaftsgeschichte des Württembergischen Bauernstandes, Tübingen, 1919, S. 75.

³ T. K n a p p. Gesammelte Beiträge zur Rechts- und Wirtschaftsgeschichte vornehmlich des deutschen Bauernstandes, Tübingen, 1902, S. 291.—«...zu aller unserer nottdurf dienen, als andere unser hindersässen».

⁴ J. G r i m m. Ук. соч., т. I, стр. 414.

⁵ Там же, стр. 843.—«Wer zu Appenweiler sitzt und einen pflug hat, der soll jährlich fröhnen in den dinghoff 3 tag mit sinem pflug in dem feld».

⁶ Там же, стр. 366.—«...so sol er zwene tagwan tün».

⁷ Correspondenz, N 889.

бы это место могло быть истолковано в том смысле, что самые дни работ произвольно выбирались господской администрацией, но что их количество могло быть установлено, то другие жалобы не оставляют никаких сомнений в том, что размеры барщинных работ не были нормированы и целиком зависели от растущих потребностей господского хозяйства.

Крестьяне деревни Кисслег начинают свою жалобу заявлением, что они отягощены значительным количеством различных тяжелых работ (*in vil und menigerley mörgklichen diensten*) сверх предусмотренных в соответствующих документах (*vber die so in die gueter unhalt briefen und gultbuechern*). Во вводной части жалобы говорится, что по старым документам крестьяне обязаны были косить, жать и пахать. Далее указывалось, какие работы введены вновь сверх обоснованных документами. Крестьян заставляли делать все, что требовалось господину по заготовке и перевозке навоза, сена, соломы, ржи, дров, рыбы и т. п., без всякого вознаграждения. Перечислен также ряд работ по обработке льна¹. Не довольствуясь всем этим, сеньер заставлял даже детей работать у него и жестоко с ними обращался. Если дети уклонялись от работ, бежав из господского дома, то задерживали их родителей, сажали под арест и всячески преследовали. Во всем этом детальном описании речь шла только о круге работ, но нигде нет намека на ограничение работ каким-нибудь количеством дней. Жалоба заключалась в том, что установленный раньше в документах узкий круг обязательных работ теперь фактически расширен и охватил все нужды хозяйства и домашнего обихода сеньера.

В другой верхнешвабской жалобе говорится о «бесчисленном множестве работ»².

Из шварцвальдских жалоб наиболее интересна группа, приходящая к штюлингенским статьям, переданным в апреле 1525 г. палатному суду. Ряд окрестных деревень, присоединившихся к этим статьям, подал свои дополнительные статьи³. Барщине посвящена 24-я из общих штюлингенских статей и ряд дополнительных, отмечающих то, что упущено в общих.

Статья 24-я штюлингенской жалобы дает подробное перечисление обязательных работ. Это прежде всего — все полевые

¹ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., N 104, § 5, стр. 114: «...den hern alles, das sy in grossen vnd klainen bawen zu schaffen gehapt, es sey mist, hew, strow, korn, holtz, visch vnd alles anders on alle belonung zu vil mer zeiten vnd weylen vngessen vnd vntruncken wurcken vnd farn haben miesen, darzu auch hanf und werck liechen, in wasser vnd daruss, hin vnd wider fueren, praiten, vffheben, brechen, schwingen, hechlen vnd spannen, wuschen vnd weschen».

² Correspondenz, N 67.

³ Вся эта группа жалоб опубликована Бауманом в «Актах крестьянской войны из Верхней Швабии» под № 199—202.

работы от подготовки к обработке почвы до доставки обмолоченного зерна и готового льна в замок¹; далее — сенокос и доставка сена в гумно; всевозможные работы, связанные с охотой, а затем доставка дичи в окрестные или эльзасские города или куда граф укажет²; доставка вина из Гегау и Эльзаса. Затем указываются значительные маршруты перевозок ржи и овса³. В самую страдную пору, жалуются штюлингенские крестьяне, их отрывают на разные глупости, какие только придут в голову графине: выкапывать корни, собирать сморчки, сбивать можжевеловый, ломать барбарис и т. д.

Перечень обязательных работ этим не исчерпывается. Крестьяне обязаны были доставлять в замок не только дрова для отопления, но и строительные материалы и т. д. Из этой жалобы видно, что пределом барщины служили лишь потребности замка и господского хозяйства. Это вполне подтверждается и дополнительными жалобами отдельных деревень. Деревня Гешвейлер указывает на ухудшение положения крестьян в связи с переходом ее из рук Плюмегга в руки Георга фон Рекенбаха. Раньше барщина ограничивалась обработкой одного юхарта с четвертью каждым держателем. Теперь же сеньер заставляет их поднимать пар, перепахивать его (fälgén), готовить к посеву и т. д. При этом крестьяне обязаны применять весь свой инвентарь. Смысл жалобы состоял в том, что вместо существовавшей раньше нормы теперь приходилось выполнять все, что требуется в хозяйстве. То же следует и из дополнительных жалоб отдельных деревень штюлингенского района. Так, деревня Гаузен прямо указывает в своих «статьях» на то, что они обязаны были работать, исполняя все приказания господ⁴.

В приведенных жалобах интересны не только эти свидетельства о переходе к ненормированной барщине, но и указания на связь расширения барщинных работ с развитием местных рынков. Об этом говорят повторяющиеся жалобы на значительные перевозки продуктов господского хозяйства с полей на склады замка и оттуда на рынки в разные города данной и соседних земель.

¹ F. L. Baumann. Ук. соч., № 199, § 24, стр. 197. — «...wir müssen einen tag habern, zum andern hanf binden, bewerfen, widder eren vnd seggen, item brachen, falgén, geet eren, seggen und egen, schneiden vnd in die scheurn furen, vnd so es gedroschen wurt, auss der scheurn in das schloss furen».

² Там же. — «...aus dem schloss geen Than furen, gein Engen oder andere ort, dahin es zu furen vnsern gnedigen herren gefellig».

³ Там же. — «...wir müssen korn furen von Schlaytten geyn Schaffhusen vnd auss dem schloss Schaffhusen vnd von Engen gein Stulingen habern, dessgleichen korn vnd habern von Bondorf gein Stulingen vnd Schaffhausen furen».

⁴ F. L. Baumann. Ук. соч., N 201, S. 222. — «...so müssen wir stein vnd holtz furen vnd alles das thun, wass sy vns heissen».

«куда только граф укажет». Деревня Гаузен в упомянутой уже дополнительной жалобе заявляла, что, выполнив все виды барщинных работ, крестьянин обязан доставлять продукты на рынок в Шафгаузен, Цель или «куда укажет» сеньер (wohin er das bescheiden wurd). На связь увеличения барщинных работ, определяемых возросшими потребностями сеньера в рабочей силе, с развитием местных рынков указывает и жалоба крестьян деревни Бусмангаузен. «Юнкер» заставляет их работать в поле и выполнять ряд его поручений — «все, что ему нужно... в городах и на рынках, каково бы ни было расстояние до семи миль»¹. Крестьяне жалуются на то, что их заставляют выполнять все работы, связанные с культурой льна, сколько бы его ни засеял сеньер, — вплоть до упаковки². Увеличение объема этой работы и ее усложнение они считали новшеством. Весьма характерным является и ответ сеньера — рыцаря Ганса фон Ротта, который, не отрицая самого факта расширения посева льна, оправдывается тем, что так поступал уже его отец, что такой «порядок» существует уже 40—50 лет. Как бы рыцарь ни был заинтересован в том, чтобы представить эти виды работ над льном старым обычаем, он не мог отодвинуть начало их введения назад дальше, чем на 40—50 лет, подтвердив указания крестьян на новый характер повинностей, введенных, как можно заключить из слов фон Ротта, в конце XV в.

О больших работах по обработке льна и пеньки, к которым крестьяне привлекаются «всей семьей», говорится также в статьях кислегских крестьян. И здесь расширение посевов льна рассматривается как новшество³. В упоминавшемся уже выше документе 1480 г. о передаче крестьянского участка в деревне Гаунсгейме перечисляются виды работ, которые крестьянин обязан выполнять в поле своего господина, и среди них — разнообразные работы по культуре льна, не упоминающиеся в документах, составленных раньше⁴. В данном случае сеньер воспользовался переходом участка из одних рук в другие, чтобы внести в круг обязательных работ новые виды, связанные с расширением культуры льна.

Таким образом, в крестьянских жалобах увеличение обязательных работ крестьян в господском хозяйстве связывалось с возросшим интересом сеньеров к рынку, с их стремлением к производству в своем хозяйстве товарных культур, среди которых культура льна занимала видное место. В XV в. в

---

¹ Correspondenz, N 55, § 3.

² Correspondenz, N 55. «...alles fararbaiten, beraitten byss in sack».

³ См. прим. 2.

⁴ T. K n a p p. Gesammelte Beiträge..., S. 291—292, Anm. 5.

Германии положено было начало распространению товарных и промышленных культур. В конце же XV и в начале XVI в. эти культуры сделались уже распространенными¹.

Приведенные материалы достаточно убедительно доказывают, что в отношении юго-западной Германии не приходится говорить о «чистой сенъерии». Однако они не колеблют того факта, что в этом районе Германии центр тяжести аграрных отношений лежал не в условиях ведения барского хозяйства, а в условиях крестьянских держаний и крестьянского хозяйства, которое здесь преобладало. В хозяйственном подъеме XV—XVI вв. основной интерес феодалов юго-западной Германии направлен был не на сгон крестьян, не на образование крупных имений, а на усиление феодального нажима на крестьянские хозяйства. Этими целями определялись здесь конкретные формы сенъериальной реакции. Усиливая все виды принуждения по отношению к самостоятельным крестьянским хозяйствам, феодалы юго-западной Германии стремились прежде всего укрепить основу своей экономической власти над крестьянами.

Касаясь вопроса о внеэкономическом принуждении при феодализме, И. В. Сталин пишет: «Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»².

То обстоятельство, что основой феодализма являлась феодальная собственность на землю, а значение внеэкономического принуждения заключалось в укреплении экономической власти феодалов, вполне объясняет, почему в условиях преобладания мелкокрестьянского хозяйства исходным пунктом сенъериальной реакции стало стремление феодалов укрепить свою собственность на крестьянские участки.

Буржуазные историки, не желающие признать наличие предпосылок антифеодальной революции в Германии в XVI в., стараются изобразить этап развития аграрных отношений, предшествовавший Крестьянской войне, как время ослабления феодальной собственности на землю и усиления земельной собственности крестьян. Так, Иоганнес Кюн в работе «Крестьянское хозяйство старой сенъерии» утверждает, что XIV—XV вв. были временем упрочения крестьянского «права владения» на землю. В доказательство он ссылается на то, что в уставах этого времени крестьянские земли назывались уже не «hereditas» и не «emphiteosis», как раньше, а «Eigengut» или «eigen». Кюн счи-

¹ С. Е. L a n g e t h a l. Geschichte der deutschen Landwirtschaft, 3 Buch, 7 Zeitraum, § 4, Jena, 1854.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

тает, что проникновение капиталистических элементов городов в земельные отношения, покупка у старых сеньеров права взимания ценза с крестьян, имели своим последствием утверждение в деревне собственности в ее буржуазном понимании. Прежде всего сами сеньеры-посредники (*Zwischengundherren*) рассматривали себя как полных собственников, в отличие от крестьян, пользовавшихся лишь тем или иным правом держания. По мнению Кюна, эти новые представления вели и к упрочению крестьянских прав на землю. С другой стороны, появление сеньеров-посредников укрепило в обществе признание того факта, что сеньер — только получатель ценза, а не собственник земли. В такой обстановке крестьянам, по мнению Кюна, нетрудно было распространять и на себя права таких сеньеров-посредников и рассматривать себя как собственников своих наследственных участков¹.

Буржуазный историк Кюн выводит аграрные отношения из юридических терминов, вместо того, чтобы на основании изучения действительно существовавших аграрных отношений уяснить себе значение юридических терминов. Изучение уставов Шварцвальда и смежных районов убеждает нас в том, что термин «*eigen*» применяется к крестьянскому хозяйству не всегда, а там, где он применяется, он сопровождается оговорками, показывающими ограниченный характер даже наиболее прочной формы держания крестьян. Один шварцвальдский устав от 1433 г., наоборот, подчеркивает, что сеньер имеет «*eygen*», а крестьяне — «*lehen*»². Из других уставов видно, что термин «*eigen*» относится только к определенной части крестьянской земли³. Уставы XV в. в отношении крестьянских хозяйств применяют термин «*Eigengut*» наряду с другими терминами, означающими худшие для крестьян формы держания.

Сами крестьяне не придавали термину «*Eigengut*» значения крестьянской собственности. Иногда термин «*eigen*» применялся в отношении общинной собственности⁴. Иногда же крестьяне применяли этот термин для обозначения наследственного земельного участка, составляющего определенный вид держания и упоминаемого среди других единиц лена. Статья 10-я жалобы деревни Кислегг требует, чтобы крестьянам не ставили никаких препятствий в отношении «*aigner gueter*» после того,

¹ J. K ü h n. Das Bauergut der alten Grundherrschaft, Leipzig, 1912, S. 62 ff.

² J. G r i m m. Ук. соч., т. I, стр. 406. — «...in der herren von Hirsow aygen und in der armen lut lehen».

³ Там же, стр. 328, 408—412.

⁴ Correspondenz, № 891; F. L. B a u m a n n. Ук. соч., N 199, стр. 54. — «...wiewol ein gemeint sollicher dorfer eygen gehultz hat vnd pillichen des holtz vnbeschwert verkaufen solten».

как они выполнили все свои обязанности как держатели¹. Требование крестьян сводится здесь к сохранению этого более прочного вида держания.

Несомненно, возникновение первых элементов капиталистических отношений должно было стимулировать среди крестьян, — особенно среди зажиточных элементов крестьянства — стремление рассматривать свои наследственные участки как собственные. Нельзя, однако, на основании встречающегося в источниках термина «Eigengut» заключать, что в XV в. юридический статус крестьянских хозяйств определялся именно в духе крестьянских стремлений. Этим стремлениям части крестьян противодействовали стремления господ к еще большему укреплению своей феодальной собственности и вместе с тем к использованию ее для усиления феодального нажима. Основным фактом аграрных отношений в XV в. следует признать не упрочение наследственного лена в сторону его превращения в крестьянскую собственность, а усилившуюся тенденцию к ухудшению крестьянского права наследственного держания и к сокращению его сроков.

Борьба крестьян против ухудшения условий держания отражается в ряде документов. Прежде всего характерна борьба вокруг платы за допуск (Erschatz), т. е. вокруг побора, взимавшегося при вступлении в право наследования. Размеры этого побора равнялись, как это видно из некоторых уставов, размерам, ежегодного ценза². Но в большинстве случаев борьба крестьян против платы за допуск ведется не столько против самой этой повинности, сколько против попыток использовать ее для ухудшения условий крестьянского держания. Кемптенские и кислеггские крестьяне в своих статьях протестуют не против платы за допуск, а против расширенного толкования той зависимости крестьянского хозяйства от господ, которая доказывается и закрепляется этим побором. Крестьяне требуют, чтобы после уплаты за допуск за ними сохранялось право продавать продукты, закладывать хозяйство и вообще свободно им распоряжаться. Выдвигая это требование, крестьяне стремились к сохранению прежнего характера и значения платы за допуск и протестовали против нового порядка³. Крестьяне оксенгаузенского монастыря требуют отмены платы за допуск, но аргументируют свое требование тем, что аббат увеличил размеры допуска вдвое⁴. При взаимной обусловленности раз-

¹ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., № 104. — «...nach dem vnd sy lehenpflicht vnd alles, das sy von lechens wegen zu thon schuldig, gethon vnd empfangen, inen sollich aigen gut zu gebruchen...».

² J. G r i m m. Ук. соч., т. I, стр. 347, 843 (Appenweiler) u. a.

³ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., № 62, 104.

⁴ Correspondenz, № 891, Art. 3.

меров платы за допуск и ценза это увеличение допуска должно было вести к росту ценза. Как видим, крестьян возмущает в первую очередь использование платы за допуск для изменения прав крестьян на наследственное держание.

Согласно сводному уставу, составленному для владений монастыря св. Петра на Шварцвальде, для всех категорий крестьян вводится срок в 14 дней, в течение которого наследники могли внести плату за допуск и принять хозяйство. Если же наследники не сделали этого в указанный срок, то аббат мог сдавать хозяйства, кому хотел, а наследники теряли свои права¹. Таким образом, новые условия внесения платы за допуск рассчитаны были на то, чтобы устранить наследников и упразднить их права.

В уставе деревни Узинген, принадлежавшей тому же монастырю, говорится, что при приеме хозяйства наследником треть его отходит монастырю. Кроме того, устанавливается срок для приема хозяйства в шесть недель и два дня, при упущении которого весь «наследственный лен» переходит к монастырю². Все эти новые правила допуска к наследству направлены на ликвидацию наследственного характера держаний. В том же уставе перечисляется пять групп хозяйств, которые пребывают только «в одних руках» без права передачи в наследство³. О подобных мерах, направленных к затруднению доступа к наследству, мы узнаем из документов и других деревень.

Аппенвейлерский устав 1486 г. устанавливает срок для «приема» хозяйства наследником в 30 дней. после чего хозяйство присоединяется к господскому двору⁴. Оппенгауский устав дает право мейеру в случае задержки акта «приема» передать хозяйство другим⁵. Подчеркивание необходимости для наследников специального акта «приема» хозяйств характерно для многих уставов XV в. Ниже мы увидим, что во время Крестьянской войны крестьяне жаловались не только на необходимость «приема», но главным образом на то, что при этом ухудшались условия наследования. Если сопоставить факты этого рода в уставах и в жалобах, то можно будет убедиться, что все сроки и обязательства, устанавливаемые для наследников, являются мероприятиями, направленными к фактическому упразднению наследственного характера держаний, к тому, чтобы после смерти держателя изменить условия держания в пользу сеньеров. Даже там, где наследники допускались на иных, ухуд-

¹ J. Grimm. Ук. соч., т. I, стр. 347.

² Там же, стр. 407—408.— «...so ist dasselb erblehen einem probst vergalen lidilich on all widerred».

³ В отношении каждой из этих групп повторяется формула: «Stond all zu einer hand und bedarf nieman keinen erbschaft daran jehen».

⁴ J. Grimm.. Ук. соч., т. I, стр. 843.

Там же, т. IV, стр. 513.

шенных, условиях, нельзя утверждать о сохранении наследственного характера лена. Фактически это было новой сдачей на новых условиях.

Если в уставах отражается тенденция сеньеров упразднить наследственный характер лена, то практика в этом отношении шла дальше юридических норм и судебных решений. Деятель леенского «Башмака» Килиан Мейер показал на допросе, что недовольство крестьян было вызвано, наряду с другими причинами, насильственным нарушением их хозяйственных прав со стороны сеньеров. Сеньеры, по словам Килиана Мейера, не считаясь с судебными решениями, лишали крестьян хозяйств и сдавали эти хозяйства другим за деньги¹.

Таким образом, в вопросе о положении крестьянства нельзя полагаться на одни только юридические источники. Факты, сообщенные в показаниях Килиана Мейера, не единичны. Ряд других материалов подтверждает, что право наследственного держания, закрепленное за крестьянами, в документах и судебных решениях, на практике нарушалось. Во владениях монастыря св. Петра в 1519 г. произошел крупный конфликт между аббатом Иодокусом и крестьянами, вызванный тем, что аббат нарушал даже те урезанные права крестьян, которые были подтверждены в сводном уставе после крестьянских волнений в 1484 г.²

То же можно проследить и на развитии других конфликтов в XV и XVI вв., о которых также известно, что судебные инстанции решали их в пользу крестьян. Борьба крестьян Ротского монастыря в районе Лейткирха в 1456 г. была вызвана стремлением аббата превратить наследственный лен в пожизненный³. Борьба закончилась тогда подтверждением наследственного характера крестьянских держаний. Однако к началу Крестьянской войны наследственные права в отношении крестьянских держаний здесь уже не существовали. Общая жалоба всех крестьян этого монастыря от 14 февраля 1525 г. требует восстановить для них наследственное право на лен⁴.

Известен еще один конфликт по поводу наследственного права держания в деревнях Оксенгаузенского монастыря. Время возникновения этого конфликта — первые годы XVI в. Альберт Розенкранц ставит его в связь с подготовкой и развертыванием деятельности унтергромахского «Башмака». Швабский союз, подавивший волнения оксенгаузенских крестьян, начал с роли «посредника»: ему были поданы крестьянские жалобы из 38 пунк-

¹ A. Rosenkranz. Der Bundschuh, Bd. II. (Quellen), Heidelberg, 1927, S. 193. — «...si davon getrungen und die wurtschaft andern personen umb ein gelt verlichen».

² Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, Bd. I, 1886, S. 300.

³ T. Knapp. Neue Beiträge..., S. 117—119.

⁴ Correspondenz, N 34, § 2. — «...so sollen alle gotzhuss guter widerumb zu erbgütern gemacht werden und gestöltt werden».

тов от имени 555 недовольных. Главным требованием крестьян было сохранение наследственного характера их держаний¹.

Несмотря на то, что движение крестьян было тогда подавлено, их требование было формально удовлетворено. Это свидетельствует о широком размахе движения в пользу сохранения наследственности крестьянского держания.

Однако деятельность аббатов Оксенгаузенского монастыря, насколько можно видеть из материалов Крестьянской войны, направлена была к нарушению и подрыву наследственного права держания на крестьянские участки. В своей общей жалобе крестьяне этого монастыря указывают на увеличение вдвое платы за допуск к наследству, а такое увеличение несомненно означало ущемление прав наследника. В отношении же ряда своих владений аббат Оксенгаузенского монастыря проводил уже к началу Крестьянской войны политику полного упразднения наследственного держания. В жалобе деревень Эпфинген и Гриссинген говорилось, что отдельные крестьяне являются держателями земли у аббата Оксенгаузенского монастыря с давних пор (*seit menschen gedächtniss*) на правах наследственного держания. Никогда, говорится в жалобе,— хозяйство не переходило к аббату после смерти держателя. Теперь же аббат настаивает на этом².

Как видим, практика ухудшения крестьянского «права владения» шла дальше существовавших тогда юридических положений. Если полное игнорирование правовых норм не всегда удавалось, то практиковалось их косвенное нарушение путем затруднения допуска к наследству. С другой стороны, сеньеры прибегали к более широкому толкованию своих прав, пытаясь взять в свои руки решение вопроса о степени полезности данного наследника. Такие взгляды высказывает Ганс фон Ротт, сеньер деревни Бусмансгаузен, в своих возражениях против жалобы крестьян. Статьи 4-я и 5-я этой жалобы касаются наследственных и пожизненных крестьянских участков. Здесь указывается на то, что сеньер повышает размер идущей в его пользу платы при перемене держателя (*Handlohn*) и к тому же пользуется отсутствием прямых наследников, чтобы присваивать все права на такие хозяйства. При жизни крестьянина его участок подвергается сокращениям и дроблениям при одновременном росте платежей. В случае же смерти крестьянина, его детей сгоняют сразу, не дав им даже убрать урожай, посеянный их отцом.

В ответ Ганс фон Ротт подчеркивает в категорической форме, что ни он сам, ни его отец не сдавали никому ни одного двора иначе как пожизненно (*kainem kain hof nie lenger dann allein*

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., т. I, стр. 152, 162.

² Correspondenz, N 889.

sein lebenslang geluhen haben), что, следовательно, он имеет право поступать после смерти крестьянина с участком, как ему угодно. Исключение составляют только те случаи, когда крестьяне могут доказать на основании засвидетельствованных документов (*brief und sigel*), что участки даны были им в свое время в наследственное пользование. По поводу наследственных держаний крестьян Ганс фон Ротт заявляет, что при нем и при его отце сенъериальное право всегда состояло не только во взимании при всякой перемене держателя по пяти шиллингов с каждой стороны, но и в праве сенъера распоряжаться дальнейшей судьбой земельного участка, вплоть до объявления нового держателя непригодным. Как при продаже крестьянином земельного участка, так и при переходе его в наследство, — утверждает Ганс фон Ротт, — он и его отец всегда пользовались правом присоединить землю к своим владениям за сумму, на которую совершается сделка или в которую оценивается наследство с вычетом платы за допуск¹. Это господское право (*in craft anzaigter mainer herrlichkeit*) означает, по его мнению, право на выбор наследника или покупателя и на устранение всякого, кого он считает «неполезным для хозяйства» (*dem gut nit nutzlich wer*).

Таким образом, Ганс фон Ротт высказывается в категорической форме, что «ни он ни его отец» не сдавали земли иначе, как пожизненно. Это не единственный пункт, по которому Ганс фон Ротт ссылается на практику, применявшуюся «им и его отцом». По ряду других пунктов крестьяне требуют соблюдения старых обычаев и порядков, существовавших издавна (*von alter her*). Сеньер в своих ответах может противопоставить всем старым обычаям только практику «его и его отца», продолжительность которой определяется им же «в 30—40—50 лет», т. е. с конца XV в². За этот срок наследственные держания еще не могли быть упразднены и крестьяне, пользующиеся наследственными правами, еще встречались во владениях Ганса фон Ротт. Однако положение этих наследственных держаний уже достаточно шаткое. Сеньер не только требует документальных доказательств о наследственном характере держания, но старается доказать на основании своих привилегий, что осуществление наследственных прав зависит еще от того, окажется ли наследник полезным для хозяйства, причем решение этого вопроса он оставляет за собой.

Полемика Ганса фон Ротт со своими крестьянами показывает

---

¹ Correspondenz, № 55. — «...und hats die herrschaft umb das gelt wie es verkauft oder von den erben gewerdet ist und der weglösin neher zu handlen nemen mugen» (*Weglösin-Laudemium* — побор с наследства).

² Correspondenz, § 3. — «...bey meinem vatter seligen und mir ob XXX, XL oder L jarn gewest und also gehalten worden».

и другие методы нажима на наследственных держателей. В статье 13-й своей жалобы крестьяне указывают, что те из общины, которые имеют наследственные участки (*erbgietter*), лишены возможности пользоваться лесом для строительства и отопления жилищ. На это фон Ротт возражает, что его права на лес не могут быть оспариваемы членами общины. Он же разрешает пользоваться лесом только тем, которые являются его личными держателями¹. Кого он имеет в виду, говоря — «*so hof von mir inhaben*», — пожизненных ли держателей или срочных арендаторов, — не совсем ясно. Однако совершенно очевидно, что эта категория противопоставляется названной крестьянами в данной статье жалобы, т. е. наследственным держателям (*die denn erbgietter haben*). Узурпация альменды служит в данном случае сеньеру орудием для вытеснения наследственных держателей.

Интересны материалы о сеньериальном наступлении на права крестьянских держателей во владениях Кемптенского монастыря. Во время переговоров с представителями аббата в январе 1525 г. крестьяне жаловались на то, что наследников заставляют «принимать» земельные участки у аббата монастыря на новых условиях. Кроме того, при смене аббата новый аббат требует от всех крестьян нового акта «приема» с новыми условиями держания². Здесь перед нами посягательство не только на наследственные права крестьян, но и на прочность пожизненных держаний, поскольку крестьянину при смене аббата навязываются новые условия. Крестьяне утверждают, что это — новое отягощение со стороны данного аббата, так как при его «предшественниках и родителях» условия держания могли меняться только после смерти держателя. В ответе аббата ничего не говорится о порядках, существовавших «при предшественниках и родителях», но зато в нем содержится ссылка на практику других господ (*auch anderer fursten und herren prauch und herrkommen*), состоящую в том, что акт «приема» на новых условиях должен совершаться при смене любой стороны³.

Сопротивление крестьян ущемлению их держательских прав на землю было весьма упорным. Осенью 1525 г., т. е. после подавления Крестьянской войны, аббат Кемптенского монастыря старался использовать победу Швабского союза для упразднения наследственного права крестьян. В своих обвинениях против крестьян, представленных суду Швабского союза в Меммингене, аббат требовал лишить их права на земельные держания.

¹ Там же, § 13. — «...das ich bissher kainem kain holtz geben hab, dann allein den burn so hof von mir innhaben».

² F. L. Baumann. Ук. соч., № 62, стр. 64—65.

³ Там же. — «...so oft und dick sich ain lehen des lehen heren oder lehenmans oder tragers halben veränderte».

В обоснование этого требования он выдвигал два аргумента. Во-первых, согласно ленному праву, всякий держатель, посягнувший на хозяйство своего господина, должен быть лишен лена в пользу последнего¹. Во-вторых, многие крестьяне и даже большинство из них (*das vil und schier der merer tayl lehenprauern*), все еще не принимали (*nit empfangen*) хозяйств у аббата, упустив установленный для этого срок в год и день. Аббат указывал, что это должно повлечь за собой переход хозяйства к сеньеру, т. е. к монастырю. Из этого заявления аббата мы узнаем, что большинство крестьян Кемптенского монастыря упорно отказывалось от нового порядка передачи всех крестьянских хозяйств, что до Крестьянской войны проведение этой меры давалось с большим трудом. После же Крестьянской войны аббат стремился использовать для этой цели само поражение крестьян. Его обвинительные претензии направлены на хозяйственное закрепление результатов подавления крестьянского восстания. По указанным уже мотивам он настаивает на том, что его «ленные крестьяне» (*lehenprauern*), т. е. те крестьяне, которые считают себя наследственными держателями, но которых аббаты фактически уже лишили права наследственного владения, должны считаться потерявшими права держателей вообще. Аббат приравнивал своих «ленных крестьян» к тем, которые получили монастырскую землю в аренду (*so bestandgieter von dem gotzus haben*). Аббат утверждал, что согласно специальному документу, имевшемуся в его распоряжении, крестьяне при получении арендных участков обязались соблюдать верность монастырю и не посягать на его собственность; в противном случае участки вместе с инвентарем переходят к монастырю «сейчас же» (*von stund an*). Такое же обязательство верности держателя якобы содержалось в самом ленном праве (*nach vermäg der lehenrecht*), что, следовательно, ленные крестьяне должны быть теперь приравнены к срочным арендаторам.

О распространении среди крестьян юго-западной Германии срочной «аренды» имеются данные в разных источниках. Во владениях монастыря св. Петра на Шварцвальде была категория крестьян — *Söldner*, держание которых могло быть прекращено во всякое время². В одном документе Салемского монастыря от XV в. указывалось на наличие трех видов дворов. Одни дают в качестве арендной платы половину или треть урожая и возвращаются монастырю каждый год в день

¹ F. L. Baumann. Ук. соч., № 400 стр. 329 сл.— «...die lehen verwurckt, vnd dieselbigen dem lehenhern haymfallen seyen».

² J. Grimm. Ук. соч., т. I, стр. 347. См. также E. Gothein. Die Hofverfassung auf dem Schwarzwald. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, Bd. I, 1886.

св. Вальпургия (§ 1—4); другие называются «Soldlehen» и считаются также сданными на один год — от марта до марта (§ 5—«ledig im März»); третью категорию составляют участки, держание которых переходит в наследство (Erblehen)¹.

Стремление сеньеров перейти к краткосрочному держанию часто прикрывалось видимостью «заботы» о состоянии хозяйства. Обычно сеньер проявлял интерес к состоянию хозяйства только в том случае, если оно было сдано в срочную аренду (Zeitpacht). Сеньеральная регламентация по хозяйству встречается только в документах, относящихся к срочной аренде². Сведения о такой «заботливости» сеньеров юго-западной Германии мы находим в разных источниках. Известный уже нам сеньер Бусмансгаузена настаивал на том, что он имеет право согнать с участка каждого, который покажется ему недостаточно полезным для данного хозяйства³. В ряде уставов Сен-Блазиенского монастыря предусматривается устранение держателя за плохое ведение хозяйства на шупозах (Schuprosen), т. е. на мелких участках, занятых под культуру винограда. С этой целью управляющий монастырем один раз в год осматривал хозяйства вместе с компетентными людьми⁴.

О связи такого рода «забот» с переходом к сдаче земли на срок говорят также некоторые судебные материалы, содержащиеся среди публикаций баденской исторической комиссии. Некий Вальтер фон Фалькенштейн жалуется на своего держателя, который неаккуратно ведет хозяйство, и требует, чтобы держание объявлено было на этом основании аннулированным. Ответчик отводит эти претензии ссылкой на то, что данное держание наследственное. Истец, наоборот, утверждает, что оно только пожизненное, и поэтому он имеет право следить за тем, как ведется хозяйство и прекратить действие договора в случае, если он признает ведение хозяйства неудовлетворительным. Суд, который потребовал дополнительных доказательств о характере держания, также считал, что претензии истца должны быть признаны основательными в том случае, если ему удастся доказать ненаследственность спорного участка. Это решение вынесено было в 1462 г⁵. Другое судебное

¹ Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, Bd. XXXIX, Hft 2, 1925.

² F.-J. M o n e. Beiträge zur Geschichte der Volkswirtschaft aus Urkunden, Karlsruhe, 1859, S. 144.

³ Correspondenz, № 55.— «Wann ich dann vermaint, das ainer dem gut nit nutzlich wer, hab iches in craft anzaigter meiner herrlichkeit zu mein handen genomen und darnach mein nutz damit geschafft».

⁴ J. G r i m m. Ук. соч., т. I, стр. 317, 325.— «...so mag si ein amptmann schowen mit des gotzhus lüten, so er zu im nimet, vnd wer da missbüwen hat, dersol es dem gotshus ablegen als der amptmann vnd die gotshus lüt... sich erkennen»

Mitteilungen der Badischen historischen Kommission, 1887, стр. 46.

дело от 1481 г. закончилось решением вернуть монастырю крестьянский участок, так как держатель Росскнехт, вследствие старческой слабости не в состоянии вести хозяйство как следует¹. И здесь характерно, что претензии представителя монастыря на суде сводились к объявлению участка Росскнехта, несмотря на то, что последний пользовался им всю жизнь, срочной арендой (*Zeitracht*). Цель сенъериального вмешательства в дела хозяйства сводится, таким образом, к переходу к системе срочных держаний.

Таким образом, в XV и в начале XVI в. происходило наступление сенъеров на держательские права крестьян. Процесс развития аграрных отношений в это время шел в направлении распатывания системы наследственного держания, ухудшения форм пожизненного крестьянского держания и распространения форм, близких к срочной аренде. Мы видим, таким образом, что вопреки утверждению Кюна, элементы раннего капитализма, принесшие с собою новые представления о собственности, не имели здесь своим результатом «превращение крестьянского права владения в право полной собственности». Осознанным стремлениям зажиточной части крестьян в этом направлении противостояла сила сенъериального наступления, стремления сенъеров к укреплению феодальной собственности в своих интересах. Эти стремления господ, сопровождавшиеся реальными актами сенъериального наступления, вызывали возмущение и борьбу всей крестьянской массы.

Для основной крестьянской массы эта борьба была направлена против новых феодальных тяготений, против усиления феодальных повинностей. Несомненно, однако, что победа антифеодальной борьбы крестьянской массы привела бы к успеху более прогрессивной формы сельского хозяйства, к переходу его на буржуазный путь развития. Усилия же господ, направленные к упразднению прав крестьянских держателей и к переходу к срочной аренде, означали не переход к более прогрессивной форме производственных отношений, а, наоборот, — усиление и усложнение феодальной эксплуатации. Переход к срочному держанию в этих условиях означал отказ господ от фиксированной денежной ренты, реальная ценность которой подвержена постоянному падению, и их стремление часто менять условия держания с целью максимального присвоения избыточного продукта крестьянских хозяйств, при сохранении феодального характера ренты.

¹ Mitteilugen der Badischen historischen Kommission, 1887, стр. 50.

Возражая аббату, требовавшему лишения крестьян права на их земельные участки на основании их отказа от новых актов «приема», — крестьяне Кемптенского монастыря заявляли, что их отказы вызывались исключительно ухудшением условий держаний при каждом новом акте пересдачи. «При новых сдачах, — утверждали крестьяне, — держания отягощаются выше и по-иному, чем это имело место с давних пор»¹.

Важное значение имеет в этой связи характер самих крестьянских повинностей.

Буржуазные историки, анализируя систему крестьянских повинностей в юго-западной Германии в XV—XVI вв., пытались определить юридические основы каждой и при этом резко различают три категории крестьянских повинностей, соответственно трем видам крестьянской зависимости: сеньериальной — от сеньера земли (Grundherrschaft), судебной — от сеньера судебного (Gerichtsherrschaft) и личной — от личного господина (Leibherrschaft). Так, например, Георг фон Белов утверждает, что повинности, вызвавшие в конце XV и в начале XVI в. недовольство крестьян, были связаны не с сеньериальными отношениями, а с судебной зависимостью, что, таким образом, борьба крестьян была вызвана только несовершенством публично-правовой системы Германии². Маргарета Бош считает, наоборот, что ненавистные крестьянам повинности относились к категории сеньериальной, но что сама сеньериальная реакция вызвана была отрывом в юго-западной Германии судебной власти от сеньериальной. По мнению Бош, сами сеньеры стремились к превращению крестьянских держаний в срочную аренду капиталистического типа, но им мешали носители княжеской и судебной власти³.

В действительности различные господские права взаимно переплетались и чаще всего осуществлялись одним лицом. Резкой грани между повинностями того или другого порядка не существовало и, следовательно, не приходится говорить о том, что господин-судья (Gerichtsherr) мог препятствовать сеньеру в его действиях. В Шварцвальдских уставах факт переплетения и совпадения в одном лице функций сеньера и носителя судебной власти выступает особенно ярко. Дни, установленные для суда, являлись в ряде случаев также днями взноса сень-

---

¹ F. L. Baumann. Ук. соч., № 401, стр. 337. — «...das man die lehen in newen verleihungen hat vnderstanden höher vnd anderst zu beschwären, dann von alter vnd vor je gewesen ist, ...»

² G. v. Below. Probleme der Wirtschaftsgeschichte, Tübingen, 1920, S. 75—76.

³ M. Bosc h. Die wirtschaftlichen Bedingungen der Befreiung des Bauernstandes im Herzogtum Kleve und in der Grafschaft Mark im Rahmen der Agrargeschichte Westdeutschlands, Stuttgart, 1920, S. 225—230.

ериальных повинностей¹. Из шварцвальдских же крестьянских жалоб видно, что сеньеры старались использовать находившуюся в их руках судебную власть для того, чтобы увеличивать и усложнять феодальные повинности. Для этой же цели сеньеры старались, как мы увидим ниже, использовать и права личного господина, которые обычно также принадлежали им.

Для самой системы повинностей характерно, что тенденции перехода к срочным держаниям сочетались не с упрощением повинностей, не с приведением их к единой арендной плате, а наоборот, — с их усложнением, порождавшим многообразие форм. Большое место занимали в системе повинностей те, которые можно назвать «случайными» и размеры которых были весьма неопределенными. Прежде всего — это повинности, связанные с переменой держателя и сводившиеся к передаче сеньеру значительной части имущества. При смерти держателя чаще всего сеньеру давалась лучшая голова скота (Besthaupt) и кроме того — плата за допуск к наследству (Erschatz). При продаже плата за допуск взималась в двойном размере, так как ее уплачивал и тот, кто продавал, и тот, кто получал. Однако повинности, связанные с переменой держателя, не всегда ограничивались лучшей головой скота и платой за допуск. Весьма распространенным в юго-западной Германии был обычай, по которому сеньер в таких случаях забирал третью часть всего движимого имущества (Dritteiligkeit). Эти повинности, т. е. плата за допуск и посмертный побор (в обоих указанных его видах), о конкретных фактах применения которых речь будет ниже, составляют главное звено «случайных» повинностей. Доходам из этого источника уставы уделяют основное внимание. Кроме этих повинностей, уставы проявляют особую заботу о судебных пошлинах и штрафах, а также о баналитетах. В большинстве уставов коротко упоминается о регулярных ежегодных платежах и в то же время подробно и обстоятельно трактуются вопросы о посмертном поборе, о пошлинах, штрафах и т. п.² Устав деревни Лэсбург уделяет много внимания вопросу о дроблении хозяйств, и при этом главная забота составителя заключается в обеспечении посмертного побора от каждой единицы, на которую дробится данное владение. При обратном воссоединении частей хозяйства в одно целое восстанавливается также единый посмертный побор, вопреки требованиям

¹ G. L. Maurer. Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe, der Hofverfassung in Deutschland, Bd. IV, Erlangen, 1863, § 651, S. 84—88, § 653, S. 92—94; K. T. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, Bd. III, T. I, Leipzig, 1901, S. 180, u. a. o.; F. L. Baumann. Der Aargau, seine Grafen und freie Bauern. Zeitschrift des historischen Vereins für Schwaben und Neuburg, 1875, S. 68 ff.

² J. Grimm. Ук. соч., стр. 358, 407—408, 424—425.

господ. Эта последняя оговорка свидетельствует о борьбе, происходившей на этой почве между крестьянами и сеньерами¹.

Устав швабской деревни Вейлер (в районе города Ландау) определял специальные платежи, которые должны служить доказательством прав мейера на посмертный побор (§ 59). Всякий акт о перемене держателя должен оформляться в господском дворе (Dinghof), чтобы мейер имел возможность установить и для нового держателя эти платежи (§ 61)². Крестьяне могут объединять свои хозяйства и вести их совместно³. Однако в таких случаях они должны сохранить количество дворов в разных местах деревни, чтобы с каждого двора сохранялся посмертный побор в виде лучшей головы скота.

Характерен также устав деревни Оберакинген, принадлежавшей монастырю сен-Блазиен, указывающий, что лучшая голова скота берется и в том случае, когда она, т. е. данная голова скота, наполовину заложена за долги. В этом случае кредитор получает только третью часть своей доли у пробста монастыря⁴. Такая забота сеньеров о своих «правах» на часть движимого имущества крестьян при перемене держателя составляет содержание ряда других уставов.

На тяжесть этого рода повинностей указывают многочисленные жалобы крестьян. Реакционные немецкие историки Янсен и Штольце, желая доказать, что тяжесть посмертного побора не была велика, утверждают, что этот побор составлял 5% имущества, переходившего в наследство. Однако на основании источников нельзя установить размер и удельный вес посмертного побора. В отдельных местах посмертный побор взимался в денежной форме. В жалобе крестьян Оксенгаузенского монастыря говорится, что побор с наследства брался в размере 5%, но тут же указывается, что плата за допуск, которая бралась сверх побора с наследства, составляла 10%. Всего наследники отдавали, таким образом, 15%. Такую же долю отдавали стороны при продаже хозяйства⁵. Крестьяне деревни Лангенаринген определяли размеры этой повинности не в процентах, а в абсолютных цифрах, указывая, что она доходила до внушительной суммы в 40—50 гульденов⁶. Однако в большинстве случаев, когда посмертный побор взимался не в денежной форме, а в натуре — в виде лучшей головы скота, его тяжесть вовсе

¹ J. G r i m m. Ук. соч., стр. 389—395.

² Там же, т. VI, стр. 300—308.— «...das niemant hofguet inhaben, oder besitzen sol, er gebe dan weiset und notzeins, damit der maierherr seine väll nit verliere».

³ Там же, § 63.— «...mogend wir hoflüt alles unser gut wol zusammen werfen und ain recht gemaind mit ainander halten zu gewin und zu verlust».

⁴ Там же, т. 1, стр. 306.

⁵ Correspondenz, N° 801.

⁶ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., N° 167.

не поддается учету в процентах. Для бедняцких хозяйств лишение последней коровы означало полное разорение. Весьма характерным в этом отношении является письмо фрейбургского магистрата от декабря 1513 г. Иоаннитскому ордену по поводу посмертного побора с имущества казненного участника «Башмака» Конрада Брюна. Магистрат ходатайствует о том, чтобы орден (в данном случае — сеньер) отказался от взимания посмертного побора у вдовы казненного Брюна или же проявил при его взимании «милосердие», учитывая несчастное положение этой женщины, оставшейся с пятью малыми детьми¹. Весь тон этого письма показывает, что в нем речь идет о деле, от которого зависит само существование хозяйства.

Какова же была природа повинностей при перемене держателей? Теодор Кнапп доказывает, что платеж «лучшей головы скота» имел три источника: право со стороны личного господина, со стороны сеньера и со стороны обладателя правом суда². В материалах юго-западной Германии приводятся случаи, когда посмертный сбор брался не одним, а двумя, иногда — и тремя господами. Так, крестьяне деревни Унадинген (около Штюлингена) заявляли, что они отягощены больше своих соседей, так как после смерти одного из них сеньер берет лучшую голову скота, а фогт — лучшее платье и оружие покойного³.

Аналогичным примером может служить также положение в деревне Вейлер. Эта деревня находилась в ведении министриалов г. Фрейбурга, но права личного господина остались в ней за монастырем св. Петра. В случае смерти крепостного крестьянина этой деревни, монастырь брал посмертный побор в силу своих прав личного господина⁴. Затем из оставшейся части имущества лучшую голову скота брал также сеньер⁵. Таким образом, в тех случаях, когда лучшая голова бралась два раза, преимущество при ее получении оставалось за личным господином. Основным источником посмертного побора, следовательно, надо считать личную зависимость.

Связь посмертного побора с крепостным состоянием видна из того, что в некоторых местах его взимание с крестьян, не являющихся крепостными, рассматривалось во время Крестьянской войны как новшество. Деревни района города Нейштадт в Шварцвальде заявили в 1525 г., что за последние три года посмертный побор был введен для всех, независимо от

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., т. II (Quellen), стр. 207.

² T. Knapp. Neue Beiträge..., S. 130—132.

³ F. L. Baumann. Ук. соч., N 200, § 29, стр. 215.

⁴ J. Grimm. Ук. соч., т. IV, стр. 848: «...so hat die eigenschaft das fürbracht, das sy vervallen von dem lib und nit von dem gut...».

⁵ Там же. — «...so sol man dem herrn ze Wyler darnach einen val geben von dem gut und nit von dem lib».

того, был ли покойный крепостным или нет¹. Из штюлингенских же статей видно, что еще в 1525 г. в отдельных местах посмертный побор связывался с крепостным состоянием². Уставы и другие материалы, относящиеся к деревням Салемского монастыря и к некоторым деревням в Линцгау, показывают, что посмертный побор брался не только с крепостных, но и со свободных, однако, не в одинаковых размерах: с крепостных брали больше³.

За сокращением сроков держания следовали более строгие правила взимания тех повинностей, которые были связаны с личной зависимостью крестьянина. Характерен в этом отношении устав деревни Узинген. Тенденция к упразднению наследственного характера держания в этой деревне видна из того, что в уставе перечисляются те хозяйства, которые больше не сдаются как наследственные, а только «в одни руки» (zu einer hand). Вместе с тем данный устав обнаруживает стремление сеньера установить в качестве условия держания тяжелую форму издольщины— взимание одной трети продуктов, используя для этого нового порядка переход от наследственного держания к пожизненному. О некоторых дворах говорится: «все они сдаются на условиях трети и ни за кем не признается в отношении этих хозяйств право наследственного держания»⁴. Держатель может передавать хозяйство другому или отдавать его в приданое, но при этом сеньер забирает одну треть самого передаваемого хозяйства. В отношении наследственных держаний этот устав предписывает строгие правила посмертного побора в виде лучшей головы скота.

Так, одновременно с сокращением сроков держания повинности, относящиеся к категории «случайных» и связанные по своему происхождению с личной зависимостью крестьян, не только не сокращаются, согласно приведенному уставу, а, наоборот, подчеркиваются с особой строгостью. В уставах деревень монастыря св. Петра устанавливается, что дела, касающиеся посмертного побора, могли разбираться не в господских дворах (Dinghöfe), в которых суд производил в большинстве случаев мейер, а в самом монастыре⁵. В ряде уставов предусматривается строгое наказание за неправильный выбор лучшей головы. Если окажется, что выданная голова скота не самая лучшая в хозяйстве, оставленном покойным, то берется лучшая,

---

¹ F. L. Baumann. Ук. соч., N 200, § 35.— «...die verstorben person sey eigen oder nit».

² F. L. Baumann. Ук. соч., N 199, § 6—8.

³ Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, 1925, Hft 2.

⁴ J. Grimm. Ук. соч., т. I, стр. 408.— «...stond all zu dem dritteil und bedarff nieman keiner erbschaft daran iehen».

⁵ J. Grimm. Ук. соч., т. I, стр. 365.

которая будет выявлена, а взятая раньше не возвращается. И так — до девяти раз¹. В деревнях монастыря св. Петра право монастыря на лучшую голову скота применялось в известном смысле и до смерти держателя, если держатель нуждался в закладывании или продаже скота и выражалось в наблюдении за тем, чтобы лучшая голова осталась в качестве посмертного побора².

Поборы, связанные с переменой держателя, взимались иногда в форме, которая в ряде случаев была тяжелее, чем «лучшая голова скота». Устав деревни Вейлер предусматривал, что в случае смерти обоих супругов у младшего сына берется третья часть всего движимого имущества, за исключением отдельных предметов, приготовленных уже к употреблению, как, например, разрубленное мясо и скроенное сукно. Такая же треть забирается сеньером и при уходе крестьянина из деревни. Устав деревни Рехтенбах устанавливает, что в случае продажи держателем своего имущества и его ухода из деревни, он должен оставить аббату «третий пфениг», за что аббат «защищает» его при отъезде. Это правило распространялось и на случаи продажи хозяйства без ухода продающего из деревни.

Эта тяжелая форма деления имущества при перемене держателя не существовала в землях монастыря св. Петра до конца XV в. В праве, действовавшем здесь до 1486 г., содержался пункт о том, что «кто, будучи уже крепостным монастыря, оставит хозяйство при жизни, тот не дает никакого побора. Монастырю для получения побора приходится ждать его смерти»³.

Примером увеличения «случайных» повинностей при сокращении сроков держания также является Кемптенский монастырь. Упразднение наследственного характера держания проводилось в землях монастыря так, что крестьянские хозяйства фактически передавались наследникам, но — на новых условиях. О том, каковы были эти новые условия, мы узнаем из спора аббата Себастиана с крестьянами во время переговоров в январе 1525 г. Наряду с тяжелым бременем регулярных, с крестьян требовали целый ряд «случайных» и притом «чувствительных» (*zufälligen und mercklichen*) платежей. Аббат указывал, что все эти платежи предусмотрены были при приеме хозяйства условиями «аренды»⁴. Не отрицая факта повышения

¹ J. G r i m m. Ук. соч., т. I, стр. 354, 358; т. IV, стр. 484.

² Там же, т. I, стр. 354. «...so sol er zu dem ersten das minst vich, das aller minst mag vergelten, angriffen und sol es verkaufen und versetzen, und darnach aber das minste, und sol das best lassen ston zu einem val».

³ Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, Bd. I, 1886, S. 273.

⁴ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., N 62, стр. 69—70. — «...derhalben sein gnad ditz beger bey dem bestand, wie ain jeder ain gut empfacht beleiben lasst». О наличии и значении «Bestandgüter» в Кемптенском аббатстве см. № 400, стр. 329—330.

платель, аббат заявлял лишь, что для них имелись «основания» в условиях держания, которое он к тому же обозначал термином «аренды» (bey dem bestand). О феодальной природе этих платежей говорят не только выражения жалобы «und ander zufälligen und merclichen nutzung», но главным образом то обстоятельство, что основанием для многих повинностей должно было служить массовое превращение свободных чиншеви́ков в крепостных,— явление, вызвавшее борьбу между крестьянами и аббатами указанного монастыря.

О том, что переход к сокращенным срокам держания не сопровождался упразднением «случайных» повинностей, говорит целый ряд крестьянских жалоб. Крестьяне деревни Роттенаккер требовали в своей жалобе, чтобы пожизненные срочные держания (valgietter) при смене держателя оставались без платы за допуск¹. В жалобе крестьян деревни Бауштетен выдвигалось требование, чтобы те хозяйства, которые сдаются в аренду (auch von denen gietern, so bestanden sind), не платили за допуск в случаях выморочности, когда хозяйства возвращаются монастырю².

Приведенные примеры об увеличении так называемых «случайных» повинностей достаточно говорят о характере сокращения сроков держания и стремлении господ к формам срочной «аренды». Обратившись теперь к регулярным повинностям крестьян, мы увидим, насколько неверны утверждения Янсена и других буржуазных историков о строго фиксированном характере ежегодных платежей, которые якобы не могли подвергаться увеличению. На рост ежегодного ценза жаловались крестьяне монастыря св. Петра. Деревня Роттенаккер просила, чтобы при «освобождении» пожизненных и срочных держаний (valgietter) ценз не был повышен и чтобы при возобновлении держания не взималась плата за допуск. Другие пункты этой же жалобы показывали методы повышения ежегодных платежей и до истечения срока держания. Новые меры, введенные при взимании зерна, значительно повышали размер натурального платежа (статья 1-я). Сумма «сенных денег» (heugelt — денежный взнос вместо барщины на сенокосе), которую платили с каждого хозяйства в размере 4 фунтов, теперь повышена на 30 шиллингов, или на 37,5%³. Монастырь Блаубейрен, которому принадлежала деревня Роттенаккер, очевидно, не упускал случая повысить самые разнообразные ежегодные платежи. Деревня Бальтринген в статье 2-й своих требований

¹ Correspondenz, N 896.

² Там же, № 884.

³ В этом районе 1 фунт составлял в то время 20 шиллингов. См. Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg, 1873. S. 59.

заявляет, что за некоторые хозяйства платят теперь вдвое больше, чем раньше¹.

Методы Блаубейренского монастыря применялись и другими феодалами. Деревни Шемерберг и Альтгейм, принадлежавшие Салемскому монастырю, указывали, что с целью увеличения платежей монастырь прибегал к искусственному увеличению количества облагаемых единиц путем фальсификации земельных мер. Крестьяне требовали, чтобы натуральный ценз в восемь четвертей зерна платился с целого юхарта. Если же размер юхарта сокращался до половины, то и размер ежегодного ценза должен быть сокращен до 50% и равняться четырем четвертям зерна².

Однако основной вопрос, который следует разрешить, касается не столько размеров ежегодных платежей, сколько их характера. Можем ли мы утверждать, что одновременно с сокращением сроков держаний имело место также превращение регулярных платежей в арендную плату капиталистического типа, соответствующую капиталистической земельной ренте и представляющую собою избыток над ценой производства продуктов? Такие именно утверждения мы встречаем не только в откровеннобуржуазной, но и в социал-демократической исторической литературе. Так, Маргарета Бош, цитирующая в своей книге Маркса и Энгельса, рассматривает возникавшие в XV—XVI вв. формы срочного держания как «аренду», как признак перехода к капиталистической ренте, а увеличение платежей — как стремление сеньеров присваивать возникшую с расцветом городов дифференциальную ренту³. Нет, однако, никаких сомнений, что такая концепция, которая видит капитализм в самой форме срочных держаний и игнорирует вопрос о самом характере отношений, которые существуют при этом между земельными собственниками и крестьянами, не имеет ничего общего с марксизмом. Стремление феодалов к сокращению сроков держаний, которое наблюдается уже с конца XIV в., стимулировалось общим подъемом товарно-денежных отношений, развитием товарного производства сельскохозяйственных продуктов. В связи с этим феодалы старались использовать все выгоды меняющейся рыночной ситуации в целях максимального присвоения прибавочного продукта. Эти попытки феодалов подчинить своим интересам выгоды товарного производства в сельском хозяйстве ни в какой мере не могут рассматриваться как переход к капитализму.

¹ Correspondenz, N 882.

² Correspondenz, N 898a. «...dann di jaucharten sind ungleich und sind etlich dem mess nach kain halb jauchart und dass man furohin von ainer mess jauchart zu gult nem acht fiertal vessen und vier fiertal vessen».

³ М. Б о с с е. Ук. соч., Введение, стр. 4—5.

«Товарное производство,—учит И. В. Сталин,—приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишенные средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства»¹. О товарном производстве докапиталистических эпох И. В. Сталин пишет:

«Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»².

Для верного определения характера ренты решающее значение имеет изучение положения крестьянина и системы его повинностей. Такой единственно правильный метод применяется В. И. Лениным в его анализе отношений в русской пореформенной деревне. Указывая на различные сочетания в переходный период двух основных систем—отработочной и капиталистической, В. И. Ленин обращает внимание на разнобразный характер всевозможных видов отработков. Сюда относятся разные виды кабального найма, издольщины и отработков в узком смысле слова. Все эти виды В. И. Ленин характеризует как «прямое переживание барщинного хозяйства»³. Определяющими в данном случае являются основные признаки барщинного хозяйства, среди которых центральное место занимают моменты личной зависимости в той или иной форме. В этой связи В. И. Ленин переходит к характеристике «аренды», «которая представляет из себя простое переживание барщинного хозяйства»⁴. Характеризуя этот вид «аренды», В. И. Ленин указывает, что при этом арендная плата принимает часто самые разнобразные формы. Здесь В. И. Ленин приводит следующие примеры из книги Карышева «Аренды»: «...за каждую десятину обработать 1½ дес. + 10 яиц + 1 курица + 1 женский рабочий день; за 43 дес. ярового по 12 руб., и 51 дес. озимого по 16 руб. деньгами + обмолотить

---

¹ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 14—15.

² Там же, стр. 15.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 160.

⁴ Там же, стр. 165. Слово «аренда» берется в кавычки В. И. Лениным.

столько-то копен овса, 7 копен гречи и 20 копен ржи + на арендуемой земле унавозить навозом со *своих* скотных дворов не менее 5 десятин по 300 возов на десятину». Эти примеры В. И. Ленин сопровождает следующим замечанием: «Здесь даже крестьянский навоз превращается в составную часть частновладельческого хозяйства!». Затем В. И. Ленин обращает внимание на то, что в ряде случаев обязательство отработков дается в неопределенной форме. «Иногда,— пишет В. И. Ленин,— крестьянин обязывается при этом работать, «что прикажет владелец»..., обязывается вообще «послухать», «слушать» его, «пособлять» ему. Отработки обнимают «собой весь цикл работ деревенского обихода. Посредством отработков производятся все сельскохозяйственные операции по обработке полей и уборке хлеба и сена, запасаются дровами, перевозят грузы»..., чинят крыши и трубы...обязываются доставлять кур и яйца...»¹.

Эти примеры из жизни русской деревни второй половины XIX в., которые, конечно, не могут иметь прямого отношения к изучаемой нами германской деревне XV—XVI вв., показывают, как В. И. Ленин подходил к определению природы крестьянских платежей в конкретных случаях. Общий характер этих примеров, которые В. И. Ленин приводит для характеристики аренды, представлявшей простое переживание барщинного хозяйства, заключается в том, что плата выражается в разнообразных единицах, характерных для личной зависимости и чрезвычайно неустойчивых в количественном отношении, подверженных увеличению по мере возникновения соответствующей потребности у господ. Метод В. И. Ленина является единственно научным. Он дает возможность разобраться в природе ренты по таким качественным признакам, которые составляют сущность производственных отношений.

Только пользуясь методом В. И. Ленина, можно правильно понять характер регулярных повинностей крестьян юго-западной Германии. Большинство уставов не дает полных данных об их размерах, отмечая только сроки и порядок платежей. В тех же случаях, где такие более полные сведения имеются, можно убедиться, что ежегодный платеж за земельное держание представлял собою не фиксированную плату «реального» значения, а состоял из целого ряда повинностей, связанных с моментами личной зависимости. В уставе деревни Эшбах ежегодные платежи определяются следующим образом.

Два раза в год все обязаны явиться на господский двор на судебное разбирательство. Каждые четыре лена дают при этом каждый раз по 5 пфенигов. В марте каждые четыре лена дают

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 164—165.

двух быков с плугом и четырех человек, то же повторяется в мае. В день св. Маргареты каждый лен доставляет сыр, изготовленный в мае стоимостью в 1 пфениг. К тому же дню каждый дает двух работников для заготовки сена. К дню св. Михаила каждый лен дает 1 курицу и на один пфениг яиц. После этого же дня в ближайшее воскресенье доставляется чинш — обязательно при дневном свете, чтобы мейер не ошибался в счете. Самый размер чинша здесь не указывается, но из того, что плата за допуск устанавливается для этой деревни в 3 фунта, мы можем заключить, что чинш равнялся этой сумме. В тот же день каждые два держания дают одну подводку с волами и людьми для перевозки вина в город Фрейбург и в монастырь св. Петра. Наконец, в день св. Андрея все доставляют чистый овес — «кто больше, кто меньше» и, кроме того, по 5 пфенигов деньгами¹.

Данный перечень повинностей аналогичен тому, который приводится В. И. Лениным как пример остатков барщинной системы, которые иногда скрываются под термином «аренда». Характерной чертой этого перечня повинностей является не только переплетение денежных платежей с барщиной, но и чрезвычайная гибкость ряда повинностей в количественном отношении. Каждые четыре лена доставляют 2 раза в год плуг с двумя волами и четырех работников, но при этом не указывается, сколько они будут работать в господском хозяйстве. То же и в отношении двух косцов, которые должны быть даны ежегодно каждым держанием: указывается только род работ. Перед нами та неопределенная форма, которую, как мы видели, В. И. Ленин считает характерной для крепостнических отношений, поскольку основой платежей являлся принцип удовлетворения нужд замка. Личный характер отношений виден также из того, что повинности в силу сеньериальной и судебной зависимости не разграничены между собою. Все они переплетены и даны вместе как повинности крестьян в отношении господ.

Такая структура повинностей, в которой грань между сеньериальной и судебной зависимостью почти стирается и в которой денежный и натуральный чинш сочетаются с барщиной весьма неопределенных размеров, характерна вообще для изучаемых районов перед Крестьянской войной. В ряде крестьянских жалоб говорится о платежах, сохранивших в своем названии следы происхождения от различных барщинных работ. Таковы, например, сенные деньги (Heugeld), овсяные деньги (Habergeld), означающие платежи вместо работ по уборке сена и овса. В таких случаях речь идет не о временной замене вместо ненадобности, а об установлении нового регулярного платежа.

¹ J. Grimm. Ук. соч., т. I, стр. 356—357.

Из приводившейся уже жалобы деревни Роттенаккер, в которой «сенные деньги» определяются суммой в 4 фунта, видно, что такие платежи были весьма чувствительными для крестьян и к тому же подвергались увеличению. Такие выкупные платежи не избавляли надолго роттенаккерских крестьян от выполнения барщинных работ, которые через некоторое время вводились вновь, в то время как платежи продолжали взиматься¹. К выполнению полевых работ, взамен которых установлены были раньше регулярные натуральные и денежные платежи, принуждали также и штюлингенских крестьян².

Что такого рода повинности занимали значительное место среди регулярных платежей, видно из ряда других жалоб. Деревня Лангеншмерн просит упразднить такие платежи, как «Hauszins», «Neugeld» и др., связанные с барщиной³. Отмены этих платежей требуют также деревни Сульминген, Мозельгейм и Штейн⁴. Деревня Бауштеттен требует снижения таких платежей на 50%⁵. Устав деревни Дорнгейм перечисляет ряд регулярных платежей, связанных с баналитетами и барщиной⁶. Устав из Лерах (1492 г.) предписывал всем держателям пользоваться мельницей монастыря; если же кто-нибудь воспользуется мельницей на стороне, то он обязан уплатить монастырскому мельнику столько же, сколько ему полагалось бы, если бы зерно было смолото у него (§ 13). Однако все это предписание являлось только обоснованием для специального ежегодного платежа. Хотя, говорится в § 16, в настоящее время здесь нет ни мельницы, ни мельника, тем не менее пробст монастыря имеет право на такой ежегодный доход, чтобы в будущем, если монастырь окажется в состоянии построить новую мельницу, никто не мог возражать против восстановления его прав⁷.

---

¹ Correspondenz, N 896: «...uns darby zugesagt mir (wir) dirfen weder raysen noch dienen mir müssen aber iecz die drysig schilling geben und darzu raysen und dienen».

² F. L. Bauman n. Ук. соч., N 199, стр. 198.— «Vnd wiewol wir vor, das wir des ackergends frey sein solten, geben futer, habern, rauchhaber, zellhaber, kelbergelt, vogtheuwe, auch pflugkorn, nitdestminder werden wir gedrungen, die acker zu pauwen vnd eren».

³ Correspondenz, N 888.— «...das gelt von wegen der dienst oder frohen geraicht».

⁴ Там же, N 900.

⁵ Там же, N 884. «...den halben tayl hausszains und hewgelt och geben».

⁶ J. Grimm. Ук. соч., т. I, стр. 375.— «...müligelt, nintergelt, habergelt».

⁷ Там же, стр. 327.— «...nit destminder alljährlich alle die abgeschrieben recht theilt, das get uf dass, wenn das gotthus im künftigen so statthaft werde, das er wieder eine mühel buwen könnit, im kein verhinderung solicher ursachen begegnen möcht».

Все приведенные виды замены барщины денежными платежами не могут рассматриваться как полный перевод барщины на денежный чинш. Во-первых, замена касалась только отдельных видов работ, а не всей барщины; во-вторых, отдельные виды работ заменялись не только деньгами, но и натуральными платежами; в-третьих, замененные раньше работы восстанавливались по мере появления потребности в них, а установленные вместо них платежи продолжали взиматься. Повидимому, все эти метаморфозы связаны с особенностями аграрного строя юго-западной Германии, представлявшего собою сеньериальный строй не в чистом его виде. Господское хозяйство, приспособлявшееся к условиям местных рынков и изменявшееся в зависимости от их развития, имело здесь известное значение. Новые потребности господского хозяйства оказывали влияние на требования сеньеров, предъявлявшиеся крестьянам при всяком возобновлении условий держания. Общий характер всей системы крестьянских повинностей в условиях сеньериальной реакции не подлежит сомнению. В основе их лежало, во-первых, сочетание денежных и натуральных платежей с барщиной; во-вторых, переплетение повинностей, вытекающих из сеньериальных прав господ, с повинностями, связанными с судебной зависимостью крестьян. Главное же, что характерно для данной системы повинностей, заключалось в том, что повинности с крестьянских хозяйств рассматривались господами как основной источник удовлетворения всех своих потребностей. Само господское хозяйство обрабатывалось крестьянским инвентарем. На крепостническую сущность этой практики феодалов указал В. И. Ленин, характеризовавший крепостнические элементы в аграрных отношениях тем, что «даже крестьянский навоз превращается в составную часть частновладельческого хозяйства». В этом свете следует обратить внимание на спор бусмангаузенских крестьян со своим сеньером. Возражая против жалобы крестьян, касающейся расширения основанной на применении барщинного труда культуры льна, сеньер указывает между прочим и на то, что лен разводит и крестьяне в своих хозяйствах, а это приносит ему вред, так как обработка поля под лен требует больше навоза, чем под зерно. Крестьянский навоз рассматривается, таким образом, сеньером как принадлежность его хозяйства. Сеньеры предпочитали многообразную систему гибких в количественном отношении повинностей, в которой земельный ценз в собственном смысле слова не занимал главного места. Там же, где сеньеры стремились к унификации повинностей в общий земельный ценз, они имели в виду такое его увеличение, которое означало присвоение избыточного продукта или приближение к этой норме. Другими словами, сеньеры стремились к усилению феодальной эксплуатации.

Приведенный выше устав деревни Узинген выявляет ряд случаев, когда с упразднением наследственного характера держания тесно связано было (наряду с установлением крупных взиманий случайного характера) также введение тяжелой формы издольщины в качестве регулярного платежа. На издольщину (большей частью — с одной трети) имеется ряд указаний в жалобах. Крестьяне указывают на издольщину как на побор, который не только охватывает избыточный продукт, но и серьезно затрагивает ту часть, которая составляет основу питания крестьянина и его семьи. Деревня Лангеншмерн (район г. Бибераха) заявляет: «Мы не хотим вести хозяйство из одной трети, а только за подходящий платеж, чтобы бедный человек мог остаться на своем хозяйстве и питаться»¹. Держание с одной трети является, по словам крестьян деревни Менхгофен (район г. Лейпгейма), «неподходящим». Крестьяне требуют сохранения существовавшего до тех пор в данном районе регулярного платежа². В деревнях Эпфинген и Гризинген сеньер не давал с его трети своим издольщикам ни соломы, ни других продуктов, необходимых для содержания скота. Крестьяне были не в состоянии держать столько скота, сколько им требовалось. Здесь, очевидно, издольщина выражалась в том, что сеньер забирал урожай одного из трех полей³.

Держание с одной трети являлось наиболее распространенной, но не единственной формой издольщины в юго-западной Германии. В отдельных документах имеются указания на наличие как более легкой формы — с одной четверти⁴, так и более тяжелой — испольщины. В землях Салемского монастыря в 60-х годах XV в. распространено было уже срочное держание в такой форме, что каждый год «в день св. Вальпургия» земли возвращались по первому требованию монастырю, который сдавал их снова, кому хотел. Из §§ 2—4 приводившегося уже устава Салемского монастыря видны условия этого срочного держания. Предусматривается, что при уходе арендатор должен оставить на месте такую часть соломы и навоза, которая соответствует условиям его держания — треть или половину⁵.

В. И. Ленин считает «аренду исполу» одной из бесконечных

---

¹ Correspondenz, N 888.— «Item mir wellend umb kain drittel buen, sunder umb ain zimlich gilt, dz sie der arm man by sein gut kind und erne- ren».

² Там же, № 890, § 1.— «...umb ain zimliche landslöfge, wie hinder und vor uns, gült zu bauen».

³ О существовании такой формы издольщины сообщает Теодор Кнапп. См. его «Neue Beiträge...», S. 110—111.

⁴ Correspondenz, N 900.

⁵ Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, 1925, Hft 2.

разнообразных форм закабаления мелких земледельцев¹. Обработка земли инвентарем крестьян является признаком отработочной системы, при которой существуют различные формы оплаты, не изменяющие, однако, ее сущности; производимую при испольщине «плату продуктом» В. И. Ленин рассматривает как одну из таких форм оплаты². При этом нетрудно убедиться, что В. И. Ленин не проводит принципиальной разницы между испольщиной и другими видами издольщины. Говоря о культурной отсталости и огромном проценте неграмотных среди негров в США, В. И. Ленин подчеркивает, что эта отсталость держится в США в XX в. благодаря наличию остатков рабства, представляющего собою пережиток феодализма. Признаком остатков рабства в южных штатах США, как указывает В. И. Ленин, является *издольщина*³. Это помогает нам понять требования крестьян юго-западной Германии, рассматривавших «арендную плату» в виде издольщины как одну из разнообразных повинностей, связанных с их личной зависимостью. Деревни Шемерберг и Альтгайн, например, требовали установить твердую ежегодную плату за землю и упразднить одновременно издольщину и такие повинности, как всевозможная барщина и ее денежная замена⁴.

Кроме уже рассмотренных видов сеньеральных повинностей, значительное место в деревне юго-западной Германии занимали платежи, связанные с крестьянской задолженностью. Торгово-ростовщический капитал проникал в деревню не только путем покупки сеньеральной ренты, но и путем наложения на крестьянское хозяйство новых «несеньеральных» рент за выданную ссуду. При установлении природы этих «несеньеральных» платежей, необходимо прежде всего учесть, что крестьяне рассматривали сеньеральные и ростовщические «Zinsen und Gülden» как явления одного и того же порядка. Участники заговоров «Башмака» выдвигали в своих программных требованиях, наряду с пунктами о сеньеральных платежах, специальные пункты, направленные против ростовщи-

---

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 387.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 160.

³ «Нетрудно представить себе, какая совокупность фактов из области правовых и бытовых отношений соответствует этому позорнейшему факту из области народной грамотности.

На какой же экономической основе выросла и держится эта милая «надстройка»?

На основе типично-русской, «истинно-русской» *отработочной системы*: *издольщины*. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 13.

⁴ Correspondenz, N 898.— «...uns fñrohin bey der gñlt lassen bleyben und nit weyter beschwären weder mit hñner, hennen noch ayer und kain drittail mer von uns nemen... wir begern auch des dienstgELTS und der dienst bzesein... auch ab heugeld».

ческого гнета. Такие же специальные требования имеются в некоторых крестьянских жалобах 1525 г., особенно у крестьян приозерного лагеря. Но и требования отмены «чиншей и платежей», содержащиеся в большинстве крестьянских жалоб в общей форме, имеют в виду несомненно как сенъериальные платежи, так и несенъериальные, которые сами по себе были разного, в том числе и ростовщического, происхождения. Штюлингенские крестьяне требовали, чтобы им указали корни и основания многих «чиншей, платежей и рент», которые им приходится платить¹. Смысл этого требования выясняется из содержания других статей штюлингенской жалобы, в которых крестьяне жаловались на многообразие платежей, имевших разное происхождение. Требование об уточнении оснований каждого платежа связано с тем, что крестьяне оспаривали законность его происхождения и функционирования в качестве регулярного платежа. В этой связи интересна 21-я статья штюлингенской жалобы, где указывается на то, что графы заставляют крестьян платить по задолженности самих господ, записывая крестьян поручителями². Очевидно, что общая формула 23-й статьи «zinss, gülden und renten» включает и платежи ростовщического происхождения.

О том же говорят и другие источники. В одном баварском уставе (монастыря Тиргауптена) предусматривается такое же переложение на крестьян задолженности самого монастыря. В таких случаях устанавливался особый платеж, который, очевидно, впоследствии превращался в новую регулярную повинность³. Так, крестьянские хозяйства обрастали новыми регулярными платежами. Крестьяне Ротского монастыря требуют в 6-й статье своей жалобы упразднить новые поборы, которыми обросли некоторые и без того отягощенные хозяйства⁴.

В роли приобретателей таких рент выступали не только посторонние люди, но и сами сеньеры. Кемптенский аббат прямо заявлял, что большая часть платежей, на которые крестьяне жалуются, «куплены им». Как сообщают крестьяне деревни Бах, их сеньер за долги ввел специальный платеж в один

---

¹ F. L. Baumann. Ук. соч., № 199, § 23.

² Там же, § 21.— «...so haben vnser herrschaften je zu zeiten gulten vffgenommen vnd vns vermögt, das wir iren gnaden zu vndertheinigen gefallen vnss fur sie verschrieben haben, im fall, wa sie die jerlichen gulten nicht bezalten, vnss in laistung zu stellen...»

³ J. Grimm. Ук. соч., т. VI, стр. 198, § 5.— «Ob sein Gotzhaus in schuld kem von geltschuld wegen, so hat er den gewalt, dass er uf alle seine güter ain gewonliche stür leget».

⁴ Correspondenz, N 34, § 6.— «desgleichen ob ettliche güter dann von alterher beswert und mit zinsen gestaigt weren worden, das dieselben gestaigten zins auch abthau werden».

гульден¹. Ряд данных о распространенности подобных рент во всем Вюртемберге приводит Теодор Кнапп в своих работах о вюртембергском крестьянстве. Подобные новые денежные ренты возникали не только в результате получения крестьянином у своего сеньера известной денежной суммы взаймы, но и в результате неуплаты крестьянином в срок своего ежегодного ценза или другого платежа. В уставе деревни Нордгейм (к юго-западу от Гейльбронна) устанавливалось, что все неуплаченные в срок сеньериальные и другие платежи превращаются в долг². Стаких новых долгов, имевших своим источником просроченные платежи (*versessenes zins*), надо полагать, взимались новые регулярные платежи.

Крестьяне включали все такого рода дополнительные денежные ренты в общую категорию «чиншей и платежей», которые отягощали их хозяйства. Задолго до Крестьянской войны требования тайных обществ «Башмака» содержали неоднократно повторявшийся пункт об упразднении тех рент, которыми фактически уже выплачена основная сумма долга (*hauptgut*), являвшаяся их основанием. Магистрат города Фрейбурга писал, что к тайному обществу примыкали люди, «обремененные множеством платежей и намеренные отделаться от них своевольно и без всяких оснований без уплаты основного долга»³. В другом послании фрейбургского магистрата указывалось, что вождю заговорщиков Иоссу Фрицу удалось привлечь к себе тех крестьян, «у которых хозяйства обложены рентами, превышающими приносимый ими доход, и которые стремятся поэтому к тому, чтобы потреблять много, а работать мало»⁴. Смысл этих слов заключался в том, что крестьяне, примкнувшие к «Башмаку», вовсе не хотели работать, поскольку подлежащие ежегодной плате ренты превышают самый урожай.

Но характерно, что те же крестьяне выражали готовность платить нормальный и «справедливый» процент в одну двадцатую часть ссуды (*von zwainzig-ain*), т. е. в 5%. Следовательно, их возмущение вызвано ростовщической природой долговых денежных рент, которые они отличают от рент сеньериальных, считая их одинаково тяжелыми. И в действительности, ростовщики, как и феодалы вообще, по существу, стремились к

---

¹ Там же, № 47, § 7.

² J. Grimm. Ук. соч., т. VI, стр. 315—318.

³ A. Rosenkranz. Ук. соч., т. II (Quellen), стр. 168.—«...mit vil zins und gulten beladen gewesen und darumb der meinung gestanden sint, die on hauptguet mit ir selbs fraveln und ongegründt».

⁴ Там же, стр. 182.—«hat er etlich purslewte (die ir guter mer, dan si ertragen mogen, versetzt, darzu ir gemut allweg uf vil zerung und wenig arbeit gestellet haben) an sich gezogen».

присвоению избыточного труда крестьян или по крайней мере — к участию в присвоении избыточного труда крестьян наряду с носителями сеньериальной эксплуатации. Особенности ростовщического процента докапиталистических эпох Маркс видел в том, что ростовщик стремился поглотить в форме процента «весь избыток сверх необходимых средств существования производителя (сверх суммы, составляющей впоследствии заработную плату)», т. е. то, что в капиталистическую эпоху составляет прибыль и земельную ренту. Докапиталистический процент отнимает «*всю прибавочную стоимость*», за исключением того, что приходится на долю государства»¹.

То, что мы можем узнать о высоте ростовщического процента в изучаемое нами время и о размерах сеньериальных платежей, говорит об их общей тенденции к поглощению всего избыточного продукта крестьянина. Сеньеры стремились к присвоению третьей части дохода крестьянского хозяйства. Как известно, средние века не знали общего размера ростовщического процента². Этот размер зависел от степени нужды мелкого производителя и от возможности в каждом конкретном случае его закабаления. Нормальным доходом с капитала в XVI в. в юго-западной Германии в тех случаях, когда сделки совершались на основе свободных отношений, считался доход в 5%. Среди материалов, опубликованных Баденской исторической комиссией, имеются многочисленные акты о продажах прав на получение платежей, причем в течение всего XV в. продажная сумма, равная двадцатикратной норме ежегодных доходов, преобладает с исключительной устойчивостью³. Нормальной ценой за право на платеж считалась, следовательно, та сумма, 5% с которой равны данному ежегодному платежу. В одном швабском уставе от 1450 г. предусматривалась продажа земли между членами общины по нормальной цене. Нормальной ценой земли при этом также считалась сумма, равная двадцатикратному ежегодному доходу с нее.

Требование крестьян — членов тайных обществ «Башмака» объявить пятипроцентную норму законным ссудным процентом, свидетельствует о том, что они страдали от эксплуатации ростовщиков, взимавших процент значительно выше установленной нормы. В этом отношении заслуживает внимания то место из сочинений Лютера, которое приводится Марксом в конце 36-й главы III тома «Капитала», где говорится об уров-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. II, стр. 144 (К. Маркс. Капитал, т. III, гл. XXXVI).

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 146.

³ Mitteilungen der Badischen historischen Kommission, N 14, S. 76—78. «Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins», Bd. VIII, 1899.

не процента от 30 до 40¹. Ростовщическая и сенъериальная эксплуатация имели, таким образом, общую тенденцию к поглощению не менее одной трети валового дохода крестьянского хозяйства, что при прочих повинностях — церковной десятине и различных видах платежей в пользу территориальных князей и фогтов — означало поглощение всего избытка «сверх необходимых средств существования производителя», т. е. то, что характерно для феодальной ренты. Свои жалобы против системы платежей крестьяне аргументировали тем, что совокупность всевозможных платежей урезывает жизненный минимум крестьянской семьи. Деревня Роттенаккер требует снижения платежей до такого уровня, «чтобы бедный человек был в состоянии, уплатив своему господину, прокормить своим трудом себя и своих детей»². Некоторые хозяйства из деревни Ланген-эринген были вовсе не в состоянии вносить свои платежи³. В таком же духе высказываются и деревни города Меммингена⁴.

Из всего предыдущего следует, что в условиях сенъериального строя (Grundherrschaft) сокращение сроков крестьянских держаний и приближение к формам срочных держаний с частыми изменениями условий сделалось средством сенъериальной реакции, многообразной формой извлечения феодальной ренты. В этом свете можно понять то значение, которое имело для реализации целей господ крепостное состояние крестьян (Leibeigenschaft). Самый факт распространенности этого состояния в юго-западной Германии не подлежит сомнению. Из буржуазных историков наличие института крепостного состояния отрицает только Янсен⁵. Но немецкой буржуазной историографии, в которой преобладает тенденция представить противоречия между крестьянами и сенъерами как противоречия не классового, а сословно-правового характера, вообще характерно стремление отрицать реальное значение института крепостного состояния. Историк-экономист Теодор Кнапп считает крепостное состояние крестьян в XV—XVI вв. «пережитком средневековья» (Vermächtnis des Mittelalters), имевшим в основном лишь символическое значение. Хотя Кнапп признает, что личный господин (Leibherr) участвовал иногда в дележе наследства крепостного весьма чувствительным образом, он все же объяснял непримиримую борьбу крестьян против института крепостного состояния главным образом тем, что «звание» Leibeigene, особенно в эпоху реформации и просвещения,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 161.

² Correspondenz, N 896.

³ F. L. Baumann. Ук. соч., № 167, § 2.

⁴ Там же, № 108, § 10.

⁵ J. Jansen. Geschichte des deutschen Volkes, Bd. I, Freiburg, 1883, S. 269—270.

воспринималось ими как оскорбление человеческого достоинства¹. Эбергардт Готэйн, Карл Лампрехт, а за ними и Вильгельм Штольце трактуют крепостное состояние как выражение территориального подданства.

Связь территориального подданства с институтом крепостного состояния указана была задолго до этих буржуазных историков Марксом. Говоря о том, что политическая реформа 1521—1522 гг. усилила централизацию внутри территориальных княжеств, но не означала установления государственного единства, Маркс писал в «Хронологических выписках»: «В то же время она создала это немецкое уродство (*dies deutsche Monstrum*), централизацию власти князей в децентрализованных частях Германии; вместе с этим паршивым княжеским суверенитетом создавалось специальное немецкое «подданство», которое делало крестьян и бюргеров одинаково «крепостными» государя...»². Мысль Маркса заключается в том, что территориальное «подданство» превращало всех в крепостных. Другими словами: Маркс не сводит институт крепостного состояния к подданству, а наоборот, — характеризует «подданство» немецких территориальных княжеств как крепостное состояние.

Эта трактовка Маркса подтверждается конкретной историей тех крестьян, которые в XV в. переходили из состояния непосредственно имперских крестьян в состояние территориальных подданных. Из специального исследования Баумана, посвященного свободным общинам графства Эглофс в Альгау, перешедшим около середины XV в. в территориальное подданство графов, видно, что этот переход сопровождался рядом таких изменений в хозяйственном статусе крестьян, которые низводили их на положение крепостных. Конец XV и начало XVI в. — время постоянных крестьянских волнений на этой почве. Неоднократно споры разрешались имперским судом, при содействии которого заключались «соглашения». Одно из таких «соглашений» (1474 г.) обязывало крестьян представить графу фон Монтфорт опись всех гуф с указанием, какими видами платежей они отягощены. Крестьяне обязывались выкупить все несеньеральные ренты с тем, чтобы в дальнейшем не совершать никаких сделок подобного рода без разрешения графа. Дальше устанавливался посмертный побор (*Todtfall*) в размере трех фунтов геллеров с мужчины и одного фунта с женщины³. Там же указывались работы,

¹ Т. К н а р р. Neue Beiträge..., S. 136.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, стр. 97 (курсив Маркса. — М. С.).

³ F. L. B a u m a n n. Der Alpgau, seine Grafen und freie Bauern. Zeitschrift des historischen Vereins für Schwaben und Neuburg, 1875, S. 68 ff.

какие крестьяне Эглофса обязаны были выполнять для графа. Пункт 5 соглашения предусматривал право графа штрафовать свободных за брак с «неподобными» (*ungenossami*), т. е. с лицами другого юридического состояния (не крепостного) или другого господина. Все эти ограничения прав крестьян означали не что иное, как низведение бывших свободных на положение крепостных. Другое «соглашение» (1524 г.) говорило о дальнейших шагах в этом направлении. Содержавшаяся в этом документе оговорка о праве передвижения крестьян характерна для случаев введения крепостного состояния и свидетельствовала о том, что графы даже добивались запрещения права ухода крестьян. «Соглашение» 1524 г. содержало также более строгие предписания против браков с «неподобными». Бауман объясняет все эти действия стремлением низвести крестьян на уровень крепостных.

Перед нами здесь — попытки представителей территориальной власти закрепить свое господство путем распространения на всех подданных крепостного состояния. О таких же попытках мы узнаем и из отдельных франконских уставов. Относящийся ко второй половине XV в. устав деревни Обергейм устанавливал права майнцского архиепископа и указывал, что последний, как территориальный князь и курфюрст, назначал для деревни фогта, который получал 4 фунта в год крепостного побора (*Leibsbede*) со всей деревни, сколько бы крестьян ни проживало в ней. Крепостное состояние распространялось, таким образом, на всю деревню. Согласно уставу франконских деревень Нейштадт и Эрлах, всякий крестьянин, вновь поселившийся в этих деревнях, становился крепостным после одного года и одного дня, если в течение этого времени никакой другой личный господин не предъявлял своих прав на него. В этом уставе подчеркивалось, что в Нейштадте не может быть вообще свободных хозяйств¹.

Итак, в распространении крепостного состояния известную роль сыграло усиление территориальной власти, но из этого не следует, что само это состояние означало территориальное подданство и якобы носило публично-правовой характер. Связь усиления крепостного состояния с упрочением территориальной власти свидетельствует лишь о стремлении представителей территориальной власти использовать институт крепостной зависимости крестьян. Не только территориальные князья, но и обладатели судебных прав (*Gerichtsherren*) и сеньеры (*Grundherren*) прибегали к распространению крепостного состояния на всех своих людей, что, следовательно, являлось

---

¹ J. Grimm. Ук. соч., т. VI, стр. 51.

общей тактикой всех господ. Теодор Кнапп относил юго-западную Германию к районам локального крепостного состояния (Lokalleibeigenschaft), т. е. к районам, где существовала автоматическая связь крепостного состояния с состоянием подданства по отношению к обладателю судебных прав (Gerichtsherr) и к районам реального крепостного состояния (Realleibeigenschaft), т. е. к районам, где существовала такая же автоматическая связь крепостного состояния с состоянием подчинения сеньеру. Монастырь св. Петра установил для принадлежащей ему деревни Шварцах, что всякий чужой человек, поселившийся во владениях монастыря, после одного года и одного дня обязан выполнять все повинности наряду с другими «людьми монастыря», а его дети считаются уже крепостными лишь вследствие своего рождения там¹. Брак свободной женщины с крепостным по уставу монастыря С. Блазиен, для деревни Штейнен лишал ее свободного состояния; дети от такого брака становились крепостными монастыря². Это постановление нарушало старое правило о том, что дети от неравных браков приравниваются к состоянию свободного родителя (der persern hande nach) или же к состоянию матери. Устав деревни Ингерсгейм устанавливал для всех вновь прибывших присягу верности, в которую наряду с другими обязательствами личного характера включалось также обязательство «не отрекаться от крепостного состояния»³.

Таким образом, для всех территориальных князей, обладателей судебных прав и сеньеров характерно стремление закрепить за собой — наряду с их основными правами и привилегиями — также права личного господства по отношению к своим подданным. О той настойчивости, с какой это стремление осуществлялось, говорят материалы Кемптенского аббатства. Во время разбирательства спорных вопросов между аббатами и крестьянами в г. Гюнцбурге 14 января 1525 г. крестьяне представили арбитрам список из 1200 человек, насильственно превращенных за последние годы из свободных чиншевиков в крепостных⁴. Из протокола гюнцбургского разбирательства видно, что переговоры кончились неудачей из-за непримире-

¹ J. G r i m m. Ук. соч., т. I, стр. 424. — «...und was er fur kinder überkomet, dwil er in Sanct-Peters gericht sitzt, die sollen dess klostere libeigen sin».

² Там же, т. IV, стр. 485.

³ Там же, стр. 525. — «...und mit sicherheit, der lipeigenschaft nit abzusteuen».

⁴ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., N 62b, стр. 80. — «...das in kurzen vergangen jaren bey den zwelfhundert menschen, die vormalts...frey zinser... gewesen, ietzo alle sich zu aigen ergeben miessen, hette etliche durch gefengknuß vnd etliche durch andere beschwerliche weg darzue und zu der aigenschaft getriben vnd genot worden were».

мой позиции каждой из сторон в вопросе о крепостном состоянии. Никакими доводами арбитры не могли добиться у крестьян уступчивости. Отмену незаконных превращений свободных в крепостных крестьяне выдвигали как предварительное условие всякого дальнейшего продолжения переговоров. Волнения на почве таких незаконных превращений имели место неоднократно. После волнений в 1492 г. и вмешательства Швабского союза крестьяне вынуждены были согласиться на закрепление за каждым из них его настоящего положения. Однако «соглашение» 1492 г. нарушалось аббатами, которые продолжали превращать свободных в чиншевиков, а чиншевиков — в крепостных¹.

Упорство и непримиримость сторон во владениях Кемптенского монастыря и в других местах по вопросу о крепостном состоянии полностью опровергают утверждения буржуазных немецких историков о якобы нематериальном значении этого института. Эбергардт Готэйн и Теодор Кнапп, как уже известно, утверждали, что Реформация открыла глаза крестьянам на оскорбляющее человеческое достоинство название «крепостной». Однако непримиримая борьба кемптенских крестьян против насильственного и массового превращения их в крепостные началась больше чем за полвека до Реформации, а в 1492 г. крестьянские волнения на этой почве вызвали большую тревогу во всей юго-западной Германии и заставили Швабский союз привести в состояние готовности свои силы².

Чтобы правильно оценить значение института крепостного состояния в условиях сеньерияльного строя и понять причины острой борьбы вокруг него, необходимо прежде всего иметь в виду, что прямые крепостные платежи, т. е. те регулярные ежегодные платежи, которые взимал личный господин с крепостных, не могут служить в данном случае критерием для решения вопроса. Эти платежи часто сводились к передаче личному господину курицы или другого незначительного взноса, имевшего главным образом символическое значение, как подтверждение самого факта крепостного состояния. В полемике Салемского монастыря с представителями его крестьян характерен спор по поводу так называемой «курицы под заговение» (*Fastnachthuhn*). Крестьяне не отказывались давать курицу, но не в качестве крепостных (*Eigenleute*), а в качестве подданных монастыря (*Gotteshausleute*). Дело, таким образом, было не в самом взносе, а в его основе. В иных случаях, кроме курицы, взимался и небольшой денежный взнос, имевший такое же назначение. Устав швабской деревни Вейлер не определяет размеров

¹ F. L. Вагманн. Ук. соч., N 401, стр. 336—337.

² См. главу V данной работы.

крепостного платежа, называвшегося здесь «*weiset*», но указывает, что он дается для подтверждения прав мейера на посмертный побор¹. Приведенный выше устав франконской деревни Обергейм устанавливает размер крепостного побора (*Leibsbede*) для всей деревни в 4 фунта. В деревне Обергейм, полностью крепостной, было 18 крестьянских держаний. Сумма крепостного побора, падающая на каждое из 18 держаний, составляла, таким образом, 4 шиллинга $2\frac{2}{3}$ пфенига. Представление о размере ежегодных платежей крепостных можно получить из данных об их продаже, т. е. о продаже прав на взимание крепостного побора, имеющих в опубликованных Баденской исторической комиссией материалах констанцского архива. Для первой половины XIV в. преобладает продажная цена в 2—3 фунта. Во второй половине XIV в. и в начале XV в. она заметно возрастает и доходит до 7 и 14 фунтов, хотя встречаются также случаи продажи за 4 фунта. Эти суммы, как мы уже видели выше, составляли двадцатикратную сумму тех платежей, т. е. тех крепостных поборов, право на которые покупалось. Каждому фунту продажной суммы соответствовал один шиллинг ежегодного платежа крепостного побора. Итак, крепостной побор в XIV—XV вв. колебался в своих размерах, но уже в начале XV в. он доходил и до 14 шиллингов в год. Такая сумма не может быть названа незначительной и имеющей лишь символическое значение. Однако степень тяжести крепостного состояния для крестьян не определялась ежегодным крепостным побором и в этой оптимальной его форме.

Основное значение института крепостного состояния заключалось, во-первых, в особых повинностях, связанных с ним, и, кроме того, во-вторых, в том, что этот институт являлся в районах сеньериального строя для князей, сеньеров и обладателей судебных прав удобным орудием нажима на крестьян. Именно поэтому все господа старались присоединить к своим правам также и права личных господ.

С крепостным состоянием связаны были особые права на крестьянский труд. Теодор Кнапп приводит два документа об отдаче в крепостные из деревни Гаунсгейм от 1478 и 1512 гг. Отдающиеся обязываются выполнять все повинности крепостных². В переговорах комиссаров эрцгерцога Фердинанда с альгаусцами последние заявили, что они не хотят быть больше

---

¹ J. Grimm. Ук. соч., т. VI, стр. 307.

² T. K n a p p. *Gesammelte Beiträge zur Rechts- und Wirtschaftsgeschichte vornehmlich des deutschen Bauernstandes*, Tübingen, 1902, S. 342—350: «...und alles das tun und pflichtig sein sollen und wollen in all sachen als inen anders ir leibaigen leut zu Haunsheim gehörende schuldig sind zu tunde».

крепостными и выполнять специальную барщину, связанную с крепостным состоянием¹. Повинности крепостных, как это следует из устава франконской деревни Гельмштадт (около Юрцбурга), были тяжелее, чем повинности свободных. Одно держание в этой деревне считалось свободным; но если держатель захотел бы пользоваться водой и лугом, то должен был бы выполнять все повинности крепостных².

Особенно характерна статья 59-я жалобы штюлингенских крестьян, посвященная крепостному состоянию. «По праву,— говорится там,— все рождаются свободными. Мы же из-за проступков наших предков и наших собственных оказались крепостными, а наши господа поступают с нами, как с рожденными рабами, и заставляют нас делать для них все, что они прикажут, а со временем дойдет до того, что они начнут нас продавать. Просим освободить нас от крепостного состояния. Тогда мы, как верные подданные, будем выполнять для наших господ все, что не относится к указанным отягощениям и что мы обязаны делать истари»³.

С крепостным состоянием, таким образом, связана была обязанность выполнять для господ «все, что прикажут»; для крестьян же, не находившихся в этом состоянии, оставались лишь определенные, истари существовавшие обязанности. Расширение посевов льна и других товарных культур в господском хозяйстве, так же как и увеличение потребностей сеньеров в перевозках вина и других продуктов в связи с развитием местных рынков, стимулировали повышение интереса господ к крестьянскому труду и их стремление сделать всеобщей систему барщины, определяемой нуждами господского хозяйства⁴.

---

¹ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., № 283, § 3, стр. 274: «...nit mer liebaigen, wie bisher, zu sein, auch aller beschwerd vnd frondienst, wie idie ymmer genant vnd bisher furgenomen vndgebraucht worden sein, darzu man vnss der leibaigenschaft halben... getrungen vnd gewaltigt hat,...»

² J. G r i m m. Ук. соч., т. VI, стр. 76, § 2.— «so sol er tun alz ein ander unsers heren von Wernheim armer man da gesessen, der sin aigen ist an bete, an stüre, an anzüge, an dienste, nicht uszgenommen».

³ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., № 199, стр. 206—207.— «Wiewol von recht ain jeder anfengklich frey geporn, vnd vn das wir oder vnser forfaren ye verschuldt hetten, das wir zu der leibaigenschaft genomen werden sollten, yedoch wellent vnser herrschaft vnss für eigen leut haben, halten vnd vermeinen, das wir inen alles thun sollen, was sy vns heissen, als weren wir geporn knecht, vnd es mit der zeit dahin mocht komen, das sy vn auch verkaufen wurden. Ist vnser pitt zu erkennen, das sie schuldig seient, vnss der leibaigenschaft zu erlassen vnd kein mer zu derselbigen dringen wol'en, wir sunst als getreuw vnderthaun ausserhalb diser beschwerden vnser herrschaft thun, was wir von alters here schuldig gewessen».

⁴ См. выше, стр. 59—61.

Основанием для таких претензий господ на крестьянский труд могло являться только крепостное состояние крестьян. Отсюда заинтересованность сеньеров в распространении состояния крепостных на возможно большее число крестьян.

Большое значение имело крепостное состояние для увеличившихся претензий господ на крестьянское имущество. В западной Германии существовало старое правило, по которому всякое имущество, приобретаемое крепостным, приобретается им для своего личного господина. Пережитками этого правила в XVI в. являлись права личных господ на участие в наследстве крепостных¹. Лучшая голова скота (Besthaupt) взималась в XV—XVI вв. не только с крепостных, но с крепостных она взималась более строго. Кроме лучшей головы скота, личный господин брал с крепостных и значительную часть, а в некоторых случаях и все движимое имущество. Устав второй половины XV в. деревни Овинген в Линдгау устанавливает для свободных чиншевиков обычный посмертный побор. С крепостных же, которым посвящено большинство параграфов, предусматривался посмертный побор, состоявший из лучшей головы скота, лучшего оружия и, кроме того, третьей части наследства. Имущество бездетных вдовцов и вдов, имущество холостяков и незамужних после смерти владельцев переходило полностью к сеньеру — монастырю св. Иоргена. Аналогичные правила устанавливались и для деревень Салемского монастыря. После смерти крепостного и его жены представитель монастыря забирал все движимое имущество. Такой же порядок предусматривался там и для наследства, оставленного свободным вступившим в брак с лицом крепостного состояния².

Указанное здесь значение крепостного состояния особенно ярко отражено в материалах Кемптенского аббатства. Статья 6-я жалобы кемптенских крестьян посвящена разделу наследства. Представитель монастыря являлся сейчас же после смерти крепостного и, невзирая на бедность и оставленных детей, забирал половину описанного имущества, а в некоторых случаях — даже больше того. В 8-й статье, где содержалась жалоба на посмертный побор с некрепостных, речь шла только о лучшей голове скота или лучшем платье. Таким образом, и здесь посмертный побор с крепостных заключался не в лучшей единице наследства, а в доле всего наследства.

Это несомненно влияло на непримиримость крестьян аббатства в вопросе о крепостном состоянии. Практика дележа на-

¹ T. K n a p p. *Gesammelte Beiträge...*, S. 349—350; *Neue Beiträge...*, S. 130 ff.

² J. G r i m m. *Ук. соч.*, т. I, стр. 361; *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*, 1925, Hft 2—Jahrbrief, § 9, 31—33; 37; *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*, Weistum Owingen (Lindgau).

следства, как сообщают сами крестьяне, введенная 60—70 лет назад, связана была с массовыми насильственными превращениями свободных в крепостных. Требуя отмены системы дележа имущества, крестьяне указывали, что в крепостное состояние они попали насильственным путем. Борьба вокруг крепостного состояния составляет, таким образом, одну из сторон борьбы за право собственности на крестьянское имущество.

Характерно возражение кемптенского аббата на 4-ю статью крестьянской жалобы, в которой крестьяне требовали для себя права свободного вступления в брак. Среди других аргументов аббат указывал и на то, что он не может допускать свободных браков между крепостными и некрепостными (*ungenossam*), потому что с личной зависимостью связано также известное отношение личного господина к хозяйству крепостного: «...имущество бедных людей,—возражает аббат крестьянам,—составляет их собственность, но сами бедные люди составляют собственность господ, и каждый крепостной подчиняется юрисдикции господина в отношении себя и своего имущества. Только ему они обязаны послушанием в области суда, штрафов и налогов и никому другому. Таков порядок и обычай во всем Альгау. Если же позволено будет такому крепостному человеку свободно и безнаказанно связаться браком с лицом, являющимся крепостным другого господина, то его имущество перейдет путем наследования и посмертных поборов под власть других господ, а те, которые раньше имели в отношении их верховную власть и право пользования,—будут совсем устранены. Так оно обстоит не только у его милости, но и у всех кругом живущих, согласно альгаускому обычаю...»¹.

Этот яркий и откровенный ответ, данный от имени аббата, показывает, что в вопросе о крепостном состоянии крестьян речь шла не о пережитке, оставшемся в названии, а о совершенно реальных претензиях господ на имущество. Особого внимания заслуживает ссылка аббата на распространенность этого порядка во всем Альгау. Если аббат откажется от принятого им и его предшественниками превращения всех

---

¹ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., № 62, стр. 59. — «Nämlich ist vrsach das die guter der armen leut eigen sein, vnd dieselbigen armen leut der herren eigen, vnd ain jeder eigen man den gerichtszwang bey ime vnd seinem gut tregt, demselben gerichtpar, strafpar, steurpar, gehorsam vnd gewärtig ist vnd kainem andern nach vermög des algeyischen geprauchts. Soll nun demselben eigen man zugelassen sein, sich mit aines andern herrn leibaigen menschen frey on straf sich seins gefallens zu verheyraten, kommen dieselbigen guter durch die erbschaft vnd todsfäll in ander herren gewaltsam vnd dem, der die yewelten mit der oberkait vnd nutzung, wie obsteet, gehapt, genossen vnd gepraucht hat, entlich entzogen. Geschicht nit allain bey seinen gnaden, sonder bey den andern vmbssäsen in dem allgewischen prauch».

своих крестьян в крепостных и предоставит им свободу брака, то в виду распространенности по всему Альгау порядка подчинения имущества крепостных господам, имущество его зависимых крестьян делается достоянием других господ, именно — личных господ тех лиц, с которыми они вступают в брак. Кемптенский аббат опасался, что в результате таких браков его зависимых крестьян он не сможет осуществлять в отношении их имуществ ни своих сеньориальных, ни судебных прав¹. Для того, чтобы этому воспрепятствовать и обеспечить за собою полный и всесторонний контроль над имуществом своих крестьян, кемптенские аббаты старались сделать их своими крепостными.

Такое отношение к имуществу крепостных можно наблюдать не только по материалам Альгау. В одном уставе XV в. Иберлингенского монастыря приводится текст формулы верности для тех крестьян, в отношении которых монастырь является и сеньером, и личным господином, и отдельно для тех, которые имеют особых личных господ. Общим для обеих категорий является обещание всячески заботиться о пользе монастыря, оберегать его от возможных убытков (*seinen schaden zu warnen*) и подчиняться его распоряжениям (*gebot und verbot g'horsam zu seind*). Крепостные же должны были, кроме этого, обещать «не менять каким бы то ни было путем ни личного, ни имущественного статуса и не отягощать (своего имущества и личности) без позволения, ведома и воли монастырского управляющего»². Как видим, имущество крепостных рассматривалось как состоявшее под полным контролем личных господ. Крепостной не мог не только продавать, но и вообще заключать какие-либо сделки под залог имущества без позволения личного господина.

Особое отношение к имуществу крепостного проявляется во многих уставах XV—XVI вв. Баварский устав монастыря Альтенмюнстер устанавливал особый платеж в пользу аббатиссы за помилование преступника. Если преступник, в пользу которого было дано помилование, был крепостным, то он должен был отдать весь годовой доход от хозяйства³. С некрепост-

---

¹ F. L. B a u m a n n. Ук. соч., стр. 60.— «Es möcht auch von kainer oberkait, gleich als wenig als von seinen gnaden, die zulassung der vngnossen heyrat erlitten werden, dann dadurch kämen die oberkaiten vmb gericht, leut vnd guter».

² J. G r i m m. Ук. соч., т. V, стр. 216—217.— «...ir lib und guet in dehaenen weg zuo verendren noch zuo beschwaeren oune gunst, wissen und willen des gotzhus pflegers und spitmaisters».

³ J. G r i m m. Ук. соч., т. VI, стр. 192.— «...sol einer abtessin geben so vil landschul als das gut ain jar ertragen mag».

стных брался платеж в зависимости от характера дела¹. И здесь, таким образом, проявляются особые претензии на имущество крепостного.

Из всего сказанного вытекает общее значение института крепостного состояния в условиях сеньериального строя. Наличие прав личного господина в руках сеньера-обладателя судебных прав и князя подводило «законное» основание под все акты сеньериальной реакции. Сеньеры хотели сделать крепостное состояние общим для всех своих крестьян, чтобы применять к их имуществу, хозяйству и труду права, существовавшие в отношении имущества и труда крепостных. Крепостное состояние крестьян облегчало сеньеру расширение размеров их обязательных работ, благодаря установлению такой гибкой нормы, как удовлетворение всех нужд замка. Характерные для личных господ претензии на все имущество крепостных являлись для сеньеров удобным средством усложнения системы повинностей, умножения ее разнообразных видов и доведения ее до поглощения всего избыточного, а иногда и необходимого продукта крестьянского хозяйства.

Аббаты Тиргауптенского монастыря, объединявшие в своих руках сеньериальные и судебные права, стали рассматривать крестьян — держателей своей земли — как монастырских крепостных, называя их «бедными людьми монастыря». Вместе с тем для всех крестьян устанавливались худшие условия держания. Монастырь закрепил за собою в уставе право сгона любого держателя и замены его другим по собственному усмотрению. Разумеется, что при этом менялись к худшему для крестьян условия держания. Согласно § 5 тиргауптенского устава монастырь имел право налагать на всех крестьян, являвшихся его держателями, особый платеж для покрытия его (монастыря) задолженности. Норма участия каждого крестьянина в платежах по монастырской задолженности определяется формулой — «каждый по своему положению, сколько он в состоянии вынести»². Приведенный выше устав Альтенмюнстерского монастыря применял эту же формулу только к крепостным. В основу ее был положен принцип права личного господина на весь доход крепостного.

Таким образом, основное значение крепостного состояния заключалось не в тех регулярных повинностях, которые были непосредственно связаны с этим состоянием, а в том, что оно служило основанием для расширения сеньериальных прав на землю и имущество крестьян и сделалось удобным средством

---

¹ Там же. — «...von den andern mag si nemen nach gelegenheit der sachs».

² Там же, стр. 198. — «...iederman nach sein statten, dasz er wol ertragen mag».

повышения их повинностей. Этому крепостническому основанию соответствовал, как мы уже видели выше, самый характер крестьянских повинностей. Значение права личного господина выступало прежде всего в сочетании с сенъериальными и судебными правами, когда оно могло являться орудием и средством сенъериальной реакции. Именно поэтому сеньеры и обладатели судебных прав сделали главными застрельщиками в распространении крепостного состояния на всех крестьян. Этим объясняется также борьба господ против всякой внешней для данной сенъерии зависимости крестьян, борьба, нашедшая яркое выражение в строгих штрафах за браки крепостных не только со свободными, но и с крепостными других господ.

* * *

Всеобщее преобладание крепостного состояния крестьян, так называемого крепостничества «второго издания», установилось в Германии в полной мере в XVI в. после подавления Великой крестьянской войны, явившейся апогеем крестьянской борьбы. Основными районами распространения возобновившегося крепостничества сделали в Германии восточные земли, в которых еще раньше обнаружились тенденции к возникновению системы крупного господского хозяйства (*Gutsherrschaft*), тенденции, развитию которых препятствовали политические условия, в первую очередь — всеобщий подъем в Германии крестьянского движения. Однако самый подъем крестьянского движения, усилившийся во время гуситских войн, являвшихся, по выражению Маркса, «национально-чешской крестьянской войной», имел своей основной причиной начало процесса сенъериального наступления и нажима на крестьян, вызванного бурным развитием городов и товарного хозяйства в XIV—XV вв. и усиленного в XV—XVI вв. появлением элементов капиталистических отношений. Этот первый этап сенъериальной реакции, нараставшей в течение XV и начала XVI вв., происходил по причинам, указанным выше, не в районах ее позднейшего расцвета, не в районах намечавшегося уже тогда развития крупного господского хозяйства, а в районах сенъериального аграрного строя (*Grundherrschaft*). Материал данной главы показывает конкретные формы проявления сенъериальной реакции в юго-западной Германии. Следующие главы посвящены раскрытию социальной борьбы, развернувшейся в XV и в начале XVI вв. на почве первого этапа сенъериальной реакции и проявившейся в бурном подъеме антифеодального

крестьянского движения в обстановке общего нарастания оппозиционного движения в других слоях общества. В условиях раздробленной Германии эта многообразная классовая борьба получила весьма важное историческое значение, образуя предисторию первого акта буржуазной революции в Европе.

ГЛАВА III

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОТКЛИКИ ГУСИТСКИХ ВОЙН В ГЕРМАНИИ И ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «РЕФОРМАЦИЯ ИМПЕРАТОРА СИГИЗМУНДА»

Источники сообщают очень мало конкретных данных о массовых народных выступлениях в Германии в последние годы гуситских войн и непосредственно после них. Однако даже отрывочные данные и те указания на народные выступления, которые содержатся в переписке деятелей Базельского собора и некоторых княжеских кругов и имперских городов самой Германии, свидетельствуют о большом политическом значении, придававшемся этим выступлениям в официальных кругах. В них видели не только отдельные отклики на гуситское движение, но и начало нового немецкого движения, близкого по своему характеру к великому политическому подъему чешского народа эпохи гуситских войн.

Некоторые деятели того времени, обладавшие достаточным политическим чутьем, осознали международное значение чешских событий первой половины XV в. и высказывали свое мнение относительно возможности возникновения подобных им явлений в других странах. Собравшиеся в Бурже в феврале 1432 г. представители французского духовенства указали, что опасная ситуация, созданная в европейских странах гуситскими войнами, не может быть устранена действиями отдельных правительств и требует вмешательства такого международного органа, каким является, по их мнению, Базельский собор. В составленном тогда в Бурже меморандуме о задачах Базельского собора по отношению к гуситским событиям говорится, что чешская ересь — «эта раковая опухоль» — обнаруживает тенденции к распространению по другим странам и что причины, облегчающие это, заключаются в тесной связи данной ереси с требованием облегчения материального положения людей, с отрицанием этой ересью всякого феодального господства и феодальных платежей как церковным, так и светским госпо-

дам¹. Если арианство, не выдвигавшее требование каких-либо материальных облегчений, отозвалось в свое время во многих странах, превратившись из искры в большое пламя, то тем легче будет расширяться «это заблуждение, распространяющееся естественным движением», имеющее в своей основе реальные требования². Светские власти Чехии, жалуются дальше авторы меморандума, так же как и чешская знать, не сумели отстоять социальный порядок. Многие из господ были изгнаны; они вынуждены были после разрушения их замков отказаться от всякого господства. Не могли они и оказать сопротивление; «народ представляет собою множество, в то время как господин один стоит над своими подданными. Не легко же одному господину бороться против массы народа»³.

Подчеркивая, таким образом, массовость и антифеодальную направленность чешской ереси, авторы меморандума французского духовенства указывали на случаи народных восстаний во Франции и в Италии, которые принимали грозный характер. «Восставшие, не обращая внимания на знатность, не щадя ни пола, ни возраста, ни положения, сжигали феодальные документы (*libros censuales*), нападали на замки и отнимали у господ движимое имущество. К тому же они осмеливались заявить, что достаточно двух священников для всей страны и что все знатные обязаны трудиться собственными руками, согласно заповеди бога Адаму: «в поте лица твоего ешь хлеб твой». На этом основании, — жалуются авторы меморандума, — восставшие утверждают, что не следует платить светским господам никаких поборов. Как же далеко заведет и к чему приведет это чешское заблуждение, пусть судит всякий мудрый человек!»⁴

---

¹ F. Palacky. *Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges*, Bd. II, S. 272. Prag, 1873. — «...quia naturaliter homo homini subesse aut tributa solvere abhorret, et cum error Bohemorum spiritualem et temporalem praesidentiam, aut tributa decimarum, oblationum et quaevis alia ecclesiastica nec non et temporalia, aboleat et excretur: ideo hic cancer lenius serpit».

² Там же. — «...quanto magis hic error per meatus naturales veniens et avaritiae se commiscens facilius multos inflammabit».

³ Там же. — «...nec fuit possibile, ecclesia tacente et demum fugata, nobilibus resistere; populus enim multus est et dominus unus suis subditis praepositus; nec facile est uni domino adversari populo multo».

⁴ F. Palacky. Ук. соч., стр. 272—273. — «...non nobilitati et sexui, non aetati aut conditioni parcentes, libros censuales siue terreria concrementantes, castella invadentes et dominos suos suis mobilibus spoliantes; ausique sunt dicere, quod in tota patria sufficerent duo sacerdotes, et quod omnes nobiles ad laborem propriarum manum tenebantur ex sententia divina in genus humanum et personam Aadae «in sudore videl. vultus tui vesceris pane tuo» prolata. Ex quo inferebant tributa dominis temporalibus non

Политическая ситуация, созданная в Европе чешскими событиями, по мнению авторов меморандума, представляла собою международную проблему, решение которой должен взять на себя Базельский собор. Руководящие круги французского духовенства стремились, конечно, использовать создавшуюся ситуацию для усиления своей позиции на самом Базельском соборе для усиления своей соборной партии. Представители французского духовенства старались поэтому подчеркнуть в данной ситуации то, что больше всего вызывало тревогу господствующего класса в разных странах. Речь шла не только об антифеодальном движении самом по себе, которое для XV в. не являлось новостью, а о том, что в чешских событиях антифеодальное движение, вовлекающее огромные массы народа, выступало основной силой того большого политического народного движения, которое подрывало основы империи и которое способно было привлечь на свою сторону разнообразные слои оппозиции.

Особенно сильна была тревога в реакционных кругах разных стран после разгрома четвертого и пятого крестовых походов против гуситов, которым предшествовало возобновление блока между умеренными и революционными лагерями. В период между этими крестовыми походами (1426—1431 гг.) вся европейская реакция была потрясена крупными победами революционной чешской армии, вышедшей за пределы Чехии и проникшей в Баварию, Австрию, Силезию и Венгрию. После краха пятого крестового похода в 1431 г. руководящие деятели европейской реакции вынуждены были признать безуспешность своих попыток победить гуситов в открытом бою и необходимость перейти к другим методам борьбы.

Еще быстрее, чем войска революционной чешской армии, по немецким землям распространялись антифеодальные идеи таборитов. Те же круги Базельского собора, которые подчеркивали международное значение чешских событий, указывали на то, что эти события находят большой отклик в Германии. Яснее всего выражается по этому поводу нотарий Базельского собора Петер Брунетти в письме в Аррас: «Крайне полезно, — писал он, — чтобы этот собор продолжал свою деятельность, ибо незадолго до моего прибытия на Верхнем Рейне восстало около 4000 крестьян против двух городов — Вормса (?) и Шпейера и притом — не только против церковников, но и против знати, и если бы я не бодрствовал на диспутах каждую ночь..., я был бы в величайшей опасности. А впредь я не стану проезжать эти районы, если даже дадите мне за это две пребенды. Сле-

---

debere solvi. Et quantum deviet aut conjungatur error iste Bohemis, judicet sapiens quisque».

дует опасаться, что если собор не предотвратит это, то все крестьяне Германии возьмут сторону этих чехов»¹.

Автор письма, принадлежавший также к «соборной партии», усматривал политический и международный характер событий в том, что крестьянское движение, распространявшееся по Германии, шло по стопам чешского движения и содержало угрозу политического переворота, направленного против империи. На это же обстоятельство указала тогда и другая партия Базельского собора — «папская партия», представленная видной фигурой Николая Кузанского. По мысли Николая Кузанского, выходом из трудного международного положения должно быть не повышение авторитета собора, а прежде всего укрепление церковной централизации и политического авторитета папства. Он обращал внимание на политическое значение создавшегося положения, на то, что всех охватило волнение, которое довело до печального состояния «богом сотворенную империю». Возмущение дьявола, пишет он в главе 24-й своего большого политического трактата — «Concordantia Catholica», направлено на устранение мира и разрушение старого порядка. Имеют место «нахальные нападки младших на старших, лишенных чести против почтенных...». Основное зло, по его мнению, заключалось в новом образе мышления, «в направленном против духа отцов безумии», благодаря которому нет никакой любви к начальникам, к частным достоинствам и к строгому порядку. «Вот что, — заключает он, — охватило и взволновало мою душу, омрачило дух мой, подобно густому облаку, и заставило мои глаза лить слезы обильным ключом»².

---

¹ F. Palasckу. Ук. соч., стр. 269. Summe expedit, quod hoc concilium continetur, nam modicum ante accessum meum supra Renum Rustici fere quatuor millia se insurrexerunt contra duas ciuitates Wunnensem et Spirensem nedum contra ecclesiasticos ymo etiam contra nobiles, et si non fuisset aduisatus in responsis singulis noctibus dum eram in stuphis fuisset in maximo periculo. Et alias si daretis michi duas prebendas non transirem per partes illas. Timendum est quod nisi concilium prouideat, omnes isti Rustici de Germania tenebunt partem istorum Bohemorum». Палацкий в примечании предположительно переводит «Wunnensem» источника как Бонн. Более вероятно представляется, что в источнике стояло «Wurmensem» — Вормс.

² D. Nicolai de Cusa cardinalis, utriusque Juris Doctoris... Opera Basileae, 1565. Tomus II, 4. De Concordantia Catholica, cap. XXIV, p. 806. «...Praecipuum autem malum, et calamitatum arx est Ecclesiae tempestas... pacis expulsio et ueteris ordinis disolutio, ausus irruendi iunioris in seniore, et inhonorati aduersus honorabilem... apud Ecclesiam iniustitia fiducialiter agente, amor principatus, ac amor priuatus, et tunc nullius seueritatis propter haec reputatio, nec non contra spiritualē patrē rabies et insania. Haec sunt quae meam obtinebant et turbabant animam, et tanquam nubes crassa obtenebrabant animū, ac oculos cogeant fontes mihi lacrymarum largiri...».

Представитель папской партии Николай Кузанский указывал прежде всего на «бедствия церкви», считал, что исцеление могло последовать в результате ее укрепления и централизации. Однако мы видим, что суть «кризиса» он усматривал в новых движениях, подрывавших политическую систему империи. Поэтому церковная централизация, по его взглядам, должна быть связана с имперской реформой, с централизацией политической в общем «католическое единство» (*Concordantia catholica*). Если церковь, утверждает он, душа христианского тела, то император — голова его. Трудности не могут быть устранены без политической реформы, без подчинения князей императору. Николай Кузанский резко обрушивается на князей, стремящихся к расширению своих богатств за счет имперских благ. Он называет эту тактику князей «величайшей слепотой» (*caecitas maxima*) и говорит, что она подрывает социальный и политический порядок, на котором они сами держатся. Что же последует из этого, спрашивает он, если не разрушение всего?... подрыв всего политического порядка, который приведет к опасным последствиям. «...Обманывают себя князья,— заключает он,— когда расхищают имперские права, чтобы сделаться более могущественными и сильными, так как после того, как они расхитят и раздерут на части всю империю во главе и в членах, прекратится иерархический порядок: ибо не будет первого, к которому можно прибегать, а там, где нет порядка, там существует замешательство, а там, где замешательство, там никто не может считать себя в безопасности. Итак, в то время, когда знатные спорят между собою, восстанут стремящиеся захватить все права, опираясь на собственные силы; ибо так же, как князья пожирают империю, народные массы поглотят князей»¹.

Здесь не место останавливаться на том, что реакционный проект имперской реформы, представленный Николаем Кузанским Базельскому собору, проект, который католический историк Янсен называет «величественным планом реформ» (*der grossartige Reformplan*), ничего фактически не менял в территориальной системе Германии. Далеко не свободный от идеализации имперского плана Николая Кузанского Эрих Молитор признает, что автор этого плана стремился создать институты,

¹ D. Nicolai de Cusa. Ук. соч., гл. XXX, стр. 813. «Decipiuntur itaque principes sub imperio. dum ob illum finem attrahunt et colligunt undique imperialia, ut potentiores et fortiores fiant: quoniam postquam totam capitis et imperij potestatem membraque laniaverint et deglutiverint desinet hierarchicus ordo, non enim est primus ad quem concurratur et ubi non est ordo, ibi est confusio: et ubi confusio, ibi nullus tutus. Et sic nobilibus inter se altercantibus, ius omne in armis proprijs quaerentes surgent: quoniam sicut principes imperium devorant, ita populares devorabunt principes».

которые призваны укрепить империю, но вместе с тем не затрагивают основ княжеской власти¹. В приведенных рассуждениях Николая Кузанского важно его признание, что народные движения, распространяющиеся по империи, грозят «поглотить князей», т. е. уничтожить весь политический порядок. Речь идет, следовательно, не об изолированных выступлениях крестьян против господ. Обе группировки Базельского собора видели в народных движениях в Германии, являвшихся откликами гуситских войн, событие, за которым стоят силы, подрывающие всю существующую систему. О том, что таковым было настроение в различных кругах господствующего класса самой Германии, свидетельствует та тревога, с которой воспринято было там восстание крестьян города Вормса в 1431 г.

Официальным мотивом этого восстания были требования, выдвинутые против вормских ростовщиков-евреев. Восставшие добивались изгнания последних и упразднения задолженности им. Таковым, очевидно, и был в действительности ближайший повод к восстанию после того, как император Сигизмунд заключил тогда денежную сделку с вормскими ростовщиками ввиду нужды в деньгах на ведение войны против гуситов². Однако вормский хронист Фридрих Цорн, говоря о том, что восставшие подошли к городу и потребовали выдачи ростовщиков, считает это маневром для того, чтобы при открытии городских ворот легко пробраться в город³. Переписка, возникшая по поводу этого восстания между городами большого района — между Вормсом, Шпейером, Страсбургом, Нюрнбергом и другими городами, так же как и переписка между городами и пфальцграфом Людвигом, не оставляет никаких сомнений в том, что суть восстания и поднятая им тревога гораздо шире его официального мотива. Участников переписки очень мало интересует этот повод к выступлению, о котором они упоминают лишь мимоходом. Основное их внимание обращено на связь данного восстания с каким-то общим политическим движением, затрагивающим основы всего существующего порядка. В письме вормских властей властям города Шпейера говорится, что из мотивов крестьянского восстания они могут написать только о требовании восставших изгнать ростовщиков, Однако, продолжают авторы письма, крестьяне предъявили

¹ E. Molitor. Die Reichsreformbestrebungen des 15-ten Jahrhunderts bis zum Tode Kaiser Friedrichs III, S. 53 ff.

² F. v. Bezold. Der rheinische Bauernaufstand vom Jahr 1431. Zeitschrift für die Geschichte des Oberheins, Bd. 27, Karlsruhe, 1875; S. 130 ff. См. также Deutsche Reichstagsakten, Bd. 10, Einleitung, Gotha, 1900, S. 229—231 ff.

³ Wormser Chronik von Friedrich Zorn, S. 183, Stuttgart, 1857. — «Sie sind vor Worms kommen und haben begehrt, man soll ihnen die Juden herausgeben, damit sie füglich in öffnung der pforten hinein möchten kommen»:

к тому же такие статьи, о которых писать нельзя и в которых содержатся такие далеко идущие требования, что нельзя знать, где и чем они кончатся¹. Авторы письма пугали также форма и размах восстания: восставшие установили в одной деревне свое знамя, поставили около него человека с рожком, который приглашал всех вступить в их общество. Меняя место знамени, восставшие, таким образом, привлекли на свою сторону много деревень и множество народа и продолжали увеличивать их число с каждым днем. Указывая на тревожное время войны и неурожая, авторы подчеркивали, что в таких условиях подобные события способны зародить злую волю в сердцах простых людей. И в Чехии, говорится дальше в письме, «плачевные события и ужасные кровопролития» возникли из «мелких дел». Теперь же они так разрослись, что никто не может сказать, когда и где все это кончится².

Получив это письмо, швейцарские власти обратились к другим городам и прежде всего к Страсбургу с предложением устроить общее совещание, так как настоящие мотивы восстания, о которых нельзя писать, настолько серьезны, что никто не может быть уверен в завтрашнем дне, что он сохранит жизнь и средства к существованию³.

Как видим, здесь ясно подчеркивалось наличие главной опасности не в том, что являлось официальным мотивом восстания, а в чем-то другом, более важном, имеющем общее значение. Ссылка на Чехию, где местные конфликты («мелкие дела») привели к крупным событиям, в этом смысле весьма характерна. Еще интереснее для понимания настроений господствующих кругов Германии во время восстания 1431 г. — письмо ульмского магистрата в Нордлинген. О том, как воспринято было в Ульме политическое значение этого восстания, можно судить по созыву властями этого города общего съезда всех городов Германии совместно с городами Швейцарии, с имперским рыцарством и с герцогом Вюртемберга. По вопросу о причинах данного восстания, о силах, готовых объединиться вокруг его знамени, о содержащихся в нем тенденциях даль-

¹ Deutsche Reichstagsakten (RTA), Bd. 10, S. 238. — «...Wie oder was nu die meinung davon si oder wie verr sie iren willen, meinent zü begon, das konnent wir noch nit wol geschriben, anders dann sie nement, als wir daz hörent, fürhanden die Juden... vnd seczent dabi sust artikel, davon nit wol zü schriben ist, die verr reichent und nit behende zü achten sint wo und uf wem die gelenden mohtent».

² Там же. — «...darzû uns dann ouch alle billich reissen und bewegen sol die cleglich und schedlich geschicht und das jemerlich unschuldig blutvergiessen, das leider zu Beheim ouch also von cleiner verhengnisse entsprungen ufgegangen und nu so ungemessen gross gewachsen ist, das nieman noch wol volledenken mag, wann oder wo daz gelenden werde...»

³ RTA, S. 238. — «daz ieman deshalp in Friden bi libe oder narunge bliben mohte».

нейшего развития,— по мнению авторов письма,— «гораздо полезнее размышлять, чем писать»¹. Все же они намекали на то, в чем ими усматривалась опасность этого события. По донесению некоторых лиц, данное движение «страшнее чешского» и скоро оно может вылиться в «общее нападение на всякое верховенство»². Официальная версия требований, говорится дальше в этом письме, скрывает стремление «отказаться от всяких чиншей и платежей с хозяйств и собственности и от всяких обязанностей вообще». Существует также опасность, что восстание станет опорой и для других оппозиционных слоев в городах и для рыцарства, что вытекает из самой формы и характера крестьянского выступления. В письме сообщалось: «Необходимо обратить особое внимание на то, что крестьяне далеких низменных земель осмелились на такие действия и что это им удалось, несмотря на то, что они находятся под властью сильных князей и господ. Надо, следовательно, иметь в виду, что они имели какое-то основание для этого; иначе они не осмелились бы на подобные действия»³. Подозрительность авторов письма вызывало то обстоятельство, что восставшие крестьяне имели основание рассчитывать на поддержку в других слоях общества, в том числе и среди рыцарства. В данном письме ссылка на пример Чехии аргументируется более обстоятельно. Именно в Чехии,— говорится в письме ульмского магистрата,— движение низов становилось знаменем разнобразной политической оппозиции, оказалось направленным против всех духовных и светских властей всех коммун и городов и «при всей отвратительности этого дела мы все же видим, как дворянство и крестьянство сжились в нем, установив господство мошенничества и своеволия». В письме выражается опасение, что отдельные слои горожан и рыцарства могут быть затронуты движением. Именно поэтому власти Ульма

¹ RTA, S. 248.— «Warumbe wie und in welcher mässe das geschehen sin solte, wie die sache ain gestalt hett, wer hoptlute sin solten, wer den sachen anhangots, was banier si ufgeworfen hetten und was unräts man darine und d'russ wartent und sorgent were etc.—: ist nicht notdurft ze schribent noch gepuret sich ze schriben von merklicher sorgen wegen und ist bas und gruntlicher ze bedenken denne ze schriben».

² Там же.— «...das ain sölliche gepurschaft ain solich machtig stat solte geturren überziehen, unwissent uss was grunds oder wie das zuginge, gar erschrockenlichen und sorklicher denne der loufe ze Beheim ze ahtent were, diewile nieman die wurzeln sahe oder erkannte. Wie och darinne von etlichen gemeldet ward, wan söllich unloffte gar bald luffen alles über die erberkait».

³ Там же, стр. 249.— «...und öch das gar merklich ze achtent ist, daz das in den witten flachen landen die gepurschaft sich söllichs understän getar da es in doch ganz wol ze wendent were, nachdem si mit machtigen fürsten und herren beherret sind, also das man gedenken muss, das es etwas grunde habe oder si getörsten sich söllichs also nicht understän».

предлагают привлечь все города и все рыцарство к общему совещанию с представителями княжеской власти, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть чисто антифеодальный характер действий восставших и тем самым изолировать крестьян от связи с широкой политической оппозицией. Весьма характерным является предложение привлечь к участию в проектируемом совещании и швейцарские города, роль которых в судьбе всякого политического движения в империи представлялась значительной. Каковы бы ни были намерения и планы восставших в отношении меньших городов, — говорится дальше в письме, — мы, города, принадлежащие священной империи, должны оказать сопротивление этим действиям в интересах сохранения всех высших слоев общества и в интересах империи, связаться для этой цели с герцогским домом Вюртембергским и привлечь рыцарство. Приобретает также интерес сообщение хрониста Фридриха Цорна о том, что в ряды восставших крестьян влились некоторые беглые бюргеры¹.

Очевидно, что опасностью объединения антифеодального движения крестьян с движением недовольства территориальной системой продиктовано было общее решение — не писать и не заявлять открыто о настоящих целях восстания, указывая в официальных выступлениях лишь ближайший повод к восстанию. Смысл намечавшихся мероприятий всех заинтересованных в сохранении территориальной системы «непосредственно имперских» сил заключался в том, чтобы подавить крестьянское восстание до его объединения с широким движением политического недовольства, так как после этого объединения крестьянское восстание не будет уже локальным, а общий ход событий примет направление и характер, подобно чешским.

В донесении города Шпейера заседавшим тогда в Ульме представителям Швабского союза городов о ходе крестьянского восстания в районе Вормса указывалось, что особая тревога вызвана связями крестьян, участников этого восстания, с какими-то другими элементами оппозиции. Авторы донесения утверждали, что подробности дела, так же как и настоящие цели крестьян не могут быть переданы в письменном виде. Крестьяне вели уже у себя в лагере переговоры неизвестно с кем, а затем развернули свое знамя и начали широкую вербовку сторонников². «Мы не можем, — говорится дальше в этом доне-

---

¹ Wormser Chronik, S. 183. — «... die Bauern zu Heppenheim bei Worms, unter welche sich auch etliche austrünnige burger eingemengt, welche man die Schaarcken genannt, einen aufruhr gemacht...»

² RTA, Bd. 10, S. 246. — «...ist nit beqwemlich über felt zu schriben, dann alz das folk etlich zit im velde gewest ist, so ist mit inen geredt worden, durch wen, des wissen wir kein eigenschaft, ie das si ufgebrochen und abgezogen sind also kurz darnach hand uns die vorgenanten unser eitgenos-

сении,— сообщить вам, кто вождь этого восстания, как оно началось и какие взгляды лежат в основе его,— также и потому, что, по нашим наблюдениям, здесь содержится тревожное начало для всех имперски свободных и для имперских городов, и если движение не будет остановлено, то оно примет такое содержание, что никто не сможет представить себе, чем оно кончится»¹. Таким образом, организация восстания и его руководство связывается авторами донесения с переговорами, которые крестьяне вели в лагере с какими-то другими элементами, опасными для всего имперского порядка. Основная мысль донесения заключалась в том, что против угрозы объединения элементов, враждебных существующему имперскому строю, должны объединиться все «непосредственно имперские» силы.

К заседавшему в Ульме съезду Швабского союза городов обратился и город Вормс с аналогичным предложением и с такой же аргументацией. В этом обращении Вормса характерно откровенное признание того, что не восставшие крестьяне прикрывали свои настоящие далеко идущие цели требованиями изгнания ростовщиков, что это сужение целей восставших, версия о направленности восстания только против евреев, поддерживалась лагерем господствующего класса для того, чтобы помешать распространению и пропаганде тех лозунгов, которые способны объединить разные круги широкой политической оппозиции. «Римская Империя и мы,— писали правители Вормса,— опечалены этими событиями больше, чем гуситами... От князей нам достоверно известно, что собравшийся народ имеет в виду не только меры против евреев. Однако об остальном не подобает передавать письменно на большом расстоянии»². Политическое и общеимперское значение событий 1431 г. власти Вормса подчеркнули и в своем обращении к

sen... von Worms aber geschriben, das sich die geburschaft anderwaide bewerben und ain baner ufgeworfen haben in ain dorf, das etwemänigen tage dagestanden si; ouch das einer dabi stee und stätlichen blase und rüffe wer in ir gesellschaft wolle, den wollen si gütlich emphahen und ufnemen, und das och vast vil dorfer und ain grosse menge volks allgereide zu in getretten si ane die, die täglichs zu in kommen».

¹ RTA, S. 246.— «...wer aber solicher sammunge nemlicher hauptman oder fürer sie, och wie solich sache erhaben oder was im grunde die mainung davon si, können wir úch nit geschriben dann nach allem dem als wir die sache gemerken mögen, so bedunkt es uns, ain sorklicher anhab allen den richs frien und richs stetten, und sorgen, wa das nit underkomen werde, das es ainen solichen begriffe neme, dran nieman noch sin ende wol besinnen könne...»

² Там же, стр. 246.— «...dadurch... das Romich rich und wir alle merer betrübt und bekümbert werden mochten dann durch die Hussen... Wann das versampte volk hat nit allain gemaint in irem fúrnenen die Juden, als wir das glouplich von fursten wissen, sunder das úbrig gepúrt sich nicht offen úber velde ze schriben».

пфальцграфу Людвигу с просьбой о помощи против восставших. Эта просьба мотивировалась тем, что пфальцграф является «стольным и опекуном священной Римской империи (als ainen obrosten druchsassen und furweser des hailigen Romischen richs) и должен выступить своими силами на защиту имперского права¹.

Переписка имперских городов, посвященная подготовке съезда в Страсбурге в феврале 1432 г., показывает, что восстание у Вормса не было единственным и изолированным событием, обратившим на себя внимание господствующих кругов и вызвавшим их тревогу. Инициаторы съезда собирались обсуждать на нем не только вормское дело, но и ряд других, о которых говорилось в общей форме, очевидно, в связи с тактикой строгой секретности. Приглашая Базель принять участие в съезде, страсбургский магистрат сообщал, что решение о съезде принято представителями нескольких имперских городов, которые обсуждали «происходящие в настоящее время дикие события и особенно те, которые имели место у наших и ваших добрых друзей из Вормса»². На предстоящем съезде рейнских городов «будут обсуждаться эти (т. е. вормские. — М. С.) и другие дикие события, которые в настоящее время происходят в священном христианстве» (von den und andern wilden loifen, so ietz in der heiligen Cristen sint). Эта формула повторяется в ряде других писем, посланных Страсбургом с приглашением на съезд³. Страсбургский магистрат следовал в данном случае письменному совету города Шпейера, в котором говорилось о необходимости собрать города Швабии, членов Швабского союза городов и представителей других районов на Рейне «von den und andern wilden loifen zu reden». Из письма Нюрнберга Страсбургу видно, что речь шла о «тягостных событиях, возникших у Вормса и на Рейне»⁴.

К готовившемуся в Страсбурге съезду проявили значительный интерес и отцы Базельского собора. Как говорилось выше, они обсуждали вопрос о крестьянских восстаниях в Германии,

¹ RTA S. 242.

² Там же, стр. 253—254. — «...ist daselbst gerett von sollichen wilden loufen, so ietz sient, besunder der geschicht halp, so sich ietz bi uweren und un-ern guten frunden von Wurmss erhaben hett».

³ Там же, стр. 255. — «...so ee wir stette gemainlichen zusammen kommen móchten von den vorgerúrten und andern wilden loufen der hailigen Cristenhait und uns stetten anliegende ze reden und fürhande ze nemmen, so bekanlicher und nuczlicher uns das were»; Там же, стр. 267. Расхола г. Кольмара в связи со Страсбургским съездом городов: «Item Margwart reit gon Strasburg, als sú uns geschriben hatten von der geschicht ze Wormss und andere wilder loiffe wegen. Was 7 dage uss. Coste in allem 4 lb. 5 1 2 sh».

⁴ Там же, стр. 256. — «Von der swären lewf wegen, die sich zu Worms und an dem Reyn erhaben haben».

не выделяя какого-либо одного из них. Решив принять участие в Страсбургском съезде, руководители собора старались разъяснить городам серьезный характер происходящего в стране крестьянского движения, призывая их действовать в контакте с собором. В январе 1432 г., т. е. в самый разгар восстания у Вормса, собор обратил внимание немецких городов не только на это событие, но и вообще на выступления больших масс крестьян против городов, городских укреплений и укрепленных пунктов, указав, что эти действия крестьян привлекают много мятежных элементов и вызывают много грозных восстаний¹. Здесь несомненно имелась в виду опасность объединения восставших крестьян с оппозиционными элементами в городах. Руководители Базельского собора писали в Страсбург 1 февраля 1432 г., что к официальной версии о направленности вормского восстания против ростовщиков следует отнести крайне недоверчиво. Крестьяне ближайших к Вормсу деревень, выступившие огромной толпой против города «с необыкновенным знаменем» и потребовавшие выдачи ростовщиков, «воодушевлены неизвестно каким духом»². Крестьяне вторгались во все церковные, светские и государственные дела города, которые они пытались расстроить. Если этот пример получит развитие, то он может привести к преступным и позорным делам и даже при небольшом промедлении станет опасным для всех³. Отцы собора порицали и считали опасной тактику секретности в отношении настоящего характера событий. Они предлагали властям города Страсбурга издать приказ своим подданным — не доверять никаким толкам, умаляющим значение восстания, и немедленно доводить до сведения властей о всех подобных толкованиях, которые вносят неуместное успокоение. Отцы собора были озабочены тем, чтобы «германская нация» не

---

¹ RTA, Bd. 10, S. 229, Anm. 2. — «Ceterum secundum vobis collatam providenciam et solertem sagacitatem cogitare velitis sollicite modos congruos et accomodos resistendi et obviandi multitudini rusticorum adversus civitates oppida et loca munita maxime in hac natione Germanica indebite insurgencium, attendentes quantum nocumentum seditiones tales populares violente insurrexiones affere solent...».

² Там же, стр. 257, прим. 1. — «...quo spiritu nescitur inflati cum quodam inusitato vexillo contra civitatem ipsam cum magna caterva venientes...».

³ Там же. — «...et ut dicitur, prefati rustici sub tali exquisito colore tam ecclesiasticos quam seculares ac rem publicam dicte civitatis invadere et demoliri conabantur... et quanta flagicia facinorosa exinde oriri, si fomentum recipiat res ipsa verisimiliter formidari possunt, vos ipsi considerate, quorum interest, cum res vestra communis agitur proprio sub periculo ex locorum vicinitate et temporis malefida qualitate, unde factum detestabile hujusmodi, ne reorem in exitum succrescat, extirpari modis omnibus convenit in tempore, quo recens est, quia in hac causa mora modici temporis trahit ad se periculum, si pretereatur».

допустила обмана священного собора «незаслуженным образом» в «такое трудное время»¹.

20 февраля Базельский собор сообщил в Страсбург, что епископ регенбургский Фридрих фон Парсберг уполномочен представлять собор на предстоящем съезде городов, созываемом по делу о крестьянских волнениях. Делегату даны были инструкции о необходимости ревностного отношения и быстрых действий всякий раз, когда дело пойдет о повсеместно распространяющемся «пожаре», ибо собор «день и ночь не прекращает своих забот по искоренению реформационной ереси и по установлению спокойствия в христианском народе»².

Таким образом, перед участниками Страсбургского съезда стоял вопрос не об одном восстании, вызванном местными причинами, а о всей тревожной ситуации, характеризующейся намечавшимся объединением различных движений. На съезде в Страсбурге собирались договориться о мерах, необходимых для недопущения этого объединения. Сложность положения заключалась в том, что движение в целом представлялось как «реформационная ересь», охватившая разные слои оппозиции к имперскому строю. В переписке правителей имперских городов говорилось о том, что события в Чехии являются зеркалом того, что готовится во всей Германии.

Пфальцграф Людвиг, отражая точку зрения некоторых немецких князей, вначале отрицательно отнесся к предложению о принятии общих мер против крестьян совместно с представителями городов и деятелями Базельского собора, которые могли бы использовать ситуацию для выдвижения нежелательных князьям проектов имперской реформы³. Пфальцграф подчеркивал локальный характер вормских событий и считал, что можно отделаться некоторыми уступками крестьянам. Однако пфальцграф быстро отказался от этой тактики и взял на себя инициативу в решительном подавлении восстания. Это объяснялось тем, что и немецкие князья убедились в широком характере и общеполитическом значении крестьянского движения.

К моменту созыва Страсбургского съезда городов — 25 февраля 1432 г. — вопрос о вормском крестьянском восстании, после

¹ RTA, S. 257. — «...nam propositi nostri est, ad laudem creatoris nostri, ne etiam Germanica natio sine suis demeritis in tanta temporis angustia paciatur defraudacionem sacri concilii».

² Там же, стр. 258. — «Zelus domus dei non immerit omnes Christicolae ab intimis precordiis accendere debet, ut, ubi commune ac universale incendium et ruina imminet, ab omnibus celerrime occurratur, cum hoc itaque sacrum generale concilium universalem ecclesiam representans die noctuque pro extirpatione heresum reformatione morum ac pace et quiete procuranda in populo Christiano elaborare non cesset ad dei gloriam et honorem».

³ Там же, стр. 229—233. Einleitung.

того как пфальцграф и другие, связанные с ним, силы разгромили восставших, потерял свою остроту. Это не означало, что вопрос о крестьянских волнениях вообще был снят с порядка дня. В августе 1432 г. в Мергентгейме состоялось соглашение ряда князей, господ и городов по вопросу о мерах «для поддержания мира». Участники соглашения договорились помогать друг другу в «подавлении и искоренении» всех беспорядков. Наряду с жалобами на рыцарские грабежи, указывалось также на «дикие беспорядочные события, беспорядочные сборища и акты непослушания», которые направлены «против государства и порядка, против почтенных состояний и старых обычаев»¹. В сообщении, полученном одним бюргером города Хеба (Эгера) о том же мергентгеймском соглашении, выражалась надежда на скорое прекращение происходившей тогда в районе Вюрцбурга феодальной усобицы, поскольку собравшиеся в Мергентгейме курфюрсты, господа и имперские города полны решимости действовать совместно и помогать друг другу в подавлении беспорядков². Бецольд ошибочно считает мергентгеймское соглашение отзвуком вормского восстания 1431—1432 гг. И во время подготовки страсбургского съезда городов вормское восстание, стоявшее в центре внимания, не было единственным. Тогда речь шла «и о других диких беспорядках», направленных против социального и политического строя. Само вормское восстание было частью общего движения, которое не было и не могло быть устранено с подавлением восстания у Вормса. Мергентгеймское совещание и принятые на нем меры подтверждают это.

Выступая против Цельнера, рассматривавшего вормское восстание как изолированное локальное выступление, Бецольд сам указывает на широкий и общий характер, который носило движение недовольства в Германии в последние годы гуситских войн³. Бецольд говорит о «поднятом знамени рейнского крестьянства», которое он считает характерным для нового времени. Союзы городов, господ и рыцарства, пишет Бецольд, не были новостью. Новым было то, что выступили низы по образцу гуситских «братьев». В Германии и во Франции простые люди нападали на попов и обсуждали проекты дележа имуществ. Новизну и характерные черты движения, сближающие его с чешским движением, Бецольд усматривает, таким образом, только в выступлении социальных низов с их требованиями и нападками на собственность. Хотя Бецольд ближе, чем другие буржуазные историки, подошел к пониманию характера

---

¹ F. v. Bezold. Ук. соч., стр. 137.

² F. Palacky. Ук. соч., т. II, стр. 300, N 816.

³ F. v. Bezold. Ук. соч., стр. 137.

народных движений на Рейне в 30-х годах XV в., он все же не хотел видеть подлинного политического значения этих движений и объяснить настоящую причину охватившей господствующие классы тревоги. Перед нами здесь пример, когда буржуазный историк, обративший внимание на выступления народных низов в XV в. в Германии, не хотел показать их настоящего места в истории.

Историческая роль этих движений состояла не только в том, что в них впервые, почти за сто лет до Великой крестьянской войны, развернуто было знамя «Башмака», приведшее в смятение князей, попов и правителей имперских городов, но главным образом в том, что в обстановке общего политического кризиса имперской и территориальной системы к концу гуситских войн и обострившейся политической оппозиции в городах и в рыцарстве антифеодальные выступления крестьянских масс грозили сделаться массовой и объединяющей основой разнородной политической оппозиции. Именно поэтому отдельные крестьянские выступления представлялись не изолированными, а объединенными общим грозным политическим значением. В вормском деле наибольшую тревогу вызывали переговоры, которые велись в крестьянском лагере с возможными союзниками. Аналогия с чешскими событиями казалась страшной главным образом тем, что там антифеодальная борьба крестьянских масс сделалась основой общенародного движения против империи, что, несмотря на антифеодальный характер движения, там в политической борьбе даже элементы оппозиционного рыцарства «уживались» с революционным крестьянством. Отражением рождавшихся в этой обстановке политических идей был политический памфлет, составленный вскоре после гуситских войн, получивший большую популярность в Германии в XV и XVI вв. и известный под названием «Реформация императора Сигизмунда».

Автор этого памфлета придает понятию «Реформация» самое широкое значение. Он понимает под этим словом преобразования социального и политического порядка, коренные изменения в положении всех слоев общества. Во вступительной части памфлета говорится о необходимости реформации церковного и светского порядка и указываются основные причины зла как в области духовной, так и в области светских отношений. Там же намечается общий путь предстоящей «Реформации», проведение которой должно быть поручено, по мнению автора памфлета, «малым» и «младшим» и главным образом — городам. Основная часть памфлета посвящена обстоятельному аргументированию конкретных мер «реформации», рекомендуемых автором. Первые пять частей, включающие 27 глав, посвящены мерам по преобразованию церковного

порядка, новым положениям о папе, о епископах, о церквях и церковных приходах, о монастырях, монашеских орденах и прочих делах, относящихся к области религии. Обширная шестая часть памфлета, содержащая 22 главы, которая по объему лишь немногим меньше всех предыдущих пяти частей, вместе взятых, посвящена светским делам и озаглавлена «Von den Layen». Здесь детально разбираются и аргументируются положения об устройстве империи, о месте в империи городов, князей и рыцарства, о внутреннем строе городской и сельской жизни, о цехах, о порядке занятия ремеслом и сельским хозяйством, о феодальных повинностях, о порядке торговли и торговых компаниях, о пошлинах, об охране дорог, о монетном деле и о ряде других вопросов светской жизни. Заключительные страницы памфлета содержат замечания, имеющие значение при выяснении личности автора памфлета и обстоятельств его написания. В памфлете поражает прежде всего широкий социальный кругозор автора и его государственный ум, который руководил им при решении отдельных конкретных вопросов.

«Реформация императора Сигизмунда» не может рассматриваться только как продукт творчества ее автора. Большое распространение, которое она имела в Германии в течение долгого времени от своего появления до эпохи Реформации¹, может свидетельствовать о том, что она в значительной степени отвечала настроению умов по крайней мере части радикальных кругов того времени, стремившихся к крупным преобразованиям. Анализ этого памфлета имеет важное значение для понимания характера общественного движения в Германии после гуситских войн.

По вопросу о происхождении, времени и авторе этого памфлета в буржуазной исторической литературе существуют разные точки зрения. Научную трактовку вопроса можно датировать с издания его Вилли Бемом в 1876 г. На основании критического изучения текста Бем высказал мнение, что автором «Реформации» был Фридрих Райзер, казненный в 1458 г. в Страсбурге за гуситскую пропаганду. К этой точке зрения примкнули историки реформационных течений — Гаупт, Бецольд и Келлер. Однако точка зрения Бема, связывающая генезис реформационных идей в Германии с радикальными демократическими кругами и с гуситской пропагандой, вызвала сразу ряд возражений. В том же 1876 г. появилась рецензия Вильгельма Бернгарди, который на основании материалов допроса Райзера и сравнения взглядов последнего со взглядами, содержащимися в «Реформации императора Сигизмунда»,

---

¹ За это время «Реформация императора Сигизмунда» выдержала девять печатных изданий.

старался доказать, что Райзер не мог быть автором «Реформации», что данный памфлет вообще не мог быть написан гуситом¹. За рецензию Бернгарди ухватился ряд буржуазных ученых, которые увидели в ней средство опровержения не только гуситского происхождения памфлета, но его демократического характера вообще. Бецольд и Гаупт отказались от принятой ими раньше концепции Бема². Появились утверждения тождественности политических взглядов автора «Реформации» с императорскими проектами, предложенными Базельскому и Регенсбургскому рейхстагам³. Только отдельные буржуазные историки продолжали отстаивать концепцию Бема о происхождении документа от гуситского священника. К ним относятся Вильгельм Фогт⁴ и в какой-то мере Карл Кене⁵. Наиболее решительную позицию в борьбе против Бема и его сторонников занял Генрих Вернер, выступивший с рядом статей историко-политического характера⁶ и с обширным введением к новому, подготовленному им же изданию памфлета в 1908 г.⁷ По Вернеру, «Реформация императора Сигизмунда» написана была гуманистически настроенным секретарем города Аугсбурга Валентином Эбером, отражавшим большой интерес официальных кругов имперских городов к имперским делам.

По вопросу о времени происхождения памфлета точки зрения исследователей расходятся значительно менее. Бем, а за ним и Кене относят его появление к концу 1438 г., Бецольд — к началу того же года. Вернер считает годом появления памфлета 1439 г. Совершенно неприемлемым является взгляд Френсдорфа, относящего памфлет к концу XV в. на том основании, что статья о торговых компаниях не могла якобы появиться в первой половине века⁸. В общем мы можем теперь считать доказанным, что памфлет появился в конце 30-х годов XV в.

Суть указанного выше спора о происхождении и характере «Реформации императора Сигизмунда» сводится к тому, содержит ли этот памфлет радикальные идеи социально-политического переворота, которые делают его «трубным звуком Крестьянской войны», как утверждают Бем и Фогт, или же перед

¹ Jenaer Literaturzeitung, 1876, N 50, S. 792—793.

² Historische Zeitschrift, Bd. 41, S. 24 (Betzold); Historische Taschenbuch, Bd. 6, S. 278 (Haupt).

³ H. Prutz, Staatengeschichte des Abendlandes im Mittelalter, Bd. II, Berlin, 1887 (Allgem. Gesch. in Einzeldarstellung hrg. v. W. Oncken, 6-ter Theil), S. 415.

⁴ W. Vogt, Vorgeschichte des Bauernkrieges, Halle, 1887, S. 71.

⁵ Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde, Bd. 28, S. 698.

⁶ Deutsche Geschichtsblätter, Bd. 4, S. 1 ff, 43; Bd. 7, S. 233 ff.

⁷ Die Reformation des Kaisers Sigmund, hrg. v. H. Werner, Berlin, 1908.

⁸ Там же, стр. 100, Anm. 3; стр. 105.

нами здесь не более, чем официальная оппозиция верхушки городов, как утверждают другие буржуазные историки и на чем особенно энергично настаивает Вернер? Для всех буржуазных историков характерно стремление рассматривать памфлет вне классовых отношений и политической борьбы широких масс самой Германии. Сторонники концепции Бема настаивали на том, что этот «трубный звук Крестьянской войны» исходит от чешской радикально-религиозной пропаганды. Они энергично отстаивают тезис о том, что автор памфлета — духовное лицо. Радикальная пропаганда могла, по их мнению, иметь только религиозные корни. Вернер же, считая, что, отстаивая светское происхождение памфлета, он тем самым опровергает его связь с радикальными кругами. Политический проект светского происхождения не мог, по его мнению, пропагандировать идеи социально-политического преобразования.

Для понимания настоящего характера «Реформации» на фоне обстановки в самой Германии вопрос о принадлежности автора к духовному или к светскому званию не может иметь решающего значения. Важнее остановиться на анализе самого политического и социального идеала автора «Реформации» и всех предложенных им конкретных мер по преобразованию существующего государственного и общественного порядка.

Выше было указано, что вопросам преобразования церковных порядков посвящена значительная часть «Реформации». По объему это — около половины всей книги. Однако содержание глав, посвященных духовной реформации, не оставляет никаких сомнений в том, что цель автора в этом вопросе сводилась не только к ограничению функций духовенства и к сокращению их доходов, но и к подчинению церковного устройства и всей церковной организации тому политическому преобразованию, которое составляет центральную ось всей проектируемой «реформации». Церковь призвана служить миру. Глава церкви — папа — недаром именуется «*servus servorum dei*», подобно Христу, который «был слугой и рабом всего мира»¹. Пап следует выбирать из среды мирского духовенства, а не из духовных орденов, которые покровительствовали бы монастырям и заботились бы об их привилегиях. Все разделы «Реформации», посвященные духовным делам, заострены против монастырей и монашеских орденов, рассматривающих себя вне мира и выше его и подобным же образом трактующих религиозность как самодовлеющую, вне мира находящуюся цель. Вместе с тем монастыри и ордена стремятся подчинить себе мир и его материальные блага, налагают на мирских людей

---

¹ Die Reformation..., S. 15. — «Er schreibet sich auch *Servus servorum dei* in gleichnuss Cristi, der aller welt diener und knecht ist».

в свою пользу всякого рода поборы и феодальные повинности, торгуют церковными должностями, насаждая в мире симонию и жадность. Не только папы, но и кардиналы, епископы и все руководящие лица церкви не могут избираться или назначаться из духовных орденов. «Реформация» предусматривает строгие меры предупреждения роскоши и спекуляции духовными должностями. В соответствующих главах «Реформации» автор устанавливал норму доходов для пап, кардиналов, епископов и других церковников. Устанавливается также ограниченное число обслуживающих лиц для высшего духовенства¹ и ограниченное число духовных лиц вообще. Предусматривается контроль над священнослужителями и их отчетность. Монастыри должны быть закрытыми, с твердым соблюдением уставов и, главное, должны оставаться в стороне от всяких мирских дел. Все взимаемые ими чинши должны быть выкуплены², а принадлежащие им феодальные права на земли, замки и города должны быть возвращены империи³. Каждому монаху полагается не более 40 гульденов, а аббату — не более 80 гульденов в год. Расходовать эти средства они должны сообща в общих трапезах, в которых должны участвовать и аббаты. Аббаты не должны держать у себя или принимать посторонних людей. Они должны жить вместе с монахами и спать в одном помещении с ними, подавая им хороший пример. «Ничего,— подчеркивает автор «Реформации»,— костей не сломают от этого»⁴. Предусматривается сокращение числа монахов в монастырях. Автор детально описывает порядок богослужения в монастырях, регламентирует обязанности монахов и устанавливает право нищенствующих монахов собирать милостыню. Все эти регламенты и предписания преследуют общую цель — изоляцию монастырей от мира и строгое установление границ отведенных им функций.

Сами по себе конкретные предложения автора «Реформации» по делам церковного устройства и преобразований в области духовной жизни нельзя считать новыми для того времени. Многие из них восходят к более ранним проектам ограничения

---

¹ Die Reformation..., S. 24, 29—30.

² Там же, стр. 42.— «... man sol alle zinse, es sey auf husern, auf ackern, auf wisen alle ablossen ye für ain schilling ain pfund und nicht mer». См. также стр. 53—54.

³ Там же, стр. 50—51.— «Man sol auch wissen, als die zwen orden an manchen stetten zwing und benn, schloss und stett inhand, die man inn lauter nemen sol. Sy sollent irs closters wartten und mit dem, das zu dem reich gehört, hintun zu dem reich und das reich das zu lehen machen und hinleichen rittern und knechten, die diss schirmen und auch den stetten lassen...».

⁴ Там же, стр. 50.— «Ain abt der sol seinen münchen zülügen, ain gütten spiegel vortragen, das bricht im kain glid».

духовенства и реформы монастырей¹. В одном месте автор прямо ссылается на статуты, установленные Базельским собором². Автору нужно было только собрать из имевшихся проектов конкретные предложения по ограничению роли церкви и устранению черного духовенства от мирских дел. Характерной является аргументация автором его проекта церковной реформы и то место, которое церковная реформа занимает в его политической концепции. Эта аргументация дана уже на страницах вступительной части памфлета. Целью реформации должно быть устранение зла как из области духовной жизни, так и из области светской. Зло духовной жизни заключается «в большой симонии, являющейся духовным лихоимством, отравившим все духовные сословия». В светской области оно заключается в пороке жадности, разрушившем дружбу, из чего произошли всякого рода предательство и несправедливости³. Изложив подробно причины церковной симонии, корни которой связаны, по его мнению, с папским двором, автор подчеркивает, что церковная симония является опорой и причиной светской жадности. Светские люди рассуждают: если нашим пастырям подобает заниматься симонией, то для нас жадность тоже не должна считаться грехом. Поэтому автор исправление церкви, установление строгой религиозной организации рассматривает как дело светского устройства. «Если хотят установить божий порядок, то его можно осуществить только силой бога и светского меча, которым надо пользоваться в случаях настоящей нужды и ради бога и веры и за справедливость»⁴. Начать следует с правильного понимания и разъяснения настоящего смысла семи таинств. Приобщение к таинствам должно восприниматься людьми сознательно с пониманием их значения и практического смысла. В этом духе автор перечисляет все таинства. Так, о седьмом таинстве он пишет: «Седьмое, это священный елей, который нас очищает и является проводником к вечной жизни. Это таинство принимается бессознательно и применяется неразумно. В результате — поскольку человек не понимает смысла

¹ См. примечания Вернера к соответствующим местам этого раздела «Реформации».

² Die Reformation..., S. 35.— «...also das es gaistlichen in allen bistumen gange, wenn man sol ye vor allen dingen in allen bistumen gleiche statuta halten, als sy geordnet sind in dem concili ze Basel».

³ Там же, стр. 3.— «Aller geprest ligt grösslich an zwain stucken: an den gaistlichen ligt grosse simony, das ist als vil als gaistlicher wücher. Dieselb hatt allen gaistlichen stat vergift. An den weltlichen ligt der geitz, der alle freuntschaft zertrent, und ufsatz, untrew und vil ander unrechtes... meret...».

⁴ Там же, стр. 7—8.— «Sol man aber kumen zû gotlicher ordnung, so müß es zugehen durch gottes kraft und durch das weltlich swert, da sol man brauchen in rechten nöten durch gottes und des glauben willen und um gerechtikait».

(тайнства), то оно не может дать ему никаких плодов»¹. К правильному пониманию и применению тайнств, как и к преобразованию всего христианского культа, должны быть призваны те «главари христианства, которые обязаны поддерживать и отстаивать божье право и по-рыцарски применять свой меч»². Под этими главарями автор разумел города империи, настоящих проводников божьего права, защитников и фогтов веры. Порядок и проектируемая реформация могут быть осуществлены по инициативе простых людей (die ainfeltigen) и малых (die cleinen), которые могут призвать, если признают нужным, князей и рыцарей для участия в этом. Сопровождающихся прелатов необходимо привести к подчинению силой меча, так как сорняки должны быть удалены из сада полностью. «Поэтому, — говорится в заключении вступительной части, — вы, князья, господа и города и особенно вы, имперские города, во имя всех вольностей (должны знать), что где бы ни оказался человек, действующий против реформации, каждый должен иметь полное право лишать его жизни и имущества на том основании, что он не защищал и не отстаивал божьего права. Лучше, чтобы мы подвергали несправедливости наказание на месте, чем допустить, чтобы весь мир был предан несправедливости»³.

Из этой аргументации видно, что автор «Реформации императора Сигизмунда» предвосхитил некоторые основные положения бюргерской реформации Лютера и пошел значительно дальше в их разработке и в определении значения и места церковной реформации в политической жизни. Требуя, чтобы тайнства воспринимались человеком субъективно, чтобы они действовали на настроение человека, автор решительно отвергает католическую догму — «ex opere operato». Но еще более важно отметить, что во вступительной части «Реформации», как и во всем этом произведении, приводится — и притом с гораздо большей последовательностью — принцип так называемого «всеобщего священства», высказанный Лютером в его

¹ Die Reformation..., S. 9. — «Das sibent ist das hailig öl, das uns rainget und ain wegweiss ist zû dem ewigen leben. Das wirt unbekantlich empfangen und gehalten dick und vil umvernünfftlich. Und an dem letsten, so der mensch kain vernunft mer hatt, an dem mag es auch kain frucht bringen».

² Там же, стр. 10. — «Darzû sollent pillich ermant sein alle houpter der cristenheit, die dem gotlichen Recht verbunden sind zehalten und zebieten und das swert ze brawchen ritterlich».

³ Там же, стр. 15. — «Wen es ist ye angesehen, wend die grossen Prelaten sich nit lassen verordnen, so müss man diss ordnung halten und das swert brauchen, man müss unkraut aus dem garten jetten und ersüchen. Darumb ir fürsten, herren stett und besunder ir reichstett bey ermanung aller freyhait, wa sich fünd, das yemant hie wider tät, darzû sol auch yederman vollen gewalt han, zû irem leib und gut von rechtem, das sy gottes recht nit schierment und verhütent. Wäger ist, wir straffen hie leiplich das unrecht, wann das alle die welt in unrechtem verdampnet werde».

произведении 1520 г.— «К христианскому дворянству немецкой нации». Устройство религиозных дел,— как он пишет,— «есть дело светской организации и светского меча». Поручив религиозные дела светскому мечу, автор «Реформации» выделяет нормы религиозного устройства в особую отрасль «права», называя ее «божьим правом». В этом именно смысле, в смысле правовых норм религиозного устройства, охрана которых поручается тем же светским силам, которые наблюдают за проведением всяких иных правовых норм,— термины «gotliches Recht» (стр. 10) и «gottes Recht» (стр. 15) употребляются автором «Реформации». В отличие от того значения, которое придавалось понятию «божьего права» во время Великой крестьянской войны¹, автор «Реформации императора Сигизмунда» распространяет это понятие только на область церковных дел. Однако он не только поручает светской политической власти внешнюю защиту «божьего права» в области церковного устройства, но и сближает область «божьего права» с областью светского права, подчиняя их общему принципу справедливости и совершенства. При этом целью для автора «Реформации» является справедливый и совершенный светский порядок. Церковное устройство должно, по его мнению, стимулировать устранение пороков из светской жизни и из области светских отношений и именно поэтому его проведение поручается тем, кто призван руководить политическим и социальным преобразованием. Итак перед нами проект реформации и при этом гораздо более радикальной, чем лютеровская реформация, возведенная 80 лет спустя.

Лютер, выдвинув проект «всеобщего священства», скоро выступил со своим учением о «двух порядках» — светском и духовном, имеющих разные основы. В то время как духовный порядок основан на принципе христианского совершенства, светский порядок имеет, по его мнению, своим принципом «естественное право», и цель его сводится к обеспечению внешнего порядка — как для христиан, так и для язычников. По мнению Лютера, само понятие «божьего права» неприменимо к светскому порядку, которому вообще нельзя предъявлять требований христианской справедливости, поскольку задача светских властей заключается в установлении и охране внешнего порядка с помощью «естественного права»². Для автора «Реформации императора Сигизмунда» не существует этого

---

¹ О различном значении, придававшемся понятию «божьего права» во время Крестьянской войны разными направлениями «Реформации», см. мою книгу: «Народная реформация Томаса Мюнцера», гл. VI.

² О лютеровской концепции двух порядков, лежащей в основе его политических взглядов, см. мою книгу: «Народная реформация Томаса Мюнцера», стр. 181—182 и сл.

разграничения двух областей права. Его реформационный проект охватывает как область духовной, так и светской жизни, критерием «божьего права» является для него соответствие этого права принципам и нормам социально-политической справедливости. Автору интересующего нас памфлета XV в. была еще чужда та бюргерская ограниченность, которая характерна для официальной немецкой реформации XVI в.

Для выяснения социально-политических взглядов автора «Реформации» и их классовой сущности следует обратиться прежде всего к проекту государственного устройства империи и лишь после этого к главам, непосредственно трактующим вопросы социальных отношений и положения отдельных классов. Из текста «Реформации» следует, что автор его связан с городскими кругами, которые он считает опорой и проводниками всего предусматриваемого им преобразования. Особенно он выделяет имперские города. Однако для определения слоя городского населения, на который автор ориентируется, необходимо выяснить прежде всего его государственный идеал.

Интересующий нас памфлет есть прежде всего проект политического устройства, проект преобразования имперского строя. Автор выражает в своем проекте интересы определенного социального слоя, с точки зрения которого он решает поставленную им проблему политического устройства Германии. Вместе с тем он не ограничивается рассмотрением только тех вопросов, которые непосредственно касаются его класса. Автор «Реформации» — несомненно человек с широким кругозором. Он стремится дать своему классу программу его государственной политики, уделяя вместе с тем значительное внимание положению всех классов общества и их месту в государстве. В «Реформации» разбирались не только вопросы городской, но и деревенской жизни, аграрных отношений, феодальных прав и т. п. Определить классовую позицию автора без представления о его политическом плане в целом — трудно.

Автор программы государственного переустройства, содержащегося в «Реформации», не дает его в виде придуманного им идеального плана, оторванного от действительности. Он имел перед собою реально существующее положение, форму имперского устройства и существующие на территории империи реальные политические силы. И все же он выдвигал по существу новый порядок, значительно отличавшийся от существующего.

Отправным пунктом автор берет вопрос об установлении в империи земского мира, чрезвычайно актуальный в то время в политических кругах Германии и обсуждавшийся в это время на рейхстагах. 16-ю главу 6-й части «Реформации» автор начинает с выдвижения своего проекта устранения внутри империи

войн между господами, городами и землями¹. Для того чтобы были прекращены большие войны, лежащие тяжелым гнетом на земли и города, должны быть назначены четыре наместника империи (*vier vicari des reichs*), каждый из которых обладал бы имперскими полномочиями и имперским флагом. Каждый из наместников будет находиться в одной из четырех частей империи: в одной части — австрийский князь, в другой — господин Милана, в третьей — господин Савои, в четвертой части — господин Бургундии. Наместники разбирают в своих областях все споры, возникающие среди господ и городов, и решают их по праву или по полюбовному соглашению. Против той стороны, которая отвергнет указанный путь, откажется как от полюбовного соглашения, так и от правового разбирательства, предпочитая своевольные действия, вопреки закону, — наместник, облеченный императорской властью, должен обратиться к господам и городам с приказом о нападении на отвергнувшего мирный путь и на всех, кто ему помогает, с тем, чтобы «нанести им ущерб» и заставить подчиниться². Такие непокорные лишаются также всякой защиты их жизни и имущества. Подобному лишению защиты жизни и имущества подвергнутся и те, которые откажутся от представления дела суду наместника. В заключении говорится об общих мерах, которые должны применяться по отношению ко всем феодалам-князьям, господам, свободным, рыцарям и вассалам, не признающим принципов права и полюбовного соглашения, желающим жить, только опираясь на собственную силу. «Таких нужно задерживать, а их споры с противниками передавать на судебное разбирательство. Если же они будут настаивать на своем своеволии, то все те, которые живут в подчиненных им округах и помогают им в войнах, должны быть переданы имперским городам. Равным образом, если кто-нибудь поджиг дом другого, то имперским городам должно быть поручено овладеть землей и подчиненным округом (поджигателя) и привести их к присяге и службе империи»³.

¹ Die Reformation..., S. 86. — «Nun ist auch zů gedenken die allernutzest ordnung umb frid und rechte gemeinsami zehaben under herren und stetten und auf dem land. Wir sechen dick und vil. wol das umb liederlich sahen gross krieg aufstand und lander und stett verweyset werden swarlichen. Wie man das leichtklich verhüte, sol man hören...».

² Там же, стр. 87. — «Wär auch, das die sach in der minn oder mit dem rechten nit ainen gang haben wolt, welcher tail darvon trätt, auf fravel stan wolt und sich des rechtens übersehen wolt, so sol der mit kaiserlicher gwalt stetten und herren schreiben und gebieten, über den zů ziehen und in zů schedigen und under zů drucken und alle, die im das helftent».

³ Там же. — «Wann auch fursten, herren, freyen, ritter und knecht ausschlugen recht und minn und nach irem haupt leben wolten, die sol man vachen und sy mit irem widerteil richten, wolten sie aber mutwillen, wer in da beystendig zů unfriden wer, sy sessen joch in irn

Таким образом, автор, формально придерживающийся принципа универсальной христианской империи, практически предлагает разделить империю на самостоятельные части, по существу — на отдельные государства, на этнической основе. Немцев он выделяет в особую часть империи, в особое государство, во главе которого он предполагает поставить австрийского князя. Остальное немемецкое население империи тоже образует особые государственные единицы внутри нее по отдельным народностям — итальянской (Миланская часть), швейцарской (Савойская часть) и французской (Бургундская часть). Вопрос о мире в империи ставится автором памфлета так, как он не ставился никем в официальных кругах, обсуждавших его. Там не шла речь о создании общеимперской организации для охраны мира, об упразднении политической самостоятельности территориальных князей. При официальных обсуждениях проблемы земского мира не выдвигалось никаких проектов, посягающих на основы территориальной системы и княжеского суверенитета. В приведенной же главе «Реформации» не только резко осуждается самый принцип княжеского суверенитета, который характеризуется здесь как своеволие (*Mutwille*), но и указываются меры для его подрыва и насильственного устранения. Эти меры прежде всего исходят из совершенно нового представления о характере княжеских прерогатив в подчиненных князьям территориях. Требуя лишения князей, упорствующих в своеволии, их прав и вольностей в подчиненных им округах (*in irn zwingen und bennen*) и передачи их имперским городам для приведения на службу империи, автор «Реформации» тем самым утверждает, что эти права и вольности не могут рассматриваться как суверенные права феодалов, что, наоборот, феодал, заявляющий о своем суверенитете, лишается всех прав и вольностей. Следовательно, уже в этой главе князья рассматриваются как служащие империи, осуществляющие свою службу под наблюдением и контролем имперских городов, действующих от имени центральной государственной власти.

К этой главе примыкает и следующая за ней 17-я глава, носящая название «Что необходимо установить мир», в которой этот взгляд на природу всех прав и вольностей выражен четче. Со стороны любого имперского города, — говорится в этой главе, — должен последовать призыв «ко всем другим» под угрозой лишения «вольностей» тех, кто на этот призыв не обратит внимания. Затем следует самый призыв: «Вы, князья, вы, господа, какое бы каждый из вас ни занимал положение, я обра-

---

zwingen und bennen, die sollent den reichstetten empfolhen sein. Wär ouch, ob yeman dem andern ain huss prande, das sol ouch den reichstetten empfolhen sein, das land oder die zwing zů gewinnen und dem reich sweren und dienen».

щаюсь к вам во имя имперской верности,—так же как и ко всем городам без единого исключения,—со священным христианским призывом — остерегаться от применения всякой войны и соблюдать мир. Тот, кто обойдет этот призыв, не может называться верным христианином, и его род никогда не будет получать от империи никакой вольности и никакого лена. Пусть он остается среди христиан как язычник и лжехристианин»¹.

Христианство здесь отождествляется с империей. Быть верным христианином означает подчиняться центральной государственной власти и отказаться от претензий на суверенитет внутри государства. Только такой верный империи господин получает от нее вольности и лены, которые, следовательно, являются свидетельством подчинения их обладателя государству, а не его политической самостоятельности. Контроль над этим поручается имперскому городу.

Рассматривая то место в империи, которое автор «Реформации» отводит князьям и городам, Вернер считает, что автор, будучи противником княжеских вольностей, отстаивает вместо них городские вольности. Это абсолютно неверно и представляет собой извращение политической концепции автора. Как это следует из многих глав 6-й части «Реформации», автор ее выступает с новой имперской концепцией, согласно которой все права и «вольности» в империи, кому бы они ни принадлежали — князьям или городам — должны быть подчинены общегосударственному началу и служить укреплению центральной власти, а не противопоставляться ей как феодальное «отчуждение». Это видно не только из приведенных выше рассуждений автора о мерах к охране внутреннего мира, но и из ряда других глав 6-й части, к которым относится и 1-я глава этой части, названная «О дорожных пошлинах».

Во вступительной части к этой главе автор выражает недовольство тем, что все земли чрезмерно обложены пошлинами. Почти в каждом пункте установлена проездная пошлина. Ни одна земля не может порадовать другую (своими продуктами) и не может получать ничего в обмен (из других земель); никто не может давать другому более или менее существенную

Die Reformation. ., S. 87—88.— «...ain reichstatt haut die andern zemanen pey der penn aller ir freyhait beräbung. ob sy der ermanung nit gnug wären. Ir fursten, ir herren, wie yeclicher in seinem statt sey, ich ermane euch bey des reichs hulden, desselben alle stett, niemant ausgenomen, bey der hailigen cristenlichen ermanung, das ir verhütent all krieg zû wenden, frid zû haben. Wer die ermanung übersicht, der sol kain getreuer cristen gehaissen sein noch ensol sein stamm kain freyhait nochlehen von dem reich nimmer gewinnen, er sol stan under den cristen als ain haiden und falscher cristen».

ценность, и все это из-за пошлин¹. Автор выступает в данном случае как деловой горожанин, предметом забот которого является облегчение общения между землями и людьми, которое затрудняется наличием многочисленных таможенных платежей. Однако он не требует отмены всяких внутренних пошлин. Он настаивает лишь на том, что пошлины не могут рассматриваться как привилегия в пользу тех городов и господ, которые их взимают в силу полученных ими на это прав и вольностей. Пошлины должны остаться, по мнению автора, имперским институтом, установленным, чтобы служить источником средств на расходы по починке дорожных сооружений: их не следует взимать в размерах, превышающих указанные нужды; они должны быть вовсе упразднены там, где таких нужд нет. Взимание пошлин при отсутствии общественных расходов на исправление и содержание дорог приравняется автором «Реформации» к лихоимству и ростовщичеству, ибо тот, кто их взимает, отнимает у людей то, чего они ему не должны². Исходя из этого в главе предлагаются серьезные изменения в деле взимания внутренних пошлин. Пошлины должны взиматься только в размере одной трети их теперешней суммы. Если кто-либо из господ, применяя силу, воспротивится этому, то любой человек в праве нападать на него, и все ему принадлежащее отдается «на поток и разграбление», поскольку и он незаконно брал у людей то, что ему не следует. Кроме того, он должен быть лишен как этого права взимать пошлины, так и всякой другой «вольности». «Затем, в тех пунктах, где, вследствие больших расходов на строительство дорог, установлены были пошлины, и взимание этих пошлин находится в руках духовных лиц, то это право должно быть отнято у последних. Поскольку всякая пошлина составляет заботу империи, то от имени империи должен осуществлять эту заботу город. Там же, где взимание пошлин находится в руках светских господ, то те должны признать, что оно поручено им как лен. Они не могут говорить в данном случае о праве, которое принадлежит им. Пошлины были введены с самого начала императором и папой в помощь и на пользу всему обществу»³.

¹ Die Reformation..., стр. 64.— «Man sol auch wissen, das alle lande schwärlich übersetzt sind mit zölln. In yeclicher stetten ist schier ain zoll, es mag schier ain land das ander nit trösten noch zů statten komen, noch nyemant dem andern kain recht pfennwert geben, das alles von zoll wegen beschicht».

² Там же, стр. 65.— «In besecklot nieman, dann das er verpawen ward; ...newssset er in anders, er newssset wücher, wenn er nympt in ainem ab, der im nichtzit schuldig ist. Er sol es büssen als wüchergut... Ich sag sicher, wer zöll einnympt und nit in geleit und verbawen wirt, das der als wenig behalten mag werden, als ain offner sunder oder wüchrer».

³ Там же, стр. 65—66.— «Item, wa söllich stett wäre, da

Как видим, автор «Реформации» не предлагает здесь просто передать городам вольности князей или сохранить за городами те вольности, которые у князей отнимаются. Целью его является утверждение нового взгляда не только на право взимания пошлин, но и на всякое право или вольность, которыми отдельные лица или группы пользуются в государстве. По его мнению, не может быть речи о вольностях в феодальном смысле этого слова, т. е. о вольности как о праве феодала, которым он пользуется в силу своей феодальной собственности и феодальной власти в округе, составляющем его земельную собственность. Право взимания пошлин, как и всякую иную «вольность», автор требует рассматривать как *п о р у ч е н и е* центральной государственной власти, преследующей при этом «общую пользу». Если светский князь, пользующийся этим правом, будет его рассматривать в таком духе, то он продолжает им пользоваться. Это право отнимается безусловно у духовных лиц, что вполне объясняется общим отношением автора памфлета к духовенству, имеющему, по его мнению, свои особые поручения в государстве. Даже города, которым автор предлагает передать отнятые у духовных лиц функции взимания пошлин, получают это право на тех же основаниях и условиях, как и остальные светские господа. Разница только в том, что города рассматриваются автором как естественные агенты центральной государственной власти. Поэтому он считает лишним особо предупреждать против феодального понимания природы данной вольности. Однако запрещение взимать пошлыны в размере, превышающем общественные нужды по починке дорог, относится в равной степени ко всем, в том числе и к городам.

Право взимания пошлин хотя и называется в «Реформации» «вольностью», фактически превращается автором в поручение государственной власти для удовлетворения общественных нужд. Ниже мы увидим, что и термин «лен» употребляется автором «Реформации» в смысле, ничего общего не имеющем с его обычным пониманием. Выражая большее доверие городам в выполнении данного поручения, автор возлагает на них не только взимание пошлин в законном размере, но и наблюдение за расходованием этих средств. «В каждом городе,— говорится в конце приведенной главы,— должны быть избраны двое, которые лично принесут присягу магистрату и на которых возлагается обязанность следить за состоянием горных проходов,

---

man zol haben müst von swäre der weg ze bawen und in die gaistlichen in-
nehielten, den sol man in lauter nemen und sol in die statt versorgen an des
reichs statt, wann all zoll sol das reich versorgen, hand aber weltlich herren
zoll inne, die sollent sich bekennen, das es in lechensweiss empfolhen sey.
Sy mugen von recht nit gesprechen, das er ir sey. Er ist des ersten vom kay-
ser und päbsten erlaubt, der gemainen welt ze hilff und ze nutz».

водных путей, мостов и дорог и заботиться о том, чтобы никто не понес убытков и потерь при пользовании этими путями. Эти два человека должны употреблять для этой цели средства от пошлин. А если наблюдатели заметят где-нибудь упущение, то они должны заставить город и господ тех мест, где взимается пошлина, устранить данное упущение и всякий повод к жалобам»¹.

Как видим, город — здесь не только наблюдатель, но и объект наблюдения. Автор не скрывает, что горожане больше других заинтересованы в исправных дорогах, следовательно, — и в проведении намеченной им реформы в области взимания пошлин. Именно поэтому дорожные пошлыны в размере, обусловленном указанной потребностью, взимаются только с товаров². Городам, заинтересованным в проведении реформы, автор оказывает больше доверия. Но эта же реформа не предусматривает для городов никаких «вольностей» в старом смысле этого слова.

Такое же отношение к «вольностям» и правам городов и господ как к поручениям центральной государственной власти можно наблюдать во всей «Реформации императора Сигизмунда». В 13-й главе 6-й части речь идет о привилегии обладания печатью для скрепления всяких договоров и документов. Обладатели этой привилегией не должны относиться к ней, как к источнику собственных доходов. Они обязаны давать печать для подтверждения правильных документов бесплатно, потому что нельзя требовать денег за правду и за подтверждение правды. Такие деньги являются открытым лихоимством (*offner wucher*). «Поэтому, вы, епископы, имперские города, господа, кто бы вы ни были. Остерегайтесь брать деньги за печать. Иначе эта «вольность» обладания печатью (*des sigels freyhait*) будет у вас отнята. Не взимайте ничего за правду»³.

И здесь речь идет не о передаче «вольностей» другим, но об изменении их сущности и устранении их феодальной основы. Характер пользования печатью и связанные с ней осудар-

---

¹ Die Reformation..., S. 67. — «Item es sollent in yeclicher statt zwen erwelt werden, die leiplich ainen rat sweren, den baw besechen auf birgen, auf wasser, bruggen, steg zever sorgen und zû ver sechen, das nieman umb das sein in stark schaden kom. Die sond aus dem zoll das allwegen ver sehen und wa da übersehen wurd, das an ainem zoll yemant verwarlost wurd, das sollent die statt und hern, da denn die zöll sind, gantz und gar abtragen und unclagbar machen».

² Там же, стр. 66. — «Es wären zoll nie aufgestanden, dann das fur den kayser Constantinum bracht ward, wie man steg und weg bawen müste. Do erlaucht er das von der koufmannschaft, die man swarlich über gepirg und wasser pringen müsst, und ward angeschlagen das je ain guldin ain fart sollte steur ton, ainen clainen pfenning».

³ Там же, стр. 83—84.

ственные обязанности одинаковы для всех. Однако автор исходит из того, что горожане больше всех заинтересованы в налаженном порядке для деловых сношений, а дело центральной государственной власти рассматривается городами как их собственное дело. Поэтому и в данном случае он предусматривает важную роль городов и особое доверие, которое они заслуживают. В конце главы предлагается, чтобы каждый имперский город имел две печати. Одна для имперских секретных дел, по поводу которых имперские города будут вести переписку между собою. Это будет имперская печать с имперским гербом. Вторая печать с гербом города «для скрепления собственно городских дел и также дел империи»¹.

Автор старался держаться того же принципа и по отношению к судебному устройству. Всякий суд он считал восходящим к императору, т. е. к полномочиям центральной власти. Нарушение устанавливаемых в «Реформации» правил и требований к личной нравственности судьи влечет за собою потерю судебной «вольности». Судья, где бы он ни вел процесс — в землях ли князей, господ или городов, — должен быть безукоризненным; он не может быть ни ростовщиком, ни скупщиком, ни нарушителем супружеской верности. Кто не удовлетворяет этим требованиям, тот не достоин ни следовать за судьейским жезлом, ни иметь его². Судопроизводство такого судьи лишено законной силы, — независимо от характера дела — по делам ли о собственности, о наследстве или о делах, связанных с пролитием крови. Такие же требования безукоризненности предъявляются и тем, кто выносит приговоры (*urtailsprecher*). Автор «Реформации» рассматривал юрисдикцию «князей, господ и городов» не как феодальное право юрисдикции. Всякий суд по светским делам он считал восходящим к императору, т. е. функцией центральной государственной власти. Судья обязан судить справедливо, иначе его суд не имеет законной силы, и он лишается судебной «вольности»³. Справедливость судебных решений проверяется по общегосударственной книге законов (*кау-*

¹ Там же, стр. 85. — «Item es sol in dem weltlichen statt ain yeeliche reichstaut zway insigel han: das ain sol lutter das reich angehören, dass haisset secretum sigil, darumb das man das mit versigelt, das haimlich dem reich zugehort zetün, als ain reichstat der andern verschreiben wurd umb des reichs sachen. Das ander insigel sol aber der statt zaichen han und damit sol man der statt sachen versigeln und auch des reichs sachen».

² Там же, стр. 81. — «...ain irichter, es sey in fursten, herren, stetten londern, sol sein ain unverlaimbter man, das er nit sey ain wücherer, ain furkaufer und ain eebrecher. Wer der aber belaimdet wär, der ist nit wurdig den stab am rechten furn noch haben».

³ Там же. — «...wa es furkom von ainem, dem das gericht gericht hette, dass im missfellig wär und beweissen möcht, so sol das gericht sein freihait werlorn han».

serclih rechtbuch), которая должна находиться в каждом высшем суде, где разбираются дела о пролитии крови (in allen hauptgerichten, da man über das plut richten mag) и служить гарантией для каждого против угрозы несправедливого приговора, потому что если приговор не соответствует нормам императорской книги законов, то страдающий от этого освобождается от выполнения данного решения (wirt auch des gerichtz entladen).

Стремление автора «Реформации» установить общегосударственный и централизованный суд не подлежит сомнению. Мы видим и здесь попытки автора сочетать сохранение прав юрисдикции за теми, кто ими обладает из «князей, господ и городов», с коренным изменением характера этих прав. По существу обладание этими правами, которые могут в любой момент быть отняты, обусловливается личными нравственными качествами человека. Их сохранение за теми, кто обладает ими, зависит от соответствия их судопроизводства нормам общегосударственных законов. Притоком применения право юрисдикции теряет характер феодального права, связанного с феодальным землевладением.

Эти же взгляды автора «Реформации» на природу «вольностей» получили выражение и в отношении его к праву чеканки монеты. Особое внимание обращено им на большое общественное и государственное значение этого вопроса. Ему посвящены две главы памфлета — 21-я и 22-я. В первой из этих глав говорится только о вреде существующего порока фальсификации монет, практикуемой теми, кто обладает правом или «вольностью» чеканки. Следующая глава посвящена в основном новому порядку чеканки, но и она содержит осуждение существующего положения. «Необходимо также обратить внимание,— начинается 21-я глава,— на большую фальшивость всех монет». При утверждении золотой монеты образец представляется полновесный и правильный. Однако чеканщики следуют недолго этому образцу; они вскоре начинают убавлять золотое содержание монеты, фальсифицируя ее, что приводит к обману целых земель. Кто бы ни были эти фальсификаторы,— города или господа, духовные лица или светские, их преступление равно тем преступлениям, за которые карают смертью. «Они потеряли также перед богом и по праву свою вольность чеканить монету». То же имеет место и при чеканке мелкой монеты. Автор обращает внимание на опасность распространения этого зла среди господ и городов. Если один город ухудшает вес монеты, то другой находит, что эта операция выгодна и ему, и «таким образом все общество оказывается обманутым»¹. Порок порчи мо-

---

¹ Die Reformation..., S. 96.— «Sind es herren oder stet, gaistlich oder weltlich, die söllich absätz tond, die sind nun als schuldig, als die man da-

неты является источником падения нравственности в христианском обществе вообще. «Необходимо вспомнить о монетном деле всякий раз, когда возникают пороки в других делах»¹.

Мы уже видели выше, что ряд «вольностей» автор склонен оставить в руках тех, кто ими пользуется в момент проведения реформации, лишь бы они признали новый характер и источник своих прав и подчинились новым правилам пользования ими. В отношении чеканки монеты автор поступает иначе. Все права чеканки монеты, которыми пользуются города, господа, духовные лица и светские,— должны считаться отмененными. Тот, кто хочет получить право чеканки, должен хлопотать об этом, как и раньше. Ему тогда выдадут документ, в котором будут указаны нормы чеканки золотой и серебряной монеты и ее меновая стоимость во всех христианских землях,— немецких и не немецких, без всякого исключения².

Это наиболее радикальная реформа. Все существующие до сих пор права отменяются. Новые же полномочия чеканить монету даются с самого начала на новых основаниях, с твердо указанными правилами чеканки и весового содержания монет, которые должны иметь хождение «во всем христианстве», т. е. во всей империи. Порывается всякая связь с прежним положением, когда чеканка монет представлялась как феодальная «вольность». Характерным является данное в 22-й главе объяснение, почему монеты, которые будут иметь на одной стороне герб империи, должны иметь на обратной стороне герб княжества или города, где они вышли из чекана. Автор подчеркивает, что это делается лишь для облегчения розыска виновника, в случае, если монета окажется с ущербом, а не для установления привилегии чеканщику (в старом ее понимании)³. Самое наказание за нарушение указанных правил здесь также более

---

rumb tottet. sy hand auch vor got und in dem rechten ir freyhait zemuntzen verlorn; ...Also den geitz hand nun die herren und die stett erschmeckt und können nicht ablan. Tüt ain statt ainen absatz, so spricht die ander statt: wir haben ir muntz gesetzt und durchsücht, ain sölicher absatz tütt uns als woll als in: also wirt die welt betrogen...».

¹ Там же, стр. 97.— «Es ist poess und unrecht in der gemainen Cristenhait. Man sol zü der muntz wol gedencken, wenn man schlecht wirt in andern sachen».

² Там же, стр. 96.— «Es sollent all freyhait der muntze ab sein gen stetten, herren, gaistlichen und weltlichen; wer dann gern muntzen will, der mag darumb werben, als ouch bisher geschehen ist. Da wirt mitgeben pul und brief; die werdent luten, wie man gold und silber vermuntzen sol, in welchen werd in aller cristenhait an wälschem, tewtschem, wie die lender genant sind, niemant aussgenommen».

³ Там же,— «Und sol die muntze an allen stetten an ainem tail des reichs zeichen haben, an dem andern tail des herren oder der statt zeichen. Das ist nun darumb: ob yemant abträtt und absätze, so fund man es dann an der statt oder herrn zeichen».

суровое: виновный лишается права чеканки «навек» (ewiglich) и, кроме, того он должен внести в императорскую или королевскую казну (ainer kamer ains kayser oder kunigs) сто марок золота без всякого снисхождения (on gnad).

Рассмотренные пункты 6-й части «Реформации императора Сигизмунда» с полной убедительностью показывают общую государственную концепцию ее автора и его новые взгляды на природу существовавших в то время «прав» и «вольностей» князей, господ и городов. Большинство этих пунктов — об обеспечении земского мира, о суде, о чеканке монет — обсуждались во время составления памфлета и незадолго перед этим представителями официальных кругов высших сословий на имперских рейхстагах. Новизна их трактовки автором интересующего нас памфлета выступает особенно убедительно на фоне их обсуждения имперскими рейхстагами.

На рейхстаге 1437 г., созванном в чешском городе Хеб¹, Сигизмунд выдвинул программу имперских реформ, состоящую из четырех пунктов — о земском мире, о средствах к усилению эффективности императорской опалы, о реформе судебного дела и о реформе монетного дела. Эти программные пункты, так же как и общий ход их обсуждения, впрочем, безрезультатного, характерны и для других рейхстагов XV в. На рейхстаге 1437 г., однако, представители городов находились в более выгодном положении, поскольку император Сигизмунд добивался их расположения и стремился действовать в контакте с ними против князей. Представители имперских городов могли здесь, следовательно, смелее выразить свое отношение к пунктам программы.

Первыми представили свой проект решения программных пунктов князья. Они совершенно обошли молчанием пункт о монетной реформе и лишь мимоходом упомянули о необходимости поддержки имперской опалы, наложенной дворцовым судом. Весьма лаконичен княжеский проект и в пункте о земском мире. Необходимо, говорится в проекте, чтобы император обеспечил прекращение внутренних войн и решение споров правовым путем, чтобы император совещался с «другими господами» о мерах против разбойничьих замков. Пятый параграф княжеского проекта предлагал обеспечить всем в Германии безопасность дорог при условии, однако, что при этом не будет нанесен вред господам в их праве конвоя (Geleit), в их таможенных доходах и т. п.² Если будет нанесен ущерб лицу, находящемуся под чьим-либо конвоем, то «ближайший князь, граф, сеньер,

¹ Немецкое название этого города — Эгер.

² RTA, Bd. 12, S. 148. — «...doch unschedelich den herren an irem Geleite, zollen und anders...».

город или другой» обязан в спешном порядке притти ему на помощь всеми своими возможностями. Выдвигаемая здесь конкретная мера имела в виду прежде всего охрану «права конвоя» местных господ. Авторы этого проекта стремятся согласовать с этим правом вопрос об охране земского мира. Они предусматривают помощь ближайших соседей господам в осуществлении ими своего «права конвоя», что фактически означает подчинение им военных сил округи. Все кнехты, не имеющие никаких господ или юнкеров, которым они были бы подчинены в деле суда и права, не могут пользоваться ничьим конвоем и вообще не могут быть никем приняты в дом (пункт 1ⁿ из параграфа княжеского проекта)¹. Следовательно, лишая людей всякого «конвоя», ставили их тем самым вне охраны земского мира; другими словами, понятие «земский мир» для княжеских представителей полностью покрывался понятием эффективности княжеского «права конвоя». Речь идет, таким образом, об укреплении «княжеского суверенитета», т. е. по существу о феодальной раздробленности и феодальных «вольностях», а не о каких-либо общеимперских мерах обеспечения земского мира. Нарушение земского мира представляется в княжеском проекте как опасность, главным образом со стороны «разбойничьих замков», т. е. со стороны оппозиционного рыцарства.

Основное внимание в ответе княжеских представителей уделяется пункту о судебной реформе². Декларируя в общей форме необходимость нормального функционирования гоф-герихта и других регулярных судов, княжеский проект останавливался особенно подробно на разработке дел, подлежащих третейским судам, в которых главную роль играли княжеские советники. Автор Введения к опубликованным актам рейхстага 1437 г. подчеркивает, что княжеский проект проникнут стремлением передать на форум княжеских советников возможно большее количество дел, которые должны быть изъяты из ведения регулярных судов³.

Проект княжеских делегатов вызвал серьезные возражения императора. Не было ни одного пункта, писал в своем донесении франкфуртский делегат, в котором император не находил бы недостатков. Он же сообщает о контакте императора с городами, которые представили свой вариант решения указанных императором четырех пунктов программы реформ. В этом

---

¹ Там же, стр. 147. — «...alle die knecht, die nicht herren oder junkherren habend, die sie zum rechten versprechend und zu recht mechtig sein wollen, oder die nicht auf der selben habe siczend, kein geleit haben und sie süllen auch an keinen enden gehawset oder gehofet werden in dhein wise on alle geveden».

² RTA, S. 144—148.

³ Там же. Введение, стр. 104.

варианте городов подчеркивается, что города, больше всех страдающие от грабежей на имперских дорогах, особенно заинтересованы в земском мире и проникнуты стремлением достигнуть его прочного установления. Однако напрасно мы стали бы искать в нем предложения каких-либо мер общего порядка для установления земского мира. Города предлагают только, чтобы «князья, графы и господа, обладающие здесь в стране властью и мудростью», не представляли нарушителям мира, занимающимся грабежом на имперских путях, никакого конвоя и чтобы они вместе с тем помогали всем пострадавшим от грабежей в получении доступа к суду и праву. Если и города в своих областях и судебных округах будут поступать таким же образом, то «это будет содействовать общему земскому миру»¹. Таким образом, представители городов добивались на рейхстаге только «с о д е й с т в и я» земскому миру и притом — только средствами существующего порядка. Именно князья выдвинули на этом рейхстаге «справо конвоя» (Geleit) в качестве единственного инструмента земского мира и требовали, чтобы осуществляющему конвой обеспечена была помощь ближайшего соседа. Очевидно, города не хотели допустить чрезмерного усиления господ, обладающих правом конвоя, путем подчинения им сил округа. Однако никаких иных средств для реализации земского мира, кроме княжеского «Geleit», городские делегаты не выдвигали. В их проекте нет никаких указаний на необходимость создания каких-либо центральных органов для этой цели или установления какого-либо контроля над действиями князей. Представители имперских городов на рейхстаге не считали возможной даже постановку вопроса об устранении феодального характера княжеских и сенъериальных «вольностей».

По вопросу о судебном устройстве городские представители на рейхстаге подчеркивали необходимость правильного функционирования регулярных судов. В их проекте нет ни слова о тех разнообразных случаях применения третейских разбирательств, которым в проекте князей уделялось основное внимание. Города выступали против тенденции князей, направленной к перенесению возможно большего количества дел на суд княжеских советников. Свое недовольство княжеским вариантом судоустройства отдельные представители городов высказали уже до его официального опубликования. Яков Штраленберг, один из делегатов Франкфурта, указал в донесении от 30 июня 1437 г. на опасность для городов, вытекающую из стремления князей к установлению такого нового порядка в судебном

---

¹ RTA, S. 149—150.—«...das solt zu gemeinem fride der lande merlich dienen und furdern».

устройстве, при котором на первый план выдвигаются суды, не являющиеся общими для всех земель, и которые означают «уничтожение чести и вольностей городов»¹. Официальные представители городов выступили, таким образом, против княжеской тенденции со своим требованием упорядочения имеющихся во всех землях регулярных судов, в котором содержится известный намек на необходимость централизации суда. Однако этот намек не выражен в ясной форме. Кроме того, представители городов на рейхстаге не указали тех сил, которые будут проводниками централизации.

По вопросу об имперской опале делегаты городов не приняли никаких решений. В своем донесении императору они отделались кратким заявлением о том, что им «представляется правильным» (*gefiele in wol*), если император примет надлежащие меры к упрочению института опалы по праву и обычаю³.

Только в пункте о реформе монеты делегаты городов выдвинули предложение общеимперского значения — установить для всех земель империи золотой гульден весом в 19 каратов и не допускать ни увеличения его, ни уменьшения. Однако и в этом вопросе проект горожан не предусматривает централизованной государственной монетной системы. В этом можно убедиться из второй части пункта о монетном деле в протоколе совещания городских делегатов (3а) и в донесении, поданном ими императору (4а), где речь идет о серебряной монете. Серебряная монета, говорится там, настолько разнообразна, что приведение ее к единству по всей стране представляется невозможным. Надо требовать честного отношения к этой монете; в противном случае подвергать штрафам³.

Из всех пунктов предложений городских представителей можно видеть, что они были сторонниками некоторого усиления императорской власти за счет князей. Однако основы существовавшей территориальной системы в городских предложениях не затрагиваются. Земский мир установится, если князья и господа будут руководствоваться желанием установить его, и если существующая система регулярных судов будет правильно функционировать. Император должен найти меры к тому, чтобы сделать имперскую опалу эффективной. В проекте городов требовалось также «честное отношение» к чеканке

¹ Там же, стр. 134.— «Dan die furstin algereide angehaben uns noch gewalt zu fragen und sehen gern, da man an den gerichten anhub, dan die in allen landen nit bestalt sin, alz bilge were, und ein nuwe gemein recht bestalt word, der auch gemein sted boten kein gefaln han, dan alle er und unser friheit dadorch vernichtgit wordin...»

² RTA, S. 150, § 2.

³ Там же, стр. 151.— «Wo aber die redlich geslagen und gehalten würden, das sie danne deste statlicher gehandhabt würden; wo aber das anders gehalten würde, das danne das nach notdürft gestrafft wurde».

серебряной монеты и установление общеимперского веса для золотой монеты. Привилегии чеканки, как и все другие феодальные «вольности», не только не затрагиваются в этих предложениях, но и не ставятся под вопрос.

Между «Реформацией императора Сигизмунда» и материалами рейхстага 1437 г. существует глубокое расхождение во взглядах на политическое устройство Германии. У автора «Реформации» речь идет не об усилении императора за счет князей в отдельных вопросах, а о настоящем государственном преобразовании, о фактическом упразднении феодальных вольностей и подчинении местных властей централизованному государству. Правда, автор «Реформации» стремится использовать для новой государственной системы некоторые существующие «вольности», насколько это представляется ему возможным. Этим «вольностям» он старается придать новое содержание, соответствующее его государственной концепции. Руководство и контроль над соблюдением государственных законов он передает имперским городам вместо того, чтобы создать для этой цели общегосударственные институты. Все же суть государственного идеала автора составляет идея руководящего общегосударственного начала. Он не совсем отказывается и от установления новых общегосударственных институтов, о чем говорит глава о четырех наместниках в империи. Имперские города представляются автору как хранители желательной ему государственности, а не как привилегированная группа, вольности которой он отстаивает и стремится расширить.

В этой связи важно остановиться на 9-й главе 6-й части «Реформации», называющейся «О рыцарском сословии», в части, касающейся полномочий городов и их роли в государстве. Вопрос о происхождении и роли рыцарства, которому посвящена данная глава, не может быть выяснен, по мнению автора, без понимания места и роли основной руководящей силы государства — имперских городов. Глава начинается с ответа на вопрос: как возникло рыцарство? Первый император Мимус, правивший за 700 лет до нашей эры, убедившись в невозможности управлять империей «собственной силой», поместил во всех пунктах рыцарей и повелел впереди каждого рыцаря носить жезл в знак того, что он имеет право приказывать от имени императора. За это все рыцари поклялись отстаивать дело императора своей жизнью. Так государство благополучно управлялось императорами до Константина Великого, принявшего крещение от папы Сильвестра. С установлением христианского характера империи внесен б и новый порядок в управление. Павши к ногам Сильвестра, Константин передал в его руки «все земное царство» (als ertrich). Однако папа восстановил его императорскую власть, передав ее ему в качестве «лена»

(*lehenweis*) с тем, чтобы он являлся наместником и защитником христианской веры. Сильвестр передал Константину светский меч и вместе с тем установил все нормы церковного и светского права. «Тогда-то были упорядочены, и наделены правами священные имперские города. Они записаны священными, потому что им поручена была всякая законность, и христианский мир через них укреплялся. И духовная и светская законность поручена им так же, как императору поручена империя. И так до сегодняшнего дня они связаны с империей клятвой и честью»¹.

Согласно этой версии, которая должна служить «историческим» обоснованием предлагаемой реформации, руководящую роль в государстве города приобретают одновременно с изменением характера империи. Христианизация империи представляется автору не как установление господства церкви, а как установление принципа государственного единства и государственной законности, поддерживаемой внутренними силами. Раньше, до христианизации, правил император, опиравшийся на военную силу дворянства. С христианизацией же установлен принцип законности как основы государственности, наряду с ее внешней военной защитой, которая объявлена теперь недостаточной. Классовая сущность государственного идеала автора не вызывает сомнений, так как внутренней силой и опорой государства, которой поручена законность, он объявляет имперские города. В связи с этим меняется и роль дворянства, которое попрежнему является военной силой императора, но обязано теперь действовать в контакте с имперскими городами. Нетрудно видеть, что функции, порученные городам, являются функциями утверждения и охраны общегосударственного начала, т. е. функциями внутренней централизующей силы. Именно поэтому в изображении автором «Реформации» акта христианизации империи города выступают наряду с императором основной опорой и силой государства, получив свои полномочия по охране государственной законности прямо от папы Сильвестра одновременно с получением императором от того же папы светского меча.

Генрих Вернер в своем издании текста «Реформации» подчеркивает приведенные выше строки как очень важные для выяснения отношения автора к городам. В примечании он обращает внимание на то, что права городов, как и права импера-

¹ Die Reformation..., S. 77—78.— «Da wurden den die hailigen reichstett gesrdnet und gefreiet, wa stand sy geschriben hailig, wann in ward empfolhen alle gerecht sällikeit und ward die cristenhait durch sy gestercket und wurden in gaistliche und weltliche recht empfolhen als dem kayser das reich, als sy noch heut beyta dem hailigen reich verpunden sind bey aiden und eren zetünd».

тора, автор возводит к папе Сильвестру. По мнению Вернера, автор хотел этим доказать, что «городские вольности так же стары, как сама императорская власть, поскольку они вместе с последней установлены папой Сильвестром». Вернер решает этот вопрос, не обращаясь к анализу характера тех функций, которые автор «Реформации» предусматривает для городов. Он игнорирует то обстоятельство, что в данном случае речь идет о новых функциях охраны государственной законности, что старые феодальные «вольности» городов устраняются фактически таким же образом, как и «вольности» феодальной знати. Вывод Вернера не вытекает из текста «Реформации», и его концепция о том, что цель ее автора заключается в отстаивании городских вольностей за счет княжеских и сенъериальных, является ложной.

Таким образом, мы видим, что для выяснения социально-политических взглядов автора «Реформации» и классовой сущности его памфлета недостаточно установить близость его к городским кругам. Между взглядами автора «Реформации» и взглядами официальных кругов имперских городов существовало, как мы уже видели выше, глубокое расхождение. Следовательно, высшие слои городов, конкурировавшие с князьями в отстаивании феодальных «вольностей», не могли составлять социальную среду автора. Из разобранных выше глав можно заключить о живом интересе автора к деловой жизни города, к торговле. Об этом говорит его разбор всех деталей, касающихся пошлин, состояния торговых путей, их охраны и постоянного ремонта, а также необходимости чеканки единой полновесной монеты. Весьма характерным для интереса автора к торговле является его рассуждение о вреде практики ухудшения монет разными привилегированными чеканщиками. «Дошло дело до такого беззакония,— говорится в конце 22-й главы 6-й части,— что, пронюхав [его выгоды] люди перестают заниматься честной торговлей и перевозят монету из одной земли в другую»¹. Автор заботится, следовательно, о развитии «честной» торговли, интересы которой страдают от спекуляции монетой.

Характерной для определения классовой принадлежности автора «Реформации» является начальная часть 20-й главы 6-й части, носящая название «О том, что каждый имперский город может принимать в бюргеры». Ввиду большого значения, которое имеют в империи имперские города и, следовательно, также — бюргерское право в них, люди, добывающиеся этого права, должны «иметь в городе определенный залог, называе-

¹ Die Reformation..., S. 97.— «Also furgekommen ist das unrecht, das man erschmeckt hat das man erliche koufmanschatz hatt gelassen und man furt muntz von ainem land zû den anderen».

мый здесь *vardel*,— в виде ли дома, двора или того, на что покупают *vardel*: это записывается в специальную книгу — *fardelbuch*. За бюргерское право и городскую свободу он должен уплатить три фунта общей монеты, которые должны быть удержаны и обращены на городские нужды. Затем он должен дать присягу тремя поднятыми пальцами в том, что он будет заботиться прежде всего о благе империи и города своей жизнью и имуществом»¹. Далее речь идет о порядке получения бюргерского права детьми после смерти отца.

20-я глава 6-й части «Реформации» содержит длинные рассуждения с цитатами из священного писания о том, что руководящую роль в христианском мире должны играть «малые» и «простые», от имени которых действуют имперские города. По своей направленности эта глава ближе к вступительной части, чем к остальным главам 6-й части: она посвящена, прежде всего, обоснованию реформации и мерам, необходимым для ее проведения. В данном случае автор имеет в виду меры, с которых следует начать. Имперские города должны быть, по мысли автора, усилены и увеличены за счет областей феодалов. Для достижения этой цели должны быть использованы существующие права городов и городские «вольности», но их нужно обратить на имперское преобразование «Поскольку каждый имперский город обладает правом принимать бюргеров,— говорится в начале главы,— то это должно быть признано законным, так как это предусмотрено высокими [авторитетами] ради интересов империи, чтобы они (т. е. города.— *М. С.*) укрепляли ее со дня на день [против всего], что направлено в ущерб святой империи»².

Дальше говорится о необходимости имперских мер против тех «свободных графов, рыцарей и знатных лиц всякого иного звания», которые воспрепятствуют принимать бюргеров из их областей. Эти действия представителей знати направлены против интересов империи, от которой исходят все их вольности. «Эти господа не должны думать о том, чтобы в своих феодальных областях иметь больше людей для войн. Это они до настоящего времени так себя вели, что затевали большие войны за

---

¹ Die Reformation..., S. 90.— «...Sollent setzen ain gewiss underpfant, das da haisset ain vardel in der statt, es sey ain hauss oder hoffstat oder darauf gekauft ain vardel: das statt geschriben in ainem fardelbuch; und um das burckrecht und der statt freyhait sol er geben drew pfunt gemainer muntz und das sol behalten werden und an der statt nutz gekert werden. Den sol er sweren mit drey aufgereckten vingern, vor an dem reich und an der statt nutz ze furdern mit seinem leib und güt».

² Там же, стр. 90.— «...als auch yede reichstatt die freyhait hatt, burgerzenemen, das sol bestan von recht, wann es ist von angende angesechen vondes hailigen reichs wegen, das sy das starckten von tag ze tag, was wider das haylig reich wolt sein».

преимущественное положение. Этому по божьей воле должен быть положен конец; малые должны быть возвышены, а могущественные — унижены»¹.

Таким образом, «вольности» феодального характера должны быть упразднены с усилением центральной власти, но в интересах последней следует сохранить привилегию городов принимать бюргеров из сельской округи. Весьма характерными при этом являются условия приема бюргеров имперскими городами. Вступающий в бюргеры должен, во-первых, дать залог — «фардель», и кроме того — три фунта монеты за бюргерское право, которое, с введением предусмотренной реформации, получает особое, прежде всего политическое значение. Размер залога, именуемого «фардель», не совсем ясен. Слово «vardel» (точнее — Fardel) означает по словарю Я. и В. Гриммов, груз и кипа товаров (не обязательно ткани, как толкует Вернер). Означает ли это слово определенное количество товара, остается неизвестным. Однако поскольку самый товар не определен, то и стоимость залога не указывается. В тексте слово «фардель» означает залог вообще. Впрочем, примеры, данные автором: «в виде ли дома, двора или того, на что покупается фардель» — указывают на значительные его размеры для переселенца, добывающегося бюргерского права. Нельзя толковать приведенную фразу как рекомендацию автора брать в виде залога дом или хозяйство или же только кусок ткани. Очевидно слово «фардель» означает здесь что-то солидное по своей ценности и доходности и остающееся продолжительное время, как дом и дворовое хозяйство. Выражение «ein hauss oder hoffstat oder darauf gekauft ain Vardel» указывает на то, что здесь имеется в виду наличие солидного имущества, дающего фардель как доход. Другими словами: автор хочет, чтобы увеличение городского населения шло за счет людей, самостоятельных в хозяйственном отношении. О требовании некоторой зажиточности переселенцев говорит и условие уплаты трех фунтов «общей монеты» за право бюргера.

Автор «Реформации», не принадлежавший, как это было показано выше, к высшим слоям городского общества, не выражал также настроений городских низов. Идеи данного памфлета выражают безусловно настроения средних кругов бюргерства, питающих живой интерес к торговле и торговым связям, но заботящихся вместе с тем о «честной торговле» и о равных

---

¹ Die Reformation..., S. 91. — «...die herren-bedorffent nit gedencken, lidas in ir zwing und benn me helffen sollent kriegen. Sy hand bisher auf sö ichs gehalten und hand dick krieg aufgetriben umb ain vortantz. Es sol, ob got wil, auss sein; die klainen sollen erhocht werden und die gwaltigen ernidert».

условиях. Кроме приведенных выше замечаний автора в главах о пошлинах и о порядке чеканки монет, весьма характерна 6-я глава — «О правилах для купцов», в которой указываются меры борьбы против сговоров о ценах со стороны купцов, торгующих товарами, купленными в далеких приморских городах — «в Венеции или где-нибудь еще». Автор исходит из необходимости контроля со стороны имперских властей над ценами, чтобы они соответствовали затратам и справедливой прибыли. Для осуществления этого контроля выделенные наблюдатели должны знать цену товара на месте покупки, условия его доставки и т. п. Однако купцы, съезжающиеся в Венецию для закупки заморских товаров, сговариваются о совместном осуществлении обманных проделок. В сговорах участвуют торговцы разными товарами — пряностями, сукном и всякими другими вещами, чтобы взаимно страховать себя и обеспечивать высокие прибыли в результате высоких цен. Автор, очевидно, считал, что вследствие этих комбинаций купцам удается скрыть настоящую цену, за которую каждый товар куплен. Купцы также ссылаются на якобы имевшие место происшествия при перевозках товаров по морю для того, чтобы набивать себе прибыль, вопреки всем правам¹. Для предотвращения всего этого автор рекомендует учредить в каждом из морских портов по два наблюдателя от империи; в их обязанности входит следить за тем, чтобы по каждому товару в отдельности фиксировалась цена, за которую он куплен на месте. О цене каждого товара должно иметься от имперских представителей письменное свидетельство, подтвержденное имперской печатью. Товар должен доставляться на место назначения вместе с этим его свидетельством о цене, и до его поступления в продажу он должен быть осмотрен в особом помещении (*in ain gmain Kaufhus*) городским чиновником (*ain obroster in der statt*) вместе с избранными для этой цели представителями магистрата, которые принимают и зачитывают документ о цене. Затем торговец (*ain Kaufherr*) вместе с этими лицами должны вычислить, сколько дней товар был в пути и, начисляя за каждый день пути по 8 шиллингов четыре пфенига на 100 гульденов, установить продажную цену товара. Таким образом, заключает автор, каждый будет в одинаковых условиях, и все будут торговать правильно и по-божески. Вот тогда торговцы будут отдавать делу и свою душу,

---

¹ Die Reformation..., S. 71—72. — «...die treibent nun grossen alenfanz, als ich ew sag..... so tond sy dick ains, es sey guldin tücher, sametin, seidin... oder es sey gewurz, imber, pfeffer, negelin, zimetrör. nichts aussgenomen, und machend ain anschlag, der in füglich ist und überschlahent bey ainander..., und ziehend sacht, in sey übel auf dem mer gangen. Etwann vindent sy, das sy ye furkoment und nement gwin wider alle recht».

так же как они теперь подвергают серьезному риску свое тело и свое добро¹.

В этой главе особенно ярко выступает забота автора о создании «равных условий» торговли и обеспечении «правильной торговли» и вместе с тем его уважение к самой функции торговца, требовавшей предприимчивости и смелости. Однако, выступая в защиту «честной торговли» против крупных дельцов, автор прибегает и к более широкой мотивировке. Отстаивая интересы своего класса, он представляет их как интересы общенародные. Их решение он мыслит себе не как частную проблему, стоящую вне больших политических вопросов, а как проблему, связанную с общим государственным преобразованием. Например, в главе «О торговых компаниях в городах» выдвигается требование прекращения деятельности этих компаний, независимо от того, организованы ли они бюргерами или благородными. Нарушители этого запрета теряют свои товары в пользу города, если они бюргеры. Если же нарушитель принадлежит к знатым, то он должен быть подвергнут государственной опале, а его товар представляется «на поток и разграбление». Это суровое отношение к торговым компаниям мотивируется тем, что они, стараясь выйти без потерь при любой ситуации, наносят этим ущерб общим интересам в городах и на селе. «Необходимо строго остерегаться всяких повышений цен в торговле,— говорится в заключении этой главы,— потому что эти надбавки причиняют горе всем землям и наносят большой вред (духу) верности и общности»² Автор аргументирует свои взгляды, таким образом, общими интересами не только городов, но и деревень. При этом он выдвигает на первый план политический вред, приносимый крупными компаниями, подрывающими общественное доверие «во всех землях».

Эту точку зрения автора «Реформации», вполне отвечающую его широко задуманной политической программе, необходимо поставить в связь с его значительным интересом к социальным проблемам. Рассматривая главы «Реформации», в которых трактуются социальные проблемы, можно выяснить не только ту социальную группу, взгляды которой автор выражает, но и те слои, интересы которых входят в круг его забот по мотивам политического порядка. 18-я глава 6-й части направлена про-

---

¹ Die Reformation..., S. 72. — «Also beschäch yederman ain gleichs und kauft man wol und bestonde mit got; sunst so gebent die Kaufherren auch ir sel dar, wie das ist, das sy dick leib und güt wagen mussent».

² Там же, стр. 73.— «Sy schybent es ye darnach, das sy nit verliern. Das kompt auch aller gemain in den stetten und auf dem land übel... Man sol vor allen aufsätzen in allen kauffen vesteklich verhüten, wenn laider yetz die aufsätz allen landen we tond, es schaidet trüw und gemeinsame gar»

тив скупок продуктов питания с целью спекуляции. Обращает внимание наивная и архаическая аргументация, вообще не характерная для автора. В пространных выражениях подобные скупочные операции характеризуются как «смертный грех», за который бог ниспосылает стихийные бедствия, уничтожающие урожай. Кроме того, все что приобретено нечестной торговлей, так же как и ростовщичеством и грабежом, неизбежно должно пропасть: «оно не может быть использовано естественным путем. Оно обязательно — или будет украдено, или сгорит, или будет израсходовано на тяжелую болезнь. Если же оно все же будет съедено, и природа его примет, то оно обязательно выйдет рвотой или потом»¹. Здесь мы совсем не узнаем ученого автора политического памфлета, выступающего с проектом преобразования всех отношений в государстве на строгой правовой основе. Автор явно стремится приблизить свою аргументацию к народным представлениям о справедливости, к вере народных масс в неизбежную гибель того, что добыто нечестным путем. Он показал уже в другом месте свое отрицательное отношение к нечестной торговле, к искусственному взвинчиванию цен в результате сговоров и спекулятивных операций. Нам уже известна неизменная забота автора об обеспечении «равных условий» в торговле. Однако в данной главе его внимание привлекает не торговля, а положение трудящихся слоев населения. Уже в начале главы автор усматривал зло спекуляции предметами продовольствия в том, что спекулянты, высматривая ту землю, где хороший урожай, скупают там продукты и тем самым «ущемляет бедных людей, так как вследствие града, ненастной погоды и наводнений, которые стихия имеет в своем распоряжении, прекращаются обильные урожаи. Стихии мстят нашим грехам за божью справедливость»². Мероприятия против спекуляции аргументируются, таким образом, необходимостью защиты «бедных людей». Эти мероприятия указываются во второй части главы. Для предотвращения всего этого (т. е. спекуляции продуктами питания. — М. С.) необходимо избрать в каждом имперском городе от каждого ремесла по одному мудрому и благочестивому человеку. Все избранные должны, после присяги перед богом и святыми,

¹ Die Reformation..., S. 89. — «...was der mensch mit pösem verkouffen, mit aufsatzen, mit wüchren mit rauben hatt und in ankompft, das mag nit naturlich verzert werden. Es muss aintweders verstolen werden oder verprunen oder an dem pett in kranckhait verzert werden. Wird es ioch verzert, ob es die natur enthielt, so müß es von im brechen oder erschwitzten».

² Там же, стр. 88. — «...So es im fuglich ist, so schlecht er ungewonlich gwinн darauf und dringet arm leut, das nun dick und vil nichts wachset, das der hagel kömpft, schlachent ungewitter, wasseigussen, was die element in irm gewalt hand. Die element rechent durch unser sunnd gottes gerechtikait».

ежегодно после сбора урожая оценить рожь, вино и все другие продукты питания так, чтобы хлебопашец и виноградарь могли существовать своим трудом и чтобы каждый ремесленник мог существовать своим заработком. Надо установить для портного и для всякого другого ремесла его оплату. Для поденщика так же надо установить оплату его труда летом — от Юрьева дня до осеннего дня св. Девы — и зимою»¹.

Как видим, автор аргументирует предложенные им мероприятия против скупой необходимостью ограждения интересов крестьян, ремесленников и поденщиков. Цены на сельскохозяйственные продукты должны быть таковы, чтобы обеспечить существование крестьян. В соответствии же с установленными ценами на предметы питания должна быть приведена оплата труда ремесленников и поденщиков.

О том, какие слои населения привлекали внимание автора «Реформации», можно видеть и из его отношения к городским цехам. Свое отрицательное отношение к цехам он мотивирует интересами общины. «В хороших городах, именно — в имперских городах» цехи стали вести насильственную политику и сделались продажными. Они сговариваются между собою об особых законах, а во многих городах они определяют состав магистратов, образуя их представителями от цехов. Автор старается доказать, что цеховой принцип не может рассматриваться как законная основа общественной организации². Он подробно описывает, как некоторые магистраты, составленные из цехов, несмотря на данную ими городу и общине присягу верности, покровительствуют цехам, помогая им в уклонении от наказания за совершенные незаконные действия против интересов общины. Здесь же приводится пример: мясник, который продает дорого мясо, хлебопек, который изготавливает булки меньших размеров, или портной, требующий за свою работу слишком большую плату. В магистрате цехи взаимно помогают друг другу, в результате чего община оказывается обманутой, а честные заработки исчезают. Эта самостоятельность отдельных корпораций, помогающих друг другу в их произвольных действиях, представляется автору «Рефор-

¹ Die Reformation..., S. 89.— «...nach der fruchte iarganck über-söhlahen umb korn und wein und umb alle ander ding, das ässig sey, das der pawman und rebman bestan mugen bey ir arbeit und yeder hantwercksman bey seinem lon bestan mug, dem schnyder seinen lon setzen, das selbe einem yeclichen hantwerck, dem tagwerker sinen sumerlon von sant Jorigen bis zů unser frauentag ze herbst, und denn auch den winterlon».

² Там же, стр. 68.— «Es ist auch zewissen, das in deng üten stetten, nemlich reichstetten, zunft sind, die sind nun ser gewaltig worden und müss man die zunft groblich kouffen. Sy machent gesatze under in... Sy ordnent an vil stetten den rat... Diss haist in ainer stat zu latin: una parialitas, und ist nit ain rechte gemeinsamkait, als ich ew sag».

мации» отрицанием и подрывом справедливого 'общественного устройства, принцип которого он называет «gmain» и «ain gemainsam», противопоставляя его цеховому принципу. «Если хотят сделаться лучше, чтобы каждый относился к другому с доверием, то надо отменить цехи и установить широкую общность. Никто не станет поддерживать другого; тогда и городской совет будет чист... (Советники) будут приносить большую пользу, и города будут быстро расти»¹. В чем заключается эта «широкая общность» (manglich gmain), здесь не говорится. Однако черты ее вырисовываются в дальнейшем тексте этой и следующей глав. Она образуется уже, по мнению автора, самой отменой цехов и устранением цехового засилья и притеснения. При существующих цеховых порядках все места в городе закреплены за определенными людьми и поэтому господа и сельские люди городам нежелательны (gram). Та же общность, которую автор выдвигает взамен цехового устройства в городах, охватит и все негородские элементы, которые захотят туда переселиться. Дело, таким образом, сводится к тому, чтобы крестьянам была открыта возможность свободного переселения в города и доступ ко всем ремеслам в них. Господам, желающим переселиться в города, тоже должна быть гарантирована такая возможность. Однако из этого не следует, что автор выступает здесь сторонником беспрепятственной и свободной деятельности в городах вообще. В конце главы о цехах говорится, что в обществе никто не должен отеснять другого от всех ремесл, что все должны быть в одинаковых условиях. В следующей главе, носящей название «Чтобы каждый человек занимался только своим ремеслом и промыслом», эта мысль уточняется. Занятие несколькими промыслами определяется как зло, распространенное по городам и селам в разных концах» (in stetten und auf dem land an vil enden). Винодел, кроме своего основного занятия, торгует также солью; бывает, что и портной занимается торговлей. В общем, кто только может, тот торгует чем попало, лишь бы это приносило прибыль. «Но слушайте, к чему обязывает императорское право,— а наши предшественники не были дураками: ремесла изобретены для того, чтобы каждый добывал себе ими хлеб насущный и чтобы никто не вторгался к другому в его ремесло»². Последняя фраза понимается здесь в том смысле, что

¹ Die Reformation..., S. 69.— «Woll man aber innen werden, das steet güt wurden und yederman dem andern trew wär, so tätt man zunft ab und wär manglich gmain und wär niemant dem andern beyständig und wurd der ratt lauter .. und wurden rechte pfenwert geben und auffeten sich die stett grosseklich».

² Там же, стр. 70.— «Wolt ir aber hören, was kaiserlich recht gepuitet—unser vordern sind nit naren gewessen—: es sind hantwerck darumb

каждый волен заниматься любым ремеслом, но только одним! «Кто желает заниматься промыслом, тот должен избрать себе только один, отказавшись от всех остальных. Таким образом каждый человек будет добывать свое пропитание, и это будет по-божески»¹.

Нарушитель этого закона должен уплатить крупный штраф и должен быть приведен в покорность и считаться в опале. Закон распространяется и на хлебопашцев и виноградарей как в черте города, так и в деревне².

Таким образом, автор «Реформации» предусматривает отмену цехов и цеховых ограничений. Он высказывается за ликвидацию барьеров между городом и сельской округой. Любой крестьянин может переселиться в город и заняться любым ремеслом или торговлей, но должен ограничиться при этом одним только занятием. Автор считает, очевидно, что при таких условиях увеличение числа ремесленников, каждый из которых будет заниматься одним ремеслом, не приведет к сокращению заработков старых ремесленников, ибо это увеличение будет сопровождаться общим расширением городов и ростом городского населения и, следовательно, ростом спроса и заказов в области каждого ремесла. К тому же в город будут переселяться и некоторые господа, являющиеся только потребителями. Разрабатывая эту часть своего проекта, автор проявляет характерную для него заботу о равенстве условий занятия любыми промыслами и в особенности занятия торговлей.

В предлагаемых здесь автором мероприятиях заинтересованы были и нецеховые элементы в городах и крестьянство, которые образуют источник постоянного пополнения нецеховой городской массы. Автора данного памфлета нельзя считать выразителем настроений самих народных низов. Против такого предположения говорят не только рассмотренные уже условия получения переселенцами бюргерских прав, но и общий характер памфлета, в котором социальные вопросы подчинены политическим. Тем более заслуживает внимания несомненное стремление автора придать своему политическому проекту широкий характер, заинтересовать в нем массы городов и деревень. Особый интерес в этой связи

---

erdacht, das yederman sein täglich brot darmit gewin und sol niemant dem andern greiffen in sein hantwerck».

¹ Die Reformation..., S. 71. — «Wer seinen gewerbt reiben wil, der nem ainen fur hand und lass die andern all fallen. So mag sich yederman erneren und das ist gottlich».

² Там же. — «...ain pawman sol seinen aker pawen, ain rebman seinen weingarten; also sol es sein in allen hantwercken. Wer es übersehe, der sol ainer statt verfallen sein zehen pfunt als dick, als es gebrochen wirt. Ist es aber auf dem land, so nympt ain zwingherr die puss ouch on gnad».

приобретает вопрос об отношении автора «Реформации» к феодальным порядкам.

Нам уже известно, что автор старается включить различные прослойки светских феодалов — князей и рыцарей — в предусмотренную им государственную систему. Место, уделяемое рыцарству, указано в более ясной форме. До христианизации империи рыцарство, как военное сословие, было единственной опорой государства. После же христианизации, превратившей, по мнению автора, империю в правовое государство, когда основными хранителями государственности сделались имперские города, рыцарство заняло еще более высокое место¹, поскольку оно получило функции защитников не только военного, но и правового государства, функции защиты права и справедливости. При правильном и «рыцарском» исполнении своей высокой роли рыцари заслуживают в государстве высокой оценки. Теперь же, заявляет автор, рыцари отошли от правильного пути, они сами содействуют подрыву и упадку всякого права. Причину этого автор усматривает в недостаточной связи рыцарства с городами, являющимися опорой права в государстве. Рыцари должны помнить, что право должно быть восстановлено силой, и что решающую роль в этом должны играть «малые» и «простые»². За правильное исполнение своих функций по защите охраняемого городами права рыцари пользуются в государстве определенными публичными правами, которыми их наделяет центральная власть. За этими правами сохраняются старые названия «вольностей», суть которых не уточняется нигде в памфлете, но о характере которых мнение автора не оставляет никаких сомнений. Они не должны быть связаны с земельной собственностью и не могут рассматриваться как феодальные привилегии. Пользование этими «вольностями» строго обусловлено исполнением поручений центральной власти, защитой в государстве права, охраняемого городами. При разрыве своего «единства с городами», что несомненно в устах автора означает: при уходе из-под контроля городов рыцари теряют свои вольности³.

О роли князей в реформированном государстве встречаются указания в разных главах «Реформации». При соблюдении установленных правил князья, как и города, взимают пошлину

---

¹ Die Reformation..., S. 78.— Da wurden die ritter erst recht gesetzt und gemacht und sachend an... das die ritterschaft vast nutz was. Do wurden sy gewirdiget und bas erhocht dann vor».

² Там же, стр. 79.— «...man muss es mit kraft durchprechen, das auch sein muss. Wend die grossen schlaffen, so müssen die clainen wachen, das es doch ye gan muss».

³ Там же, стр. 79.— «Nun sollend sy doch erkennen, wie sy veraint sind mit den reichstetten pey aller freihaite berabung».

на торговых путях и обращают ее на общественные нужды. Наряду с городами они обладают печатью для скрепления актов. Князья управляют в своих землях в качестве местной власти. В 22-й главе 6-й части говорится, что всякий, получивший право чеканки монет, обязан помещать на обратной стороне каждой монеты герб князя данной местности для того, чтобы можно было найти чеканщика при обнаружении неполновесной монеты¹. Нам уже известно резко отрицательное отношение автора к княжеским войнам и княжескому суверенитету. Однако в его системе охраны земского мира князьям отводится весьма важная роль. Хотя инициатива в охране земского мира отводится городам, а энергичные предупреждения против возможных нарушителей мира обращены главным образом к князьям, все же наместник приводит к повиновению нарушителя мира силами городов и князей². Отказывая князьям в самостоятельности, автор не только не требует их устранения, но, наоборот, рекомендует оставить их в своих территориях, где они должны осуществлять императорское право. За функции охраны в областях высшего суда, руководствующегося, как мы уже видели выше, императорской книгой законов, князь, как и город, пользуется правом запрещения в определенных горных районах охоты и пользования лесом. В отношении ряда поручений государственной власти, осуществляемых на местах в виде «вольностей», автор «Реформации» категорически требует, чтобы те, которые наделены ими, не рассматривали их как собственные привилегии и не извлекали из них никакой материальной выгоды для себя. Такие оговорки содержатся в главах о пошлинах, о печати, о чеканке монет. Однако запрещение охоты и пользования лесом (*hochweld und wildbenn*) устанавливается с тем, чтобы право пользования принадлежало только городам и князьям, охраняющим право в областях высшего суда³. Эти области, на которые распространяется данное право князя или города, называются в «Реформации» старым термином — областями их права «банна и принуждения» (*zwing und benne*). Но автор стремится вложить в этот термин смысл, согласно которому эти права рассматри-

¹ Die Reformation..., S. 96.

² Там же, стр. 87—88.

³ Там же, стр. 76. — «Es wären denn hochwald auf der ebenen oder in den gebirgen, das gehört in ettlichen zwingen und an die hohen gericht. Das ist nun darumb, das ain yeclicher her oder statt dadurch sicherhait tûn sol und gelaiten, das niemand kain laid beschech. Darumb mugent sy niesen hochweld und wildbenn». Здесь, как и во многих других местах, автор употребляет слово «господин» (*herr*) вместо слова «князь» (*furst*). В представлении автора — князья, лишённые прежних прав и прежнего суверенитета, превращаются в «господ» (*herren*), действующих от имени центральной власти.

ваются как общегосударственные, являющиеся средствами центральной власти для осуществления на местах государственной законности. Поэтому автор противопоставляет княжеские права «банна и принуждения» рыцарским. «Должно быть известно,— пишет он,— что высокие князья, имеющие большие территории, твердо проводят в их части императорское право, но графы, знатные рыцари и вассалы, тоже имеющие права «банна и принуждения», объявляют людей в этих областях их собственностью и облагают их необычными поборами сверх чиншей, которыми отягощены [в их пользу] леса и поля»¹. Здесь, таким образом, автор старается провести различие между княжеским «правом банна и принуждения», являющимся, по его мнению, элементом императорского права, и рыцарским, рассматриваемым как частная власть и как источник частных доходов, против чего он энергично возражает.

Большой интерес представляет отношение автора к крестьянским повинностям. Ввиду возможности различных толкований соответствующего текста, из него необходимо привести одно место в оригинале: «Item uff dem land sind güt äcker und wisen als höffe, die sind nun schwarlich mit zinsen überladen, die zû den güttern gehornd. Nu wun und waid, holz und veld, das ain yecclicher pawman mit seinem vich gepawen mag, das wirt nu mit dem gut verzinset. Dennocht stewret mans...»². Далее следуют энергичные возражения автора против запрещения крестьянам свободного пользования лесами и полями на основании обложения последних. Очевидно, что эти дальнейшие рассуждения являются раскрытием последней фразы приведенного текста — «Denocht stewret mans». Понимание всего этого и последующего текста зависит от толкования слова «denocht». Если принять это слово в его современном значении, в каком оно применяется с XV в.³, и перевести его — «все же» или «несмотря на это», тогда весь текст надо понимать в том смысле, что автор различает две категории повинностей. Крестьянские хозяйства, говорит он, тяжело перегружены чиншами, которые распространяются как на луга и пастбища, так и на леса и поля. И «несмотря на это» их еще облагают поборами (stewret mans), против которых автор энергичнейшим образом возражает. При таком толковании получается, что протест автора относится только к дополнительным поборам, взимаемым сверх

¹ Die Reformation..., S. 73.— «Es ist zewissen, das die hohen fursten, die gross land hand, noch vast kayserliche recht zû irm tail haltent. Aber grafen, freyen, ritter oder knecht, die auch zwing und benn hand, die aigent leut...»

² Там же, стр. 75—76.

³ См. Deutscher Wörterbuch von J. u. W. Grim. 2-ter Band, Leipzig, 1860, S. 748—749.

тех чиншей, которыми крестьянские хозяйства отягощены и о которых говорится в начале приведенного выше текста. По поводу этих чиншей автор, следовательно, не ставит вопроса по существу, ограничиваясь лишь общим сочувствием по отношению к крестьянам, содержащимся в выражении о «тяжелой перегруженности» их хозяйств чиншами. Если принять эту интерпретацию текста, то необходимо будет разобраться в существе двух категорий повинностей, которые автор имеет в виду. Выражение: *sind nun schwarlich mit zinsen überladen*, означает, вероятно, что речь идет здесь не о поземельном пензе, но о всякого рода сверхцензах (*überzinsen*) преимущественно долгового происхождения. Это обстоятельство затрудняет даже для радикального бюргера решительное выступление против них. Он не столь радикален, чтобы требовать отмены всех поборов, независимо от их характера и происхождения, и ограничивается лишь общим, мимоходом брошенным, сочувственным замечанием. Зато гнев автора «Реформации» направляется в самой решительной форме против феодальных поборов, взимаемых землевладельцами, извращающими права «банна и принуждения», понимая их как связанное с землевладением частное право и запрещающими свободное пользование лесами и полями.

Однако не исключено и другое толкование слова «dennoch», которое меняет все значение приведенного текста. До XV в., как утверждают в своем многотомном толковом словаре Я. и В. Гриммы, слово «dennoch» употреблялось не в значении латинских слов «*tamen*» и «*nihilominus*», а в значении «*damals noch*» или «*nach zur zeit*». В этом смысле оно вполне могло применяться в нашем памфлете, относящемся к 30-м годам XV в. Таким образом, вся фраза «*Dennoch stewart mans*» переводится как «а в то же время запрещали их», «не допускали свободного пользования ими»¹. Такое понимание этой фразы вполне подтверждается следующими за нею объясняющими и раскрывающими ее фразами: «*man verbannet nun in die holtzer*», «*man sol wissen, das man weder holtz noch veld in kainen bann legen sol*».

Согласно этому толкованию, мысль автора в приведенном тексте сводится к следующему: крестьянские хозяйства тяжело перегружены всякого рода чиншами. Таким образом, в хозяйстве оказываются отягощенными чиншами луга и пастбища, так же как и леса и поля. В то же время при неуплате этих чиншей запрещают свободное пользование лесами и полями. При этом толковании нет речи о двух категориях повинностей, так

---

¹ Слово «*steuern*» и в современном немецком языке означает не только облагать налогами, но и — не допускать, обуздывать.

как автор говорит о результате всей системы отягощения крестьянских хозяйств. Однако и при этом варианте широкая аргументация протеста касается главным образом запретов свободного пользования, чинимых в результате чрезмерного отягощения чиншамп, а не самих чиншей. Осуждение обложения чиншами содержится только косвенно в одной фразе о том, что обладающие правом «банна и принуждения», облагая чиншем хозяйства на всей территории распространения их прав, поступают неправильно, так как тем самым они запрещают людям пользование лесами и полями для их нужд¹. Только в горных районах обладателям права «банна и принуждения» предоставляется монополизировать пользование лесом и охотой за охрану права в областях высшего суда. Как видим, и в этой фразе осуждается чинш, налагаемый обладателем прав «банна и принуждения» в силу того, что он понимает эти права как права феодального сеньера. Очевидно, что из разнообразных чиншей, которыми перегружены крестьянские хозяйства и среди которых были и поборы несеньериального происхождения, решительный протест автора вызывали только чинши сеньериального происхождения. В дальнейших своих рассуждениях против запретов автор переходит к характерной для предприимчивого горожанина аргументации, резко протестуя против запрещения князьями пользования водными путями. Реки текут предначертанным им богом путем. Они орошают все земли и должны быть свободными для всех, утверждает автор. Только там, где есть мосты и требуется их охрана и ремонт, следует руководствоваться правилами, установленными в «Реформации» для дорожных пошлин и т. д. «К сожалению,— продолжает он,— дошло уже до того, что если бы они (т. е. феодалы.— М. С.) могли обуздать всю земную поверхность вместе с водными течениями, они бы это сделали»².

Однако характерно, что автор не ограничивается подобной аргументацией. В очень резких выражениях он подчеркивает интересы крестьян, которых больше всего затрагивает узурпация прав на леса и доля со стороны господ. «Им запрещают пользование лесами, их облагают поборами, у них отнимают повседневное пропитание без всякого милосердия. Отнимают у них насильственно и вместе с тем живут за счет их труда. Ведь без них никто не может существовать. И зверь в лесу, и птица в воздухе пользуются трудом крестьянина»³. Это подчеркивание

¹ Die Reformation..., S. 76.— «...die leut verbannen es dann zû ir notturft, wann sy verzinsens, als ver ir zwing gand».

² Там же, стр. 76.— «Es ist laider darzû komen, mocht man das gantz ertreich zwingen und die wasser, man zwung es».

³ Там же.— «...man verbannet nun in die holtzer; man schätzt sy, man nympt in tagwaid ab, da ist nyndert gnad. Man nympt in frävel ab und lebt

в сильных выражениях значения крестьянского труда тем более характерно, что оно дано в памфлете, бюргерское направление которого не подлежит сомнению.

Особого внимания заслуживают резкие возражения автора против крепостного состояния крестьян. «Неслыханное дело и великое беззаконие, принявшее большое распространение,— пишет он,— должно быть доведено до всеобщего сведения в священном христианстве, а именно: что один человек доходит до безрассудства перед богом и осмеливается заявить другому: ты — моя собственность. Надо помнить, что наш господь бог добровольно страдал, приняв тяжелую смерть, раны и мучения за нас, чтобы искупить нас и сделать свободными от всех оков, и поэтому никто не может впредь считаться выше другого, так как (божьим) искуплением и освобождением мы все поставлены в равное состояние — знатный или незнатный, богатый или бедный, великий или малый»¹. Сопоставление приведенной цитаты с соответствующими строками 3-й статьи из знаменитых «Двенадцати статей» времени Крестьянской войны XVI в. обнаруживает поразительное сходство аргументации. Возможно, перед нами один из источников, которым пользовался редактор крестьянской умеренной программы 1525 г. К тому же автор «Реформации» близко подходит в этом пункте к крестьянским настроениям, когда он подчеркивает материальное значение крепостного состояния, указывая, что с крепостных берут еще «особые поборы сверх тяжелого отягощения их пользования лесами и полями»². Особенно велик гнев автора против монастырей-крепостников. Знатный человек, не отказавшийся от прав крепостника, должен быть лишен знатности. Монастырь же, настаивающий на своем в этом деле, должен быть разрушен.

В целом взгляды на феодальные отношения, содержащиеся в «Реформации императора Сигизмунда», не могут рассматриваться как крестьянские. Уже отношение автора к князьям

---

man doch ir arbeit. Denn on sy mag nieman bestan. Die tier im wald, die vogel in den luften begand sich des bawmans».

¹ Die Reformation..., S. 73—74.— «Es ist ain ungehörte sach, das man es in der hayligen cristenhaitz offnen müß des gross unrecht, so gar fur gatt, das ainer so gehertzt ist vor got, das er gedar sprechen zu a'nem: du bist mein aigen. Wenn gedenck man, das unser her got so schwarlichen mit seinem tod und sein wunden und martern durch unsern willen willeklich gelitten und gehabt hatt umb das, das er uns freiet und von allen banden loset, und hie inne niemant furo erhebt ist ainer fur den andern, dann in gleichem statt wir stehen in der losung und freyhait, er sey edel oder unedel, reich oder arm, gross oder clain».

² Там же, стр. 73.—«...und hand sy yetz fur aigen und steurent sy und nement ungewonlich stewr von in über das, das sy holtz und veld swarlich verzinsent» (о жалобах крестьян на особые поборы с крепостных см. подробно в главе II данной работы).

и рыцарям, которых он рекомендует оставить на своих местах с сохранением их функций, стараясь вместе с тем подвести под эти функции новое юридическое основание, не характерны для крестьянства и для народных низов вообще. Автор старается видоизменить политический статус князей, устранить территориальную систему и феодальную раздробленность. Но последовательной антифеодальной программы в области экономических и социальных отношений, составляющих основу политической иерархии, мы у него не находим. Автор выступает в этом вопросе с характерными для бюргера колебаниями. Однако он стремится привлечь крестьянство на сторону своей программы политического преобразования, поддерживая популярные среди крестьян требования против некоторых феодальных поборов и распространения крепостного состояния как орудия усиления материального гнета крестьянства. Выступая против феодальных ограничений и препятствий свободному развитию с классовых позиций бюргерства, автор «Реформации» вместе с тем стремится заинтересовать в своем проекте и крестьянскую массу, так же как в вопросах, касающихся города, старается привлечь внимание внепеховой городской массы.

Это обстоятельство необходимо поставить в связь со стремлением автора подчеркнуть, что проведение преобразования невозможно без насилия по отношению к сопротивляющимся сторонникам старого. По существу «Реформация императора Сигизмунда» представляет собою проект политического преобразования в бюргерском духе. Рассмотренные нами пункты — об организации четырех наместничеств, являющейся началом централизации власти, об организации и обеспечении мира в империи, о судебном устройстве на основе общегосударственной «Книги законов», о монетном деле, о порядке торговли, о новой системе дорожных пошлин и другие — представляют собою части общего проекта упразднения в Германии территориальной системы и образования вместо нее централизованного государства, хранителями основ которого будут крупные города империи. На службу нового государства в качестве ее реальной силы автор памфлета ставит рыцарство и князей, обязанных признать руководящую роль городов, и всю церковную организацию, которая в общей системе правового государства объявляется хранительницей «божьего права». Эта программа политических преобразований включает и предполагает известные элементы и социального преобразования, поскольку оно предусматривает изменение статуса феодальных классов и характера их «вольностей», связанное с упразднением ряда феодальных доходов. Однако, как мы уже видели выше, автор памфлета не требует устранения самой основы политической и социальной силы феодальных классов — крупного

феодалного землевладения. Выступая против таких важных моментов феодальной эксплуатации, как крепостное состояние крестьян и запрещение крестьянам свободного пользования полем и альмендой, он все же не подвергает последовательной критике с точки зрения новых принципов, развиваемых им, самой системы разнообразных феодальных повинностей крестьян. Автор бюргерского проекта впадает в противоречие с самими собою, когда он рекомендует строить новый порядок, не разрушая коренным образом старого, когда он стремится оторвать результаты от основы и придать им новый характер и новое назначение.

Автор, очевидно, чувствовал это противоречие и вытекающие из него практические трудности. Во многих местах своего памфлета он подчеркивает, что церковь и князья, которых он стремится включить в новую государственную систему, будут противодействовать ее реализации. Однако он считает возможным и даже необходимым подавить силой это противодействие: сопротивлению господ должна быть противопоставлена только сила народных низов. О необходимости беспощадного подавления противников реформы говорится уже во вступительной части: жизнь и имущество противодействующих и непокорных объявляются вне закона. Вслед за этим подробно развивается мысль о том, что божий порядок устанавливается через «малых» и «неученых». Против божьего порядка могут быть только ученые и могущественные. «Малые» же зывают к богу о помощи и о добром порядке¹. Длинные рассуждения на эту тему заканчиваются предупреждением о том, что необходимо установить порядок вопреки сопротивлению крупных прелатов — применением меча, так как «сорняки должны быть после тщательных поисков обнаружены и выброшены из сада»². И это не единственное место, где призывы автора к применению силы сопровождаются подробнейшими рассуждениями о той выдающейся роли, которую призваны играть «малые» и «простые» в деле установления нового порядка. В 9-й главе 6-й части, указывая рыцарям на особую роль городов в государстве, автор продолжает: «Духовное право — в состоянии болезни, императорская власть и все, к ней относящееся, пребывают в беззаконии. Необходимо сломать это силой и обязательно так оно и будет. Когда великие спят, то должны бодрствовать малые, чтобы [дело]

---

¹ Die Reformation..., S. 13.—«Also gat es yetzt: es setzt sich niemand wider götliche ordnung, denn die gelerten, weysen und gwaltigen; aber die clainen ruffent und schreyent got an umb hilf und umb ain güte ordnung».

² Там же, стр. 15.—«Wen es ist ye angesehn, wend die grossen prelaten sich nit lassen verordnen, so muss man diss ordnung halten und das swert brauchen, man muss unkraut aus dem garten jetten und ersuchen».

шло [благополучно]»¹. Весьма подробно трактуется вопрос о роли «малых» и «простых» в главе о приеме городами новых бюргеров. Указывая, что сопротивление росту городов и усилению империи будут оказывать князья, ведущие феодальные войны и нуждающиеся постоянно в людях для этой цели, автор предупреждает князей, что наступило время, когда «малые достигнут высокого положения, а могущественные будут унижены»². Развивая свою мысль и подкрепляя ее цитатами из ветхого завета, евангелия и произведений отцов церкви, автор уточняет, что роль «простых» будет заключаться в активном проведении в жизнь «божьего порядка», что «малые» выдвинут правителя, который, наказывая неповинующихся, установит торжество справедливости. Если в качестве основной военной силы нового государства автор «Реформации» считает рыцарство, которое должно было действовать по указаниям городов — хранителей права, то для того, чтобы привести в покорность тех, кто оказывает сопротивление феодальной аристократии, он выдвигает простой народ.

Новый порядок должен быть установлен, по «Реформации», для всех званий — от высшего до низшего. Однако прежде всего надо просить бога «привести в должный порядок того, кто является божьим наместником, кто должен управлять всем миром, но у кого образовался источник всякого зла. Это будет осуществлено теперь, по божьему установлению, через малых»³. Таким образом, папство, может быть, по мнению автора, реформировано и оставлено ввиду того, что простой народ может привести в повиновение всех могущественных. Поэтому он апеллирует к народу, энергично, хотя и не всегда последовательно, поддерживая ряд требований народных масс.

Приведенные выдержки из «Реформации» о роли «малых» и «простых» в осуществлении преобразования служат предметом спора между Кене и Вернером, которые толкуют их по-разному, в соответствии с их различным толкованием характера памфлета. Спор между двумя историками ведется главным образом вокруг толкования фразы, написанной в первом лице—

---

¹ Die Reformation..., S. 79.—«Das gaistlich recht ist kranck, das kaisertum und alles das im zu gehört, statt ze unrecht, man muss es mit ktaft durchprechen, das auch sein muss. Wend die grossen schlaffen, so müssen die clainen wachen, das es doch ye gan muss».

² Там же, стр. 91.—«Es sol, ob got wil, auss sein; die klainen sollent erhocht werden und die gwaltigen ernidert».

³ Там же, стр. 12.—«Man sol nun ansehen und in die ordnung gan von dem haupt bis and dem minsten. Doch sol man ain urlab nemen von got dem vater, den in ain ordnung ze setzen, der gotes stathalter ist, der alle welt regieren solt, da aber aller gepresten aufgestanden ist. Diss sol nu villeicht sein, als got wol ordnen mag, durch die klainen...».

«Darum seien wir die gemeinen wol ermanet unser vernunft und unser verstantnuss zu gutten wercken pringen». Кене понимает выражение «Wir die gemeinen» как политический термин, означающий общину города, т. е. низшую массу городского населения — нецеховых граждан. Вернер выступает против этого толкования. Он утверждает, что автор «Реформации» употребляет термины «gemain» и «gemaine» в трех разных значениях, но что в данном случае — «wir die gemeinen» может означать только — «wir die Laien», т. е. мы — простые христиане, не принадлежащие к духовенству¹. Вернер выдвигает основной мотив, что в главе о цехах слово «gemain», неоднократно там употребляемое, было бы бессмысленно перевести — община, так как упразднение цехов означает вместе с тем уничтожение понятия общины как массы нецеховых элементов. Отсюда Вернер заключает, что в главе о цехах слово «gemain» означает — «Gemeinsamkeit», т. е. общность, представляющую совокупность всех горожан после упразднения цехов, а не общину, т. е. массы городских низов. В главе же о городском бюргерстве «wir die gemeinen» означает «мы светские» в противоположность ученому духовенству.

Шаткость аргументации Вернера, руководящегося только тенденциозной целью — отрицать демократический характер и революционную идеологию памфлета и идущего ради этого на любые извращения, — видна сама собою. Если он считает доказанным, что спорный термин «gemain» имеет в разных местах «Реформации» разное значение, то непонятно, почему следует считать исключенным применение его в одном или в нескольких местах в значении «община», в котором он больше всего применялся тогда в Германии? Неубедительно звучит утверждение Вернера, что в главе, требующей отмены цехов, не могло быть выдвинуто требование об утверждении прав общины. Автор памфлета мог иметь в виду, что с отменой цехов горожане образуют единую общину. Однако точка зрения Кене, ограничивающего социальную опору автора «Реформации» городской общиной, также не может быть признана удовлетворительной.

Чтобы разобратся в том, кого автор «Реформации» имеет в виду, говоря о «gemaine», которых он призывает выступить активной силой преобразования, необходимо прежде всего обратить внимание на то, что данный термин применяется как равнозначный употребляемым наряду с ним терминам «малые» и «неученые». Несомненно, что «gemaine» означает «простые». Это не только городская община, а более широкая совокупность, но совокупность социальная, определенная соци-

---

¹ «Deutsche Geschichtsblätter», Bd. VII, 1906, S. 238—239.

альная категория, а не совокупность всех светских лиц и классов. Чтобы убедиться в этом, обратимся опять к последним страницам вступительной части памфлета, где впервые в развернутой форме трактуется вопрос о выдающейся роли «малых» в проведении реформы. В ходе своих рассуждений на эту тему автор рассказывает о диспуте между христианским рыцарем и турком-язычником, на котором христианин убеждал турка принять крещение и старался доказать ему, что царство небесное уготовано только для верующих и крещеных христиан. Турок отвечал, что он действительно слышал христианскую версию о том, что Иисус Христос искупил своей смертью всех своих последователей, что это все засвидетельствовано в писании. Однако, говорил он, «я вижу, что вы не желаете принять его мученической смерти и страданий, так же как и искупленной им для вас свободы, что вы не хотите следовать его делам и жить согласно его заветам от низшего до высшего, я слышу и вижу, что один из вас объявляет другого своей собственностью и, вопреки богу и праву, присваивает то, что тому принадлежит. Мы же свободнее, чем вы, и лучше вас во всех отношениях действуем по праву»¹. Турок советует своему христианскому собеседнику оставить словесную пропаганду, которая не подтверждается делами, и проводить принцип свободы и права на деле. Этим, говорит он, вы завоюете нас и весь мир, и вам не понадобится священные войны и походы против нас, турок.

Таким образом, желая подчеркнуть отсутствие правового начала в старом порядке, автор «Реформации» в приведенном рассказе устами турка приводит примеры из области феодальных отношений. Говоря о «klainen» и «gemaïnen», силой которых должно быть проведено преобразование, автор имеет в виду определенные социальные категории, категории «малых» людей и «простых», страдающих прежде всего от феодального гнета. Эту-то силу необходимо, по его мнению, привести в движение для того, чтобы подорвать территориальную систему и феодальную государственность и заставить старые классы служить централизованному правовому государству. Сами же правовые основы предусматриваемого в «Реформации» государственного порядка, по их классовой природе, являются бюргерскими. Хранителями этих основ являются имперские города. Автор различает три силы в обществе, которые надо иметь в виду при проведении

---

¹ Die Reformation..., S. 14.— «Aber ich sich, das ir der freyhait und seins nützlichen todes, den er von ewren wegen gelitten hatt, nicht begerent, nach seinen gebotten, nach seinen wercken nit lebent von dem minsten bis auf den maïsten, und hör und sich, das ainer den andern anspricht für aigen und im das sein abnimpt wider got und recht. Aber wir seien freyer dan ir, wir tûn rechter in alle weg dann ir».

реформации в ее широком понимании: города, являющиеся инициаторами преобразования и хранителями основ новой системы государства, старые классы и прежде всего рыцарство, которые надо заставить служить новому государству, и народную массу, на силу которой следует опираться при проведении реформы, чтобы заставить старые классы подчиниться и изменить свою старую природу. Эти три силы автор сам указывает в обращении в конце главы о городском бюргерстве, когда он пишет: «ir werde ritterschaft und ir erenreiche reiches stet, desselben gleich, ir all gemainklich»¹. Под выражением — «вы всей массой» он имеет несомненно в виду тех, которые не входят ни в категорию рыцарства, ни в категорию имперских городов. Чувствуя, очевидно, что намеченные им меры в светской и церковной областях не могут удовлетворить все социальные слои, к которым он обращается, автор добавляет: «О многих других порядках, которые предстоит еще обсудить, нет необходимости рассказывать; частично они будут поручены имперским городам, другая часть будет передана собору»². Народным низам отводится роль действенной силы, но им по существу отказывается в инициативе и в руководящей роли. Тем не менее автор, апеллируя к народу, говорит в ряде мест в общих выражениях о большой роли «малых» и «простых». Он любит цитировать священное писание и отцов церкви о том, что мудрых правителей бог выбирает из «молодых» и «малых». В одном месте автор подчеркивает свою собственную связь с массой простых людей, говоря в первом лице: «Мы простые люди (Wir die gemainen) призваны поэтому применить наш разум и наше понимание к добрым делам». Для решения вопроса о классовой сущности плана преобразования, данного автором «Реформации», следует прежде всего исходить из социально-политической концепции автора, а не ограничиваться разбором отдельных выражений, как это делают буржуазные историки.

Те исследователи, которые рассматривали «Реформацию императора Сигизмунда» как памфлет официальных кругов имперских городов, стремившихся к расширению городских «вольностей» за счет церкви и светских феодалов и к утверждению городских свобод в их средневековом понимании, не могут обосновать свою трактовку анализом политической программы автора памфлета. Только извращая текст памфлета и игнорируя содержащиеся в нем политические идеи, эти буржуазные историки, взгляды которых полнее всего обобщены Генрихом Вернером, могли отрицать радикализм политической программы

¹ Die Reformation..., S. 94

² Там же, стр. 95. — «Vil ander ordnung wirt man noch verhandlen, die yetz nit notturftig sind zû erzelen; die werdent ain tail den reichstetten empfolhen, ain tail in ain concili geschlagen».

автора «Реформации императора Сигизмунда» и его ориентацию на антифеодальные круги.

Однако мы не можем принять и взглядов сторонников Бема, которые усматривают в данном памфлете идеологию революционных низов, выраженную гуситским проповедником, выступившим «провозвестником Крестьянской войны». Анализ политической концепции автора памфлета, данный на предыдущих страницах, показывает бюргерский характер лежащей в его основе программы. Значение этого документа состоит не в том, что в нем выражена мысль гуситского проповедника, предвосхитившего идеи и борьбу следующего столетия. «Реформация императора Сигизмунда» имела в свое время актуальное значение, отражая тенденцию, намечавшуюся в радикальных кругах бюргерства, стремившихся подорвать территориальную систему и стать на путь государственного единства, обратиться для реализации этой программы к революционной силе народа¹. Чешские отклики в Германии надо видеть не только в том, что в Германии действовали бежавшие из Чехии радикальные гуситы. Чтобы представить характер этих откликов, необходимо исходить из правильного представления о характере самого чешского движения в эпоху гуситских войн. Гуситские войны были, по словам Маркса, «национально-чешской крестьянской войной», ставшей базой и основной силой общенародного освободительного движения от чужеземного засилья и угнетения.

В начале этой главы мы видели, что в кругах господствующего класса Германии и в тех международных кругах, которые следили за происходившим в стране, считались с возможностью назревания и в Германии момента, когда антифеодальная борьба народных низов может сделаться базой общенародного политического подъема и движения против существующей политической системы государственной раздробленности. Памфлет «Реформация императора Сигизмунда», появившийся через пять лет после окончания гуситских войн и получивший в Германии исключительную популярность, свидетельствовал о том, что для таких опасений были достаточные основания.

---

¹ К этим радикальным элементам, которые считали дело государственной консолидации первоочередной задачей, могли принадлежать представители разных социальных прослоек бюргерства, в том числе и представители его богатых деловых кругов. Характерным в этой связи является опубликованное Янсенем письмо одного богатого бюргера из Майнца от февраля 1439 г. В этом письме говорится, что Германия, которая сильнее «любой страны на земле» как воинами и вооружением, так и «деньгами и всяким добром», не должна больше оставаться растерзанной из-за распри ее членов и из-за грубого насилия. Автор этого письма старается подчеркнуть, что усиление центральной власти «выгодно народу» (см. J. J a n s e n. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters, Bd. I, Freiburg, 1878, S. 459—460).

Г Л А В А IV

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН ПОД ЗНАМЕНЕМ «БАШМАКА»

В то время как идея коренного политического преобразования, против воли официальных правящих кругов городов, завоевывала себе сторонников в бюргерстве, крестьянские антифеодальные выступления на Рейне и в юго-западных землях Германии получали исключительное политическое значение, так как острие их направлялось против князей.

В особенно яркой форме выявились антикняжеская направленность и политическое значение крестьянской борьбы в землях Верхней Германии, близких к швейцарской границе. Мнение о том, что швейцарский пример постоянно оказывал влияние на соседние земли Германии, является общераспространенным и в основном — бесспорным. Можно ли, однако, в отношении народных движений в юго-западных землях Германии свести все дело к швейцарскому влиянию? Из небольшой статьи Т. Керна о крестьянском восстании 1460 г. в Гегау видно обратное: значение этого восстания немецких крестьян для швейцарцев, одержавших тогда победу над австрийским герцогом в Тургау. КERN высказывает при этом мысль о том, что в Верхней Германии имелись те же факторы — «воинственный и свободолюбивый дух крестьянства», которые помогали швейцарцам одерживать победы над Габсбургами. КERN решает эти вопросы без анализа аграрного развития юго-западных земель, так же как и без анализа общеполитического положения в Германии, и не объясняет, почему эффективность указанных им факторов проявилась с особой силой только в XV в. Все же характерно признание Керном внутренних корней народных движений в верхних немецких землях, которые, по его мнению, оказали влияние на всю Германию¹.

---

¹ Т. v. KERN. Der Bauernaufstand in Hegau 1460. Zeitschrift der Gesellschaft für Beförderung der Geschichtsaltertums- und Volkskunde, Bd. I, 1869, Freiburg i. Breisgau, S. 107—108.

В условиях феодальной раздробленности Германии в отдельных районах страны складывались союзы городов и рыцарские союзы. Отрывочные данные, которые можно собрать о крестьянских движениях в юго-западных землях Германии, говорят о том, что с самого начала XV в. в антифеодальной крестьянской борьбе наблюдается тенденция к объединенным действиям крестьян целого района, направленным не только против господ, но и против княжеской власти. Образовавшееся в самом начале XV в. объединение альгауских крестьян вступило в борьбу с рядом феодалов и в конце концов с князем — аугсбургским епископом. Борьба эта закончилась в 1406 г., после того как Швабский союз городов, выступив официально в виде арбитра, фактически вмешался в конфликт, приняв сторону аугсбургского епископа и связанных с ним феодалов. Из акта, составленного арбитрами об условиях прекращения враждебных действий, мы узнаем некоторые, правда, очень скудные, данные об этом восстании альгауских крестьян и о значении, которое придавалось господами крестьянскому объединению. Акт составлен по поводу «злоклучений, вероломства и столкновений», которые возникли и получили широкое развитие между Эбергартом, епископом аугсбургским, и перечисляемыми в акте феодалами, с одной стороны, и «всем крестьянством Альгау, с другой стороны» (*und der geburschaft gemainlich in dem Algow an der andern sit*). Причина борьбы сформулирована в акте так, что крестьяне объявляются уже в самом начале виновной стороной «...в связи с тем, — говорится в акте, — что эти крестьяне, вероятно в результате необдуманного своеволия, вступили в образованный ими преступным путем союз против вышеуказанных их господ и при помощи этого объединения грубо наносили смертельные удары вышеуказанным своим господам, причиняли им убытки поджогами и нападениями»¹. Затем, после перечисления полномочий представителей и формальных моментов акта «примирения», указывается решение арбитров. Господа должны отказаться от мести за все совершенное против них, в том числе — и за образование антигосподского союза. Обе стороны освобождают пленных и арестованных, причем все неуплаченные выкупы, назначенные за пленных, подлежат безоговорочной отмене. «Затем, — говорят арбитры, — мы указали, чтобы вышеуказанные крестьяне, согласно данной ими нам присяге, полностью распустили образованный ими союз и чтобы по той же присяге им впредь запрещено было

¹ Monumenta Boica, vol. 34, Monachii 1844, p. 173. — «...vmb solich widersäcz als sich die selben geburen wider die vorgenanten ir herren villicht in vnbedachtem mut fräentlich gesetzt aynung gemacht vnd in der selben aynung die obgenanten ir herren groblich mit todslagen nome vnd mit brande beschediget vnd angegriffen hand».

образование какого бы то ни было объединения или союза как тайного, так и открытого, иначе, как по воле и с разрешения своих господ»¹. Крестьяне обязаны в с е м господам возместить невыполненные повинности всякого рода со времени начала данного восстания и делать для господ и давать им все, что они делали и давали раньше, без всякого возражения².

Таким образом, образовавшийся в начале XV в. союз альгауских крестьян поднял настоящее антифеодалное восстание против своих господ и против выступившего на защиту последних аугсбургского епископа Эбергардта. Крестьяне отказались от феодальных платежей, от обязательных работ и от выполнения всяких повинностей в пользу господ. Опираясь на силу своего объединения, крестьяне, как говорится в акте «примирения», совершали нападения на господ, убивали их и сжигали их имущество. Этот документ, составленный арбитрами, тенденциозно и односторонне излагал ход событий. В действительности, очевидно, дело доходило до настоящих столкновений между объединившимися крестьянами и военными силами господ. Об этом говорит наличие пленных или захваченных заложников у обеих сторон³. О характере самого крестьянского союза нет никаких данных. Однако каковы бы ни были его внутренние связи и организации, победить он в тех условиях не мог, особенно после того, как объединившиеся руководящие слои швабских городов вмешались, фактически приняв сторону господ. И все же, восстанавливая прежние феодальные повинности, победители вынуждены были дать обязательство о предании забвению всех совершенных против них революционных актов. За это крестьяне должны были распустить свой союз и обязаться не предпринимать впредь никаких попыток к

¹ Monumenta Boica, p. 174—175.—«Darnach haben wir mer gesprochen daz die obgenanten geburen die veraynung die si zesamen gemacht hand vff die aide die si hinder vns gesworn hand genczlichen abtun vnd ablaussen sullen, vnd daz och si vff dieselben ayde dehain veraynung puntnüz noch gelüpte fürbaz zasamen nimmer mer tun noch machen sullen weder haimlich noch offenlich denne mit willen und gunst der obgenanten irer herren...»

² Там же, стр. 175.—«...fürbaz haben wir gesprochen, daz die obgenanten geburen gamainlich und ir ieglicher besunder iren vorgenannten herren oder den, den ir ieglicher zugehört nu fürbaz mer ferpunden vnd gewärtig sin sullen aller der gelüpte gehorsamy dienst und recht der si den Egenanten iren herren schuldig vnd verpunden gewesen sint vor anfang dissers widersaczes und veraynung. Also daz si den selben iren herren fürbaz mer tun und geben sullen alles das, daz och si in vormalis biz her getan vnd gegeben hand ane alle geuerde».

³ Там же, стр. 174.—«...ob der vorgenanten tail dehainer es were vff der herren tail oder vff der geburen tail icht gefangner hetten die in disen sachen vnd von der widerwärtigkeit wegen gefangen weren die sullen vff ain schlecht vrfeth ledig vnd los sin was och schaczung von gefangner oder brandschaczung wegen noch vnbezalt... Sullen och genczlich absin vnd fürbaz von entwedrem tail gevordrot noch gegeben werden in dehainem wege».

объединению против господ. Как сами господа, против которых направлено было крестьянское восстание, так и «арбитры» из швабских имперских городов больше всего были обеспокоены существованием объединения крестьян, ликвидация которого составляла их первую и главную заботу. Происходившие тогда в этом районе Германии события придавали союзу альгауских крестьян важное политическое значение.

В ноябре 1411 г. земля Аппенцель была принята в Швейцарский союз¹. Этому предшествовала почти десятилетняя борьба, которая началась в 1402 г. с восстания аппенцельских крестьян против аббата Сан-Галленского монастыря, но в которую скоро вовлечены были и другие силы юго-западной Германии. Автор многих работ по истории юго-западной Германии К. Ф. фон Штелин утверждает, что аппенцельские крестьяне стремились сделать Аппенцель швейцарским кантоном для того, чтобы освободиться от княжеской власти сан-галленского аббата и от многочисленных повинностей, которыми были отягощены их личности и имущества². Фон Штелин пишет, что в этой борьбе аппенцельские крестьяне пользовались поддержкой швейцарцев, но что аппенцельцы рассчитывали найти поддержку у верхнешвабских, в том числе и у альгауских крестьян, объединившихся в союз. Фон Штелин подчеркивает также, что именно это последнее обстоятельство привело к выступлению против аппенцельских крестьян союзов городов и дворянских обществ во всей юго-западной Германии³. В 1401, 1402 и 1405 гг. происходили совещания городов, расположенных у Боденского озера, пытавшихся выступить в роли посредников, но вместе с тем мобилизовавших под руководством Констанца свои военные силы для поддержки сан-галленского аббата. На стороне аббата выступили также австрийский ландфогт — Иоганн фон Лупфен, австрийский герцог Фридрих, граф Эбергарт Вюртембергский и другие представители знати и рыцарства, в частности, рыцарского «Общества щита св. Иоргена», возникшего в конце XIV в., игравшего важную роль в организациях имперского рыцарства в течение всего XV в. и образовавшего, наряду с имперскими городами, ядро возникшего в 80-х годах XV в. Швабского союза. С другой стороны, крепла связь аппенцельских крестьян с крестьянством юго-западных земель Германии, пребывавшим в состоянии непрерывной борьбы с австрийскими и прочими господами. В 1406 г., т. е. тогда, когда в результате вмешательства Швабского союза городов прекращена была деятельность объединения

¹ C. F. v. Staelin. Württembergische Geschichte, 3-ter Teil, Stuttgart, 1856, S. 393.

² Там же, стр. 388.

³ Там же, стр. 388, прим. 2.

альгауских крестьян, на помощь аппенцельским крестьянам выступил образовавшийся тогда союз «заозерных» (Ob dem See), в который вошли мелкие города Форарльберга — Фельдкирх и Блуден, весь район Вальгау в Ильской долине между указанными городами, а также район Монтафон в Ильской же долине, расположенный на юго-восток от Блудена. Эти сельские районы, лежащие к западу от Тироля, отложились тогда от Австрии и продолжали борьбу с Габсбургами, наступая в долинах Верхнего Рейна и Инна и в Брегенцском лесу. Это объединение городов называлось союзом «заозерных» в отличие от союза «приозерных» городов (um den See), организованного под главенством Констанца и действовавшего на стороне сан-галленского аббата¹. Таким образом, в этом районе Германии тогда шла длительная борьба стихийно возникавших крестьянских объединений против рыцарских и господских союзов, поддерживаемых имперскими городами. Борьба союза «заозерных» против рыцарства и знати юго-западной Германии продолжалась и после того, как сан-галленский аббат вынужден был 20 августа 1407 г. сложить оружие и заключить мир. С осени 1407 г. против «заозерного» союза возобновились с особой силой военные действия мощный союз господ — граф Эбергардт Вюртембергский, герцог Фридрих Австрийский, бургграф Нюрнбергский, швабское рыцарское «Общество щита св. Иоргена», к которым присоединилось большое число других швабских рыцарей и господ, среди которых мы видим и того самого аугсбургского епископа Эбергардта, которому только год назад удалось при помощи имперских городов распустить организованный против него и других господ союз альгауских крестьян. Ожесточенная борьба продолжалась до лета 1408 г. Верх одержали, как и следовало ожидать, объединенные силы господ, превосходство которых в военном отношении было решающим. Тем не менее Аппенцель вошел в 1411 г. в Швейцарский союз, воспользовавшись главным образом длительной борьбой крестьян юго-западной Германии. Победители, однако, должны были серьезно считаться с силой побежденных. Все отнятое во время военных действий имущество должно было быть возвращено, согласно мирному договору 1408 г., обеими сторонами прежним владельцам. Все разрушения, поджоги и убийства должны были быть преданы забвению, пленные освобождены, а неуплаченные выкупные суммы подлежали отмене. Зато победившие господа добились окончательного роспуска союза «заозерных», как противного всему имперскому устройству².

¹ С. F. v. Staelin. Ук. соч., стр. 390.

² Там же, стр. 392.

«Имперское устройство», угрозу которому видели в самом существовании крестьянского союза, это — территориальная система Германии, господство князей. Возникновение местных объединений городов для охраны своих интересов казалось естественным в политически раздробленной Германии. С возникновением городских союзов фон-Штелин связывает образование рыцарских обществ и союзов, в частности, упомянутого рыцарского «Общества щита св. Иоргена»¹. Деятельность городских и рыцарских союзов представлялась допустимой в рамках территориальной системы, так как эта деятельность направлена была на защиту особых местных интересов в системе политической раздробленности. Совсем иной казалась деятельность крестьянских объединений, создававшихся для антифеодальной борьбы. Характеризуя борьбу крестьянства на протяжении всего средневековья до Великой крестьянской войны, Энгельс подчеркивает узость кругозора и местную ограниченность крестьян в этой борьбе, которая препятствовала им выступать в общенародном масштабе. Однако там же Энгельс указывает на принципиально иной характер, которым отличалась низшая эксплуатируемая масса от всей социальной иерархии, под которой она находилась. В условиях сложной и запутанной классовой структуры Германии только восстание крестьянско-плебейской массы могло объективно образовать антифеодальный лагерь в общенародном масштабе². Поэтому при всей местной узости кругозора самих крестьян всякое их объединение в более или менее широком районе для борьбы против феодальной эксплуатации воспринималось уже в самом начале XV в. не только как угроза местным феодалам, но и самой политической системе феодальной Германии. Вследствие общего характера антифеодальных крестьянских требований всякое объединение крестьян, направленное против самих основ социального строя, содержало в себе возможность широкого распространения. Борьба крестьянских объединений превращалась, таким образом, в борьбу против князей и княжеской власти. Знамя антифеодальной и антикняжеской борьбы, поднимавшееся крестьянскими объединениями, становилось в ходе движения знаменем борьбы за свободу народа, в то время как подавление крестьянского движения объединившимися против крестьян князьями и рыцарями часто принимало характер открытого предательства народных интересов. Эта сторона борьбы немецких крестьян со знатью и князьями проявилась несколько позже, особенно — после гуситских войн, с развитием политической оппозиции в

¹ C. F. v. Staelin. Ук. соч., стр. 332 сл.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 126—127.

широких кругах бюргерства, когда более передовые элементы бюргерства, как мы это видели в предыдущей главе, обратили внимание на крестьянское движение.

Нараставшая от гуситских войн до самой крестьянской войны тенденция к превращению крестьянского движения в опору бюргерской оппозиции, составляет важный факт политической истории предреформационной эпохи. Уже в крестьянском восстании в районе города Вормса в 1431 г., рассмотренном в предыдущей главе, опаснейший симптом заключался, по мнению руководящих кругов господствующего класса, в переговорах, которые велись в лагере восставших с представителями оппозиционных элементов Вормса, и в том общем влиянии, которое это восстание могло оказать на горожан. Но район города Вормса и вормского епископства был и после гуситских войн районом интенсивного крестьянского восстания, которое оказывало влияние и на другие слои населения.

Характерно сообщение вормской хроники о крестьянском движении в районе вормского епископства. Хронист Цорн сообщает лаконично, говоря о епископе Фридрихе Домнеке, избранном в 1427 г. и умершем в 1445 г.: «При нем в вормском епископстве произошло восстание»¹. Другой же хронист Франц Бертольд фон Флерсгейм, дополнивший хронику Цорна более детальным описанием событий, уточняет, что речь идет о восстании 1440 г. и что данное восстание не было единичным. «Такими тяжелыми непрерывными восстаниями епископство было настолько истощено, что оно пришлось в весьма бедственное положение и только с большим трудом могло быть приведено к старому достоинству или власти»². Охарактеризовав таким образом положение в вормском епископстве как положение непрерывного народного восстания, потрясавшего основы власти в этом районе, хронист переходит к восхвалению епископа Фридриха, который еще до своего вступления в сан проявил способности к улаживанию многих конфликтов и раздоров умеренной тактикой³. «Сделавшись затем вормским епископом, он, когда в 1440 г. простой народ в вормской области и прилегающих районах восстал и сделался мятежным, сумел успо-

---

¹ Wormser Chronik von Friedrich Zorn — mit den zusätzen Franz Bertholds von Flersheim, Stuttgart, 1857, S. 182. «Unter ihm ist ein aufruhr im Wormser bisthum gewesen».

² Там же, стр. 181—182. — «...mit solchen schweren immerwährenden aufruhren ward das bistum dermassen ausgemergelt, das er zu grosser armuth kam und mit grosser mühe wieder zu alter würden oder gewalt gebracht werden konnt».

³ Там же, стр. 182. — «...er hat viel hedersachen und ohneeinigkeit bei seiner zeit mit bescheidenheit geschlichtet».

коить необузданную чернь своими мудрыми советами и разумной умеренностью и добился в этом деле больше, чем вся знати и соседние господа могли добиться всей своей мощью»¹. Несколько выше тот же хронист пишет, что восстание 1440 г. «усмирено было разумом этого епископа и окрестной знати»². Хронист, таким образом, представляет восстание 1440 г. в районе Вормса как восстание большого масштаба, возникшее на фоне непрерывных волнений и вышедшее за пределы вормского епископства. «Разумная умеренность» епископа и окрестной знати обнаружились, как явствует из хроники, лишь после того, как выяснилось, что пущенная в ход «вся мощь всей знати и соседних господ» не приводит к успокоению и ликвидации восстания.

Из краткого сообщения Вормской хроники мы не узнаем ничего ни о причинах восстания, ни о выдвинутых восставшими требованиях, ни об участниках восстания и его ходе. Однако несомненно, что движение уже выходило из узких рамок, происходило объединение крестьян многих господ против княжеской власти, для восстановления авторитета которой объединились вормский епископ и все окрестные господа и знать.

В отличие от описания в данной хронике восстания 1431 г., о котором речь шла в предыдущей главе, хронист называет здесь восставшую массу не крестьянами, а употребляет такие выражения, как: «простой народ» и «чернь». Перед нами пример, когда тенденция крестьянского движения к расширению и вовлечению других слоев народа придавала ему общее значение, не только затрагивая непосредственных эксплуататоров, но и подрывая престиж княжеской власти.

В особенно яркой форме выявилось политическое значение крестьянской борьбы, в частности — ее значение для различных элементов городской оппозиции, — в землях юго-западной Германии, в движениях под знаменем «Башмака». Первые упоминания о борьбе крестьян под этим знаменем имеются от 1439, 1443 и 1444—1445 гг. Правда, уже во время восстания 1431 г. у Вормса восставшие крестьяне переходили из одной деревни в другую со своим знаменем и таким образом собирали и

---

¹ Wormser Chronik, S. 182. — «...und als er hernach bischof zu Worms worden, und anno 1440 das gemeine volk im Wormser gau und daselbst herum aufgestanden und aufrührerisch worden, hat er mit weisem rath und vernünftiger bescheidenheit den unbändigen Pöbel wieder zu stillen mehr ausgerichtet, dann der ganz adel und benachbarte herrschaft mit aller ihrer macht hatten thun können».

² Там же, стр. 181. — «...durch vernunft dieses bischofs und umwohnenden adels gestillt».

увеличивали свои силы. Мы уже видели, что в переписке градоправителей по этому поводу на крестьянское знамя указывалось тогда, как на доказательство чрезвычайно опасного характера восстания¹. Бецольд пишет о крестьянском знамени 1431 г., как о знамени «Башмака», которое впервые появилось перед глазами потрясенных этим зрелищем князей, попов и горожан¹. Однако в известных об этом восстании документах «Башмак» не упоминается, а это означает, что даже если допустить, что на крестьянском знамени 1431 г. у Вормса имелось изображение башмака, — оно еще не имело того значения, которое оно приобрело впоследствии. Иначе бы городские правители, старавшиеся показать грозный и опасный характер данного восстания, указали на это обстоятельство.

Прежде чем перейти к ранним движениям под знаменем «Башмака», составляющим основной предмет настоящей главы, необходимо обратить внимание на общий характер этих движений, проявившийся во все время его действия — до Великой крестьянской войны. Символ «Башмака», применявшийся для собирания всех сторонников общей борьбы из сел и городов, представлял собою в общем стихийном движении тенденцию перехода чисто-крестьянских движений в более широкие, что придавало им особое политическое значение. Забегая вперед, следует указать на основную черту известных заговоров под знаменем «Башмака» — 1493, 1502, 1513 и 1517 гг. Во всех этих заговорах, как показывают источники, общий план заключался в том, чтобы после первых успехов группы заговорщиков, после того, как число участников заговора достигнет намеченной цифры и удастся захватить важный опорный пункт, поднято было знамя «Башмака» с тем, чтобы привлечь всех как из деревень, так и из городов.

И это не было плодом фантазии заговорщиков или их руководителей. Первое появление знамени «Башмака» в юго-западной Германии связано было не с заговором, а с общенародным делом борьбы против банд «арманьяков», вооруженных конных отрядов, хлынувших в юго-западные земли Германии под командованием не только французских начальников, но и английских, шотландских, итальянских и испанских. Эти не имевшие родины разбойничьи банды, находившиеся на французской

---

¹ F. v. Bezold. Ук. соч., стр. 137. — «...und bei Worms trat, fast hundert Jahre vor dem grossen Bauernkrieg, der Bundschuh zum ersten Mal den erstaunten Fürsten, Pfaffen und Städten leibhaftig vor die Augen».

службе, служили орудием французской политики¹. Еще до заключения перемирия между Францией и Англией (июль 1444 г.) и до вступления на престол Фридриха III отдельные немецкие князья и феодалы призывали значительные отряды арманьяков для приведения в покорность крестьян и горожан. Сведения о таком событии мы имеем от 1439 г. После этого, вступив на престол в 1440 г., Фридрих III стал готовиться к борьбе со швейцарцами, в чем ему помогала немецкая знать юго-западной Германии. Речь шла не только о восстановлении власти Габсбургов над Швейцарией, но прежде всего — об уничтожении источника беспокойства и антифеодального движения в юго-западных землях Германии. В 1443 г. начались переговоры Фридриха III и представителей немецкой знати с французским королем Карлом VII о посылке последним большого количества арманьякских отрядов в юго-западную Германию для борьбы со швейцарцами и установления спокойствия в районе. Переговоры продолжались больше года, после чего в августе 1444 г. огромная армия арманьяков, определяемая в большинстве источников в 50 тыс. конных, под общим командованием дофина Людовика (будущего Людовика XI) вступила в Верхний Эльзас и Зундгау. Арманьяки оставались в Германии до осени 1445 г. и были изгнаны оттуда главным образом в результате массовой борьбы против них, которая превратилась в настоящую народную войну. Весь период от 1439 г. до 1445 г. именуется в источниках периодом «арманьякской войны» (*bellum armeniacum*; *Armengeckenkrig*).

Из доступных нам источников по арманьякской войне необходимо прежде всего указать на две рукописи, найденные ученым XVII в. Иоганном Шильтером, в страсбургских архивах и опубликованные им в виде приложения к Страсбургской хронике Якова Твингера (Кенигсгофена). Первая рукопись, более обширная и содержащая много документов, относится к 1445 г., о чем говорит сам автор во вступительной части. Рукопись представляет собою хронику, посвященную этому событию и озаглавленную: «Историческое повествование о том, что изо дня в день и от времени до времени происходило в этой войне». Автор хроники неприязненно относится к Базельскому собору, который, по его заявлению, «не принес ничего хорошего, а только разрушение порядка в духовной и светской областях». Судя по некоторым мыслям, развитым автором во вступительной части, он является сторонником общей церковной и светской реформы, напоминающей рассмотренный в

---

¹ О целях этой политики, связанных с походом арманьяков в Германию после заключения перемирия между Францией и Англией в июне 1444 г., речь будет идти ниже.

предыдущей главе проект Николая Кузанского. Вместе с тем он выступает противником «вольностей» разбойного рыцарства. То, что грабителей и разбойников на большой дороге величают рыцарями и благородными, автор этой хроники объявляет обычаем, характерным для иноземцев (Welschen). То же, что и немцы примкнули к этому «велшскому» обычаю, он считает результатом отсутствия надлежащего порядка в империи и обстановки хаоса, созданного Базельским собором. Этим же обстоятельством он объясняет и призыв арманьяков в Германию.

Автор второй рукописи, тоже современник описываемых событий, в отдельных местах выражает свое сочувствие народу, который больше всех пострадал от грабежей и убийств, совершенных арманьяками. Говоря о том, что призывом арманьяков Фридрих III и папа Евгений IV хотели также добиться прекращения деятельности Базельского собора, автор второй опубликованной Шильтером хроникальной рукописи замечает: «Каждый преследовал свою собственную выгоду; о бедных же никто не думал»¹.

Кроме этих двух хроник, опубликованных Шильтером в виде семнадцатого приложения к «Старейшей немецкой и всеобщей, в особенности Эльзасской и Страсбургской хронике» Кенигсгофена, которые мы в дальнейшем будем называть Ш1 и Ш2,— данные об арманьякской войне, носящие более отрывочный характер, можно найти у ряда продолжателей Кенигсгофена, объединяемых Францем-Иосифом Моне под общим названием «Продолжения Кенигсгофена» и опубликованных им в первом и третьем томах своих «Источников по истории Баденской земли». У этих «продолжателей» мы находим интересные описания народной борьбы против арманьяков, а один из них, как мы увидим ниже, подчеркивает выдающуюся роль крестьянства в этой борьбе. Свидетельство ряда хронистов-современников является красноречивым доказательством того общенародного значения, которое получила в то время борьба крестьян. Сведения об арманьякской войне мы находим в ряде других хроник и записей современников. Чрезвычайно важные данные имеются в Констанцской и Шпейерской хрониках, помещенных в первом томе публикаций Моне.

О других материалах, нам недоступных, мы можем получить представление из работы Ф. В. Бартольда «Арманьякская война 1444—1445 гг.». Интересные материалы приводятся также в четвертом томе истории Швейцарии Иоганна Мюллера,

¹ Die Älteste Deutsche so wol Allgemeine als insonderheit Elsassische und Strassburgische Chronike von Jacob von Königshoven... mit Historischen Anmerkungen in Truck gegeben von D. Johann Schiltern, Strassburg (В дальнейшем — J. Schilter), 1698, S. 1001.— «...jeder sahe auf seinen nutzen, aber der armen wurde nicht gedacht».

который, как и Бартольд, кроме рукописей, опубликованных Шильтером, использовал и неопубликованные фонды.

О событиях 1439 г., когда впервые были призваны арманьяки, мы имеем в источниках рассказы в трех вариантах. Ввиду того, что этот раздел в хронике Ш2 составлен более обстоятельно, эту хронику необходимо считать основным источником, дополняя ее материалами других источников.

Согласно хронике Ш2, арманьяки были призваны в Эльзас страсбургским епископом Вильгельмом, действовавшим совместно с рыцарем Иоганном фон Финстингеном, которого историки характеризуют как отъявленного предателя интересов отечества. Эти представители немецкой знати привели 12 000 конных арманьяков тайно в ночь на 26 февраля 1439 г. из Лотарингии в район Цаберна. Арманьяки расположились в деревнях в районе этого города. Хронист пишет, что призыв арманьяков предпринят был епископом с целью «проучить» страсбуржцев¹. Однако прибывшие начали враждебные действия и против крестьян. Рыцарь Людвиг фон Лихтенберг «находился в поле у Штейнберга со многими крестьянами, но ему с большим трудом удалось убежать от них»². Очевидно, прибывшие арманьяки нашли крестьян этого района в состоянии борьбы, о начале и характере которой хронист не сообщает. Возможно, однако, и другое толкование этого места хроники: крестьяне стали собираться в поле после того, как узнали о вторжении грабительских шаек арманьяков. Не доверяя рыцарю, крестьяне заставили его отправиться с ними в их лагерь. О борьбе против арманьяков в районе Цаберна не приводится никаких подробностей. В хронике говорится только об издевательствах арманьяков над крестьянами. Многие крестьяне «попали в руки разбойников». Одного пойманного крестьянина арманьяки жгли огнем, а когда его тело покрылось пузырями, его пустили бежать, чтобы навести ужас на окрестное население. Затем арманьяки пошли на Страсбург, заняли все предместья, грабили церкви. У выхода из города они оставили засаду из 5 тыс. конных. Внутри Страсбурга шла подготовка к борьбе, которой руководил назначенный командиром некий «господин Рюле» Барпфениг. Автор рассказывает, что Рюле запретил кому бы то ни было выходить из города невооруженным. «Однако,— говорится дальше,— народ побежал на гору в количестве 600 человек невооруженных. Эти

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 1000.— «...do legete er mit Herr Johann von Vinstingen heimlichen an, dass die Armeniacken auss Lothringen geführet werden, vnd den Strassburgern einen trab schencken möchten».

² Там же.— «...da lagen sie gantz still die nacht vmb Zabern herum in den Dorffern, Herr Ludwig von Liechtenberg war zu Steinberg im feldt mit vilen Bauren, aber er entran ihnen mit grosser mühe».

имели знамя, на котором был крест богородицы и башмак, к которому все собрались»¹. Из текста видно, таким образом, что среди защищавших Страсбург от арманьяков не было единства, что часть, которая именуется автором «народ» (*das volck*), не желала подчиниться начальнику. Кроме того, видно, что здесь действовала организованная группа, имевшая знамя с изображением креста и башмака, под которым ей удалось собрать 600 человек. Почему эта масса ушла невооруженной, не совсем ясно. Весьма правдоподобно, что начальник Рюле не дал им оружия. В данной хронике ничего не сообщается о том, из кого состояла эта часть, ушедшая из города со знаменем. Но об этом можно узнать из рассказа одного из продолжателей Кенигсгофена. Сведения этого источника сходятся в данном случае с хроникой Ш2 в географических названиях, но несколько расходятся с нею в указаниях количества людей. Продолжатель не говорит ничего ни о назначенном начальнике, ни о не подчинившихся его приказу, а упоминает только о том, что из города направились бегом к месту засады, о которой они, очевидно, не знали, 400 человек (вместо 600 — по Ш2). Зато здесь уточняется, из кого они состояли: «сельчане, подмастерья и также бюргеры»².

Следовательно, в Страсбурге, готовившемся к борьбе с арманьяками, находились сбежавшиеся туда крестьяне, которые влились там в ряды городских его защитников, требуя также активных действий по защите деревень в округе. Крестьяне не оставались в городе пассивными. Подняв знамя «Башмака», они звали всех сочувствующих им, и за ними пошли подмастерья (*handwercke knechte*), а также некоторые бюргеры. Они рассчитывали, очевидно, на присоединение к развернутому знамени массы народа и вне города. Наткнувшись на пятитысячную засаду арманьяков у деревни Экбольцгейм, выступившие были рассеяны, потеряв 50 человек убитыми³. Однако арманьяки понесли при этом еще большие потери⁴. Намерения смелых участников этой вылазки хорошо передает хронист Ш2 в дальнейшем изложении хода событий. Арманьяки

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 1000.— «...aber das volck lieffe hinauf vngewalnet auf 600. mann, die hatten ein Baner, daran ein Creutz vnser Frawen, vnd ein bundschuch, da lief jederman zu».

² F. J. M o n e. Quellensammlung der badischen Landesgeschichte. Bd. III, Fortsetzungen des Königshofen, Karlsruhe, 1863, S. 522. «Also lieffent wol CCCC gesellen, lantlute vnd hantwercke knechte vnd ouch burger vss der statt vnd woltent an sú...»

³ J. Schilter. Ук. соч., стр. 1000.— «Da fielen die in ihrem halt herfür bey St. Gallen vnd Abrogast, vnd fingen ihrer viel, ...wurden auf 50 erschlagen».

⁴ F. J. M o n e. Ук. соч., стр. 522.— «...doch wart ir ouch ettwie mēger erstochen vnd erschossen».

бесчинствовали в деревнях района Страсбурга, бесчестили женщин и девушек, грабили все, что попадалось им, убивали всякого встречного. В результате они сожгли в этом районе больше 110 деревень и отправились в такой же грабительский поход на Брумат и Гагенау. «Самое худшее,— замечает хронист, который, как уже указано было, сочувственно относится к народной борьбе,—заключалось в том, что нельзя было оказать им противодействие, так как невозможно было собраться всем вместе, чтобы организовать отпор»¹. Вылазка была рассчитана на то, чтобы преодолеть это основное препятствие и собрать народ на борьбу вокруг знамени «Башмака». Таким образом, первый известный в истории случай поднятия «Башмака» показывает, что это знамя поднято было для того, чтобы из всей массы выделить сторонников активной борьбы как из крестьян, так и из горожан. Крестьянское знамя поднято было как символ, зовущий всех к общей борьбе против врага всего народа, приведенного феодалами для подавления крестьянского сопротивления феодальному гнету и борьбы городов против их подчинения князьям. Об этой роли крестьянской борьбы говорят и дальнейшие события в Эльзасе.

Хронист III сообщает, что арманьяки пробыли в немецкой земле около 14 дней, и им не было оказано существенного сопротивления — ни со стороны князей, ни со стороны господ и городов или других слоев населения, несмотря на совершенные ими убийства и злодеяния в Эльзасе². Упомянутый выше продолжатель Кенигсгофена, указывая, что арманьяки пробыли и грабили в 1439 г. в Эльзасе около трех недель, добавляет, что из них «многие были заколоты, застрелены и изловлены»³. Следовательно, сопротивление было оказано; арманьяки ушли не добровольно. В хронике III и в данном случае приводятся более подробные сведения о том, как было организовано сопротивление. Когда страсбургцы увидели, что арманьяки грабят по всей земле — в Мольсгейме, Дахштейне, Росгейме, Обер-

---

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 1000. — «Das ärgste war, das man ihnen nicht konte widerstand thun, denn man konnte nicht zusammen kommen, in dem man sich solchen überfals nicht versehen».

² Там же, стр. 912. — «...vnd Worent also by vierzehen tage in deütschen Landen, das jnen weder von Fürsten, Herren, Stetten, noch andern kein redelicher widerstant nit geton wart, Wiewol sú ane alle vorderunge vnd on bewarunge gross manigualtige mörtlicheit vnd vnzelich vil bosheit in dem lande zu Elsas vollebrohtent mit dotslegen, mit Kelen abrissen, mit notzogen, mit roube vnd brande, ouch mit vil ander myssedat vnd sweren schaden».

³ F. J. Mone. Ук. соч., стр. 522. — «Item do sú drig wochen in dem lande worent gewesen, do zugent sú enweg. doch wart ir ouch vil erstochen vnd erschossen vnd gevangen».

Эхенгейме, Андлау, Барре и Эпихе, то они обратились ко всей земле (das land auf vnd ab) за помощью и стали всюду возводить укрепления. Вокруг Страсбурга вырубали деревья, сожгли все дома на лугу вокруг городских стен и усилили стражу у всех проходов. В помощь страсбургцам пфальцграф Людвиг, соперничавший с Габсбургами и заинтересованный в расположении Страсбурга, прислал 300 конных. В то же время по всей земле стали готовить крестьян к военным действиям (im land musterte man das landvolck), а затем, когда арманьяки перешли в район Шлетштадта с обозом награбленного, в котором находилось и «600 красивых женщин на конях», то их преследовало 10 тыс. крестьян, вооруженных Страсбургом и пфальцграфом. Арманьяки пошли на хитрость: они сделали вид, что уходят, выжидая, пока собравшиеся крестьяне разойдутся по домам. Затем арманьяки прошли в Зундгау и оттуда опять в Эльзас с юга на север. Окончательно они ушли после того, как некоторые мелкие господа направили против них своих людей.

Арманьяки были, таким образом, изгнаны в 1439 г. из Эльзаса народом. Город Страсбург и некоторые господа, бывшие вначале пассивными и не хотевшие вооружать крестьян, вынуждены были в ходе событий это сделать. Крестьянство сделалось главной силой изгнания арманьяков в 1439 г. Осуществилась цель, ради которой было поднято впервые знамя «Башмака».

Источники по истории арманьякской войны после рассказа о событиях 1439 г. сразу переходят к событиям 1444 г., когда арманьяки прибыли под командованием дофина Людовика и по призыву германского императора. Восстание крестьян Шлингенского района против базельского епископа и связанных с ним представителей зундгауской знати в 1443 г., во время которого также был поднят «Башмак», произошло тогда, когда в германских землях не было арманьяков. С первого взгляда это восстание представляется эпизодом, имевшим местное значение. Базельский епископ Фридрих в апреле 1443 г. потребовал от своих подданных в епископстве внесения новых налогов. В четырех деревнях епископства введению новых налогов не было оказано сопротивление. Лишь в деревне Шлингене крестьяне, отказавшие в платежах, объединились вокруг поднятого ими «Башмака» с тем, чтобы оказать сопротивление. Восстание было подавлено при помощи других господ. После этого побежденным крестьянам навязан был акт капитуляции, составленный епископом и тремя связанными с ним лицами, в котором чрезвычайно тенденциозно излагался ход событий. Этот документ из архива базельского кафедрального собора, опубликованный Бадером среди других публикаций материалов,

относящихся к деревне Шлинген, является единственным источником по истории данного восстания¹.

Внимательное изучение акта показывает, что событие, к которому он относится, не является изолированным от событий более широкого значения. Непосредственной причиной восстания были новые денежные поборы с крестьян Шлингенского района. Бадер пишет в примечании, что епископ Фридрих нуждался тогда в средствах в связи с его чрезвычайными расходами, вызванными заседавшим в Базеле собором, обстоятельствами, связанными с арманьяками и войной Габсбургов со швейцарцами. Деревня Шлинген, как и другие деревни района, привлекала внимание всегда нуждавшихся в деньгах австрийских герцогов с XIV в. Они сдавали там в лен судебные и другие права, прежде всего — право на взимание различных поборов с крестьянских хозяйств². Вследствие этого поборы со шлингенских крестьян взимали, кроме базельского епископа, разные знатные лица и кредиторы австрийских герцогов. Значительное место среди приобретающих права на поборы в Шлингенском судебном районе занимал богатый тогда орден Иоаннитов. Базельские епископы действовали еще в XIV в. в этих операциях по продаже и сдаче в лен различных объектов поборов как агенты австрийских герцогов³. Епископ Фридрих (1437—1458 гг.), выдвинутый папской партией Базельского собора⁴, был несомненно сторонником габсбургской политики. В акте капитуляции шлингенских крестьян от 1443 г. говорится, что затребованные епископом «помощь и налоги» необходимы были на дела, порученные ему императором Фридрихом III и составляющие «честь и пользу для его людей и земель»⁵. Очевидно, что новые налоги связывались с мерами, проводившимися тогда в юго-западной Германии Фридрихом III, т. е. с призывом в страну банд арманьяков и с войной против швейцарцев за Ааргау. Таким образом, вопросу о сопротивлении введению этих налогов придавалось широкое значение. Среди господ, участвовавших в подавлении восстания шлингенских крестьян и присутствовавших затем при принятии крестьянами акта о капитуляции, были активные деятели австрийской

---

¹ B a d e r. Urkunden und Regesten über die ehemalige Hochstiftbaiselsche Landvogtei Schliengen. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, Bd. XVI, Karlsruhe, 1864, S. 243—247.

² Там же, стр. 230—238.

³ В 1386 г. австрийский герцог утвердил сдачу базельским епископом в лен иоаннитам колодца в шлингенском судебном округе с правом взимания поборов. См. B a d e r. Ук. соч., стр. 227—229.

⁴ Там же, стр. 242, прим. 1.

⁵ Там же, стр. 244. — «...von sachen wegen, so er von vnserm gnedigsten herren dem Römischen Kunig etc. vns vnd andern den sinen ze eren vnd nutz erworben hatt».

политики¹. Составителями этого акта были рыцари Буркгард Мэнх из Ландскрона и Бернгард фон Рамберг, которые привлекли в качестве третьего лица священника Ганса Клейна, являвшегося с давних пор агентом Габсбургов в Шлингене². Особого внимания заслуживает первый из названных рыцарей — Буркгард Мэнх. Ниже мы увидим, какую роль играл этот активный враг крестьянства в организации арманьякского вторжения в августе 1444 г. Кроме того, этот рыцарь являлся старым доверенным лицом австрийского герцога Фридриха. Еще в 1423 г. Фридрих утвердил его в качестве арбитра по разбору спора о правах высшего суда в Шлингенском округе³.

Таким образом, уже эти обстоятельства указывают на то, что борьба шлингенских крестьян в 1443 г., когда во второй раз был поднят «Башмак», была по существу борьбой против австрийских княжеских властей. О том же говорят и те скудные данные, о самом ходе восстания, которые имеются в акте капитуляции.

Шлингенские крестьяне при решении вопроса о своем согласии или несогласии на новые налоги, очевидно, находились в контакте с другими деревнями, подчиненными базельскому епископу. Епископским посланцам ответили, что вопрос о налогах будет решен к определенному сроку. «Затем,— говорится в акте якобы от имени крестьян,— мы сошлись на собрание в Шлингене для обсуждения вопроса между собою и в этом деле мы в суматохе против воли четырех деревень поступили плохо, выступив грубыми словами и делами против нашего милостивого господина»⁴. Тогда же «один из нас публично вскинул башмак на шесте как знак: кто в этом деле хочет идти против нашего милостивого господина, тот пусть пристанет к башмаку. К этому башмаку мы, таким образом, пристали, чем и причинили нашему милостивому господину ущерб и позор»⁵.

¹ B a d e r. Ук. соч., стр. 247, прим. 1.

² Там же, стр. 245.— «...vnd die den vorgenanten drien herren jn gegenwürtikeit anderer vnserer gnedigen herren hienach geschriben ergeben vnd zegnediger richtung lassen komen». Об указанной здесь роли священника Ганса Клейна см. там же, стр. 238—239.

³ Там же, стр. 234.— «Wir Frydrieck von gotes gneden herzog ze Oesterreich etc., Tun kunt, als vnser getrewer Hanns von Lauffen von Basel die dörrffer... von vns in Phanndweis jnnhat... derselben spenne sy zu bayderseit komen sind auf vnsern lieben getrewen Purkharden Münch Ritter, das wir also darzu vnsern willen vnd gunst geben...».

⁴ Там же, стр. 234.— «Sind wir darnach vff einem tag ze Schliengen zesamen komen, vns des mit einander ze vnderreden, vnd in sölicher sach vnder einander wieder der vier dörrfferen willen widerwertig werden, vnd haben darumb von diser sach wegen vns etwas groblich mit wortten vnd wercken wider vnsern gnedigen herren gesetzt».

⁵ Там же.— «...so hat einer vnder vns einen puntschuch offenlich an ei-

Как видим, «Башмак» был здесь поднят во время обсуждения среди крестьян вопроса об отношении к налогам и о повиновении епископу, действовавшему от имени австрийских властей. Поскольку на собрании в Шлингене споры между стоявшими за покорность базельскому епископу и сторонниками сопротивления ему создали обстановку суматохи (*vnder einander*), то один из сторонников сопротивления поднял «Башмак» для того, чтобы отделиться и организовать всем, кто против епископа. Тем самым поднято было знамя борьбы против проводника княжеской власти австрийского герцога в этом районе. Если приведенный выше текст понимать в том смысле, что на шесте было поднято знамя с изображением башмака, следовательно, что часть крестьян пришла на собрание с готовым знаменем, то в этом случае можно говорить о существовании среди крестьян тайной организации, направленной против власти епископа. Возможно, однако, что все произошло стихийно и на шесте подняли в данном случае не подготовленное заранее знамя с изображением башмака, а просто башмак с развевающимися по ветру шнурами (*«so hat einer vnder vns einen puntschuch offentlich an einer stangen vffgeworffen...»*). Сопротивление крестьян новым поборам быстро и стихийно превращалось в общую борьбу против повиновения княжеской власти. Акт собрания и организации сил вокруг шеста с башмаком, поставленного как символ единства всех, кто шел против епископа, осуществившего здесь княжескую власть австрийского герцога, воспринят был последним как «ослабление и позор», как нанесенный его власти и престижу политический ущерб. После поднятия «Башмака» речь шла уже не только о сопротивлении определенным поборам, но и о неповиновении вообще и непризнании власти епископа. Наказания и «исправления», установленные господами после приведения крестьян к покорности, аргументировались «этим позорным поношением» и «другими делами», выражавшимися в том, что крестьяне «не соблюдали повелений его милости и его должностных лиц в разных областях и допустили по отношению к его милости и к его должностным лицам известную непокорность и сопротивление»¹.

Необходимо обратить внимание и на характер наказания

---

ner stangen vffgeworffen zu einem zeichen, wer in der sach wider vnsern gnedigen herren sin wölt, das der zu dem puntschuch ston mocht, zu dem selben puntschuch wir also gestanden sind, damit wir vnserm herren schwachheit vnd schand zugefügt».

¹ В а д е р. Ук. соч., стр. 244.— «Vmb sölich zugefügt schand schmachheit, ouch ander sach, als wir siner gnaden gebott vnd siner amptlüt jn etlichen stucken nit gehalten vnd vns ettwas vngehorsamklich widerwertig vnd vngehörig gegen sinen gnaden vnd amptlütengesetzt hant, als obstat, hat vns sin gnad vnderstanden ze straffen vnd ze bessern...».

восставших. В Шлингене созван был съезд тех «господ, рыцарей и вассалов», которые были подчинены епископу и участвовали в подавлении крестьян. Каждый из них выдал епископу задержанных им лиц из числа восставших, которых епископ подверг, согласно общему решению господ, телесным наказаниям и материальным штрафам¹. Побужденные крестьяне просили о судебном разборе их дела. В этом им было отказано; их заставили признать решение собравшихся в Шлинген господ, записанное в присутствии других господ указанными выше двумя рыцарями и одним священником. Согласно этим решениям, крестьяне обязываются за себя и за своих потомков признавать в лице базельского епископа своего «естественного господина» и быть ему и всем его должностным лицам покорными без всяких оговорок, выполняя все их повеления в любое время так же, как все «благочестивые, честные и благопристойные люди» поступают по отношению к своим «естественным» господам. О новых налогах, послуживших первым поводом ко всему конфликту, в этом решении господ нет ни одного слова, что показывает, как далеко отошло движение от своего первоначального характера. После признания безоговорочной покорности крестьянам навязываются и другие обязательства, в том числе принятие покорно любого наказания и любого штрафа, которые будут наложены на «тело» и имущество каждого. При этом ни они сами, ни их потомство, так же как и никто от их имени, не должны были предпринимать какие-либо акты мести и злопамятства, ни открытые, ни тайные — по суду ли или без суда, равным образом — не вступать друг с другом в какие-либо связи и вообще не обращаться друг к другу по поводу всех штрафов и наказаний, которые должны оставаться неизменно в том виде, в каком они будут объявлены епископом. В отношении штрафов крестьяне «не могут пользоваться никакой защитой или отсрочкой со стороны какого-либо суда, союза, объединения, бургового права, установленного кем-либо из господ или городов. Недопустим и какой-либо иной путь защиты, который может быть найден; не может иметь место никакая хитрость»².

Как видим, после подавления движения под знаменем «Башмака» основной целью победивших господ является приведение

¹ B a d e r. Ук. соч., стр. 244—245. — «...vnd vff einen genanten tag ettlich herren ritter knecht vnd ander die sinen jn das dorff Schliengen gesandt, die vnser ettlich gefangen vnd dem selben vnserm gnedigen herren jn gefenckniss geantwurt hant, damit vns sin gnad... an vnserm gut vnd ettlich an jren liben darzu gestraffet vnd gebusset hat».

² Там же, стр. 246. — «Hievor sol vns, ouch nüt schirmen noch fristen dhein recht gericht púntniss einung burgrecht gesetzt der herren vnd der stett vnd sust dheinerley sach fünd noch fürzog, on all arglist...».

крестьян в покорность. Строгое применение наказаний и штрафов по господскому произволу возводится в принцип восставленного авторитета епископа: против его власти крестьяне не могут прибегать ни к какой связи между собою, ни к защите каких-либо других объединений, в том числе — объединений городов, ни к защите городских стен. Таким образом, как со стороны крестьян, восставших в Шлингене, так и со стороны подавивших это восстание господ показано было, что борьба идет по вопросу о покорности господской власти, осуществлявшейся в этом районе базельским епископом под покровительством австрийского герцога. Как само восстание вокруг поднятого «Башмака», так и имена лиц, активно участвовавших в его подавлении, говорят о связи этого, на первый взгляд, местного конфликта с событиями, имевшими гораздо более общее значение, — с развернувшейся тогда в юго-западной Германии народной борьбой против организованного Габсбургами и знатью вторжения чужеземных банд арманьяков.

С новым утверждением Габсбургов на императорском троне связано оживление борьбы между крестьянами и знатью юго-западной Германии. Ожесточенная классовая борьба крестьян в этом районе не прекращалась, как мы уже видели выше, с самого начала XV в. С начала же 40-х годов XV в. эта борьба получает новый импульс; ее политическое значение возрастает. Заняв императорский трон, Фридрих III задался целью вернуть своему дому отошедшие раньше от Габсбургов части наследственных земель в Верхней Германии. В первую очередь Фридрих стремился использовать средства империи для овладения землей Ааргау, присоединившейся к швейцарцам. Фон Штелин называет попытку Фридриха III вернуть Ааргау наиболее важным историческим событием первых лет его царствования¹. И действительно, вокруг этой неудачной попытки Габсбургов и других событий, оказавшихся с ней связанными, пришли в движение все политические силы Верхней Германии. Основной опорой Габсбургов в этой борьбе сделался известный уже нам рыцарский союз — «Общество щита св. Иоргена», — имевший в этой готовившейся борьбе свои виды. Особую заинтересованность проявила знать земли Гегау и района Боденского озера, состоявшая в этой рыцарской организации. Эта часть Общества, возглавлявшаяся ландграфом Гегау и Мадаха графом Гансом Тенгенским и Неленбургским, объединяла не только рыцарей и графов, но и ряд монастырей и была тесно связана с графом Ульрихом Вюртембергским². Фон Штелин

¹ См. С. F. v. Staelin. Ук. соч., стр. 462 сл.

² Там же, стр. 463.

указывает, что геганское дворянство, так же как и граф Вюртембергский, стремились помешать швейцарцам завоевать себе переход через Рейн. Другой же историк, автор исследования об арманьякской войне 40-х годов — Бартольд, останавливаясь на мотивах знати переднеавстрийских земель, готовившейся к самому активному участию в борьбе Габсбургов за Ааргау, пишет, что, по мнению этой знати, теперь наступил для нее день «насытить свою ненависть к крестьянам их кровью»¹. Геганская и вся приозерная знать стремилась в предстоящей войне расправиться с крестьянами и покончить с их непрекращающимся антифеодальным движением. Ниже мы увидим, что именно так рассматривали мотивы немецкой знати современники.

Связь молодого императора из дома Габсбургов со знатью Верхней Германии естественно стимулировалась в предстоящей борьбе тем, что уже опыт предыдущих боев со швейцарцами показал, какое решающее значение в этой борьбе имеет антифеодальное движение крестьян юго-западных германских земель. Подготовка к войне со швейцарцами означала прежде всего подготовку подавления крестьянства в соседних со Швейцарией немецких землях. «Общество пиита св. Иоргена» представлялось естественным союзником и лучшим оружием для этой цели. Однако собственные силы немецкой знати были признаны недостаточными для сложной борьбы со швейцарцами и с собственными крестьянами, особенно после того, как надежды на возможность использования средств империи в более широком смысле не оправдались². Поэтому Габсбурги и связанная с ними знать обратились к бургундскому герцогу и к французскому королю с просьбой прислать в Германию банды арманьяков против швейцарцев и крестьян. В этих обращениях звучит мотив о необходимости объединения усилий всех монархов и всей знати против опасности крестьянского движения. Сама борьба со швейцарцами рассматривалась здесь как момент общей борьбы с антифеодальным движением крестьянства в Германии и за ее пределами.

Маркграф Вильгельм Баденский, наместник Габсбургов в передней Австрии, направил свое обращение от имени немецкой знати передне-австрийских земель к бургундскому герцогу. Император же обратился к французскому королю Карлу VII. В письме Фридриха III, составленном Энеем Сильвием, указывается на стремление швейцарцев вовлечь в союз тех своих

---

¹ F. W. Bartold. Der Armengeckenkrieg im Jahre 1444 bis 1445. Historisches Taschenbuch, hrg. v. Friedrich v. Raumer. Neue Folge III, Leipzig, 1842, S. 10.

² C. F. v. Staelin. Ук. соч., стр. 463—464.

соседей, которые «любят жить за счет грабежа чужого добра»¹. В сущности, говорится в письме, римский король и священная империя имеют достаточно воли и сил, чтобы справиться с презренными швейцарцами, с которыми они не очень считаются. Однако в данном случае речь идет не только о швейцарцах, а об опасности, грозящей всему господствующему классу всех стран со стороны крестьян. И не случайно, конечно, автор письма, обращаясь к королю Франции, в качестве примера называет категории французских крестьян и подчеркивает, что в предстоящей войне дело идет об «общем прецеденте, который касается всех князей, о сервах, поднимающихся против господ, и о вилланах, надменно восстающих против знати»². Решившись выступить своими силами «в верхних землях», германский император хочет получить «на соответствующих условиях в помощь» (*sub convenientibus pactis ad nostra subsidia*) известное число находящихся на службе во французских провинциях арманьяков. Оказав эту помощь императору и разрешив арманьякам переход в германские земли, французский король получит свою долю заслуг в том, что потушен будет «пожар, который может принести немалый вред всем королям»³. Поучая французского короля, император указывает ему на необходимость охранять нерушимость феодальной зависимости крестьянства и подчеркивает, что в данном случае речь идет именно об этой основной задаче монархической власти. При этом, сообщая о собственных намерениях, германский император говорит о его предстоящем выступлении «в верхних землях», намекая на то, что война начнется в самой Германии против крестьянства соседних со Швейцарией земель, куда и призываются банды арманьяков, что опасность французским феодалам грозит не только со стороны Швейцарии, но и со стороны верхненемецких земель, где крестьянское движение может сделаться заразительным. Одновременно французскому королю отправлено было и письмо от имени австрийского герцога Сигизмунда, в котором указывалось на необходимость превентивной борьбы против бунтующих крестьян. «Часто мы наблюдаем, что преступникам не прекращается помощь других преступников. Пусть каждый оценит, чего стоит ему то, что он не видит [необходимости] в наказании [преступления] у других»⁴.

¹ J. v. Müller. Der Geschichten Schweizerischer Eidgenossenschaft, 3-ter Theil, Leipzig, 1825, S. 622.

² Там же, стр. 663, прим. 345.— «*Exemplum commune quod omnes principes tangit, surgentibus in dominos servis, et villanis in nobiles superbientibus*».

³ Там же, прим. 347.— «*Incendium quod cum damno non modico omnium regum existere posset*».

⁴ Там же, стр. 663, прим. 350.— «*Saepe videmus contingere, quod*

Текст этих писем, составленных Энеем Сильвием от имени императора и герцога Сигизмунда и отправленных 21 и 22 августа 1443 г., не оставляет, таким образом, никаких сомнений в том, что, призывая арманьяков, император действовал вместе со знатью, стремившейся изменить в свою пользу в юго-западной Германии условия феодальной эксплуатации и утвердить здесь строгие принципы повиновения господам. Кроме того, указывая на долю заслуг, которую получит французский король в деле общего укрепления монархического и феодального авторитета, германский император открыл тем самым французскому королю возможность потребовать себе компенсацию в ходе переговоров, как это в действительности и имело место.

В сообщениях современников об арманьякской войне подчеркивается роль немецкой знати в призыве арманьяков. Автор хроники Ш1, характеризуя действия арманьяков как самые худшие злодеяния, возлагает ответственность за призыв арманьяков в немецкие земли на швейцарцев, которые довели императора до этого «своим упрямством и своими издевательствами»¹. Среди продолжателей Кенигсгофена также встречаются попытки оправдать императора и представить его действия в этом случае как «вынужденные». Так, один из них пишет, что император хотел оказать помощь и спасти город Цюрих, который был осажден швейцарцами и население которого томилось в страшном голоде². Однако другой продолжатель Кенигсгофена утверждает, что арманьяки пришли в страну «по повелению и просьбе короля Фридриха австрийского и других господ, рыцарей и вассалов, которые договорились об этом походе с дофином против швейцарцев и города Базеля и также против города Страсбурга и всего Эльзаса...»³. Таким образом, призыв арманьяков хронист рассматривает как дело знати, направленное против земель и городов Эльзаса и Зундгау, а не только против швейцарцев. Другие продолжатели страсбургского хрониста, подчеркивающие роль крестьян в изгнании арманьяков, которые будут упомянуты ниже, указывают, что немецкая знать сама привела в страну иноземных разбойни-

sceleratis non desunt sceleratorum subsidia; aestimat sibi quisque licere, quod in aliis puniri non videt.

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 912.— «...die Switzer vnd ir mitgenossen andersit angefangen hettent swere dötliche kriege vnd gross schedelich vigentschafft, Die nu durch jr werende verhertikeit denselben Kunig ergremmete vnd bewegete, das er dem... Herrn Karle Kunig zu Franckrich schreip vnd bat vmb ein treffenlich zale sins reisigen volckes im vnd sinem bruder zu dienst zu schicken vnd zu reisen uff die vigende die Switzer, die helffen zu demmen vnd vnder zubringen».

² F. J. Mon e. Ук. соч., т. III, стр. 525, § 21.

³ Там же, стр. 527, § 26.

ков¹. Автор хроники Ш2 трактует мотивы Фридриха III следующим образом: «Когда король Фридрих увидел, что здесь нет спокойствия, он посоветовался со своими людьми и написал королю Карлу VII во Францию, своему шурина и другу, и просил его прислать ему после перемирия с Англией арманьяков (которых простой народ назвал Армегескен) в помощь для подавления швейцарцев, для того, чтобы и другие народы узнали, что необходимо повиноваться своим королям и господам. В этом ему очень энергично помогала знать»².

Призывали арманьяков тайно. Очевидно, император и те, которые ему помогали, представляли себе реакцию, которую вызовет этот акт предательства в народе. Характерно, что автор шпейерской хроники, записавший обо всем этом событии одну страницу, вовсе не знал о том, что арманьяки были призваны императором Германии и господами юго-западных земель. Он пишет о нашествии на Эльзас сына французского короля, прибывшего во главе огромной силы в 40 тыс. конных и «больше 60 тыс. головорезов и голяков», захвативших ряд городков в Эльзасе и начавших свои насилия и грабежи по всей земле. Однако этот хронист констатирует, что герцогу австрийскому Альбрехту, брату короля, прибывшая армия французского наследника была весьма по душе (*dem worent sie zuliebe*) и что многие немецкие рыцари и вассалы пошли в арманьякское войско, указывая им всюду дорогу³.

Хронист Ш2 сообщает также о мотивах французского короля в этой сделке с германским императором, которые, очевидно, служили темой переговоров между ними. Французский двор видел в данном случае средство к получению имперских территорий. Как только было заключено перемирие с Англией, Карл VII и дофин Людовик прибыли в Лотарингию и потребовали передачи Франции Меца, Туля, Вердена и многих других городов, которые принадлежали империи⁴. Уже в этом лотарингском походе, предшествовавшем вторжению в Эльзас, арманьяки сделались орудием борьбы с народными массами

¹ F. J. M o n e. Ук. соч., стр. 533, § 40, § 41.

² J. S c h i l t e r. Ук. соч., стр. 1001.— «Wie nun König Fridrich sahe dass kein ruhe da wolte sein. ging er mit seinen leuthen zu rath, vnd schrib an König Carln den VII in Franckreich, als seinen Schwagern und Freundt, vnd bat denselben, dass er nach richtung des Kriegs mit Engelland die Armeniacken (welche der gemein mann Armegecken genant) ihme zu hülff heraus schicken wolle, die Schweitzer damit zu demmen, auf das ander völker hören mögen ihren Königen vnd Herren gehorsam zu leisten».

³ F. J. M o n e. *Quellensammlung der badischen Landesgeschichte*. Bd. I, Karlsruhe, 1845. *Speierische Chronik*, S. 387—388.

⁴ J. S c h i l t e r. Ук. соч., стр. 1001—1002.

деревень и городов. Герцог лотарингский, он же король Сицилии, Рене Анжуйский участвовал силами своей 40-тысячной армии, пришедшей в Лотарингию под командованием французского короля. Шпейерский хронист сообщает, что арманьяки уничтожали все, что находилось вокруг Меца — замки, деревни и все, что принадлежало дворянству и бюргерам Меца, которых лотарингский герцог желал наказать¹. Посылая дофина в Эльзас, французский король дал понять, что Страсбург и вся земля до Рейна должны принадлежать Франции, и потребовал, чтобы в Эльзасе размещено было 24 тыс. французских войск. Кроме этого, король Франции «ничего не желает от империи»².

Ввиду наличия спорных вопросов, а также боязни разоблачения предательства, переговоры тянулись больше месяца и после заключения англо-французского перемирия. Император и феодалы шли на сделку с французским королем, предлагая ему имперские территории за помощь арманьяками. Спор шел только о количестве арманьяков и о размерах компенсации за эту помощь. События всего лета 1443 г. во время переговоров о присылке арманьяков показывают, что немецкая знать, заинтересованная в арманьяках для подавления в быстром темпе антифеодального и антикняжеского движения в землях Верхней Германии, чрезвычайно нетерпеливо наблюдала затяжной характер переговоров. Еще за год до прибытия арманьяков рыцарская и княжеская конница с чрезвычайной жестокостью начала действовать в верхне-германских землях против крестьянства. Яков фон Лютцельштейн, Людвиг фон Гельфенштейн, Ганс фон Рехберг совместно с баденской знатью опустошали деревни нижнего Бадена. В ответ последовали ответные и притом успешные действия баденских крестьян и швейцарцев, которые пришли на помощь крестьянам. Крестьяне пользовались значительным сочувствием в городах Бадена, куда многие из них бежали, спасаясь от набегов разбойной знати. Швейцарский историк Иоганн Мюллер пишет, что успешные действия крестьян и швейцарцев изменили соотношение сил в Бадене. Теперь бежать пришлось баденской знати из боязни народной мести. Рапперсвейлерские же крестьяне возвратились к своим хозяйствам. В общем, пишет Мюллер, эти события

---

¹ F. J. M o n e. Ук. соч., т. I, стр. 388. — «...und verdarpten alles, das umme Metze waz, slosser, dorffer und alles, das dem adel und den burgern zu Metz züstunt und ir waz, wan sie der herzoge von Lottringen züchtigen wolte».

² J. S c h i l t e r. Ук. соч., стр. 1002. — «...vnd liess andeuten, dass Strassburg vnd die gantze landschafft bis an Rhein zu Franckreich gehörten, beehrte, man wolte in dem Elsass 24 tausend mann zur besatzung auf-nemen, habe im übrigen nichts wider das Reich vor...»

показали всю трудность войны, когда народ является ее противником¹.

Война, таким образом, началась борьбой знати верхней Германии против крестьян. Швейцарцы вступили в борьбу позже, в ходе войны в Бадене. Швейцарцы рассматривали подавление баденских крестьян как подготовительную ступень к нападению на них самих и поэтому шли крестьянам на помощь. Возможно, что они знали о переговорах, которые император от своего имени и от имени немецкой знати вел с французским королем об арманьяках. Немецкие господа не хотели до прибытия арманьяков открыто воевать со швейцарцами. Представители немецкой знати с помощью базельского собора и папы безуспешно пытались удержать швейцарцев от борьбы против Цюриха, где укрылись баденские господа². Среди этих деятелей немецкой знати мы встречаем известного уже нам базельского епископа, которому вместе с другими господами незадолго перед этим пришлось иметь дело с поднятым против них в этом районе «Башмаком».

В конце 1443 г. знать переднеавстрийских земель заявила Фридриху III, что если он не придет ей немедленно на помощь, то она вместе со знатью Эльзаса перейдет к бургундскому герцогу³. После этого Фридрих повел переговоры с Францией и Бургундией о присылке ему арманьяков в более энергичном темпе и предпринял новую попытку на Нюрнбергском рейхстаге 1444 г. получить на предстоящую борьбу имперскую помощь.

О том, как активно участвовала знать верхних земель в переговорах с Францией об арманьяках, говорит следующий факт. 22 июля 1444 г. Фридрих III по дороге в Нюрнберг остановился в Пассау, где он застал ожидавших его рыцарей Ганса фон Рехберга и Буркардта Мэнха из Ландскрона. С ними был вернувшийся из Франции посол императора. Рыцари привезли императору письмо от маркграфа Вильгельма. На состоявшемся в Пассау совещании обсуждался, очевидно, ход переговоров с Францией, которым рыцари, как и пославший их маркграф, были недовольны. В результате совещания императорские полномочия на продолжение переговоров с Карлом VII были переданы самим этим рыцарям — Гансу Рехбергу и Буркардту Мэнху, которые отсюда отправились во Францию⁴. Результаты не заставили себя долго ждать. Карл VII поручил своему сыну, дофину Людовику — будущему Людовику XI, вступить в юго-

¹ J. v. Müller. Ук. соч., стр. 665.

² Там же, стр. 666. Цюрих находился тогда в состоянии конфликта с другими кантонами Швейцарии.

³ F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 35—36.

⁴ J. v. Müller. Ук. соч., т. IV, стр. 53; F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 38.

западную Германию во главе банд арманьяков — общей численностью в 40 тыс. человек¹.

Центральным лицом, добившимся поворота в ходе переговоров с Францией и их эффективного завершения, был тот же рыцарь — Буркгардт Мэнх из Ландскрона, который принимал самое активное участие в подавлении «Башмака» в Шлингене и в составлении разобранного выше акта капитуляции крестьян. Это обстоятельство очень важно иметь в виду для понимания связи происходивших событий. Бартольд пишет, что Буркгардт Мэнх отправился за арманьяками, «полный действительной героической ненависти к крестьянам»². Характер миссии Мэнха и секрет его быстрого успеха может быть понят, если представить себе указанные выше мотивы французского короля в этом деле. Заслуживает внимания сообщение хрониста Ш1 о том, что для Карла VII после подписания 1 июля 1444 г. перемирия с Англией важно было освободить собственную страну от такого дорогостоящего и опасного войска, каким были банды арманьяков, и направить их в другие страны³. Вместе с тем он хотел выслать из страны и своего сына Людовика, который четыре года до этого участвовал в «прагерии» (1440)⁴. Для этой цели при дворе Карла VII признали полезным воспользоваться напряженным положением в юго-западной Германии и отправить туда вооруженные банды арманьяков с дофином Людовиком во главе. Речь шла, таким образом, о вторжении в чужую страну с целью грабежа. На Германию смотрели как на страну, удобную для грабежа. Стало известно также, что французский король стремится не только к выводу банд из своей страны, но и к тому, чтобы использовать благоприятную ситуацию для ввода войск в Германию в целях расширения территории Франции и перенесения ее восточной границы до самого Рейна. Нам уже известны требования Карла VII, сконцентрировавшего в июле 1444 г. у Меца огромную армию. Несколько позже, при вступлении банд арманьяков в юго-западную Германию в середине августа 1444 г., об этих широких планах французского короля было объявлено в официальной декларации. В декларации указывалось, что «христианнейший король Франции», получив обращение Римского императора с просьбой о помощи против швейцарцев, заклятых врагов всякой богом установлен-

¹ F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 43. Число вторгшихся в Германию арманьяков указывается в различных источниках и отдельными историками по-разному.

² Там же, стр. 39—40.

³ J. Schilter. Ук. соч., стр. 913.

⁴ J. v. Müller. Ук. соч., т. IV, стр. 52. «Прагерия» — реакционный бунт феодалов против военных и финансовых реформ французского короля Карла VII, направленных к централизации государственного аппарата.

ной власти и особенно — австрийского дома, счел необходимым удовлетворить эту просьбу прежде всего потому, что он обязан вернуть французской короне естественную границу своего государства, образуемую Рейном, которая была у нее отнята несправедливым образом много лет назад¹. Фридрих знал, конечно, об этих планах и до опубликования французской декларации. Когда ему пришлось дать объяснения по поводу вторжения арманьяков, он оправдывался тем, что он просил у Карла VII только 5000 конных для себя и 10 000 — для немецкой знати². Император считал это количество войск вполне достаточным для оказания давления на имперские города, отказывавшиеся финансировать его поход против швейцарцев. Вместе с тем это войско не представляло опасности для самого императора. Поскольку же такое количество войск не устраивало французскую сторону, то переговоры затягивались и после того, как англо-французское перемирие было заключено в июне 1444 г.

Иным было отношение немецкой знати, которая видела в арманьяках прежде всего средство к подавлению недовольства крестьян и бюргеров в собственных землях. Из приведенного объяснения Фридриха о том, что он просил у французского короля 5000 арманьяков для себя и 10 000 для знати, можно заключить, что для знати речь шла, помимо борьбы со швейцарцами, об особых задачах. Знать была, как нам уже известно, недовольна ходом переговоров с французами и требовала пойти на уступки в вопросе о количестве арманьяков, невзирая на политические последствия. Назначение Бургардта Мэнха и Ганса Рехберга для завершения переговоров означало победу знати в этом вопросе. Эти посланцы думали только о том, чтобы ускорить приход чужеземного войска. В то время, как французский король под разными предлогами размещал свои войска вдоль немецкой границы от Меца до Базеля, немецкая знать, за небольшим исключением, пошла на прямую измену, действуя во всем вместе с французскими командирами. Обстоятельства, при которых арманьяки вступили на германскую территорию, весьма характерны для той решающей роли, которую играла в этом деле немецкая знать.

В ночь на 5 августа 1444 г. большой отряд немецкой знати в 400 человек с рыцарем Томасом фон Фалькенштейном во главе напал внезапно и вероломно на городок Брук в Аарграу. Здесь не место подробно останавливаться на мотивах этого нападения. Из характеристики участников нападения, данной у Мюллера, видно, что главные из них были связаны с Габсбургами, владели австрийскими ленами и замками между

¹ J. v. Müller. Ук. соч., т. IV, стр. 66.

² F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 40.

Зундгау и Ааргау. В лагере напавших на Брук находился и Ганс фон Рехберг, владелец замка Фарнсбург к юго-востоку от Базеля, один из уполномоченных по завершению переговоров с французским королем об арманьяках. Городок Брук был разграблен и сожжен, а жители его уведены в Лауфенбургскую крепость. Когда последовали ответные действия со стороны бюргеров и крестьян базельского района и швейцарских кантонов, подошедших к замку рыцаря Ганса фон Рехберга, то этот рыцарь под покровом темной ночи пробрался во французский лагерь, где и заявил, что арманьяки нужны немедленно¹. В таких условиях уполномоченные императора, т. е. тот же Ганс фон Рехберг и Буркардт Мэнх, не стали, конечно, настаивать на «ограниченном» количестве арманьяков. Французский король получил возможность ввести в Германию крупные силы арманьяков и поручить дофину опубликовать приведенную уже декларацию о «естественной» границе Франции на Рейне.

Таким образом, враждебные действия против бюргерства и крестьянства сделались для немецкой знати исходным пунктом предательства общенародных интересов. Немецкая знать не только призвала чужеземные банды, обещав им города и замки в юго-западных землях, но и слила с ними свои собственные силы. Данные о количестве вступивших в Германию арманьяков указываются в разных источниках по-разному и колеблются от 32 до 60-тыс. Эти расхождения объясняются тем, что первое из указанных чисел относится к войскам, введенным дофином, которые дополнялись силами знати до 50 тыс.² Дофин не ожидал предоставления ему укрепленных замков, а занимал их сам по собственному плану, не встречая сопротивления. Первым был сильно укрепленный вюртембергский замок — Мемпельгардт, сдача которого раньше не предусматривалась. Этот замок, по отзыву всех современников, был прекрасно обеспечен для обороны всем необходимым. Автор хроники ШИ пишет, что графы вюртембергские имели в замке Мемпельгардт конницу, пехоту и прекрасное вооружение. «И все же,— добавляет он иронически,— они отдали им город и замок Мемпельгардт так, что дофин и его войско напали на них словами и овладели ими через посредников», заключивших условия

---

¹ J. v. Müller. Ук. соч., стр. 62.

² Там же, т. IV, стр. 65, прим. 372. В действительности, некоторые источники называют гораздо большее число арманьяков, вступивших в Германию под командованием дофина. В записи одного вальдсгутта говорится о 80 тыс. арманьяков, расположившихся между Вальдсгуттом и Страсбургом (см. F. J. M o n e. Ук. соч., т. I, стр. 223). Шпейерский хронист говорит о «40 тыс. конных и больше 60 тыс. головорезов-голяков» (там же, стр. 387).

этой капитуляции. Все начальники, господа, рыцари, вассалы и служилые люди австрийского дома с радостью и готовностью выехали навстречу дофину и его армии, привели их в свои владения, открыли им города и замки Зундгау: Альткирх, Даммеркирх, Мюнстероль. То же имело место затем в Энсисгейме и в других замках и деревнях этого края¹.

В этих актах измены немецкие господа руководствовались своей враждой к крестьянству и к городам. Рыцари фон Финстинген и Вильгельм фон Лютцельштейн, маркграф Ретель и «многие другие», пишет один из продолжателей Кенигсгофена, были «предводителями злодейских банд в Германии» (*die furer des bossen volckes in Tutschlant*). «Прежде всего они подошли к Мемпельгардту, куда они были впущены без всякой нужды и принуждения презренными, злыми и фальшивыми господами вюртембергскими, которые предали свой бедный народ смерти... Затем они пришли в Энсисгейм, в герцогский замок, который был открыт перед ними, что являлось предательством по отношению к бедным людям, которые лишены были всего, что они имели, и к тому же были все изгнаны оттуда»². Хронист называет и других господ, действовавших таким же образом.

Крестьянство Верхнего Эльзаса и Зундгау массами бежало в город Базель со своими семьями и скарбом. Собравшиеся в Базеле крестьяне сделали крупную силу обороны этого города, участвуя в строительстве вокруг него сильных укреплений и помогая в установлении тесной связи со швейцарскими крестьянами³. Находившиеся в лагере арманьяков в южном Эльзасе немецкие рыцари, в частности, Бурггардт Мэнх и Ганс Рехберг, обратили внимание дофина на то, что Базель может сделаться важным центром связи крестьян верхненемецких земель со швейцарцами. Из материалов, приведенных Бартольдом, видно, что эти рыцари посоветовали дофину обойти Базель и отрезать его от сил швейцарцев, осаждавших Франсбург и Цюрих. Следуя этому совету, военные силы дофина заняли деревни и поля южнее и юго-восточнее Базеля, продвинувшись до деревень Праттельн и Мутенц к востоку от реки Бирс, недалеко от ее впадения в Рейн у самого Базеля. Из Базеля сообщено было швейцарским силам [у |Фарнсбурга, об

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 914—915.

² F. J. Mon e. Ук. соч., т. III, стр. 527.— «Item also sú koment zum ersten gon Mumpelgart, do wurdent sú ingelossen mit gutem willen one alle not vnd vnбетwungen von densnóden, bösen valschen herren von Württemberg, die ir armen lúte in den tot gobent... Item donach koment sú gon Enssheim in des hertzogen slosse, wart in ouch uffgeton verretenlichen der armen lúte, wanne sú koment vmb vas sú hettent, vnd wurdent darzu alle ussgestossen».

³ F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 46—47.

этих действиях арманьяков и указано было на необходимость восстановления и удержания связи между швейцарцами и Базельским районом. Хронисты, приведенные Мюллером, сообщают о больших спорах в лагере швейцарцев по вопросу о тактике по отношению к арманьякам. Среди командиров преобладало мнение, что лучше ждать арманьяков у Цюриха и Фарнсбурга. Простой же народ настаивал на том, что необходимо отбросить арманьяков от окрестностей Базеля¹. Он правильно считал первоочередной задачей сохранение связи с крестьянством соседних немецких земель. В конце концов выделилась группа простых швейцарских воинов в 1650 человек, которые добровольно отправились навстречу арманьякам. Утром 26 августа на реке Бирс у монастыря св. Якова, юго-восточнее Базеля, разыгрался неравный бой между этим небольшим отрядом швейцарских крестьян и мощными силами многотысячной армии арманьяков. Храбрость крестьянских воинов, шедших на верную смерть против многократно превосходивших их сил врагов, поразила самого дофина, который, наблюдая огромные потери в своих рядах, хотел принять меры к прекращению боя, но должен был уступить немецкому рыцарю Гансу фон Рехбергу, который пал к ногам маршала Даммартина и просил довести до конца дело борьбы знати с бюргерством и крестьянством². Героический крестьянский отряд почти весь погиб на Мюнхштеттенских полях к югу от Базеля и на переправе у св. Якова. Однако каждый швейцарский крестьянин прежде, чем погибнуть, вывел из строя больше 10 врагов. Потери арманьяков исчислялись в несколько тысяч. Арманьяки были отброшены за реку Бирс и больше не решались выступать против швейцарцев³.

Большое значение в этом столкновении имело то обстоятельство, что в тылу арманьяков в это время находился союзный швейцарцам Базель, укрепленный его бюргерами и зундгаускими крестьянами. Это сражение и его результаты показали, что для французской политики, орудием которой были арманьяки, ее цели в Германии были гораздо важнее, чем борьба со швейцарцами. Немецкая знать рассматривала борьбу против швейцарцев как звено общей борьбы против крестьянского движения в юго-западной Германии. Немецкие рыцари — Буркардт Мэнх и Ганс фон Рехберг, вели арманьяков за реку Бирс, чтобы отрезать швейцарцев от немецких земель, разбить их и подготовить, таким образом, возможность расправы с крестьянами соседних со Швейцарией германских земель. Обстоятельства смерти Буркардта Мэнха весьма характерны. Уви-

¹ J. v. Müller. Ук. соч., т. 4, стр. 76—77.

² Там же, стр. 82—83.

³ Там же, стр. 83—88; F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 48—49, 50.

дев поле битвы южнее Базеля усеянным убитыми и ранеными швейцарскими крестьянами, Буркардт Мэнх из Ландскрона думал, что план немецкой знати реализуется. Торжествующий, этот прятавшийся во время боя рыцарь выехал затем верхом вместе с другими дворянами, чтобы поглумиться над умирающими ранеными швейцарскими крестьянами. «Мы купаемся сегодня в розах!», — крикнул он весело своим спутникам. «Вот, жри одну из этих роз!», — сказал в ответ один из смертельно раненных крестьян и метнул в лицо рыцаря камень, разбивший ему глаза, нос и рот. Через три дня этот главный усмиритель шпингенского «Башмака» и главный организатор вторжения в Германию арманьяков умер позорной смертью.

Таковы данные о сражении 26 августа 1444 г. на реке Бирс у монастыря св. Якова, которые сообщаются швейцарскими источниками и которые изложены здесь на основании работ Мюллера и Бартольда. Немецкие хроники очень скудно освещают это сражение. Чрезвычайно важным является, однако, их сообщение об участии в нем многих представителей немецкой знати, а не только названных двух рыцарей. Швейцарцы, осаждавшие Цюрих и Варнсбург, выделили отряд для очистки от арманьяков деревень Зундгау вокруг Базеля¹. Наткнувшись на силы арманьяков, они были разбиты, хотя сражались героически и убили много врагов — иноземных и помогавших им немцев². Последние состояли, как сообщает хроника, из немецких рыцарей и из тех немцев, которым обещано было рыцарское достоинство за участие на стороне арманьяков. «Часть, — пишет хронист, — осталась таким образом в рыцарстве. Однако некоторые отказались от этого достоинства, узнав, что не уважают таких, которые стали рыцарями в пивных при помощи [чужеземных] злодеев»³.

Интересно сообщение Констанцской хроники о том, что до начала сражения защитникам Базеля (среди которых, как нам уже известно, главную роль играли зундгауские крестьяне), удалось уже установить связь со швейцарскими силами, прибывшими к реке Бирс против монастыря св. Якова, и устроить тайную переправу. Таким образом, согласно этой хронике, зундгауские крестьяне были не только наблюдателями и не только заинтересованной стороной, но и в известной мере

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 915. — «...füete er sich das der eitgenossen... by zwey tusent usgangen worent wider Basel zu vnd meintent das frömde volck als sich die in die dörffere geslagen hettent an ettelichen enden zu suchen».

² Там же. — «Dogen wurdent ouch vil des frömde volckes zum tode broht beide welsch vnd düttsch, der zale aber nyeman erfaren kunde».

³ Там же. — «...derselben bliben ein teil by der hitterschaft, Aber ettlich stundent darvon do sú hortent das man es nit lobete in maltzen hüßern durch hülff des bösen volckes also Ritter zu werden».

участниками борьбы. Это участие сделалось невозможным после того, как арманьяки, узнав о переправе, разрушили ее. Констанцский хронист сообщает также о том, что соотношение потерь в этом сражении было настолько позорным для арманьяков, что последние, удержав за собою поле битвы, сожгли все трупы, чтобы скрыть действительное положение¹. Современники передают поэтому данные об этом соотношении в виде слухов. Один из продолжателей Кенигсгофена характеризует соотношение сил так, что на одного швейцарского крестьянина приходилось 20 противников.²

После сражения 26 августа, т. е. в первые же дни пребывания арманьяков в Германии, их борьбе со швейцарцами был положен конец. Дофин, уstraшенный проявленным швейцарскими крестьянами мужеством, заявил, что впредь он не желает больше сражаться с ними³. С этого момента дофин стал действовать всеми своими силами в рейнских землях самой Германии. Руководящие слои швейцарских городов тогда уже отвернулись от своих немецких союзников и вступили в переговоры с дофином о заключении мира, развязав ему руки для действий в Германии. Хронист III обращает внимание на то, что и Базель занял по отношению к «злодейским бандам» арманьяков примиренческую позицию. Арманьяки свободно входили в Базель и выходили из него, производя в нем нужные им покупки и продажи, за что базельцы в конце концов сами попустились⁴.

Таким образом, уже с сентября 1444 г. все силы арманьяков обратились против Германии. Хронист III подробно описывает, как немецкие господа и князья сдавали дофину города и замки без всякого сопротивления (*one wer*). Были и такие случаи, когда дофин вызывал к себе того или иного немецкого рыцаря и договаривался с ним о сдаче замка или города⁵. Поддержанные немецкими господами, арманьяки подавляли сопротивление крестьян и мелких горожан, которое в условиях открытой местности Эльзаса носило в первые недели характер спорадических выступлений. Там, где сопротивление оказалось более упорным, там арманьяки прибегали к обману, завязав переговоры о перемирии с тем, чтобы расстроить оборону. Так было в городе Вангене, где собравшийся народ города и, очевидно, округи отказался впустить арманьяков. Попытки

---

¹ F. J. M o n e. Ук. соч., т. I, стр. 342—343.

² Там же, т. III, стр. 525.

³ J. S c h i l t e r. Ук. соч., стр. 1002.— «Die Schweitzer dachten sich männlich, und sagte der Delphin, dass er mit denselben keine schlacht mehr begehrt zu wagen».

⁴ Там же, стр. 916.

⁵ Там же, стр. 917.

арманьяков пробраться в город при помощи лестниц, приставленных к городской стене, энергично отбивались защитниками, действовавшими камнями и осями. Однако арманьякам удалось добиться перемирия на один час, а затем они до истечения этого срока договорились с некоторыми руководителями о сдаче города и выдаче всех его защитников¹. Один из хронистов с возмущением приводит список господ и князей, которые предательски выдавали своих крестьян и бюргеров на разграбление и убийство арманьякам. Мы находим здесь епископа страсбургского, который, как уже известно, в 1439 г. первый призвал арманьяков для расправы с горожанами и крестьянами. Теперь он отдал арманьякам имевший важное стратегическое значение (для переправы через Рейн) городок Маркольцгейм и своих «бедных людей на смерть» (*ouch Marckolssheim vnd sin arme lute in den tot*), а в страсбургском предместье Сент-Арбогаст арманьяками угнано было большое стадо коров и лошадей, принадлежавших крестьянам и бюргерам².

Обратившись в сентябре 1444 г. всеми своими силами против юго-западных земель Германии, дофин показал, что цели его идут значительно дальше его первоначальной декларации. План французского двора заключался уже не только в продвижении своей восточной границы до Рейна и не только в захвате Страсбурга. Дофин обратил уже серьезное внимание на плодородный Брейсгау, расположенный к востоку от Эльзаса на правом берегу Рейна. Заняв войсками своего генерала Монтомери (шотландца на французской службе) верхнерейнские города Вальдсгут, Лауфенбург и Зеккинген, охотно выданные арманьякам австрийскими властями, и взяв с них массу всякого «добра» (*vmb ein treffenlich summ guts*), дофин направил другого своего командира де Коммерси во главе 8000 конных на Брейсгау. Войска де Коммерси перешли Рейн между Лауфенбургом и Вальдсгутом и намеревались проникнуть в Шварцвальд и двинуться дальше на север³. Дофин не сомневался в поддержке немецкой знати. Каковы бы ни были настоящие мотивы дофина и французского короля, они выступали здесь, в Германии в роли защитников интересов знати против крестьян и бюргеров.

Однако при попытке проникнуть в Брейсгау дофин встретился с настоящей силой народного сопротивления чужеземному нашествию, связанному с усилением феодального гнета. Дофин впервые оказался здесь вынужденным отступить перед силой народного сопротивления. Автор хроники III сообщает об этом событии весьма лаконично: «Тогда,— пишет

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 921.

² F. J. Mone. Ук. соч., т. III, стр. 527.

³ J. Schilter. Ук. соч., стр. 916.

он,—крестьянство закрыло Шварцвальд, заняв линию обороны большим количеством людей. И так они расположились военным лагерем, занимая оборону, пока де Коммерси со своим злодейским войском не ушли через Рейн обратно к дофину»¹.

Таким образом, Шварцвальд был спасен крестьянами, которые, обороняя подступы к нему, заставили арманьяков убраться отсюда. Это поразительный пример стойкой крестьянской обороны своей земли от чужеземных грабителей, поддержанных «отечественными» феодалами. Из Констанцской хроники мы узнаем, что шварцвальдские крестьяне не ограничились изгнанием арманьяков за Рейн. Они вступили после этого в контакт с крестьянами соседних областей и образовали вместе с ними союз.

Поводом для образования союза крестьян разных областей послужил распространившийся в середине октября 1444 г. слух о том, что арманьяки собираются уходить и намерены увезти с собою награбленное добро. Притом «господа отнеслись к этому так спокойно, что вызвали этим огорчение бедных людей в Эльзасе, в земле Ретеля (т. е. маркграфа Ретеля),² в части Шварцвальда и некоторых из людей монастыря»³. Все эти крестьяне «объединились в один союз без ведома кого-либо из своих господ. И их было около 4-х тысяч и называли себя Башмаком и пошли они негласно (heimlich) до Рейнфельдена, обходя район между Рейнфельденом и деревнями в лесу и добывая разведочные данные об арманьяках»⁴. Таким образом, если, как мы уже видели выше, в 1439 г. в борьбе с арманьяками, призванными в Эльзас страсбургским епископом и некоторыми другими господами, впервые поднято было знамя «Башмака», то осенью 1444 г., на первом этапе народной борьбы против большого нашествия арманьяков, вторгшихся в юго-западные земли Германии по призыву и при поддержке императора и немецкой знати, заинтересованной в подавлении крестьянского недовольства, дело дошло до образования союза

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 916. — «Do hettent nu die geburschaft den Schwartzwalt verfellet, die letzen mit vil lútes bestalt, vnd logent doselbs zu lantwer bítz da der von Commersch mit dem bösen volck wider über Rin zu dem Delfin gezoch».

² См. F. J. Mone. Ук. соч., т. III, стр. 527.

³ Там же, т. I. Konstanzer Chronik, S. 343. — «...und aber die herren so gemacht da zu tattent, das nun die armen lút der herren verdross, die denn da warent in dem Elsass und in des von Rötteln land und entail in dem Schwartzwald, und och ettlich der closter lút».

⁴ Там же. — «...und machtent sich ze samen in ainen bund an aller ir herren wissen, das warent wol 4 tusent, und namptent sich die Buntschuch und zugent bis gen Rinfelden haimlich und laittent sich da umb zwüschent Rinfelden und den dörrfern in den wald, und hattent Kuntschafft uff die Armen-jäken».

«Башмака», объединившего 4 тыс. крестьян из Шварцвальда, Эльзаса и других земель этого района. Этот союз «Башмака» является первым из всех нам известных. Чрезвычайно важно сообщение хрониста о том, что крестьяне были возмущены равнодушным отношением господ к действиям арманьяков и что союз образован втайне от господ. Из сообщения хрониста о дальнейшей судьбе образованного союза видно, что крестьянский союз направлен был одновременно против арманьяков и против немецких господ. Предупрежденные о деятельности членов союза в районе Рейнфельдена арманьяки не появлялись здесь некоторое время. Прождав в лесу 3 или 4 дня безрезультатно, крестьяне вернулись и разошлись по домам. «Отделившись от других,— говорится в хронике,— каждый крестьянин имел основание бояться своего господина и должен был искать себе подходящего убежища. Так, один сделался бюргером в Базеле, другой в Кольмаре или в другом городе, где только мог, а некоторые вынуждены были бежать из страны и оказались в отчаянном положении».¹

Победа шварцвальдских крестьян, отбросивших чужеземных захватчиков за Рейн, образование вслед за тем союза крестьян разных районов, направленного против чужих грабителей и против поддерживающих их «своих» угнетателей, показывает, что антифеодальная борьба крестьян самым ходом событий превратилась здесь в борьбу за защиту родной земли, за интересы народа. Города были заинтересованы в успехе этой борьбы крестьян. Предоставление арманьякам замков в Эльзасе и Зундгау не только означало окружение беззащитных крестьян, но и поставило под угрозу Базель и Страсбург. Никто не сомневался в намерении дофина захватить эти города. Борьба против арманьяков должна была сделаться общей целью крестьян и городов. Однако руководящие круги городов не заняли решительной позиции в деле обороны, по крайней мере — на первом этапе. Мы уже видели, что три города — Лауфенбург, Вальдсгут и Зеккинген, расположенные на Верхнем Рейне у самого подножья Шварцвальда, были переданы австрийскими княжескими властями арманьякам. Они уплатили возложенную на них арманьяками огромную дань, позволили им перейти Рейн и направиться в Брейсгау. Они не сделали попытки присоединиться к мощной обороне, организованной крестьянами по соседству. Этой тактикой городов

---

¹ F. J. M o n e. Ук. соч., стр. 343.— «...Nun würdent si sich ze rtrennen von enander und ward ieglicher sinen herren furchten und ward ieglicher ain loch suchen, daz im eben was. und ward ainer burger zu Basel, ainer zu Kolmer und allenthalben in den stetten, wo si denn mochtent, welcher út ze verlierent hatt. und ettlich lüffent och uss dem land und koment zu grossem kumer. Bl. 117, a. D.».

объясняется то обстоятельство, что осенью 1444 г. партизанская борьба против арманьяков в Эльзасе и Зундгау развивалась медленными темпами и эпизодически. Бартольд пишет, что в условиях Эльзаса, т. е. в условиях открытой местности, зависимость успеха крестьянской борьбы от сотрудничества с городами была значительно больше, чем в Шварцвальде¹. Для успеха борьбы эльзасским крестьянам необходимы были опорные пункты в городах. Большое значение для крестьян имела бы поддержка таких городов, как Страсбург и Базель. Однако власти не только Базеля, но и Страсбурга стали на путь переговоров с дофином при посредничестве «отцов» Базельского собора и на путь дипломатического нажима через императора и нюрнбергский рейхстаг.

О ходе переговоров рассказывают обе хроники, опубликованные Шильтером, причем автор первой из них приводит и некоторые документы этих переговоров. На нюрнбергском рейхстаге, начавшемся до заключения мира между дофином и швейцарцами, император и князья отвергали предложения некоторых городов и пфальцграфа герцога Людвига принять меры против бесчинств арманьяков в немецких землях. Для того, чтобы доказать, что арманьяки полезны, император призывал усилить борьбу «со швейцарцами и их союзниками»². Мир, заключенный дофином со швейцарцами, вызвал недовольство императора и немецких князей. Тогда на нюрнбергском рейхстаге поставлен был вопрос о необходимости добиться ухода арманьяков из Германии. Принят был план поставки всеми имперскими чинами войск и материалов для изгнания арманьяков силой. В этом духе рейхстаг обратился к империи. Император назначил пфальцграфа Людвига главнокомандующим. Все имперские чины должны были прислать в Шпейер то количество войск и материалов, которое полагалось с них, согласно произведенной рейхстагом разверстке (anslag), с тем, чтобы они могли отправиться оттуда против арманьяков под командованием пфальцграфа и под имперским знаменем³.

Но это было только на словах. На деле же император Фридрих III отправил одновременно делегацию, состоящую из кня-

---

¹ F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 74—75.

² J. Schilter. Ук. соч., стр. 936.

³ Там же, стр. 937.— «Do dett der Römisch Kunig mit den Kurfürsten, Fürsten, Herren vnd jren Reten einen grossen anslag, in meynunge demselben frömbden volck mit maht zu widerston, vnd daruff so setzete ertzherzog Ludwig zu sinem obersten houbtmann des ansleges, vnd empfalch im des Richs Panyr, vnd schreip Fürsten, Herren vnd Stetten, noch dem yederman angeslagen was... vmb Spire zu sin, vnd darnoch fürbas zu ziehen wider das böse Volck zu bestriten».

зей и господ, в Брейсгау с поручением вступить в переговоры с дофином. В делегацию входили: Альбрехт — герцог австрийский, Альбрехт — маркграф бранденбургский и бургграф нюрнбергский, Яков — маркграф баденский и граф спонгеймский и Ульрих — граф вюртембергский. Эта делегация отправилась из Брейсгау в Эльзас и, как пишет хронист, в поле между Брейсгахом и Энсигсгеймом вела переговоры с дофином «о том, что им было поручено королем и также по их собственным соображениям»¹.

Император и князья, таким образом, не принимали всерьез решение нюрнбергского рейхстага об изгнании арманьяков силой. Нюрнбергское решение нужно было императору и князьям как козырь в самих переговорах с дофином, от которого они добивались более согласованной с ними политики и прежде всего — отказа от мира со швейцарцами. Об этом говорят письма Фридриха III Карлу VII от 21 декабря 1444 г.² и от «пасхальных дней» 1445 г.³ Главной же причиной принятия рейхстагом решения о мобилизации сил имперских чинов против арманьяков являлись большое возмущение, вызванное в народе бесчинствами арманьяков, и начавшаяся народная борьба против них. Принятием этого решения император и князь хотели обмануть народные массы и произвести впечатление, будто они сами принимают меры к изгнанию арманьяков, что, следовательно, народ должен ждать этих действий верхов и не вести партизанской борьбы. Однако, приняв решение в Нюрнберге, император и князья делали все, что могли, для того, чтобы оно не было приведено в исполнение.

Прежде всего, как мы уже видели, послана была делегация для ведения переговоров с дофином. Затем старались ослабить боевое настроение пфальцграфа, назначенного главнокомандующим и успевшего уже обратиться ко всем имперским чинам с требованием прислать в Шпейер, согласно решению рейхстага, войско и снаряжение. К пфальцграфу отправился один из членов указанной выше делегации — маркграф бранденбургский Альбрехт, который сообщил ему о составе и деятельности делегации, руководствующейся тем, что римский король стремится избежать пролития христианской крови. «И так долго, — пишет хронист, — маркграф Альбрехт совещался с герцогом Людвигом, что тот согласился прибыть в Мольсгейм на собрание для обсуждения положения, создавшегося

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 937. — «Do rittent sú uff trostunge in das velt zwüschent Brisach vnd Ensisheim zu dem Delfin, vnd vnderrettent sich mit jm, noch dem jn dann von dem Künige entpfolhen wart, vnd ouch nach dem ir meynunge was».

² F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 92—102.

³ J. Schilter. Ук. соч., стр. 944—945.

вследствие отказа курфюрста майнцского и других князей и господ дать свою долю помощи, согласно нюрнбергской разверстке, сделав ее, таким образом, шаткой»¹. Хронист, симпатизирующий пфальцграфу, заключает, что последний, хотя и поддался шантажу противников нюрнбергского решения, все же дал понять, что это будет его последняя попытка мирного соглашения с арманьяками об их уходе из Германии.

Господа видели свою задачу и в том, чтобы заставить Страсбург отказаться от боевой тактики и от содействия народной борьбе. В Страсбург прибыли курфюрсты кельнский и трирский с 60 вооруженными всадниками, которые потребовали, чтобы город принял советников французского короля, с которыми надо договориться о мирном уходе арманьяков из Германии. Город отверг это предложение и указал, что ведение в Страсбурге переговоров с такими злодеями, как арманьяки, произведет дурное впечатление в других городах. Два духовных курфюрста уехали тогда ни с чем². Вскоре в Страсбург прибыли князья — члены делегации, посланной в Брейсгау, и пфальцграф для обсуждения условий, которые должны быть предъявлены арманьякам. Чтобы затянуть переговоры, дофин уехал в Мемпельгардт, а в Страсбург прибыл аугсбургский епископ с извещением о том, что император Фридрих продолжает через своих делегатов переговоры с Карлом VII об уходе арманьяков. Угроза пфальцграфу приступить к реализации нюрнбергской разверстки не могла быть приведена в действие, заявляет хронист, вследствие наступления суровой зимы³.

Таким образом, как пфальцграф герцог Людвиг, так и город Страсбург были вовлечены в переговоры, которые сорвали попытку мобилизовать силу империи против арманьяков на основе решения рейхстага, точнее — которые разоблачили лживый характер этой видимости попытки. В обеих хрониках, опубликованных Шильгером, подчеркивается разочарование в народе этой тактикой и доверчивым отношением Страсбурга к князьям, ведущим переговоры. Автор первой хроники, указавший, что суровая зима помешала пфальцграфу осуществить свою угрозу о применении силы, добавляет: «Все же, если бы

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 938. — «Vnd daruff so rette nu Margraue Albrecht mit Hertzog Ludwig so vil, das er darinn gewillte, sich also zu eim tage gon Molsheim zu kummen, dodurch vnd besonder ouch deshalb das der Bischoff von Mentz vnd andere Fürsten vnd Herren die Hülff abgeseit, vnd nit vor in hetten dem volck helfen widerstand zu tun».

² Там же, стр. 937—938.

³ Там же, стр. 939. — «Als nu die zit sant Niclaus tag uff die derselbe anslag vollegen solt geriete nohen. Do geriete ouch der winter zu vallen, snygete vnd gefror so kalt, das weder lüte noch vihe sich im velde nit wol erneeren möhte, vnd wart also der anslag verzogen in den winter, das er der ge-früste vnd keilte halp gerwe wendig war».

князя и господа были все единодушны, то разверстка была бы осуществлена раньше. Но некоторые князья были между собою в таких раздорах и в такой вражде, что одни радовались вреду других и содействовали ему больше, чем собственной пользе»¹. А в простом народе, продолжает хронист, все это приписывалось тому, что на совещании, которое состоялось в Страсбурге, долго говорили о городах и обвиняли их в том, что они якобы стремились к истреблению всей знати, в то время как в действительности они хотели только наказания виновных по праву. В народе, таким образом, видели причину срыва организованной борьбы против арманьяков и в том, что знать считала такую борьбу опасной для себя, а города не сумели настоять на своем. Разочарование, которое царило в народе, особенно характеризует сообщение другого хрониста (Ш2) о результатах обращения пфальцграфа с призывом прислать в Шпейер войско и снаряжение согласно нюрнбергскому решению. Господа отказались от выполнения разверстки. Однако пока Страсбург и пфальцграф совещались с князьями, «в Швабии и Вюртемберге призвана была большая масса народа, которая собралась в Шпейере и затем направилась в Страсбург и, расположившись там лагерем, оставалась здесь много дней, ожидая герцога Людвига, который должен был сделаться их командиром. Но поскольку они увидели, что никто не желает заступиться за них, они ушли оттуда. Этим страсбургцы были очень недовольны»².

Население Страсбурга, очевидно, было недовольно тактикой своих властей, которые так равнодушно отнеслись к собравшемуся народу и продолжали бесплодные переговоры с дофином. Ничего не говорится в хронике о том, кем призван был народ в Швабии и Вюртемберге. Несомненно, однако, что в то время как князья и господа отказались от выполнения нюрнбергской разверстки, в Шпейер прибыло много народу вне всяких обязательств. Если бы речь шла о том, что некоторые из господ прислали людей по решению рейхсгата, это было бы оговорено хронистом³. Весь стиль сообщения говорит о том,

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 939. — «Doch werent die Fürsten vnd Herren alle einhellig gewesen, so were der anslag deste ee fur sich gangen, Aber es worent ettlich Fürsten spennyg vnd zweitrehtig miteinander, das jr einteil des andern schaden lieber hette gesehen vnd geschaffet gescheen dann sinen nutz».

² Там же, стр. 1008. — «Hinzwischen wurde in Schwaben vnd Württemberg ein gross volck aufgemant, die kamen zu Speyer zusammen, zohen auf Strassburg, lagen daselbst vil tag, vnd warteten auf Herzog Ludwigen, der ihr Hauptman sein solte, wie sie sahen, das niemand sich ihrer beehrte anzunehmen, zohen sie wider zuruck. Dessen die von Strassburg sehr vnwillig wurden».

³ Выражение «ein gross volck aufgemant» указывает на особый призыв — помимо рейхсгата.

что здесь собрался народ без знатных руководителей, который, столкнувшись с равнодушным отношением к его патриотическому порыву, разочаровавшись, ушел отсюда. Перспектива изгнания арманьяков при помощи такой стихийно собравшейся массы народа не устраивала ни правителей Страсбурга, ни пфальцграфа. Последний не только не приводил в действие своей угрозы о переходе к силе в случае затяжки переговоров, но и стал действовать вместе с курфюрстами Кельнским и Трирским и добиваться соглашения с арманьяками. Здесь сыграла роль не только собравшаяся в Шпейере масса народа, готовая к борьбе, но и развернувшаяся, как мы увидим ниже, в конце 1444 г. народная партизанская война против нашествия арманьяков. Хронист III рассказывает о действиях немецких господ в конце 1444 и начале 1445 гг. и об их отношении к арманьякам в обстановке развернувшейся народной войны следующим словами:

«При указанном саботаже разверстки и также в обстановке многочисленных слухов и диких событий, происходивших в сельских местностях, названные выше два архиепископа Кельна и Трира не отступили. Они так много старались и так долго действовали, что добились от французского короля и от герцога Людвига присылки в Трир в неделю перед Рождеством своих советников для детального обсуждения и выработки проекта соглашения, который должен быть представлен королю Франции и герцогу Людовику»¹.

Принятый при активнейшем участии пфальцграфа герцога Людвига трирский проект, содержание, которого указано в посланиях договаривавшихся сторон, предусматривал дальнейшее пребывание арманьяков в германских землях до 20 марта 1445 г. Арманьякам обещано было, что до истечения этого срока никто их не станет беспокоить. В запрещении нападать на арманьяков до истечения срока соглашения и заключалась цель обмена посланиями. В послании пфальцграфа и страсбургского епископа торжественно «доводится до всеобщего сведения», что «светлейший князь и господин Карл, король Франции, и светлый первородный сын его дофин» обещали позаботиться о том, чтобы их конное войско оставило землю немец-

---

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 939. — «In solchen obgemelten verzo-
gen der anlege vnd ouch in den manigualtigen reden vnd meren der wilden
loiffe so affterlande gignent, liessent doch die vorgeante zwene Ertz-Bi-
schöffe von Colne vnd von Trier nit abe, Sú suchtent vnd schuffent so vil in
den sachen, das der König von Franckrich vnd Herzog Ludwig beider sit
jr Rete uff ein Tag in der Wuchen nohet vor Winachten gon Trier zu jnen schi-
ckent, mit den sú es so verre brohtent, das doselbs troffen vnd begriffen
wart ein notell einer rihtunge uff anbringunge des Kuniges von Franckrich
vnd Herzog Ludwigs».

ких господ и их подданных к двадцатому марта. Затем после подробного изложения обещания французской стороны не наносить никакого вреда немецким городам, замкам, деревням и всяким владениям при уходе, следует и обязательства немецкой стороны: «И равным образом мы, герцог Людвиг и епископ (страсбургский.— *М. С.*) Рупрехт, и наше войско не будем нападать на те замки и города, в которых в предстоящее время до указанного выше срока чужеземный народ должен пребывать»¹. Второе обязательство пфальцграфа и страсбургского епископа заключается в том, чтобы не выступать ни с какими требованиями и не начинать войны против короля Франции и его сына за тот вред, который причинен был владениям и территориям немецких господ, поскольку это совершалось не по прямому распоряжению короля Франции².

Таким образом, самый казалось бы воинственный из немецких господ — пфальцграф Людвиг, которому немецкий историк Бартольд приписывает, наряду с городом Страсбургом, главные заслуги в освобождении германских земель от арманьяков, в действительности сдал все свои позиции, когда увидел поднявшуюся волну народного возмущения и народной борьбы. Как видно из приведенного послания, он, подобно другим немецким князьям, в разгар народной войны объявил о продлении пребывания арманьяков в немецких землях почти на три месяца и снял с французского двора и фактически с арманьяков ответственность за совершенные ими бесчинства и убийства. О соблюдении этих условий пфальцграф настаивал и перед магистратом Страсбурга.

Однако Страсбург не мог равнодушно наблюдать действия арманьяков и предательскую тактику князей, которые вели переговоры. Уже в октябре 1444 г. выяснилось, что арманьяки готовятся к походу на Страсбург. При помощи немецкой знати, находившейся при дофине, составлен был план вторжения арманьяков в Брейсгау южнее Страсбурга, у Рейнау, чтобы таким образом, обойти с севера те горные укрепления, которые занимали в южном Шварцвальде крестьяне. Среди населения Страсбурга все больше и больше брали верх элементы, требовавшие присоединения к народной борьбе. Из переписки

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 940.— «Vnd desglich sollent wir Hertzog Ludwig vnd Bischoff Ruprecht vorgeant vnd vnser volck die Slosse vnd Stette darinne das frömbde volck zu bliiben haben in denselben die zit als vorstot, ouch nit angriffen».

² Там же.— «Vnd wann dis ding von ordenunge des Küniges von Franckrich nit usgangen ist, so habent jm zu gefallen wir Ludwig vnd der Bischoff zu Strassburg, dem der schade von dem volck gescheen ist, globt für vns vnd vnser vnderton vnd vnser reisig volck, das wir von derselben schaden wegen dehein ansproch oder krieg wider den egenanten Herren den Künig von Franckrich vnd sin erstgebornen sun... haben wellent».

магистрата Базеля со Страсбургом можно видеть, как правителям Базеля приходилось оправдываться перед Страсбургом в том, что после заключения дофином мира со швейцарцами арманьяки стали свободно входить и выходить из Базеля и покупать в нем предметы питания и одежду¹. Оправдываясь, базельцы указали на то, что немецкие князья позорят Германию своим предательским ведением переговоров с арманьяками. 19 ноября 1444 г. базельский магистрат писал в Страсбург о том, что дофин с целью затяжки переговоров отправился к своему отцу, «а князья, удерживая чужеземные войска в стране, так позорно играют честью и благополучием Германии»².

Положение Страсбурга заставило в ходе событий даже его правителей порвать с теми, кто вел переговоры с арманьяками. Страсбург сделался впоследствии важным опорным пунктом участников партизанской борьбы с арманьяками, которая становилась в Эльзасе все более и более ожесточенной, особенно с наступлением холодов, когда отряды голодных арманьяков, успевшие уже уничтожить разграбленный ими богатый урожай, рыскали по деревням и мелким городкам в поисках крова и питания³. С октября — ноября 1444 г. речь шла уже и в Эльзасе не об отдельных актах народной мести, а о развернувшейся народной войне.

Хронисты приводят большой материал, характеризующий партизанскую борьбу крестьян и низших слоев горожан, развернувшуюся с особой силой с осени 1444 г., приведшую к перелому в тактике города Страсбурга и бюргерства других городов и даже в тактике отдельных представителей дворянства и превратившуюся в народную войну.

Хронисты записывали те события и эпизоды народной войны, которые были им известны и которые происходили в районе, доступном для их наблюдений. О некоторых событиях сообщают двое или трое хронистов, другие описаны только в одной хронике. Необходимо иметь в виду, что не все эпизоды попали в хроники. Вот что пишет автор первой из опубликованных Шильтером хроник.

«О том, сколько злодейских бандитов убито в страсбургском епископстве или близко от него и сколько коней у них отнято было,— об этом написано здесь ниже. Правда, событий этого рода, имевших место здесь и по соседству, было гораздо больше, но в данной книге они не описываются. Однако никто не может быть в курсе всех особенностей этих событий. Все, что в епископстве или поблизости от него происходило, большое или

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 973—976 сл.

² F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 85.

³ Там же, стр. 88. О богатом урожае в Эльзасе в 1444 г. см. хронику III, стр. 948.

малое, и автор, пишущий эту книгу, находил достоверным, все это было им здесь записано»¹.

Вслед за этим хронист описывает 47 эпизодов борьбы, которые стали ему известны из имевших место в указанном им районе от 17 октября 1444 г. до 25 марта 1445 г. Большинство этих эпизодов повторено у хрониста Ш2, в отдельных случаях с новыми, весьма интересными подробностями, но и во всех остальных случаях — в несколько ином варианте. Данные о количестве людей, участвовавших в описываемых операциях, не всегда совпадают. Очевидно, оба хрониста описывали известные им события независимо друг от друга. Продолжатели Кенигсгофена касаются только более крупных операций и в отдельных местах добавляют важные данные об их участниках. Они приводят также отдельные эпизоды, относящиеся к лету и осени 1445 г.

Все эти описания, составляющие, как заявляют об этом сами хронисты, только часть имевших место событий народной борьбы против чужеземных грабителей в Страсбургском епископстве, недостаточны для восстановления полной картины этой борьбы во всем ее объеме. Однако на их основании можно восстановить важные особенности и общий характер борьбы и выяснить ее значение в деле изгнания арманьяков из немецких земель.

По количественному составу группы борцов против арманьяков были самыми разнообразными. В большинстве случаев это были партизанские группы или отряды в 30, 40, 70, 100, 150, 200, 400 и больше человек; реже в 800 и 1000 человек. Многие группы возникали стихийно для совершения определенной операции, когда узнавали о предстоящем прибытии и прохождении частей чужеземцев или когда узнавали, что в каком-то близком пункте явилась какая-либо их группа с целью забрать урожай или вообще пограбить. О многих группах говорится, что они вышли совершать свои операции из Страсбурга; другие отправлялись из Шлетштадта или из других городов. Однако речь в таких случаях идет не о том, что эти группы состояли из страсбургцев или из шлетштадтцев, а только о том, что в этих городах, в которых скоплялись массы беженцев из деревень и мелких городов, занятых арманьяками, формировались

---

¹ J. Schilt er. Ук. соч., стр. 926—927. — «Aber wie vil der bösen lüte in dem Bistum von Strasburg oder nohe doby erslagen wurdent, vnd wie vil Pferd in angewonnen wart, dieselben stont des mererteils hie noch geschriben. Wiewol der geschichten gar vil me darinne vnd doby geschohent, die nit hie geschriben sint. Doch kunde nyeman derselben geschicht aller eigenschaft erfahren. Dann was der schreiber, der dis buch schreip, worhaftig erfant, das im Bistum oder nohe doby geschach, es were gross oder klein, das hat er also angescriben».

отряды и группы народных мстителей и возникали опорные пункты для групп, сформировавшихся в других местах. Здесь получали оружие; сюда же приводили во многих случаях пойманных арманьяков для народной расправы, большей частью для утопления. Сообщения о действиях партизанских групп заканчивались хронистами очень часто тем, что пойманные арманьяки были утоплены в Страсбурге. Это говорится и о тех группах, которые образовались не в Страсбурге.

«... Пешая группа из Кохерсберга поймала трех [арманьяков], которые были также утоплены в Страсбурге»¹. «Когда злодейские банды переправлялись через Сорру (Цорн?) в количестве 4000 конных, то кохерсбергцы поймали одного, который был утоплен в Страсбурге»².

Об одном большом отряде в 1200 человек, осуществившем важную операцию, взяв замок Марль (Марльгейм), говорится, что он отправился из Страсбурга и что он состоял из «вооруженных и невооруженных сельчан и бюргеров»³. Следовательно, данный отряд, образовавшийся в Страсбурге, состоял не только из страсбуржцев.

Тактика партизанских групп заключалась большей частью в организации внезапного нападения, часто из заранее занятой засады. Арманьяки бросали тогда все захваченное и награбленное вместе со своими лошадьми и телегами, бросали оружие и бежали в полном беспорядке. Только в редких случаях, когда нападавшие не проявляли достаточной храбрости, о чем речь будет несколько ниже, партизанская группа терпела поражение. На стороне партизан зачастую не было потери или их потери выражались в одном или нескольких раненых или случайно попавших к арманьякам. Вот, например, первое сообщение хроники III: «...около ста пеших кнехтов вышли ночью из города Страсбурга и из Бенфельда на Штоцгейм, заняли и сожгли передний двор вместе с несколькими находившимися в нем злодеями и конями, закололи 16 арманьяков и забрали 32 коня, хороших и плохих. Кнехты потеряли из своих товарищей одного, которого они сами нечаянно застрелили»⁴.

Описания хронистами крупных и мелких операций партизанских отрядов, групп и отдельных лиц дают непосредственное

---

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 927.— «So fingent die fussgondengesellen von Kochersberg drie, die wurdent ouch zu Strassburg ertrencket».

² Там же, стр. 934.— «...Als das böse volck wol mit iiiijM pferden uber die Sorre gezogen worent, do fingent die von Kochersberg jr einen, der wart zu Strassburg ertrencket».

³ F. J. Mone. Ук. соч., стр. 528.

⁴ J. Schilter. Ук. соч., стр. 927.

представление о характере народной борьбы против арманьяков. Нет необходимости приводить все относящиеся к этому сообщения. Достаточно упомянуть лишь отдельные эпизоды.

25 октября 1444 г. около 70 вооруженных людей вышли из Страсбурга в направлении на Бенфельд. Зайдя в деревню Сермерсгейм, в которой находились арманьяки, они обратили последних в бегство, перекололи около 30 человек и взяли в плен 9, которые были утоплены в Страсбурге. Затем, сообщает дальше хронист, около 150 пеших кнехтов отправились из Страсбурга на Гейстпольцгейм и спрятались в замке, ожидая отряда арманьяков, о котором стало известно, что он должен прибыть в ту же деревню. Другой хронист, сообщающий о том же эпизоде, говорит об отправившихся из Страсбурга не «около 150 пеших кнехтах», а «160 gesellen fussgenger». Несомненно, что и первый хронист под «fusskneht» имеет в виду не наемников, которых в другом сообщении называет «Soldnern»¹, а вооруженных в Страсбурге партизан. Укрывшийся в замке отряд партизан дождался отряда арманьяков в 800 человек, прибывшего в названную деревню за продовольствием. Партизаны следили за тем, как арманьяки нагрузили свои телеги и направились обратно. Когда большая часть телег уже выехала на дорогу, а остальные уже были готовы к отправке, партизаны из замка напали с криком на задние телеги, открыли по ним стрельбу, обратили противника в бегство, убив многих из арманьяков и захватив больше 200 лошадей. Многие арманьяки, убегая, попали в деревенский ров вместе с своими лошадьми и телегами. Партизаны отправили захваченных лошадей и отбитое продовольствие в занятый ими замок. Арманьяки, узнав о случившемся в Гейспольцгейме, направили туда крупные силы. Тогда засевшие в замке партизаны начали обстрел деревни с разных сторон и сожгли ее вместе со спрятавшимися в гумнах злодеями, из которых, таким образом, погибло больше ста человек. Остальные бежали оттуда, а партизаны вернулись в Страсбург с отбитым добром без потерь с одним только раненым².

Из этого рассказа видно, что крестьян Гейстпольцгейма не было в своей деревне, что арманьяки прибыли в пустую

---

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 927. В изложении эпизода, который здесь приводится, хронист сам несколько ниже называет участников операции не «fusskneht», а «gesellen».

² Там же, стр. 928.— «...vnd schussent ettlich fürpfile in die huser vnd schüren an vil enden, das das dorff anging vnd brant, vnd der bösen lüte vil in den schüren, die sich verborgen hettent, verbrantent, vnd verdurbent. Also, das jr me dann hundert in der geschicht zum tode broht wurdent... Vnd brohtent die gesellen die pferde vnd habe gon Strasburg, das jr keim nye kein schade geschach dann einer wart wunt...»

деревню, иначе партизаны не стали бы ее поджигать со всех сторон. Крестьяне, очевидно, находились тогда в Страсбурге или в занятом партизанами замке и участвовали в операции. Один из продолжателей Кенигсгофена, рассказывая об этом событии, приводит ряд других подобных случаев поджога деревень вместе с находившимися там арманьяками и заключает, что в операциях участвовали и партизаны из «жителей деревень», которым злодеи причинили много вреда¹.

О крупной операции, проведенной отрядом, вышедшим из Страсбурга и взявшим штурмом крепость Марль (Марльгейм) сообщают три хрониста. Хронист Ш1 пишет, что в отряде было около ста человек на конях, хорошо вооруженных, и около 1400 пеших «gesellen»². Хронист Ш2 называет такое же количество пеших, но пишет, что конных было около 200³. Согласно одному из продолжателей Кенигсгофена — в отряде всего было около 1200 человек пеших «вооруженных и невооруженных — сельчан и бюргеров» и 80 человек на конях⁴. Как видим, последний хронист указывает на два элемента, из которых этот отряд состоял, — крестьян и бюргеров — и на пестроту в вооружении. Первый хронист, подчеркивающий, что сотня конных была «хорошо вооружена», также намекает на то, что в отряде было много невооруженных и плохо вооруженных. Очевидно, массу невооруженных и плохо вооруженных составляла крестьянская часть отряда. Партизанский характер данной боевой единицы, образовавшейся в Страсбурге в декабре 1444 г., не подлежит сомнению. За небольшой сравнительно группой конных и вооруженных следовала пестрая толпа невооруженных людей.

17 декабря отряд начал штурм замка. Штурм был настолько сильным, что осажденные арманьяки запросили мира: они соглашались сдать замок, если им будет обещана возможность ухода из замка со своим имуществом⁵. Начались переговоры. Один из страсбуржцев взобрался на лестницу, приставленную к стене укрепления, чтобы договориться об условиях сдачи с командиром арманьяков, поднявшимся у стены с внутренней

¹ F. J. M o n e. Ук. соч., т. III, стр. 528. — «...Item dis detent ouch füßgenger — gesellen von dem lande, den sú ouch schaden hettent geton».

² J. S c h i l t e r. Ук. соч., стр. 930. — «zugent by den hundert Pferden wolgewopet, vnd wol XIII° gesellen zu fusse...»

³ Там же, стр. 1010. — «...zohen die von Strassburg aus mit 200 gerüsten pferden vnd 400 zu fuss vor Marlenheim...»

⁴ F. J. M o n e. Ук. соч., стр. 528. — «do zugent die von Strassburg auss mit zwolf hundert füßgenger, gewoffenet vnd vngewoffenet von lantlütten vnd burgern vnd mit ahtzig pferden vnd zugent gon Marle».

⁵ Там же. — «...also nú das stürmen so gross vnd so herte was vnd die in dem slosse sohent, das sú die burg nit behalten mohtent, do begertent sú eins friden an die statt, das man sú mit ir habe enweg liesse riten, so woltent sú das sloss uffgeben».

стороны. Но этот страсбуржец был предательски убит ударами железной оси по голове и упал мертвым в ров. Тогда разгневанный отряд штурмом овладел замком и приступил к справедливой расправе с вероломными арманьяками. Все, кто не спасся бегством, были убиты, независимо от того, кто он был — «благородный или нет»¹. Победившие никого не хотели брать в плен. 800 конных арманьяков, находившихся совсем недалеко от места событий и наблюдавшие штурм, «все же не осмелились подойти туда»². Партизаны забрали все, что могли увезти. Но награбленного арманьяками добра, главным образом — продовольствия, было так много, что пришлось большую часть его сжечь вместе с замком, чтобы оно не досталось врагам. Арманьяки в соседних замках, испугавшись за свою участь, сами убежали из замков в город Росгейм.

Сообщения хронистов о многочисленных мелких операциях партизан против арманьяков также весьма характерны. Некий Вальтер из Тана, узнав о предстоящем возвращении с «кормления» одного английского подразделения арманьяков, сформировал отряд и устроил засаду на дороге. Дождавшись врагов, отряд Вальтера напал на них внезапно с криком, обратил англичан в бегство, убив при этом восьмерых и захватив в плен двоих человек. Пеший отряд в 200 человек отправился из Страсбурга по направлению в Нижний Эгенгейм, имея с собою 40 зажигательных стрел, которыми были зажжены в шести местах окраины села. Быстрое распространение огня при сильном ветре привело к сожжению большого числа арманьяков, их лошадей и награбленного добра³.

Арманьяки, занимавшие Сан-Пельт, отправились по окрестным деревням грабить продовольствие. Когда они уже нагрузили все награбленное на возы и возвращались домой, на них внезапно напали шлейштадтцы с отрядом, обратив их в бегство. Так партизаны отбили у арманьяков 500 четвертей продовольственных продуктов⁴.

400 «gesellen» (партизан), отправившихся из Страсбурга на Вестгофен, настигли арманьяков и обратили их в бегство после

---

¹ F. J. Mone. Ук. соч., стр. 528.— «...do wart das volcke zornig vnd richtetent die busse an das thor vnd schussent das thor uff vnd liefent edel vnd vnedel vnd woltent keinen gevangen nemmen, vnd worent doch vil erlichen lüte vnder in in dem slosse, wol funfzig».

² Там же.— «...do hieltent, die vyende zwo acker lenge von Marle vnd sohent vnd hortent das gestürme vnd getorstent doch nit hintzu kommen mit aht hundert pferden».

³ J. Schilter. Ук. соч., стр. 929.

⁴ Там же.— «...Worent die Gecken so zu sant Pult logent, heruss in die Dörffer geritten fütern, vnd als sú uffgeludent vnd uff dem wege worent heim zu ziehen, do koment die von Sletstat zu fuss im velde mit eim uffsatz vnd mit eim geschrey an sú, das sú fluhent vnd die fruht liessent vallen...»

перестрелки, в которой они убили около 200 арманьяков и захватили четырех коней. Сами же партизаны потеряли только четырех человек, получивших ранения¹.

Действия отрядов и групп, продолжавшиеся в нарастающем темпе зимою 1444/45 г. и также в весенние и летние месяцы 1445 г., сделали невозможным пребывание арманьяков в юго-западных землях Германии. Банды чужеземных захватчиков и грабителей чувствовали себя окруженными народной ненавистью; народная месть преследовала их на каждом шагу. Арманьяков поджигали в захваченных ими деревнях, а убежавших ловили и бросали в Рейн. На дорогах устраивались засады, из которых совершались нападения на отдельные группы и обозы арманьяков, сделавшие для них чрезвычайно опасными все пути сообщения. Велика ли была или мала та или другая группа народных мстителей, она была сильна народным сочувствием. Тактика партизанских групп была рассчитана на поддержку широких масс народа. В этом и заключалось их основное преимущество. Только обстановкой народного сочувствия к партизанам и ненависти к чужеземным захватчикам можно объяснить, почему сильные и вооруженные части арманьяков почти всегда (по крайней мере — во всех почти случаях, о которых сообщают хронисты) бежали в беспорядке, услышав крик нападавшей из засады партизанской группы или увидев их знамя. Хронист Ш1 приводит случай, когда крестьянская группа из деревни Берггейм, отбившая городок Сан-Пельт, подверглась затем нападению превосходных сил арманьяков и вынуждена была бежать, потеряв значительное число людей убитыми. Однако тут же к разбитому крестьянскому отряду начали стекаться другие из той же деревни и из других местностей. Отряд, численно увеличившись, перешел в наступление, обратил «гекков» (т. е. пустыхщеголей, как презрительно называли арманьяков в народе) в бегство, вновь занял Сан-Пельт и вывез оттуда все зерно и вещи, которыми враг мог бы воспользоваться. Подозревая, очевидно, что в городке остались спрятавшиеся арманьяки, крестьяне сжигали каждый дом после вывоза из него всего зерна и всех вещей².

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 934.— «...worent vol iiijC gesellen von Strasburg vúr Westhouen an die Gecken kummen, mahtent sú darin flúhtig, Schussent sich mit jnen mit hantbüssen vnd mit armbrusten vnd brohtent jr by XX zum tode, vnd noment jn iiij pfert, vnd wurdent der gesellen vier wunt geschossen».

² Там же, стр. 932.— «Als zugent ettlich von Bergheim vnd andere dohin, vnd noment das in, do koment die Gecken jrem uffsatz nach wider dohin gerant, vnd erstochent der armen lúte ettwie manigen vnd mahtent die úberigen flúhtig. Als rufftent dieselben ander die jren zu Bergheim an ouch die von Rappoltzwiler vnd ettliche me, die zugent starck dohin vnd mahtent die Gecken flúhtig das sú wichent, vnd das den von Berg-

В обстановке народной войны арманьяки оказались перед лицом противника, с которым невозможно было справиться. Народные мстители нападали и на большие соединения врага. Тот же хронист сообщает о столкновении партизанского отряда с сильным отрядом арманьяков в 800 человек, в котором находился представитель их высшего командования — шотландец Монтгомери. Монтгомери был убит в завязавшейся перестрелке, и тело его, залитое вином, отправлено было на родину¹.

О силе партизанских групп можно судить и по следующему случаю, о котором сообщают три хрониста. Графы Яков и Вильгельм Лютцельштейны, подвергшись нападению арманьяков, обратились к городу Страсбургу за помощью. Страсбург направил против арманьяков находившиеся в его распоряжении силы народных частей, которые прогнали арманьяков². Борцы против арманьяков применили здесь тактику гуситов. Они построили в центре своего похода «вагенбург» из ста телег, взятых ими в Страсбурге³.

Обстановка народной войны лишила арманьяков возможности наладить какое-либо регулярное снабжение. Уже в декабре 1444 г. голод и отсутствие одежды привел многие их части в состояние разложения. Всякое серьезное сопротивление арманьякам могло рассчитывать на успех, потому что «даже там, где их было много, они уже не могли быть все на коне и иметь нужное вооружение, так как четвертая часть из них едва имела какое-либо вооружение. На одного хорошо вооруженного приходилось трое или четверо невооруженных, часть без всякого оружия, часть без обуви, без брюк или без головного убора в оборванном истрепанном платье, подобно всяким другим опустившимся бродягам, которые ходили летом и зимою голыми и оборванными, не имея ничего, кроме того, что добывали убийствами и грабежами»⁴. Так хронист характеризует

---

heim vnd von Roppoltzwiler das stettel Sant Pult inhendes wart, Die furtent daruss korn vnd husrat, vnd wan sú ye ein hus geleretent, so brantent sú es».

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 933—934, 1017.

² Там же, стр. 930—931.

³ Там же, стр. 1010.— «Da eilten ihnen die Gecken nach, aber die von Strassburg hatten bey 100 wagen bey ihnen, die liessen sie wie ein wagenburg vmb sich her führen, vnd waren bede grafen von Lützelstein, einer hinden der ander vornen mit den schutzen eingetheilt».

⁴ Там же, стр. 931.— «...vnd obe jr noch vil werent gewesen, so worent sú doch nit alle wol geritten, ouch nit alle wol gewopet. Dann das vierde teil hette kume harnsch. Wo einer utzit redelich erzüget was, so worent drie oder wier gantz vngerustet, ein teil on alle gewer, ein teil on schu oder on hose oder on kugelhut, in wüsten bosen cleider, glich als ander öde verloren buben, die naked vnd bloss summer vnd winter zit worent, vnd nitzit anders hettent, dann das sú mit jr mörderige vnd roiberige überkoment».

разложение банд арманьяков и добавляет, что в таком деморализованном виде многие арманьяки заполняли леса и лесные тропинки, нападали на отдельных крестьян, не имея оружия, при помощи злых собак¹.

Голод, на который арманьяки были обречены во многих пунктах, вследствие невозможности перевозить продукты питания по дорогам, сделался в ряде случаев важным фактором, определившим их судьбу. После стычки с крестьянами деревни Кестенгольд арманьяки овладели этой деревней и замком того же названия. Однако арманьяки вынуждены были оставить замок и деревню и уйти оттуда, вследствие того, что им там нечего было есть². Они питались тем, что грабили в близлежащих деревнях. Но эти грабежи вызывали усиление народной борьбы против них. Всякий выезд в деревню за продовольствием принимал характер военного похода, в котором ненавидимые грабители подвергались нападению партизанских групп, кончавшиеся в большинстве случаев, о которых сообщают хронисты, бегством арманьяков, потерями людьми и лошадьми и отнятием у них значительной части или всего награбленного. Кроме того, крестьяне, бежавшие в города, забирали с собою все, что могли, а остальное из обильного урожая 1444 г. уничтожали, чтобы оно не досталось арманьякам. Хронист сообщает, что арманьяки вовсе не имели доступа в эльзасские города, где некоторые продукты питания продавались. Особенно страдали арманьяки, бывшие «благочестивыми» католиками, во время поста, когда, лишённые доступа в города, они не могли доставать постную пищу. За одну селедку они готовы были платить 4 и 6 пфенигов. Они брали заложников и назначали за них выкуп селедками и другой постной пищей. Захватывая стадо овец, арманьяки возвращали потом каждую овцу за одну селедку. В конце концов они вынуждены были питаться во время поста найденными орехами³.

Важное значение имеет вопрос об основных движущих силах народной войны. Буржуазный историк середины XIX в.

¹ J. Schilt er. Ук. соч., стр. 931—932. — «...die Dorfflute, die do meindend sie kundent wol durch die welde heimlich wege gon... Daruff vnd dogegen so hettent die bösewilt vmb vnd vmb gar vil hunde, die vorent geheisset vnd gewenet, das sù die lûte in den welden nd vin dicken hûrsten suchetent...»

² Там же, стр. 932. — «...Darnach ritten die Gecken wider dannen und liessent das Sloss ôde ston, dann sù hettent nutzit me darinne zu essen, vnd es gerwe verwûstet».

³ Там же, стр. 948. — «Vnd in der Vasten hettent sù gross mangel an vast spise, das sù ein heringk für iiij oder vi pfennige koufften. Sù schetzten ouch ettlich gefangen vmb heringe vnd ander essen spise. Sù noment ouch ein herte schoffe vnd gobent die schoffe wider zu lösen, ye das schoff vmb ein hering. Sù fundent an etlichen enden vil nusse vnd bonen, die ohsent sù in der Vasten...»

Ф. В. Бартольд называет всю эту партизанскую борьбу «kleiner Krieg», поскольку официально никакой войны не было, и в это время даже велись переговоры князей и императора с французским королем и дофином. Хотя Бартольд и признает в известном смысле наличие народного восстания против чужеземцев¹, он старается вместе с тем представить бюргеров и мелких господ основной силой движения. Бартольд обычно не указывает источников, на которые он опирается и которые он не только толкует по-своему, но при этом сознательно видоизменяет и извращает. Вот, например, как он описывает действия отрядов, организованных в районе Шлетштадта в марте 1445 г. Когда в середине марта 1445 г. арманьяки стали собираться к уходу из Эльзаса, то организованы были отряды эльзасцев для того, чтобы предотвратить грабежи. Во главе стали люди из четырех городов — один из Страсбурга, один — из Шлетштадта, один — из Вейлера и один из Штейна. Руководителем всего дела был шлетштадтец, прозванный «Длинный Конрад». Бартольд пишет, что некоторые историки стали его называть «Армией арманьякской войны». Эти отряды, расположившись на путях отхода арманьяков, организовали против них военные операции: многих убили и взяли в плен, захватив также большие трофеи. У арманьяков было отбито много знамен, в том числе и знамя, отнятое арманьяками у швейцарских крестьян в битве 26 августа 1444 г. под Базелем. Эльзасские отряды вернули много награбленного арманьяками имущества и благодарили бога за то, что он «дал победу голым и безоружным против хорошо вооруженных и опытных в боях кавалеристов»².

Бартольд не комментирует последних приводимых им слов благодарственной молитвы, которые могут иметь значение при выяснении основного социального ядра эльзасских партизанских отрядов, и говорит просто, что они состояли преимущественно из горожан. Однако источники не представляют этих отрядов столь однородными по своему составу.

Из трех хронистов, которые пишут об этой операции, один (Ш2) сообщает об образовании участвовавших в ней отрядов только то, что всего собралось здесь 500 человек, взявших себе четырех командиров из указанных городов. Однако, указав на огромную массу отбитого у арманьяков добра, среди которого было 60 тыс. гульденов наличными деньгами и серебряной посуды стоимостью во много тысяч гульденов, этот хронист пишет, что «бедные товарищи», участвовавшие в этой операции, весьма разбогатели, чего все желали им за их храбрость, и к тому же они возвращали каждому из своих «сограждан» его

¹ F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 72—75.

² F. W. Bartold. Ук. соч., стр. 116—117.

вещи, если только он смог представить хорошие доказательства¹. Из этих скудных данных все же видно, что речь идет о бедных «gesellen», собравшихся со всего района. Другой хронист (Ш1) яснее подчеркивает это обстоятельство. Против 8000 арманьякских кавалеристов, которые должны были пройти через горный район, выступило около 500 кнехтов, собравшихся со всей округи. Они назначили себе четырех командиров из четырех городов, «несмотря на то, что кнехтов, собравшихся с округи, было больше, чем из названных четырех городов»². В конце рассказа, после подробного описания этой героической операции при столь неравных силах и после перечисления отбитого добра и количества убитых арманьяков, среди которых было много князей и рыцарей, — хронист пишет: «... а товарищи, проводившие эту операцию, не имели никаких потерь, за исключением нескольких легко раненых. Это показывает, что сам господь бог помогал им победить хорошо вооруженных воинственных кавалеристов, в то время как сами они в большинстве своем были бедными голяками и невоенными кнехтами»³.

Еще яснее выражается третий хронист — один из продолжателей Кенигсгофена: «В год 1445, в четверг 25 марта, объединились и собрались 500 товарищей из Берггейма, Шлетштадта, Страсбурга, Леберской долины, Вейлерской долины и всей земли округи»⁴. Нет, таким образом, никаких сомнений в том, что эти отряды, сформировавшиеся в марте 1445 г. в Страсбург-Шлетштадтском районе, состояли в основном из крестьян округи и из бедных людей городов. Подводя итоги всей арманьякской войне 1444—1445 гг., другой продолжатель Кенигсгофена весьма выразительно подчеркивает роль крестьянства

---

¹ J. S c h i l t e r. Ук. соч., стр. 1018—1019. — «...Sie eroberten auch 9 stuck grosse Büchsen auf Rödern, vil wägen mit kriegsrüstung vnd für vil tausent gulden werth silbergeschirr vnd 60 tausent gulden bar geld, davon dise arme gesellen sehr reich wurden, welches ihnen jederman sehr wohl gönnete, weilen sie sich so dapfer gehalten hatten, vnd demjenigen ihrer mitburger, der gut wortzeichen bringen konte, das seinige wider gaben».

² Там же, стр. 935. — «Als die Gecken wol mit viijM. pferden vnd mit irem gezüge durch das Lebertal zugent, do hettent sich by Vc kneht zu fuss vmb vnd vmb zusammen geton vnd jn vier houbtman gemacht, nemlich einer von Strasburg, einer von Sletstat, einer von Wiler, einer von Stein, wiewol die kneht sust vmb vnd vmb har worent, me dann von den egeant vier enden».

³ Там же, стр. 936. — «...vnd geschach der gesellen die die geschicht dotent kein schade, dann jr ettlicher wart wunt doch nit schedelich, das ist ein zeichen das jn vnser herre Gott selbs halff, die wolgewopeten streitbaren reitsigen lüte überwinden. Dann die kneht des merer teils alle arm nackete unherzugete kneht worent».

⁴ F. J. M o n e. Ук. соч., т. III, стр. 529. — «Do man zalte MCCCCXLV jor in der palmwochen vff donrestag (25 März), do hatten sich zusammen gemacht vnd gesammelt V hundert gesellen von Bergheim, Sletstatt, Strassburg, Lebertale vnd Wilertale, vnd in dem lande dovmbe...».

в борьбе против арманьяков. 15 сентября 1445 г. 400 арманьяков напали в Зундгау на три деревни, стали грабить и собирались увезти с собою скот и людей. Когда об этом узнали в окрестности, ударили во все колокола, и народ стал стекаться на борьбу с грабителями. Арманьяки увидели это и стали разбегаться, оставив людей и награбленное имущество. Народ, который собрался стихийно в отряд, состоял из пеших и конных. Преследовать убежавших арманьяков могли только конные, в то время как пешие не смогли этого делать, особенно ввиду дождливой погоды. Настигшие арманьяков люди на конях убили около 200 мародеров (Schinder) и забрали их лошадей. Из хроники видно, что масса пеших, которая не сумела преследовать арманьяков, состояла из крестьян. Хронист заключает: «Если бы крестьяне подоспели во время, то их (т. е. арманьяков.— М. С.) было бы переколото гораздо больше. Они своими грабежами и пожарами нанесли в Верхнем Эльзасе огромный убийственный вред. Поэтому крестьяне считали их своими злейшими врагами, и там где крестьяне их настигали, они никого не брали в плен, а кололи всех на смерть — благородных и неблагородных»¹.

Бартольд обращает внимание на участие в народной войне и рыцарей. Хронист III2 перечисляет рыцарей, которые действовали с народом, и называет их «честными», что указывает на исключительный, а не общий характер таких случаев. Об отдельных таких случаях сообщают и другие хронисты. Однако тот же продолжатель Кенигсгофена, написавший итоговую главу арманьякской войны, пишет: «Надо иметь в виду: если бы знать отнеслась к делу изгнания арманьяков из верхних земель так же серьезно, как и крестьяне, то мародеры не оставались бы так долго в этих землях. Но знать,— продолжает он,— во всех землях, где находились арманьяки, не содействовала изгнанию, поскольку они (т. е. арманьяки.— М. С.) были приведены сюда знатью. И поэтому ведь многие знатные в этой земле погибли»².

Если отдельные дворяне присоединились на последнем этапе к народной войне, то еще больше дворян и знатных погибло

¹ F. J. M o n e. Ук. соч. стр. 533, § 40.— «...werent die geburen in zyt kommen, so wer ir vil me erstochen worden, wanne sú grossen mörlichen schaden hattent geton in dem Ober-Eilsass mit rôben mörden vnd brande. Vnd darumbe warent in die geburschafft ouch gar veyent, wanne wo die geburen an sú koment, do nomend sú keinen gefangen vnd erstachet sú alle zú tode, edel vnd vnedel».

² Там же.— «Item man sol wissen, wer' dem adel also ernst gewesen über die schinder in dem oberlande also der gebureschafft, so möhtent die schinder nit also lange in dem lande sin bliben. Aber der adel dett nit vil darzü an allen enden, wo sú logent, wanne sú durch den adel worent in das lant kommen. Darumbe doch manig edelman in disem lande verdorben ist».

в этой войне от руки народных мстителей как предатели, навлекшие на страну такую беду. Один из продолжателей Кенигсгофена пишет: «И виновниками этого величайшего истребления людей являются король Фридрих Австрийский, его брат герцог Альбрехт и господа и князья немецкой земли, которые подали королю такой совет против крестьянства»¹. И дальше: «Надо также иметь в виду: если бы князья и господа на Рейне и в Вюртемберге и другие господа в немецкой земле действовали бы в этом деле так, как крестьяне, то дофин был бы вынужден сразу очистить страну»².

Эта последняя сентенция звучит весьма наивно, особенно — в устах того, кто сам признает, что господа и князья привели сюда арманьяков. Однако хронист-современник энергично выделяет крестьянство как основную силу народной войны против арманьяков. Как во всякой народной войне, к крестьянам присоединились частично и имущие элементы. Однако на первом месте, наряду с крестьянами, выступали городские низы, те «голые и безоружные» из Страсбурго-Шлетштадтского района, которые отбили награбленные огромные богатства у арманьяков в марте 1445 г. В отрядах этого района возникла борьба по вопросу, нужно ли все эти богатства вернуть прежним их обладателям, т. е. богачам, как это решили руководители четырех городов. «Дело дошло, — пишет хронист, — до настоящей войны»³.

Роль Страсбурга в народной войне против арманьяков была весьма значительной. Однако решающее значение для успеха этой борьбы имел большой народный подъем. Нам уже известно, как горячо отзывался народ на призыв пфальцграфа Людвига собраться в Шпейере для борьбы с арманьяками. Массы народа из Швабии и Вюртемберга, собравшиеся в Шпейере, разошлись, разочарованные тем, что пфальцграф, участвовавший в переговорах с дофином, не явился к ним, чтобы повести их на бой. Неудивительно, что массы принимали руководство Страсбурга, когда тот, оставив переговоры с князьями, становился на путь борьбы. Особенность ситуации заключалась здесь в том, что крестьянско-плебейские массы, составлявшие ядро народного сопротивления чужеземным грабителям, скло-

---

¹ F. J. M o n e. Ук. соч., стр. 533, § 41. — «...haran ist schuldig an diesem grossem morde, der an mengen menschen geschehen ist, Künig Friederich von Oesterich vnd sin bruder, Herzog Albreht, vnd die herren vnd fürsten in Tütschem lande, die disdem Künige geraten hant wider die geburschafft...»

² Там же. — «Man sol ouch wissen, hettent die fürsten vnd herren uff dem Rine vnd Wurtenberg vnd ander herren in Tütschem lande darzu geton, also die gebureschaft, so müste der Telfphyn balde das lant gerümet han».

³ F. J. M o n e. Ук. соч., стр. 529, § 34.

нили и Страсбург, и Шлетштадт, равно как и другие более мелкие города Эльзаса, присоединиться к общенародной борьбе.

В высшей степени интересно сообщение хронистов об объединенных действиях крестьян Брейсгау с народными борцами Эльзаса против арманьяков. Чтобы понять обстоятельства этих совместных действий, необходимо вспомнить сообщение двух хроник о переходе арманьяков через Рейн в октябре 1444 г. между Лауфенбургом и Вальдсгуттом. Нам уже известно, что эта попытка арманьяцкого генерала де Коммерси проникнуть в глубь Брейсгау была отражена шварцвальдскими крестьянами, занявшими всю линию горных укреплений южного Шварцвальда и отбросившими чужеземцев обратно за Рейн. Арманьяки на этом не успокоились. Несколько недель спустя их отряд пришел в принадлежавший страсбургскому епископу Маркольцгейм. Должностное лицо епископа сдало городок и замок «миром». Отсюда арманьяки отправили послание к старосте городка Рейнау (южнее Страсбурга) с требованием сдать им город и замок, так как они хотели перейти Рейн в этом пункте. Таким образом, арманьяки, которым раньше не удалось проникнуть в Брейсгау с юга из-за сопротивления шварцвальдских крестьян, хотели обойти южный Шварцвальд и проникнуть в Брейсгау севернее в районе Рейнау. Требование арманьяков было отклонено. Горожане ожидали помощи из Страсбурга, которая действительно тогда пришла и воспрепятствовала арманьякам осуществить свой план. Кроме того, пишет хронист, требование это должно было быть отклонено потому, что если бы арманьякам удалось овладеть в районе Рейнау рейнской переправой, то дофин воспользовался бы ею для нанесения большого вреда на той стороне Рейна¹.

Таким образом, сопротивлявшиеся в Эльзасе имели в виду не только узко местные интересы, а думали и о том, чтобы предотвратить действия арманьяков за Рейном. Следовательно, между левым и правым берегами Рейна, между Эльзасом, Баденом и Брейсгау существовал контакт в деле борьбы с арманьяками. В этой связи приобретает особый интерес сообщение другого хрониста о крестьянских отрядах, которые образовались в декабре 1444 г. в Брейсгау и которые в том же пункте, у Маркольцгейма, переправились на левый берег

---

¹ J. S c h i l t e r. Ук. соч., стр. 1004. — «Sambstag vor Michaelis kamen sie vor Marckelsheim, dem Bischoff von Strassburg zustendig, forderten solches auf... Von dar schickten sie zu dem Schultheissen gen Rhinaw vnd begeherten an denselben, dass er Statt vnd Schloss aufgeben solte, aber es wurde ihnen abgesehen, weilen die so darinn lagen sich auf die versprochene hülff verliessen, dann besorgte sich wann der Dauphin sich dises pass über Rhein bemächtigen solte, dass er sich dessen missbrauchen, vnd jenseits Rheins grossen schaden thun würde».

Рейна для борьбы с арманьяками. «В среду после святого Рождества,— пишет хронист,— много крестьян из Кайзерштуля и его района на той стороне Рейна переправилось через Рейн в районе Маркольдгейма. В первый раз их было 630. Они пришли в одну деревню, где арманьяки собирались устроиться на кормление, обратили этих арманьяков в бегство, застрелили шесть человек из них до смерти и отправились на [Шлетштадт]¹. В тот же день из-за Рейна прибыл еще один отряд, состоявший из ста «gesellen», которых автор хроники в дальнейшем именует крестьянами (geburen). Этот второй отряд хотел присоединиться к первому. Однако, не проявив нужной храбрости, второй отряд потерпел поражение от небольшого конного отделения арманьяков.

Как видим, среди брейсгауских крестьян были такие, которые сознавали связь событий на левом берегу Рейна с их собственной судьбой и стремились принимать участие в изгнании арманьяков и из Эльзаса. Еще в середине октября 1444 г., т. е. сразу после того, как шварцвальдские крестьяне отбросили арманьяков обратно за Рейн, 4 тыс. крестьян из Эльзаса, Бадена, Брейсгау и некоторых мелких территорий юго-западной Германии объединились без ведома своих господ в союз «Башмака», начавший борьбу против арманьяков. Приведенное выше место из Констанцской хроники вместе с сообщениями двух хроник, найденных Шильтером, о согласованных и совместных действиях крестьян Эльзаса и Брейсгау в ноябре и декабре 1444 г. свидетельствует о длительном и организованном характере этого контакта. Начало этому контакту положено было организацией союза «Башмака», знамя которого предназначено было, как и в 1439 г., когда оно было поднято впервые,— для объединения всех противников общего врага. Но осенью 1444 г. «Башмак» был уже знаменем союза крестьян. Ему было придано более широкое и общее значение символа единства народных интересов и народной борьбы на сравнительно большой территории разных господ и князей. В высшей степени важным в этой связи является сообщение хрониста Ш2 о том, что и партизанские отряды Эльзаса, центром которых являлся Страсбург, также выступали со знаменем с изображением башмака.

«В тот же вечер (дня св. Мартина, т. е. 8 ноября.— М. С.) страсбургцы отправили населению Мутцига и Зульда восемьсот человек, на знамени которых имелось [изображение] распя-

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 931.— «...vff Mitwuche nach dem Heiligen Winaht tage zugent ettwie vil geburen von dem Keiserstul vnd in der gegene jhenesite Rines by Marckoltzheim über Rin, nemlich jr Sehs-hundert vnd drissig erstmols, die komet in eim dorff an die Gecken, do sü fütern woltent, vnd mahtent sú flühtig, erslugen vnd erschussent jr by sehs-sen zu tode, vnd zugent gon Sletstat...».

тия господня, богородицы и башмака. Когда гекки узнали об этом, они разбежались. Тогда страсбургцы сожгли две мельницы и отправились обратно, убив двух гекков»¹.

На той же странице, после сообщений о нескольких мелких и более крупных операциях, сообщается о большом отряде в 1000 человек, посланном из Страсбурга в городок Ванген, во главе которого стоял Рудольф Барпфениг, страсбургский бюргер, участник борьбы против арманьяков в 1439 г. Этот отряд отправился «со знаменем богородицы» (mit vnserer Frawen Paner). Арманьяки и здесь, увидев знамя народных борцов, бежали. Прибывший отряд сжег Ванген, оставив в целости замок². Из описания другого хрониста видно, что отряд Барпфенига состоял из крестьян, которые, заняв замок, перевезли туда из города все имущество, оставленное бежавшими арманьяками, и сожгли больше половины города для того, чтобы «злодейские банды» не могли больше превратить его в опорный пункт для отвоевания замка, обеспеченного людьми и вооружением³. Таким образом, мощный крестьянский отряд, пришедший со своим знаменем и имевший командиром страсбургского бюргера, не ограничился тем что заставил арманьяков бежать из Вангена, но постарался превратить замок в укрепленный опорный пункт народного сопротивления. Этот хронист (Ш1) не упоминает о знамени, которое имел с собою крестьянский отряд. Характерно, что и тот хронист, который пишет о знамени (Ш2), в данном случае не описывает имевшиеся на нем изображения, называя его просто — «vnserer Frawen Paner». Всего вероятнее, что хронист имеет здесь в виду то знамя, подробное описание которого дано им выше на той же странице, т. е. знамя «Башмака». Но если допустить, что в данном случае на знамени не было изображения башмака, то это по существу не меняет дела: знамя должно было иметь то же значение знамени народной борьбы против общего врага.

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 1009.— «Disen abendt schickten die von Strassburg denen von Mutzig vnd Sultz 800 mann, die hatten in ihrem fahnen vnser Herren Martel, unser Fraw vnd ein bundschuch. Da das die Gecken erfuren, wichen sie, da zündeten die Strassburger zwo Mühlen an, zohen widerum nach hauss vnd erschlugen 2 Gecken».

² Там же.— «Freitag hernach zohe Herr Rudolff Barpfenning von Strassburg auss mit 1000 mannen nacher Wangen mit vnserer Frawen Paner, vermeinte die Gecken in Wangen zu erwischen, aber sie wichen darauss, da namen die Strassburger alles, was die Gecken hinder sich gelassen, vnd verbranten die Statt ohne das Schloss».

³ Там же, стр. 929—930.— «...vnd fluhent die geburen in das Sloss, Als noment sú in der Stat husrat, vihe vnd vihehüte was dann das volck darinne hette gelossen, vnd stiessent die Stat an, vnd brantent sú me dann valber abe vmb das das böse volck kein leger me darinne solte haben, vnd möhtent dem Slosse nit angewynnen. Dann es was wol besat mit lüten vnd geschütze...».

О наличии знамени с изображением «Башмака» хронисты не всегда считали нужным сообщать. Следовательно, по хроникам не всегда можно установить случаи поднятия участниками народной войны с арманьяками своего знамени.

Несмотря на то, что уже выяснились широкие планы французского двора в отношении юго-западных земель Германии, император и немецкие князья старались всеми средствами задержать арманьяков в стране, считая, что их изгнание приведет к ослаблению позиций знати в борьбе с крестьянским движением. Энергичная борьба крестьян Шварцвальда, Зундгау и Эльзаса оказала решающее влияние на позицию эльзасских городов и заставила присоединиться к народной борьбе и отдельных представителей знати. В результате развернувшейся народной войны арманьяки вынуждены были оставить осенью 1445 г. юго-западные земли Германии.

История арманьякской войны 1444—1445 гг. показывает ту обстановку, в которой возник первый известный нам союз «Башмака» в юго-западной Германии и бросает свет на его характер и политическое значение. После возвращения Габсбургов на императорский трон и особенно в первые годы царствования Фридриха III немецкая знать стремилась использовать австро-швейцарскую борьбу для подавления крестьянского движения, принявшего в юго-западных землях чрезвычайно серьезный характер. Уже с начала века и особенно с последних лет гуситских войн обнаружилась тенденция к возникновению на почве местных конфликтов союзов крестьян и к расширению района их борьбы. Уже в крестьянском восстании 1431 г. у Вормса князей и господ поразил, по словам Бецольда, факт образования союза крестьян наряду с союзами городов и рыцарей. Бецольд не объясняет, почему в кругах господствующего класса были так потрясены этим обстоятельством. Он не останавливается на коренном отличии союзов народных низов от других объединений. В то время как городские и рыцарские союзы, возникавшие на почве политической раздробленности Германии, преследовали цели охраны интересов своих корпораций в рамках существующей территориальной системы, союзы крестьян неизбежно сталкивались с самой основой этой системы — с княжеской властью. К тому же существовала угроза вовлечения в крестьянскую борьбу против князей оппозиционных к княжеской власти элементов в городах. Вот почему задача подавления крестьянских движений рассматривалась немецкой знатью юго-западной Германии как первоочередная задача, для осуществления которой они вошли в тесный контакт с австрийской политикой против Швейцарии. После первого призвания арманьяков некоторыми эльзасскими господами в 1439 г. подготовка к борьбе против швейцарцев

и к призыванию большой армии арманьяков предпринята была уже в 1443 г. Шлингенское восстание произошло в ответ на усиление налогового нажима на крестьян, произведенного с целью поддержки этой намеченной Австрией и немецкой знатью реакционной политики. Самый факт выступления крестьян под знаменем «Башмака» для оказания сопротивления новым поборам не был уже, как нам известно, беспрецедентным. Однако базельский епископ и другие господа, связанные с австрийской политикой, увидели в этом начало крестьянского сопротивления плану господ в предстоящей борьбе. Поднятие символа крестьянского единства с призывом объединиться вокруг него «всем, кто против господина», представлялось особенно опасным именно в данной обстановке подготовки общего подавления крестьянского движения в землях юго-западной Германии. Поэтому среди господ, принявших участие в подавлении этого восстания, были активные проводники указанной политики немецкой знати и прежде всего — Буркард Мэнх из Ландскрона, роль которого в ускорении прихода арманьяков в Германию нам уже известна. Нам также известна проникнутая ненавистью к крестьянам деятельность этого и некоторых других рыцарей, которые считали задачу подавления крестьян первоочередной, ради которой они готовы были поступиться интересами и честью народа.

История арманьякской войны показывает антикняжеское и, следовательно, особое политическое значение, которое получило крестьянское движение в германских условиях. После изгнания арманьяков продолжался контакт между горожанами и крестьянами, выражавшими свою готовность к совместным энергичным действиям против чужеземных грабителей и в дальнейшем. Когда после ухода арманьяков получены были сведения о намерении дофина повторить поход в немецкие земли, то, как сообщает хронист III², началось такое массовое стечение народа в Страсбург, которое приняло характер настоящей давки¹. Вместе с тем наблюдалась активность Страсбурга в борьбе против тех господ, которые особенно усердно помогали арманьякам. Страсбургом организованы были походы против фон Лупфена, ландграфа штюлингенского, и Иоанна фон Финстингена². Как пишет Бартольд, в Базеле после изгнания арманьяков одержали верх противники рыцарских родов. Там же был составлен список всех окрестных господ, которые были связаны с арманьяками и которые не могли быть приняты

¹ J. Schilter. Ук. соч., стр. 1019. — «Als der Delphin noch in Welschland lage, kame Botschafft ein, wie dass er wider herauss wolte, da wärd wider ein solches flehen nach Strassburg, dass man schier einander verdruckte».

² Там же, стр. 1020.

поэтому в городское бюргерство. Против этих господ обращена была во всем Зундгау месть народа, который разрушал их замки. Бартольд пишет также о неблагоприятности, которая царил в народе Зундгау к швейцарцам. Причиной этого было, очевидно, чувство разочарования тем, что швейцарцы заключили мир с дофином, оставив своих союзников без помощи.

«Башмак» как знамя крестьянской борьбы появился, таким образом, тогда, когда крестьянское движение в юго-западной Германии показало свое широкое общенародное значение. Появление этого знамени, означавшего обращение к широким кругам, объединенным общностью интересов, и содержавшего в себе призыв к выходу за местные рамки, связано было с тем, что в юго-западной Германии, т. е. в землях с преобладанием мелких территорий, вовлеченных в сферу габсбургской политики, больше чем где бы то ни было в другом месте, всякое антифеодальное выступление крестьян принимало антикняжеский характер. Это значение и характер знамени «Башмака» видела прежде всего и сама немецкая знать, которая через 15 лет после арманьякской войны могла убедиться в этом еще раз. В 1460 г. крестьянство Гегау подняло восстание во время войны швейцарцев с австрийским герцогом Сигизмундом, закончившейся завоеванием швейцарцами всего Тургау¹.

Единственным источником по истории этого восстания является обращение 18 представителей гегауской и верхне-швабской знати к аугсбургскому епископу за помощью против восставших крестьян. Среди подписавших обращение мы встречаем господ тех владений, названиями которых пестрят как история Швабского союза, так и история Великой крестьянской войны. Наряду с графом фон Лупфеном, ландграфом штюлингенским, имя которого нам уже знакомо по арманьякской войне², мы видим здесь графа фон Варденберга, графа Фюрстенбергского, рыцаря Трухзеса фон Вальдбург, потомок которого выступит главным палачом крестьян в 1525 г.³

Требования крестьян, восставших в Гегау в 1460 г., приводимые в данном обращении, свидетельствуют о том, что их первоначальная цель заключалась в борьбе против начавшегося сеньерального наступления на старые права крестьян, против первых актов сеньеральной реакции. «Цель «Башмака», — говорилось в приложенной к обращению записке, — заключа-

---

¹ T. v. Kern. Der Bauernaufstand in Hegau 1460. Zeitschrift der Gesellschaft für Beförderung der Geschichts-, Altertums- und Volkskunde, 1-ter Band, Freiburg i. Breisgau, 1869. S. 107 ff.

² Интересно отметить, что внук графа фон Лупфен был первым, на которого обрушился гнев крестьян во время Великой крестьянской войны.

T. v. Kern. Ук. соч., стр. 118—122.

лась в том, чтобы [впредь] выполнять для господ обычные полагающиеся работы, а не те, которые они захотят. Господа не должны ни штрафовать, ни заключать кого-либо в тюрьму иначе, как по праву»¹. Затем следует требование, направленное против повинности, связанной с усилением личной зависимости и распространением крепостного состояния, т. е. против специальных посмертных поборов с наследства². Если господа удовлетворяют эти требования, то они намерены давать им все чинши и платежи и выполнять те работы, которые они обязаны по праву³. В том случае, если умеренные цели крестьян не будут удовлетворены, то будут выдвинуты другие, более далеко идущие цели, затрагивающие основы всех крестьянских повинностей. Авторы обращения пишут, что у восставших имеются «еще статьи, которых мы до сих пор не могли узнать и которые, как нам представляется, полностью направлены против знати»⁴. Они утверждают, что дело не ограничится здесь первыми скромными целями, что с развитием движения на карту будет поставлена судьба всех господ, всей знати и всего существующего порядка. «Если это возьмет верх,— говорится в самом обращении,— то надо опасаться, что мы и все наши будем подавлены, в результате чего подавление и изгнание постигнет всех немецких князей, господ, рыцарей и вассалов,— всех почтенных состояний и всего христианства»⁵. Опасностью свержения власти господствующего класса феодальной Германии авторы мотивируют необходимость помощи аугсбургского епископа. Без этой помощи, говорится еще раз, мы и все наши будем подавлены, а это «приведет к чувствительному ущербу и недопустимому положению для вашей милости, для всей знати и всякого «почтенного звания» (allem adell und erbarkait) и всего христианства».

Из текста обращения видно также, почему авторы его так широко оценивают данное выступление крестьян. Дело не

¹ Т. v. Керн. Ук. соч., стр. 121.— «Das man den herrn gewöhnlich pillich dienst thun sol und nit was sie wöllen. Item das die herren kainen armen straffen twrn noch fahen süllen dann mit recht».

² Там же.— «...das ye ein frewnt den andern erb an den rechten hawptfall».

³ Там же, стр. 122.— «...Wöllen die herrn sölchem nach k'men, so soll man ine ir zinsz und gültt geben und dienst thun wie man in von recht schuldig ist».

⁴ Там же.— «...noch sind artickel, die wir pis her nit haben kunnen erfarn und die als uns bedunckt, vast wider den edel sein süllenn».

⁵ Там же, стр. 120—121.— «...soll das über handt gewinnen, so ist zu besorgen, das wir und ander die unsern gedrunge werden, dar durch allen dewtschen fursten, herrn, rittern und knechten, aller erbarkait und der gemaynen cristenhait nyderdruckung und vertreiben werdt entsten...».

в самих требованиях и не столько в скрытых в них угрозах углубления движения, сколько в форме восстания и его связях, указывающих его далеко идущие и опасные тенденции. Подчеркивается стремление крестьян к распространению восстания под знаменем «Башмака». Некоторые наши крестьяне из деревень, говорится там, по собственной свободной воле отправились в Шафгаузен. В этом городе они изготовили знамя с изображением плуга и башмака. Затем они отправили человека с шафгаузенскими ружьями в город Энген и в деревни округи с приглашением прислать от каждого конца по два человека из наиболее видных лиц для обсуждения дела. В результате всех этих действий и сформулированы были требования восставших¹. Основное внимание господ, авторов обращения, устремлено на тенденции восстания к распространению и на его опасные связи. «Восставшие чрезвычайно усилены содействием, помощью и советами со стороны Шафгаузена и кнехтами других союзников, которые, как можно себе представить, вполне согласны с этими действиями². Чтобы понять особые мотивы господ, стремившихся прежде всего к изоляции крестьян, необходимо иметь в виду, что данное восстание геггауского крестьянства имело место во время борьбы Тургау с австрийским герцогом Сигизмундом. На стороне герцога Сигизмунда и в его войске была вся геггауская и клеттгауская знать, высшие представители которой являлись авторами рассматриваемого документа. Этот союз геггауской и клеттгауской знати с австрийским герцогом продиктован был враждебным отношением к этой знати населения Геггау и Клеттгау³. Феодалы этих земель рассматривали союз с австрийским герцогом как союз с такой силой, которая может оказать им помощь в борьбе с крестьянством и городами своих же земель. Мотивы знати Геггау и Клеттгау в их союзе с австрийским герцогом в 1460 г. были те же, что и в начале 40-х годов, когда знать юго-западных земель готова была воевать вместе с Фридрихом III за Ааргау и принимала активное участие в призывании арманьяков. Не-

¹ Т. в. Керн. Ук. соч., стр. 120.— «...etlich unser pawren von den dörffern sindt von freyen willen gen Schaffhawszen gegangen und haben in der stat ein fenlein aufgestreckt, dar innen ist gemalt ein pflug und ein puntsuch, und einen poten mit der von Schaffhausen püchssen gen Engen und in die dörffer de selbst ümb geschickt und von aym yeden ende zwen der trefelichsten zu in kumen: si haben mit in zu reden; und ist ir furnemen noch laut des hierinnen verschlossen zetelsz».

² Там же.— «Sölchs furnemens haben sie mercklichen beystant, hilf und rat von den von Schaffhawsen und ander aydtgenossen knechten und werden vast durch sie gesterckt, das zu glawben ist, es geschehe mit willen ander eytgenossen». В данном случае слово «eytgenossen» означает не «швейцарцы», а «союзники»: Шафгаузен еще не был тогда швейцарским городом.

³ Там же, стр. 110.

мецкая знать юго-западных земель в 1460 г., как и в 1443 г., считала, что усиление Габсбургов в граничащих со Швейцарией землях укрепит ее позиции во всей юго-западной Германии. Крестьяне со своих позиций оценили эту связь событий, подняв восстание в тылу отправившихся в Тургау сил своих господ и связавшись с городом Шафгаузен, который с 1454 г. состоял в союзе со швейцарцами¹. Приведенные выше требования гегауских крестьян в 1460 г. показывают, что в области аграрных отношений дело шло о борьбе крестьян против усиления сеньериального нажима, выражавшегося в установлении новых поборов и новых обязательных работ. Сеньериальное наступление в этом направлении было в XV в. всеобщим для большого района Германии, на что, как известно, обратил внимание Ф. Энгельс². В мелких владениях гегауского рыцарства притязания господ были более значительны и положение крестьян хуже. Однако для реализации своих стремлений в этой области гегаускому и клеттгаускому рыцарству необходимо было упрочить здесь свое общее положение и ослабить боевой дух крестьянства в примыкающих к швейцарской границе землях. Поэтому знать Гегау и Клеттгау решила активно помочь австрийскому герцогу в его борьбе за Тургау. Руководители знати усматривали в крестьянском восстании 1460 г. не только сопротивление умножению поборов и распространению крепостного состояния, но и выступление, направленное против политическx гарантий сеньериального наступления в этом районе. Восстание было поднято союзом крестьян многих господ в Гегау. Восставшие установили контакт с Шафгаузенoм, а через него со швейцарцами. Ружья, полученные из Шафгаузена, крестьяне переправляли в город Энген, с которым, очевидно, тоже установлен был контакт и который служил им центром. Собравшиеся крестьяне расположились у ряда городов (*besammet und gelegt für etlich stet*) и оттуда совершали походы, подчиняя себе деревни всей округи. Авторам обращения представлялось, что восставшие объединяли всех противников знати: крестьян, горожан всего района,—и связывались с Шафгаузенoм и швейцарцами. Гегауское дворянство обращает внимание аугсбургского епископа на возможность дальнейшего распространения народного союза, направленного по существу против всех немецких князей, всей знати и «всего христианства», т. е. против всей имперской системы. Поскольку борьба против сеньериального наступления превратилась здесь в борьбу против условий, обеспечивающих это наступление, в борьбу объединившихся народных масс против

¹ Т. в. Керн. Ук. соч., стр. 111.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 641.

союза знати, то предпосылки расширения народного объединения представлялись очевидными уже в силу того, что геганское дворянство входило важным элементом в общество «Шта св. Иоргена», объединявшее рыцарство всей юго-западной Германии и связанное с рядом княжеских родов¹. Авторы обращения считали, что символ «Башмака», обращенный ко всем, «кому их выступление нравится» (*ob in das auch gefellig sey*) может способствовать еще большему расширению народного союза.

Страх знати перед расширением крестьянских связей при помощи «Башмака» аргументирован здесь точнее, чем где-либо еще. «...Башмак,— говорится здесь,— отправил свои послания в тринадцать деревень, предлагая прийти им на помощь и защищать их, если это им желательно. Тогда швейцарцы и их союзники захотят оказать им помощь и утвердить мир в этой земле»². Расчет восставших, следовательно, был не только на помощь швейцарцев, но и на помощь своих сторонников. Сама швейцарская помощь ставилась в зависимость от наличия достаточного количества сторонников внутри страны. Особое же значение имеет заключительная фраза этого пункта — «*und das lant in friden setzen*». Необходимо иметь в виду, что вопрос о «земском мире» (*Landfrieden*) обсуждался в высших кругах господствующего класса в течение всего XV в., в предреформационные годы XVI в. и во время самой Реформации,— как самая важная политическая проблема. Для господствующего класса, обсуждавшего проблему «земского мира», речь шла не о создании государственного единства, а, наоборот,— о стабилизации территориальной системы³. Маркс в «Хронологических выписках», отмечая бесплодность княжеских проектов решения вопроса о «земском мире», объясняет это, наряду с другими причинами, также и тем, что «феодалы предпочитали кулачное право»⁴. В приведенном отрывке из обращения геганской знати говорится о том, что восставшие крестьяне намеревались при помощи своих союзников, в том числе и швейцарцев, «утвердить эту землю в состоянии мира». Если такое толкование последней фразы данного отрывка правильно, то оно характерно для представления и оценки событий господами, но не настоящих целей крестьян, которые вряд ли могли тогда выдвинуть конструктивную программу по установ-

¹ С. F. v. Staelin. Ук. соч., т. 3, стр. 448.

² T. v. Kern. Urkunde., стр. 122.—«Item der puntschuch hat zu dreyzehn dorffern geschickt, ob in das auch gefellig sey, in helfen und sie dar zu hanthaben wöllen: domit die Sweitzer und ir puntgenossen wöllen in des helfen und das lant in friden setzen». (Подчеркнуто мною.— М. С.).

³ См. подробнее главу V данной работы.

⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, стр. 96.

лению земского мира. Возможно, что приведенную фразу о мире следует понимать в более узком смысле, — в смысле стремления крестьян при помощи своих союзников положить конец войне, которую вели тогда в Тургау Габсбурги вместе со знатью Гегау и Клеттгау. Но и при этом толковании нельзя будет отрицать, что гегауские господа выдвигали на первый план политическое значение крестьянского восстания. Если знать Гегау и Клеттгау заключила союз с австрийским герцогом и поддерживала последнего в борьбе за Тургау против швейцарцев для того, чтобы упрочить свои позиции в юго-западной Германии и обеспечить возможность усиления сеньериального нажима в области аграрных отношений, то крестьяне стремились прекратить эту войну при помощи швейцарцев и других своих союзников и таким образом сорвать весь план господ. Следовательно, и в 1460 г. знамя «Башмака» поднято было как знамя крестьянской борьбы, выходящей за рамки местных конфликтов на путь революционной борьбы против княжеской власти и княжеской политики. Это значение знамени «Башмака» сохранилось и в движениях конца XV и начала XVI в., когда, как известно, ни одно из них не вышло из стадии заговора. Изучение движений рассмотренного выше раннего этапа в истории «Башмака» подтверждает, что поднятие «Башмака» означало переход к широким массовым выступлениям против княжеской власти и привлечение для этой цели союзников из всех недовольных существующим порядком.

Судьба гегауского крестьянского восстания 1460 г. и его место в борьбе Габсбургов со швейцарцами также заслуживают внимания. Теодор Керн считает, что восстание крестьян в Гегау, встревожившее всю верхнешвабскую знать, явилось благоприятным обстоятельством для швейцарцев. Верхнешвабское рыцарство не смогло больше участвовать в войне, а это обстоятельство вынудило австрийского герцога добиваться мира. Керн, таким образом, подчеркивает только значение военных последствий восстания, выражавшихся в отвращении сил верхнешвабского рыцарства. Гораздо важнее — влияние восстания на характер заключенного в 1461 г. мира Австрии со швейцарцами. Это была сделка австрийского герцога и всей знати юго-западной Германии со швейцарскими городами за счет крестьянских союзников швейцарцев. Швейцарцы вступили в Тургау на условиях, которые шли вразрез с пропагандистским характером их войны. По словам Керна, швейцарцы явились туда как преемники австрийцев и сохранили для знати все полученные от Австрии привилегии. Раньше немецкая знать юго-западной Германии стремилась укрепить свои позиции

путем устранения Швейцарии как политического фактора и полного подчинения Тургау и Шафгаузена. В результате же восстания гегауских крестьян под знаменем «Башмака» австрийские господа и немецкая знать стали добиваться того же путем сделки со швейцарскими городами. Это обстоятельство имело важное значение для политики немецких князей и для условий классовой борьбы в последние десятилетия XV в.

Важнейшее политическое значение, которое получила борьба крестьян в условиях Германии XV в., заключалось в том, что массовые антифеодальные крестьянские выступления, направлявшиеся в ходе событий против князей, могли сделаться сильной опорой широкой оппозиции против княжеской реакционной политики — за народные интересы и народное единство. Реализация этой возможности зависела тогда не от самого крестьянства, а от решительности немецкого бюргерства и от степени его заинтересованности в политическом преобразовании; в конечном итоге — от экономических условий, в которых находилась тогда Германия. Однако XV и начало XVI в. в Германии, время от «гуситских войн» до эпохи Реформации, было временем экономического роста немецкого бюргерства и нарастания его оппозиционных настроений. В этих условиях указанные тенденции крестьянского движения, проявившиеся в выступлениях под знаменем «Башмака», получили особое значение в назревавшей перед Реформацией политической борьбе.

В заключение этой главы, посвященной начальной истории «Башмака», интересно привести легенду о «Башмаке» из анонимной Шпейерской хроники, составленной в 50—60-х годах XV в. По словам Моне, автор, хотя и имел в центре своего внимания Шпейер, заносил в свою хронику всякие исторические сведения, которые он узнавал дома и во время своих поездок. В этой хронике (§ 25) рассказывается легенда о графе Эккарте из Шайрена, воевавшем при императоре Генрихе III за баварское герцогство, который отправился в поход в святую землю вместе с императором и его войском. В Константинополе участники похода решили бросить лошадей и продолжать путь до Иерусалима пешком. При этом граф Эккарт творил всякие чудеса. Он имел два башмака с красными ремнями, по которым всякий узнавал его. На ночлегах он выставлял поднятый башмак, и много народа собиралось вокруг него и примыкало к императору. По повелению императора он поместил башмак на знамени и все великое войско шло за башмаком. Так все войско достигло священной гробницы и овладело ею штурмом под этим знаменем. Его (т. е. Эккарта.— М. С.) стали называть не иначе, как герцог Башмак в память того, что Иеру-

салим был завоеван пешим походом. Так он и его люди ходили с этим башмаком¹.

Эта легенда чрезвычайно характерна для утвердившегося около середины XV в. представления о чудодейственной силе «Башмака», способной собирать огромные массы народа для победоносной борьбы.

---

¹ F. J. M o n e. Ук. соч., т. I, стр. 382: «Er het zwen püntschüch an mit roten ryemen, da erkant in alles herby, wann wo er des nachtes lag, da stecket man einen püntschüch uff, da leyt sich dann mere volckes zü dann zü dem Konige. Der König hiess im den Puntschuch in ein banir machen, das det er; da zog das her aller meist zü dem püntschuch nach, auch wart das her zü dem heiligen grabe gefurt und wart gestormet und gewonnen under dem puntschuch. man hies in auch anders nicht dann hertzog Püntschuch also zu einer gedechteniss, das Jherusalem zü fusse gewonnen wart. Also fur er und die sinen mit dem büntschüch».

ГЛАВА V

ИМПЕРСКАЯ ПРОГРАММА КНЯЖЕСКОГО МЕЛКОДЕРЖАВИЯ

Процессы, рассмотренные в предыдущих главах, существенным образом изменили положение в Германии. Повышалась хозяйственная активность феодалов, наступавших на установившиеся права крестьян и на остатки общинных порядков, ухудшались условия и сокращались сроки крестьянских держаний, увеличивалась нефиксированная барщина, росли и усложнялись все категории крестьянских повинностей, и возобновились стремления господ к превращению массы свободных и зависимых крестьян в крепостных. Ввиду всех этих новшеств, образующих процесс начавшейся с конца XIV в. в обстановке экономического подъема в стране сенъериальной реакции, значительно возросла роль политической организации класса феодалов — власти князей.

«Надстройка, — учит И. В. Сталин, — порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»¹.

Для укрепления феодального базиса в создавшихся в Германии XV в. новых условиях господствующему классу понадобилось укрепить и надстройку, прежде всего — организацию политического господства феодалов.

Начавшиеся в XV в., в ответ на усиление феодального гнета, революционные выступления народных низов и проявившееся влияние революционных действий низов на наиболее радикальные элементы оппозиционного бюргерства, составляли угрозу княжеской власти. Положение представлялось господствующему классу особенно опасным на фоне общей ситуации в Ев-

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 7.

ропе, в которой происходил процесс государственной консолидации народов и их складывание в нации¹. Установившаяся в Германии система обособленных территорий, система княжеского мелкoderжавия казалась теперь княжеским кликам недостаточно прочной. В течение почти всего XV в. обсуждались проекты имперских реформ, исходившие от разных групп господствующего класса. Постоянная борьба вокруг этих проектов не может заслонить того общего смысла, который они содержали для всего господствующего класса, искавшего тогда путей к стабилизации германской раздробленности, к укреплению территориальной системы и спасению ее от всех угрожавших ей внутренних и внешних сил. Наиболее законченную форму проекты получили в 90-х годах XV в., когда сложилась фактически княжеская партия имперской реформы, руководимая курфюрстом Майнцским Бертольдом, и особенно на Вормском рейхстаге 1495 г. Из программы так называемой княжеской партии вытекали роль и значение более широкой классовой организации феодалов, возникшей в конце 80-х годов в юго-западной Германии и выполнившей 37 лет спустя после своего возникновения важную для господствующего класса задачу, задачу подавления в крови Великой крестьянской войны. Речь идет о Швабском союзе. Рассмотрение имперской программы князей необходимо поэтому начать с истории Швабского союза.

Ядром первоначальной организации Швабского союза были соглашения между рыцарскими обществами, прежде всего — «Обществом щита св. Иоргена», и имперскими городами юго-западной Германии. Такие соглашения сами по себе не были новым явлением в Германии. В первой половине XV в. между указанным рыцарским обществом и Швабским союзом городов велись переговоры о заключении соглашения, содержащего обязательства сторон о выдаче бежавших должников, крепостных и правонарушителей, о непринятии бежавших лиц в бюргеры и т. п.² Образовавшийся в 1488 г. по мандату императора Фридриха III Швабский союз представляется с первого взгляда местным союзом, направленным против экспансии баварских герцогов, захвативших город Регенсбург и угрожавших всем мелким имперским чинам юго-западных земель³. В действительности, однако, Швабский союз не ограничивался этой ролью. Прежде всего это видно из его состава. Через год

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 450.

² Deutsche Reichstagsakten, Bd. XI, Gotha, 1898, S. 233—244, N 118, 118a, 119, 120.

³ J. P. Datt. Volumen rerum Germanicarum novum sive De pace imperii Publica, Ulmae, 1698, p. 257.

после основания союза в него входили уже крупные князья: Эбергардт Вюртембергский, епископ аугсбургский, маркграфы бренденбургские, маркграф баденский, герцог австрийский и архиепископ майнцский. Еще через год — в него вступил Максимилиан Габсбург, а затем были приняты и герцоги баварские. С самого возникновения Швабского союза подчеркивалось его имперское значение. Уже в первом рескрипте императора от 26 июня 1487 г. о созыве в Эслингене представителей знати и городов с целью образования объединения это мероприятие связывается с необходимостью реализации решения франкфуртского рейхстага 1486 г. об общеимперском земском мире на десять лет, установленном для «сохранения и спокойствия подданных империи, для того, чтобы они могли при тяжелых обстоятельствах приходить на помощь против тех, которые принимают насильственные нападения на священную империю, на наши наследственные земли и на немецкую нацию»¹. В немецкой исторической литературе преобладает мнение о том, что Швабский союз создан был Габсбургами, которые организовали и объединили силы мелких имперских чинов и создали таким образом в юго-западной Германии централизованную реальную силу. Издатель двухтомного сборника документов и материалов по истории Швабского союза Клюпфель пишет в предисловии, что Габсбурги видели в этой силе орудие своей политики не только против Баварии, что они надеялись получить в Швабском союзе опорную силу против швейцарцев, которых они стремились или вновь подчинить себе или же по крайней мере изолировать от приозерных немецких городов². Однако история первых двух лет существования Швабского союза показывает, что какова бы ни была роль Габсбургов в момент его возникновения, его организацией овладевали все больше и больше другие князья. При этом руководящая роль в Швабском союзе переходит к тем князьям, приему которых Габсбурги пытались помешать. На запрос делегатов Швабского союза о целесообразности приема в союз майнцского курфюрста Бертольда император ответил 14 сентября 1488 г., что он считает прием этого князя «неплодотворным» актом помногимпри-

¹ J. P. D a t t. Ук. соч., стр. 272.— «Ihr wisset wie den vnderthanen dess Reichs zu behaltung und Ruhe und damit sie vnss in schweren anligen gegen denen so vnss das H. Reich vnser erblich lannde vnd Teutsche Nacion mit macht anzufechten vnderstehen desto stattlicher hulff vnd beystand thon mögen durch vnss... mit Rath vnser und des Reichs Churfürsten vnd etlicher Fürsten Pottschaft auf dem nechst gehalten Tag zu Franckfurt ein gemeiner Landfriden 10 Jahr lang die nechsten nach einander wahrende gemacht... So gebieten wir euch...» и т. д.

² K. K l ü p f e l. Urkunden zur Geschichte des schwäbischen Bundes. Einleitung, Stuttgart, 1846, S. VII.

чинам и особенно «из боязни, что такие крупные князья внесут в союз больше расстройств, чем принесут ему пользы», что поэтому он считает момент неподходящим для приема Бертольда Майнцского¹. Мотивы императора становятся ясными из тех оговорок, которыми он снабдил мандат о приеме этого князя, когда он вынужден был это сделать вопреки своему желанию. Император подчеркнул в мандате, что участие курфюрста в Швабском союзе должно быть не в ущерб его ленноимперской зависимости. Император обязывался не распускать Швабского союза до истечения срока общеимперского земского мира и требовал, со своей стороны, чтобы курфюрст не пользовался своим членством в союзе для действий против императора². Император стремился не допустить превращения Швабского союза в орудие княжеской политики. Однако это ему не удалось: майнцкий курфюрст стал главарем княжеской группы и руководящим деятелем всего Швабского союза. Маркграфы Фридрих и Сигизмунд Бранденбургские также добились руководящего положения в Швабском союзе и притом не только для того, чтобы расширить свои связи, но и для того, чтобы им самим сделаться проводниками габсбургской политики против баварских герцогов³. Бранденбургские маркграфы стремились расширить участие в Швабском союзе нешвабских элементов, в особенности франконской знати, связанной с Гогенцоллернами, в которой Габсбурги нуждались для осуществления плана полного окружения Баварии.

Руководящей силой в Швабском союзе сделались не Габсбурги, а другие князья, которые в первые же годы существования союза заставили императора дать обязательство в том, что он не распустит его до истечения срока общеимперского земского мира. Как уже говорилось, такое обязательство дано было императором при приеме в союз Бертольда Майнц-

¹ J. P. D a t t. Ук. соч., стр. 302.— «...dess Erzbischoffs von Menz halben der in den bund zu nemen will die Kayserliche May. uss vil vrsachen unfruchtbar bedencken vnd sonderlich uss der forcht dass sollich grosse hopter dem bund mer zerrüttung dann nuz bringen mogen vnd woll desshalb der K. Mayest. nit gemeint sein den selben von Menz diser zit in den bund ze nehmen».

² Там же, стр. 303.— «Doch behalten wir vnss hierinnen vor unser Oberkait auch aid vnd pflicht, damit du vnd ein Jeder in dieser ainung begriffen vnd dem h. Reich verwannt und verbunden bist. Aber nichts dest minder wollen wir dass vnser fürnemen, aynung vnd bintnuss by Iren krefftten blib vnd bestand hab vnd von vnss vnd unsern nachkommen am h. Reich die vorbestimpt zit uss unsers Landfriedens nit vfgehept, abgethan, noch widerrufft, doch dass darinne wider vnss nicht gehandelt werde...».

³ F. W a g n e r. Der Schwäbische Bund und die fränkischen Hohenzollern. Forschungen zur deutschen Geschichte, Bd. 22, Göttingen, 1882, S. 272.

ского. Маркграфам бранденбургским и другим князьям также пришлось развить энергичную деятельность, направленную на недопущение возможного роспуска Швабского союза со стороны императора¹.

Весьма характерной является происходившая в первые же годы существования Швабского союза борьба внутри него между Габсбургами и другими князьями по вопросу об отношении к баварским герцогам. Когда выяснилось, что князья приобретают в союзе преобладающее влияние, Габсбурги вступили в переговоры с баварскими герцогами, взяли на себя посредничество в спорах Баварии со Швабским союзом и потребовали, чтобы против герцогов не была применена сила. Считая, что борьба против баварских герцогов силами Швабского союза при сложившемся внутри союза соотношении сил приведет к усилению позиции других князей, император опроверг официальную версию о создании союза в целях борьбы объединенными силами против захватов со стороны баварских герцогов.

1 марта 1489 г. император жаловался, что его мандат о неприменении силы против герцогов не соблюдается. 31 марта магистрат Нордлингена сообщил об ухудшении отношений между императором и Швабским союзом. 3 апреля тот же магистрат сообщил, что в основе расхождений лежат переговоры, ведущиеся с баварским герцогом Георгом². Бранденбург настроен весьма воинственно и встретит всякое известие о соглашении с большим раздражением. 11 апреля мандатом императора враждебные действия против герцога Георга были запрещены под угрозой имперской опалы³. Бранденбургские маркграфы развили в марте — мае 1489 г. энергичную кампанию в союзе против посредничества императора в баварском вопросе, добиваясь в то же время приема в Швабский союз новых князей из Франконии, на которых они рассчитывали — епископов бамбергского, вюрцбургского и эйхштетского⁴.

Бранденбургские маркграфы взяли решение баварского вопроса в Швабском союзе в свои руки. Маркграф Фридрих руководил военными приготовлениями сил Швабского союза против Баварии, вопреки императорским мандатам, и вместе с другими князьями проводил по отношению к баварским герцогам твердую линию. В результате соглашение с баварским герцогом Георгом заключено было 10 июня 1489 г. в Дюнкельсбюле на основе условий, выработанных в кругу маркграфа и навязанных баварскому герцогу. В этом соглашении пере-

¹ F. Wagner. Ук. соч., стр. 278.

² K. Klüpfel. Ук. соч., т. 1, стр. 61—62.

³ Там же, стр. 63.

⁴ F. Wagner. Ук. соч., стр. 284—285.

числяются все результаты насильственных действий баварских герцогов, которые должны быть ликвидированы, все конфликты на этой почве, которые должны быть улажены. Особенно подробно описываются в тексте все агрессивные действия герцогов по отношению к мелким имперским чинам и вассалам. Это длинный ряд феодальных дел о нарушениях юрисдикции рыцарей и городов, о захватах чужих прав в альменде, о вынужденных продажах и уступках и т. д.¹ В отношении ряда дел, в том числе и тех, которые затрагивают непосредственно бранденбургских маркграфов, предусматриваются радикальные меры — восстановление старого положения. При спорах же о самом характере старого положения исход будет зависеть от двух комиссаров Швабского союза и одного суперарбитра, имена которых указываются и решение которых не подлежит обжалованию². Комиссарами Швабского союза здесь названы Эбергардт Вюртембергский и епископ эйхштетский, — один из тех франконских князей, о приеме которых в союз хлопотал маркграф бранденбургский, одновременно с подготовкой условий данного соглашения о мирном урегулировании всех дел против Баварии.

Смысл бранденбургской политики в Швабском союзе заключался, таким образом, в том, чтобы подчинить контролю бранденбургских маркграфов борьбу мелких имперских чинов против Баварии и воспрепятствовать Габсбургам использовать выгоды такого контроля в своих интересах. Маркграф Фридрих добился этого в союзе с другими князьями, боровшимися против ведущей роли императора в баварском вопросе и вообще в делах Швабского союза. Инициатива в этой борьбе принадлежала в меньшей мере и архиепископу майнцскому. 22 мая 1489 г. под влиянием Бертольда Майнцкого заключено было соглашение наиболее влиятельных членов Швабского союза о том, чтобы новые члены принимались в союз не только по мандатам императора, но и с учетом желания его настоящих членов³. Решение мотивируется тем, что некоторыми императорскими мандатами рекомендуются лица, прием которых противоречит целям союза, заключающимся в том, чтобы каждый сохранил свое место в империи и все полученные от императора и империи свободы и вольности. Эти мандаты, говорится дальше, приведут скорее к разладу и подрыву единства, чем к его сохра-

¹ J. P. Datt. Ук. соч., стр. 257—264.

² При каждом пункте, где говорится о решении спора комиссарами, подчеркивается, что такое решение должно быть принято к исполнению — «...on verger ausszug, appellacion, suplication vnd waigrung».

³ У Датта этот документ обозначен датой 22 мая 1490 г. Однако Клюпфель убедительно показал допущенную здесь ошибку; в действительности документ относится к 1489 г.

нению¹. Таким мандатам решено не подчиняться. Мандаты о новых членах должны представляться начальникам, которые вынесут их на обсуждение советников всех членов союза для окончательного утверждения большинством голосов или единогласно.

Князья, таким образом, стремились захватить в свои руки руководство всей политикой Швабского союза по установлению так называемого «земского мира» путем приема одних и отстранения других лиц, членство которых будет признано «вредным для единства». Цель князей, руководимых Бертольдом Майнцским, та же, что и бранденбургских маркграфов, а именно — воспрепятствовать Габсбургам использовать силу и функции союза в интересах своей державной политики и своих наследственных земель и, наоборот, сделать эту силу и эти функции, поскольку они являются эффективными на ограниченной территории Швабии, орудием своих собственных территориальных интересов.

Борьба в Швабском союзе между различными кликами князей и особенно между группой Бертольда Майнцкого, франконскими Гогенцоллернами и Габсбургами продолжалась. Особый характер имела эта борьба в первые годы существования союза, когда дело шло о захвате той или иной кликой господствующего положения в нем. Баварский вопрос продолжал стоять в центре этой борьбы и некоторое время после дюнкельсбюльского соглашения от 10 июня 1489 г. Баварский герцог Георг, опираясь на отрицательное отношение императора к соглашению, объявив о вынужденном характере данного им согласия отказываясь от него. 7 августа 1490 г. император и Максимилиан опубликовали общее заявление по поводу отношений между Швабским союзом и Баварией, в котором они констатировали, что распри между сторонами продолжали увеличиваться и что соглашение предыдущего года, заключенное в Дюнкельсбюле, оказалось неэффективным. Габсбурги настаивали на необходимости внесения изменений в условия дюнкельсбюльского мира и вообще на выработке вместе с герцогом Георгом приемлемых для обеих сторон условий соглашения. Продолжение же по отношению к Георгу враждебной тактики со стороны руководителей Швабского союза нане-

---

¹ J. P. D a t t. Ук. соч., стр. 270. — «So langt vns doch an, dass durch die Jhenen, den sollich unser gehorsam vnd veraynigung nit gemaint ist, vnd lieber zertrennung dann fridlich ainigkeit zwischen vnss sehen, vast arbeit vnd vlyss geschech, vnd allenthalben furgewendt werde. Sollich vnser zusamen thun und verainigen zu krencken und zu widerwerffen... das etliche mandat, dem gemelten Pund vnd vnserm zusamenthun widerwertig vnd zu verung diende ussgegangen seynt: das aber uss vorbereiterten loblichen ursachen und guten gründen, on vnser allen fryen willen nit sin sol noch mag».

сет ущерб, по мнению авторов заявления, не только наследственным габсбургским землям, «но и Священной римской империи и всей немецкой нации». Император и римский король не могут спокойно наблюдать дальнейшие возмущения и раздоры в империи и считают необходимым взять на себя правовое решение данного конфликта, так как отвлечение сил на эту борьбу срывает дело помощи императору для спасения его наследственных земель и ограждения интересов «всей немецкой нации»¹. Габсбурги стремились, таким образом, использовать борьбу внутри Швабского союза между Гогенцоллернами и Виттельсбахами для усиления их собственных позиций в качестве арбитров.

Баварский вопрос не был причиной возникновения Швабского союза, как это представляется некоторым исследователям. Суть борьбы заключалась в стремлении каждой из княжеских клик к захвату в Швабском союзе прочных позиций для того, чтобы сделать эту организацию орудием своих территориальных интересов, подчинив себе ее силу, прежде всего — силу тех средних и мелких имперских чинов, которые входят в ее состав и заинтересованы в ее существовании. Необходимо иметь в виду, что Швабский союз представлял собою концентрированную силу крупных и мелких феодалов юго-западной Германии. Именно поэтому возникла борьба между крупными князьями за подчинение и использование этой концентрированной силы класса в своих интересах. Если бы здесь не возникло и не существовало организации всего класса феодалов, то борьба различных клик происходила бы не в рамках единого союза, а просто как борьба различных группировок. В данном случае перед нами — борьба за руководство Швабским союзом, в котором заинтересован был весь класс феодалов, за распоряжение его силами в этой части Германии. О том, какова была цель, которая осуществлялась Швабским союзом в интересах класса феодалов, можно видеть уже из приведенного выше решения его членов от 22 мая 1489 г. против подчинения мандатам императора о новых членах. Смысл аргументации заключается в том, что поскольку цель союза

---

¹ К. К l ü p f e l. Ук. соч., т. 1, стр. 90. «...und nach vil warnungen, so jnen teglich zukomen, von syner liebe gezencks und beschedigungen wartende sin, dadurch sie uns solich hilff zu thun verhindert werden, wann uns aber soliches, wo wir nicht darin sehen, nicht alleyn an rettung unserer Erblande, sondern auch dem heyl. reich und teutscher nation zu mergklichem schaden und hacnteyl reichen wurde, und uns als röm. keyser und kunig darin gnediglich zu sehen und solich irrung und zweyung, damit derhalben nit wyther ufrure und widerwertigkeit in dem heyl. reich entsteen, an uns zu nemen und zu gutlich und rechtlich usztragen der sach der gemelt unser punt und jre verwandten fur uns zu komen erpieten, darin wir auch jre mechtig sin, zu verfahren gepürt...».

заключается в сохранении за каждым его места в империи и всех полученных им от императора свобод и вольностей, то не следует подчиняться тем мандатам о приеме новых членов, которые противоречат этим целям и ведут не к единству, а к распаду. В первом же наброске основных целей Швабского союза, составленном в кругу императора летом 1487 г. и носящем его имя, говорилось, что начальники новой организации имеют поручение императора предоставлять всем подданным его и Священной империи в Швабской земле общий мир и охрану всех имперских вольностей и старых обычаев¹. При этом выражалась надежда, что реальное установление мира в Швабии послужит основой лучшей его организации во всей империи. Авторы документа исходили из того, что союз — эта организация реальной силы в юго-западной Германии — будет выполнять в этом районе те функции империи, в которых нуждаются имперские чины, что верхи феодального общества будут ждать от новой организации охраны их привилегий. В приведенном уже заявлении Фридриха III и Максимилиана от 7 августа о необходимости мира с Баварией видно стремление Габсбургов связать интересы наследственных земель и свою внешнюю политику с общими целями феодальной верхушки. В заявлении утверждается, что всякие возмущения и раздоры внутри страны отвлекают силы и «срывают дело помощи императору для спасения его наследственных земель и ограждения интересов всей немецкой нации». Габсбурги понимали то значение, которое получит руководство этой организацией как для их собственной державной политики, так и для территориальной политики других князей. Они старались поставить общую цель «охраны всех имперских вольностей и старых обычаев», т. е. охраны существующих привилегий класса феодалов, в тесную связь с судьбой габсбургских наследственных земель, которые должны были стать гарантией всего существующего в Германии порядка от всякой опасности. С другой стороны, княжеская группировка архиепископа майнцкого заявляла, что подчинение организации Швабского союза интересам Габсбургов противоречит и пойдет во вред основной цели охраны положения и привилегий каждого представителя знати. Обе стороны, боровшиеся за влияние в Швабском союзе, исходили из того, что он возник как организация реальной силы для того, чтобы обеспечить в юго-западной Германии нерушимость положения каждого имперского чина.

¹ K. K l ü p f e l. Ук. соч., т. 1, стр. 9. — «...allen unsern und des heiligen reichs underthonen im land zu Schwaben... sie bey dem gemeynen fryden, ouch unsz dem heiligen reich irn freyheiten und alten herkomen zu hanthaben, schützen, schirmen, hilf und beystand zu thun getrüllich und ungefährlich».

Эта общая цель рассматривалась как политическая основа Швабского союза, как государственная задача, которая в условиях раздробленной Германии осуществляется в своеобразной форме в ее юго-западной части. В 1490 г. к Швабскому союзу присоединилось баварское рыцарское «Общество Льва». Формально было заключено соглашение между этим обществом и «Обществом щита св. Иоргена», а также и городами Швабского союза. Однако начальник Швабского союза от городов — Вильгельм Бесерер и князья, которые вели по поводу этого присоединения переговоры с Бесерером, рассматривали это соглашение как прием «Общества Льва» в Швабский союз¹. Это соглашение представляет собой документы обеих сторон, в которых перечисляются обязательства и мотивы объединения. Оба документа начинаются со ссылки на императорский мандат от 21 января 1488 г. об образовании союза с целью сохранения в Швабии земского мира. Однако при этом авторы характеризуют созданный союз не как союз швабских чинов, как он обозначен во всех императорских мандатах, а как союз подданных империи. Пфальцграф Рейнский Вольфганг и все члены «Общества Льва» привлекаются к охране земского мира «в качестве подданных империи», заинтересованных в общих имперских целях². Здесь же цель данного соглашения, сформулированного с предельной ясностью, определяется как цель имперского единства. Соглашение, говорится там, заключено «для того, чтобы означенный земский мир лучше всего соблюдался и меньше всего нарушался; также, чтобы мы и все те, с которыми мы договариваемся, остались при мирном и спокойном пользовании императорским земским миром, при наших наследственных вольностях, правах, старых обычаях и наличных имуществвах»³. Как видим, авторы ждут от Швабского союза того, что они желают от империи.

Широкое имперское значение, которое стремились придать Швабскому союзу его создатели, видно и из текста молитвы, которая была установлена во всех церквах района его действия на все время его существования для чтения по пятницам. «Чтобы милосердный бог,— говорится в тексте молитвы, —

¹ К. Kl ü p f e l. Ук. соч., т. 1, стр. 97; F. W a g n e r. Ук. соч. стр. 308—310.

² J. P. D a t t. Ук. соч., стр. 309 сл.— «...haben der durchluchtig... herr Wolfgang... als einer der Gesellschaft des Löwen und die Edlen strengen und vesten hauplüt und rät der gemelten gemeinen gesellschaft des Löwen... sollichen Landfriden, alss die vnderthenig dess heiligen Reichs auch angenommen und sich mit vnss vnd wir mit Jhnen fruntlich verscriben, vertragen und verainigt».

³ Там же.— «...vnd darumb dass derselb Landfriden auch vnserm Erbfreiheiten, Rechten, altem herkommen und innhabenden gütern dester fridlicher und ruwiger belyben mögen...».

наделил его (т. е. Швабский союз.— *М. С.*) мудростью, силой и властью править, охраняя и защищая сельских людей, вдов и сирот, чтобы через обретенный временный мир мы заслужили мир вечный» и т. д.¹

* Этот текст был принят на съезде знати и городов Швабского союза в Рейтлингене 15 апреля 1488 г. Там же было решено, что каждый начальник Швабского союза должен направить свои усилия и усилия своих помощников на отыскивание и опубликование всяких документов и вольностей, которые могут оказаться полезными для союза и для Швабской земли².

Классовый смысл деятельности Швабского союза по восстановлению старых феодальных документов, относящихся к Швабской земле, не подлежит сомнению. Решение Рейтлингенского съезда Швабского союза отвечает приведенным уже выше программным пунктам об охране привилегий каждого имперского чина. В чрезвычайно выразительной форме этот пункт изложен в акте присоединения к союзу Бертольда Майнцского. Союз учрежден для реализации в империи мира 1486 г., который установлен на рейхстаге во Франкфурте, говорится там,— «для почитания империи, на благо паломникам, проезжим и всем почтенным особам, чтобы каждому обеспечено было в наиболее полной форме оставление при его достоинствах, правах, милостях и вольностях»³.

Для понимания характера «защиты сельчан, вдов и сирот» необходимо обратиться к «охранительным» функциям Швабского союза в их конкретных практических проявлениях. Уже в первом наброске устава говорится, что никто не имеет права принимать в замки, города и рынки во все время существования союза крепостных, осужденных и должников, бежавших от одного члена Швабского союза к другому и давать им право бюргерства. Если же такой случай будет иметь место, то всякий, связанный с Швабским союзом, должен иметь право указать на них, а все лица, на которых даны такие указания, должны быть немедленно лишены прав бюргерства и выданы

---

¹ К. Kl ü p f e l. Ук. соч., т. I, стр. 24.— «...dasz der barmhertzig Gott ihm woll verlyhen wyszheit, krafft und macht zu regieren, beschützen und schirmen landlüt, witwen und waisen, dasz wir behalten einen zytlichen frid, dadurch wir mögen verdienen den ewigen frid...».

² Там же.— «...es sol ein yeder hauptmann zu sinem tail an sinen gesellen erfahren und erlernen, ob aincher von briefen, fryheiten oder anderm wüste oder gehört hat, das in vergangenen jahren geschehen oder gehandelt were, das dem bund und dem land Schwaben nützlich sin und zu gut, dienen möcht, das sollichs geöffnet und gezogen werdt».

³ Там же, стр. 56.— «...solichen landfriden, nachdem der, wie hievor ist gemeldt, dem heyl. rych zu eren, auch der pilgerin, landtfahrer, und aller erbarkeit zu gut, auch dasz ain yeder dester basz by synen würden, rechten, gnaden und fryheiten belyben mug, angesehen ist, zu offen und zu meren».

своим господам без особого требования с их стороны¹. Таким образом, уже устав Швабского союза ставит перед своими членами задачу охраны крепостного состояния подданных крестьян и устранения возможности освобождения от этого института для лиц, принятых в городское бюргерство.

Интересно сравнить этот пункт устава Швабского союза с аналогичными пунктами из проектов соглашения между Швабским союзом городов и рыцарским «Обществом щита св. Иоргена» во время базельского рейхстага в 1434 г. Сопоставление этих документов не оставляет никаких сомнений в том, что авторы устава Швабского союза имели перед собою проекты 1434 г. в качестве образца, которым они пользовались для некоторых пунктов как основой, но в который вносили изменения и дополнения по своему усмотрению. В проектах 1434 г. (швабских городов и советников Вюртемберга) речь идет о том, что ни одна из договаривающихся сторон не может принимать и оказывать защиту и приют лицам, которые бежали из владений или области другой стороны вследствие совершенных ими проступков, вследствие задолженности или подотчетности (управляющего)². Если такое лицо будет обнаружено и на него будет указано господином, от которого оно укрывается, «и, кроме того, его управляющим, рыцарем, вассалом или другим честным человеком», то этого указания достаточно для того, чтобы данное лицо было лишено защиты: или оно должно быть выдано или же оно должно уплатить сумму долга, от уплаты которого оно уклонялось и из-за которого оно бежало³.

Как видим, в этом старом проекте речь идет только о лицах, бежавших от суда после совершения проступка. Ни в проекте швабских городов, ни в варианте, предложенном вюртембергскими советниками, не говорится о крепостных. Авторы же устава Швабского союза прежде всего заботились о возвращении крепостных (aigen leut). Кроме того, они устанавливали, что любой

¹ К. К l ü p f e l. Ук. соч., т. 1, стр. 7. — «...es sol auch ein tail dem andern in sinen schlossen, stätten oder märkten in zyt diser aynung sein aigen leut... oder die ainem fluchtsame umb frävel, schuld, oder der glich sach verbürgt, oder verschworn haben zu burgern nit innemen... beschehe es aber, so soll ain yeder her, stat oder gesell diser unser ainung söllich leut macht und gewalt haben zu besetzen... und wölche also werdent besetzt... irs burgrechts losz und lödig gezelet und iren herren gelausen werden ungevordert».

² Deutsche Reichstagsakten, Bd XI, стр. 235 (6), Gotha, 1898. — «Das auch uf ietweder partie nieman dem andern dehein den sinen, der im fluchsam in versworn oder verburget hat, noch deheinen unverrechnoten amptman zu burger empfahren noch shirmen sol».

³ Там же. — «Das auch uf ietweder partie nieman dem andern dehein den sinen der in fluchsam... beschehe es aber... so sol der besatzung genug geschehen sin und nieman solt solicher deheinen darnach lenger dann einen monat den nechsten schirmen noch enthalten...».

член союза, не только тот господин, от которого бежало то или другое лицо, может указать на необходимость вернуть бежавшего своему господину, в то время как по старому варианту — указание должно последовать со стороны господина, от которого данное лицо скрывается, и со стороны еще одного человека, который это указание подтверждает. Авторы устава Швабского союза не только объявили возвращение беглых крепостных первоочередной задачей создаваемой организации и важным пунктом реализации так называемого «земского мира», не только позаботились об облегчении процедуры возвращения, но и объявили, что возвращение бежавших крепостных является не частным делом истца, а делом самой организации, которая создается для выполнения в данном районе государственных функций.

Для понимания значения этого пункта необходимо иметь в виду, что в последние два десятилетия XV в. особенно усиливается феодальный нажим на крестьянство со стороны господ юго-западной Германии. Важным средством в этом процессе делается институт крепостного состояния крестьян, ввиду того, что это состояние ухудшало положение крестьянина и облегчало всякий нажим на него со стороны феодала¹. Институт крепостного состояния получил важное значение и для укрепления власти территориальных князей, которые стремились свести к этому институту всякое подданство². Объявив в своем уставе об упразднении в районе своих действий тех пунктов городского права, которые касаются приема беглых крепостных, Швабский союз получил для феодальной верхушки важное значение органа классового господства.

Среди господ, стремившихся сделать крепостное состояние всеобщим для всех своих крестьян, особенно выделялись аббаты Кемптенского монастыря. Уже князь — аббат Иоганн фон Вернау (1460—1481 гг.) вступил на путь принуждения своих свободных крестьян-чиншевиков переходить в состояние крепостных с тем, чтобы увеличить с них поборы всякого рода и ухудшить их право на землю и на имущество вообще. Основанием для этих действий служили ему отысканные им старые феодальные документы, в отношении которых он добивался официального утверждения. Вступивший в аббатство в 1481 г. новый князь — аббат Иоганн фон Ритгейм с большим усердием и цинизмом продолжал тот же образ действий, вызывая постоянные конфликты с крестьянами и с городом Кемптенем. С возникновением Швабского союза вопрос о конфликтах аббата с го-

---

¹ См. главу II данной работы.

² См. К. Маркс «Хронологические выписки» (Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 97).

родом получил особое значение вследствие того, что как аббат, так и город Кемптен сделались его членами. В то же время аббат и город различно относились к борьбе союза с баварским герцогом Георгом. Аббат был тесно связан с Георгом, официально считавшимся покровителем Кемптенского монастыря. Подданные аббата и население города Кемптена имели, благодаря этому обстоятельству, еще больше оснований сочувствовать княжеским руководителям союза, настаивавшим на борьбе с Георгом. Крестьяне монастыря надеялись, что Швабский союз станет на их сторону против аббата. Все это содействовало подъему организованного движения недовольства против действий аббата по массовому превращению свободных крестьян-чиншевиков в крепостных и против его требований новых поборов на этом основании. В неурожайный 1491 г. крестьянское собрание решило обратиться с жалобой к Швабскому союзу против незаконных действий своего князя-аббата. Как сообщает историк города Кемптена Гагенмюллер, в ноябре этого года дело дошло до открытых и организованных форм недовольства крестьян, расположившихся лагерем у Дурраха. Связавшись между собою клятвенным союзом и заручившись также поддержкой города Кемптена, обещавшего им убежище и материальную помощь, крестьяне Кемптенского монастыря выбрали представителей для выступления от их имени перед Швабским союзом. Тогда и князь — аббат Иоганн фон Ритгейм обратился к начальникам Швабского союза — графу Хугу фон Верденберг и Вильгельму Бесереру из Ульма с просьбой о встрече с ними для переговоров «по поводу его непокорных крестьян»¹.

Таким образом, в конце 1491 г. Швабский союз имел случай показать, как он на деле будет «защищать сельчан, вдов и сирот». Казалось бы, что помощь против кемптенского аббата, союзника баварского герцога Георга, была вполне в духе политики княжеского руководства, готовившего тогда военные силы против Георга. Однако такое событие, как организованное сопротивление крестьян их насильственному закрепощению затрагивало основу и сущность Швабского союза, политическая сила которого заключалась в том, что на территории определенного района он складывался в классовый орган феодальной верхушки для охраны всех прав, привилегий и вольностей, вытекающих из условий территориальной системы. Подавление сопротивления антифеодальных сил составляло важнейший момент этой «охраны». Вопрос о методах разрешения конфликта с баварскими герцогами, — по плану ли Габсбургов или же по плану княжеской группировки майнцского курфюр-

¹ К. К ü p f e l. Ук. соч., т. 1, стр. 121—122.

ста,— составлял предмет борьбы между разными группами класса феодалов. Крестьянское же сопротивление насильственному закреплению путем организации боевого союза и при поддержке города представило бы грозную опасность для феодальных интересов, в охране которых все руководители Швабского союза видели его основную задачу.

Поэтому вопрос об отношении к борьбе кемптенских крестьян не вызывал в Швабском союзе никаких споров. Вильгельм Бесерер, получив извещение кемптенского аббата, сразу позаботился о приведении в боевую готовность наемной силы города Ульма. В начале января 1492 г. командир Швабского союза Ульрих фон Фрундсберг объявил уже о мерах, принятых для подавления движения кемптенских крестьян. Начальник союза от городов, не возражая против этих карательных мер, заботился лишь о том, чтобы города были при этом пощажены и вступил по этому поводу в переговоры с Хугом фон Верденбергом¹. 8 апреля Хуг фон Верденберг, начальник Швабского союза из дворян, написал в Ульм бургомистру и магистрату, чтобы военные силы города в нужном числе конных и пеших в полной боевой готовности немедленно явились в Гюнцбург, чтобы оттуда выступить на помощь кемптенскому аббату и всем другим, которые тоже призваны к участию в этой акции. Имея в виду, очевидно, возможность оппозиции таким действиям в имперском городе, Хуг добавляет, что данное распоряжение должно быть выполнено без всякого промедления и не взирая на чьи-либо отказы. В этом деле, пишет Хуг, вы должны поступить «так, как вы обязаны действовать для наказания зла в интересах всего союза, нашего господина из Кемптена, вас самих и всего слоя господ»². Хуг дальше сообщает, что начальники прибудут лично на место действий. К письму приложены записки командиров Швабского союза с конкретным планом предстоящего похода. Таким образом, Швабский союз активно взялся за подавление крестьянской борьбы против насильственного закрепощения. Свои действия Швабский союз рассматривал как дело всего класса господ. Это же видно из другой части письма, в которой автор излагает ход переговоров с кемптенскими крестьянами и аргументирует необходимость насильственного решения вопроса. Как только стало известно, что «бедные люди» князя-аббата, «забыв свою честь и клятву, преступно восстали против него, стали собираться и призывать к непокорности», то «некоторые из дворян и городов» при-

¹ К. K ü p f e l. Ук. соч., стр. 123.

² Там же, стр. 125.— «Wie sich dann das gepuren würdet, und darin nit verziehen, noch auf niemand waigern; sondern euch hierjnn beweysen, als je dann das gemeinem bunt, unserm herrn von Kempten, euch selbs und aller oberkeit zustraff, des übels schuldig sind».

ложили значительные старания к достижению мирного урегулирования конфликта. Крестьянам предложено было принять неизвестные им условия, запечатанные в конверте, вернуться к покорности. Это предложение было отклонено, и крестьяне стали собираться группами в деревнях Кемптенского аббатства. Узнав об этом из сообщения аббата, руководители Швабского союза дважды обращались к крестьянам с призывом к покорности. Крестьяне ответили, что они готовы принять любое решение Швабского союза только при условии, что их дело будет разобрано и что они будут допрошены и выслушаны. Крестьяне прислали своих представителей на состоявшийся в январе в Эслингене съезд членов Швабского союза с таким же предложением подвергнуть их допросу. Когда же эта просьба крестьян была удовлетворена, а после допроса им было вручено решение союзного руководства о том, что им следует вернуться к покорности, то крестьяне, вопреки своему обещанию, отказались подчиниться решению. Тогда, сообщается в письме Хуга фон Верденберг, это поведение было охарактеризовано на Эслингенском съезде как злобное и дерзкое. Хуг критикует резолюцию этого съезда: «Если такое поведение бедных пропустить безнаказанно, то это будет иметь тяжелые последствия для всего господского класса, которому будет причинен большой непреодолимый вред и подрыв его интересов, и тут же решено было...»¹. Суть решения Хуг передает следующим образом. Если крестьяне, вопреки их обещанию, откажутся подчиниться решению Швабского союза, то нужно притти на помощь кемптенскому князю-аббату в его карательных действиях против его крестьян и в приведении их к покорности. Однако известно, продолжает автор письма, что «бедные» отвергли наше предложение. Поэтому приняты были меры к наказанию некоторых зачинщиков волнений. Надо следить за другими крестьянами: если они будут продолжать собираться и оказывать сопротивление, то необходима будет дальнейшая помощь в их наказании². На этом основании и отдается приведенный выше приказ о выступлении с войсками.

¹ К. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 124—125.— «Und wo es den armen zugesehen werden, das solichs aller oberkeit swär und künftiglich derselben ainen mercklichen unüberwintlichen nachtail einpruch und schaden bringen und gepern möcht, ist alsbald beschlossen...».

² Там же.— «So die gepawren solich bericht und obred... nit annemen wollten, das man dann unserm herrn von Kempten von bunts wegen die straffen und zu gehorsam bringen helfen wölle. Und weil aber die armen die vermelden abred nit annemen... das man etlich, so man vermaint ursächer solichs fürnemens sein, strafen wöll... ob dan die ander pawrschaft sich widerum versameln und dargegen zu handeln fürnemem wurd... vermelter massen zustrafen understanden, von buntswegen gewaltigen hilf und beistand beschehen, und bewiesen werden söll».

Существенным является здесь не только активное выступление Швабского союза само по себе, но и то, что руководители союза старались подчеркнуть связь этого местного крестьянского движения с общей борьбой крестьян против усилившегося феодального нажима и указали на значение этого события для всех господ, которые обратились тогда к институту крепостного состояния как к орудию усиления своего социального и политического господства. Руководители Швабского союза рекламируют свою роль в насильственном закреплении крестьян. Для княжеской партии, стремившейся закрепить за собою руководство классовой организацией феодалов, возникшей в юго-западной Германии, кемптенское дело приобрело важное значение, отодвинув на задний план баварский вопрос. Во время развития событий в Кемптенском районе — 1 февраля 1492 г. в Аугсбурге начались переговоры с баварскими герцогами о мирном разрешении их конфликта со Швабским союзом. Этими переговорами недовольны были рыцари из «Общества Льва» и особенно — связанный с этим рыцарским обществом герцог Вольфганг, брат и соперник баварских герцогов — Георга и Альбрехта. Последние выступили с жалобой, указав, что в то время как в Аугсбурге происходят мирные переговоры, владения Альбрехта подвергаются нападению вооруженных сил Вольфганга. Представители Швабского союза успокоили их заверением, что они не допустят, чтобы Вольфганг получил помощь от «Общества Льва»¹. 12 февраля Вильгельм Бесерер сообщил, что переговоры в Аугсбурге закончились дружественным соглашением, пока — в устной форме². Ввиду ряда обстоятельств, осложнивших баварский вопрос, окончательное соглашение состоялось в мае, а принятие герцога Альбрехта в Швабский союз — в июле того же 1492 г. В то же время Швабский союз до конца продолжал проводить в кемптенском деле твердую линию. 27 сентября того же года Бесерер сообщил городам союза о том, что кемптенские крестьяне, недовольные военным вмешательством союзных сил на стороне князя-аббата, добиваются императорских мандатов с целью приостановить эти действия. Ввиду того, продолжает Бесерер, что эти шаги крестьян таят в себе угрозу ущерба и отпадения для всего класса господ, назначен съезд Швабского союза в Меммингене для принятия мер наказания этого злостного высокомерия³.

Неизвестно, состоялся ли этот съезд в Меммингене, но в ноябре на съезде в Ульме кемптенский аббат заявил, что «бедные люди» его монастыря продолжают упорно отказываться от

¹ К. Klüpfel. Ук. соч., стр. 123.

² Там же, стр. 126.

³ Там же, стр. 136.

эслингенского решения Швабского союза (т. е. от решения о безусловной покорности). Ульмский съезд постановил заставить «бедных людей» Кемптенского монастыря принять эслингенское решение беспрекословно¹.

Эти энергичные действия Швабского союза против кемптенских крестьян вполне соответствуют его основной цели — выполнять в данном районе роль политического органа по обеспечению интересов всего класса феодалов. Возобновившееся и усилившееся в XV в., по выражению Энгельса, «стремление превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных», было общим для всех феодалов. Действия кемптенских аббатов, начиная от 60-х годов XV в., являлись наиболее ярким примером этого общего стремления господ юго-западной Германии².

Уже в первые годы существования Швабского союза княжеские руководители старались придать ему роль блюстителя «порядка» против всяких мятежных и неспокойных элементов. В мае 1490 г. в качестве одной из очередных задач Швабского союза указана была необходимость очищения всей области его господства от всякого рода бродячих элементов и «бездельников» (Freyheitsbuben)³. Эта мера, вытекающая из приведенного уже выше пункта устава Швабского союза об охране института крепостного состояния от действий городского права, имела для начинавшегося тогда процесса сеньериальной реакции важное значение, в известной мере аналогичное тому значению, которое имели законы против экспроприированных для процесса первоначального накопления в Англии. В феврале 1492 г., т. е. сразу после принятия приведенного уже эслингенского решения против кемптенских крестьян на съезде Швабского союза в Урахе принято было решение по всему району действия союза ввести наказание за всякое непочтительное отношение к церкви и за пьянство⁴. Такое же решение об установлении штрафа за «богохульство и пьянство» принято было и в августе того же года в Эслингене⁵. Эти меры должны были показать, что Швабский союз стоит на страже общего порядка и является опорой консервативных традиций. В октябре 1492 г. после подавления выступления кемптенских крестьян, на

¹ К. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 137.

² Во время Великой крестьянской войны крестьяне Кемптенского монастыря подали широко аргументированную жалобу о том, что аббаты монастыря с давних пор жестокими методами превращают свободных крестьян в чиншевиков, а чиншевиков — в крепостных. См. F. L. B a u s h a n n. Akten zur Geschichte des Bauernkriegs in Oberschwaben, № 62.

³ К. Kl ü p f e l. Ук. соч., т. I, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 128.

⁵ Там же, стр. 134.

съезде Швабского союза в Ульме принято было решение, в целях борьбы с «грабежами, берущими верх повсеместно в районе союза», заострить и сделать эффективным пункт устава, согласно которому, «если кто-либо из князей, графов, господ, из рыцарства или городов будет ограблен или ему будет нанесен ущерб в том, что ему принадлежит — в людях или имуществе, со стороны кого бы то ни было», то необходимо немедленно бить тревогу «в том участке, где данное ограбление и ущерб имели место», и те члены союза, которые там живут, должны действовать быстро, со всей энергией, чтобы поймать нарушителя порядка¹.

Острые классовой политики Швабского союза направлено было в значительной мере и против городов, хотя и иными методами. В учредительных документах Швабского союза все группировки знати противопоставлялись городам. Там подчеркивалось, что союз заключается прелатами, графами, рыцарями и вассалами, с одной стороны, и городами, — с другой². Княжеское руководство его относилось к городам, являвшимся важной договорной стороной союза, чрезвычайно осторожно, не посвящая их во все свои дела. Приняв в январе 1492 г. в Эслингене решение об активном участии военных сил союза на стороне кемптенского аббата, руководство Швабского союза не сообщило об этом городам. Начальник Швабского союза от городов Вильгельм Бесерер в письме магистрату Эслингена писал, что эта тактика объясняется не презрением к городам или забывчивостью, а «особо важными соображениями»³. Бесерер не раскрывает сути этих важных соображений, однако о них нетрудно догадаться. Речь идет, очевидно о том, что оппозиционные слои населения городов не будут солидарны с антикрестьянской деятельностью Швабского союза. У отдельных городов требовали участвовать в этой акции своими военными наемными силами, как мы это видели выше в отношении Ульма. Бесерер сам обещал от имени городов 150 пехотинцев для участия в подавлении кемптенских крестьян. Однако по крайней мере в разгар событий княжеская верхушка Швабского союза считала благоразумным не особенно тревожить города и временно возложить основные издержки на дворянство. Только в конце года при уравнивании расходов всех членов Швабского союза учтено было то обстоятельство, что основные

---

¹ K. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 136—137. — «...ob fürsten, graven, herrn, ritterschafft oder stett, oder die iren an iren leutten oder gütern von yemands, wer der oder die, oder wann und allwo das were, beraupt, angriffen oder beschedigt wurden... das man dan von stund an dem selben end, da solch räuberrey, angriff... sturm schlahen, darauf nacheylen...».

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 127—128.

расходы по подавлению крестьян Кемптенского монастыря понесла знать¹. Роль, которую города Швабского союза играли в кемптенском деле, соответствует в основном роли городов в Швабском союзе вообще. Князья выработали план подавления крестьянского сопротивления, собрали для этого реальные военные силы, определили место в этой акции дворянства и городов, предусматривая подчиненность городов феодальным интересам. Мы уже видели выше, что помощь аббату в то же время была направлена и против города Кемптена, который входил в Швабский союз.

Конкретное изучение подчиненного положения, которое занимали города в общей политике князей, возможно только на основе рассмотрения важнейших сторон имперской политики княжеской партии не только в Швабском союзе, но и на рейхстагах 90-х годов. Поэтому вопрос о городской политике князей в связи с их общей политикой будет рассмотрен в конце главы. Остановимся здесь еще на одном факте.

В 1492 г. конфликт Швабского союза с баварскими герцогами разрешен был в окончательной форме. Одним из важнейших вопросов в переговорах, предшествовавших этому соглашению, был вопрос о Регенсбурге. Захват баварскими герцогами этого имперского города приводится современниками и историками как наиболее яркий факт баварской агрессии, которую многие считают причиной возникновения самого Швабского союза². Однако в деле Регенсбурга речь шла не столько о борьбе с захватившими его баварскими герцогами, сколько о борьбе с самим городом, с его бюргерством. Императорский фискал Иоанн Кессель следующим образом формулировал в 1491 г. обвинение против Регенсбурга: «...данный город собственной властью, пренебрегая своей честью, без принуждения и нажима, так же как и без правовых оснований, забыв и отвергнув свою честь, свою клятву и обет, отделился и отпал от его императорского величества и от империи... за что он и подвергается имперской опале и лишается своих прав, вольностей, милостей и привилегий...»³. То же повторяется в акте опалы и в других, связанных с этим вопросом документах. Содержащееся в габсбургских

¹ К. Klüpfel. Ук. соч., стр. 140—141.

² См. J. P. Datt. Ук. соч., стр. 257.

³ J. J. Müller. Reichstags-Theatrum unter Kaiser Maximilian I, Erste Theil, Erste Vorstellung, Cap. XXI, S. 142, Jena, 1722.—«...Wie das nemlich dieselbe aus eigenen Gewalt unbewahrt ihrer Ehren, ungenötigt und ungewungen, auch ohne rechtliche ursachen mit vergess und verachtung ihrer Ehre, Ayd und Gelübde, von Keyssl. Maj. und dem Reich sich abgesondert und abgefallen... Um deswillen seyen die von Regensburg in die Keysserl. Acht gefallen, ihrer Rechte, Freyheiten, Gnaden und Privilegien entzetz und derselben nit mehr fahig... damit die wiederum zum Gehorsam des Keyssers und dem K. Reich gebracht werden möge».

Документах указание на опасность регенсбургского поведения, так как оно может оказать влияние на отношения к империи «чужих наций», бросает свет на существо конфликта Регенсбурга с империей. Габсбурги, которые стремились тогда подчинить все имперские вопросы задачам политики своего дома, старались доказать, что их собственная внешняя политика является в то же время защитой внешнеполитических интересов империи. Известно, какое место занимали города и их финансовые возможности в планах Габсбургов, особенно после высту-
пления на политическую арену Максимилиана. Активная политика Габсбургов в юго-западной Германии была связана с их отношениями с Францией и Швейцарским союзом. Габсбурги стремились вовлечь в орбиту этой политики реальные силы всех мелких территорий юго-западных земель и финансовые средства городов, что естественно вызывало сопротивление со стороны многих мелких имперских чинов, поддержанных крупными князьями — соперниками Габсбургов. Много противников габсбургской внешней политики, особенно — политики борьбы со Швейцарским союзом, было среди горожан. Захват Регенсбурга Баварией связан был или во всяком случае был облегчен борьбой регенсбургского бюргерства против императора. Эту борьбу императорский фискал характеризовал как «отпадение от императорского величества и от империи», за которое город должен быть лишен «своих прав, вольностей, милостей и привилегий», т. е. в первую очередь — вольности имперского города. Во время переговоров 1492 г. с баварскими герцогами князь-руководитель Швабского союза требовали возвращения Регенсбурга империи в качестве неременного условия мира с герцогом Альбрехтом. Это требование направлено было также не столько против баварского герцога, сколько против бюргерства города. Из письма императора, приводимого Вагнером, видно, что со стороны регенсбургского бюргерства ожидалось сопротивление его возвращению в лоно империи. «Хотя,— говорится в письме,— герцог Альбрехт уже освободил город от зависимого положения, желая вернуть его императорскому величеству, [есть опасение], что бюргеры этого не сделают и окажут сопротивление. Если войско будет отведено, и мы затем подойдем к городу, то нас туда не впустят, что поставило бы нас в смешное положение»¹. На этот случай предусмотрены были меры со стороны Швабского союза.

Военные силы союза должны были подойти к городу под

---

¹ F. W a g n e r. Ук. соч., стр. 327.— «Obgleich woll herzog Albrecht die von Regensburg irer Pflicht ledig zelt und sie der Kays. Mt. wider eingeben wollt, das es die burger daselbst nit thun und sich des speren wurden. Sollt man nun mit dem here abziehen, und so wir fur Regensburg, das sie unns denn nit einliesen, das were schimpflich».

водительством Эбергардта Вюртембергского, графа Хуга фон Верденберга и других командиров и начальников. С войсками союза должен был прибыть и маркграф Фридрих Бранденбургский с имперским знаменем и с имперскими полномочиями. К этому времени Альбрехт Баварский должен вывести свои войска, но обеспечить охрану маркграфу Бранденбургскому и графу Эйтель-Фридриху, которые вступят в город первыми для принятия его от имени империи¹.

Итак, император добивался оставления в городе войск баварского герцога, ссылаясь на необходимость предотвратить сопротивление городского бюргерства передаче города Максимилиану, который, как предполагалось, вступит в него первым от имени императора. Император рассчитывал, что баварские войска в настоящих условиях будут служить ему опорой против влиятельных князей. Однако княжеская группировка, захватившая власть в Швабском союзе, настояла на том, чтобы имперские полномочия для приема города Регенсбурга были переданы ей и чтобы ее люди руководили войсками Швабского союза при занятии города для империи. Эта княжеская группировка добивалась перехода имперских функций в этой части Германии к Швабскому союзу. Вместе с тем эти князья выработали план подчинения города силой с тем, чтобы заставить его служить имперской политике князей².

В буржуазной литературе встречается мнение о том, что Габсбурги придавали первостепенное значение внешней политике, которой княжеская партия противопоставляла программу внутреннего устройства. С этим согласиться нельзя. В действительности руководители княжеской партии не пренебрегали вопросами внешней политики. Сама внутренняя политика Швабского союза, неоднократно сформулированная как политика охраны прав и привилегий каждого в юго-западных землях на основе территориально-политического *status quo*, обуславливала агрессивные намерения в отношении Швейцарии и связанных с нею земель и беспокойство в связи с ростом французского могущества. Борьба руководителей Швабского союза против Габсбургов направлена была не против активной внешней политики вообще, а против ее приспособления к интересам габсбургской монархии, против того, чтобы внешняя политика империи, особенно в части,

---

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 146.

² О борьбе руководителей Швабского союза против городов, не желавших продления союза после Вормского рейхстага 1495 г., см. в следующей главе; о позиции имперских городов Верхней Швабии во время Великой крестьянской войны и их тактике в Швабском союзе см. мою книгу: «Народная реформация Томаса Мюнцера и великая крестьянская война», М., 1947, стр. 426 и сл.

касающейся ее юго-западных границ, велась силами Габсбургов, которым были бы поручены для этой цели и силы империи. Выступая против Гасбургов, стремившихся подчинить империю интересам своей великодержавной политики, руководители княжеской партии старались доказать, что только их план имперского устройства и организации имперских сил отвечает основной цели общеклассовой политики всех господ — охраны привилегий каждого и общего территориально-политического порядка. Эта политика княжеской партии уже в 1492 г. проявилась в тактике Швабского союза и его княжеских руководителей на Кобленцском рейхстаге и после него в связи с поставленным вопросом об участии империи в назревавшем конфликте с Францией.

После того, как в Нидерландах в 1492 г. начались поддержанные французским королем восстания против габсбургского владычества, Максимилиан опубликовал манифест с жалобой на французского короля Карла VIII, который нарушил условие мирного договора 1482 г. о браке с внучкой императора Маргаритой и вступил в брак с бретонской герцогиней Анной¹. Максимилиан обратился через своего поверенного (Anwaldt) к имперским чинам, собравшимся на рейхстаге в Кобленце, с просьбой заступиться за поруганную честь «императора, империи и всей немецкой нации» и выступить с военной помощью. При этом было сообщено, что английский король, союзник германского императора, также готов к борьбе против Франции².

Курфюрсты, присутствовавшие на рейхстаге, уклончиво сослались на ряд внешних препятствий к предоставлению помощи и вместе с тем указали на то, что выступление против Франции представляет собою большой риск для князей и особенно для тех, владения которых расположены на границе. Имперские чины дали к тому же понять, что они вообще не намерены напрягать свои силы в борьбе за чужие интересы. Если «Англия и другие» готовы воевать с Францией, то это, очевидно, соответствует их интересам. Имперские же чины, прежде чем дать свое согласие, должны иметь на это свои собственные основания и знать ради чего они должны предоставлять эту помощь³.

Иной характер носило на этом рейхстаге выступление Бертольда Майнцского. Он не говорил о том, что борьба с Фран-

¹ J. J. Müller. Ук. соч., 1-te Vorstellung, cap. XXII, стр. 151—157.

² Там же, стр. 157—158.

³ Там же, стр. 158. «Und weil Engelland und andere aus habenden eigenen Ursachen wider den König in Franckreich in Rüstung wären, so müste man wissen wann man selbigen helfen solte, wessen man sich dargegen zu ihnen zu verset hatte».

цией есть дело Габсбургов, в котором имперские чины якобы не заинтересованы. Он не отрицал, что речь идет о деле, связанном с имперскими интересами и старался подчеркнуть, что он исходит из интересов империи, которые он, однако, понимал иначе, чем Максимилиан. Всякая имперская забота должна быть, по его мнению, заботой о благополучии и неприкосновенности всех привилегий каждого из имперских чинов. Этим правилом следует руководствоваться при организации любой имперской акции. Оно требует иной организации самой империи. Свою отрицательную позицию к предложению Максимилиана Бертольд Майнцский аргументировал недостатками в устройстве империи, в деятельности рейхстагов и в самой форме предлагаемого имперского обложения. Вся имперская процедура и база, на которой она основана, не дают нужных гарантий каждому имперскому чину. «Если для каких-либо общеимперских дел устанавливается имперское обложение, то один доставляет нужную помощь, другой совсем ничего не дает, а ему это прощается; у третьего же берется только половина полагающейся суммы. Кроме того, один дает свою долю сразу, другой же может явиться на следующий день или же полгода спустя, на что уже были жалобы со стороны императорского величества. Это неравенство ведет нас к потере своих достояний»¹.

Сам Бертольд Майнцский и та княжеская клика, которую он возглавлял в Швабском союзе и на рейхстаге, вовсе не были сторонниками равного обложения, о чем говорит практика обложения в самом Швабском союзе. Главное в приведенном отрывке заключается в последних трех словах речи Майнцского курфюрста. Требуемая помощь не может быть дана, потому что сама имперская организация не отвечает задачам имперских чинов, как он их понимает, не гарантирует их суверенности. Требование имперской помощи и имперская внешняя политика вообще может, по мнению Бертольда, исходить от организации самих имперских чинов. Он объявляет несостоятельной концепцию Габсбургов о том, что цель господствующего класса, заключающаяся в сохранении территориально-политического порядка, может быть достигнута только в том случае, если все имперские чины свяжут свою судьбу с мощным Габсбургским домом. «Мы слышали от его величества,— продолжал Бертольд в той же речи,— что если погибнут они (т. е. Габсбурги.— М. С.), то мы тоже погибнем вслед за ними. Но ведь они, потеряв свою землю, могут ее завоевать обратно. Мы же, если

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 159.— «hat man einen Anschlag gemacht, so thut der eine Hülff, der ander gar nicht und wird ihme nachgesehen, von dritten nimpt man das halbe Geld, so komt einer heut, der ander morgen oder über ein halb Jahr, als sich auch die Keyss. Maj. hierüber beklagt hat. Wir seynd wegen solcher Ungleichheit umb das unser kommen».

потеряем свою и погибнем, то никто не станет отвоевывать для нас наше достояние, и не будет никакой пользы,— ни императорскому величеству, ни империи»¹.

Габсбурги старались создать впечатление, будто их внешняя политика решает одновременно и вопросы международного положения империи, которая в своих отношениях с другими странами может опираться только на габсбургскую реальную силу. Этому Бертольд противопоставляет свой тезис о том, что только организация самих имперских чинов, построенная на принципе охраны прав и привилегий каждого, может осуществлять внешнюю политику империи, преследующую те же цели. Считая, таким образом, что основой всякой имперской политики должна быть собственная организация имперских чинов, Бертольд говорил в той же речи, что на рейхстагах имперские чины должны обсуждать свои дела между собою тайно, а затем представлять общее мнение всех императору «Когда мы собираемся на рейхстагах,— говорил он,— то ваше величество имеет там своих советников, а мы своих и со всеми проводятся совещания. И то, о чем мы совещаемся, вы узнаете до того, как мы ответили, и поэтому никто не решается на что-либо новое во время обсуждения»².

По тем же мотивам некоторые лица, выступившие после Бертольда, протестовали против требования Максимилианом помощи деньгами, которые могут быть обращены не на наем войск для общего дела, а на собственные нужды Габсбургов. Выступавшие по этому вопросу настаивали на том, чтобы помощь империи оказывалась не деньгами, а людьми.

Признавая необходимость борьбы с Францией и Швейцарским союзом в интересах империи, но поставив для этого условием — ведение политики империи собственной организацией имперских чинов, Майнцский курфюрст и его сторонники на Кобленцском рейхстаге имели в виду Швабский союз или организацию, построенную на его основе. Князья-руководители Швабского союза — рассматривали его как политическую организацию всех феодалов юго-западной Германии, призванную подавлять борьбу крестьян против сеньориального наступления, подчинить города феодальной политике и охранять суще-

---

¹ J. J. Müller. Ук. соч. стр. 159.— «So hat sich Keyss. Maj. lauten lassen, wann sie verderben, müssen wir auch verderben. Nun haben sie aber ihr Land wieder erobert, wann wir aber unsere verlieren, und ins Verderben gesteckt seyn, wird uns niemand das unsere wieder gewiennen, und seyd Keyss. Maj. und dem Reich kein Nutz mehr».

² Тем же,— «Kommen wir zu Reichs-Tagen, so hat E. Königl. Maj. Rath und Wir haben die unsere und wird allerhand gerathen, und was wir rathen das wisset ihr ehe als wir antwort geben und darf sich keiner im Rathen herfür thun».

ствующую систему прав и привилегий господ, т. е. территориальную систему. На Кобленцском рейхстаге руководители Швабского союза указали, что у империи те же цели. Если у империи имеются более общие цели, в частности — дела внешние, то и они должны быть подчинены охране существующего внутреннего порядка и поэтому проводиться той же организацией. Для понимания настоящих мотивов руководителей Швабского союза на Кобленцском рейхстаге чрезвычайно характерна их тактика после него.

На рейхстаге принят был в предварительной форме (т. е. для обсуждения каждым членом империи у себя дома с тем, чтобы вернуться к нему на следующем рейхстаге) проект обложения на французский поход — с каждого двора в сельских местностях — $1\frac{1}{2}$ флорина, в городах — по 1 флорину. Знать должна облагаться в зависимости от размеров владений¹. После этого рейхстага состоялись совещания членов Швабского союза для определения общего согласованного отношения к принятому проекту обложения. Из материалов этих совещаний² наиболее интересным является инструкция делегатам членов Швабского союза на предстоящий Франкфуртский рейхстаг, на котором кобленцкий проект должен был вновь обсуждаться. Основное в этой инструкции сводится к тому, что члены Союза готовы оказывать «римскому императору» и империи верную службу, но не каждый в отдельности, а как союз в целом. В отношении кобленцкого проекта обложения они дают своему решению широкую аргументацию.

В Швабии, говорится в инструкции, «бедные люди» и подданные так сильно отягощены поборами и чиншами (mit Gülden und Zinsen so hoch verpflichtet) своим господам, что последние не в состоянии обременять их каким-либо дополнительным обложением. Или же господа должны будут отказаться от своих ленных рент, чиншей и поборов. К тому же некоторые из «бедных людей» и подданных находятся в таком правовом положении, согласно общему обычаю в Швабии, что не во власти господ обложить их какими-либо чиншами или налогами сверх обычных рент, поборов и чиншей. Если бы господа вздумали взимать с подданных и «бедных» имперский налог по кобленцскому проекту, то последние окажут сопротивление, отпадут, ища спасение у других, из чего возникнет несчастье для земли (Швабской. — М. С.) и для всех господ. Делегаты должны указать, что подобного предусматриваемому кобленцским проектом обложения никогда раньше не требовалось. В имперских городах, говорится дальше в инструкции, дело обстоит

¹ К. Kl ü p f e l. Ук. соч., т. I, стр. 136.

² Там же, стр. 136—146.

таким образом, что правители не представляют себе, каким путем они могли бы осуществить обложение по этому проекту. Такая попытка имела бы своим результатом восстания, которые привели бы к подавлению всего высшего слоя, из чего возник бы вред и для империи¹.

Инструкция от 13 декабря 1492 г. составлена была вскоре после подавления выступления кемптенских крестьян и в то время, когда Швабский союз был занят устранением «грабежей» и волнений на своей территории. Указывая на угрозу восстаний против господ в Швабской земле, руководители Швабского союза были вполне искренни. Они говорили о предмете, составлявшем их основную заботу. Всякая попытка реализации кобленцского проекта обложения приведет в деревне к восстанию против господ, а в городах против патрициата и всех привилегированных (*Unterdrückung aller Ehrbarkeit*). Указывалось и на опасность установления контакта крестьян, которые восстанут против нового обложения, с внешними силами (*bei andern rücken suchen*). По мнению Клюпфеля, речь шла об опасности контакта между немецкими крестьянами и швейцарцами. В инструкциях подчеркивается связь этих грозных последствий, к которым может привести французский поход и вызванное им имперское обложение, с отношениями внутри страны. Все, что можно извлечь из «бедных людей» и подданных, т. е. из крестьян и горожан, уже берется господами и городскими верхами. Если остаются еще неиспользованные возможности, то это исключительно потому, что условия в данной местности, прежде всего условия классовой борьбы, еще не позволяют их реализовать. Следовательно, новое имперское обложение может быть реализовано только за счет господ, путем отказа их от своих «ленных рент, чиншей и поборов». Иначе оно приведет к восстанию. Как видим, здесь выражается забота о том, чтобы внешние дела не наносили ущерба сеньериальному наступлению. Каждому из господ должно быть обеспечено спокойное обложение и пользование «своим». Это основной про-

¹ К. К l ü p f e l. Ук. соч., т. I, стр. 139 (в свободной передаче Клюпфеля): «Sollen sie des Bunds bisherige getreue, dem römischen Kaiser und dem Reich geleisteten Dienste... versprechen. Was aber den Koblenzer Abschied betreffe, so seien die armen Leuten und Unterthanen in Schwaben gegen ihre Herrschaften mit Gülden und Zinsen so hoch verpflichtet, dass es nicht in ihrem Vermögen sei, sich noch fernere Schatzung auflegen zu lassen, sonst müssten die Herrschaften ihre verliehenen Renten, Zinse und Gülden entbehren. Dieser armen Leute und Unterthanen seien etliche insonderheit so gefreiet... Sie würden sich also... widersetzen, abwerfen, und bei andern Rücken suchen (den Schweizern?), woraus dann für Land und Obrigkeit Unheil en stehen müsste... In den Reichsstädten habe es die Gestalt, dass sie bei ihren Bürgern und Unterthanen nicht wüssten, solches durchzubringen oder zu erlangen, sondern müssten Aufruhr und Unterdrückung aller Ehrbarkeit befürchten, woraus auch dem Reich schaden erwachsen würde».

граммный принцип Швабского союза. Авторы инструкции не против самого французского похода и активной имперской внешней политики вообще, поскольку она определялась программой внутренней политики. Но они считают, что этому должны служить силы самого Швабского союза, той классовой организации, которая охраняет внутренний «порядок» в юго-западной Германии.

Итак, руководители Швабского союза не считали, что укрепление господства феодалов требует централизации государственного аппарата. Утверждая, что все феодальные поборы должны взиматься непосредственно господами, они указывали, что общие заботы класса феодалов, требующие централизации сил, должны составлять функции той княжеской организации, которая призвана охранять феодальные права и привилегии каждого на основе территориальной системы, организуя подчинение сил мелких феодалов и городов крупным князьям в ограниченном районе. Швабский союз, по их мнению, выполняет в данном районе все функции государственной власти; никакого иного централизованного аппарата, который не включал бы его в свою систему, не может быть.

Скоро Швабский союз показал, как он конкретно представляет себе помощь его членов императору против Франции. На Ульмском съезде в феврале 1493 г. была намечена и распределена между членами союза помощь императору, поскольку события могут привести к наступлению французского короля на Бургундию и на наследственные земли римского короля в Передней Австрии, благодаря которым он является членом Швабского союза. Римский король обратится тогда за помощью на основании устава союза¹. Максимилиан не хотел согласиться с тем, что на помощь он может рассчитывать только как член союза. На вышеуказанное решение он ответил, что речь идет не только о габсбургских землях в юго-западной Германии. Конфликт с Францией осложнился отказом английского короля от союза с императором, в результате чего возрастала опасность со стороны французов для Нидерландов. Поэтому Максимилиан требовал, чтобы помощь была дана ему не как члену Швабского союза, а на основании императорского мандата. «В скором времени, — говорил он делегатам Швабского союза, — будут посланы императорские мандаты всем членам империи и в особенности всем примыкающим к союзу курфюрстам, князьям, господам и городам и [самому] союзу, о содержании которых они тогда узнают»². Здесь же Максимилиан

¹ К. Klüpfel Ук. соч., стр. 141—142.

² Там же, стр. 145. — «So wurden in kurzem mandaten von der Kay. und kö. majestät an alle gelider des reichs und besunder an alle verwandten,

указал, что его членство в Швабском союзе имеет для других его членов важное значение. В случаях, когда они подвергнутся нажиму или военному нападению, они могут рассчитывать на помощь такого мощного княжеского дома, глава которого выступит тогда уже не в качестве римского короля, а как член союза. Максимилиан считал, что члены Швабского союза, заинтересованные в помощи Габсбургов, должны выступать наиболее ревностными проводниками габсбургской политики использования империи и наиболее покорными исполнителями императорских мандатов. Более того, по его мнению, члены Швабского союза должны активизировать в этом отношении других членов империи.

Таким образом, Максимилиан не противопоставил взглядам князей, руководителей Швабского союза, принципиально иного взгляда на вопрос о государственной централизации. Он требовал у членов Швабского союза, чтобы те, подавая всем пример в исполнении императорских мандатов, внушили другим имперским чинам, что мощь Габсбургского дома является для каждого достаточной гарантией и лучшей опорой. Князья из Швабского союза с этим не были согласны. Они заявили, что их помощь империи будет эффективной только в том случае, если они будут действовать не каждый в отдельности, а как организация¹. Они решили поэтому, что никто из членов Швабского союза не должен отдельно отвечать за мандаты императора, что союз обсудит и определит свою общую позицию. Княжеские главы Швабского союза рассматривали его как основу имперской политики в районе его действия.

Характерна также полемика руководителей Швабского союза с Максимилианом по поводу одного частного дела. В начале 1494 г. Швабскому союзу пришлось выступить посредником в феодальном конфликте между Майнцским архиепископом и пфальцграфом Филиппом. Сообщая начальникам Швабского союза о ходе дела, архиепископ майнцкий ставил их в известность о намерении римского короля вмешаться в спор и взять на себя его разбор и разрешение. Бертольд писал начальникам Швабского союза, что они должны быть в курсе этого дела, намекая на то, что у союза должно быть собствен-

---

churfürsten, fürsten, herren und stett des punds und den pundt uszgan, was dieselben inhalten, würden sie dayn wol vernemen».

¹ K. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 150—151. «...und nachdem disz fürnemen darauff die kö. mandat zaigen, das gemain reich berühr, des s'e ain klainer tail sind wöll in nit zymlich sein one die andern antwurt zu geben... dann ir hilff allein möcht seiner Kö. Mt. wenig erschieszlich sein, so mocht ir antwurt allein den andern ee verhiinderung dann fürderung bringen.

ное отношение к этому делу¹. Из завязавшейся переписки Максимилиана с начальниками Швабского союза в мае того же 1493 г. мы узнаем о военных мерах, принятых союзом с целью оказания помощи Бертольду против пфальцграфа. Максимилиан потребовал, чтобы союз воздержался от активных действий. Пусть члены союза, писал Максимилиан, остаются в боевой готовности в ожидании приказа короля явиться в его распоряжение для того, чтобы оказать ему помощь в посредничестве и в приведении в покорность непослушной стороны².

Отклоняя это требование короля, начальники и советники Швабского союза прибегают к аргументам общего порядка о сущности Швабского союза и его месте в империи. Они, по существу, утверждают, что на территории Швабского союза может действовать только один императорский мандат, именно — мандат об образовании союза. В силу этого мандата прелатам, графам, господам и городам союза предоставлена свобода от всех имперских назначений. Члены Швабского союза остаются при своих правах и вольностях, понимаемых в том смысле, что они могут быть собраны и направлены в определенные пункты не в силу императорского приказа, а в силу самих союзных обязательств и союзного устава, что в рамках союзной территории сам римский король может действовать только как член союза, а не в силу своих имперских прерогатив³. На место имперских прерогатив ставится сила союзной организации (*Kraft der Einung*), т. е. той организации, которая, объявляя целью имперской власти охрану феодальных прав и привилегий каждого, осуществляет эту охрану в определенном районе путем подчинения мелких имперских чинов и городов данного района руководящей группе князей.

Такой взгляд на место Швабского союза в империи отстаивался его руководителями не только в отношении внутренних

¹ K. K l ü p f e l. Ук. соч., стр. 162.— «...aber die Kö. Mt. hat sich darin verhören und handlung zu thun underfangen, das haben wir dir im pesten nit wöllen verhalten, ob dich anders anlangen wurde, diser bericht wissens zu haben...».

² Там же, стр. 164—165.

³ Там же, стр. 165 (в свободном изложении Клюпфеля): «Sie bitten den König zu beherzigen, wie sie auf das Gebot Kaiser Friedrichs die Einung eingegangen, und allweg von ihm und seinen Vorfahren aller Anschläge des Reichs frei und nie darin begriffen gewesen seien, und das sie, wofern ihre Majestät an die Prälaten, Grafen, Herrn und Städte einige Mandate dergleichen Anschlag und Rüstung innen haltend, ausgehen lassen wollte, bitten müssten, dass solche bei ihren alten Freiheiten und Herkommen belssen würden, wenn aber ihrer Majestät Fürstenthum, Land und Leut, so dem Bunde verwandt, angegriffen würde, so wollten sie als getreue Verwandte thun, was sie Kraft der Einung schuldig seien».

дел, касающихся членов союза. В начале 1495 г. видный руководитель Швабского союза Хуг фон Верденберг по поводу требования имперской помощи римскому королю для совершения похода в Рим за императорской короной высказался за то, чтобы помощь Максимилиану оказывалась не в силу имперской обязанности, а в виду союзной связи с ним, как с членом Швабского союза¹. Таким образом, даже участие в таком, казалось бы, общеимперском деле, как поход за императорской короной, руководитель Швабского союза рассматривает как обязанность, вытекающую из союзных связей. Как видим, высказанный Бертольдом Майнцским взгляд на политическое значение Швабского союза на территории его распространения энергично отстаивался его группой и в последующие годы.

Однако в самой речи Майнцкого курфюрста на Кобленцском рейхстаге содержалось признание необходимости общеимперской политики. То же следует и из приведенной переписки Швабского союза с Максимилианом после этого рейхстага. Настаивая на том, что в своем участии в имперской жизни члены Швабского союза выступают как единая организация, являющаяся в юго-западной Германии единственным воплощением государственной власти, главари союза подчеркивали вместе с тем заинтересованность своей организации в вопросах, касающихся других районов и общеимперской власти, частью которой она является.

Таким образом, история Швабского союза в первые годы его существования — до Вормского рейхстага 1495 г. показывает, что княжеская клика, захватившая в нем господство, имела в виду определенную систему имперского устройства, в которую входит и осуществляющий в своем районе все государственные функции Швабский союз. Целью Швабского союза его княжеские главари считали концентрацию сил для охраны в юго-западной Германии территориальной системы поддержку начинавшейся сеньериальной реакции и всех классовых интересов феодалов путем подчинения крупным князьям данного района разрозненных сил и средств мелких феодалов и городов. Но этой же целью обуславливалась и определенная — в существе своем агрессивная — внешняя политика, которая выводила князей юго-западной Германии за узкие рамки своего района.

Мы подходим теперь к тактике так называемой «княжеской партии» на Вормском рейхстаге 1495 г. Это та же княжеская клика, руководимая Майнцским курфюрстом, которая господствовала в Швабском союзе. Название «партия имперской реформы» (Reichsreformpartei), применяемое к этой

---

¹ К. Klüpfel. Ук. соч., стр. 167.

клике в буржуазной литературе, неверно передает характер ее деятельности. Некоторые материалы Вормского рейхстага 1495 г. показывают, какое место в планах «княжеской партии» занимала внешняя политика.

Известно, что на этом рейхстаге Максимилиан выступил с требованием имперской помощи, мотивируя свое требование, наряду с турецкой, опасностью со стороны французского короля, направляющегося из Неаполя на север и грозящего сейчас «членам» империи в северной Италии¹. Имперские чины, руководящая роль среди которых Бертольда Майнцского подчеркивается в самих источниках, выдвинули два предварительных условия. В империи должен быть установлен постоянный, а не временный, как до сих пор, земский мир и правовой порядок. Кроме того, к охране этого имперского порядка должны быть привлечены все его члены. Этот последний пункт вначале аргументировался тем, что на данном рейхстаге представлены не все члены империи, что необходимо ждать другого рейхстага, когда будут все². Однако когда позже король потребовал срочной помощи в сто тысяч гульденов, которые до реализации проектировавшегося общеимперского пфенига должны были быть покрыты специальным займом, имперские чины представили аргументированный ответ из шести пунктов. В третьем пункте выражалось недовольство тем, что за последние сто лет империя так уменьшилась территориально, что от ее прежних размеров осталось меньше половины, что на оставшихся в империи курфюрстов, князей и других членов падает вся тяжесть имперских повинностей, в то время как «некоторые другие чины немецкой нации и также чужие языки и государства, принадлежащие непосредственно священной империи», отошли от нее и не подвергаются имперским обложениям. Авторы ответа требуют, чтобы, в целях облегчения тяжелого бремени имперских повинностей, в империю были возвращены все отошедшие от нее члены³.

Иоганн Иоахим Мюллер останавливается в специальной

---

¹ Первые выступления Максимилиана на рейхстаге 1495 г. см. J. J. M ü l l e r. Ук. соч., 1-я часть, II-е представление, глава IV (стр. 204—206), глава XII (стр. 263—264), глава XVII (стр. 306—308).

² Там же, глава XVIII, стр. 312.

³ J. J. M ü l l e r. Ук. соч., глава XXII, стр. 319.— «...vnd etlich ander Stend in Teutscher Nation, auch frembd gezüß vnd wesen, on Mittel zu dem hailigen Reich gehörig, abgeen, vnd nit ervordert werden, oder hilfflich erscheinen solten, wurde ain mercklich vntreglich Beschwerung geben vnd davon abermals jr Bitt gnediglich darein zusehen gegen denen, so sich dem Reich entzogen, oder bissher der Hilff vnd Anschlag geweigert hetten, mit füßklichen Fürnemen zu handeln sich andern Ständen im Reich gleichmässig zuhalten».

главе на вопросе, какие земли имели в виду авторы ответа имперских чинов под «frembd gezüng vnd wesen». Ссылаясь на различные проекты учреждения имперского совета, выдвигавшиеся во время Вормского рейхстага, Мюллер указывает, что там речь шла о Швейцарии, Фрисландии, Италии, Арелате и других землях, входивших когда-либо в состав империи¹. Руководящая группировка имперских чинов на рейхстаге требовала, таким образом, восстановить старую империю и установить в ней постоянный земский мир. В ряде исходящих от этой партии документов разъясняется смысл и цель внутреннего «мира и права», которого она в это время неизменно добивалась. Майнцский курфюрст объяснил представителю городов сущность приготовленного на собрании курфюрстов и князей ответа королю: полезно и необходимо установить в священной империи «мир и добрый правовой порядок для того, чтобы все чины империи оставались при хорошем правлении», что только тогда они будут способны выполнять имперские повинности². В ходе дальнейшей полемики с королем эта формула уточнилась: «чтобы все христианство, немецкая нация, священная империя и ее чины прочно оставались при стабильном порядке, добром правлении, чести и значении»³.

Как видим, в разъяснениях и аргументах, данных «княжеской партией», в том числе и в разъяснениях, данных Бертольдом представителям городов, нет речи о каких-либо внутренних переменах или об установлении каких-либо внутренних связей между частями страны. Целью «мира и порядка» объявляется стабилизация положения в империи отдельных чинов. Условие, поставленное Максимилиану, о том, что помощь империи может быть оказана только после установления такого «мира и порядка», означало стремление подчинить этой цели всю внутреннюю и внешнюю политику страны. Имперской политике ставится, таким образом, та же цель, что и Швабскому союзу, но на общей широкой основе, требующей разрешения задач не только внутреннего, но и внешнего порядка. Чины империи не должны допустить, чтобы имперская корона досталась королю Франции⁴. В инструкции делегации, посланной Вормским рейхстагом к швейцарцам, указывалось, что

¹ J. J. Müller. Ук. соч., глава XXIV, стр. 324—325.

² Там же, глава XXII, стр. 318.— «...dass Nutz und Notturfft sey, Frieden, gut Gerechtigkeit und ordnung im heiligen Reich fürzunehmen, und zu machen, damit alle Stände des Reichs in guter Regierung und Wesen beleyben vnd dester statlicher Hilff und Auflegung».

³ Там же, глава XXXIX, стр. 350.— «...damit gemeine Christanheit, Teutsch Nation, d's hailig Reich und stend desselben in beleyptlichen Wesen, guter Regierung, Eren und Wirden beleiben und behalten mügen werden».

⁴ Там же, стр. 330.

швейцарцы, как члены империи, должны участвовать во всех имперских повинностях для того, чтобы дать отпор всем врагам христианства и чтобы императорская корона, приобретенная предками ценою крови, оставалась у «немецкой нации». Здесь же указывается и на необходимость сохранения исконных связей империи с папством, чтобы «святой отец папа и христианский мир... сохранялись и пребывали в мире и покое»¹. Вормский рейхстаг направил делегацию к французскому королю Карлу VIII с посланием следующего содержания. Курфюрсты, князья и все собрание в Вормсе приняли к сведению заверения французского короля о том, что его поход в Италию предпринят только с целью защиты определенных наследственных прав французской короны и ни в какой мере не направлен против интересов и владений папы, римского короля и Священной империи. Однако, вопреки этим заверениям, французы, вступив в Италию, нанесли ущерб людям и имуществу святейшего престола, захватив и разграбив его отдельные города и территории. Такие же насильственные действия, указывается в послании, совершены были французами также и в отношении городов, непосредственно принадлежащих Священной империи и в частности — в отношении Флоренции, Пизы и некоторых других. Авторы послания настаивают на том, чтобы французский король освободил и восстановил в прежних правах захваченные у папы и у империи города и территории и чтобы по пути своего возвращения домой, когда бы оно ни имело место, не был нанесен никакой ущерб замкам, городам, землям, людям и имуществам миланского герцога, являющегося князем империи².

Империя представлялась, таким образом, широкой системой прав и привилегий отдельных имперских чинов, которые должны были охраняться средствами внутренней и внешней политики. Исходным пунктом послания является положение о том, что для обеспечения стабильности прав и привилегий имперских чинов необходимо наряду с другими видами гарантий сохранение имперской короны за Германией. Имперская

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 345.— «vnd die Kai. Cron, Wirde und Ehre, die als obset vnser Eltern mit mercklichen Plutvergiessen erworben haben, bey teutscher Nacion beleyben, auch unser hailiger Vater Bapst und gemaine Christanheit, darauf dann Christanlicher Glauben ruwet, gehandthabt, und bey Frid und Ruw behalten werde».

² Там же, стр. 353.— «...dass sein Ko. Gnade in Betrachtung solcher erblichen Einung und Vertrege... unserm heiligen Vater dem Bapst sein Stette... wider zu handen stellen... auch die obbemelten stet Florenz Pisa vnd andere dem heiligen Reich zustehend... auch in seinem wieder heraus vnd heymzihen ob sich das vber kurz oder lang fügen wird dem hertzogen von Meyland... noch andern an jren slossen, steten, Landen, Leüjen und Gütern keinen schaden, vberlast oder Beswerung thun...»

корона не должна достаться Франции, которая в этом случае поставила бы папство в зависимое от себя положение. Сохранение за Германией имперской короны необходимо также для того, чтобы военные силы и значение швейцарцев могли быть использованы только немцами и чтобы «чужие языки», будучи в составе империи, взяли на себя тяжесть имперских повинностей. Все эти внешнеполитические задачи должны служить той же цели укрепления территориальной системы, которая рассматривалась как основа внутреннего «мира и порядка».

Принятый рейхстагом закон о постоянном земском мире показывает как ходом его обсуждения, так и его окончательным текстом, что цель этого закона заключалась в установлении порядка в империи путем усиления власти князей и подчинения им сил мелких феодалов и городов. Деятели рейхстага имели перед собою указ Максимилиана от 10 мая 1494 г. о продлении десятилетнего земского мира Фридриха III, срок которого истекал в 1496 г., еще на три года. На рейхстаге выражено было недовольство временным характером этого мира. Руководящими кругами князей выдвинуто было требование установления постоянного земского мира. К Максимилиану была послана делегация с проектом указа о постоянном мире. Борьба, начавшаяся вокруг этого проекта между князьями и римским королем, вскрыла непреодолимое противоречие в позиции князей, стремившихся установить охрану вольностей членов империи путем их известного ограничения и подчинения закону о постоянном земском мире.

По утверждению Датта и Мюллера, проект, посланный Вормским рейхстагом Максимилиану, не сохранился среди актов рейхстага¹. Но из последовавших за вручением его переговоров можно заключить, что князья не хотели мириться с простым упразднением вольностей, противоречащих закону о мире. В частности, приняв за основу королевский указ 1494 г. о трехлетнем мире, княжеские руководители Вормского рейхстага исключили из него пункт о захвате имущества должника (так называемый Pfandungsartikel), объявляющий все существующие документы и обязательства, на основании которых кто-либо из членов империи вздумал бы наложить арест на имущество другого за неуплату долга, лишенными всякой силы. Тот, кто хотел бы воспользоваться таким документом как правом на арест имущества, должен публично предупредить должника об этом за четыре недели до осуществления, чтобы предотвратить такой случай и связанные с ним возмущения².

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 393; J. P. Datt. Ук. соч., стр. 784.

² J. J. Müller. Ук. соч., стр. 392. — «Es sol auch wider diesem Frieden Nyemand mit Verschreibungen Phlichten, oder in ainig ander weg

Князя отклонили такое ограничение осуществления своего права в силу долговых обязательств. Высшие коллегии, т. е. коллегии курфюрстов и князей на рейхстаге решили заменить пункт об аресте на имущество другим пунктом о том, что закон о земском мире ни в чем не ослабляет силы личных обязательств каждого и ничего не прибавляет к ним¹. Княжеская партия сумела заставить согласиться с этим также и города. Однако в окончательном тексте принятого рейхстагом королевского указа о земском мире мы не находим и этого составленного князьями и согласованного с городами пункта. Вместо этого мы читаем там два других пункта, касающиеся вопроса о судьбе старой имперской законности и о статуте господских вольностей после введения постоянного земского мира. Нельзя не обратить внимания на то, что эти два пункта противоречат друг другу. Один из них гласит: «Мы снимаем все и отдельные милости, привилегии, вольности, обычаи, союзы и обязательства, данные нами или нашими предшественниками, которые могли бы быть направлены в какой-то степени против этого нашего мира. Какими бы словами, оговорками или соображениями ни установлена была их обязательная сила, мы снимаем их данным указом в силу римской королевской власти и желаем, чтобы никто, каковы бы ни были его достоинство, сословное состояние и положение, никаким образом не ссылался на такие милости, вольности, обычаи или союзы и не защищался против данного мира и закона»².

Здесь речь идет не о частных соглашениях членов империи между собою, а о старых правах и вольностях, которые противоречат указу о постоянном мире. Князья согласились, таким образом, с тем, чтобы королевским указом подобные вольности были объявлены потерявшими силу. За этим пунктом следует другой, в котором говорится: «И этот закон о мире ничего не может убавлять из общего нашего (т. е. императорского.— *М. С.*) и имперского права и других распоряжений и

verbunden werden; Wann wir solches alles auss Krafft unser Keyserlichen Oberkait krafftlos, vnbündig erkennen vnd erkleren. Vnd ob yemand auf sein Verschreibung zu pfenden vermeinte, ob die in Mangel der Bezahlung ime das zugebe, der sol doch zuvor die Pfandung vier Wochen seinen Schuldern offentlich verkünden, damit solchs fürkomen vnd Aufrur verhalten werde».

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 397.— «...dass diesen Landfried niemand an seinen Verschreibungen nichts abbrechen noch zugeben solle».

² Там же, стр. 399.— «Wir setzen auch hindan alle vnd yeglich Gnad, Privilegia, Freyhait, Herkommen Pündtnüss vnd Pflicht, von Vnss oder Vnnsern Vorfaren am Reych, oder andern hievor Ausgangenn, vnd verlast, die in eynich Weyse wider disen vnnsern Friden geseyn oder gethun mochten... die Wir auch... hindansetzen vnd wollen, dass sich Niemand, von was Wirten, Stands oder Wesens der sey, wider disen Frid vnnnd Gepot, durch solich Gnad, Freyhait, Herkommen, oder Verpündtnis schützen, schirmen, oder verantwurten sol, oder mag, in kein Weysse».

указов, изданных раньше, а, наоборот, (должен) усилить их так, чтобы каждый обязан был соблюдать их, согласно данному указу»¹.

В этом последнем пункте, оговаривающем в категорической форме, что закон о постоянном мире не нарушает и не может нарушать распоряжений и указов, изданных раньше на основании императорского и имперского права, — имеются в виду те указы и положения имперского права, которые расширяют самостоятельность отдельных членов империи, — а не те, которые могли бы быть истолкованы как их ограничение. Оговорка была бы тогда лишена какого бы то ни было смысла, поскольку самый закон направлен, по крайней мере — внешне, на усиление имперской общности. Расхождение между пунктом, упраздняющим предыдущие вольности, противоречащие закону о мире, и другим пунктом, согласно которому закон о мире «ничего не убавляет» из распоряжений и указов, изданных раньше на основании имперского права, отражает не только борьбу внутри княжеского лагеря при обсуждении закона, но и противоречивый характер самой политической программы князей: установить какую-то «централизацию» для стабилизации раздробленности. Окончательный текст закона может быть понят только так: основная цель закона о земском мире заключается в усилении старого имперского порядка, основанного на территориальной системе. Однако само это усиление возможно только в том случае, если вольности, противоречащие закону о постоянном земском мире, будут упразднены, т. е. если будет найден путь к сочетанию территориальной системы с существованием закона, устраняющего господство кулачного права.

О том, какой путь намечался для этой цели, говорит другой пункт закона о постоянном земском мире, содержащий предупреждение всем нарушителям его в какой-либо части о возможности лишения их «всех милостей, привилегий и прав», которыми они обладают в империи. Согласно этому же пункту, на самих господ возлагается ответственность за соблюдение закона на всей территории, на которую распространяется их сила. Вы обязаны, говорится там, строго соблюдать закон и немедленно приступить к его проведению в жизнь — лично «и также всем вашим княжеством, графством, областью, где вы обладаете господскими правами и где каждый из вас имеет какое-либо право распоряжения вместе со всеми вашими служащими, наместниками, приказчиками и управляющими,

---

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 300. — «Vnd sol diser Frid und Gebot dem gemainen Vnserm vnd des Reichs-Recht vnd andern Ordnungen vnd Gepoten, vormals ausgang n, nit abbrechen, sunder das meren vnd auf Stund yederman, nach diser Verkundung den zuhalten, schuldig sein».

как бы они у вас ни назывались, и также вашими подданными»¹. Таким образом, авторы и вдохновители этого закона имели в виду, что князья, держащие в своих руках все судьбы их территорий и всего их населения, образуют систему империи и основу земского мира. Это была попытка распространить на всю империю систему Швабского союза, т. е. систему организации защиты интересов всего класса феодалов путем подчинения крупных князьям сил мелких феодалов и средств городов.

Интересам усиления князей подчинены были и предусмотренные на Вормском рейхстаге 1495 г. общеимперские учреждения — принятый закон об имперском палатном суде (Reichskammergericht) и обсуждавшиеся два проекта об имперском совете или имперском управлении (Reichsregiment). В обоих проектах учреждения имперского управления — в первом, более общем, проекте и во втором — расширенном, с предельной откровенностью подчеркивается, что имперское управление должно быть органом власти княжеской верхушки. Имперское управление должно состоять из 17 человек, из которых одного, не ниже «Freyherr», император называет президентом. Остальные 16 состоят из 6 представителей курфюрстов и 10 представителей 10 округов империи². В случае смерти или ухода одного из представителей курфюрстов, выбывшее лицо заменяется по указанию коллегии шести курфюрстов. Если же выбывшее лицо принадлежало к десяти остальным представителям, то замена его должна производиться по указанию большинства всего имперского управления. «Для прочности всего дела» (zu Bestentlichait dis Fürnemens) устанавливается, что «при президенте и всем совете» постоянно находится один из шести курфюрстов, каждый в продолжении года по очереди, причем первым, как указывается в проекте, в эту роль вступит курфюрст архиепископ Майнцский. Задача этого курфюрста — «помогать своими советами и соображениями, содействуя чести и пользе христианства и империи»³. Этот

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 399. — «...auch durch euer Fürstenthumb, Graffschafft, Herrschafft Gepiete, vnd was jeglicher in Regierung v. Bevelch hat, mit euren Ampleuten, Vitzthumen, Pflegern, Verweßern, Stathaltern, wie die Namen haben, auch (euren Vunderthanen, zehalten vnd zu volziehen ernstlich schaffet vnd bestellet, daran nit saumet, noch darwider trachtet oder thut, heymlich oder offentlich, in kein Weyse...»

² Там же, стр. 381—382.

³ Там же, стр. 383. — «... Dass auf Mitwochen zu der ersten Fron-Vasten Nechstfolgend der Ertz. Bischoue zu Mentz vnd nachvolgende aines yeden Mitwochens ainer yegklichen Fron-Vastens der andern fünff Churfürsten ainer, nach ihrer Ordnung,... bey den genanten Presidenten vnd Rat fuegen so lang Not sein wurd, alda beleiben, der Christenhait vnd des Reichs Eere vnd Nutz helffen ratschlagen vnd betrachten...»

же курфюрст заменяет президента до назначения нового в случае его смерти или ухода с этого поста. Имперская казна должна храниться под тремя ключами, один из которых будет находиться у председателя, другой — у члена имперского управления, указанного шестью курфюрстами, а третий — у одного из остальных десяти членов имперского управления. Коллегия курфюрстов, как особая организация, должна, таким образом, согласно данному проекту, контролировать имперскую казну. Никакие новые внутренние таможи не могут быть установлены и ни одна из старых внутренних таможенных пошлин не может быть повышена без разрешения курфюрстов. Шесть курфюрстов собираются ежегодно при имперском управлении для того, чтобы следить, соблюдаются ли во всем установленные правила и также для того, чтобы принимать по их совету чрезвычайные решения¹.

Этих примеров, число которых может быть увеличено, как из проектов устройства имперского управления, так и из принятого закона об имперском суде, достаточно, чтобы не осталось никаких сомнений в стремлении их авторов подчинить империю княжеской верхушке, сделать империю гарантией государственной раздробленности. При этом централизация понималась в этих проектах только в смысле передачи крупным князьям распоряжение силами и средствами других имперских чинов. В расширенном проекте предусматривалось, чтобы имперское управление сконцентрировало в своих руках высшую власть сюзерена над крупными ленами империи. «Мы оставляем за собою,— говорится в проекте королевского указа об учреждении имперского управления,— наделение высшими ленами и регалиями тех, которые будут их принимать торжественно под знаменами. Однако,— говорится дальше,— председатель и советники могут по важным соображениям давать продление этим ленным держаниям. Другие же и меньшие лены каждый держатель может принимать по своему выбору от нас (т. е. от короля) или же от вышеуказанного председателя и советников. Исключение составляют только те, которые в силу особых привилегий получили от наших предков право давать такие или подобные лены. Такие лены должны приниматься у этих лиц»².

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 384.— «...zu ansichtigen vnd stathafftigen Anfang dis Regiments sollen die VI Churfursten, die abgemelt zeyt auss, alle jar, vf yeden Sontag Miserecordia Domini, zu nacht auf iren Costen, in aigner Person, sich bey das Regiment fügen Einseßens zu haben, das solchs nach fürgenomner Ordnung gehandelt auch ob etwas dapfers vorhanden ware, nach jrem Rate beschlossen werd».

² Там же, стр. 382.— «..Doch mügen die vorgemelten President und Räte aus redlichen Vrsachen, solcher Empfengknus zymlich Erstreckung geben, aber andere vnd mindere Lehen mag ain yder, sei-

Отдельные крупные князья сохраняют свои привилегии считаться и впредь высшими сюзеренами, раздающими лены. В остальных случаях централизация ленной системы в империи достигается путем подчинения ленных держаний контролю княжеского имперского управления. Председатель и советники имперского управления должны хранить у себя всякого рода документы об имперских правах и привилегиях и следить за тем, не осталось ли где-нибудь княжество, графство, сеньория или другое имение, составляющее лен империи, которое до сих пор еще не принято формально в качестве лена, а при обнаружении такого графства, княжества или имения сейчас же заставить кого следует оформить его принятие. В отношении княжеств и графств, вернувшихся к империи в качестве выморочных, должно быть вынесено решение короля вместе с курфюрстами — следует ли их оставить в качестве имперского имущества или же снова сдать в лен¹.

Все эти меры по концентрации в руках имперского управления контроля над ленной системой в империи преследовали цель подчинить княжеской верхушке мелких феодалов. Наряду с этим принято было особое решение об установлении формальной связи имперского рыцарства с имперским управлением. Намечено было начать переговоры с рыцарством Франконии, Швабии, Рейнской области и других частей империи, поручив переговоры по каждому району отдельным курфюрстам, князьям и другим виднейшим имперским чинам. Первостепенное значение придавалось рыцарству Франконии и Швабии. Ведение переговоров с франконским рыцарством поручено было епископам бамбергскому и юрцбургскому и маркграфу Фридриху Бранденбургскому. Со швабским же рыцарством ведение переговоров поручалось начальникам и советникам Швабского союза². Уже в первые годы существования Швабского союза Фридрих Бранденбургский постарался связать с ним франконское рыцарство. Таким образом, Швабский союз, имевший большое значение в принятом Вормском

---

nes Gefallens, von Vns oder dem gemelten Presidenten vnd Rate empfahen. Es wäre dann, dass yemands, aus sonder Freyhaiten, von Vnsern Vorfahren ausgangen, sollich, oder dergleichen Lehen zu verleichen hete, von dem oder denselben möchten solliche Lehen empfangen werden».

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 383. — «So sollen auch ratschlagen. die Yhenen, so Fürstenthumb, Graffschaft, Herrschafft oder andere Güter zum Reich gehhörig, vnempfangen, jnn hetten, oder besessen, zubewegen oder darzu zu bringen, dieselben zu empfahen mit gewöhnlichen Pflichten. Doch ob derselben Stück ains oder mer, Fürstenthumb oder mercklich Grafschafft dem Reich haimgefallen wären, oder würden, solt doch vns, mit willen der Churfürsten, darinn gehandelt werden, die bey den Reich zu erhalten oder fürter zu verleyhen...»

² Там же, стр. 460.

рейхстагом законе о постоянном земском мире, рассматривался как главное орудие подчинения рыцарства княжескому имперскому управлению.

Важное место в имперском проекте, обсуждавшемся на Вормском рейхстаге, занимал вопрос о подчинении городов, о превращении их в источник средств для князей и для княжеской империи. Во втором расширенном проекте имперского управления, в разделе о функциях курфюрстов, осуществляющих верховное наблюдение в этом органе, указывается, что они должны установить порядок и надзор за тем, чтобы всякие чрезмерные расходы и роскошь всех сословий были приведены к умеренности, особенно в отношении шелка, полотна, пряностей и т. п., из-за чего, так же как и другими путями, «нация лишается денежной наличности»¹.

Этот «меркантилистический» мотив в проекте, составленном княжескими представителями, заслуживает внимания, но он может быть понят только в связи с общим характером этого политического документа. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» указывают два этапа запретительной политики в отношении вывоза золота и серебра в эпоху расширения торговли и мануфактуры. Вначале запрет вызывался ничтожным количеством находившегося в обращении золота и серебра и являлся такой же необходимой мерой, как система привилегий, без которой не могла тогда обойтись промышленность, нуждавшаяся в привилегиях «не только для борьбы против внутренних, но главным образом против внешней конкуренции». Эти первоначальные запрещения характеризуются Марксом и Энгельсом как распространение на всю нацию местных цеховых привилегий. Но эти же мероприятия получили другое значение после появления на европейских рынках американского золота и серебра, быстрого подъема торговли, дальнейшего развития промышленности и наступившего расцвета нецеховой буржуазии. Политика запрета вывоза золота и серебра продолжается государством, «которое все менее и менее могло обходиться без денег», из фискальных соображений. «...Прежние привилегии,— говорится в „Немецкой идеологии“,— стали источником дохода для правительства и продавались за деньги»².

Для второго этапа запретительной политики, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, не было экономических оснований. Покровительственное значение для экономического развития

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 384.— «...Auch sollen sy Ordnung und Pollucy fürnemen, vnd die Kostlichait vnd Vberflus aller Stand mäsigen, sonderlich Seyden Gewand, Specerey vnd anders, dadurch, vnd auch durch ander Wege par Geld avss der Nacion geschehen würd».

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 48.

страны запрет вывоза благородных металлов мог иметь только на первом этапе. Однако в Германии XV в. о такой покровительственной политике в национальном масштабе не могло быть и речи. Не было здесь и того правительства, которое могло иметь заботу об общенациональном экономическом развитии. Проекты об учреждении имперского управления во всех своих разделах имеют в виду дела административные и фискальные. Если курфюрсты, руководящие в имперском управлении, берут на себя заботу об ограничении роскоши с тем, чтобы «нация не лишилась денежной наличности», то цель их могла заключаться только в том, чтобы денежная наличность оставалась объектом фискальной политики в отдельных территориях и в империи в целом. Поскольку руководящая княжеская партия, с одной стороны, считала основой своей политики сохранение территориальной системы и княжеского суверенитета, а с другой признавала необходимым стать на путь имперской политики и создания имперского органа, который должен действовать под постоянным контролем курфюрстов, то вопрос о финансовой основе этой политики представлялся весьма острым и трудноразрешимым.

В этой связи и рассматривался проект об ограничении роскоши для «всех сословий». Речь шла о том, чтобы обеспечить возможность обложения населения наряду с обычными территориальными и сенъериальными поборами также и имперскими налогами. Насколько труден был этот вопрос, можно видеть из печальной судьбы так называемого «имперского пфенига». Курфюрст Саксонский Фридрих и брат его герцог Иоганн обратились сразу после рейхстага с посланием к своим территориальным чинам по поводу взимания в подвластных им областях имперского пфенига. После обстоятельной мотивировки этого общеимперского налога, авторы послания призывали территориальные чины приложить все старания и привлечь к делу его реализации всех живущих в их областях господ, старейшин, благородных бюргеров и крестьян¹. В тоне письма чувствуется сознание трудности этой задачи. Для понимания сути дела необходимо вспомнить приведенное уже выше заявление членов Швабского союза о том, что сенъериальные повинности так высоки, что крестьяне не могут давать кроме них имперские налоги, что, следовательно, взимание имперских налогов пойдет за счет сенъериальных повинностей или же оно приведет к крупным восстаниям. Тогда речь шла о требовании

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 443.— «Darumb ist unser begerung. Ir wollent, in Bedacht des Heiligen Römischen Reichs, vnd tewtschen Nation Notdurfft vnd der Billicheit, mit allen euern Herschafftten, Vorwanden, Erbern, Bürgern vnd Bawern, schaffen, verfügen, und sie darzu halten, solch Hilff zu Widerstant der Vnglaubigen...»

средств Габсбургами. Теперь же необходимость имперских налогов признается княжеской партией. Выход из противоречивого положения усматривался в переложении основной тяжести имперских налогов на города с тем, чтобы сделать их источником средств для княжеской империи. Проект закона об ограничении роскоши и сохранении в стране денежной наличности направлен был главным образом против городов. Курфюрсты и князья, несмотря на общий характер этого имперского налога, требовали для себя всяческих послаблений, поскольку они и без этого тратят свои собственные средства и силы ежегодно на съезды по общеимперским делам. Они добивались, таким образом, признания за ними управленческих и руководящих функций с тем, чтобы материальную тяжесть несли города. Возражая против этого, представители городов на рейхстаге указывали, что они имеют такие же основания для подобных претензий, как и высшие имперские чины¹.

Однако городским представителям на рейхстаге пришлось уступить, очевидно, вследствие нажима князей, о чем речь будет ниже. 2 июля 1495 г., когда рейхстаг еще заседал, городские делегаты обратились из Вормса к своим магистратам с указанием на то, что обложение городов, принятое на условиях обеспечения земского мира и учреждения имперского управления, должно быть выполнено срочно, ввиду чрезвычайного положения в Италии². После окончания работы Вормского рейхстага нажим на города юго-западной Германии проводился при помощи Швабского союза. Максимилиан энергично потребовал, чтобы Вильгельм Бесерер, — начальник Швабского союза от городов, — применил всю силу организации союза для взимания в городах имперского налога — всеобщего пфенига³. Тогда же предусмотрено было немедленно уведомить все города Швабского союза о решении созвать рейхстаг во Франкфурте для реализации обещанной имперской помощи⁴. Еще раньше Швабским союзом принято было решение о посылке каждому городу печатного экземпляра вормских решений⁵.

Выступая на рейхстаге против Максимилиана и предъявляя ему свои требования, глава княжеской партии требовал от городов отказа от собственной политики и безусловного следования политике князей. Когда Максимилиан, в ходе обсуждения закона о постоянном земском мире обнаружил склонность к уступкам, майнцский курфюрст дал согласие на «сроч-

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 432.

² K. Klüpfel. Ук. соч., т. I, стр. 171—172.

³ Там же, стр. 175—176.

⁴ Там же, стр. 176.

⁵ Там же, стр. 174—175.

ную помощь» Максимилиану до окончательного принятия закона. Таково было решение коллегии курфюрстов и князей, которые предложили и городам дать свое согласие. Представители городов пытались занять в этом вопросе твердую позицию, обуславливая свое согласие на «срочную» денежную помощь одновременным разрешением поставленных в порядок дня вопросов внутреннего мира¹. Политика городов заключалась в стремлении оказывать влияние на характер закона о земском мире. Но этого не хотела княжеская партия, руководители которой заинтересованы были в том, чтобы выявление княжеского характера закона имело место только после вотирования денежной помощи. Выход был найден Бертольдом в созыве совещания высших коллегий с советниками городов. В конце совещания Бертольд объявил, что курфюрсты и князья вместе с другими чинами империи рассматривали в течение нескольких дней проект королевского указа о мире, праве и порядке с тем, чтобы обеспечить помощь империи в деле охраны мира и доброго порядка всем ее чинам и стимулировать их желание сделать все, что требуется, для пользы всего христианства Римской империи немецкой нации².

Как видим, в этом решении энергично подчеркивается необходимость денежной помощи и очень глухо говорится о желательности, в целях стимулирования этой помощи, чтобы закон о мире был выгоден «всем чинам». Попытки городов внести в проекты законов какие-либо новые пункты по линии имперской консолидации и ограничения самостоятельности территориальных князей не привела к каким-либо существенным результатам. Принятый закон основан был целиком на принципе подчинения князьям сил мелких феодалов и городов. Города, опасаясь, очевидно, дальнейших последствий, вытекающих из этого положения, добивались специальной оговорки о том, что «никто, каково бы ни было его значение и положение, не может ни при каких обстоятельствах присоединить и включить в свою территорию какие-либо города Священной империи»³.

Для отношения княжеской партии к городам и к городским требованиям весьма характерным является проект монетной

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 376.— «Vns eins mit dem andern verfertiget werden solte».

² Там же, стр. 377.— «...damit das Rö. Reich, in Frieden, Recht und gut Ordnung gestellt, dass alle Stend geniessen und dest williger wurden tzuthun, was dann in solchem allem tzu Nutz vnd Erhaltung der Christanheit des Röm. Reichs, Teutscher Nacion, vnd gemeiner Stende vnd Lande...»

³ Там же, стр. 379.— «...dass dann solichs yetzo ain gemein Versamblung mit Statut oder überkommen, durch Verschreibung verhüetet: dass Niemand, von was Wirten, Stats oder Wesens die wären, ainich Stat in hailigen Reich in kainen Weg an sich ziehen, auf — oder annemen sölt».

реформы, найденный Иоганном Иоахимом Мюллером в актах Вормского рейхстага и опубликованный им. Вопрос о монетной реформе намечался для обсуждения на рейхстаге¹. Однако его обсуждение, как и ряда других вопросов, не состоялось. Проект реформы представляет собою набросок предложений с отдельными замечаниями, выражающими сомнение в пригодности этих предложений.

Проект выдвигает ряд мер по ограничению прав чеканщиков из князей и курфюрстов. Авторы его исходят из сознания необходимости единой монеты для всей империи и идут в своих предложениях значительно дальше программы монетной реформы, выдвинутой на Хебском (Эгерском) рейхстаге 1437 г. делегатами имперских городов. В первом пункте проекта говорится, что король вместе с курфюрстами и князьями должен установить такой порядок, чтобы все гульдены соответствовали по своему отрубку и весу гульденам, чеканившимся в последние три года четырьмя рейнскими курфюрстами. Указывается вес и меновая стоимость общего гульдена и подчеркивается, что только такой гульден, а не иной, должен приниматься при платежах².

В следующих пунктах разъясняется порядок приведения циркулирующих в стране гульденов к общей меновой единице. Всякий гульден принимается по весу. Неполновесные гульдены принимаются из расчета полновесного, т. е. с вычетом из их стоимости известной доли, соответствующей недостающему им весу³. Каждый, имеющий золото для чеканки, должен соблюдать содержание (пробу) и вес чекана указанных выше четырех рейнских курфюрстов. Обязывая, таким образом, всех чеканщиков придерживаться общеперских норм, авторы предусматривают установление в империи семи центров (Нюрнберг, Лейпциг, Вена, Аугсбург, Страсбург, Кельн и Любек), где каждый чеканщик должен за деньги получать готовые и проверенные куски золота для чеканки гульденов⁴. Специальный монетный оценщик (Waradin — Wardein) должен следить

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 377—378.

² Там же, стр. 462.— «Dass die Königlich Majestat, mit samt Kurfürsten vnd Fürszen, eyn Ordnung furneme, dass alle Gulden, die da gleich sein, am Vfschnid vnd Gehalt, der vier Kurfürsten am Reynn Gülden, so sie ytzund in dreyen Jaren gemüntzt hetten, nemlich neunzehend halb Grat fins... das die vor Werschafft vnd kein ander genomen würden.

³ Там же.— «Was aber ander Gülden geringer erfunden würdenn an Gewicht oder Gehalt, mag ein yder zu seym besten wert abkomen».

⁴ Там же.— «Dass yderman, der Golt zu münzen het, vf solch Gehalt vnd Gewicht der vier Churfürsten muntzen, vnd dass yderman von der Nalen ein Stück, auch Gewicht gegeben werden, vmb ein zymlich Gelt, vnd sol ein Stück zu Nürnberg... alweg sein, yderman davon zugeben, vmb sein Gelt...».

за тем, чтобы каждый кусок золота взвешивался до его чеканки. Затем предусматриваются общие ежегодные проверки всех сплавов, приготовленных для монетной чеканки, особыми лицами, облеченными доверием по присяге, которую они дают монарху, курфюрстам и князьям. Эти же лица имеют также право проверять любой гульден «из кармана купца» (aus des Kaufmans Bewtel). Если купеческий гульден окажется неполновесным, то они должны установить источник фальсификации¹, т. е. добраться до чеканщика. За все замеченные недостатки они подвергают штрафу. Все курфюрсты и князья должны упразднить все старые изображения (Gerreg) на монетах. Однако каждый может ввести у себя любой отпечаток, который ему нравится (seins Gefallens), но только на одной стороне монеты. Другая же сторона каждой монеты должна иметь единый для всей империи отпечаток: орнамент императорской короны с надписью «Adjutorem nostrum in nomine Domini». Установив порядок чеканки и наблюдения, проект предусматривает назначение курфюрстами, князьями и городами «сведущих и честных менял» (verständig from Wechssler), чтобы бедный получал справедливый размен своего гульдена. В конце проекта делаются три замечания в форме вопросов: «Желает ли также римский король вступить в такое же соглашение для того, чтобы придать делу большую прочность? Не приведет ли эта мера к уходу золота из страны во Францию, Венецию или в другие места за границы? Хорошо ли будет, если всеобщий пфениг будет взиматься также с бедных?»²

Необходимо прежде всего разобраться в характере и происхождении самого проекта, а затем — сделанных к нему примечаний. Суть проекта заключается в том, что каждый, имеющий золото для чеканки, получает право чекана, но при этом должно соблюдаться указываемое общеимперское единство пробы и веса подготовленных для чеканки кусков золота и также отпечатка на лицевой стороне монеты. Для проведения этих мер и наблюдения за ними, в империи предусматривается учреждение семи центров. Устанавливается определенный день для приемки и проверки всех старых монет, после чего нахождение в кармане купца неполновесной монеты, равно как и обнаружение где-либо инструментов (Werck) для производства неполновесных монет влечет за собою штраф. Весь

¹ J. J M ü l l e r. Ук. соч., стр. 463. — «...zuermessen, ob er zu leicht wer, wo der Schade herkem».

² Там же, — «Item ob die Königlich Majest. auch sich dermass gnediglich vergleichen wolt im Golt, wer gut, zu besser Beständigkeit. Item zu bedencken, ob nit durch dis Furnemen das Golt in Franckreich, gein Venedig, vnd ander Vsslendig Art, geschoben werde. Item ob as auch gut sei, so der Arm sol dem gemeinen Pfennig geben».

этот проект по существу предложенных им мер весьма близко подходит к девятой статье и примыкающим к ней декларациям из памфлета, известного под названием «Реформация императора Фридриха III». Девятая статья памфлета начинается с того, что «все золотые и серебряные монеты во всей Римской империи германской нации должны быть изъяты из употребления, без ущерба интересам каждого»¹. В целях ликвидации существующего беспорядка в монетном деле и в интересах общего блага предусматривается переплавка всех старых монет «на установленных монетных дворах империи, а впредь следует выпускать в обращение монеты лишь одной пробы и одного веса». Сохранятся ли в будущем существующие привилегии и право чекана монеты, из текста статьи не совсем ясно. Ответ на этот вопрос дается во втором «объяснении» декларации к этой статье, в которой говорится: «Так как в св. Римской империи германской нации все ныне существующие монетные дворы должны быть закрыты, то справедливость требует созвать всех, которые до сих пор чеканили монету в своей территории, и разобрать привилегии и права каждого. И если за некоторыми будет признано это право, по их княжескому достоинству и по законному древнему обычаю, вследствие сознания необходимости, то все остальные должны быть лишены этого права. Те, за коими оставлено будет право чекана, должны получать положенное им количество монет с имперских монетных дворов, согласно сделанному распределению; их герб должен быть вычеканен вместе с имперским орлом, отдельно на каждой стороне, на определенных для каждого монетных дворах; ибо необходимое количество имперской монеты должно быть распределено между всеми монетными дворами германских областей и чеканено, смотря по потребности каждой области»².

Из приведенного текста «объяснения» видно, что автор его старался решить положительно оставшийся неясным в самой девятой статье «Реформации императора Фридриха III» вопрос о сохранении привилегий на право чекана. Тем более заслуживает внимания этот факт, что в проекте, найденном в актах Вормского рейхстага, дается радикальное решение вопроса, предоставляющее право монетного чекана по установленным нормам всякому, кто имеет для этой цели золото (*yderman. der Golt zu Münzen het*). Это обстоятельство и совпадение основных положений монетной политики в «Реформации императора Фридриха III» и в рассматриваемом нами проекте дают полное основание считать, что проект из материалов Вормского

¹ Цитирую по русскому переводу «Реформации императора Фридриха III», приложенному к «Лекциям по новой истории» проф. В. В. Бауера, т. I, СПб., 1886, стр. 268.

² В. В. Бауер. Лекции по новой истории, стр. 287.

рейхстага исходит от кругов, близких к тем, мнение которых выражал автор упомянутого памфлета и примыкавших по крайней мере в вопросах монетной политики к радикальному для того времени требованию общеимперской централизации монетной системы. Из этого следует, что проект, найденный в материалах Вормского рейхстага, несомненно городского, а не княжеского происхождения.

Однако вместе с тем в этом проекте имеются оговорки и примечания, не только направленные к ограничению централизации в области монетной системы, но и ставящие под сомнение целесообразность всей реформы. После указаний на необходимость приведения всех монет к единству пробы и веса в проекте говорится: «Его королевское величество должен издать мандаты во все суды с объявлением этого (закона), за исключением тех случаев, где особые документы и соглашения предусматривают что-то иное»¹. Здесь явно имеется в виду сохранение таких привилегий, которые дадут их обладателям возможность не подчиняться новым порядкам чеканки. Вопрос о том, удастся ли склонить и Габсбургов подчиниться общим правилам, представляет собою выражение сомнения при существующих обстоятельствах в возможности монетной реформы вообще. Во втором вопросе — не приведет ли реформа к уходу золота во Францию, Венецию и в другие места за границей — скрыто опасение, что строгие правила, которые будут установлены в Германии при широком предоставлении права чеканки, могут привести к уходу золота в другие страны, где оно принесет владельцу больше выгод. Обе приведенные оговорки, очевидно, исходят от князей, заинтересованных из фискальных соображений в том, чтобы денежная наличность не уходила за границу.

Правда, в «Реформации императора Фридриха III» также предусматриваются меры против вывоза золота за границу. В четвертой декларации к девятой статье говорится: «Все золото и серебро, которое содержится во всей империи в предметах обихода, должно быть... перечеканено в гульдены, чтобы золото и серебро, равно как и монета, оставались в империи»². Однако автор памфлета не видит в мерах по централизации монетного дела в империи предпосылки к уходу благородных металлов за границу. Наоборот, он считает что переплавка золотых и серебряных предметов в монеты должна предотвратить уход золота за границу. Он рассчитывает на государственное единство и государственное законодательство, запрещаю-

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 462.— «Vnd dass die Königlich Majest. lass Mandat aussgehen an alle Gericht, also Pronuncirt, es were dan, dass sundere Vorschreibung oder Verträge anders zugeben».

² В. В. Бауер. Ук. соч., стр. 288—289.

щее вывоз из страны денежной наличности. Для автора памфлета речь шла о государственной покровительственной политике, в то время как князья в своих заботах об оставлении денежной наличности в стране руководствовались соображениями фискального характера в условиях территориальной системы, которую они старались укрепить.

Рассмотрение проекта реформы монетного дела приводит к выводу о том, что данный проект по существу представляет собою оговорки и замечания князей к предложениям о централизации монетной системы, исходившим со стороны городов. Своими вопросами князья хотели доказать нецелесообразность централизации в деле чеканки монет и необходимость сохранения прежней системы привилегий в этой области. Особого внимания заслуживает третий вопрос к проекту, который с первого взгляда не имеет к нему никакого отношения: подобает ли брать имперский пфениг с бедных. Постановка этого вопроса к данному проекту показывает, однако, что заинтересованные стороны видели здесь какую-то связь. Термин «бедные» применялся тогда для обозначения крестьян. Князья и знать Швабского союза указывали на невозможность обложения крестьян имперскими налогами, поскольку все, что можно брать с них, уже берется их господами. Весь класс феодалов стремился переложить тяжесть имперских налогов на города. Горожане, наоборот, требовали, чтобы имперский налог был всеобщим. Следовательно, этот последний вопрос тоже не мог быть поставлен городами. Очевидно, его поставили князья. По поводу отношения этого вопроса к проекту монетной реформы можно высказать предположение, что сторонники проекта видели во всеобщем характере имперского пфенига аргумент в его пользу, считая, что всеобщий имперский налог обуславливает необходимость единой имперской монеты. Противники же монетной реформы подвергали сомнению самый принцип всеобщности имперского налога, указывая на чрезвычайные трудности его взимания с крестьян.

Итак, на Вормском рейхстаге 1495 г. намечен был к обсуждению вопрос о монетной реформе. Проект, найденный в актах рейхстага, свидетельствует о городском его происхождении и о городской инициативе в постановке самого вопроса. Однако этот проект, а вместе с ним целесообразность реформы монетной системы, поставлены были князьями под сомнение. Фактически они отвергли проект, не дав ему дальнейшего хода ни на данном, ни на следующих рейхстагах. Князья не допускали самостоятельной политики городов. В имперской системе, которая проектировалась и принималась в Вормсе, города должны были служить лишь финансовой основой княжеской политики.

Гарантией территориальной системы в Германии должна была служить и внешняя политика княжеской империи, как об этом было заявлено Бертольдом Майнпским в начале работы рейхстага. Финансовые и военные издержки империи должны были быть возложены не только на другие классы, но и на другие народы. Согласно расширенному проекту имперского управления, это учреждение должно будет определить те меры, которые нужно принять для возвращения в империю швейцарцев, фризов и других народов, которые когда-либо находились в ее составе¹. Мотивы этого пункта были уже раньше достаточно откровенно сформулированы на Вормском рейхстаге. В ответе имперских чинов римскому королю на его просьбу о помощи выражалось недовольство тем, что за последние сто лет империя потеряла больше половины своих земель, вследствие ухода из нее многих членов, что на оставшихся ложится теперь вся тяжесть издержек Священной Римской империи, что эта тяжесть станет «невыносимой», если отошедшие имперские чины «немецкой нации и также чужие языки и [территориальные] образования» не будут возвращены в ее состав². Имелось в виду, что швейцарцы дадут свою военную силу, а фризы, т. е. Нидерланды, так же как и итальянские вассалы, будут вносить налог в кассу империи, которая будет находиться под наблюдением трех коллегий имперского управления³. Принятые Вормским рейхстагом меры по «соблюдению мира и права» (von Handhabung Friedens und Rechtsens), предусматривающие разделение империи на округа в целях обороны, оставляют также место для Чехии и Швейцарии на тот случай, если те «захотят» участвовать в имперской системе⁴. Рейхстаг обсуждал и практические меры к тому, чтобы сделать

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 383.— «...wie die Aydgenossen, Frieslender vnd ander zum Reich gehörig, so ain Zeutlang davon gewest, wieder mit fügen zubewegen wären, sich anderm im Reich gleichmässig zu halten: wie dann solch wege am fücklichsten zu finden wären».

² Там же, стр. 319.— «...so sey das heilig Rom. Reich durch manicher handt zufall vnd Verschwerung, von hundert Jaren biss auf diesen Tag, in solch mercklich Abnemen vnd Verderben gesetzt, dass yetz nit der zway Theil in Gewaltsam der Kü. Maj. vnd bey dem Reich sey. Desshalben die Macht, Gewalt vnd Hilf der Stende in dem Reich hochlich geringert. Wo nu der Last numals auf Churfürsten, fürsten vnd andern Gliedern, die diser Zeyt sich in Gehorsam seiner Majestat vnd des Reichs hielten, allain ligen, ... vnd etlich ander Stend in Teütscher Nacion, auch frembd gezügn vnd Wesen, on mittel zu dem h. Reich gehörig, abgeen, vnd nit erfordert werden oder hilflich erscheinen solten, wurde ain mercklich vntreglich Beschwerung geben».

³ Там же, стр. 383—384.

⁴ Там же, стр. 457.— «Item wo die Crone zu Behem auch in dieser Ordenunge sein wolte, so müssen diss zwene vorbestympten Zeirckel darnach gestellt werden, Item wo die Eydgenossen mit in der Ordenunge sein wolten, so müsste der Zeirckel von Chur aus darnach gestellt werden».

империю сюзереном всех находящихся в сфере ее влияния реальных сил и таким образом окружить олигархическую империю, представляющую собою совокупность княжеских территорий, зависимых от нее землями. В этом направлении намечалась и внешняя политика империи, которая по существу не отделялась от внутренней. Решено было обратиться к папе с письмом от имени короля и рейхстага с тем, чтобы на следующем рейхстаге отправить к нему делегацию для ведения переговоров. Обращено было внимание на отсутствие соглашений, по которым «другие языки» сделались бы ленниками «немецкой нации» и решено было наметить людей «для переговоров с чешским королем, со всем имперским рыцарством и со швейцарцами»¹. В этой же связи решено было заставить Габсбургский дом признать свою ленную зависимость от империи и связанные с этим ленные обязательства. Это признание король и сын его Филипп должны были подтвердить официальным актом принятия лена от империи². Враждебное отношение руководящей княжеской клики Вормского рейхстага к французским планам в Италии и к возможности союза Франции со швейцарцами объясняется тем, что в этих планах княжеская партия усматривала опасность для своего проекта имперского устройства. Этот проект представлял собою не что иное, как подчинение сил и средств соседних народов территориальной системе империи, «консолидированной» законом о постоянном земском мире на основе подчинения мелких феодалов и городов крупным князьям.

В имперском плане господствующего класса Швабскому союзу предстояло играть роль основного рычага для приведения в действие зависимых от империи реальных сил и средств. Сразу после Вормского рейхстага издан был акт о продлении его срока, истекающего в 1496 г. вместе с истечением срока десятилетнего земского мира 1486 г., — еще на три года. В акте подчеркивались особые задачи обновленного Швабского союза в связи с результатами Вормского рейхстага.

---

¹ J. J. Müller. Ук. соч., стр. 459. — «Item die Gebrechen in Concordaten, dass andere Gezung beneficia und reservat in der Nacion annehmen. Item zuforderst zubetrachten Personen, die da handeln by dem König zu Beheim, der Ritterschafft allenthalben im Reich, auch bey den Eydgenossen».

² Там же, стр. 460. — «Item, dass auch sein Königlich Majestat bey irer Gnaden Son, den Ertz Hertzog Philips, daran sey vnd thue, damit Er die Land, Herschaft Gepiet vnd anders so ym von dem Heyligen Reich zu Lehen zuerkennen geburt, zulehen empfahen, davon gewönlich Lehenspflicht thun vnd sich mit allen Sachen, wie Churfürsten und ander fürsten... halten».

Прежде всего указывалось, что и до этого, с самого своего основания, Швабский союз был «опорой земского мира» в Швабии. Император Фридрих, говорилось дальше в акте, перед смертью опубликовал манифест о том, что Швабский союз должен после истечения срока его действия быть продлен еще на три года. Этот манифест был подтвержден Максимилианом. «Но за это время произошло то, что наш милостивейший государь Максимилиан, римский король и прочая, принял по совету и по воле своих и священной империи курфюрстов, князей и других чинов на закончившемся недавно рейхстаге в Вормсе закон о новом земском мире для всей империи немецкой нации, который был в окончательном виде опубликован в Вормсе 7 августа 1495 г.»¹.

Из введения к указу видно, в чем заключалась обстановка, созданная вормскими решениями, требовавшая определения новых задач Швабского союза. Взвесив пользу прежнего союза «для сохранения земского мира и для упрочения за каждым его старых прав, вольностей и обычаев», Максимилиан признает необходимым для себя и своих наследников возвестить настоящим документом о том, что «вышеуказанный общий земский мир, установленный в Вормсе», принимается им добровольно (*gutwilliglich angenommen*). «И так как мы склонны усиливать и расширять этот земский мир, поскольку он установлен для достоинства Священной империи на благо всем паломникам, всем путешествующим по империи и всем почтенным для обеспечения за каждым его прав, вольностей и старых обычаев, то мы добровольно объединяемся между собою всеми нашими княжествами, замками... для дальнейшего соблюдения этого общего королевского земского мира и в силу его, во имя общего мира и пользы... против всякого, кто нанесет ущерб нам или нашим...»².

Здесь речь идет, таким образом, не только о том, чтобы сделать земский мир эффективным на ограниченной территории

---

¹ J. P. Datt. Ук. соч., стр. 326.— «...in mittler zeit aber fürgefallen, dass durch den obgenanten vnsern allernedigsten herrn Maximilian, Römischen König etc. uff dem nachstgehalten Reichstag zu Wurms mit Rath und Willen seiner vnd dess heiligen Reichs Churfürsten, Fürsten vnd andern Stenden, ain newer Landfrid, durch das gantz Reich Teutscher Nation geordnet, gesetzt, verschriben, gebotten vnd aussgegangen ist... zu Wurms am siebenden tag dess Monats Augusti... 1495».

² Там же.— «Vnd so wir dann genaigt sind, denselben Landfriden, noch dem, der dem heiligen Reich zu Ern, den bilgerin, Landfarer, vnd aller Erbarkeit zu gut, auch dass ein yeder dest bass bey seinen würden Rechten, freyheiten vnd altem herkommen beleiben möge, angesehen ist, zu auffen vnd zu mehren, vmb weiter handhabung solichs gemeinen kuniglichen Landfriedens, vnd in Krafft desselben vmb gemains frieden vnd nuz willen...»

Швабской земли, но о том, что Швабский союз должен сделаться опорой установленного в Вормсе земского мира и принятой там же имперской реформы, направленной на обеспечение каждому его старых прав в империи, т. е. на укрепление той политической системы, которая составляла также цель Швабского союза. Для выяснения нового значения, которое придавалось Швабскому союзу при его продлении после Вормского рейхстага, интересно сопоставить введение к акту продления с вводной частью первого акта о Швабском союзе от 21 января 1488 г. Там задача Швабского союза представляется более узкой: объединение аргументируется желанием лучше служить империи и императору в осуществлении земского мира в своей области и необходимостью сохранения в Швабской земле существующих вольностей¹. Перед Швабским союзом не ставились тогда задачи общеимперской политики, выходящие за рамки Швабской земли. В акте же 1495 г. о продлении Швабский союз выступает в качестве хранителя и гаранта постоянного земского мира и новой имперской организации. В самом акте 1495 г. старый союз характеризуется как организация для осуществления закона 1486 г. о земском мире в ограниченном районе, в то время как перед новым ставится задача быть опорой общего земского мира 1495 г., не только в рамках его территории.

Новое значение, придававшееся в акте 1495 г. Швабскому союзу, объясняется позицией княжеской партии, которая исходила теперь из необходимости общеимперской организации для обеспечения классового господства княжеской верхушки и сохранения территориальной системы. Новый взгляд княжеской партии на вопрос о месте Швабского союза в империи после принятия вормских решений 1495 г. лучше всего выразил Бертольд Майнцский на собрании членов Швабского союза в Ульме 1 августа 1496 г. Публикующий эту речь Иоганн Филипп Датт предпосылает ее тексту свое замечание о том, что в столь тревожное время нельзя было допустить распада Швабского союза, от которого зависела охрана вормского постоянного мира и палатного суда, что Бертольд, курфюрст Майнцский, заботясь об укреплении Швабского союза, поступал разумно².

Майнцский курфюрст начинает с того, что необходимо взвесить и оценить те тревожные и бурные события, которые происходят теперь на глазах у всех в Священной империи и осо-

¹ J. P. D a t t. Ук. соч., стр. 281.

² Там же, стр. 324.— «Neque is tum erat temporis turbulenti genius. ut dissolutionem Suevici foederis, à quo Tutela pacis Wormatiensis perpetuae, et Cameralis Judicii pendebat, permetteret. Et prudenter. Socios foederis, Bertholdus, Moguntinus Elector, Caesaris nomine saepius communit».

бенно то обстоятельство, что «другие нации, которые теперь стали очень мощными, составляют сильную угрозу и причиняют беспокойство чинам Священной империи»¹. Мало того, следует опасаться, что события этого рода могут докатиться до самых границ немецкой нации, как это уже отчасти случилось². Если, продолжает он, против этого не будет предпринято никакого противодействия, то «Священной империи немецкой нации и особенно Швабской земле, охватывающей значительное число ее членов, равно как и всем почтенным, причинены будут невозмещимый ущерб и вред», а учрежденные в Вормсе институты охраны земского мира и палатный суд не смогут из-за вышеуказанных обстоятельств существовать. Когда же все это будет разрушено, то каждый может сообразить, к каким тяжелым последствиям, возмущениям и войнам это приведет в Священной империи немецкой нации, в том числе и в Швабской земле, поскольку мир и право не будут больше существовать³. Римский король Максимилиан не имеет возможности, при существующем положении в Италии, совершить поход в Рим для того, чтобы принять там корону императора. Это указывает, по мнению руководителя княжеской партии, на то, что «другие власти или мощные образования намерены решиться на насильственный захват в свои руки достоинства Священной империи (т. е. императорской короны.— М. С.) или на такое проникновение в нее, которое приведет к явному расстройству всех чинов Священной империи, особенно в Швабской земле, к ущербу и подрыву вольностей и старых установлений каждого»⁴.

¹ J. P. D a t t. Ук. соч., стр. 324.— «Sie solten ermessen vnd erwegen die sorgfältigen geschwinden läuff, so yetzo allenthalben im heiligen Reich vor augen schweben: vnd sonder wie sich ander Nacionen, die dann vast mächtig sind, erheben dess heiligen Reichs Stennde mit schwärer anfechtung zubelestigen».

² Там же.— «...darauss dann zubesorgen, dass sich solch hendel suletst an die grenitzen Teütscher Nacion strecken möchten, alss auch yetzo zum tail beschehen».

³ Там же, стр. 524.— «...vnd wa nicht ernstlich dagegen widerstand furgenommen werden solte, dass dann sollichs dem hailigen Reich Teütscher Nacion vnd am maisten dem Lannd Schwaben, darinn dann ein mercklicher tail dess Reichs verwanten begriffen, vnd all Erberkeit zu unwiderpringlichem abbruch vnd schaden raichen möchte: Zr dem auch der Kuniglich Landfrid vnd Cammergericht, davon dann auff dem Kunigslichen tag zu Wormss beschlossen worden, ains tails auss vorerzelten vnd andern merklichen vorhandenen vrsachen nit in langwürigem wesen beleyben. Wa nun das auch zerrütt werden solte, mög ain yeder bedencken, so der frid vnd das Recht nit mer vorhanden wär, zu was beschwerden, auffrurn vnd kriegem, das im heiligen Reich teutscher Nacion vnd auch im Land zu Schwaben raichen wurd».

⁴ Там же.— «...auss dem dann auch erwachsen mocht, dass ander gewalt, oder mächtige Wesen, sich erheben vnd vndersteen möchten, die wird dess hailigen Reichs gewaltiglich in Jr hand zubringen, oder sust dermassen

Таким образом, прежде чем говорить о продлении Швабского союза, чему и посвящена его речь, Бертольд Майнцский счел необходимым остановиться на общем положении империи. Основное внимание он уделяет ее международному положению и вместе с тем объясняет, почему та княжеская клика, которая добивается укрепления территориальной системы, т. е. системы государственной раздробленности, должна была вести определенную имперскую политику. Руководитель княжеской партии указывал на опасное положение раздробленной империи, окруженной народами с централизованной государственной системой. Он видел в этом угрозу тому внутреннему порядку, который был принят и установлен в Вормсе, порядку, в основе которого лежал принцип охраны феодальной системы путем подчинения всех мелких сил крупным князьям. Несомненно, он выражал здесь опасение, что внутренние силы в стране, которые являются противниками устанавливаемой олигархии, могут получить поддержку со стороны других государств и вообще достигнуть такого контакта с ними, который приведет внутри империи к «возмущениям и войнам», к тому, что для вольностей и старых прав всех высших слоев (*aller erberkait*) в империи будет создана большая угроза. Еще на Вормском рейхстаге 1495 г. руководящая княжеская группа указала, что для сохранности имперской системы необходимо подчинить империи «чужие языки», окружающие ее, и поставить на службу имперским чинам военные силы и денежные средства других народов. Теперь Майнцский курфюрст обращал внимание на то, что среди соседних народов имеются уже такие «мощные образования» (*mächtige wesen*), которые стремятся отнять у Германии императорскую корону и проникают уже в ту сферу, к тем народам, которые по имперскому плану князей должны быть подчинены империи. Здесь оратор имел в виду в первую очередь Францию, король которой претендовал на имперскую корону и начал активные действия в Италии, т. е. прежде всего опасность сближения Франции со швейцарцами, опасность использования Францией швейцарской пехоты, и весь комплекс вопросов, вытекающих из связи классовой борьбы крестьянства и бюргерства юго-западной Германии с положением Швейцарии. Поэтому Бертольд подчеркивал, что опасность международной ситуации для всех имперских чинов особенно остра в отношении Швабской земли. Желая обосновать необходимость имперской политики, Бертольд указал на зависимость положения внутри империи от международной обста-

---

eingriff zuthung, dadurch dann ain mercklich zerrüttung all dess heiligen Reichs Stennd, vnd sonder im Land zu schwaben zu abbruch vnd nachtail ains yeden freiheit vnd alten herkommens, entspringen wurd etc.».

новки, на связь с имперским строем, принятым в Вормсе, определенной внешней политики, составляющей дело всей империи.

Исходя из высказанных им соображений, Бертольд докладывал, что курфюрсты, князья вместе с советниками дворянства и городов решили поставить вопрос о продлении Швабского союза «в надежде и уверенности, что это побудит и другие мощные образования в империи примкнуть к этому славному союзу, из чего последует постоянный мир в империи и особенно в Швабии, который даст возможность отражать другие нации, которые вздумали бы восстать против Священной империи и Швабской земли. Право и мир даст также возможность каждому удерживать и отстаивать свои вольности и старые установления»¹. Каждый должен помнить, — закончил Бертольд, — как возник союз и какую пользу он принес за время своего существования «всей знати и другим примкнувшим к нему»².

Гарантией установленного в Вормсе порядка и политики князей — как внутренней, так и внешней — является, по мнению Бертольда Майнцского, Швабский союз. Бертольд говорит не о том, что Швабский союз будет осуществлять на своей территории имперские функции, а о том, что укрепление союза будет иметь значение для положения во всей империи и особенно — для Швабии. В этой связи, как мы видели, выражается уверенность в том, что к союзу примкнут и другие «мощные образования в империи», в результате чего «чужие нации» будут отражены. Применявшийся при этом термин «mächtige Wesen im Reich» означает крупнейших князей, обладающих реальной силой. В той же речи Бертольд употребил термин «mächtige Wesen» еще раз, где он подразумевает под ним иностранные государства, от которых, по его мнению, грозит опасность членам империи. Что имел в виду майнцский курфюрст, говоря о предстоящем присоединении к Швабскому союзу «мощных образований империи», — не совсем ясно. Имел ли он в виду присоединение к Швабскому союзу сильных князей из других частей империи, благодаря чему сам Швабский союз превратился бы в общеимперскую организацию с концентрированной реальной силой, или же, что более вероятно,

---

¹ J. P. D a t t. Ук. соч., стр. 324. — «...der hoffnung vnd zuversicht, so das geschäch, dass ander mächtig Wesen im Reich sich auch zu diesem löblichen Pund thun, darauss dann ain stäter Frid im Reich vnd sondern im Land zu Schwaben behalten vnd gehandhabt würd, dass man sich dadurch ander Nationen, die sich wider das hailig Reich vnd das Land Schwaben em-bören, desterbass erwerben vnd auffenthalten...»

² Там же. — «Dass ain yeder hab gut wissen, wie vnd auss was vrsachen der Pund angefangen, vnd dass der die vergangen Jahr her gemainem Adel vnd andern Puntsverwanten zu hohem gut erschossen...»

здесь выражалась надежда на возникновение, по образцу Швабского союза, в других частях империи таких же организаций. Но так или иначе Бертольд высказал свой взгляд на место Швабского союза в княжеской имперской системе. Империя не обладает средствами и военной силой, чтобы сделать реальным принятый в Вормсе план ее стабилизации. Устройство империи должно, по мнению Бертольда, сделать Швабский союз центром аналогичных объединений в разных частях страны. Именно в этой форме империя желательна для княжеской верхушки. Основой империи должны сделаться, согласно этому плану, объединения имперских чинов, возникшие для охраны прав и привилегий каждого из господ на основе существующей территориальной системы и осуществляющие свои функции каждое в районе своих действий под контролем наиболее мощных и влиятельных князей. При этой системе охраны территориально-политического *status quo* имперские функции и вся имперская организация подчиняли бы реальные силы мелких имперских чинов, вассалов и городов мощным и влиятельнейшим князьям на том основании, что только в этой форме возможно существование империи, как классовой организации, обеспечивающей всем господам охрану старого порядка и гарантирующей его не только от непосредственных революционных действий низших классов внутри страны, но и от возможных влияний нарождающихся вокруг Германии централизованных государств. Выступая против Габсбургов, стремившихся подчинить империю интересам своей великодержавной политики, руководители княжеской партии старались доказать, что только их план имперского устройства и организации имперских сил отвечает основной цели общеклассовой политики всех господ — охране привилегий каждого и старого порядка в целом.

Само собою разумеется, что в борьбе Габсбургов и княжеской партии каждая из борющихся сторон стремилась использовать империю и потребность всех феодалов в общей политической организации в своих корыстных интересах, в одном случае — в интересах великодержавной политики Габсбургов, в другом — в интересах княжеской олигархии. Все имперские проекты господствующего класса рассматривали города только как объекты фискальной политики князей и княжеской империи, которые должны были быть подчинены крупным князьям, наряду с другими местными силами раздробленного феодального мира, на основе локальных объединений типа Швабского союза. Эта имперская система должна была, по уверенности ее вдохновителей, сделать крупных князей гарантами феодального строя, обеспечивая некоторыми согласованными действиями, главным образом в отношении других народов, подчиненное

положение городов, безраздельное господство всех феодалов над эксплуатируемым крестьянством и возможность начинавшегося тогда в условиях активного крестьянского сопротивления процесса сеньериального наступления. Об организации подлинного государственного единства, о поддержке прогрессивных элементов народа в какой-либо степени — здесь не было речи. По поводу этой имперской организации, окончательно принятой для введения в действие на Вормском рейхстаге 1521 г. Маркс писал в «Хронологических выписках»: «В то же время она создала это немецкое уродство (*dies deutsche Monstrum*), *централизацию власти князей в централизованных частях Германии*; вместе с этим *паршивым княжеским суверенитетом* создалось специальное немецкое *«подданство»*, которое делало крестьян и бюргеров одинаково *«крепостными»* государя; во внешних же отношениях перед границей Германия представляла собой жалкую фигуру — поэтому с той поры германская история это *только развитие княжеской власти путем ограбления империи»*¹.

---

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 97.

ГЛАВА VI

НАРАСТАНИЕ ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В 90-Х ГОДАХ XV в. И ШВЕЙЦАРСКАЯ ВОЙНА 1499 г.

Наиболее выдающимся проявлением классовой борьбы в Германии в 90-х годах XV в. является раскрытый в 1493 г. заговор «Башмака» в Эльзасе. Но об этом событии речь будет в следующей главе, посвященной заговорам «Башмака» начала XVI в., к которым оно примыкает. Здесь же, забегая вперед, необходимо заметить, что заговор 1493 г. связан был не только с началом мощного революционного движения крестьянства, но и с подъемом бюргерской и рыцарской оппозиции, деятели которой обратили внимание на оживление крестьянского движения, рассматривая его в свете своих политических планов.

После Вормского рейхстага 1495 г. можно наблюдать оппозиционные настроения в городах в разных формах. Оппозиция городских верхов была вызвана непосредственно вормскими решениями. По мере выяснения настоящего характера этих решений и того места, которое занимал в имперском плане князей Швабский союз, против последнего сложилась серьезная оппозиция городов и рыцарства, т. е. тех сил, которые с самого начала образовали основу его организации.

В январе 1496 г. на съезде Швабского союза «некоторые из городов и от рыцарства» оставили за собою право высказаться позже о своем отношении к решению продлить Швабский союз до 1499 г.¹ 18 марта, т. е. на следующий день после акта об официальном продлении, магистрат Эслингена получил донесение о том, что города Аугсбург, Галль, Дюнкельсбюль, Рейтлинген и Бейрен продолжают упорствовать в своем отказе от присоединения к возобновленному союзу и что на них оказывается нажим при помощи угроз². 24 марта представители указанных выше городов вместе с некоторыми другими, собрав-

---

¹ К. Klüpfel. Ук. соч., т. I, стр. 182.— «...ettlich vom adel und den stetten die ding hindersich zu bringen angenommen haben».

² К. Klüpfel. Ук. соч., стр. 184.

шимися в Эслингене, рассмотрев условия возобновленного Швабского союза, указали на ряд новшеств в его уставе, с которыми они не могут согласиться.

Прежде всего указано было, что пункты, касающиеся судебного устройства в Швабском союзе, составлены в обход интересов городов и городской юрисдикции. В них предусматривается, что судьи назначаются из среды знати, а не из горожан. Особое недовольство городских делегатов вызывал пункт о том, что решение всех поземельных споров, — является ли тот или иной участок леном или собственностью, а также решение вопроса о том, кому из двух спорящих сторон принадлежит земельный участок, — предоставляется, согласно уставу, судье из среды знати. В резолюции подчеркивается, что в объединении Швабского союза города занимают худшее положение, что ущемление их прав не имеет никаких precedентов в каких-либо ранее заключавшихся соглашениях¹.

Авторы резолюции указывают и на то, что пункты, предназначенные служить гарантией против насильственных захватов и сгона и предусматривающие правовой путь для решения всех споров, составлены весьма туманно и фактически не могут служить такой гарантией. Не сказано четко, что незаконно согнанный должен быть водворен обратно. Пункт, запрещающий прибегать к насильственным действиям, составлен в форме, более выгодной насильнику, чем его жертве².

Городские представители выступили против нового устава, превращавшего курфюрстов и князей в руководителей Швабского союза, а военные силы союза — в орудие их политики, в то время как города ставились в неравноправное положение и рассматривались только как источник материальных средств. Они выражали недовольство тем, что «курфюрсты и князья из окружения Швабского союза созываются и заседают в нем на основаниях, отличных от тех, которые установлены были блаженной памяти императором вначале и которых придерживались до сих пор»³. Авторы резолюции недовольны и тем, что

¹ K. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 184. — «...das söllicher richter nit von stetten, sonder vom adel genomen werd, das dan den erbern stetten nachtailig wider ir alt herkommen... auch in kainer veraynung noch vertrag je erfunden, das es der masz gegen jnen gehalten worden sy».

² Там же. стр. 185. — «...das darin nit underscheiden ist, wann ainer des seinen entsetzt, das der des wider ingesetzt werden soll, ...söllicher artickel auch im ingang unlawter ist, als stet, wann ainer entsetzt, gepfendt u. s. w. wurde, das er dargegen wider recht mit der tat nit solle handeln u. s. w. da not wär, lawter zusetzen, was handlung ainer sich wider söllichs möcht geprauchen oder nit, darzu das dem tättigen und gewaltigen handler in dem mer zu und vorgegeben, dann dem so vergewaltigt würdet».

³ Там же. — «...das die curfürsten und fürsten in des bunds runt sollen berufft werden und darjn sitzen anders, dann von der Kai. Mt. loblicher gedächtnusz anfangs zugegeben und biszher gehalten worden ist».

члены Швабского союза обязаны, согласно новому уставу, оказывать помощь военной силой «иноземным» курфюрстам и князьям¹ в течение удобного им времени и в удобном им направлении. В качестве примера указывалось на соглашение Швабского союза с герцогом Вюртембергским, по образцу которого теперь предусматривается заключение в спешном порядке соглашений со всеми курфюрстами и князьями, примыкающими к Швабскому союзу².

Протест представителей городов направлен был против имперского характера, который придан Швабскому союзу по новому уставу после Вормского рейхстага 1495 г. Хотя по существу Швабский союз был с момента его возникновения княжеской организацией, он все же внешне представлялся городам как свободное единение городов и рыцарства, возникшее по образцу более ранних локальных союзов. По новому же уставу Швабский союз откровенно признавался организацией имперского значения, подчиняющей интересы и силы городов интересам крупных князей и курфюрстов и при этом не ограничивающейся пределами Швабии. Протестуя против принудительного характера присоединения к Швабскому союзу для городов, городские представители задают вопрос: обязан ли будет Швабский союз после утверждения его продления предоставлять помощь любому князю, который потребует ее? Представители городских верхов не выдвигают здесь никаких новых принципов единства. Однако они отвергают включение Швабского союза в ту имперскую организацию, которая принята в Вормсе, и выражают готовность присоединиться к союзу лишь на основе старых условий и притом так, как они им представлялись, т. е. при условии, что Швабский союз будет свободным единением с равными правами для всех входящих в него имперских чинов.

Руководящие круги городов протестовали против той роли, которая уделялась им теперь, против превращения городов исключительно в финансовый источник для княжеской империи. После Вормского рейхстага каждый из городов получил требование внести свою долю для погашения имперского займа. Договорившись между собою, города решили оттянуть испол-

¹ Под «иноземными курфюрстами и князьями» авторы резолюции понимают нешвабских князей и курфюрстов, присоединение которых к Швабскому союзу предусматривается на основании специальных соглашений.

² К. Klüpfel. Ук. соч., стр. 185.— «...das den auszlendigen curfürsten und fürsten sol hilff gescheen mit macht, so lang und wohin sie wollen, wie der vergriff gegen unsern gnädigen herren hertzog Eberhardten loblicher gedächtnusz gestellt und die red darbey erlawtet, das gegen den andern curfürsten und fürsten Bundsverwandten der gleychen verschreybungen sollen auffgericht worden, angezögert».

нение этих требований как можно дольше, ссылаясь на то, что заем должен считаться делом всей империи¹.

Свой отказ вступить в возобновленный Швабский союз представители городов связывали со своим недовольством вормским планом преобразования империи. Князья же и император, оказывая нажим на «упорствующие» города и требуя от них присоединения к Швабскому союзу, ссылались на его имперское значение. Максимилиан в мандате городу Эслингену указал на заслуги Швабского союза в деле защиты Священной империи от врагов и предотвращения внутри нее «многих превратностей, мятежей и войн»². На Ульмском съезде Швабского союза в августе 1496 г. Бертольд Майнцский, как уже известно из предыдущей главы, развил наиболее полно и последовательно княжеский план превращения Швабского союза в опору реформированной империи как в области внешних сношений, так и в вопросах внутреннего порядка. С целью укрепить имперское значение и имперский авторитет Швабского союза на том же съезде поставлен был вопрос о его продлении еще на 12 лет.

Оппозиция городских верхов, выражавшаяся в отказе от присоединения к возобновленному Швабскому союзу и в затяжке переговоров о покрытии имперского займа, не была ни всеобщей, ни устойчивой. Уже на августовском съезде в Ульме города Эслинген, Вейль, Ванген и Пфулендорф признали новый устав союза и присоединились к нему. На рейхстаге в Линдау осенью 1496 г. наблюдается уже ослабление оппозиционных настроений городов, с которыми ведутся переговоры о дальнейшем продлении Швабского союза на 12 лет. Навязывая городам уступчивую тактику, начальник Швабского союза от городов Вильгельм Бесерер мотивировал свое послание «происходящими в настоящее время актами распущенности и грабежей»³. Очевидно, аргументы Бертольда Майнцского о том, что обстоятельства тревожного времени диктуют необходимость укрепления имперской организации на основе силы Швабского союза, оказали свое действие на руководящие верхи городов. На совещаниях городских представителей в конце 1496 г. в Биберахе и Ульме высказано было уже благожелательное отношение большинства городов к продлению Швабского союза еще на 12 лет и к признанию его роли в укреплении имперского устройства⁴.

Новым характером Швабского союза, отразившим стремление

¹ К. Klüpfel. Ук. соч., т. I, стр. 196.

² Там же, стр. 203—204. — «...mancherlei Widerwärtigkeiten, Auf-
ruhr und Krieg».

³ Там же, стр. 216—217.

⁴ Там же, стр. 219.

княжеской верхушки закрепить свое господствующее положение в империи, недовольно было и швабское рыцарство. Рыцарство само хотело сильной имперской власти. Характеризуя положение немецкого рыцарства и его политические позиции в начале XVI в., Энгельс писал: «...дворянство, в особенности дворянство имперское, являлось тем сословием, которое в силу как своей военной профессии, так и своего положения по отношению к князьям являлось главным представителем империи и имперской власти. Оно было наиболее национальным сословием, и чем сильнее была имперская власть, чем слабее и малочисленнее князья, чем более единства было в Германии, тем оно было могущественнее»¹. Однако рыцарство не хотело такой организации империи, которая означала по существу централизацию власти князей в их территориях. Политический идеал немецкого рыцарства был, как известно, идеалом империи, покоящейся на крепостной зависимости крестьян. Борьба дворянства и князей была борьбой внутри крепостнического класса, за направление и характер крепостнической власти. Княжеская имперская программа, лежавшая и в основе преобразования Швабского союза, представлялась рыцарству средством концентрации крепостнической власти в руках князей и ограничения роли низшего дворянства в крепостнической эксплуатации крестьянства. Представители дворянства подали на биберахском съезде Швабского союза 28 августа 1498 г. «смирненную просьбу и жалобу» (*Supplication und Beschwerden*), в которой они аргументировали свое недовольство новым уставом и указывали условия, на которых они готовы согласиться на 12-летнее продление союза. Лейтмотивом документа является мысль, что концентрация в Швабском союзе судебной и исполнительной власти, запрещение применения собственной силы (*Gegentat*) против актов «насилия», приведет к ущемлению прав дворянства, что истолковывается авторами жалобы как подрыв сил самой империи. Положение грозит, говорится в жалобе, королевскому величеству и Священной римской империи как верховным собственникам (*als herrn des eigenthumbs*) и нам, как покорным ленникам, многими и крупными страданиями, из которых, если только они не будут предотвращены, последует великий вред». Такова имперская программа авторов жалобы, которые признают в империи только два определяющих фактора: императора и империю как верховных собственников и себя формально как ленников, а фактически — как единственных феодальных собственников. В таких условиях для княжеской организации с имперскими функциями, решающей судьбы собственности, не остается места.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 157—158.

Для рыцарства основной вопрос имперского устройства сводился к обеспечению за ним феодальной собственности на землю, крепостнических и прочих феодальных прав. Представители дворянства просят в своей жалобе продумать и учесть всю полезную службу, которую они сами и их предки несли в пользу империи и не допустить ущемлений, грозящих им «лишением графств, господских имений, вольностей, людей и имуществ». Предотвращение этих угроз выставляется в жалобе как условие согласия дворянства на продление союза¹.

Перейдя к конкретным предложениям, авторы жалобы указывают прежде всего на то, что юрисдикция в графствах и владениях, которые они держат на ленном праве, должна принадлежать им. Передача высшей и низшей юрисдикции из графств и владений в Швабский союз есть не что иное, как «ограбление» их и отнятие у них всех прав и вольностей, связанных с «ленным держанием» и лишение их возможности выполнять свою службу римскому королю². Централизацию авторы жалобы понимали только в том смысле, что между отдельным феодалом и императором не должно быть никаких промежуточных звеньев. Они отвергали местную централизацию территориальной власти и поэтому отвергают централизацию сенъериальной юрисдикции в суде Швабского союза, являющегося оплотом княжеской территориальной власти в юго-западной Германии и служащего подчинению рыцарства и городов князьям.

Авторы дворянской жалобы аргументируют свою имперскую программу интересами всего крепостнического строя, утверждая, что крестьянин не должен знать над собою никакой власти, кроме власти его непосредственного сенъера. Всякая централизация сенъериальной юрисдикции, говорится в жалобе, «совершенно нетерпима, так как всякий крестьянин совершающий в области нашей юрисдикции какие-либо подлежащие наказанию проступки, скажет своему господину: я не признаю за тобою никаких судебных и господских прав, а это ведет

¹ K. K l ü p f e l. Ук. соч., т. I, стр. 260—261. — «...so haben wir doch etlich mercklich gross beswärden, daran ewer Kö. Mt. und dem hailigen rö. reich, als herrn des eigentumbs, und uns als gehorsamen lehenlütten vil und gross anlyt, und daruss, wo das nit vorkomen wurde, grosser schad erwachsen mag ... sie wölle betrachten und zu hertzen nemen die guten und nutzbaren dinst... und uns in sölchen unsern beschwärden, dadurch wir komen müsten von unsern grafschaften, herrschaften, fryhaiten, lüten und guten... uns auch sölche penen der acht im mandat begriffen, erstrecken und uffhalten».

² Там же, стр. 261. — «...wo das erlitten söllt werden, so wurden wir beröbt aller unser fryphaiten, oberkaiten, herlichkaiten, gerichtten, vorst und wildpänen möchten öch das, so wie E. Kn. Mt. als römischem Kunig lut unser pflichtgesworn nit handhaben oder behalten, als wir des schuldig sind».

к поощрению зла и к безнаказанности всякого правонарушения»¹.

Как видим, отношение рыцарства к Швабскому союзу определялось его имперской программой, а его имперская программа сочетала в себе стремление к устранению местной централизации и усилению центральной власти императора за счет территориальной власти князей с требованием полной децентрализации в пользовании феодальными правами, в эксплуатации крепостного крестьянства. Новая форма Швабского союза представляется низшему дворянству нарушением этого требования, поскольку она предусматривает подчинение феодальной юрисдикции и, следовательно, самого пользования феодальными правами,— руководящей в Швабском союзе княжеской верхушке. В жалобе выражается недовольство тем, что суд Швабского союза делается высшим судом, решения которого не подлежат апелляции. При таких условиях союзные судьи в случаях вытеснения кого-либо из его замка или из его владения будут иметь возможность судить по своему произволу. Дворянин теряет, таким образом, то, что ему принадлежит². К тому же особое правовое положение дворянства в отношении своих владений, людей и имуществ, в которое оно ставится новым статусом Швабского союза и имперского устройства, не соответствует старой императорской и королевской практике³. По мнению составителей жалобы, собственность, феодальные права и весь статус рыцарства должны определяться их имперской службой и не зависеть от какой-либо централизованной княжеской организации.

Выражая свое недовольство и некоторыми другими пунктами нового устава Швабского союза, авторы жалобы заявляют: если наши требования не могут быть удовлетворены, то мы просим быть принятыми в союз в качестве графов и особого сословия империи⁴. Рыцарство, как и городская верхушка, желало состоять в Швабском союзе как свободном единении господствующих сословий и отвергало его новый имперский характер, превращающий его в опорную силу территориальной системы.

¹ K. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 262.— «...das uns zu gedulden gantz unlidenlich und unmöglich ist, denn ain jeder pur, so in unser oberkaiten und gerichtten handelt, frefelt oder anders tut, das strafbar ist, sagt, ich bin dir kainer oberkait oder gerichtts gestendig, darmit wirt das übel gefürdert, und das unrecht nit gestrafft»

² Там же — «...und so er nit appelliern könnte, so müsste er darmit um das sin komen sin...»

³ Там же.— «...so müssen wir um unser grafschaften, herrschaften, lüt und gütter, öch unser personen berüren von edellüten rechten, das unsern personen, grafschaften und herrschaften lüten und gutten nit gemäsz noch gemein ist, och bishär durch kaiserlich und kuniglich commission nit geübt oderbruch ist.

⁴ Там же, стр. 270—271.

Руководящая в Швабском союзе княжеская партия относилась к рыцарской оппозиции так же, как и к упорствовавшим городам. Указанная дворянская жалоба подана была 28 августа 1498 г. 3 октября того же года Максимилиан писал Бертольду Майнцскому о том, что в переговорах, которые он будет вести с городами и рыцарством с целью заставить их отказаться от оппозиции к Швабскому союзу, он может рассчитывать на любые повеления и королевские мандаты, какие ему понадобятся¹. Впрочем, инициатором этих королевских полномочий был не Максимилиан, а сам майнцкий курфюрст. Об этом говорит вся переписка этих месяцев между руководством Швабского союза и римским королем. На собрании Швабского союза 24 ноября в Роттенбурге на Неккаре принято было решение — поручить майнцскому архиепископу под угрозой имперской опалы покончить со всей оппозицией как дворянской, так и городской, и предложить им окончательный срок (дворянству — 21 день, городам — 12 дней), в течение которого они должны признать союз в его новой форме².

Княжеские руководители Швабского союза развили энергичную деятельность, чтобы привести к покорности дворянскую и городскую оппозицию. Однако оппозиционное движение городов 90-х годов XV в. к княжеской имперской политике характеризуется не только рассмотренной оппозицией городских верхов, которые, как мы видели, не выдвигали в то время никаких новых принципов государственного единства и забойлись лишь о своих старых правах и феодальных вольностях. Радикальные круги бюргерства в 90-х годах принимали участие в эльзасском «Башмаке» 1493 г. Позицию же менее радикальных элементов из деловых кругов немецкого бюргерства отражает анонимный памфлет, известный под названием «Реформация императора Фридриха III», девятая статья которого, посвященная установлению в Германии единства монетной системы, уже цитировалась и комментировалась в предыдущей главе.

По вопросу о времени составления «Реформации императора Фридриха III» обстоятельно высказывается В. В. Бауер. Однако его точка зрения представляется убедительной только в части, где он устанавливает самый ранний возможный срок составления основных деклараций памфлета, обозначаемых им как декларации первого слоя. Бауер доказал, что этот слой деклараций не мог появиться раньше 1486 г., поскольку в них есть упоминание о несчастье, постигшем город Регенсбург (имеется в виду его подчинение герцогу Баварскому в 1486 г.). Указанная же Бауером самая поздняя дата для первого слоя

¹ К. Klüpfel. Ук. соч., стр. 271—272.

² Там же, стр. 272.

деклараций — 1495 г., время до созыва Вормского рейхстага, не может считаться убедительным. Бауер утверждает, что автору четырех деклараций к седьмой статье не могли быть известны решения вормского рейхстага об имперском палатном суде, так как предложения автора о составе и устройстве судебных учреждений во многом несогласны с вормскими решениями. Для этого вывода Бауера нет никаких оснований. Автор «Реформации императора Фридриха III» не мог, конечно, принадлежать к сторонникам олигархического устройства суда, предусмотренного вормскими решениями 1495 г. Автор данного памфлета мог просто игнорировать эти решения и выдвинуть свои собственные предложения, основанные на других принципах. Можно, таким образом, считать установленным, что основные части памфлета возникли в конце 80-х или в 90-х годах XV в.

По вопросу о происхождении памфлета В. В. Бауер высказывает мнение, что он исходит от народных низов. Такой же точки зрения он придерживается и в отношении «Реформации императора Сигизмунда». Разницу между обеими «Реформациями» Бауер видел лишь в том, что «Реформация Сигизмунда» выражала настроения городских низов, в то время как «Реформация Фридриха» исходила из интересов деревенского населения¹. Основанием для такого заключения являются, по мнению Бауера, отдельные места в статьях и декларациях, в которых выражается забота о крестьянстве. Наиболее яркими являются следующие два места. В третьем объяснении декларации к первой статье говорится, что огромное число монахов, священников и всяких духовных корпораций падают тяжким бременем на бедных людей города и деревни, которые обязаны их кормить за счет нуждающихся в насущном хлебе их жен и детей. К бедному человеку «является во двор пристав и угоняет коров и телят. Если удастся задобрить пристава, то монах разражается отлучением от церкви, чтобы тем вовлечь крестьянина в еще большие убытки. Вот каково их духовное милосердие!...»²

В тексте второй статьи «Реформации Фридриха» говорится, что все имперские князья, равно как и графы, бароны, рыцари и благородные, должны «по своему положению и происхождению соблюдать достоинство своего звания, как это будет империею определено; чтобы каждый сам сознал долг и обязанности своего звания, чтобы бедный крестьянин не был обременен и чтобы уважались его человеческое достоинство и свобода»³.

Нельзя согласиться с Бауером в том, что эти пункты указывают на крестьянское происхождение «Реформации импера-

¹ В. В. Бауер. Ук. соч., I, стр. 334.

² Там же, стр. 271.

³ Там же, стр. 266.

тора Фридриха III». В первом из приведенных мест «забота» о крестьянине и о «бедных людях города и деревни» связана с его враждебным отношением к духовенству и духовным господам и направлена главным образом против паразитизма монахов и священнослужителей, который поддерживается официальными представителями власти. Перед нами здесь попытка направить возмущение народных масс против духовенства и монашества, что вовсе не противоречит интересам светских господ. Во второй статье содержится только пожелание в чрезвычайной общей форме, чтобы «бедный крестьянин» не был обременен, причем это общее пожелание, обращенное к самим господам, означает, что «забота» о бедных крестьянах поручается им же. Зато права господ по отношению к крестьянам подчеркиваются в весьма конкретной форме. Господа должны получать «в виде ренты — половину, треть, четверть, пятую долю, смотря по положению страны (т. е. земли. — М. С.) и по большому или меньшему плодородию почвы»¹. Господам обеспечивается, таким образом, феодальная рента в виде издольщины, характерной, как уже известно, для этой эпохи сеньерпальной реакции. В четвертом объяснении декларации ко второй статье говорится, что для того, чтобы «все князья, графы, бароны, рыцари и благородные» не вызывали жалоб своими действиями по отношению к подданным и зависимым от них, они «должны быть от высшего до низшего достойным образом обставлены в своих ленах, каждый сообразно возложенным на него обязанностям, званию, происхождению, принимая в соображение потребности»².

Таким образом, для вывода Бауера о крестьянском происхождении «Реформации императора Фридриха III» нет никаких оснований. Наоборот, текст памфлета, его декларации и объяснения к ним говорят за то, что при их составлении имелись в виду прежде всего интересы господ. В отличие от «Реформации императора Сигизмунда» здесь нет рассуждений о равенстве, направленных против феодального строя. В «Реформации Фридриха» знатное происхождение рассматривается как важное основание для привилегий, и при этом нигде не говорится, что нерадение к своим обязанностям по охране права со стороны знатных повлечет за собою прекращение их привилегий. Если же «Реформация Сигизмунда» не может рассматриваться нами как документ народных низов, то тем меньше можно говорить о крестьянском происхождении «Реформации Фридриха III».

Однако этот памфлет 90-х годов XV в. имеет и общие черты с памфлетом конца 30-х годов того же века. В декларации ко

---

¹ В. В. Бауер. Ук. соч., стр. 274.

² Там же, стр. 273.

второй статье говорится, что в целях охраны достоинства своего звания — «все графы и бароны, подчиненные Священной империи или ее вассалам ленной присягой», обязаны охранять и защищать «послушных подданных как империи, так и своих, без всякого их обременения», помогать вдовам и сиротам добиваться правосудия, «чтобы впредь никто не был лишен своего права». В обоснование этого положения здесь приводится аргумент, близкий к образу мыслей автора «Реформации императора Сигизмунда», о том, что графы и бароны одарены имперскими ленами за их службу империи, за их роль «посредников между войной и миром», что они обязаны за свои лены быть «блюстителями правосудия, добрыми примирителями во всех неприятностях» и т. п.¹ «Рыцари и благородные» должны помнить, что получили лен «от Священной империи или ее вассалов» за службу «империи и своим ленным господам», что они обязаны «защищать вдов и сирот и способствовать охранению божеских законов от всякого насилия». Так же как и «Реформация императора Сигизмунда», «Реформация Фридриха III» исходит из принципа имперского единства. Обоим памфлетам чужда мысль о том, что империя является «свободным единением» самостоятельных имперских чинов, созданным для охраны существующего положения каждого. В обоих памфлетах сама империя рассматривается как источник всех прав и привилегий ее членов. Привилегированные элементы империи обязаны за свои особые права быть хранителями правового порядка и защитниками «общего блага». «Посему, — говорится в первом объяснении декларации к четвертой статье «Реформации Фридриха III» о князьях, графах и баронах, — они должны быть пристойно обставлены Священной империей ленами, регалиями, привилегиями, каждый сообразно своему званию и должности, чтобы они не посягали в отношении к своим подданным и подвластным на общие вольности и права, которые империя установит для всех, отменив и пересмотрев древние обычаи, привилегии и уставы, сообразно с интересами общего блага, чтобы всем сословиям было безобидно»².

Речь идет, таким образом, не о сохранении существующего порядка и всех существующих привилегий, а об изменении системы привилегий с тем, чтобы она была совместима с «общим благом», с каким-то новым общим порядком, который должен быть установлен и который включает в себя вольности более общего и широкого характера. Это обстоятельство, а также большое внимание, уделяемое «Реформацией императора Фридриха III» условиям торговли, борьбе с крупными компа-

---

¹ В. В. Бауер. Ук. соч., стр. 272—273.

² Там же, стр. 275—276.

ниями, вопросам единства монет, мер и весов,— говорят о том, что этот памфлет отражает настроения городских кругов и при этом тех городских кругов, которые, в отличие от правящей верхушки городов, не ограничиваются критикой княжеской имперской программы, но противопоставляют ей свою, принципиально иную имперскую программу.

«Реформация императора Фридриха III» менее радикальна, чем «Реформация императора Сигизмунда». В ней не говорится о том, что все привилегии знати прекращаются в тех случаях, когда ее представители не выполняют своих обязанностей по охране «общего блага». Особого внимания при сравнении обеих «Реформаций» заслуживает их отношение к крестьянам. В «Реформации Фридриха III» нет тех гневных реплик против крепостного состояния, против узурпации общинных угодий и других явлений сеньериальной реакции, которые содержатся в «Реформации императора Сигизмунда». Несомненно, в обоих памфлетах представлены два различных направления политической мысли бюргерства. Автор «Реформации императора Сигизмунда» сочувствует крестьянской борьбе, поскольку она может быть использована в политических интересах бюргерства. В «Реформации императора Фридриха III» нашло отражение настроение того круга бюргерства, который ориентируется на союз с оппозиционным рыцарством. Нельзя утверждать, что к 90-м годам XV в. изменилась ориентация всего бюргерства, сложившаяся в первые годы после гуситских войн. Против этого говорит уже история эльзасского «Башмака» 1493 г.¹ Очевидно, однако, что на некоторые круги бюргерства оказали влияние, с одной стороны, размах крестьянского движения и, с другой,— вызревание рыцарской политической оппозиции.

Таким образом, в 90-х годах XV в. в Германии наблюдается развитие бюргерской оппозиции, которая должна была представляться господствующему классу весьма серьезной на фоне подъема революционного движения крестьянства и оформления активной оппозиции рыцарства. Не было недостатка в симптомах, свидетельствовавших об объединении разнообразных течений оппозиции и нарастающего общего революционного подъема. В этих условиях руководящая княжеская партия стремилась реализовать принятую в Вормсе программу имперской реформы, суть которой, как мы уже видели в предыдущей главе, заключалась в том, что сохранение и усиление империи, подчинение империи соседних народов, должны были служить гарантией прочности территориальной системы и господствующего положения немецких князей, закрепляемого предусмотренными в программе имперскими институтами.

---

¹ См. об этом главу VII данной работы.

По мотивам как внутренней, так и внешней политики, авторы княжеской программы считали первоочередной задачей подчинение Швейцарии. Для понимания внутриполитических мотивов немецкой княжеской партии в отношении Швейцарии необходимо представить себе наряду с изложенным выше положением в Германии и те события, которые произошли в некоторых местах Швейцарии в 80-х — 90-х годах XV в. и получили отклики в соседних землях.

В XV в., особенно в его последние десятилетия, отдельные швейцарские города вели борьбу за консолидацию власти в кантонах и за уничтожение остатков политических прав и привилегий феодальной знати. Немецкий историк Швейцарии Иоганнес Дирауэр первые проявления этой борьбы видит в деятельности Берна. Уже в течение XIV в. Берну удалось приобрести разными путями большую часть владений соседней знати как светских сеньеров, так и монастырей. В начале XV в. Берн путем борьбы с австрийским домом и куплей прав у обедневшего графа фон Кибург получил права ландграфа на обоих берегах Аары, подтвержденные затем в 1415 г. привилегией императора Сигизмунда. Сопротивление местной знати осуществлению Берном своих верховных прав в районе города приходилось преодолевать в течение долгих лет. Оно было окончательно подорвано в начале 70-х годов в результате демократического движения, возглавляющегося знаменосцем цеха мясников Петром Кистлером¹.

Эти факты, подчеркнутые Дирауэром и биографом Кистлера Блэшем из Бернской хроники, говорят о большом сходстве событий в районе Берна в XV в. с тем, что происходило в то время в соседних германских землях. Город, опираясь на демократическое народное движение, стремится отнять у князей верховную территориальную власть (*Landeshoheit*) в своей области и получить на это санкцию императора. В других местах Швейцарии можно наблюдать не только сходство, но и прямую связь с событиями в соседних германских землях. Как мы уже видели выше, война швейцарцев за Тургау происходила в тесной связи с восстанием 1460 г. гегауского крестьянства. Победа была одержана швейцарцами именно благодаря тому, что выступление крестьян против гегауского дворянства, союзника Габсбургов, ослабило последних и заставило их признать права швейцарцев на Тургау. Правда, те же события 1460 г. в Тургау и Гегау показали, как нам уже известно, что руководящие круги швейцарцев (*Eidgenossen*) не проявили склонности к особой «дружбе» с немецким крестьянством, не-

¹ J. D i e r a u e r. Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft, Bd. II, Gotha, 1920, S. 336—339. См. также «Allgemeine Deutsche Biographie», Bd. XVI. A. Kistler, Leipzig, 1882, стр. 38—40.

смотря на то, что сами они старались использовать революционную борьбу крестьян в соседних немецких землях и что военная слава швейцарцев в XV в. имела в своей основе силу свободных швейцарских крестьян. Говоря о подъеме значения швейцарской пехоты после бургундской войны, Энгельс подчеркивает, что эта сила служила интересам нарождавшегося буржуазного строя. «...Начатки современного войска разбили на-голову феодальное войско, бюргеры и крестьяне победили рыцарей. И швейцарцы, для того чтобы с самого начала установить буржуазный характер своей первой независимой республики в Европе, сейчас же *обратили в деньги* свою военную славу»¹. Весьма характерными в этом отношении являются события, связанные с именем Вальдмана и разыгравшиеся в конце 80-х годов XV в. в Цюрихе.

Дирауэр считает Ганса Вальдмана первым государственным человеком Швейцарии, воплощавшим в своей личности рост могущества Швейцарии после бургундской войны. Особенно выдающуюся роль Вальдман играл в политической жизни Цюриха, начиная с 1474 г. до его казни в 1489 г. С 1486 г. он сделался главою всего управления города. Целью его политики, лежавшей в основе всех проведенных и намеченных им реформ, являлась доведенная до конца концентрация власти в городе и подчинение городу всей округи. В борьбе со старым бюргерством, с церковью и клиром, Вальдман демократизировал малый совет города. Вместе с тем Вальдман вел энергичную борьбу и с крестьянством городской округи. Он старался регламентировать каждый шаг крестьянина и ограничить сферу его деятельности исключительно сельским хозяйством. Он стремился также запретить крестьянскую охоту, всякие промыслы и торговлю крестьян. Ряд его мер был направлен на недопущение ухода крестьян со своих участков, на запрещение крестьянских сходок. Вся система мер, введенная Вальдманом против крестьян под видом навязанной опеки, характеризуется Дирауэром как полицейский режим. Другой историк Швейцарии Иоганн Мюллер, характеризуя политику Вальдмана по отношению к крестьянам, пишет, что Вальдман относился к крестьянам, как строгий папаша, в то время как сами крестьяне уже не хотели быть в роли детей². Покровительственный тон строгого «папаша» не мог заслонить того факта, что цюрихский бургомистр проводил свои бюргерские реформы в борьбе с крестьянами и против крестьян. При этом он рассчитывал на помощь из Германии. Когда политика Вальдмана

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 448.

² J. v. Müller. Der Geschichten Schweizerischer Eidgenossenschaft, 5-ter Theil, Leipzig, 1826, S. 373—374.

вызвала возмущение во всех деревнях, расположенных у Цюрихского озера, пошли упорные слухи о том, что на помощь Вальдману направляется Максимилиан во главе вооруженного отряда. Когда же в Германии стало известно, что события в районе Цюриха принимают весьма серьезный характер и грозят потрясением общественного строя, то к участию в подавлении движения стали готовиться констанцский епископ, эльзасско-швейцарский союз «Niedere Vereinigung», Швабский союз и другие реакционные силы Германии¹.

Вальдман был свергнут мощным восстанием крестьянства Цюрихского района и казнен 6 апреля 1489 г. Казнь Вальдмана была ускорена сообщением друзей крестьян из-за Рейна об идущей на его выручку австрийской армии². После этого режим, установленный Вальдманом, был значительно ослаблен. Хотя бюргерские элементы овладели положением и в городе стали проводиться намеченные Вальдманом бюргерские реформы, от антикрестьянской направленности этих реформ пришлось отказаться³.

События 60-х — 80-х годов в Тургау, Берне и Цюрихе показывают, насколько осторожны были руководящие круги швейцарских городов в проведении своей бюргерской политики и как велика была их боязнь крестьянства, фактически представлявшего их опору в борьбе за политическую независимость. Эта боязнь, наряду со стремлением правящей верхушки использовать некоторые феодальные привилегии, сближала швейцарских правителей с реакционными кругами юго-западной Германии и обусловила их настороженность ко всякому революционному движению крестьянства в соседних немецких землях. В этой связи следует рассматривать возникший в 1474 г. и возобновленный в дни эльзасского «Башмака» 1493 г. союз эльзасских господ, включавший также Базель и Лотарингию и находившийся в весьма близких отношениях с отдельными швейцарскими городами. Поскольку Швейцарский союз называли тогда «Верхним союзом» (Obere Vereinigung), то союз эльзасских и соседних с Эльзасом господ стали называть «Нижним союзом» (Bund der Niederen Vereinigung). Останавливаясь на возникновении и сущности этого союза, Розенкранц утверждает, что он был установлен для ограждения внутреннего полицейского порядка в политически наиболее раздробленной земле Германии, для обеспечения безопасности дорог и подавления бродячих грабителей. Розенкранц указывает дальше на неэффективность предпринятых этим союзом мер и утверждает,

¹ J. v. Müller. Ук. соч., стр. 386.

² Там же, стр. 399—400.

³ Там же, стр. 402—410. См. также J. Diegaue. Ук. соч. стр. 361, 362.

что безрезультатная деятельность «Нижнего союза» как в первый период его существования (1474—1484 гг.), так и после его возобновления в 1493 г., стимулировала революционные выступления крестьян. Крестьянин, пишет Розенкранц, перешел к насильственной борьбе, убедившись в неспособности властей положить конец грабегам бродячих орд, жертвой которых он был в первую очередь¹. По Розенкранцу выходит, что у «Нижнего союза» и у эльзасского «Башмака», т. е. у эльзасских господ и эльзасских крестьян, были те же цели, что они отличались друг от друга только в вопросе о методах, необходимых для достижения этих «общих» целей. Неудача методов «Нижнего союза» вызвала к жизни методы «Башмака».

Однако источники по истории «Башмака», изданные тем же Розенкранцем, опровергают его концепцию и показывают, что возобновление «Нижнего союза» в 1493 г. вызвано было движением «Башмака» и связано с борьбой против него. 11 апреля этого года члены распавшегося 9 лет назад союза собрались в швейцарском городе Обернбаден и решили возобновить союз с тем, чтобы договориться со швейцарцами о взаимной помощи в деле охраны «безопасности». Делегату города Шлетштадта Гансу Гейльману предписано было по пути в Обернбаден остановиться в Базеле и дать властям этого города информацию о происходящих в Эльзасе событиях и об опасности, связанной с этими событиями не только для Шлетштадта, но и для всего района, если не будут найдены нужные средства для срыва плана заговорщиков. Все это мы узнаем из письма шлетштадтского магистрата в Базель от 9 апреля, очевидно посланного вслед отправившемуся в путь Гансу Гейльману². О результатах миссии Гейльмана и о первых шагах возобновленного «Нижнего союза» мы узнаем из других документов. 13 апреля базельские власти сообщили в Цюрих о событиях, которые происходили в Эльзасе, предпринятых «недостойными чести людьми» из подданных страсбургского епископа, города Страсбурга и города Шлетштадта. Указывая, что открытый заговор в случае, если бы он не был предотвращен, нанес бы тягчайший и неслыханный ущерб всем «почтенным» обоим сословиям как духовного, так и светского, а также дворянству и простому

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., т. I, стр. 11—12.

² Там же., т. II (Quellen), стр. 9. Schlet'stadt an Basel. «...siech habent etlich personen umb uns eins mutwilligen furnemens entbört, mit glubden und eiden zusamen verpflichtet; und so ferer dasselb ir furnemen nit durch schickung des Almehtigen furkomen und furgang gewonnen, villicht uns nit allein, sonder der ganzen landschaft zu grossen verdorplichen unstaten gedient, — als uwer ersamkeit von dem ersamen Hanssen Heilman, unserm altstatmeister, so wir ietzunt uf den ... tag gön Obernbaden zu riten geordenet, witer und wie die sach ein gestalt gehapt, beriht entphohen wurt, dem wir ouch sollichs zu tunde bevelhe geben».

люду¹, авторы письма просят разыскать, задержать, осудить и строго наказать вождя «Башмака» Ганса Ульмана и ряд его сторонников, которые, по заявлению Ганса Гейльмана, скрываются в дюрингской земле. Это поручение, данное Шлетштадтом своему делегату на конференцию по возобновлению «Нижнего союза», показывает, чего ждали круги господствующего класса в Эльзасе от возобновления союза. Действуя от имени не только правителей Шлетштадта, но и от имени страбургского епископа, шлетштадский делегат старался при помощи Базеля склонить швейцарские города к участию в преследовании «Башмака», убеждая их при этом, что данный заговор направлен не только против знати, но и против всех «зажиточных и почтенных», в том числе и против «простых людей». Результаты этих усилий сказались очень быстро. 17 апреля Шлетштадт уже благодарит Базель за поимку Ганса Ульмана и просит оказать помощь Гансу Гейльману в преследовании других участников «Башмака»². За это же взялся сразу и возобновленный «Нижний союз». Уже 14 апреля, т. е. через два дня после возобновления «Нижнего союза», швейцарский город Баден получил от центральных властей швейцарского союза распоряжение, в котором говорилось: «Советники Нижнего союза сообщают, что по пронесшемуся слуху (*fama volans!*) шлетштадский бургомистр Ганс Ульман занял при помощи своих сторонников город Шлетштадт, возможно для передачи его в другие руки; теперь же он бежал и находится по некоторым сведениям в Швейцарии. Они просят арестовать его в случае обнаружения. Баденскому Фогту поручено поймать Ульмана, если он покажется в графстве»³.

Таким образом, ко времени возникновения эльзасского «Башмака» руководящие круги швейцарских городов уже были известны не только консервативной политикой в своих собственных кантонах, но и своим недружелюбным отношением к крестьянскому движению в соседних немецких землях. Однако эти настроения правящих кругов не могли скрыть того факта, что осуществления своих политических целей швейцарское бюргерство могло добиться только путем опоры на демократические слои Швейцарии и на антифеодальное движение в соседних землях Германии. Для швейцарского бюргерства этого времени характерна политика репрессий по отношению к народным движениям, сочетающаяся с попытками их использова-

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 18.— «...davon denn aller erberkeit, wa das Gott nit furkommen hette, bede, geistlichen und weltlichen statt desglichen dem adel und dem gemeinen man solich beschwerd entstanden were, derglich nie me gehört noch vernommen ist...»

² Там же, стр. 21—22.

³ Там же, стр. 18, прим. G.

ния, особенно когда дело касалось положения в соседних немецких землях. Характерным примером являются события конца 80-х и начала 90-х годов в области Сен-Галлена и Аппенцеля.

Аббат Сен-Галлена Ульрих Реш предпринял ряд мер по усилению феодалных позиций монастыря в округе и по укреплению княжеского положения аббатства. Этими действиями аббат вызвал недовольство среди бюргерства города Сен-Галлена и среди крестьян аббатства и всего района. Особое возмущение вызвали действия аббата в соседнем Аппенцеле, у границ которого в Роршаке на Боденском озере аббат заложил в 1487 г. новое здание монастыря. Аппенцель, объединенный уже тогда со Швейцарскими кантонами¹, заключил с целью сопротивления аббату союз с сен-галленскими бюргерами и с зависимым от монастыря населением сен-галленской округи (Вальдкирхский союз). Ввиду того, что аббат заручился помощью четырех старых кантонов — Цюриха, Люцерна, Швица и Гларуса, то аппенцельцы, опираясь на Вальдкирхский союз, заявили о своем намерении создать новое «клятвоное содружество» (*Eidgenossenschaft*), поднять знамя новой освободительной войны и взять на себя руководящую роль в этой борьбе. При этом они выражали уверенность, что на их стороне будет и все тургауское крестьянство. Эта борьба закончилась победой сен-галленского аббата и распадом вальдкирхского объединения, потому что на помощь аббату выступили не только указанные четыре кантона, бывшие его союзниками, но и еще другие три старых кантона — Ури, Цуг и Унтервальден².

Однако руководящие круги швейцарцев стремились использовать одержанную сен-галленским аббатом при их помощи победу прежде всего для себя, для усиления своих позиций против Габсбургской экспансии и против активизации имперской политики княжеской партией и Швабским союзом. Сен-Галленский аббат, хотя и получил возможность возводить постройки на монастырской земле, должен был все же отказаться от своих планов сделаться территориальным князем в районе Боденского озера. Территория этого района фактически сделалась сферой политического влияния Швейцарского союза³. Города Сен-Галлен, Аппенцель со всем сельским районом сделались зависимыми от швейцарцев и прежде всего — от Цюриха. Население Сен-Галлена и всего района, за исключением изгнанных оттуда Варнбюля и Швендинера, активных деятелей закончившегося конфликта, примирилось с

¹ Окончательно Аппенцель вступил в Швейцарский союз на правах особого кантона в 1513 г.

² J. D i e g a u e r. Ук. соч., стр. 365—374.

³ Там же, стр. 372.

политической ролью швейцарцев на их территории. Выход Швейцарии к Боденскому озеру не входил в планы Швабского союза. Зная об этом руководители Швейцарского союза позаботились в том же 1490 г. об укреплении своих союзных связей с городом Роттвейль и о соглашении с баварскими герцогами¹.

Таким образом, усиление политического влияния Швейцарского союза в юго-западных землях Германии в конце XV в. находится в тесной связи с подъемом антифеодального и антикняжеского движения в этом районе. Раскрытый в 1493 г. заговор «Башмака» в Эльзасе, о котором подробно речь будет в следующей главе, особенно то место, которое занимал в программе заговорщической организации пункт об обращении к швейцарцам за помощью против немецких господ, — не оставлял в этом никаких сомнений. Это возросшее политическое значение Швейцарии рассматривалось как серьезное препятствие к попыткам стабилизации территориальной системы в Германии, к усилению роли Швабского союза и к обеспечению политических условий для установления подчиненного положения городов и для начавшегося процесса сеньериальной реакции в деревне.

Таково было положение, когда на основе программы княжеской партии в Вормсе приняты были решения 1495 г., усилившие имперское значение Швабского союза и содержавшие известный пункт о возвращении в империю ее старых земель. К швейцарцам была направлена делегация Вормского рейхстага, настаивавшая на том, что Швейцария обязана участвовать в имперских повинностях. В конце 1495 и в течение 1496 г. происходили переговоры швейцарских кантонов с французским королем Карлом VIII, которые Дирауэр рассматривает как ответ швейцарцев на вормские решения². Основную роль играл здесь не имперский пфениг, который швейцарцы не хотели платить и не только антигабсбургская политика швейцарцев, как это представляется Дирауэру, а та княжеская программа имперской экспансии, которая намечалась в вормских решениях и в которой швейцарцы усмотрели для себя непосредственную угрозу. Для швейцарцев сближение с Францией имело значение оборонительного союза против этой княжеской имперской программы, независимо от того, что для Франции в переговорах со швейцарцами в то время на первом месте стояла борьба с Габсбургами в северной Италии. Характерно, что сам Максимилиан, добивавшийся помощи империи в борьбе с французским королем, решил использовать французский козырь против имперских князей. 29 августа 1496 г. Максимилиан обратился к рейхс-

---

¹ J. Diegaueг. Ук. соч., стр. 378.

² Там же, стр. 383.

тагу в Линдау с посланием, заканчивающимся угрозой, что в случае, если усиление Франции создаст серьезную угрозу габсбургским наследственным владениям, то он для спасения последних вынужден будет пойти на такую сделку с королем Франции, последствия которой для империи нетрудно предвидеть и о которой он считает необходимым предупредить всех имперских чинов в целях своего оправдания¹.

Все вышеизложенные обстоятельства убедили главарей Швабского союза и княжеской партии в необходимости начать реализацию вормской имперской программы с подчинения Швейцарии. Поэтому одновременно с нажимом на «упорствующие» города и на рыцарскую оппозицию Швабский союз, а за ним, — чтобы не отстать от князей в имперской активности, — и Максимилиан предприняли ряд враждебных актов против Швейцарии. Вмешавшись в конфликт между городом Сен-Галленом и изгнанными оттуда Варнбюлем и Швендинером, имперский палатный суд наложил опалу на город, в силу которой караваны сен-галленских купцов подвергались нападениям и ограблениям. К союзникам швейцарцев — баварским герцогам — были предъявлены претензии со стороны различных членов Швабского союза, причем посредничество в этих делах Максимилиан поручил Бертольду Майнцскому. Активность Швабского союза проявлялась и в проведении имперской опалы, объявленной союзному швейцарцам городу Ротвейлю. На совещании 5 марта вместе с советниками князей и курфюрстов решено было, что все члены Швабского союза должны помогать исполнителям имперской опалы и вывесить в своих районах копии опальных грамот короля². Активнее всего Швабский союз действовал против самих швейцарцев. Как только стало известно о недовольстве, вызванном в Швейцарии объявленной Сен-Галлену опалой, в Иберлингене созвано было совещание военных начальников Швабского союза с королевским командиром, на котором выработан был конкретный план военных действий против швейцарцев. Указаны были силы всех членов союза, установлен был порядок похода с конницей князей и курфюрстов во главе и все позиции, которые должны быть заняты, как только специальная разведка установит, что швейцарцы готовятся к борьбе. Тогда

¹ K. K l ü p f e l. Urkunden, Bd. I, S. 213. — «...aber sollich sterckung wurd nochmals auff ander teutscher nation, die sich des yetz wenig versehen, auch gedeyhen, und uns ursach geben, mit dem Kunig von Frankreich weg fürzunemen, damit wir bey unsern erblanden und dem, so daran hängt, beleyben mügen, was nu aus solchen volgen möcht, ist in aller verstantnuss wol zu ermessen, wollen euch das yetz angezaigt, und alles unsers künftigen fürnehmens... gegen euch und allen stenden des reichs hiemit entschuldigt haben».

² Там же, стр. 221—222.

же «ближайшие» должны сообщить об этом сигналами ружейных выстрелов, а затем звоном всех колоколов должна быть объявлена общая тревога¹.

В действительности, как показывает переписка Швабского союза, к обострению борьбы в то время стремились не швейцарцы, а вдохновители вормской имперской реформы. С целью добиться снятия имперской опалы с Сан-Галлена швейцарцы направили своих представителей к Максимилиану, а также на рейхстаг 1497 г.² Военачальник Максимилиана Яков фон Бодман утверждал в письме Хугу фон Верденбергу, что эти делегации должны рассматриваться только как ширма, за которой происходит подготовка швейцарцев к войне. Однако Ульмский магистрат информировал членов Швабского союза об этих событиях в ином свете. Швейцарцы добивались посредничества этого имперского города, являвшегося членом Швабского союза, в достижении соглашения по поводу опалы на Сен-Галлен³. Швейцарские делегаты настаивали перед королем на освобождении их союзных земель от имперской опалы и на восстановлении их старых имперских привилегий. Вместе с тем они заверяли, что готовы «давать Священной Римской империи все, что требует их справедливый долг и что позволяет их богатство»⁴. Другая швейцарская делегация, которая вела переговоры с имперскими чинами, собравшимися на рейхстаге 1497 г. в Вормсе, выразила свое согласие на возвращение наследникам Варнбюля имущества их отца при условии возвращения сен-галленским купцам отнятых у них в силу опалы товаров и при условии соблюдения в отношении Аппенцеля и Шафгаузена их старых привилегий⁵. В кругах рейхстага эти условия швейцарцев вызывали возмущение, а их поведение охарактеризовано было как «своеволие».

Таким образом, швейцарцы, выступая в защиту Сен-Галлена, имели в виду воспрепятствовать княжеской партии и Швабскому союзу реализовать в отношении их союзных земель решения 1495 г. о полном подчинении имперским учреждениям, предусмотренным этой реформой, всех принадлежавших раньше империи «языков и земель» с отменой особых привилегий, данных им раньше. Для населения этих земель, для

¹ К. Klüpfel. Ук. соч., стр. 225.— «...zu wöllicher Zeit durch die kuntschaft, so zu diser sich fürgenomen, und verordnet werden sölen zu wissen geben, oder ob man des sunst gewisslich gewar würd, das die aidtgenossen auf sein, und herausziehen wollen, so sollen die nechsten anstosen mit büchsenschützen zaichen geben, also des sollichs für nun fürgang, und darauf die sturm mit allen glocken geleutet werde...»

² Там же, стр. 225—226.

³ Там же, стр. 226—228.

⁴ J. Diegaue. Ук. соч., стр. 387.

⁵ К. Klüpfel. Ук. соч., стр. 240—241.

крестьянства и для бюргерства, реализация этой программы означала бы вовлечение их в общий процесс сеньериальной реакции, который нарастал тогда в юго-западной Германии. Осуществление этой программы создавало бы также и в соседних немецких землях худшие условия для борьбы крестьян. Естественным союзником Швейцарии в борьбе с княжеско-имперской агрессией могло бы, конечно, сделаться крестьянское движение юго-западной Германии. Однако руководящие круги швейцарских городов не пошли по этому пути. Уже в 1460, в 1490 г. и особенно во время эльзасского «Башмака» 1493 г. они показали свое недружелюбное, а затем и враждебное отношение к крестьянскому революционному движению. Поскольку земли Сен-Галлена и Аппенцеля имели большое стратегическое значение для самого Швейцарского союза, которому грозила та же имперская программа немецких князей, то его деятели отстаивали *status quo* этих земель, но они старались добиться этого путем переговоров и уступок, применяя дипломатические маневры в отношениях с Францией и с отдельными немецкими князьями.

С Максимилианом, для которого перспективы франко-швейцарского союза представлялись в первые годы итальянских войн роковыми, швейцарцам удалось заключить в сентябре 1497 г. соглашение по сен-галленскому делу на условиях, близких к тем, которые выдвинуты были швейцарскими представителями, причем все остальные вопросы имперско-швейцарских отношений отложены были до Фрейбургского рейхстага 1498 г.¹ Однако главари княжеской партии выразили негодование по поводу уступчивой тактики Максимилиана в сен-галленском деле уже во время рейхстага в Вормсе в 1497 г., указывая, что король не может сам без имперских чинов снимать с кого-либо имперскую опалу². После этого на совещании начальников и советников Швабского союза в Равенсбурге уточнен был план военного похода против швейцарцев³. Возможно, что в связи с этим сентябрьским соглашением с Максимилианом находится тот факт, что Людовику XII, занявшему в апреле 1498 г. французский престол, не удалось возобновить договор о союзе со швейцарцами и пришлось ограничиться только правом вербовки наемников в швейцарских кантонах. Однако соглашение Максимилиана со швейцарцами могло иметь только временное значение. Вопрос о конфликте между Сен-Галленом и наследниками Варнбюля, за которых «заступился» Максимилиан, не имел существенного значения. Основное заключалось в том, что немецкая княжеская партия и

¹ К. Klüpfel. Ук. соч., стр. 244, 245—246.

² Там же, стр. 242.

³ Там же, стр. 242—244.

Швабский союз стремились порвать связи Швейцарии с ее союзными землями на востоке, полностью подчинить эти земли «реформированной» империи с тем, чтобы потом поступить таким же образом по отношению к самой Швейцарии. Всем было ясно, что реализовать эту программу можно только силой. В 1498 г. Максимилиан вернулся к политике Швабского союза.

В инструкции своим советникам при курфюрстах и князьях, а также своим представителям при Швабском союзе Максимилиан аргументирует свою просьбу имперской помощи против Франции тем, что Людовику XII, набравшему большую военную силу в Швейцарии, очевидно удалось достигнуть со швейцарцами нового соглашения, что совместные действия короля Франции и швейцарцев нанесут вред не только его наследственным переднеавстрийским землям, но и империи и «особенно Швабскому союзу»¹. Подчеркивание общности интересов Габсбургов, империи и Швабского союза в борьбе со швейцарцами связано было с развернувшейся в 1498 г. активностью немецких господ в смежных землях к востоку от швейцарских кантонов. Эта активность шла как по линии дипломатической, так и подготовки военных операций. Максимилиану удалось оторвать Роттвейль от Швейцарии и установить тесные отношения с Констанцом. В сентябре 1498 г. в Швабский союз приняты были герцог Баварский Альбрехт, бывший союзник швейцарцев, и город Констанц. Констанцу сделаны были уступки в его союзных обязанностях, но непременным условием для этого города поставлено было его энергичное участие в войне против швейцарцев — всем своим достоинством и всеми своими силами². 20 января 1499 г. в Констанце были приняты решения о войне против швейцарцев³. Констанц сделался главной квартирой врагов Швейцарии до начала военных действий.

Однако в землях «Рецийской конфедерации» к востоку от швейцарской границы — в Сен-Галлене, Аппенцеле, Саргансе, Хурском епископстве и Граубюндене — Максимилиан не мог добиться успеха. Эти земли примкнули к Швейцарии. Это послужило в феврале 1499 г. поводом к началу войны между империей — фактически между Швабским союзом — и Швейцарией. Останавливаясь на связи этих земель со Швейцарией и на причинах возникшей войны, Дирауэр утверждает, что соглашения об облегчении торговли и взаимной отмене пошлин, заключенные между землями «Рецийской конфедерации» и Швейцарией «на вечные времена», ввели швейцарцев в сферу, издавна

---

¹ К. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 264—266.

² Там же, стр. 270.

³ Там же, стр. 272.

считавшуюся Габсбургами своей¹. Дирауэр отрывает, таким образом, начало швейцарской войны 1499 г. от имперской политики князей, считая ее делом только Габсбургов. С этой концепцией связано его представление о Швабском союзе как об организации, проводившей габсбургскую политику. Однако по крайней мере в 90-х годах Швабский союз был орудием политики прежде всего княжеской партии и в своей швейцарской политике исходил из принятой в 1495 г. в Вормсе имперской реформы.

Важное значение для понимания характера начального этапа войны имеет донесение, полученное 31 января магистратом Эслингена от своего представителя в Швабском союзе — Ганса Унгельтера. В донесении говорится, что военные меры, которые принимаются в хурском епископстве, вызваны исключительно активностью военных приготовлений в Швабском союзе. «Власти в Швейцарии, — пишет Унгельтер, — очень жалуют, очевидно, о том обороте, который приняли события и готовы приложить все свое старание, чтобы склонить к соглашению епископа Хурского, монастырских людей и Граубюнден. Если это не удастся, то война, очевидно, нагрянет, чего союзные (т. е. руководители Швабского союза. — М. С.), можно сказать, желают»².

Таким образом, войны добивался Швабский союз, главари которого рассчитывали, что результатом ее будет подчинение не только рецийских земель, но и самой Швейцарии. Швейцарские же власти, не желавшие войны и стремившиеся склонить связанные с ними восточные земли к соглашению, не могли, как видно из донесения Унгельтера, добиться этого. Другие документы помогают выяснить вопрос о причинах, затруднявших такое соглашение. В донесении, полученном около того же времени королевской канцелярией в Иннсбруке и начальниками Швабского союза о переговорах с епископом хурским говорится, что епископ с большой готовностью и смирением выразил свое согласие принять условия соглашения и с поднятыми руками умолял о прощении за затяжку переговоров, которую он объясняет неспособностью справиться со своими подданными³. Авторы донесения предлагают поэтому согласиться

¹ J. Dierauer. Ук. соч., стр. 393—396.

² K. Klüpfel. Ук. соч., стр. 278—279. — «...Der Obrigkeit in der Eidgenossenschaft sei es vermuthlich leid, und sie werde wohl Fleiss ankehren bei dem Bischof von Chur, den Gotteshausleuten und dem Grauenbundt eine Richtung zuwege zu bringen. Wo das nicht geschehe, so werde wohl der Krieg angehen, worauf die vom Bund fast begierig seien (в передаче Клюпфеля).

³ Там же. стр. 276. — «... und mit aufgehabnen henden mit hoher bitt erbietung auch demütig ersuchung und entschuldigung, das sollicher vertzug nit aus verachtung, sonder allain, das er seiner mitgewanten und unterthanen nit mächtig hat sein mügen».

на условия, которые выгодны королю, но которые не будут также неприятны населению¹. Однако из другого донесения Унгельтера эслингенскому магистрату от 10 февраля видно, что Швабский союз стремился не к соглашению, а к войне. При этом Унгельтер подчеркивает, что война начинается фактически между войсками Швабского союза и крестьянами Сарганса. О ближайших перспективах Унгельтер пишет: «Крестьяне первые начали жечь. За это они были переколоты войсками Швабского союза, а теперь война начнется уже наверняка, так как швейцарцы не оставят без отомщения смерть своих»². Дальше он сообщает о переговорах, которые ведет со швейцарцами констанцский епископ, и о письме цюрихцев этому епископу. Властям в Швейцарии весь ход событий представляется нежелательным. Однако «нехристианские слова наших против их людей возмущают простой люд. Если эта брань (Schmachwörter) не будет ослаблена, то им будет очень трудно удержать свою общину в покое»³. Консервативно настроенные власти Цюриха указывают, таким образом, на контакт швейцарских крестьян с крестьянами смежных земель как на решающий фактор в событиях начала войны.

В событиях, которые предшествовали развязыванию Швейцарской войны 1499 г., немалую роль сыграла борьба крестьян против сенъериальной реакции и феодальной агрессии в тех землях, которые вследствие своей близости к Швейцарии добились особого положения и уже раньше сделались ареной активного сопротивления немецким феодалам. Швабский союз и княжеская партия с самого начала собирали свои силы под лозунгом борьбы с крестьянами. В очередном донесении Ганса Унгельтера от 1 февраля 1499 г. говорится, что «король отправился к Констанц всей своей мощью и с развернутым имперским знаменем для наказания крестьян и просит, чтобы [Швабский] союз охранял тем временем как его, так и союзные земли»⁴. В том же донесении Унгельтер жалуется на недостаток опытных военных

¹ K. Klüpfel. Ук. соч., стр. 276—«...haben wir demnach guter meinung uns gegen berürten von Chur uns ains betrags laut hiebei eingeschlossener Copey in hoffnung Kö. Mt. auch ainer landschaft nicht miessfellig...».

² Там же, стр. 284.—«Die Bauern haben zuerst gebrannt, dann haben die Bündischen sie erstochen und nun werde der Krieg angehen, da die Eidgenossen den Tod der Ihrigen wieder rächen wollen...».

³ Там же,—«Die von Zürich haben dem Bischof geschrieben: der Obrigkeit in den Eidgenossen thue dieser Handel leid, allein die uncristischen Worte der Unsrigen gegen die Ihrigen erzürnen den gemeinen Mann; wo diese nicht vermindert werden, haben die Sorge, ihre Gemeinde in Ruhe zu erhalten».

⁴ Там же, стр. 279.—«Der König habe von Antorf herauf geschrieben, er werde sich eilends mit aller Macht und des Reichs fliegender Fahne gen Constanx verfügen, die Bauern zu strafen, er bitte dabei den Bund sein und des Bundes Land indessen zu enthalten».

людей из дворянства и неоднократно указывает на ненадежность кнехтов, которые доставляются городами, на наличие тревожного положения в лагере¹. Основную тревогу в кругах Швабского союза вызывали не столько сами швейцарцы, сколько их связи с населением, главным образом с крестьянством смежных земель. Того же 1 февраля Унгельтер отправил эслингенскому магистрату еще одно послание, указав на опасность, грозящую имперским судебным округам со стороны Граубюндена. Опасность заключалась, по его мнению, в том, что эти округа, являясь королевскими, состоят в то же время в связи с Граубюнденом. Унгельтер успокаивает магистрат тем, что население округов в настоящее время находится в относительно спокойном состоянии и что если занять округа теперь же, то лишь немногие из их населения будут на стороне швейцарцев². Два дня спустя, эслингенский бургомистр получил сведения из Штуттгарта о том, что граубюнденцы ожидают помощи от перешедших Рейн швейцарцев³. Смысл советов Унгельтера заключается в предложении начать наступление на Граубюнден, не дожидаясь прихода туда швейцарцев.

Руководители швейцарцев не хотели бороться ни с Габсбургами, ни с империей в союзе с народом. Первый нажим со стороны немецких князей и Швабского союза после Вормского рейхстага 1495 г. руководители Швейцарского союза пытались отвести дипломатическими маневрами. Однако в ходе событий помимо своей воли швейцарцы оказались союзниками народного движения против усилившейся феодальной агрессии в смежных восточных землях, потому что это движение направлено было против тех же сил, которые видели в ликвидации швейцарской государственности путь к реализации своих планов — к сочетанию княжеского мелкодержавия с основанной на нем имперской консолидацией. Поскольку наступление немецких войск было по существу наступлением феодальных князей и феодального дворянства против крестьян, успех которого должен был облегчить подчинение Швейцарии княжеской империи, то естественными союзниками швейцарцев, помимо воли их руководящих кругов, сделались крестьяне соседних земель.

---

¹ K. Klüpfel. Ук. соч., стр. 279—280.—«...haben aber die Knechte grossen Unwillen... Es sei grosser Mangel an geübten Kriegsleuten vom Adel und sonst auch ...Sie seien auch nicht lustig, wider die Leute zu kriegen...»

² Там же, стр. 281.—«In der Eidgenossenschaft sage man, sei alles auf; sie sollen die Absicht haben, die Reichsgerichte, die dem König gehören, aber mit dem grauen Bund in Einung sind, einzunehmen. Die Reichsgerichte haben sich bisher noch still verhalten, und man glaube, wenn man den Eidgenossen zuvorkäme, würden sie nicht viel Anhang finden».

³ Там же, стр. 282.

О колебаниях руководящих кругов швейцарцев в этой борьбе против имперской экспансии немецких князей говорят и материалы, относящиеся к войне 1499 г. Когда Максимилиан начал в 1498 г. собирать имперские силы для нажима на Граубюнден, Сарганс и другие граничащие со Швейцарией земли, указывая на то, что там некоторые намереваются (beabsichtigen) грозить его наследственным землям и ссылаясь на имперские обязанности, вытекающие из вормских решений¹, то в Швейцарии не сомневались насчет общего смысла и тенденций этой политики. В переписке швейцарских городов подчеркивалось, что в этих претензиях, основанных на вормских решениях, речь идет о новшествах, от которых необходимо оградить не только самих швейцарцев, но и их соседей, подвергающихся нажиму². Власти Берна и Цюриха старались убедить самих деятелей империи в том, что реализация имперских планов экспансии, намеченной на Вормском рейхстаге, вызовет опасные народные возмущения в Швейцарии и соседних с нею землях. В сентябре 1498 г. бернские власти убеждали Максимилиана прекратить нажим на графов сарганских и не применять к этой земле имперской опалы, так как это может привести к волнениям в Гларусе и Швитце³. В одном письме из Золотурна о положении в Цюрихе в октябре 1498 г. говорится, что в то время как в городе расходятся мнения по вопросу о путях дипломатического решения споров с империей и использования особой роли Швейцарии в итальянской войне, — среди сельского населения Цюрихского района назревают волнения⁴. Руководители швейцарской политики указывали на необходимость осторожной тактики. Направляя своих представителей в декабре 1498 г. на съезд в Цюрих, власти Берна дали им инструкции, согласно которым защита Сарганса и Сен-Галлена от имперских поползновений должна проводиться с большой осторожностью, так как война была бы войной не только с Австрией, но и со всей империей⁵.

На осторожной тактике власти Берна настаивали и во время войны и притом после того, как швейцарские власти одержали уже ряд побед — в апреле 1499 г. В письме указывали, например, что надо удерживать сельское население, которое стремится зайти очень далеко в этой войне⁶. Город Базель получил

---

¹ Mitteilungen der Badischen historischen Kommission, № 21, 1899. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Bd. XIV (LIII), Karlsruhe, 1899, S. m-69.

² Там же, стр. m-70.

³ Там же, стр. m-68.

⁴ Там же, стр. m-69. — «...und die Landleute wären dort unruhig».

⁵ Там же, стр. m-70.

⁶ Там же, стр. m-102.

предупреждение о том, что крестьянство Швейцарии не разделяло осторожной тактики городской верхушки и настроено было весьма воинственно не только против империи, но и против сторонников мирной тактики. Базель тогда еще не входил в Швейцарский союз и до самого конца войны оставался официально нейтральным, несмотря на сильный нажим на него с обеих сторон. 10 апреля 1499 г. базельские власти получили от своих людей в Швейцарии предупреждение о том, что там требуют, чтобы Базель точно определил свою позицию. Авторам письма кто-то доверительно посоветовал проявить свою близость швейцарцам, потому что «сельское население этих земель очень грубое» и уже высказало свое недовольство тактикой городов. Есть основание, говорится в письме, опасаться, что сельское население не пойдет за городами в их попытках найти какую-то среднюю линию. В этом случае, пишут базельцы, первый поход направлен будет против нас¹. Руководящие круги швейцарцев испытывали нажим своего крестьянства, требовавшего от них решительных действий. Об этом власти Цюриха заявили представителям «Нижнего союза», прибывшим к ним в середине февраля с посреднической миссией².

Ожесточенный характер борьбы, который сделал мир невозможным, вызван был тем, что сопротивление реализации вормской программы немецких князей и Швабского союза было по существу сопротивлением народных масс и прежде всего крестьянства земель, примыкавших к швейцарской границе, и самой Швейцарии, попытке не только лишить их завоеванного более свободного положения и распространить на них сенъериальную реакцию, но и сделать их военной опорой и гарантией нараставшей во всей юго-западной Германии феодальной реакции.

Максимилиан отправился в земли Сен-Галлен, Сарганс и Граубюнден, объявив свой поход — карательным походом против крестьян. За ним и за Швабским союзом шли немецкие феодалы с тем же лозунгом подавления очагов крестьянской борьбы. Они шли громить крестьянские дома. Весьма характерным является инцидент между Базелем и Золотурном в марте 1499 г. «Нейтральный» Базель имел некоторых крестьян, состоявших в личной зависимости от него (*libeignen luttten*),

---

¹ Mitteilungen..., стр. m-99, т. е. против Базеля. — «das wir uns ihnen näherten anzuhängen, denn die Länder seien grob, haben auch denen von Städten allerlei bewiesen; deshalb obgleich die Städte gern das Beste auf Mittelweg thun wollten, so wäre doch zu sorgen, die Länder thäten es nicht, und gelorst der erst Zug wider uns geschehen».

² K. H o r n e r. Regesten und Akten zur Geschichte des Schwabenkrieges. Basler Zeitschrift für Geschichte und Aftertumskunde, Bd. III, Basel, 1904, № 27.

которые проживали в деревне Визен, находившейся под властью Золотурна. Базельские власти распорядились, чтобы на домах их крестьян в этой деревне вывешены были охранительные записки, указывающие, что эти дома принадлежат людям Базеля. Власти же Золотурна распорядились о том, чтобы такие записки срывались, так как они косвенно указывают дома, принадлежащие другим крестьянам¹. Золотурнским властям пришлось также выступить в защиту деревень Тирштейна, Дорнегга и Зеевена, расположенных в золотурнской области. Узнав, что концентрированные в Пфеффингене немецкие войска намерены отправиться в район Золотурна «жечь бедных людей» в указанных деревнях и что командиры этих войск рассчитывают на господ этих мест, власти Золотурна предупреждают фогта Пфеффингена об обязанности господ Тирштейна в отношении себя и своих «бедных людей» соблюдать договоры, заключенные при участии Золотурна. Они настаивают также на том, чтобы представители Золотурна были допущены в замок Пфеффинген с тем, чтобы они могли рассеять тревожные разговоры в народе о сконцентрированных там войсках². Это заявление сделано было 18 февраля. Из обращения же Золотурна к Базелю 8 марта мы узнаем, что графы Тирштейна действительно помогали немецким войскам³.

Этот карательный и антикрестьянский характер похода немецких феодалов к швейцарской границе заставил швейцарцев считать крестьян соседних земель своими естественными союзниками. Швейцарцы направили свой удар против Гегау и Клеттгау, т. е. против тех немецких районов, где антифеодальная борьба крестьян была уже в 1460 г. решающим фактором победы швейцарцев в борьбе за Тургау. Теперь тургауское крестьянство, хотя и не было довольно господством швейцарцев, все же боялось восстановления здесь Габсбургской власти и являлось для швейцарских сил, проникших в Гегау, надежным тылом. Поскольку крестьяне самой Швейцарии требовали решительной позиции, то война против немецких феодалов сделалась там войной народной. В лагере швейцарцев и их союзников война с самого начала протекала в обстановке сплоченности и дисциплины, в то время как на немецкой стороне царил развал, а объединенная и организованная сила Швабского союза оказалась способной одержать отдельные местные успехи, но в основном терпела поражения⁴. Дирауэр, как и другие буржуазные историки, не мог научно объяснить это обстоятельство. Другой немецкий историк Генрих Витте во вве-

¹ К. Н о г н е р. Ук. соч., № 81.

² Mitteilungen..., № 21, S. m.-81, 82.

³ К. Н о г н е р. Ук. соч., № 75.

⁴ J. D i e g a u e r. Ук. соч., стр. 405—408.

дении к опубликованным им материалам швейцарской войны объясняет это состоянием «старой» империи и неспособностью Габсбургов объединить силы страны и дать им достойного полководца. Витте взваливает всю вину на Габсбургов и на гоф-маршала графа Генриха фон Фюрстенберга¹.

Однако Витте признает, что и среди швейцарцев не было полного единодушия. Кроме того, швейцарцы в Гегау и у Констанца испытывали нужду в доставке военных материалов и продуктов². У швейцарцев тоже были, таким образом, и внутренние разногласия и организационные недостатки. Одной из основных причин успеха швейцарцев являлось то, что на их стороне оказалось антифеодальное крестьянское движение соседних земель. Сведения о победах швейцарцев, об их шествии по Гегау без сопротивления и занятия замков гегауской знати поступали вместе с сообщениями о том, что крестьяне в войсках Швабского союза не желают воевать и бегут³. Колеблущуюся позицию заняли некоторые немецкие города, ожидавшие прихода швейцарцев. Унгельтер сообщал 22 февраля, что город Констанц боится швейцарцев, так как многие горожане сдаются им. Особенно «ворчат» те города, которые неохотно вступили в Швабский союз⁴. Швейцарские городские верхи, которые, как уже известно, относились к крестьянскому движению более чем сдержанно, а чаще всего — враждебно, надеялись, очевидно, на города. Швейцарское командование в Гегау было удивлено, что города южной Германии продолжают оставаться в Швабском союзе, и обсуждало дальнейшую тактику: отступить ли из Гегау или же наступать на Иберлинген⁵. В позиции крестьянства ни у кого не было сомнений. Победы швейцарцев воспринимались как победы антифеодального крестьянского движения, что не мало смущало самих руководителей швейцарцев. В Иберлингене состоялось 8 марта совещание начальников Швабского союза, на котором обсуждалось создавшееся после побед швейцарцев в Гегау и Клеттгау положение. После установления необходимых контингентов новых войск и распределения обязанностей отдельных членов решено было, что, каждый член Союза «должен дать хорошо обученных пехотинцев, а от доставки крестьян и необученных воздержаться в дальнейшем, насколько это окажется возможным»⁶.

¹ Mitteilungen..., № 21, S. m-66, 67.

² K. Klüpfel. Ук. соч., стр. 300—301.

³ K. H o g n e r. Ук. соч. № 35; K. Klüpfel, Ук. соч., стр. 287—288.

⁴ K. Klüpfel. Ук. соч. стр. 293—294.

⁵ Mitteilungen, № 21, S. m-86—87.

⁶ K. Klüpfel. Ук. соч., стр. 298. — «...es soll ain yeder bringen und schicken gut geübt fussknecht, und die buwren und ungeübten, so verr es yemer sin mag, ersparen...»

Основное в этом решении заключалось не в недостатке обученных войск, не в том, что у крестьян нехватало якобы военной сноровки, а в признании социального значения крестьянства, невозможности пользоваться войском, состоящим из крестьян, для целей антикрестьянского карательного похода. Письмо одного рыцаря, — Йерга фон Фрейберга из Штюслингена (Гегау) священнику в Ульм, предназначенное для передачи Швабскому союзу, дает исчерпывающее представление о характере иберлингенского решения. Швейцарцы, — говорится в этом письме, — «враги и истребители всей знати и всех почтенных», имеют особое желание — уничтожить дворянство Гегау. Поэтому в Иберлингене принято решение о вторичной военной помощи со стороны членов Швабского союза. Хотя автор письма не вступил в свое время в 12-летний Швабский союз, он не считает для себя возможным оставаться в стороне, когда дело идет «о спасении отечества» и готов дать в помощь Швабскому союзу трех пехотинцев¹.

Взгляд на швейцарцев как на истребителей знати, поставивших себе особую цель — уничтожение дворянства Гегау, — мог быть высказан только в условиях местного крестьянского движения. В Гегау еще должны были помнить, что одержав в 1460 г. победу с помощью гегауского крестьянства, швейцарцы оставили своих союзников на произвол их господ и не только не трогали гегауских дворян, но и в Тургау они явились в роли преемников Габсбургов. Теперь же наблюдали, что швейцарцы вновь опираются на движение крестьян. Ожесточение немецких феодалов против крестьян в местах продвижения швейцарцев можно видеть из следующего. Начальники и советники немецких войск сообщают 29 марта в Иннсбрук о своем частичном продвижении в Энгандине (восточная часть Граубюндена) и об отступлении швейцарцев. Поскольку, пишут авторы, враг получил подкрепление и занял удобную позицию по течению реки Инн, то они (т. е. немецкие войска) смогли пройти, только до Верхнего Энгандина. Дальше авторы письма сообщают, как расправились немцы с местными крестьянами, оказавшими им сопротивление. «Но весь Нижний Энгандин, — пишут они, — до 17 деревень, в том числе — 8 больших, они стерли с лица земли и сожгли. Многих [крестьян], число которых неизвестно, они по дороге своего продвижения повесили, закололи и сожгли, а 456 человек, сдавшихся им добровольно, они

---

¹ K. Klüpfel. Ук. соч., стр. 304. — «Die Eidgenossen als Feinde und vertilger alles Adels und aller Ehrbarkeit, wollen insbesondere den Adel im Hegow vernichten. Darum sei zu Ueberlingen die andere Hilfe ausgeschrieben. Wenn er (Freiberg) auch nicht in der zwölfjährigen Bunderstreckung wäre, so müsste er sich doch für verbunden halten, zu Rettung des Vaterlandes beizuspringen».

взяли в плен. Местные жители должны были выдать им свои знамена»¹. Таким образом, после ухода швейцарцев шла по существу настоящая война с крестьянами Нижнего Энгандина. В то же время рыцарь Ульрих фон Габсбург вместе с другими дворянами громили и жгли во всем Нижнем Энгандине, сожгли замок Страсбург, забрали 300 голов крупного скота, взяли в плен 460 крестьян, а 200 человек убили². Очевидно, речь идет о замке, в котором укрылись крестьяне после ухода швейцарцев. О жестоких репрессиях против деревень, действовавших вместе со швейцарцами, сообщал в начале апреля рыцарь Георг фон Эмерсгсфен городу Нордлингену. «Дитрих фон Блюмнек отправился в Клеттгау и сжег три деревни, в том числе — Галле, одну епископа и одну констанцскую, которые были заняты швейцарцами и крестьяне которых признали швейцарцев. Из этих крестьян он переколол 40 человек; 200 человек находятся еще на церковном дворе, и они тоже подвергнутся истязанию»³. Днем раньше тот же рыцарь сообщил, что во время репрессий у энгандинцев отнято было письмо, присланное им швейцарцами, в котором последние оправдываются в том, что не могут на этот раз прийти им на помощь⁴. Таким образом, в Энгандине и, очевидно, в других местах Граубюндена борьбу вели местные крестьяне, которые ожидали помощи от швейцарцев.

Эти жестокие репрессии несомненно явились ответом на активную помощь крестьянства юго-западных земель Германии продвижению швейцарцев. В одном письме сообщалось о тревоге «простых людей» в районе Штокнаха по поводу слухов о предстоящем уходе швейцарцев в связи с затруднениями в доставке продовольствия. В народе обсуждался вопрос о доставке швейцарцам продовольствия с тем, чтобы они не уходили⁵. С другой стороны, известно, что войска Швабского союза встречали в этих землях к себе враждебное отношение. Связанные со Швабским союзом вальдсгутцы, вступившие в Клеттгау при помощи графа фон Зульц одновременно с проникновением туда швейцарцев, — вызвали там недовольство, и

---

¹ K. K l ü p f e l. Ук. соч., стр. 306—307. — «Aber das ganze untere Engendin, auf 17 Dörfer, darunter 8 grosse, haben sie aus dem Grund geschlaizt und gebrannt. Viele, deren Zahl sie nicht wissen, haben sie unterwegs gehenkt, erstochen, verbrannt, 456 gefangen, die sich frei ergeben haben... ihre Fähnlein sollen sie (die Inwohner) überantworten...»

² Там же.

³ Там же, стр. 311—312. — «...und habe 3 Dörfer... verbrannt, welche die Eidgenossen inne gehabt, denen die Bauern gehuldigt haben, deren er 40 erstochen habe; 200 liegen noch im Kirchhof, die man auch nöthigen werde»

⁴ Там же, стр. 311.

⁵ Mitteilungen..., № 21, S. m-139.

цюрихские власти выразили уверенность в том, что вальдсгутцы будут за это наказаны¹.

Этой ролью народного недовольства и народного движения в победах швейцарцев можно объяснить ту тревогу, которая охватила Швабский союз, габсбургский двор и немецкую феодальную аристократию, их боязнь не только за судьбу вормских решений, но и за судьбу всего феодального порядка в Германии. Как только стало известно о беспрепятственном движении швейцарцев по Гегау, Вильгельм Бесерер написал в Эслинген, что они теперь намерены также подойти к Боденскому озеру с востока, захватить Брегенц, а затем, двигаясь вниз по Рейну, захватить Вальдгау (Южный Шварцвальд) и другие районы и, наконец, сделаться хозяевами всего Озера и всей Швабии². Эти прогнозы несколько недель спустя сделались еще более отчаянными. В апреле предпринят был второй поход швейцарцев на Гегау и на Баар. Сообщая о занятии швейцарцами Тенгена, Ганс Унгельтер утверждал, что теперь Вальдгау снова будет потерян³. Максимилиан, получив подобное донесение, узнал и о том, что, закрепив за собою Вальдгау, швейцарцы начнут наступление на восточном участке в долине реки Инн, а затем захватят и земли, примыкающие к реке Эч. По сведениям, полученным Максимилианом, опасность заключается в том, что «простой человек признает их (т. е. швейцарцев. — М. С.) и присягает им»⁴. Наконец, Максимилиан в полном отчаянии признал, что мятежные связи «грубых крестьян» грозят не только Шварцвальду, Швабии и Тиролю, но и всей Германии⁵. К таким же выводам пришел и известный нюрнбержец — гуманист Пиркгеймер, бывший тогда интендантом в войске Максимилиана, указавший, что политическая сторона этой войны заключается в опасности распространения демократического духа среди всего юго-западного крестьянства Германии⁶.

И в других правящих кругах феодальной Германии опасный оборот, который приняла Швейцарская война, видели не в действиях самих швейцарцев, а в революционном духе крестьян. 17-го апреля граф Штюлингена Сигизмунд фон Лупфен обратился в главнокомандующему немецкими силами с призывом о помощи, указывая на то, что продвижение швейцарцев в Клеттгау и других районах создает угрозу для Штюлингена⁷. Восемь дней спустя Ганс Унгельтер сообщил в Эслинген,

¹ Mitteilungen..., 21, S m-82.

² К. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 289—290.

³ Там же.

⁴ Mitteilungen..., № 21, S. 107—108.

⁵ J. Die g a u e r. Ук. соч., стр. 412—415.

⁶ Там же, стр. 420—421.

⁷ К. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 318.

что Штюлинген действительно занят швейцарцами, но что он сдан был швейцарцам людьми графа Сигизмунда фон Лупфен¹. Далее Унгельтер рисует мрачную перспективу предстоящей потери Баара, всего Гегау и угрозу, создавшуюся для Вюртемберга,— все по той же причине ненадежности крестьян. «Король вызван срочно,— писал он — потому что в случае их (т. е. швейцарцев.— *М. С.*) дальнейшего продвижения и вступления в землю герцога Ульриха следует опасаться, что все крестьяне присоединятся к ним»².

Эти настроения народных масс и в особенности крестьянства рассматривались знатю как политический кризис, как срыв всех военных попыток реализации княжеской программы имперской консолидации. Все расчеты и распределения обязанностей по доставке войск, принятые на многочисленных совещаниях Швабского союза, оказывались нереальными. Отовсюду продолжали поступать донесения о непригодности крестьян для войск. Военачальники требовали рыцарей, но их не было достаточно. Только этим можно объяснить жалобы на превосходство военных сил швейцарцев над немецкими, о чем заявил и Ганс Унгельтер в приведенном донесении от 25 апреля³. Эльзасский ландфогт писал 27 апреля Максимилиану, что в Зундгау и у Базеля швейцарцы жгут замки, а оборонять некому. Люди маркграфа фон Ретельн, узнав, что швейцарцы перешли Рейн, спешат домой защищать свою собственную землю. «Но это уже те люди,— пишет ландфогт,— на которых я возлагал лучшие надежды. Остальные же люди городов и сел, это почти все — рабочие и грубая толпа, которые вынуждены добывать для себя и для своих детей плоды земли для пропитания и от которых нельзя ожидать серьезного сопротивления врагу»⁴. Таким образом, надежды, возлагавшиеся на зажиточную часть крестьянства, которые могли ценить имперские гарантии, не

¹ Там же, стр. 325.— «Des Graf Sigmund von Lupfen Leute haben Stühlingen dem Feind übergeben, er habe viel Wein und Getreide darin gefunden».

² Там же.— «...denn sollten sie weiter vorziehen, und in Herzog Ulrichs Land kommen, so sei zu besorgen, die Bauern würden sich alle zu ihnen schlagen».

³ Генрих Витте в приведенном предисловии к публикуемым материалам Швейцарской войны утверждает, что благодаря неспособности Габсбургов и Швабского союза объединить все силы немцев, соотношение сил немцев и швейцарцев не было столь неравным, как это обычно представляется. Настоящей причины этой «неспособности» Габсбургов и Швабского союза Витте понять не мог.

⁴ Mitteilungen..., № 21, S. m-113— m-114.— «Das sind eben die lüt, do ich am aller höchsten trost uff gesetzt hab. Die übrigen von Städten und Ländern sind fast arbeiter und hulüt, die sich der fruchten uss dem ertterich mit ihren kindern erziehen und ernerer müssen, von denen ein ernsthafter widerstand gegen den Feind nicht zu erwarten ist».

оправдались, не говоря уже о массе крестьян и городской бедноты. Эльзасский ландфсгг стремился показать невозможность защиты крестьянскими войсками дворянских замков и княжеской империи. В том же письме он рассказывает, что прекрасный замок Кюсенберг, оборонявшийся крестьянским войском короля (mit des Königs Landleuten besetzt) сдан был этим войском врагу по своей собственной воле, без единого выстрела и без всякой нужды. «О, если бы я имел там свободных наемных кнехтов вместо сельского народа!» восклицает автор письма и выражает надежду, что король не оставит его без помощи нужным войском. Нас здесь всего, пишет он, 8 знатных (nicht mer als 8 vom Adel) в таком серьезном положении. Автора приводит в отчаяние сознание невозможности использовать народ для защиты знати и проведения ее интересов. Он мечтает о наемных кнехтах. Но в кругах, более осведомленных в военном положении, в особенности среди руководителей Швабского союза, утвердилось мнение, что и кнехты не годятся в этой войне. Выше приведено было сообщение Унгельтера от 15 февраля о том, что кнехты позорно бегут вместе с крестьянами¹. В апреле он же обвинял в этом самих князей, которые «из-за нашего высокомерия» (unsrer Hoffart wegen) не хотят иметь дело и серьезно заниматься «пехотинцами» (mit den Fussknechten)². В Констанце главнокомандующий Фюрстенберг и два командира повели войска в 400 конных и 4500 пехотинцев. Цель операции — сжечь несколько деревень, где были швейцарские солдаты. Эмерсон подробно описывает, как немцы расправлялись с отдельными мелкими группами швейцарцев. Когда же они наткнулись на лес, в котором засели около 1500 швейцарцев, то пехотинцы разбежались раньше, чем швейцарцы успели выйти из леса, и при этом — никто из пехотинцев (keiner von den Fussknechten) не произвел ни одного движения копьем и ни одного выстрела³. Дело, таким образом, заключалось не в «высокомерии» князей, а в том, что кнехты, нанятые городами для военных поставок Швабскому союзу, не хотели воевать и участвовать в карательных походах против крестьян. Только этим можно объяснить такое странное явление, как единодушное признание непригодности крестьянских войск и пехоты после бургундской войны, в момент подъема славы швейцарской крестьянской пехоты⁴.

Все немецкие командиры, в том числе и главнокомандую-

¹ К. К l ü p f e l. Ук. соч., стр. 287.

² Там же, стр. 315.

³ Там же, стр. 316.

⁴ См. Ф. Э н г е л ь с. О разложении феодализма и развитии буржуазии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 448.

щий Фюрстенберг, требовали рыцарского войска¹. В отношении крестьян к войне видели основной фактор поражения немцев. Когда в июле Максимилиан получил известие о поражении немцев на западном участке фронта — при Дорнахе — и стал строить планы нового похода и нового сколачивания военных сил империи и Швабского союза, то ему было указано, что империя не жалела бы никаких средств, если бы видела целесообразность этих шагов. При данном же положении главари Швабского союза считали, что надо добиваться соглашения с врагом. Если же это не удастся, то необходимо на предстоящем съезде Швабского союза в Ульме обсудить дальнейшую тактику, «потому что так воевать, значит губить самих себя, и мы обрекаем короля и себя на позор: это самое жалкое положение, все равно, как если бы мы бросали свои деньги в Озеро»². Из донесения Унгельтера становится ясной причина такого отчаянного пессимизма. Унгельтер писал еще в апреле о глубоком кризисе Швабского союза под влиянием неудачно начатой войны со швейцарцами. Мелкие имперские чины заявляют, что Союз им уже надоед, что они предпочитали бы, чтобы его вовсе не было. Аугсбург и некоторые другие города утверждали, что эта война, начатая до их присоединения к 12-летнему союзу, их вообще не касается³. Теперь, в августе, после ряда поражений, Унгельтер рисует картину еще более глубокого распада внутри Швабского союза. Мелкие чины и города обуславливают свое участие в дальнейших доставках войск и военных материалов выполнением своей доли крупными князьями. В частности указывали на герцога Вюртембергского, который отозвал с фронта свои войска. Король, обещая сейчас же разослать всем войскам строгие мандаты, признал, что если бы вюртембергские силы не были отведены, то он мог бы теперь добиться почетного мира. Король не мог указать количества войск, которое в состоянии дать сейчас герцог Вюртембергский, ввиду того, что в его земле крестьяне не хотят покориться (*denn die Bauern wollen nicht gehorsam sein*)⁴. Отвод вюртембергским герцогом своих войск, имевший печальные последствия для немецкого лагеря и для положения в Швабском союзе, тоже вызван был тем, что войска нужны были ему дома для подавления крестьянских волнений. Отсюда и всеобщая уверенность в том, что вюртембергские крестьяне присоединились бы все к швейцарцам в случае прихода последних в вюртембергскую землю.

¹ Mitteilungen..., № 21, S. m-136—137; № 22, S. m-9. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins, Bd. 15, 1900.

² K. K l ü p f e l. Ук. соч., стр. 374.

³ Там же, стр. 319.

⁴ Там же, стр. 373.

Движение вюртембергских крестьян имело большое значение в процессе внутреннего распада Швабского союза и в срыве всех планов организации имперских сил. Подъем антифеодальных настроений и общий дух сопротивления феодальной агрессии, которые усиливались благодаря имперской экспансии немецких князей, были характерны не только для вюртембергского крестьянства. Интересна в этом отношении также переписка Базеля в связи с его позицией нейтралитета в Швейцарской войне. Максимилиан лично и через своих представителей, ссылаясь на вормские решения, обращался неоднократно к Базелю с энергичным требованием действовать в этой войне как подобает члену империи¹. Базельские власти указывали в ответ, что им стоить больших усилий удержать свое население от открытого присоединения к швейцарцам и противостоять нажиму со стороны самих швейцарцев². Чтобы удержать свои общины от присоединения к швейцарцам, властям Базеля приходилось их улаживать, добиваясь от господ отказа от ряда повинностей, которые лежали на них до сих пор³. Базельцы указывают имперским властям на то, что и имперские повинности должны быть значительно облегчены. «Если же,— продолжают они,— это не будет сделано и с нашими людьми будут поступать, как теперь поступают, то такой режим не будет терпим ни в каком случае и следует опасаться, что наша община, которую мы удерживаем до сих пор с огромным трудом и тонким разумом, делается совсем неспокойной, а может быть предпримет что-то другое»⁴. Таким образом, народная борьба была направлена не только против попыток консолидации и расширения княжеской империи, но и против ее старых претензий.

Руководящие круги швейцарцев пользовались благоприятной для них ситуацией крестьянского недовольства в соседних германских землях и рассматривали крестьянство этих земель как своих естественных сторонников. Отдельные случаи поддержки крестьянами своих господ швейцарские военачальники называли позорными. Эти случаи вызывали с их стороны жестокие расправы, как это имело место в деревне Штюслингене⁵. Швейцарские верхи требовали от своих военачальников

¹ K. H o r n e r. Ук. соч., № 25, 66, 89, 112, 174, 242; Mitteilungen... № 21, S. m-68.

² Там же, № 92, 118, 283, 312.

³ Там же, № 312.— «...so wytt by der herschaft ouch zu erlangen, die unsern gefrydet und gesichert und dz inen bisszar begegnet, abgestellt solle werden».

⁴ Там же.— «...Wa dz und derglich furnemen hinfuro nit abgestellt, sonder mit den unsern wie d. her geprucht, mocht in die harr keins wegs erlitten werden, und zu besorgen, dz unser gemein, die wir mit grosser arbeit und supliter vernunft, wie vorstatt by uns behalten hand, ganz unruwig sin wurde und villicht etwas anders an die hand nemen».

⁵ Mitteilungen..., № 21, S. m-87.

предупредительного отношения к крестьянам и осторожности при ведении военных действий. Однако они не только не поощряли крестьянское движение, но и сами боялись его. За время войны 1499 г. начальники швейцарских войск четыре раза вступали в Гегау и возвращались обратно, не предпринимая там решительных действий, вопреки настойчивым требованиям со стороны широких масс Швейцарии. Весьма характерным является обращение Берна и Фрейбурга к своим военачальникам в Гегау во время первого наступления в феврале. Из этого обращения видно, что швейцарские командиры отказывались от проведения оперативных планов в Верхней Германии (*etlich Anschläge der Eidgenossen in Oberland*). Власти Берна и Фрейбурга указывают этим командирам, что их образ действий вызывает недовольство простых людей и предлагают им прибыть в Швейцарию для выработки единой твердой тактики¹. Особый нажим со стороны своих подданных испытывал в те дни Золотурн, обратившийся к Берну за помощью против его войска («Volk»), требующего энергичных действий в связи с нападением немецких сил из Зеккингена на Кинберг и утверждающего, что «наши предки не стерпели бы такого издевательства»². Из корреспонденций, полученных тогда же Золотурном и Базелем, мы можем заключить, что во Фрикской долине (между Аарой и Рейном — недалеко от места их слияния) ожидалось сожжение деревень и что по этому поводу имело место возмущение «бедных» (*der armen Leut*) подданных Золотурна, которые боялись той же участи. Некий Ульрих Кюфер убеждает власти Золотурна не допустить до этого, так как сожжение деревень Фрикской долины приведет к тому, что народ разбредется на 90 процентов и Золотурн лишится своих солидных доходов (*die schöne Gült*). Надо, пишет он, предупредить как господ (*Herrschaft*), так и крестьян от всяких актов своеволия (*Mutwille*)³. Здесь не совсем ясно, о каком сожжении деревень идет речь. Последняя фраза автора письма затрудняет понимание этого акта как поджога в связи с ходом военных действий (в этом случае непонятно, какую роль играют здесь своевольные действия господ и крестьян). В письме, полученном Базелем одним днем позже, сообщается, что вальдсгутты⁴, вопреки соглашению с Берном, сожгли много деревень между Аарой и Рейном. Следует, пишет тот же корреспондент, ожидать еще чего-то, так как бернцы и другие швейцарцы оттягивают свои силы. В приписке к этому письму говорится: если «бедным» (*den armen*

¹ Mitteilungen..., S. m-92.

² Там же, стр. m-91.

³ Там же, стр. 91—92.

⁴ Вальдсгут был одним из опорных пунктов немецких войск в этой войне.

Leuten) не будет дано возмещение, то это приведет к плохим последствиям во всем Фриктале¹. Как видим из этого письма, сожжение деревень в районе к западу от устья Аары связано было с отводом некоторых частей швейцарцев из Гегау в конце февраля. При отводе своих военных сил Берн заручился, очевидно, обещанием со стороны Вальдсгута не допускать репрессий по отношению к крестьянам, но это обещание не было соблюдено, «вопреки соглашению с Берном». Такие же акты репрессий ожидалось во Фрикской долине, что и вызвало волнение не только со стороны крестьян немецких районов между Рейном и Аарой, но и среди крестьян соседнего Золотурна. Отсюда и совет, данный Золотурну, — принять меры к удержанию как господ, так и крестьян от «актов своеволия» (Mutwille).

Выдвинутый при этом аргумент о том, что продолжение репрессий против деревень приведет к уходу крестьян и к потере Золотурном «schöne Gülden» очень характерен для отношения руководящих элементов швейцарских городов к крестьянству и к крестьянскому движению. Используя недовольство и движение крестьянских масс, они заботились только о своих интересах и своих доходах. Борьба крестьянства сама по себе не вызывала их сочувствия. Наоборот, они боялись ее. Важное значение в этой связи имеют пункты первого проекта мирных условий, принятые 25 августа для дальнейшего изучения и согласования обеими сторонами. Согласно пункту четвертому этих условий, все замки, города, села и господские владения, занятые и отвоєванные одной стороной у другой, должны быть возвращены в том виде, в каком они сейчас, а подданные освобождены от (наложенных на них) обязанностей. Однако неприкосновенными должны оставаться все права и обязанности, которые кто-либо имел в этих владениях до войны, и также все, что кто-либо из духовных или светских лиц имел здесь как свое, будь это собственность, ленное держание, чинш, десятины, платежи и добро, наследственные права, долги и всякое другое. Все, чем кто-либо владел в начале этой войны — должно быть восстановлено, и он должен быть к этому допущен².

¹ Mitteilungen..., № 21, S. m-92—93.

² K. Klüpfel. Ук. соч., стр. 377.— «Zum vierden, der eingenomen und eroberten sloss, stettn, landtschafften und obekraiten halben soll yede parthey der andern alles das, so si ir in disem krieg abgewonnen und jn ir gewaltsamj bracht hat, widerum zu lassen in dem wesen, als es yetzo ist, und die undertaunen jr Pflicht ledig zelen, doch unverzogen und vorbehalten der rechtung und pflicht so yemands vor dem krieg daran gehapt hat, auch das uff baiden tailen gaistlich und weltlich, zu dem jren, es sey aigen, lehen, pfantschafft, zinsz, zehenden, güllt und gut, erbschafften, schulden und anders, so ain yeder am eingang disz Kriegs jnngehabt hat, wider komen, und darzu gelassen werden soll».

Соглашение, таким образом, намечалось за счет главной силы сопротивления княжеской имперской агрессии — за счет крестьянства, на землю и труд которого восстанавливались все феодалы «права» господ.

Тем же духом заботы о сохранности феодальных прав проникнут и шестой пункт проекта соглашения, согласно которому каждая сторона обязуется «не принимать никого под свою защиту и опеку, в бюргерское или земское право из тех, кто живет под опекой другой стороны (*so under der andern parthey gesessen ist*), и равным образом не приобретать никаких замков, городов или господских владений путем покупки или обмена без согласия и воли земства или власти, под которой они находятся; всякие же другие имущества, чинши, десятины, ренты и платежи каждый вправе продавать и обменивать как свою собственность и поступать с этим свободно и беспрепятственно»¹.

Итак, попытка закрепить в Германии территориальную систему при помощи имперской организации, основой которой должен был сделаться Швабский союз, утвердившийся в юго-западной Германии как политическое орудие сенъериальной реакции, вызвала оппозицию разных слоев горожан и рыцарства и встретила энергичный отпор со стороны швейцарцев, подчинение которых представлялось необходимым не только в плане подавления крестьянского сопротивления, но и для превращения империи в активную реакционную международную силу.

В 90-х годах XV в. швейцарцы нанесли удар Швабскому союзу и реакционной политике княжеской партии, что имело важное значение не только для развития революционного движения в юго-западной Германии, не только для развития и политического подъема швейцарских городов, но и для политического усиления консолидировавшейся Франции. Знаменательную роль сыграла в этой победе швейцарцев борьба крестьянства соседних германских земель. Оппозиция городов и рыцарства также приобретала особое значение на фоне антифеодальной борьбы крестьян, которая, как показал пример эльзасского «Башмака» 1493 г., могла сделаться объединяющей опорой для различных элементов многообразной и раздробленной оппозиции.

В 90-х годах XV в. княжеская верхушка сравнительно легко справилась с оппозицией городов и рыцарства. Двойственная тактика руководящих кругов Швейцарского союза

---

¹ Там же, стр. 378.— «...aber umb ander gueter, zins, zehenden, rendt und gült mag ain yeder das sein verkouffen, verwechseln und damit handeln frei und unverhindert.

наряду с колебаниями и уступчивостью в среде горожан и низшего дворянства облегчили для княжеской империи и для Швабского союза тяжесть поражения. Швабский союз приступил к реформированию своей военной организации, а княжеская партия провела на Аугсбургском рейхстаге вторую часть своей программы имперской реформы — организацию имперского управления. Вместе с тем уже в первые годы XVI в. наметился следующий этап в нараставшем революционном народном движении.

ГЛАВА VII

ЗАГОВОРЫ «БАШМАКА» (1493—1517 гг.)

Крестьянские заговоры 1493—1517 гг. под знаменем «Башмака» нельзя рассматривать как явления местного характера. Остановившись на этих заговорах, Энгельс говорит о них как о первых признаках зарождавшегося революционного духа среди немецкого крестьянства, появившихся приблизительно через 50 лет после подавления гуситского движения¹. В самом движении Энгельс отмечает «стойкость и упорство», заслуживающие «величайшего удивления», и обращает внимание на наличие в программах тайных союзов не только требований, направленных против феодального гнета, но и общих требований политического характера, касающихся государственного устройства и государственного единства. Эти программные требования «Башмака» Энгельс рассматривает как зародыши тех неоформленных политических идей, которые характерны для крестьянско-плебейского лагеря времени Крестьянской войны и которые получили наиболее сильное выражение у Томаса Мюнцера². Заговоры 1493—1517 гг. Энгельс выделяет из ряда местных восстаний того времени, указывая, что они подготовили Крестьянскую войну³.

Знамя «Башмака» появилось впервые у немецких крестьян после гуситских войн, возвещая переход от местного крестьянского восстания к широкому движению общего значения⁴. Об этом значении говорит уже история тайного эльзасского крестьянско-плебейского союза 1493 г. Энгельс обратил внимание на то, что в этом союзе приняли участие и «принадлежавшие к бюргерской оппозиционной партии» и что ему «более или менее сочувствовала даже часть низшего дворянства». Интерес

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 143.

² См. там же, стр. 148.

³ См. там же, стр. 146.

⁴ См. главу IV данной работы.

к крестьянскому союзу со стороны элементов бюргерской и рыцарской оппозиции вызван был прежде всего тем значением, которое союз мог приобрести в борьбе против имперских проектов и имперской политики «княжеской партии». Бюргерские элементы стремились занять в этом союзе руководящее положение. Характерно, что аграрные требования крестьян, вопросы о тяготах, связанных с поземельной и личной зависимостью, не стояли в программных статьях этого союза на первом плане. Крестьянские статьи, поскольку они занимают место в программах этого союза, направлены главным образом против судебно-политического порядка в империи. Наиболее общими в движении «Бапмака» 1493 г. в Эльзасе явились требования «трех пунктов», фигурировавших во всех судебных разбирательствах, допросах и переписке после раскрытия тайного заговора и подчеркивавшихся всюду как основная программа тайного союза. В мотивированной форме эти пункты даны в показаниях бургомистра города Шлетштадта, бывшего одним из вождей союза. В первом пункте содержится требование отмены церковных судов, приговоры которых об отлучении и изгнании на продолжительное время, причиняя значительный материальный ущерб, вызывали возмущение крестьянских масс. Второй пункт требует отмены императорского дворцового суда, который налагает на одних людей опалу, других подвергает судебному преследованию, в результате которого бедный человек изгоняется. Прекращение деятельности роттвейльского суда, говорится дальше, необходимо для того, чтобы оставались в силе прежние условия держаний. Третий пункт выражает требование изгнания ростовщиков-евреев¹.

Первые два пункта по существу касаются одного из основных вопросов аграрных отношений в конце XV в. — борьбы крестьян за землю. Требования отмены церковного и роттвейльского судов имели для крестьян значение протеста против оспаривания господами их права наследственного держания. В первом пункте подчеркивается материальный ущерб и хозяйственное разорение, к которым приводят церковные приговоры об отлучении и изгнании². Второй пункт, возможно, направлен про-

---

¹ A. Rosenkranz. Der Bundschuh, Bd. II. Quellen, Heidelberg, 1927, S. 23. «Des ersten demnach und der gemein man mit dem geistlichen gericht mit briefen zu bann und in merklichen costen kemen und etlich lang zitt darin legen, wölten si... dasselb gericht... abgetan worden sin solt. Zum andern... das rotwilisch... des römischen keisers hoffgericht, durch das denn ouch nit wenig zu acht brecht, usclagt und der arm man vertriben wurde, abzustellen und hinder sich ze triben, damit si des vertragen bliben. Zum dritten so weren inen die juden ze nach gesessen, von denen si ouch grossen trang und ubernutz mit irem wucher litten... ze vertriben».

² J. u. W. Grimm. Deutsche Wörterbuch, Bd. XII, Leipzig, 1924, S. 1936.

тив судебного сгона крестьян с участков императорским роттвейльским судом, принявшим для этой цели нормы римского права. Такое толкование согласуется с тем, что в данном пункте сгон «бедного человека» отделен от понятия общей имперской опалы (*durch das den ouch nit wenig zu acht bracht*) и выражен так, что «бедный человек» сгоняется в результате возбужденных против него претензий (*...uslagt und der arm man vertriben wurde*). При этом слова: *vertriben wurde* могут быть истолкованы как лишение наследственных прав держания, а не как сгон в полном смысле этого слова. Крестьянин, лишенный прочного права держания, считает себя согнанным со своего участка, хотя бы он и был оставлен в качестве срочного держателя на новых условиях. Заключительные слова пункта — «*damit si des vertragen bliben*» могут быть переведены: для того, чтобы для них оставались в силе прежние условия держания¹.

Текст этого пункта может быть понят и совершенно иначе. Возможно, что речь идет здесь об имперской опале, которая применялась дворцовым судом, и что фраза «*damit si des vertragen bliben*» означает: чтобы они были избавлены от него (т. е. от роттвейльского суда) или, — чтобы они могли терпеть свое положение². Если принять последнее толкование, то следует признать, что в данном пункте, так же как и во всей программе трех пунктов не содержится прямых аграрных требований. Однако если даже признать правильным первое толкование и считать, что второй из трех пунктов основной программы содержит протест против попыток господ лишить крестьян права наследственного держания земли, то и в этом случае протест направлен не прямо против сенъериального наступления, а против его юридического орудия, которое имеет более широкое значение, распространяясь не только на область аграрных отношений. Такое же широкое значение имеют и остальные два пункта программы о церковных судах и ростовщичестве.

Кроме общей программы трех пунктов в разных документах, относящихся к эльзасскому «Башмаку» 1493 г., встречаются и некоторые другие требования, которые выходят за рамки чисто крестьянских требований. Чаще всего говорится о необходимости ограничения доходов священников. В протоколе судебного заседания над 24-мя участниками заговора записана речь обвинителя, который, кроме трех известных пунктов, указал на намерение заговорщиков лишить духовных лиц всех их поборов и доходов, ограничив их определенной мерой и суммой, которая держится в тайне и известна лишь

¹ J. u. W. Grimm. Ук. соч., стр. 1936.

² Там же, стр. 1932—1933.

двум руководителям — Гансу Ульману и Клаусу Циглеру¹. В других документах размер допускавшегося заговорщиками дохода для духовных лиц не составляет тайны — Ганс Ульман показал на допросе, что имелось в виду оставлять каждому священнику не больше одного церковного надела (ein pfund) с доходом в 40—50 гульденов². Так же дело представлялось страсбургскому хронисту, который указывает несколько более высокий максимум — в 50—60 гульденов³. Тот же хронист указывает и другие пункты программы тайного общества — «никому не давать ничего по своей задолженности. Упразднить всякие Zöll, Ungelt и другие отягощения; налоги и Bede установить по своему усмотрению»⁴. В показаниях Клауса Циглера указывается сверх трех известных пунктов намерение полностью упразднить «Bede» и другие виды налогов и сборов, названных здесь «gewerf, zoll oder ungelt». Очевидно, что программные пункты, кроме вышеуказанных трех общих, не были твердо установлены и по ним имелись расхождения. Материалы допросов и процессов «Бапмака» 1493 г. показывают, что руководители его пытались представить основные три пункта программы как требования легальные, не направленные против существующего порядка. За десять дней до своего допроса Ганс Ульман в письме к одному страсбургскому адвокату писал, что он, будучи вовлечен в союз, имел в виду добиваться только трех пунктов, которые являются справедливыми и не направлены против страсбургского епископа⁵. На обернгеймском процессе 24-х участников защитник Яков Мерсвин, настаивавший на невинности обвиняемых, ссылаясь на то, что его подзащитные знали только три пункта, которые, по словам руководителей, должны были быть выдвинуты людьми, имеющими полномочия от властей, что, узнав о пункте, касающемся священнических наделов, его подзащитные пришли в полное негодование и заявили о своем отказе от всего дела⁶.

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч. стр. 36. — «...allen priestern und der priesterschaft zu nemen ir zins und gulte bicz an ein mosse und zale, die geoffenet ist Ulman und dem Ziegeler...»

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 1.

⁴ Там же. — «...und niemant nicht umb ir schulden zu geben. Item die zöll, ungelt und andere beschwerungen abzustellen, auch steure und beth zu geben nach irem gefallen».

⁵ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 10—11. «...von den drien punkten, so ich uch erzalt habe... dewile es ein gottlich sache ist und nit wider minen herrn...».

⁶ Там же, стр. 38—39. — «...allein die drige stücke... Thunnemans Michel, dem ist ouch meldunge beschehen von der priesterschaft, der selben pfunden der geburlichkeit noch und ietlichs notturft zu theilen, aber die frommen lutte noch endeckenuge des handels und solliches furnemens sint sie uf stunt zu zorn und unwillen bewegt worden habent sich ouch der sache willen nit gewelt beladen...».

Еще более характерными являются материалы Мольсгеймского процесса, на котором защитник и сами обвиняемые старались доказать, что они имели в виду только три пункта и притом — в легальной форме. Отдельные обвиняемые заявили, что, узнав настоящий смысл программных пунктов, связанных с незаконными действиями, — они решили донести обо всем властям и господам, но не успели сделать это своевременно¹. Не подлежит сомнению, что вариант о легальности был тактическим маневром, рассчитанным на случай раскрытия заговора до попыток его осуществления, как это и случилось в действительности. На доводы защитника на обернгеймском процессе о том, что участие в союзе бургомистра и чиновников должно было служить подтверждением его легальности, обвинитель имел все основания заявить, что это опровергается уже тайным характером союза².

Таким образом, программные пункты эльзасского «Башмака» можно разделить на две группы. В первую входят три общих требования, которые сообщались каждому вербуемому в союз, как его основная программа, и которые могли быть представлены как легальные в случае раскрытия заговора. В случае же успешного начала должна была быть выдвинута другая группа требований — о священнических доходах, о налогах и сборах, о задолженности христианам и т. п., — которые не могли быть представлены как легальные и в отношении которых не было единого мнения у всех вербуемых в союз членов. Необходимо, однако, признать, что сенъериальные тяготы крестьян, так же как и вообще вопросы крестьянско-сенъериальных отношений и вопрос о личной зависимости крестьян, не выступают на первый план ни в первой, ни во второй группе требований. Правда, некоторые из пунктов обеих групп требований могут при известном толковании включать и сенъериальные повинности. Такова, например, приведенная выше фраза страсбургского хрониста о намерениях заговорщиков — «die zöll, ungelz und andere beschwerden abzustellen». Однако, те тяготы, на которые имеются конкретные указания, исходят от князей, духовенства и ростовщиков, т. е. относятся к тяготам несенъериального происхождения. Широкоетолкование могло быть дано также употребляемому в показаниях Клауса Циглера и Ганса Ульмана термину «gewerf». В многочисленных случаях применения этого термина в юридических документах XIII—XVI вв., приводимых Гриммом, он выступает то как городская подать, то как синоним к «Bede», то как крестьянская повинность, которая, наряду с курицей, ежегодно давалась господину-судье

¹ А. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 53—66.

² Там же, стр. 40—41.

за пользование альмендой, ежегодное доставление которой подтверждало в таком случае судебную зависимость¹. Однако чисто крестьянские тяготы не выступают в обеих группах требований на первый план. Крестьянские интересы здесь не доминируют, несмотря на то, что именно крестьяне являлись основной внутренней силой, на которую план был рассчитан.

Было бы неверно считать, что руководители эльзасского «Башмака» рассчитывали осуществить свой план только силами узкой группы заговорщиков. Самый символ «Башмака» рассчитан был на привлечение широких народных масс близкой и более далекой округи, в первую очередь крестьянских. Циглер заявил в своих показаниях, что поднятие «Башмака» предусматривалось для того, чтобы вся масса бежала и стала под ним². Ганс Ульман подчеркивал, что знамя «Башмака», которое должно было быть поднято после овладения городом Шлетштадтом, предназначалось служить средством для привлечения «других важных городов округи, как Дамбах, Росгейм, Эгенгейм и некоторых других деревень»³. По мнению Ульмана, таким образом, города были главной силой, на которую заговорщики рассчитывали. Но Ульман после раскрытия заговора старался вообще, как мы увидим ниже, отрицать связь организации с планом широкого народного восстания. Страсбургский хронист, текст которого близок в данном пункте к тексту показаний Ганса Ульмана, уточняет настоящий смысл плана заговорщиков. По его словам, они после овладения Шлетштадтом путем тайного заговора рассчитывали поднять свое знамя, с тем, чтобы присоединился «простой народ», а затем (darnach) силами бежавшегося отовсюду простого народа предпринять поход на Дамбах, Эпфих и другие города и замки в Эльзасе⁴.

Ганс Ульман — влиятельнейший вождь эльзасского «Башмака», бургомистр города Шлетштадта, был тем представите-

¹ J. u. W. G r i m m. Deutsche Wörterbuch, Bd. IV. S. 5626—5627. О применении термина «gewerf» к деревне см. J. G r i m m. Weistümer, Bd. 5, S. 414: «...man sol auch jerlichen von dem dorffe dem landgraven sechzig viertel habern... kemme aber iemand frönder dar von fronden landen... der sol dem landgraven dienen und öch dem banherren eine zit in dem jor wunne und von weide eine gewonlich gewerf, und vasenacht hunre geben».

² A. R o s e n k r a n z. Ук. соч., стр. 15—16. — «Item einen buntschuch ufwerfen, damit allemenglich zugeloffen, und underston...».

³ Там же, стр. 23. — «Wenn si ouch Slettstatt behauptet und under sich bracht hetten, ein paner mit einem puntschuch ufgeworfen haben, damit si sich witter gesterkt und ander umbligend und anstossend stett, als Dambach, Rosshein, Ehenhein und etlicher ander dorfer an sich bracht hetten».

⁴ Там же, стр. 1. — «...mit heimlichem ufsatz Schlettstatt einzunehmen und zu erobern und ir guth under sich zu theilen und darnach ein paner ufzuwerfen mit einem bundschuch; so werde inen daz gemein volk zulaufen, darnach wolten sie auch innemmen Danbach Epfich und andere stette und schlösser in dem lande darumbe im Elsass».

лем городской оппозиции, который считал необходимым использовать в интересах этой оппозиции революционное движение крестьян. Рассмотренные нами выше программные требования этого тайного общества,— не только основные три пункта, но и дополнительные пункты, направленные в основном к ограничению некоторых княжеских поборов и доходов духовенства,— не выходят по существу за рамки оппозиции, носящей, по выражению Энгельса, «чисто конституционный характер» и готовой поддержать всякую ересь, направленную против церковного феодализма¹. В крестьянской массе Ульман видел реальную силу для овладения городами и для охвата оппозиционным движением большой территории. Ульман знал при этом, что для крестьян главное заключается в антифеодальной борьбе, в общем стремлении освободиться от феодального гнета. Желая использовать эти возможности в интересах бюргерской умеренной оппозиции и не разделяя вместе с тем целей антифеодальной борьбы в их крестьянском понимании, Ульман старался, чтобы до обращения к этой революционной силе была установлена программа требований, которая, хотя и интересовала крестьян, все же не содержала в ясно выраженных формулах их непосредственных классовых требований. В указанном выше письме к страсбургскому адвокату Ганс Ульман рассказывает о борьбе, которую ему приходилось вести с радикальным направлением внутри тайного союза. «Некоторые злые,— утверждал Ульман,— намеревались действовать по своему собственному пониманию. Я же, когда узнавал о чем-то, что направлено против господ и данной им клятвы, то я все это разрушал, как человек, склонный к добру, каким я был всегда»².

Уверяя, что в руководящей группе было только «пять или шесть» злонамеренных людей при благонадежном большинстве, Ульман излагает в письме ту линию поведения, которую он предлагал недовольным: договариваться каждой деревне о том, чтобы через управляющего (амман) передать господину дружескую просьбу о «трех пунктах». Если это не будет допущено, то тому, кто, не обладая состоянием, хочет действовать против своего господина, должно быть разрешено отказаться от Burgrecht, и в этом случае данная им клятва не должна считаться нарушенной»³. Затем он объявляет ложью все слухи о намерении заговорщиков захватить город Шлетштадт и совершить убий-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 123, 129—130.

² A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 11.— «...etlich böse im sinne hatten noch ir verstantnis; und wan ich etwas horte, das wider die herschaft und ir eide was, so bruch ich das als der ihene, der zu gutem geneigt ist, als ich ie gewesen bin».

³ Там же, стр. 11—12. «...und wan ir wider zusamen kommen, so lassent ein amman ann sin dorf an sin herren bringen die fruntlich bitte der drier punkten; wil man uch die nit lassen zu, wer dann nit

ства множества духовных и светских лиц, так же как и разговоры о намерении изготовить знамя с «Башмаком» и заявляет: «Кто вопреки данной им клятве позволял себе непокорные слова, того пусть накажут; те же, которые действовали по праву, должны получить его имущество»¹.

Нельзя, конечно, допустить, что в этом письме к адвокату Ульман писал всю правду. В показаниях, данных им же в базельской тюрьме, Ульман признал многое из того, что он в этом письме объявляет ложью². Тем не менее было бы неверно считать все содержание данного письма выдумкой, продиктованной боязнью наказания. В частности заслуживает доверия рассказ о борьбе, которую Ульман вел с радикальными элементами, выступавшими против господ. Ульман подчеркивает, что бороться ему приходилось внутри тайного общества против тех, кто не обладал состоянием и намерено действовал против господ, что его оппозиция, основанная на программе трех пунктов, не связана была с планами неимущих, желавших поправить свои дела за счет имущественных прав господ. Таким лицам он советовал добиваться только права ухода, считая, что повинности, вытекающие из поземельной зависимости крестьян от господ, не могут быть оспариваемы.

В подтверждение своей борьбы внутри тайного общества Ульман ссылается на местное рыцарство, которое знает о том, заявляет он, «как я боролся и как я отвергал много грубых речей, исходивших от грубых людей». «Я знаю,— говорил он,— что рыцарство этой земли хорошо ко мне относится за то, что я никогда не был склонен ко злу и стремился представить дело моим милостивым господам — бургомистру и магистрату города Страсбурга»³.

О наличии борьбы внутри заговорщической организации и характере этой борьбы говорят и материалы упомянутых выше процессов. Один из обвиняемых на мольсгеймском процессе — Яков Реннер рассказал в своих показаниях о том, что происходило 23 марта на горе (ungerssbergk) у города Дамбаха. За день раньше он был завербован в тайный союз другими, кото-

---

ein vermögen hat und wider sin herrn sin wil, das es im dann unverwisslichen (unverboten) si, der selbe sage sin burgrecht uf: was im eben ist, das mag er tun, so ist es im an sinem eide nit schaden».

¹ А. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 12. «...ob iemant unnutze wort hat gerett nebst der schwur, den stroff man; und die recht habent getan, sollent sin geniessen».

² Там же, стр. 22—24.

³ Там же, стр. 12.— «Wan (denn) der adel im lande wuste, was ich gewert und gebrochen habe manig grobe rede, do grobe lute hin komen, so weiss ich, das der adel im lande mir holt muste sin, dann ich min tage nie zu böse» sachen geneigt bin gewesen. Und durst die sach bekommen fur min gnedige herrn, meister und rat der stat Strasburg».

рые сообщили ему «три статьи», заверяя при этом, что они не направлены против страсбургского епископа. На горе он застал людей различных профессий (*aller hande lutte*). Ульман обратился ко всем с речью о необходимости строжайшего соблюдения тайны даже в том случае, если кто-нибудь будет арестован: он должен дать разорвать себя на части, но не нарушать клятвы о молчании. После того, как все собравшиеся на горе поклялись в этом, избрали четырех руководителей: Ульмана, Циглера, Ульриха Шютца и Якова Ганслера. Ульрих Шютц потребовал дать ему восемь дней для решения вопроса о своем согласии быть руководителем. Когда перешли к обсуждению ближайших задач, некоторые предложили обратиться со своими делами «к нашему милостивому господину», другие же настаивали на обращении к швейцарцам. Чем кончилось дело, продолжал свои показания Яков Реннер, ему не известно. Впрочем он слышал речь Якова Ганслера о том, что каждый знатный человек, который окажет сопротивление, равно каждый священник, который не захочет ограничиваться одним церковным наделом, должен быть убит¹.

Из текста показаний Якова Реннера видно, что речь Ганслера о насильственной тактике по отношению к знати при проведении намеченного плана связана с происходившим на том собрании спором, обратиться ли к епископу с просьбой об урегулировании требований или же прямо обратиться к швейцарцам. Обращение к швейцарцам означало здесь обращение к крестьянской силе, образующей основу «клятвенного содружества», враждебного немецкой знати. Тактике борьбы против знати, к которой призывал Яков Ганслер, названный последним в ряду руководителей, противостояла иная тактика первого руководителя — шлетштадтского бургомистра Ганса Ульмана, ссылавшего впоследствии, как нам уже известно, на свои дружеские связи с местной властью, любящей его за постоянную борьбу с «грубыми людьми», произносящими «грубые речи». С этой внутренней борьбой в союзе связана была, очевидно, выжидательная позиция другого руководителя, близкого к кругам эльзасской знати, — Ульриха Шютца, рассчитывавшего, что через восемь дней выяснится, какая тактическая линия одержит верх.

Имя Ульриха Шютца связано с так называемым эбнетским инцидентом, бросающим известный свет на вопрос об отноше-

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 58. — «...do hette Ulrich Schutze geredt, er wolt acht tag bedank haben, obe ime hauptman zu sinde gelegen were. Dem selben noch ein umbfroge bescheen und etlichen die ding an unsren gnedigen hern etc, die andern an die Eidgnossen zu bringen gerat [slagt]. Was aber endlich beslossen, were Jacob Renner nit wall wissende, den so vill, das Jacob Hanssler geredt hette, welicher edelman dem furnemen widerstant thun, des gleichen wellicher priester nit mit ein pfrunde wolt benugen haben, die solten zu tot geslagen werden».

нии рыцарской оппозиции к эльзасскому «Башмаку» 1493 г. Конкретных фактов об участии представителей рыцарской оппозиции в этом заговоре, очевидно, не было и у современников. Однако вопрос этот очень интересовал тех, которые допрашивали обвиняемых руководителей и стремились установить стоявшие за движением политические силы. Клаус Циглер, которому этот вопрос был поставлен, ответил, что он представлял себе главным зачинщиком Якова Ганзера (он же — Ганслер) из деревни Блиенсвейлер и что к этому делу не примыкал никакой князь и никто из знати вообще¹. Но сама постановка такого вопроса свидетельствует о том, что отношение некоторых кругов рыцарства к движению давало к этому известные основания. Об этом же говорит и приведенное выше письмо Ульмана, старавшегося убедить страсбургского адвоката в том, что он стремился устранить из союза людей, пытавшихся придать движению антирыцарское направление. Случай в Эбнете обращает на себя внимание, так как он дает пример сочувственного отношения к участникам «Башмака» представителя андлауского рыцарства.

Эбнет — пригородное местечко у Фрейбурга — сделался для Ульриха Шютца убежищем при первом его преследовании после раскрытия заговора. В Эбнете приютил его в своем доме андлауский рыцарь Давид фон Ландек, который отверг требование фрейбургских властей о его выдаче. Магистрат Шлетштадта, по просьбе которого Фрейбург предпринял свою попытку арестовать Шютца, обратился к представителю имперской власти — к ландфогту в Энсизгейм. Последний, ссылаясь на то, что дело, участником которого являлся Шютц, направлено против императора и Священной римской империи, против всех князей, всей знати и всех «почтенных званий»², потребовал в чрезвычайно угрожающем тоне, чтобы андлауский рыцарь немедленно арестовал Шютца и предал его суду. Из письма фрейбургского магистрата тому же ландфогту мы узнаем, что Давид фон Ландек сам настаивал на разбирательстве дела Шютца. Однако он оспаривал судебные права Фрейбурга и указал, что, поскольку Шютц оказался в области его юрисдикции, то он считал необходимым задержать его у себя в замке до суда³. В то время как велись эти переговоры, Фрейбург

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 16.— «...das er ouch nit anders verstanden, dann Hansers Jacob von Bliensswiler der erst anfeiger diser ding sin solt, und dhein furst noch andere edeln der sachen anhengig».

² A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 50.— «...diewel nun die gemelte sach und der handel dorin er verwand und anhenig, vor ab merklich wider die K[eiserliche] m[ajestalt], das heilig romisch Rich, all fursten und allen adel, ouch wider alle erberkeit ist...».

³ A. Rosenkranz. Ук. соч. стр. 50—51.

направил в Эбнет отряд под командованием Ауберлина Штейнгардта, который силой захватил Ульриха Шютца. Теперь жалобу перед имперским ландфогтом возбудил уже андлауский рыцарь, в чем ему помогли другие представители местной знати — Конрад фон Шелленберг, Дитрих фон Блюмнек, Ганс фон Ришах, Ландеки, Нейенфельды и другие (und anderer edelleut im land). Давид фон Ландек добился от ландфогта образования для разбора этого дела земского суда (landgericht) из представителей знати, деревенских фогтов и крестьян, в который могли включиться и соседние города¹. Претензии Фрейбурга о том, что Давид фон Ландек должен подчиниться городскому магистрату как фрейбургский бюргер, рыцарь, вопреки протестам со стороны городских властей, отверг, заявив о своем отказе от бюргерских прав. Он твердо настаивал на судебном разбирательстве в земском суде и обратился за поддержкой к рыцарской партии Швабского союза. В результате острого конфликта, который завязался между городом Фрейбургом и Давидом фон Ландек, поддержанным местным рыцарством, из-за Ульриха Шютца, дело этого руководителя эльзасского «Башмака» получило разрешение, отличное от решения дел других руководителей заговора, попавших в руки врагов. В отличие от Ульмана и Циглера, Ульрих Шютц не был казнен. Ему отрубили два пальца правой руки, т. е. подвергли наказанию рядового участника, вовлеченного в заговор другими.

Весь этот инцидент описан подробно в книге фрейбургского магистрата вместе с описанием событий эльзасского «Башмака»². О значении, которое придавалось фрейбургскими правителями этому инциденту, можно судить по тому, что его описание занимает втрое больше места, чем описание самого заговора. Эбнетский инцидент представляется здесь не как частный случай, а как политическое выступление дворянской группы, преследовавшей две цели. Прежде всего, эта группа взяла под свою защиту одного из деятелей «Башмака», который бежал в дом андлауского рыцаря, и добилась для него сравнительно легкого наказания. Кроме того, андлауский рыцарь отверг принцип бюргерского права и судебной самостоятельности имперского города и настаивал на судебном разбирательстве его спора в земском суде, составленном на основе сословного представительства и действующего от имени императора. В записи фрейбургского магистрата на это обстоятельство обращается особое внимание. Требование в отношении суда весьма близко подходит к той организации суда, которая предусматривалась в оппозиционном памфлете — «Реформации императора

¹ Там же, стр. 68. Шлетштадт уговаривал Фрейбург участвовать в судебном заседании 19 июня.

² А. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 74—75.

Фридриха III». Этот рассмотренный нами выше памфлет исходил, как уже говорилось, от городской оппозиции, которая в области административного и судебного устройства шла на уступки оппозиционным элементам рыцарства.

Таким образом, если нет прямых указаний на участие каких-либо рыцарских элементов в эльзасском «Башмаке», то эбнетский инцидент показывает нам оппозиционную группу рыцарей, которая, если и не участвовала в движении, то несомненно проявляла к нему интерес, выразившийся не только в том, что она пыталась взять под защиту одного из руководителей, находившегося под дворянским влиянием, но и в том, что эта группа пыталась использовать в интересах оппозиционной рыцарской программы начавшееся подавление революционного движения народных масс.

Приведенное выше письмо Ульмана о его тесных отношениях с дворянством, так же как и стремление привлечь к руководству связанного с оппозиционной группой андлауского рыцарства Ульриха Шютпа, свидетельствует о стремлении определенных элементов городской, а возможно и рыцарской, оппозиции использовать широкое недовольство крестьян в интересах политической реформы. Суть этой реформы сводилась к ослаблению влияния князей и духовенства и к подчинению имперской политики интересам горожан и мелкого рыцарства, в соответствии с чем требовалось перестроить суд в империи.

Вопрос о возможности использования в интересах такой политической реформы крестьянского движения под знаменем «Башмака» не мог представляться для руководителей бюргерско-рыцарской оппозиции легким. Розенкранц утверждает, что основную причину крестьянского недовольства и их склонности прибегать к силе составляет отсутствие правовой защиты от грабежей после бургундской войны и наличие опасности передвижений на всех дорогах Эльзаса. Поскольку, пишет он, власти не могли обеспечить безопасности, то крестьянам оставался только путь применения собственной силы. Фальсификаторская цель этого католического историка здесь совершенно очевидна. Он стремится во что бы то ни стало затушевать факт обострения антифеодальной борьбы крестьян и оторвать историю «Башмака» от важнейших процессов, развивавшихся тогда в области аграрных отношений, — от сенъериальной реакции конца XV в., от борьбы крестьян против массового распространения крепостного состояния. Неурожай, голод и эпидемии среди разорявшейся крестьянской массы Розенкранц представляет как явления чисто стихийного порядка, которые обострили недовольство крестьян бездеятельностью властей по водворению «порядка» на дорогах. Возмущение крестьян против ростовщичества, против роста княжеских и церковных по-

боров, против злоупотребления духовенства своими судебными привилегиями Розенкранц также отрывает от происходившего тогда общего процесса усиления феодального нажима¹. Розенкранц стремится представить дело так, что между различными силами, выступавшими в эльзасском «Башмаке», не было противоречий. Вопрос о поднятии знамени «Башмака» не представлял, по мнению Розенкранца, для Ганса Ульмана, Ульриха Шютца и стоявших за ними группировок никаких затруднений. Если верить Розенкранцу, то поднятие «Башмака» предусматривалось в плане руководителей, как переход к следующему организованному этапу борьбы. Вначале требовалось образовать сильное ядро заговорщического союза, занять Шлетштадт и другие позиции, а затем выйти из узких рамок заговора и распространить свое влияние в более широком масштабе. Этому и должна была служить притягательная сила популярного знамени².

Однако требования, выдвинутые руководителями «Башмака», крестьяне могли рассматривать только как частные моменты их борьбы против начавшейся сенъериальной реакции и усиления сенъериального гнета. Для крестьян данные программные пункты не могли быть отделены от общей борьбы против феодального строя, следовательно, вопрос о какой-либо связи с рыцарской оппозицией для них был нелепым. С другой стороны, сила народного движения заключалась, как указал Энгельс, именно в антифеодальном характере борьбы народных масс, которые всюду эксплуатировались всей общественной иерархией³. Следовательно, для Ульмана и Шютца и для представляемых ими групп вопрос о поднятии знамени «Башмака» был вопросом не только перехода к открытой форме борьбы. Для них дело шло об использовании политических тенденций антифеодального народного движения для целей, значительно более ограниченных, т. е. политической реформы, не затрагивающей основ феодального строя и не направленной против господ. Предусматривавшийся переход к расширению движения в этих условиях представлял опасную тенденцию с точки зрения бюргерско-рыцарской политической оппозиции.

Однако то обстоятельство, что поднятие «Башмака», т. е. обращение к народным массам, должно было последовать лишь на втором этапе осуществления плана, могло казаться Ульману и его сторонникам достаточной гарантией против опасности перехода инициативы к народным низам и развития движения против основ феодального строя. Кроме того, расчет этой группы был не только на силу народных масс, но и на

¹ См. в первом томе книги Розенкранца, гл. 1, стр. 26—37, § 2 — «Woüber hatten die Bauern zwischen Schlettstadt und Strasburg zu klagen?»

² A. Rosenkranz. Ук. соч., т. II (Quellen), стр. 23—24, прим. g.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 125—126.

помощь швейцарцев, руководители которых не всегда проявляли свои дружелюбные отношения к антифеодальному движению немецкого крестьянства, служившему им же опорой в их борьбе против немецких князей.

Поэтому для умеренных деятелей заговора, шедших за Ульманом, план обращения к швейцарцам не означал радикализации движения. Наоборот, предусматривая второй этап движения, т. е. этап, характеризующийся поднятием знамени «Башмака», эти деятели рассчитывали сохранить в своих руках руководство и не допустить самостоятельной роли народной массы, стараясь привлечь швейцарцев, не сочувствовавших крестьянскому движению в германских землях. Из показаний Клауса Циглера мы можем заключить, что эта группа имела в виду обращение к Берну и Цюриху и собиралась разъяснить этим швейцарским городам свои намерения и выразить свое желание получить от них помощь людьми в порядке найма военной силы. Если швейцарцы не разрешили бы вербовать наемную военную силу в их областях, то предусматривалось нанять военных в другом месте, поручив это одному из своих членов, являющемуся опытным кнехтом-наемником, занять этой силой Шлетштадт, Дамбах и другие намеченные пункты и лишь затем поднять знамя «Башмака»¹.

Нет сомнений, что Ульман и его сторонники знали настроения официальных кругов Берна и Цюриха. Не может быть также сомнений и насчет характера тех разъяснений, которые они собирались делать в Берне и Цюрихе для того, чтобы добиться от них помощи за деньги. Речь шла, конечно, о том, чтобы разъяснить властям швейцарских городов отсутствие у заговорщиков революционных намерений в отношении господ и указать им на то, что их цели ограничиваются желанием использовать народное недовольство только для ограничения доходов духовенства и князей. По расчетам руководителей, эти цели не вызовут со стороны руководящих кругов Швейцарии особых возражений. Очень характерным, наконец, является решение о найме войск в другом месте в случае отказа указанных швейцарских городов. Мы видим, таким образом, что для уме-

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 15.— «...und ob sollichs ir furnemmen abzustellen nit zugelossen, das die bestimpten hauptlut sich in Schwitz zu den Eydtgenossen fügen, namlich gon Bern und Zurich, und inen die meinung und ires willens umb zusatz herfaren, und das gelt, si verzerten, undern juden lehenen... und ob schon die Eydtgenossen nit volg geben, doch nit destminder sust andere anzunehmen, und deshalben sterken, besonder dozischen einen fussknecht... zu hauptman bestellen, der dann andere fussknecht zu im alldar beschriben und noch Hans Ulmans angeben alsdann uf ein namlich zit zusammen thun und Schletzstat underston zu herobern und inzunehmen, desglichen Dambach und alles, das si möchten zu iren handen bringen. Item einen buntschuch ufwerfen...».

ренных руководителей речь шла не о контакте со швейцарцами, а лишь о том, чтобы добыть для выполнения своего плана организованную военную силу извне.

Однако в народной массе и среди рядовых членов «Башмака» существовало иное представление о швейцарцах. Выше мы уже видели, что на горе Унгерсберг тактика обращения к швейцарцам противопоставлялась мирной тактике и связывалась с революционными действиями против всей знати. В показаниях рядовых лиц о характере пропаганды на горе тоже говорилось что Циглер изложил план обращения «к швейцарцам и в другие концы». Однако в том плане, как его сообщил участник собрания на Унгерсберге — Шаден Лауэль из Штольцгейма, не было речи не только о найме войск за деньги, но и о помощи извне вообще. Цель обращения «к швейцарцам и в другие концы» (*zu den Eydgenossen und an andre ende*) сформулирована была Шаденом Лауэлем, как изучение опыта тех, к кому намечено было обратиться, и получение от них нужных советов (*der dinge zu erfahren und rats zu pflegen*)¹. Основной расчет был, согласно этому варианту, очевидно, на собственные силы, для удачного применения которых необходимо было изучение опыта борьбы швейцарцев и других боровшихся за свое освобождение. Вероятнее всего, под «другими» понимали здесь смежные со Швейцарским союзом земли, как, например, Аппенцель, которые добивались, действуя методами швейцарцев, независимости и освобождения от гнета немецких феодалов.

Таким образом, ограниченные планы руководителей эльзасского «Башмака» 1493 г. получали у рядовых его членов более широкое толкование. Это выражалось не только в различном понимании характера швейцарской помощи, но и в различном толковании программных требований. Руководящие круги феодалов и имперских городов, хорошо знавшие настроения народных масс, указывали на то, что независимо от его официальных требований движение содержит в себе самые опасные политические тенденции, связанные с подрывом всего социального и политического строя. Уже в первые дни после раскрытия заговора рыцарь Ганс фон Ландсберг в обращении к страсбургскому монастырю писал, что важнее всего узнать о с н о в у всего этого движения. «Если мы не доберемся до основы всего этого дела, то вся земля окажется в тяжелом гибельном положении»². 4 апреля командующий военными силами Страсбурга получил донесение из Дамбаха о больших передвижениях во

¹ А. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 54.

² Там же, стр. 5.— «...wo sollich nit furkommen und wir den rechten grund nit erfahren, es solt das ganze lant in sweren vorderplichen schaden kommen».

всем районе — «вверх и вниз, и никто не знает, какова настоящая основа этого движения, и что оно означает»¹. Тревожный тон донесения не случаен; он характерен для всей переписки этого времени. В другом донесении, полученном страсбургским магистратом в тот же день, сообщалось о больших заговорах на обоих берегах Рейна и в заключении говорилось: «...и огромный вопль идет по всей нашей земле, говорят о крупных событиях, которые произойдут в ближайшем будущем»². В господских кругах Эльзаса раскрытый заговор рассматривался как угроза всему политическому строю империи. Советники страсбургского епископа из Цаберна писали страсбургскому магистрату 14 апреля, что раскрытый заговор направлен «против всей христианской церкви, ее строя и к тому же — против старого славного обычая Священной империи немецкой нации и также против общей пользы»³. Если эта опасность не будет предотвращена, то «последуют для Эльзаса и для немецкой нации непреодолимое разорение, урон и ущерб, а у Римской империи будут отняты ее величие, ее привилегии и старые обычаи»⁴. В самой организации народных низов господские круги усматривали противопоставление существующей имперской системе, являющейся системой территориальной власти и привилегий знати, общественной организации, основанной на ином представлении об источнике власти. На обернгеймском процессе 24-х участников «Башмака» зачитано было обвинительное заключение, в котором после приведения программных пунктов заговорщиков говорилось: «... и они забыли и не пожелали вспомнить, что они находятся и живут под властью Священной империи; они также не подумали о том, что они не назначены богом устанавливать какие-либо законы и порядки, какими бы прекрасными и хорошими они ни были»⁵.

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 8.— «...und ein gros ziehen in dem lande uf und abe. Und weis doch niemants kein rechten grund, was bededeut».

² Там же, стр. 7.— «Und ist ein gros geschreih bi uns im land, und seith man gros dingh, das in kurzem sol beschehen».

³ Там же, стр. 19.— «...wider die heilige christliche kirch, der selben ordnung, darzu wider alt löblich harkommen des heiligen Rîchs tutscher nation, ouch gemeinen nutz zu machen und furzenemmen».

⁴ Там же.— «...wo der almechtig Gott sollich mörtlich ubel durch sine milte barmherzigkeit... nit furkommen, dem Elsas und tutscher nation zu unverwindlichem schaden, verlust und nochstant gedient hett. ouch das römischen Rîch dodurch von iren herlicheiten, privilegien und altem harkommen zertrennet und geroubt worden were».

⁵ Там же, стр. 36.— «...und habent innen vergessen und nit lossen gedenken, dass sie sitzen und wonen zu des heiligen Rîchs oberkeit. Sie habent ouch nit bedacht, dass sie von Got oder der Welt nit gesetzt sint einiche satzunge oder ordnung zu machen oder zu setzen haben, ob die schone gutte weret».

Обвинение против деятелей «Башмака» основывается не на анализе выдвинутых его участниками требований, а на том, что данная организация выступает как подмена существующей в империи политической системы и содержит в себе тенденцию сделаться организацией, издающей законы и устанавливающей порядки и при том не признающей, что источником власти является «бог». Другими словами: новая организация видит источник власти в самом народе, считая обязательной только клятву, данную в тайном обществе. Обвинитель старается доказать, что самое опасное в этом заговоре, — это его тенденция к подрыву всего социально-политического строя. Клятву, данную господам и властям, говорится в обвинительном акте, они намерены предать забвению для того, чтобы строго держаться всех статей своего объединения и союзной клятвы. Указывая на решение заговорщиков — не платить никаких налогов, кроме 4-х пфенигов подушной подати, обвинитель разъясняет, что те, которым империя поручила заботу о вдовах и сиротах, грабительски лишаются того, что им принадлежит, и также те, которые купили то, что им принадлежит или получили его в наследство¹.

Концепция обвинителя выступает здесь как нельзя ярче. Охраняя интересы «тех, которые поставлены Священной империей для защиты вдов и сирот», обвинитель несомненно имеет в виду территориальных князей². Отказ в платеже налогов он рассматривает, как грабеж, как лишение человека того, что ему принадлежит, что он купил или получил в наследство. Основную опасность «Башмака» обвинитель видит в том, что это движение, усматривая источник политического авторитета в собственной организации, стремится к лишению князей тех «привилегий», которые они имеют в имперской системе, что именно поэтому движение направлено против самой империи. На возражения защитника — адвоката Якова Мерсвина, что обвиняемые имели в виду добиваться удовлетворения своих требований через своих непосредственных господ, которым они присягали, и что имперским властям они вообще никакой присяги никогда не давали, — обвинитель ответил, что он отвергает

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 36—37. — «...sie haben innen ouch lassen vergessen ir glihe und eide, die ir ieder siner herschaft gethon hat. Sonderlich zu dem artikel zu anderen, da die einunge und eidespflicht zu halten, noch ufstieftunge ir houpter niemen mee nicht zu geben, dan allein vier pfennige. Niedurch, so sie es durchbracht hettent,... die von dem heiligen Riche bescheiden sint, wittiben und weizen zu schirmen, das iren zu entroben, desglichen die es kouft oder ererbt hant...».

² Требование об ограничении налогов подушным налогом в 4 пфенига выявлено было на допросе Ульмана. Там же это требование связано с требованием отмены всякого рода «stur, zöll und gewert», т. е. княжеских налогов, см. A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 23.

этот аргумент на том основании, что все средства, направленные на укрепление местных суверенов и все данные этим суверенам клятвы служат защитой Священной империи от всякого вреда и преследуют ее пользу¹. Из этого, по мнению обвинителя, следует, что нарушение клятвы, данной князю, есть в то же время нарушение клятвы империи. Смысл и суть империи представляются обвинителю в том же духе, что и в княжеских проектах имперской реформы, которые были приняты два года спустя на Вормском рейхстаге и в основе которых лежал взгляд на империю как на гарантию системы мелкокняжеского суверенитета и всех связанных с ней феодальных привилегий. Крестьянский «Башмак», независимо от своих требований, подрывает княжескую «государственность» самым фактом своего существования и тенденциями своего развития.

Если известная часть городской и рыцарской оппозиции, стремившаяся использовать крестьянское движение в своих интересах, старалась убедить швейцарские города в возможности устранения опасных тенденций движения и подчинения его целям бюргерского руководства, то феодальной знати и городскому патрициату Эльзаса удалось убедить швейцарцев в обратном, — в особой силе этих опасных тенденций и в необходимости объединения всех противников антифеодального движения для решительной борьбы с ним.

Эльзасское тайное общество, готовившее в 1493 г. революционное выступление под знаменем «Башмака», было раскрыто и ликвидировано благодаря колебаниям его бюргерских руководителей и союзу феодальной знати с патрициатом эльзасских городов при поддержке верхушки городов Швейцарии. Об этом говорят не только известные уже нам обстоятельства возобновления «Нижнего союза», но и данные об активном участии Цюриха и Базеля в розыске и наказании членов этого общества. Ликвидация заговора и его жестокое подавление находятся в общей связи с происходившим тогда в юго-западной Германии подавлением крестьянского движения против наступления сеньериальной реакции и массового распространения на крестьян крепостного состояния. Ярким проявлением этого процесса было вмешательство Швабского союза и его военных сил в конфликт в пользу аббата Кемптенского монастыря против попытки крестьян этого монастыря оказать сопротивление их массовому закрепощению. Несомненно, в этой же связи следует рассматривать фактическое подчинение

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 41. — «und wiewol si mochten sagen, sie hetten dem Riche nit geschworen, darumb si warnung nit pflichtik worent, so iste es doch allewegen daz alle mittel, alle oberkeit und eide, den selben gescheen, und flussen an die Oberkeit, des heilik Richs schade zu wenden und nutz zu furdern».

сил и средств городов и рыцарства юго-западной Германии княжескому руководству Швабского союза. Предпринята была попытка использовать обстановку реакции для консолидации власти господствующего класса. В центре этой деятельности мы видим Швабский союз и княжескую партию, которым удалось провести свой проект имперской реформы, представлявшейся не чем иным, как попыткой сделать империю эффективным гарантом существовавшей территориальной системы. В предыдущей главе мы уже видели, что во второй половине 90-х годов первые шаги реализации принятой в Вормсе программы консолидации княжеской империи вызвали обострение оппозиционного движения в разных слоях общества, поставили в порядок дня идею общей политической программы бюргерско-рыцарской оппозиции и привели к войне со швейцарцами, окончившейся поражением Швабского союза и Габсбургов. Нам известно уже, какую роль сыграл подъем антифеодальной борьбы крестьянства юго-западной Германии во всем этом оппозиционном движении и в поражении княжеских сил, а также и те причины, которые сделали для Швабского союза и для княжеской партии возможным преодоление создавшихся для них трудностей и переход к дальнейшим попыткам консолидации реакционных сил империи.

Начало XVI в. принесло с собою крупные изменения в обстановке политической борьбы в Германии. В основе этих изменений лежат новые моменты в экономическом положении Германии — бурное развитие немецких городов, остававшихся еще в центре мировой торговли, и развитие элементов капиталистических отношений, — моменты, требующие специального изучения, так же как и дальнейшее углубление процессов сенъериальной реакции. Серьезное значение имели также изменения, которые произошли в характере борьбы крестьянства. На фоне тех же новых фактов экономического развития, которые пришли в столкновение с реакционной политикой князей и усилили движение бюргерства, выступило с особой силой то особое значение, которое получила в раздробленной Германии борьба народных низов. Значение формировавшегося в этой обстановке крестьянско-плебейского лагеря, показавшего полную свою силу во время Крестьянской войны, и развернувшегося широкого общенародного подъема, проявилось уже в движениях, связанных с деятельностью «Башмака» XVI в.

Основные материалы, относящиеся к заговору 1502 г. (в Шпейерском епископстве с центром в Унтергромбахе), прежде всего — следственные и судебные — не сохранились. По свидетельству секретаря шпейерского епископа Георга Бренца, автора отчета о событиях 1502 г., все документы и судебные

материалы этого заговора были сложены в одну пачку с надписью: «Башмак». Однако, как указывает Розенкранц в примечании, вся эта пачка утеряна и не найдена в материалах епископского архива¹. О характере и ходе движения, связанного с этим заговором, можно судить, помимо отчета Бренца, на основании хроники аббата Тритемия, некоторых других записей, переписки господ и городов района, материалов четырех съездов, созданных для принятия мер против заговора и других источников.

В отличие от эльзасского «Башмака» заговор 1502 г. рассматривался не как дело отдельных руководителей, а как революционное выступление крестьянской массы. Аббат Тритемий вовсе не называет руководителей, указывая только, что «крестьянская лига» возникла в деревне Унтергромахе, что она была организована двумя крестьянами этой деревни, которые вовлекли многих из всей округи². Георг Бренц считает организатором заговора только одного молодого крестьянина из деревни Унтергромаха — Фрица, ссылаясь на донесение наемного кнехта — Люкса Раппа, выдавшего заговор. Бренц выражает свое удивление по поводу того, что такой молодой крестьянин, как Фриц, мог сделаться зачинщиком большого заговора, что из большого числа подданных монастыря, знавших о заговоре, никто не считал своим долгом предупредить о нем епископа. Эти факты свидетельствуют о массовом характере движения, опасность которого нельзя было считать устраненной и после раскрытия и ликвидации заговора. Заговорщики надеялись, что на их сторону перейдут все бюргеры и все крестьяне. Бренц считал, что для таких надежд заговорщиков были все основания. «По мнению мудрых людей, — пишет он, — если бы заговор оставался нераскрытым еще один месяц, то существовала угроза присоединения к нему такой массы народа, подавление которой потребовало бы большого кровопролития; некоторые же считают, что подавить его было бы совсем невозможно, потому что все желают свободы и обременены тяготами со стороны духовенства и знати против своей воли»³. Секретарь шпейерского епископа уверен, таким образом, что движение по своему характеру направлено было против духовных и светских фео-

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 97. Примечание.

² Там же, стр. 89. — «sumpsit autem haec liga rusticana (quam sibi buntschue vulg. riter nuncupabant) exordium in villa... Undergrünbach... per rusticos duos, qui astutia sua paulatim in eandem coniurationem traxerunt plures, non solum in ea villa, sed etiam in circuitu per gyrum in aliis multis».

³ Там же, стр. 97. — «...und als die wisen davon halten: wo es noch ein monat verswigen blihen, so wer, als zu besorgen gewest, ein sollich volg zu inen gelsagen, dass nit one gros blutvergiessen zu tilgen gewest. Ein teil meinten, das es zu tilgen unmuglich were gewesen, dan der friheit allemeglich begert und von pfaffen und adel ungern beswert seind...».

далов и стремилось к объединению всех, кто страдал от феодальных тягот.

О том же говорится в седьмом и восьмом пунктах сведенной аббатом Тритемием программы заговора. «В-седьмых,— говорится в его хронике,— они решили между собою, что, собравшись вначале достаточной массой для опустошения района, они не должны оставаться в одном месте после победы над сопротивляющимися больше 24-х часов, а отправляться как можно дальше до тех пор, пока все не подчинится их заговору. В-восьмых, они были так уверены в своем деле, что считали вполне достоверным, что когда они соберутся вместе или отправятся в военный поход, то уже никто из подчиненных людей не будет прекословить им, но все крестьяне, горожане и все граждане из любви к свободе по доброй воле, без принуждения, вступят в их сообщество»¹.

Враги заговора вполне разделяли уверенность его участников в общем сочувствии народа их движению, направленному против всех тягот феодального строя, от которого страдают все подданные. Приглашая рыцаря Вильгельма фон Раппольтштейна принять участие в третьем съезде господ, созываемом в Шлетштадте совместно с членами «Нижнего союза», страсбургский епископ предупреждает его, что речь идет о мерах, которые должны быть приняты против возможного возобновления деятельности тайного общества, представляющей собою враждебную деятельность «подданных против всех господ» (*durch die unterthanen wider alle oberkeit*)². Вместе с тем мы видим, что, по мнению господских кругов, инициатива движения принадлежала тем слоям народа, которые больше всего страдали от существующего порядка,— разоренным и неимущим. На Гейдельбергском съезде господ 30 мая 1502 г. приняты были эдикт императора о наказании всех лиц, причастных к раскрытому союзу, и решения о мерах против его возможного повторения в будущем. Первое место среди этих мер занимает решение о том, что каждый князь, граф или другой, обладающий господскими правами, должен постоянно наблюдать за своими подданными, выявляя лиц, «которые

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 90.— «*Septimo inter se conveniant, quod semel ad vastationem regionis in multitudine sufficienti congregati ultra viginti quatuor horas, post habitam de resistantibus victoriam, non deberent in uno loco remorari, sed potius ad ulteriora semper proficisci, quosque omnia suae subiecerint coniurationi. Octavo, tantam habuerunt in praesumptione fiduciam, quod putabant se omnino iam certos, quoniam si convenissent vel semel ad expeditionem belli, iam nemo eis contradixisset subiectorum hominum, sed rustici omnes oppidani et cives universi amore libertatis spontanea voluntate, non compulsi, in eorum venissent consortium*».

² Там же, стр. 109.

ничего не имеют, не работают и стремятся всегда к богатству за счет несчастий других», гнать таких лиц из своих земель и не допускать их тайного возвращения¹. Поэтому в имеющихся материалах об этом заговоре очень мало говорится или совсем не говорится о руководителях. Основное, что тревожит господ, это, во-первых, движение, которое представляет собою широкое выступление против феодального строя, способное вовлечь все недовольные элементы; во-вторых, то, что инициатива в этом движении находится в руках самих народных масс, разоренных и обездоленных.

Комментируя характер заговора, требования и планы его участников, аббат Тритемий подчеркивает, что он охватывал деревни и города, куда крестьяне посылали своих тайных подстрекателей, призывавших многих действовать против князей, клира и всего господского верховенства². Аббат обращает внимание на то, что наибольшую вражду заговорщики питают к духовенству. В третьей статье он приводит пароль заговорщиков: «*Wir mögen vor den Pfaffen nicht genesen*» и замечает при этом: «Вот несправедливость крестьянская, всегда злонамеренная по отношению к духовенству»³. В шестой статье Тритемий приводит требование заговорщиков о том, что «добро монастырей, церквей, соборов и корпораций, так же как и духовенства всей округи, должно быть насильственно разграблено и произвольно разделено между ними. Церковных же служащих следует, по их мнению, принижать и, погубив и разогнав многих из них, привести насколько это возможно, к минимальному числу»⁴. Об особых планах заговорщиков против духовенства Тритемий пишет и в десятой статье. Главной целью заговорщиков была борьба против монастырей, церквей и всего духовенства, разграбление их добра и окончательное уничтожение (подавление) их положения господ⁵. Однако, указывая

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 112.— «...und bi iren underton ein insehen haben, was lewt weren, die nichts hetten und nit arbeiten, sonder zerten und hofften stettigs, durch anderer unfall zu reichthumb zu komen...».

² Там же, стр. 89.— «...mittebant hinc inde per vicos et oppida sollicitatores suos occultos, qui multos in eandem contra principes, clerum et omnem maioritatem dominii provocarent».

³ Там же, стр. 90.— «O iniquitas rusticana semper clero molesta!».

⁴ Там же. — «...quod bona monasteriorum, ecclesiarum quoque cathedralium et collegiatarum, simul et clericorum per circuitum omnium violenter direpta inter se velint suo arbitrio dividere et ministros ecclesiae humiliare et, quantum possent, multis peremptis ac fugatis, in paucitate degere».

⁵ Там же, стр. 91.— «...quod principalis intentio eorum fuerit contra monasteria, ecclesias cathedrales et collegiatas omnemque clerum, quos et bonis omnibus spoliare decreverant et dominium eorum suppressere...».

на намерение заговорщиков разделить между собой имущество духовенства и упразднить его привилегии, Тритемий старается подчеркнуть, что этот пункт является частью общей программы заговорщиков, направленной против феодального гнета вообще. Впрочем, пишет он в той же десятой статье, их намерение заключалось в том, чтобы ни клиру, ни князьям и ни дворянам даже не давать никаких цenzов и десятин¹. Еще яснее Тритемий определяет общий антифеодальный характер программы тайного союза в одиннадцатой статье: «...они решили между собою добыть себе всякую свободу войною и оружием и в дальнейшем не терпеть ничьей господской власти: никому не давать ни цenzы, ни десятины, ни княжеских поборов, ни государственной подати, ни чего-либо иного; но они желают полного освобождения от всех тягот поборов»². В двенадцатой статье Тритемий указывает на требование заговорщиков вернуть в общее пользование все общинные угодья и права, которыми господа, с помощью различных уловок стали пользоваться в своих частных интересах. «Каждому крестьянину должно быть разрешено охотиться и ловить рыбу, где и когда он хочет во всякое время и всяком месте без всякого препятствия и запрета»³.

Эта общая антифеодальная программа — программа раздела имущества духовенства, сокращения числа духовных лиц и изменения всего статуса духовенства, упразднения всех феодальных платежей и всякой феодальной зависимости, возвращения в свободное пользование всех узурпированных общинных угодий, — представлялась господам вполне достаточной для того, чтобы привлечь не только всех крестьян, но и значительную часть горожан. Тритемий неоднократно подчеркивает пропагандистскую деятельность и успехи заговорщиков среди горожан и приводит их заявление о том, что им удалось вовлечь в заговор половину мужского населения города Брухзалья. В соответствии с этим, считает Тритемий, находился и план тайного союза начать активные действия с захвата Брухзалья, а затем направиться против маркграфства Баденского, рассчитывая и там на присоединение всего народа.

---

¹ Там же. — «...censusque et decimas dare de caetero neque clero neque principibus, sed neque nobilibus intenderant».

² Там же, стр. 91. — «...quod concluderint inter se bello et armis libertatem sibi vindicare omnimodam, et deinceps nullius pati dominium: non dare censum alicui, non decimas, non precarias principibus, non vectigal, nec aliud quicquam, sed velint ab omni tributorum gravamine penitus esse liberati».

³ Там же. — «...Duodecimo proposuerunt venationes, piscationes, pascua, nemora et omnia, quae principum consueverunt expectatione usibus deservire privatis, in communitatem revocari, ut cuique rustico liceret venari atque piscari, ubi et quando voluerit, sine impedimento vel prohibitione cuiuscunque omni tempore et loco».

В заговоре 1502 г. план был рассчитан с самого начала на участие народных масс, интересам которых отвечала его программа. Задача тайного союза заключалась в подготовке общего стихийного восстания и в создании годных в военном отношении боевых групп, которые будут действовать среди народа в каждом отдельном пункте. «Они говорили, что приступили [к организации] этого общества башмака,— пишет Тритемий в своей первой статье,— главным образом с тем намерением, чтобы, после того как с возрастанием их числа им покажется, что они [уже] подготовлены к войне и в состоянии справиться [с этим делом], устранить ярмо всякой зависимости и добыть себе оружием всякую свободу на швейцарский манер»¹. О военном значении боевых отрядов, подготовленных тайным союзом для действий в массе восставших, можно заключить и из четвертой статьи и хроники Тритемия².

В заговоре 1502 г. как стратегия намеченного похода по швейцарскому епископству, маркграфству Баденскому и дальше, так и тактика сочетания действий боевых групп, подготовленных тайным обществом, с действиями стихийно восставшей массы определялись широкими целями движения, направленного против всего феодального строя. В господских кругах считали, что эта цель заговорщиков способна содействовать расширению движения и вовлечению в него разных слоев общества, недовольных феодальным строем. Однако большое значение придавалось тому обстоятельству, что народные низы выступают здесь не только основной силой движений, но и его инициатором, что таким образом антифеодальные лозунги получают исключительное значение для революционного подъема масс народа и для распространения движения по стране. В примечаниях к хроникальному сообщению аббата Тритемия о заговоре 1502 г. Розенкранц приводит выдержки из хроники Симонса: «История швейцарских епископов» и из рукописи о заговоре 1502 г., которая использована и опубликована Симонсом. Автор рукописи обращает внимание на то, что в планы тайного союза входила борьба и против богатых бюргеров, у которых они собирались отнять богатства³. Самое ужасное

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 90.— «...dicebant se hanc solarariam societatem ea intentione principaliter incoepisse, ut posteaquam aucti numero ad bellum viderentur idonei et posse sufficere, iugum omne servitutis violententer excuterent et sibi omnimodam libertatem more Helvetiorum armis vendicarent».

² Там же.— «...quod intentio eorum fuerit omnem principatum et dominium extinguere, proposuerintque, mox ut multiplicati fuerint, ad praeliandum contra quosconque turmatim cum vexillo procedere et omnes sibi obsistentes sine miseratione aliqua trucidare».

³ Там же, стр. 91, прим. d.— «...und nicht allein allen geistlichen, sondern auch den weltlichen, welche sie von der burgerschaft am reichsten

и тревожное во всем этом деле, по мнению автора рукописи, заключается в том, что данный союз грозит не только распространиться в епископстве шпейерском, но и охватить соседние места, а может быть — «всю немецкую нацию, приведя всюду к убийствам и злу»¹.

В записи страсбургского епископа к первому шлетштадтскому съезду подчеркивается, что при наличии у тайного сюза 500 конных среди последних нет ни одного рыцаря. Ссылаясь на предателя Раппа, епископ записывает, что заговорщики разослали по всем землям 40 вербовщиков, что они определяют число своих членов в 20 000 человек и надеются на присоединение к ним всего крестьянства, которое так сильно отягощено, что каждый четвертый час их труда принадлежит другим².

Все расчеты участников заговора были на массовое восстание угнетенного крестьянства и бедных горсжан. Цели движения определяли не только стратегию и тактику заговорщиков, но и тактику господ. На съездах господ и в переписке между ними обсуждались меры по предотвращению распространения заговора после его раскрытия. Все эти меры говорят о боязни массового восстания, которое могло вспыхнуть по всей земле. На первом Шлетштадтском съезде решено было, что каждый из господ, равно как и каждый городской магистрат, должен обеспечить в срочном порядке свои владения людьми, провиантом, вооружением, надежной охраной и всем необходимым для подавления волнений. Людей нужно держать в полной боевой готовности (*Sich mit aller notdurftiger rustung zu halten*) к быстрым действиям. Кроме того, следует установить по всем дорогам разъездные караулы, которые должны строго следить за каждым прохожим и задерживать всех вызывающих малейшее подозрение. Следует наблюдать постоянно за кабаками, где народ собирается, и установить часы, когда они открыты. При малейшем проявлении волнений в одном месте или если произойдет какой-либо случай (*und ob sich etwas ufrur begeben wurde oder einchem theil etwas furkeme*), следует немедленно сообщить во все другие места. Устанавливается

und habhaftigsten zu sein achten, das ire zu nemen, und in summa, wa sie traweten, etwas zu finden, sackman zu machen».

¹ Там же. — *Es was auch an diesem erschrockenlichem fürnemmen nichts bosers noch sorglichers, dann daz sich ihr püntnüs und veraingung oder verstant so weit strecket, das es on zweifel (wo es Gott nit abgewendt und gnediglich fürkhommen) nit allain im bistumb Speyer, sonder andern umbliegenden orten, oder vielleicht durch die ganz teutsch nation angegangen und zu unausprechlichem mort und ubel geraichet hat».*

² Там же, стр. 101. — *«er sagt auch, das die buntschuer ab 40 botten in allen landen... haben, die sich bewerben, und achten, das sie ob 20 000 man in der buntnis haben. Und mein, der ganz buersman sol einen zufallen, den sie sigen der moss beschwert, das die vierd stunde irer arbeit nit ire ist».*

слежка за теми, кто может служить связью между населенными пунктами — за нищими и за беглыми ландскнехтами, за странствующими людьми, которые не могут указать своего господина¹. В этой обстановке особо опасными представлялись люди из низшего слоя городского плебса, находящиеся вне цеховой корпорации. Страсбургский магистрат распорядился об установлении постоянных дежурств из старшин цехов под руководством 15 наиболее «почтенных», которые должны быть постоянно при своем оружии². Решения, аналогичные решениям первого Шлетштадского съезда, приняты были и на других съездах. Опасность массового восстания требовала от господ объединенных действий. Среди решений, принятых на съездах в Шлетштадте и в Гейдельберге, многие обязывают господ к строгому проведению совместных действий по подавлению всякого проявления народного возмущения. Там, где будет иметь место малейшее волнение подданных против господского верховенства, говорится в четвертом пункте решений гейдельбергского съезда, — в княжестве или в каком-либо другом господском владении, князь и господин, против которого волнение направлено, обязан действовать силой и обратиться к своим соседям, которые обязаны немедленно явиться на помощь в этом общем деле, считая его своим собственным, и действовать силой со всем старанием и за собственный счет³. В шестом пункте тех же решений говорится, что каждый князь должен созвать всех подчиненных ему господ и внушить им, что они отвечают за себя и за своих подданных в том, что они будут всегда в боевой готовности являться на помощь и действовать, как в собственном деле, в любое место, где вспыхнет такого рода волнение⁴. Ряд пунктов посвящен вопросу о наказаниях задержанных участников заговора, причем подчерки-

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 103. — «...das alle landsknecht und reissbuben, so im lande loifen, die dheinen gichtigen herren oder dienst haben, und ander, so sich arkweniklich halten, wan die uber nacht beherberget, gutlich hinwegk gewisen und nit witter enthalten werden sollen...».

² Там же, стр. 107. — «...sollent an irem antwerk ordenen funfzehn redelicher manen mit irem harnsch wol erzuget... mit iren redelichen hantgeweren stet... und do blibent... so lange bis inen wider abekundet wurt».

³ Там же, стр. 112. — «...wo sich etwas in disem handel zu uffrur wider oberkeit von den underthan begeben, so sol der selb furst, her oder wer der were, in des furstentumb oder oberkeit sich das erhuben, mit macht uf sein und daz wern, sein nachpern im zu hilf auch ersuchen, die auch in disem gemein handel all willig werden sein und es fur ir selbs sach achten... uf sein costen dem andern mit macht helfen».

⁴ Там же, — «...die fursten sollen ir prelaten, graven, hern, ritter und knecht und ander, die oberkeit haben, ersuchen und mit inen handeln lassen, das sie sich fur sich selbst und mit irn underthon darzu schicken, ob ein sollich ufrur entstunde, gerust und geschickt zu zu ziehen und zu helfen, als dan diss eins iedlichen eigen sach ist».

вается, что вопрос о наказаниях не может рассматриваться как частное дело каждого князя или господина. Пфальцграф должен немедленно осуществить наказание своих арестованных. То же должен сделать и епископ шпейерский, не ожидая императорского указа. По этому же вопросу второй шлетштаттский съезд обратился с посланием к шпейерскому епископу, к пфальцграфу и к маркграфу баденскому. Поскольку, говорится в этом послании, союз «Башмака» направлен на устранение власти господ вообще, то все господа заинтересованы в общих мерах «сопротивления крестьянству», чтобы в этом отношении не было допущено никакого послабления, чтобы не было иных наказаний, кроме телесных и смертных, смотря по степени участия каждого, на страх всем другим¹. Авторы послания призывают трех названных князей руководствоваться в этом деле интересами всего класса феодалов, действовать как горячие сторонники всех почтенных слоев иерархии (als liephaber aller erberkeit) и не выпускать никого из арестованных. Руководящие круги господ, собравшиеся в Гейдельберге, приняли текст императорского указа о наказании участников заговора, который был затем представлен Максимилиану для подписания и опубликования. Из этого текста видно, что в движении, связанном с заговором, господская верхушка усматривала непосредственную угрозу не только базису феодального строя, но и всем элементам надстройки, существующим для его поддержания: церкви, праву и всей той уродливой германской государственности, которую княжеские главари стремились укрепить имперской реформой на основе вормских и аугсбургских решений. В этом тексте цель движения характеризуется как стремление побудить всех подданных князей, господ и городов освободиться от всякого подчинения. Необходимость строгого наказания для участников заговора мотивируется тем, что если не принять нужных мер против его влияния, то это приведет к уничтожению всякого «мира и порядка», к подрыву «общей пользы» и духовного авторитета, духовных и светских прав, всякого господства, власти, суда, права и всякого порядка княжеского, дворянского, городского и всякого иного и особенно того порядка мира и права, «который мы с большим трудом и помощью

¹ Там же, стр. 116.— «...auch us hoher nottorft verursacht, gedenkens zu haben, welcher maiss dem mit widerstant der gebure zu begegnen si... wo die selbigen buntschuher.. von handen gelossen werden solten, das es allen irs lichtfertigen anhangs sterkung und verharrung, auch verdruckung und abgang aller oberkeit, eerlichs stands und wesens geben wird. Und soll das abgewendt werden, das es mit nichten dann us liplicher straff (irem verwurken noch) zu forcht und bispil anderen... gescheen muss».

добились в империи немецкой нации»¹. Народное движение, которое ведет к уничтожению христианской империи, должно быть предотвращено специальным имперским законом, обязательным для всех имперских чинов. После этого вступления следуют четыре пункта о порядке наказания участников заговора. 1. Членов «Башмака», сознательно действовавших против господ,— четвертовать. Руководителей следует перед казнью волочить по земле привязанными к хвостам лошадей. 2. Те, которые отказались вступать в союз, но не доносили о заговоре, который был им известен,— подлежат строгому суду своих господ. 3. Тот, кто сам сознался и заявил о том, что состоял в союзе, должен быть свободен от казни и телесного наказания и подлежит «милостивому наказанию». 4. Судьи, отступившие от пунктов закона, отвечают за это жизнью и имуществом: Строгому наказанию подлежат также нарушающие данный указ господа, чиновники и все в империи².

Выступление крестьянских масс, каковы бы ни были их конкретные требования, представлялось феодальным господам как крах всей социальной и политической системы, как крушение всех попыток стабилизации реакционной империи. В самостоятельном движении народных низов господские круги поражали зародыши новых идей о справедливости и праве, противопоставлявшиеся всей системе, на основе которой феодальная верхушка стремилась укрепить феодальную государственность Германии. В том же проекте императорского указа, выработанном на Гейдельбергском съезде господ, говорится об опасности, что к движению примкнет «много простого народа», которому «это несправедливое дело представляется божественным и правильным»³. Этому обстоятельству хронисты придают исключительно важное значение. Аббат Тритемий обращает внимание на религиозную процедуру приема в тайное общество. Каждый, присягая их «безрассудству», должен прежде всего «колени преклоненно произнести пять раз слова господни в память пяти главных ран Христа» с тем, чтобы бог

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 110.— «...der meinung, das der fursten, hern und stett undertan... mit in einsetzen ... sich irer undertenigkeit fri zu machen,... wo dem nu nit begegnet werden solt mit wolbeidachtem insehen und der streng, das sollichs zu einem usdilgen alles frides, aller ordnung, zuerstörung gemeins nutz und der geistlichkeit, aller göttlichen, menschlichen, geistlichen und weltlichen rechten, aller oberkeit, regiment, der fursten, adels, stette und ander erwachsen, gericht, recht und alle ordnung und besonder die wir mit grosser muge und hilf im Riche deutscher nation zu frid und recht erhebt, ein zuruckung haben...».

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 110—111.— «...und zu besorgen... das vil einfeltigs volchs in eim schein, als unbillich furnemen göttlich und gut sin solt. durch solh anrichter in diss bös furnemen pracht werden».

дарил успех тому, кто подчиняется их пониманию справедливости¹. В тринадцатой статье Тритемий пишет, что, намечая план похода, заговорщики намеревались убивать всякого, кто воспротивится их действиям, «как противника справедливости божьей, как непослушного и мятежника»². Таким образом, заговорщики выдвигали в противовес существующему праву свое собственное представление о божьей справедливости. Они были так уверены в правильности своего понимания справедливости, что считали его единственно возможной основой человеческого общества, а всякого нарушителя его — мятежником. О том же говорится в хрониках Симонса и Себастьяна Франка, выдержки из которых Розенкранц приводит в своих примечаниях к Тритемию. Симонс пишет, что всякого противника заговорщики намеревались убить как непослушного мятежника и ненавистника справедливости³. Себастьян Франк передает ту же формулу так, что своих противников они считали «совратителями и противниками всякой справедливости»⁴. Члены данного общества «Башмака» хотели выделить из своей среды правителей, которые будут судить и разрешать все споры на основе своих новых представлений о справедливости, которую они понимают как свободу от всяких господ. «Они поклялись все вместе в том, — пишет Франк, — что предпочтут потерять жизнь, чем отказаться от осуществления своего плана свободы, что никогда больше они не вернутся в прежнее состояние рабства и впредь не пожелают иметь никаких господ, которым они были бы обязаны платить десятины, пошлыны и ренты и выполнять барщину, а, наоборот, будут сами назначать себе правителей, которые будут отправлять правосудие во всех спорах»⁵. Секретарь шпейерского епископа Георг Бренц с предельной ясностью выразил свою мысль о том, что в заговоре 1502 г. речь шла о замене власти духовных и светских феодалов «крестьянской властью». Выражая свою радость по поводу своевременного раскрытия заговора и предупреждения восстания,

¹ Там же, стр. 90. — «...quod unusquisque, dum in eorum temeritatem iurasset, primum quinquies orationem dominicam... ad memoriam quinquies principalium vulnerum Christi dicere flexis genibus teneretur, in eum finem, ut Deus eorum proposito ad iustitiam prosperum largiretur effectum.

² Там же, стр. 91. — «...et quicumque contradixisset eis, sine misericordia interficeretur tamquam iustitiae Dei contrarius, inobediens et rebellis».

³ Там же, стр. 91, прим. С. — «...als ein ungehorsamer, rebell und durchächter der gerechtigkeit».

⁴ Там же. — «...als die verfürer und aller iusticia widerwertig leut».

⁵ Там же, прим. б. — «...schwurn sie zu hauf, das sie ee all ir leben wolten verlieren, dann die fürgenummen freiheit nit erlangen, und ewig in ir vorige knechtschaft nit mer kummen, und kein herren nimmer mer haben, dem sie zehend, zoll, rent oder fron geben, sonder selbst under in regenten machen, die in in allen spänen recht sprechen».

Бренц пишет: «Всемогущему богу, от которого исходит всякое господское верховенство и власть, надо вознести хвалу и благодарность за то, что он уберег нас от грозившего зла и крестьянского правления, что он испокон веков хотел, чтобы высшие господа, священники и знать правили, а крестьяне — работали»¹.

Эта боязнь «крестьянского правления» весьма характерна для настроения господ и дает представление об охватившем их ужасе перед перспективой массового антифеодального восстания. В действительности же оно было не только преувеличено, но и не имело вообще оснований. Новым обстоятельством было то, что около семидесяти лет спустя после гуситских войн и их откликов в Германии немецкие крестьяне самостоятельно выдвинули широкую антифеодальную программу, обосновав ее новым пониманием справедливости. Однако у крестьян не было и не могло быть более или менее конкретного плана реализации своей программы и своего понимания справедливости. Опасным для господствующего класса представлялось то, что антифеодальные лозунги, выраженные в такой ясной и последовательной форме, имеют неограниченные возможности к распространению по всей стране, среди всех, которые, по выражению Бренца, «отягощены со стороны духовенства и знати» и стремятся к свободе. Кроме того, по мнению современников, самостоятельное народное движение и выдвинутый принцип свободы и божьей справедливости, противопоставляемый существующей социальной, политической и правовой системе, неизбежно приведет к выступлению бюргерской, а возможно — и рыцарской оппозиции, к приданию понятиям справедливости и свободы такого общего значения, которое объединит против существующей политической системы все элементы разрозненной оппозиции. Эта опасная для господствующего класса тенденция объединения всех элементов оппозиции не представлялась столь реальной раньше, когда, как во время эльзасского «Башмака», крестьянство и народные низы городов еще не выступали с развернутой антифеодальной программой. Тогда дело шло еще главным образом о том, что крестьянское недовольство послужит опорой для бюргерской оппозиции, от которой исходили и лозунги движения и план действий, и в руках которой находилось все руководство. Тогда на арену выступало своеобразие раздробленной Германии: особенности немецкого бюргерства, не способного дать общих и объединяющих все

¹ A. R o s e n k r a n z. Ук. соч., стр. 97. «Got dem almechtigen hern, von dem alle oberkeit und gewalt rurte, si lob und dank gesagt, der uns fur dem forgenomen ubel und burischer regirung behut hat; dem ie und ie gefallen hat, das die obristen, priester und der adel, regiren und die buren dienen sullen».

элементы оппозиции лозунгов борьбы и выступить в роли их гегемона; отсутствие в Германии прогрессивной силы централизующегося государства. Теперь же, когда антифеодальная программа народных низов выдвигалась, как конкретное содержание нового понимания справедливости, когда общая и последовательная программа народных масс показала свои тенденции к широкому распространению,— дело представлялось иначе. Господские круги предполагали, что если эта тенденция станет действительностью, то широкое народное движение за свободу и справедливость окажет влияние на все слои оппозиции и прежде всего на бюргерство немецких городов, а объединившаяся оппозиция сорвет все попытки стабилизации реакционной империи, придав лозунгу свободы общенародное значение.

Современники обратили поэтому особое внимание на это политическое значение движения «Башмака» начала XVI в. Тритемий неоднократно подчеркивает, что в 1502 г. заговорщики добивались «всякой свободы на швейцарский манер». Участники данного заговора, по словам Себастьяна Франка, «хотели бороться за свободу своей родины»¹. Тритемий в следующих выражениях передает настроение императора: «Когда дело доведено было до ушей короля Максимилиана, душа его немало возмущалась. Ведь кто лучше понимал, сколько зла, если бы одержала верх, принесла бы государству эта крестьянская дерзость, которая в короткое время разрушила бы королевскую и всякую верховную власть»². В обращении господ, участников первого съезда, к Максимилиану требование общеимперских мер против «Башмака» мотивируется тем, что теперь «крестьянин предпринял акцию, направленную к подавлению всякого господства, божественного и императорского права... к уничтожению князей, господ, знати, духовенства и установленных властей, входящих в Священную империю»³. Другими словами: речь идет об угрозе со стороны крестьянского союза самому существованию княжеской империи. Если бы заговорщикам удалось осуществить свой

---

¹ Там же, стр. 90, прим. b.—«...das sie von der freihait wegen ihrs vatterlands wolten kempfen».

² Там же, стр. 92.—«Quae res delata ad aures Maximiliani regis animum eius haud mediocriter commovit, utpote qui optime noverat, quanta haec praesumptio rusticorum, si praevaluisset, mala intulisset republicae, quae brevi destruxisset regnum et omnem principatum».

³ Там же, стр. 104—105.—«...so nu sollich ungepurlich furnemen zu verruckung der oberkeit, göttlicher und keisserlichen rechten, wider alle erberkeit, zu verdilkung der fursten, herrschaft, adels, priesterschaft und geordneten regimenten, dem heiligen Rich verwandt, durch den bursman furgefasst».

замысл, то каждая власть «в отдельности» будет не в состоянии оказать им сопротивление¹.

Верхушку княжеской реакции, «трудившейся» над задачей «имперской реформы», понимаемой как задача стабилизации территориальной системы, князей, которым казалось, что с учреждением на Аугсбургском рейхстаге 1500 г. имперского управления им удалось завершить выполнение этой задачи, преодолев все трудности, в том числе — результаты поражения в Швейцарской войне 1499 г., преследовал теперь кошмар объединения всех прогрессивных сил и превращения выдвинутых народными низами антифеодальных лозунгов и начатков какого-то нового понимания справедливости в мощный политический фактор, срывающий все «достижения» реакционной «княжеской партии» в области имперского «устройства» на основе закрепления немецкой раздробленности. Княжеской верхушке представлялось теперь вероятным не только усиление роли бюргерства и консолидации внутренней оппозиции, но и усиление сопротивления других народов агрессивной политике немецких князей и прежде всего тех народов, подчинение которых входило в планы княжеской «имперской реформы» как ее составная часть. В среде немецких господ раздавались голоса о том, что в новых условиях может быть установлен контакт швейцарцев с немецкой оппозицией. В Германии знали о консервативных настроениях городских верхов Швейцарии, но теперь возникло опасение, что новая обстановка классовой борьбы в юго-западной Германии приведет к изменению соотношения сил в самой Швейцарии и к изменению общей политики швейцарцев по отношению к борьбе немецкого крестьянства. Среди господ распространялись слухи о переговорах участников заговора со швейцарцами о целях, которые должно себе ставить объединение. «Члены союза,—говорится в одном из пунктов записки страсбургского епископа,—направили своих делегатов в Швейцарию выяснить, в чем должна заключаться цель объединения. Там им дан был ответ, что они должны желать и содействовать справедливости и отдать на общее дело свою жизнь и имущество»².

Из текста записки не совсем ясно, кто задавал вопрос и кто отвечал на него. Прибыли ли делегаты союза «Башмака» узнать у швейцарцев, какие цели следует поставить их союзному об-

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 105. — «...wo diss furnemen sin usbruch und furgang nemen wurde, dem einig, so uns witter rat und hilf nit beschehen, nit wol volkumenlichen widerstant thun mugent».

² Там же, стр. 101. — «...das die buntsverwandten ire bottschaft in Schwitz gehabt haben, was sie sich zu einen versehen sollen. Do sie inen antwort worden, sie sollen und wollen der gerechtigkeit bistant thun und ire libt und gut zu ein setzen».

единению, или же, что представляется более вероятным, делегаты «Башмака» отправлены были в Швейцарию для разъяснения целей своего объединения. Однако при любом толковании этого текста ясно, что автора записки интересовал вопрос о контакте между членами «Башмака» и швейцарцами в деле борьбы за «справедливость» общими силами, о том, следовательно, что этот боевой лозунг делался фактором объединения всех политических противников реакционного имперского плана князей.

В этом свете следует понимать и послание Максимилиана городу Эслингену и другим имперским чинам 11 июня 1502 г., т. е. спустя больше двух месяцев после раскрытия заговора. Максимилиан узнал о тайных передвижениях швейцарцев, об их подходе к Рейну и об их намерениях «объявлением Башмака поднять крестьянство против духовного сословия, против знати и всех высших слоев»¹. 24 июня Максимилиан потребовал у городов помощи против Франции, указав при этом на враждебные империи действия французского короля, на его интриги с отдельными имперскими чинами, с курфюрстами и с папой, на его стремление овладеть Италией и немецкими землями и т. п. Среди этих обвинений важное место занимает обвинение французского короля в связях с «Башмаком», в том, что французский король организует новый заговор в Германии и что при его содействии создан был «Башмак» в Нидерландах под названием общества «сыра и хлеба». Тут же Максимилиан подчеркивает, что немецкий «Башмак» на Рейне собирается конфисковать все имущество, чтобы бедные владели им наравне с богатыми².

На следующий день, 25 июня, Максимилиан сообщал в Энсизгейм австрийскому ландфогту Вольфгангу фон Фюрстенбергу о получении им «достоверных сведений» о новом

¹ K. K l ü p f e l. Ук. соч., т. I, стр. 468.— «...der Sweitzer heimlicher sorgfeltigen handlunghalb, so sy wider uns das heilig reiche, und schwabischen pundt, biszher geübt und fürgenomem haben, und noch teglichs tun, und sonderlich diweil man noch ains heimlichen überzugs von den Sweitzern heroben und am Rein gewarttend ist, nachdem sy hoffnung haben, durch den anslag des Pundtschuchs die pawerschafft wider den geistlichen standt, adel und erberkeit zu beschehen»

² Там же, стр. 470.— «...wie der könig von Franckreich sich understanden hat, allenthalben im reichs unfried, widerwertigkeit und uffrur zu bewegen, dadurch die aidgenossen, Constanz, Basel und anders zu erobern... auch ein Pundschuch, genant monita, zu erwecken...». S. 471.— «...das vor etlichen kurzen zeiten ain Pundtschuch zu Nyderland offerstanden sei genant Käs und brot. Dazu hab sich yezo newlich ain pundtschuch am Rein erheben wollen, den man genannt hab, aber die paffen und den adel erdacht sein, ...und sei alle soliche embörung darauff geruht, das alle güter genomen, und gleich dem armen als dem reichen sein sollen, des alles der König von Frankreich ain ursach und des gemüts sein, die kais. cron zu erlangen...»

объединении «Башмака». Есть основания опасаться, писал он, что члены «Башмака» вместе со своими сторонниками-швейцарцами предпримут нападение на австрийские наследственные земли в Бургундии, а оттуда совершат нападение на ландфогтство Гагенау с тем, чтобы занять горный район Бич¹.

Факт существования контакта между членами союза «Башмака» и отдельными кругами швейцарцев отражается в документах, относящихся к разным заговорам, и не подлежит сомнению. Однако разговоры об официальных военных соглашениях заговорщиков с правящими кругами Швейцарского союза представляются сомнительными. Еще меньше доверия заслуживают «сведения» Максимилиана о том, что французский король сам занимался организацией союзов «Башмака» в Германии и в Нидерландах. Но весьма характерно, что Максимилиан ссылаясь при этом на распространенные опасения господских кругов и князей о широком политическом значении программы «Башмака», которое может объединить всех противников княжеской империи внутри страны с соседними народами. Характерно и то, что в послании к городам Максимилиан подчеркивает стремление рейнского «Башмака» к равенству имуществ. В программе «Башмака» 1502 г. был пункт о разделении церковных имуществ, а не об установлении имущественного равенства вообще. Однако Максимилиан, заинтересованный в том, чтобы доказать опасность движения для всех имущих классов, указал городам на тенденцию развития лозунга раздела церковных имуществ, и на возможность превращения его впоследствии в требование общности имуществ², которое по существу в то время не отличалось в широких народных массах от требования раздела имуществ, но касалось уже имущества всех феодалов и всех эксплуататоров вообще, а не только духовенства. В своих обращениях к Швабскому союзу и к князьям империи Максимилиан подчеркивал тенденцию «Башмака» сделаться опорой широкого подъема политической оппозиции и объединения всех противников имперских планов князей. Мы уже видели, что сами князья, требуя

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 117.— «Uns sein wore kundschafft und warnung kummen, wie sich der buntschuch von nuwen eine, und als wir besorgen, so werden si mit irem anhang, den Schwytzern, unser burgundische land ubervallen und von dan in die landvogtien Hagnow zuziehen und das gepurg Batsch (Bitsch) inzenemmen; wo das beschehe, mochten wir umb das se.b land kommen».

² Это между прочим имело место и в действительности: «С этих пор,— пишет Энгельс о требованиях «Башмака» 1502 г.,— оба эти требования все снова и снова регулярно выдвигаются более развитой фракцией крестьян и плебеев, пока, наконец, Томас Мюнцер не превращает раздел церковных имений в их конфискацию на предмет установления общности имуществ...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 148).

от Максимилиана общеимперских акций против «Башмака», указывали на его угрожающее отношение к планам имперской реформы.

Для Габсбургов, курфюрстов, для каждого из немецких князей и господ характерно было стремление использовать имперские дела и затруднения в своих частных интересах. В этом отразилось самое существо территориальной системы, что не устраняло, а, наоборот, подчеркивало охватившую весь господствующий класс и прежде всего — княжескую верхушку общую тревогу. Появление в антифеодальном движении народных низов лозунгов, отражающих тенденцию к самому широкому распространению и к далеко идущим последствиям, рисовало перспективу общего подъема всех враждебных существующей имперской системе сил, перспективу краха всей так называемой имперской политики. В княжеских кругах заговорили о необходимости каких-то внутренних реформ — социальных и политических.

Секретарь шпейерского епископа высказал соображение о том, что господа должны соблюдать какую-то меру в угнетении бедных людей и действовать более разумно¹. На гейдельбергском съезде принято было решение о необходимости созыва курфюрстов в самое ближайшее время «для обсуждения этих дел и всего, что требуется реформировать в положении господ и подданных». После обсуждения в своем кругу курфюрсты должны обсуждать эти вопросы с другими князьями, чтобы найти лучшее решение. Смысл этого решения заключался, очевидно, в признании необходимости мер для раскола оппозиции. Организация созыва совещания курфюрстов поручена была курфюрсту Бертольду Майнцскому, фактическому руководителю Швабского союза и княжеской партии, главному проводнику имперской реформы, принятой на вормском и аугсбургском рейхстагах в 1495 и в 1500 гг.²

Курфюрсты были созваны на основании этого решения всего через пять дней. Как и следовало ожидать, дело не пошло дальше общих разговоров. Однако нетрудно себе представить, какое политическое значение придавали в господских кругах новому движению «Башмака», если после подавления заговора

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 97. — «...wiewole die regirer sich auch mass und underscheits, den armen nit untreglich lescht ufzulegen, vernunftiglic gebruchen sullen, als sie antwort darumb geben müssen... dann wo sie nit recht uber dem volk sein, werden sie damit gestrafft, das volk auch nit recht under inen ist...».

² Там же, стр. 113. — «...unser gnedigster herr von Mentz soll auch ander unser gnedigsten hern die curfursten uf ein tag beschriben, wo sie anderst sust in kurz nit zu samen komen, von disen dingen zu reden und alles, so in hewbten und underthon not ist, zu reformiern und nach sollicher handlung mit andern fursten auch weiter zu handeln zum pesten».

немецкие князья заговорили впервые о необходимости внутренних реформ в общеимперском масштабе.

После раскрытия заговора «Башмака» 1502 г. и жестокой расправы с его участниками и сторонниками движение не было прекращено. Господа отдавали себе в этом полный отчет. Всякое проявление активности со стороны швейцарцев воспринималось как признак продолжающейся деятельности «Башмака». Это обстоятельство вызывало всегда особую тревогу. Приведенное выше письмо Максимилиана Эльзасскому ландфогту фон Фюрстенбергу вызывало отклики у господ всякий раз, когда поступали тревожные сведения о каких-либо новых планах швейцарцев¹. Весь период между 1502 и 1513 гг. Энгельс называет временем «кажущегося затишья в классовой борьбе», когда в Швабии и Шварцвальде продолжали действовать «втихомолку» рассеянные члены тайного союза и мелкие кружки. Раскрытый в 1513 г. крупный и широко разветвленный заговор Энгельс считает выступлением наружу тайной революционной деятельности, которая не прекращалась с 1502 г. Это выступление Энгельс ставит в связь с тем, что годы 1513 и 1514 были вообще тревожными годами, «на которые приходится также ряд значительных восстаний швейцарских, венгерских и славянских крестьян»². Таким образом, заговоры 1513—1514 гг. («Башмака» и «Бедного Конрада») Энгельс рассматривает в связи с общим подъемом крестьянской борьбы против усиления феодального нажима и сенъериальной реакции, характерным для начала XVI в.

Связь «Башмака» 1513 г. с борьбой крестьянских масс против сенъериальной реакции нашла отражение в ряде материалов этого заговора. Ярким примером могут служить показания на допросе участника заговора Килиана Мейера, казненного в Базеле 22 декабря.

Килиан Мейер был крестьянином двух господ. Он был крепостным рыцаря Габриэля Большвейлера и в то же время имел своим сеньером Бальтазара фон Блюменек. В своих показаниях он рассказал, как Иосс Фриц завербовал его в заговор. Иосс обратил его внимание прежде всего на то, что в отношениях с крестьянами перестали считаться со старыми обычаями и правами: сегодня на крестьянина взваливают одно, завтра — другое³. Иосс призвал Мейера содействовать в установлении божьей справедливости и сказал ему, что его общество признает только

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 117.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 149.

³ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 193. — «...dann du siehst, wie es uns godt, und das wir hutt umb dis und morndes umb das ander komert, und das man uns nit will lassen bliben bi unsern alten bruchen, rechten und harkomen».

то, что божественно и справедливо и требует отмены ростовщических платежей и всего того, что не является ни божественным, ни справедливым. В тех случаях, когда сумма уплаченных уже ежегодных платежей достигла суммы основного долга, продолжение платежей не может быть терпимо¹. Затем Иосс на конкретных фактах борьбы крестьян с рыцарем Бальтазаром фон Блюменекком, сеньером Килиана Мейера, показал, на чем следует настаивать при требовании сохранения старых прав и обычаев. Прежде всего — нельзя требовать с крестьян барщины больше одного дня в год. Кроме того, крестьяне ведь добились уже судом подтверждения своего права на свободное ведение хозяйства без дополнительных отягощений. Однако сеньер не желает считаться ни со старыми документами, ни с этими судебными решениями: он сгоняет их и передает хозяйства другим за денежные платежи².

Таким образом, Иосс Фриц, вербуя крестьян, указывал на основные факты сеньеральной реакции: на рост барщины, на фактическое уничтожение крестьянского права пользования земельным участком с целью изменения условий держания, не считаясь с имеющимися старыми документами, на увеличение в связи с этим всяких повинностей и платежей («сегодня одно, завтра — другое!»). Важное место занимает здесь, как и в других материалах, в которых излагаются основные требования членов «Башмака» 1513 г., требование прекращения всех платежей по долговым обязательствам, если сумма ежегодных платежей уже уравнилась с суммой первоначального долга. Из показаний Килиана Мейера видно, что здесь имеется в виду не только ростовщичество в узком смысле слова, связанное с денежным займом, но и всякое превращение крестьянской задолженности по сеньеральным и иным повинностям в основание для установления новых регулярных поборов и сверхценза³.

Борьбою против сеньеральной реакции вызваны, очевидно, и дополнительные требования тайного общества, которые

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 193 «...si wolltent allein dem gleben, was götlich, zimlich und billich were, und die grossen wucher und was nit götlich nach billich were, abthun. und so einer geizint und die bezalten zins dem houbtgut sich verglichtent, furer nit gedulden, das die witter gegeben solltent werden».

² Там же — «Sodenn wolltent si auch iren herren und obern in kunftigem wie bishar nit me dann zum jar ein frontagwen thun... dann er wol wuste, wie sie der wurtschaft halb mit irem jungherren lang zitt zu Ennssheim gerechtiget; daselbs mit urteil und recht erlangt, das ein ieder hindorses zu Lehen mocht wurtschaft halten und triben frie und on alle beswerd. Das aber ir jungherr inen nit hett wellen vertragen, sonder wider ir brief, sigel und erlangte recht si davon getrungen und die wurtschaft andern personen umb ein gelt verluhen».

³ См. главу II данной работы.

руководители его собирались выдвинуть, когда их силы возрастут. Одно из таких дополнительных требований, которое Иосс открыл Мейеру, гласит: «Чтобы знатные и господа не принуждали их работать по своему произволу, как они стали это делать»¹. Это требование фактически направлено против крепостного состояния, так как только крепостные привлекались к барщине по произволу господина².

Как видим, требования касаются основных моментов сеньериальной реакции. Они имели тогда самое злободневное значение для антифеодальной борьбы крестьянских масс. Однако их нельзя считать самыми радикальными требованиями антифеодального лагеря. Здесь нет еще открыто выраженного требования полного упразднения всякой феодальной зависимости. То же мы видим и из содержания требований, имеющих во всех вариантах программы этого заговора. Там неизменно повторяются пункты о платежах, имеющих ростовщическое происхождение, о свободном и равном пользовании общинными угодьями, о разделе церковных и монастырских имуществ и сокращении числа духовных лиц³. В отдельных вариантах программы содержится пункт об установлении нормальной нормы процента — не выше пяти. Все платежи сверх этой нормы следует упразднить⁴. И этот пункт касается не только займовых отношений, но и всего, что превращено в долг и является источником регулярных платежей. В одной записи города Фрейбурга содержится еще особый пункт о задержанных и не уплаченных во-время цензах, которые заговорщики хотели «присвоить себе» и обратить на нужды своей организации — на осуществление своих планов⁵. О регулярных же и «нормальных» светских повинностях в официальных вариантах программы ничего прямо не говорится. Заслуживают внимания показания Симона Штриблина, рассказавшего, что за-

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 195.— «Wann sie vierhundert knechten stark worden werent, so wolten sie von wittern anslegen geredt haben: das die edlen und ir herren si furer nit hetten bezwungen, inen ze arbeiten nach irem gevallen, als sie unzhar haben gethan».

² Baumann. Akten, № 199, § 59. См. главу II, стр. 206—207.

³ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 125—126.— «Zu dem andern, das holz und wasser, ouch alles gewild solt fri sin. Zu dem dritten, das sie alle zins und gult, so ir houbtgut haben ingenon, abthun und furterhin nit me verzinzen. Zu dem fierden wellen sie machen, daz ein ieder priester nur ein pfrund sol haben, zu dem funften, wellen sie zins und gult der klöster, so sie zu uberfluss haben, zu iren handen nämen, domit sie und ire kind de-ster bass uskommen mögen». См. также стр. 145, 181—183, 190—191 и др.

⁴ Там же, стр. 145.— «Zum vierden wan zins vorhanden, do nit zwenzig umb ein weren, die solten gor ab sin».

⁵ Там же.— «Item was erloffen und versässen zins den gotshusern und andern usstendig weren, die wolten si zu iren henden gehalten und nichts geben haben, damit si zu anfang irs furnemens zerung haben mochten».

вербовавшие его Иосс Фриц и Томас Хенки указывали ему на большую тяжесть повинностей, проистекающую из необходимости платить двум господам: каждый обязан платить своему личному господину и, кроме того, тому господину, у которого он живет. Под последним имеется в виду сеньер, у которого он является держателем. Необходимо устроить так, продолжали вербовщики, чтобы каждый обязан был платить только тому господину, у которого он живет; ежегодно — курицу под заговение, один день барщины и, кроме того, «платить и отрабатывать справедливую повинность» и больше ничего¹. Розенкранц пишет в примечании к этому пункту, что из него следует примирительное отношение «Башмака» к институту крепостного состояния, «реальные тяготы которого не были угнетающими». Из материалов, приведенных во второй главе данной работы о характере крепостного состояния и о связанных с этим институтом повинностях, можно убедиться в ложности аргументации Розенкранца. В данном пункте показаний Штриблина имеется в виду, что пропаганда «Башмака» велась против всякого рода новых и постоянно возрастающих повинностей, для введения и взимания которых институт крепостного состояния имел важнейшее значение. Самый текст этого показания противоречит выводу Розенкранца: в нем ясно говорится, что в силе должны оставаться только незначительные и «справедливые» повинности сеньеру (*sim herren, hinder dem er gessen sig*). Повинности же «личному господину» (*sin eigenen herren*) пропагандисты «Башмака» относят к тем, которые должны быть упразднены. Несомненно, однако, что в данном случае признаются какие-то «справедливые» повинности феодального порядка.

Было бы неверно рассматривать эти пункты показаний, а также пункты передававшейся устно программы как настоящую программу требований руководителей заговора, выражавшую их конечные цели. У заговорщиков были еще дополнительные требования, направленные против сеньериальных повинностей, которые не объявлялись сразу вербуемым, но которые руководители заговора собирались объявить на следующем этапе движения. Килиану Мейеру, крепостному крестьянину, заговорщики открыли одно из этих дополнительных требований, которое, как мы уже видели, направлено было против повинности барщины, вытекающей из крепостного состояния. Очевидно, что и некоторым другим вербуемым открывали ка-

¹ Там же, стр. 187. — «...so einer *sim eignen herren sturen müssen hab und dem, hinder dem er gessen sig, och, sig dem land ein grosser beschwerd. Das muss nun also sin, dass einer *sim herren, hinder dem er gessen sig, jars ein fassnachthun, ein frontawan und ein zimliche stur geben und thon soll und witter nit*».*

кие-то дополнительные пункты в зависимости от обстоятельств и характера человека. Из этого видно, что руководители заговора маневрировали отдельными пунктами программы в интересах своей пропаганды и более успешной вербовки отдельных лиц из разных прослоек крестьянства и из других классов. Изложив программные пункты «Башмака» 1513 г., Энгельс пишет: «Они показывают, что, с одной стороны, требования крестьян и плебеев стали принимать все более определенную и твердую форму и что, с другой, пришлось в той же степени делать уступки более нерешительным и умеренным элементам»¹. По мнению Энгельса, руководители заговора ставили своей целью создание широко разветвленной организации из разных слоев. Об Иоссе Фриде Энгельс пишет: «Дипломатическому таланту и неумолимой выдержке этого образцового заговорщика удалось втянуть в союз необычайно большое количество людей, принадлежавших к самым различным классам: рыцарей, священников, горожан, плебеев и крестьян»².

Энгельс, таким образом, считает, что в программе 1513 г. дело шло о движении крестьян и плебеев, вынужденном делать уступки умеренным элементам и вовлекать в движение более широкие круги общества. Основным содержанием пропаганды заговора была борьба против сенъериальной реакции. Однако цели движения были шире, чем чисто аграрные требования крестьянской массы, и затрагивали интересы разных классов и слоев оппозиции. Отсюда — маневры с пунктами программы³.

Наряду с сравнительно умеренными аграрными требованиями в программе заговора имеются требования политические, способные объединить не одних только крестьян и плебеев, но идущие значительно дальше политических требований «Башмака» 1493 г., внушенных, как нам уже известно, бюргерским руководством того заговора.

Во всех опубликованных показаниях и во всех изложениях программы заговора 1513 г. первое место занимает пункт о признании членами «Башмака» власти императора. В разных документах этот пункт дан в разных вариантах. Чаще всего он формулируется в том смысле, что императорская власть считается единственной властью и кроме нее не признается никакая иная власть в стране. В категорической форме этот пункт представлен в показаниях Якова Гузера, казненного вместе с Килианом Мейером в Базеле. Первый пункт программы сформулирован

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том VIII, стр. 150.

² Там же, стр. 149.

³ Там же. «...довольно вероятно, что он организовал даже несколько резко ограниченных друг от друга ступеней заговора. Все могущие быть полезными элементы были использованы с величайшей осмотрительностью и искусством».

им так: «что они хотят иметь нашим господином императора и никакого господина, кроме него, они иметь не желают»¹. В хронике Памфила Генгенбаха, опубликованной в этой части Розенкранцем, говорится о признании наряду с императорской также и папской власти и никакой иной². Такова же эта формула и в других источниках. Известно, что Энгельс видел в этом требовании зародыш лозунга единой и неделимой республики в его мюнцеровской трактовке³. Несомненно, требование единой императорской власти в данном случае означает требование установления государственного единства путем устранения всех местных территориальных властей. Лучше всего это выражено в показаниях Якова Гузера, где пункт первый программы о признании только единой власти императора сочетается с пунктом девятым. В этом последнем пункте говорится: «Во всем христианстве должен быть установлен постоянный мир; всех противящихся этому они намерены убивать. Тем же, которым хочется воевать, следует дать деньги и направить против турок и неверующих»⁴. Речь идет, таким образом, об устранении революционной силой феодальных войн и феодальной раздробленности.

Самую власть императора заговорщики имели в виду подчинить целям своей организации, и только в этой форме они намерены были ее признать. В изложении Симона Штрюблина первый пункт программы гласит: давать папе то, что ему полагается, и императору то, что полагается ему⁵. Из этого видно, что о самодержавной власти императора не было речи. В этом смысле следует понимать формулировку первого пункта программы в показаниях Килиана Мейера: «Они хотели иметь своими господами святейшего отца — папу, милостивейшего государя — императора и прежде всего — бога»⁶. Свои социаль-

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 190.— «Zum ersten daz si unsern herren den Keiser und sust dheinen andern herren haben woltent».

² Там же, стр. 125.— «Und ist dis ir meinung gewesen, daz sie furterhin keinen herren me wolten haben und gehorsam sin, dan allein den keiser und den babst».

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 148. Энгельс пишет, что пункт о признании власти одного только императора был впервые выдвинут уже в 1502 г. В опубликованных материалах «Башмака» 1502 г. этого требования нет.

⁴ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 191.— «Zum nunden wolten si einen bestendigen friden in der ganzen cristenheit angesehen und gemacht haben, und all die, so sich dawider gesetzt, volten si zu tod gestochen haben; welicher aber ie hett wollen kriegen, dem wolten si gelt geben haben und in an die Turcken und ungloubigen geschickt».

⁵ Там же, стр. 186.— «...man wurd dem bapst geben, was im zugehorte, und dem keisser och das, so im zuhorte».

⁶ Там же, стр. 194.— «...das sie wolltent unsern allerheiligesten vatter den babst, unsern allergnedigsten herren den keiser und vorab Got zu iren herren gehebt».

ные требования заговорщики 1513 г. аргументировали ссылкой на «божью справедливость» в более настойчивой форме, чем в 1502 г. Поставить власть бога выше всего, выше власти папы и императора, означало подчинить эти власти требованиям «божьей справедливости», провозглашенной союзом «Башмака». Конец этого пункта в показаниях Штрюблина: «все же они не намерены отказать своим господам» — означает, очевидно, что из непризнания за господами функций политической власти не вытекает полного лишения всех господ сеньериальных функций. Этот пункт в целом представляет собою сочетание самой радикальной для того времени в Германии политической идеи о революционном устранении территориальной власти с уступкой умеренным элементам.

Для понимания отношения заговорщиков 1513 г. к императору представляет интерес сообщение хрониста Памфила Генгенбаха о том, что они предполагали, прежде чем перейти к активным действиям, сообщить императору свой план. Если император поддержит их в этом, то они поставят его своим верховным государем, если же нет, то они обратятся к швейцарцам¹. Признание императора представляло собою по существу приглашение его — под угрозой обращения к швейцарцам — стать во главе единого государства, устранившего территориальных князей, и помочь в устранении сеньериальной реакции и в проведении ряда других антифеодальных мер. Максимилиан не ошибся, оценив программу «Башмака», как программу уничтожения всей имперской системы вместе с императорской властью. В феврале 1514 г. Максимилиан выразил свое возмущение по поводу распространяемых слухов о том, что он якобы велел прекратить казни участников заговора².

Кроме первого пункта, касающегося императорской власти, программа заговорщиков содержала и другие пункты, имеющие политическое значение и затрагивающие интересы разных классов, направленные против судебного произвола князей и против распространения функций духовных судов на светские дела. В установлении государственного единства и других мер политического характера на основе антифеодальной программы руководители заговора рассчитывали, конечно, прежде всего на крестьянские массы и на простой народ вообще. Об этом ясно говорится во всех документах данного заговора «Башмака», так же как и предыдущего. Об этом же говорит

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 127—128. — «Wan ir wurden 400, wolten sie die sach angriffen. doch wolten sie keiserlicher majestet semlich ir furnämen furhalten, und so er sie darbi hanthaben, wolten sie in fur iren oderherren haben. Wer aber das selb nit, wolten sie ein gemeine Eydnoschaft anruffen»..

² Там же, стр. 221.

Der Bundtschu
Difz biechlein sagt von dem bñ
 sen fürnemen der Bundtschuher/woye es sich
 angefengt geendet vnd auskumen ist.

C Pamphilus Gengenbach
 Wyt me yegundt ist mein beger
 Ob yenen alner vom bundtschu roer
 Dem da für tem dieß schlech gedicht
 Wit icher wels verachten nicht
 So kumpt er nit yn solche not
 Als manct er yet ist bliben todt
 Vngehoisam gou vngestrost nit lot

R 6 f

Титульный лист хроники Памфила Генгенбаха
 о «Башмаке».

и характер пропаганды его участников против сенъериальной реакции. В заметках фрейбургского магистрата подчеркивается, что Иосс Фриц и другие руководители заговора выясняли все случаи недовольства крестьян действиями своих господ для того, чтобы вести среди них агитацию за вступление в заговорщическую организацию¹. Но, стараясь завербовать в союз побольше крестьян, уже ведущих борьбу против феодального засилья господ, руководители заговора, как это видно из данного и из ряда других документов, рассчитывали на присоединение, после перехода к активным действиям всех «бедных», независимо от наличия или отсутствия у них конфликтов со своими господами². В письме в Страсбург фрейбургский магистрат объясняет заявление заговорщиков о том, что они намерены убивать всех своих противников, их уверенность в присоединении к их знамени всех крестьян, желающих «освободиться от чиншей и всех других тягот»³.

Розенкранц пишет о «Башмаке» 1513 г., что он не представлял собою массового движения. Этот «Башмак», утверждает Розенкранц, был целиком делом Иосса Фрица. В доказательство он ссылается на то, что от этого заговора известны только имена 42-х участников и что, по словам самих участников, к моменту раскрытия заговора он насчитывал всего около 200 членов, что он, следовательно, был уже заговоров 1493 и 1502 гг.⁴ В действительности, при той глубокой и сложной системе конспирации, которая была характерна для этого заговора, чего не отрицает и Розенкранц, нельзя считать сведения, добытые на допросах о его участниках и их общем количестве, скольконибудь достоверными. Тем более, что самого Иосса Фрица поймать не удалось, а по мнению господ, именно в его руках сходились все нити заговора, и он один знал все его секреты. Обращаясь к нелленбургскому фогту с просьбой помочь в поисках скрывшегося Иосса Фрица, группа господ уверяла его, что,

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 183.— «...habent fur ein stuck gut geacht, das etlich geordnet wurden, im land under und fur ze ziehen, hilf und anhang zu suchen. Und wo si bedacht hetten, do die undertanen etlicher mass mit iren herschaften spannend gewesen, die haben si understanden in ir punt zu bewegen».

² Там же.— «...ist des erlosen hoptmans meinung gestanden, ...sobald si dan das fenlin fliegen liessen, wurden die armen all uf ir parthie fallen». Ibid, S. 145.— «...ietzt in kurzen tagen wolten si das fänlin uf einer kilchwihe in einem dorf fliegen lassen. Und sind der hoffnung gewesen, ob ir zum anfang gleichwol nur 200 weren, so solten doch die armen (onangesehen, ob ir herschaften dawider geton hetten) all uf ir parthi gefallen sin».

³ Там же, стр. 203.— «...dwil ir furnemen zu ledigung ir zinsen und ander beschwärden diene, so wurden die armen, wann si ir vennlin hetten fliegen lassen all uf ir parthie gefallen sein».

⁴ A. Rosenkranz. Der Bundschun, Bd. I (Darstellung), стр. 306—307.

только овладев этим человеком, можно будет открыть полностью все тайны и все планы заговора¹.

Дело, однако, не только в этом. Розенкранц, как и многие другие буржуазные историки, стремящиеся отрицать наличие предпосылок к массовому антифеодальному движению перед крестьянской войной, сосредоточивает свое внимание на заговорщической группе и умалчивает о характере и развитии того массового движения, которое образовало фон событий и которое, по словам Энгельса, «выступало наружу» в виде отдельных заговоров. Отрывая изучение заговора от вопроса о развитии антифеодального движения, Розенкранц мог дать только извращенное представление о событиях. Основное различие между заговорами 1493, 1502 и 1513 гг. заключалось не в особенностях организационной структуры и не в количестве участников каждого из них. В каждом из этих заговоров, независимо от количества вовлеченных в него людей, руководители рассчитывали на то, что масса крестьян, разрозненно борющихся со своими эксплуататорами, пойдет за заговорщиками, побуждаемая их активным выступлением и их лозунгами. Различие между указанными заговорами заключалось главным образом в особенностях той ступени развития массового антифеодального движения, на фоне которой каждый заговор возникал. В 1493 г. речь шла об использовании бюргерской оппозицией массового недовольства крестьян начавшимся процессом сеньеральной реакции. Тогда бюргерские руководители заговора не хотели выставить на первый план основные требования самого крестьянства. В 1502 г., когда заговор возглавлялся выходцами из самого народа, антифеодальные лозунги получили уже более определенную форму. Руководители заговора не только выставили эти требования на первый план, но и дали им известное обобщение и идеологическое обоснование («божья справедливость!»), которые вызвали у господствующего класса опасения, что они могли сделаться основой для объединения различных элементов общественной оппозиции. В 1513 г. политическое значение народного движения в раздробленной Германии сделалось настолько явным, что руководители заговора поставили первым пунктом антифеодальной программы устранение территориальных князей и церковной иерархии и установления единой власти.

---

¹ A. Rosenkranz, Der Bundschuh, Bd. II (Quellen), S. 141—142. «...dann wo diser bub zu handen pracht mocht werden, werden alle heimlichkeiten und anschlege des punts erkundiget». Возможно, что преувеличенное представление о личной роли Иосса Фрица объясняется именно тем, что он не был пойман. Естественно, что все задержанные участники старались свалить на него все обвинения и выставить его главным и даже единственным зачинщиком.

Правда, это политическое требование дано еще здесь в весьма неопределенной и общей форме. Четко выражена лишь отрицательная сторона его: непризнание власти территориальных князей и всей светской и церковной иерархии. Преобладала, таким образом, антифеодалная сторона программы. Тем не менее мы здесь видим лозунг установления единой государственной власти и «мира в христианском мире», хотя и в общей форме, но зато так категорично, как ни в одной известной до того времени бюргерской программе. Основной расчет руководителей заговора был, как уже указано выше, на крестьянские массы, на массу бедных вообще. Однако не только на них одних. Энгельс писал, что в этом заговоре «все могущие быть полезными элементы были использованы с величайшей осмотрительностью и искусством». Иосс Фриц стремился использовать значение, которое приобретает требование государственного единства для других элементов оппозиции и прежде всего — для бюргерства. Он обратил теперь больше внимания на идеологическое обоснование программы, стремясь придать ей более авторитетный характер. Здесь речь идет уже не о «божьей справедливости» вообще, не о «божьей справедливости» в ее субъективном понимании, но об ее нормах, находящихся подтверждение в «священном писании». Как показал на допросе Яков Гузер, Иосс Фриц и хлебопек-подмастерье Иероним, открывая ему планы заговора, говорили о своем намерении составить в письменной форме «эти и другие пункты своего плана» и затем зачитать их перед своими и «не предпринимать больше никакого иного действия, за исключением того, что божественно, подобающе и справедливо»¹.

В данном случае нет еще того понимания «божьего права», которое характерно для более позднего времени и особенно для радикальных направлений Великой крестьянской войны². Здесь на первый план выступает ограничительное значение лозунга: обязательство не включать в программу других пунктов за исключением тех, которые соответствуют «священному писанию». В этом отношении применяемое здесь толкование «божьей справедливости» весьма близко подходит к толкованию «божьего права» наиболее умеренными элементами крестьянской войны, которые вели переговоры с господами и со

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 191. — «...und haben Joss Fritz der recht secher diss handels und Iheronimus der brotbekknicht (als die geschiktesten) von obgeschribnen anschlegen abermals geredt und insonders sich erbotten, die und ander anschleg irs furnemens halb us der heiligen geschrift schriftlich ze verfassen und schriben, und alsdann inen vorzelesen, und nutzit anders furnemen zu handeln denn allein das, so göttlich, zimlich und billich were».

² См. М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война, М., 1947, стр. 293 и сл.

Швабским союзом, уверяя их в том, что они не требуют того, чего нет в «священном писании». Но у Иосса Фрица это понимание «божьей справедливости» не имеет того оппортунистического смысла, которое оно имело впоследствии у умеренных вождей верхнешвабских лагерей во время крестьянской войны. Иосс Фриц видел свою задачу в том, чтобы заинтересовать в программе заговора, отвечающей интересам народных низов, также и элементы оппозиции из других классов. По мере того, как требования крестьян и плебеев стали принимать все более определенную форму, «пришлось в той же степени делать уступки более нерешительным и умеренным элементам» (Энгельс). Ограничительное толкование понятия «божьей справедливости» Иоссом Фрицем не отражает собственных взглядов этого человека, представлявшего собой, по выражению Энгельса, «выдающийся характер». Это уступка, которую он считал необходимой в интересах самого движения и в интересах общего утверждения авторитета «священного писания» в качестве нормы нового общественного и политического порядка, основания для устранения князей.

В этом же свете следует рассматривать и те оговорки и умолчания в области социальной части программы, которые мы наблюдаем в заговоре «Башмака» 1513 г. Это по существу уступки, признававшиеся руководителями заговора необходимыми в интересах политической консолидации широкой социальной базы заговора. Дело шло, очевидно, не только о привлечении бюргерских элементов, но и о каком-то контакте в данный момент с оппозиционными элементами мелкого рыцарства. Политический характер оговорок виден из пункта о том, что всем своим сторонникам, а по другим вариантам — всем тем, которые согласятся жить по их правилам, — они оставляют жизнь и имущество; сопротивляющихся же они будут убивать¹. Совершенно очевидно, что этот пункт обращен к представителям других классов и носит политический характер.

Интересны в этой связи показания на допросе портного Ганса Гумеля, рассказавшего, как он и Иосс Фриц вели агитацию за вступление в их общество. На вопрос одного из вербуемых о целях этого общества Гумель не мог дать ему четкого ответа и направил собеседника к Иоссу. Однако Гумель советовал ему согласиться, так как дело «Башмака» является добрым делом, в котором участвуют «знатные и незнатные,

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 126. — «zu dem nunden: alle die mit inen dran sigen, wellen sie bi dem iren lassen». Там же, стр. 145. — «Und wär irs geffallens und willens hett wollen läben, dem wolten si das sin gelassen; wer sich aber dawider gesetzt hett, den wolten si zu tod geslagen haben». Там же, стр. 191. — «...daz si all die, so inen werent angehangen, woltent mit irem lib und gut gesichert haben; wer sich aber hett wollen dawider setzen, den wollent si gestrafft, namlich zu tod geschlagen haben».

священники и другие и многие из Фрейбурга» (edel und unedel, pfaffen und ander dorin, und vil von Fryburg). Таким образом, руководители, хотя и подчеркивали всегда антифеодальные цели общества, старались вместе с тем представить свое дело, как общее дело «божьей справедливости», к которому примыкают люди разных классов. Об общем характере «Башмака» Гумель беседовал с активным пропагандистом союза — священником деревни Леен. Последний говорил ему, что справедливость должна иметь успех, потому что «так хочет бог», и «из священного писания также следует», что дело «Башмака» должно восторжествовать¹.

Уже сама надежда и политическая ориентация руководителей «Башмака» на расширение движения и на превращение лозунгов антифеодального крестьянского движения в основу для объединения широкой политической оппозиции показывает, какое важное значение приобрела в условиях Германии того времени антифеодальная борьба крестьянских масс против гнета сенъериальной реакции для нараставшей перед реформацией бюргерской оппозиции и какое важное место эта борьба занимала в готовившемся общем подъеме всех элементов оппозиции против реакционной территориальной системы и против той исключительной роли, которую играла в Германии церковная иерархия. Руководители «Башмака» 1513 г. видели в ситуации того времени какие-то основания и перспективы для их политики. Действительно ли были основания считать, что политическое значение, которое приобретало антифеодальное крестьянское движение, найдет нужные отклики в городах — этот вопрос приобретает в данной связи важное принципиальное значение.

План готовившегося восстания предусматривал захват города Фрейбурга и ряда других городов. Заговорщики рассчитывали при этом на большую поддержку населения городов, в частности на поддержку со стороны значительной части населения Фрейбурга. Один из арестованных руководителей Маттерн Вейнман заявил на допросе, что половина людей каждого цеха во Фрейбурге вовлечена была в заговор². Магистрат Фрейбурга в письме маркграфу Филиппу Баденскому пытается опровергнуть это показание и убеждает маркграфа не верить ему. Однако в другом письме, отправленном в Базель, тот же фрей-

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 225.— «...do hab er herr Hansen gefragt, wie es ein ding were umb's Josen puntschuech. Do hab herr Hanns gesagt, es wär ein gotlich ding darumb, dann die gerechtigkeit wurd ein furgang gewinnen. Dann Got wolls, man het's auch in der geschrift funden, das es ein furgang haben muesst».

² Там же, стр. 139.— «...das wol die halben zunftigen in unserer statt in solhem spil sient».

бургский магистрат признает, что в этом же духе высказываются на допросах и другие арестованные, хотя магистрат объявляет и эти показания выдумкой, не заслуживающей доверия¹. Очевидно, и сами члены фрейбургского магистрата мало верили своим собственным опровержениям. В ноябре 1513 г. магистрат направил цехам распоряжение, в котором признавалось, что мероприятия правителей города против «Башмака», проводимые в интересах всех господ, могут вызвать недовольство со стороны тех, которые «питают больше склонности к этим злонамеренным людям, чем к почтенным»². Предвидя распространение на этой почве мятежных речей против городских властей, магистрат предупреждает, что такие речи не могут оставаться безнаказанными. Хотя, говорится в тексте распоряжения цехам, магистрат уверен в своей общине, показавшей уже во всех делах (и в данном деле в особенности) свою верность и благожелательное отношение к властям, он все же считает необходимым предупредить о том, чтобы никто «ни в шутку, ни всерьез», ни словами, ни делом, не оказывал этим «злонамеренным» людям никакой поддержки, ни малейшего поощрения³. Как видим, магистрат считал, что в цехах, несомненно, имеются люди, симпатизирующие членам «Башмака» в большей степени, чем господам и «почтенным».

Килиан Мейер вместе с другими руководителями заговора обсуждал вопрос о необходимости вовлечения в заговор одного или двух человек от каждого фрейбургского цеха. Эти люди, говорили они, сумеют в нужный момент организовать для них сторонников⁴. Возможно, что и Вейнман в приведенном выше его показании о приверженности половины состава фрейбургских цехов делу «Башмака» имел в виду не наличие в каждом цехе участников заговора в таком количестве, а лишь надежду заговорщиков на то, что в нужный момент их люди в цехах Фрейбурга приведут на их сторону половину общего состава цехов. Килиан Мейер заявил, что те из горожан, в частности из населения Фрейбурга, которые будут против заговорщиков,

¹ Там же, стр. 161.—«...desglichen so sientvil bi uns zu Fryburg im spil».

² Там же, стр. 176.—«...mocht sich villicht begeben, das die, so denselben boshaftigen luten me anhangten dann der erberkeit, vil widerwillens gegen einen rat hetten, etwe wort reden wider die oberkeiten, die sich dem fromen dheins wegs gezimpten».

³ Там же. — «...liess si ein ersamer rat warnen und uf das host pitten und ersuchen, das sich niemants in schimpf oder ernst mit worten oder werken diser bossgaftigen leuten gesellschaft und handlungen annäme, inen dhein glimpf, bistannd oder furschub thätt».

⁴ Там же, стр. 195.—«...und insonders davon, wo si möchtent von ieder zunft zu Friburg einen oder zwen man, die inen anhiengen, haben; so wurden dieselben inen in den zunften auch ein anhang machen; alsdenn möchtent si etwas schaffen».

будут убиты ими. Заговорщики рассчитывали иметь на своей стороне большую часть городского населения.

В княжеских кругах Германии высказывалась большая тревога по поводу успехов, которые пропаганда «Башмака» могла иметь в городах. Основанием для такой тревоги служили, наряду с другими обстоятельствами, происходившие тогда в ряде городов на Рейне движения городских низов. Сами участники «Башмака» рассчитывали, что эти движения обеспечат им поддержку в рейнских городах вплоть до Кельна, в котором сильное движение плебса происходило в течение всего 1513 г. Один из допрошенных Эндерлин заявил, что завербовавший его Иосс Фриц сказал ему о распространении «Башмака» вниз по Рейну до Кельна¹. О таких же заявлениях со стороны руководителей «Башмака» писал также фрейбургский магистрат императорскому советнику Виллингеру². Магистрат уверял при этом, что все разговоры о сочувствии заговорщикам в городах от Фрейбурга до Кельна вымышлены самими заговорщиками в интересах своей пропаганды. Однако в господских кругах считали, что движения крестьянства и городского плебса связаны между собою. Император Максимилиан писал 18 ноября о невозможности применения по отношению к немецким ландскнехтам заслуженных ими наказаний, потому что наказания могут побудить их присоединиться к крестьянам, которые организовались в союз «Башмака», направленный против духовенства и знати, влияние которого распространилось вниз по всему течению Рейна³. В то же время архиепископ кельнский Филипп писал императору о том, что он слышал о союзе и восстании простого народа, происходящем главным образом в верхних землях и носящем название «Башмак», но не имеет о нем точных сведений⁴. Император, говоря о волнениях по

¹ A. R o s e n k r a n z. Ук. соч., стр. 205. — «...das Jos Fritz im ouch harnach hie zu Friburg zum Spiegel gesagt hab, wie ir buntschu hitz gon Köln hinab gieng».

² Там же, стр. 179—180. — «Es haben dies eboshaftigen gesellen angezoug, es sigent vil us dieser stat Fryburg und andern stetten in ir geselschaft ...so kan niemands anders vermueten, dann das solh reden von diesen unerborn leuten allein dorumb beschehen sint, domit si vil in ir geselschaft bewegen mochten, als si dann sonst von grosser hilf und rat, namlich gesagt, der puntschuech und ir furnemen gang bis gon Koln hinab».

³ Там же, стр. 198. — «...das si sich... der pawrschaft, die sich dann den ganzen Reinstrom ab mit puntnus und verstantnus gegen ainander wider die gaistlichait und den adel... zusamentun sollen (den man nent den puntschuch) anhengig machen möchten». О движениях в рейнских городах в 1509—1515 гг. и, в частности, о народных волнениях в Кельне в 1513 г. см. K. K a s e r. Politische und soziale Bewegungen im deutschen Bürgertum zu Beginn des 16 Jahrhunderts, Stuttgart, 1899, S. 157—185.

⁴ Там же, стр. 208. — «...hab ich von der entbörung und zusamenthun des gemeinen volks (zuvorabe in oberlande) hiebevur etwas gehört, aber des kein eigentlich bericht gehabt».

всему течению Рейна, имел в виду волнения в рейнских городах, в особенности волнения в кельнском плебсе. Он не сомневался в связи их с деятельностью «Башмака». Такое же мнение преобладало и в кругах имперских чинов. На первом совещании имперских чинов в Гагенау в конце 1513 г. принято было решение «по поводу движения «Башмака» (von wegen der erwe-gung des puntschuchs): «Поскольку он (der selb) проявился в недавнее время у некоторых городов и коммун в движении и мятеже против законных властей и принимая во внимание угрозу его дальнейшего распространения, необходимо распорядиться об установлении строгого наблюдения и слежки за этим делом во всех городах и на селе. И те, которые будут замечены, какого бы они ни были звания — высокого или низкого, — должны быть немедленно схвачены и арестованы, и с ними следует поступить, как полагается»¹.

Это решение свидетельствует не только о том, что движение городских низов связывали с деятельностью «Башмака», но и о том, что в господских кругах серьезно считались с возможностью влияния данного движения на другие более богатые элементы города и деревни. Очевидно, речь шла о том, что политическая сторона движения могла увлечь за собою не только народные низы, но и слои, занимающие более высокое место в общественной иерархии. Вопрос о положении в городах продолжал занимать внимание господ и в 1514 г. И тогда городские волнения ставятся в связь с движением «Башмака»².

Для понимания влияния, которое оказывало движение «Башмака» на городское бюргерство, представляет значительный интерес положение города Фрейбурга и тактика его властей. Фрейбургский магистрат энергично опровергал все разговоры о наличии в составе городского населения большого количества сторонников заговора, но в то же время сам высказывал свое беспокойство по поводу тех горожан, «которые сочувствуют крестьянам больше, чем господам». Фрейбург и другие города оставались подозрительными в глазах князей и императора, несмотря на всю жестокость и иступление, которые проявил магистрат в деле подавления заговора и наказании его участников. Только в самом конце 1513 г. Фрейбург удостоился благодарности императора, признавшего, наконец, его «заслуги». Вся же обильная переписка фрейбургского маги-

¹ Там же, стр. 214. — «...das man dann in allen stetten und uf dem lant ernstlich verordnete, darauf vlissigs ufsehen und hören zu haben. Und welhe personen hohs oder niddel stands sich des mercken liessen, das man da alsdan von stunde zu den selben griffen, si venglichen anneme und gegen inen, als sich geburt, handelt».

² Там же, стр. 217—218.

страта от начала октября до конца декабря этого года представляет собою старание добиться этого признания и снятия с себя подозрения со стороны феодальной верхушки в каком-то сочувственном или двойственном отношении к «Башмаку». Весьма характерным является основной тезис, отстаиваемый магистратом во всей своей переписке для доказательства непричастности своего бюргерства к заговору.

Подозрительное отношение к Фрейбургу и к другим городам основывалось на сочувствии части бюргерства к антифеодальной борьбе крестьян, на готовности многих из горожан присоединиться к этой борьбе или в всяком случае использовать ее в своих интересах. Фрейбургский магистрат старался поэтому доказать, что движение «Башмака» не является просто антифеодальным и не вызвано усилением феодального гнета, но что оно представляет собою движение всех бедных и обездоленных людей против всех богатых, движение всех общественных низов против всякого, кто занимает какое-либо почетное положение, что, следовательно, все богатые — знатные и незнатные — одинаково заинтересованы в борьбе с этим движением, что, таким образом, для подозрений в отношении бюргерства нет оснований.

Уже в первые дни октября 1513 г., сообщая епископу констанцскому о первых признаках заговора, фрейбургский магистрат пишет, что вербуемому в заговор крестьянину говорили о целях его следующее: поскольку простой крестьянин беден и терпит нужду и голод, то решено поднять знамя «Башмака» — напасть на богатых (духовных и светских) и особенно — на город Фрейбург, в котором можно найти все, что нужно...¹ Как видим, здесь подчеркивается направленность движения против богатых вообще и указывается, что Фрейбург нужен заговорщикам не как опорный пункт для дальнейшей борьбы с помощью новых союзников, а просто — как богатый город, в котором можно получить удовлетворение всех нужд. В этом и в других письмах магистрат обращал внимание на то, что в данном движении речь идет о большом выступлении «против всех почтенных» (*wider alle erberkeit*). В цитированном уже обращении фрейбургского магистрата к императорскому советнику Виллингеру авторы заключают, что «все элементы знати и городов, так же как и большинство людей этих земель,

---

¹ A. R o s e n k r a n z. Ук. соч., стр. 129. — «...nachdem der gemein bursman arm sie, mangl und hunger dulden muss, so seien deshalb in etlich (als uf die sechs-oder sibenhundert) rätig worden, den bundschuch ufzuwerfen und uber die richen (geistlich und weltlich) zu fallen, und insonderheit am vordristen unser statt Fryburg, do si dann alle nottuft getreuwen zu finden, mit verreteri, brand und in ander weg in kurzen tagen inzenemen».

весьма гневно и сурово настроены по отношению к указанному злонамеренному плану»¹.

В ряде своих писем правители города призывают не верить заявлениям участников движения о том, что они вынуждены к действиям крайним угнетением со стороны господ. Они отрицают заинтересованность всего крестьянства в этом деле. Из всех требований «Башмака» они обращают внимание только на одно — на требование упразднения всякого долга, сумма которого уже покрыта уплаченными процентами. «Арестованные в Базеле, — говорится в письме фрейбургского магистрата городу Шафгаузену, — а также те, которым удалось скрыться, ... утверждают, что они угнетались их господами и подвергались всяческому насилию, что это и довело их до настоящего заговора. Этому ни вы, ни всякий другой из почтенных не должны верить, так как все это выдуманно ими... Все это дело злонамеренного Иосса Фрица... из посеянного им злодейства без всякой причины». И дальше утверждалось, что вокруг Иосса группировались те, которые «отягощены многими процентными и иными платежами и хотели избавиться от них без уплаты долга своевольно и без всяких оснований, не желая давать ни духовным, ни светским то, что им следует, чтобы, таким образом, господствовать по своему произволу над всеми почтенными»². Здесь подчеркивается, что в движении «Башмака» речь идет не о борьбе против феодального гнета, а об отказе платить всякие долги, о посягательстве на всякое богатство. Такое же письмо отправлено было городом Фрейбург и властям Базеля³. Шафгаузену и Базелю, которые были уже в то время швейцарскими городами, также внушалась мысль о направленности данного движения против всех состоятельных. Движение, говорится в письме, вызвано не феодальным гнетом, а нежеланием должников платить долги и проценты по ним, и, следовательно, швейцарцы, как и немецкие города, должны против него бороться вместе с немецкими господами. Из переписки фрейбургского магистрата с австрийскими властями

---

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 111. — «...daz alle stende von adel und stetten und der merteil dieser landen ganz ubel und hart wider obgemelt boshafftig furnemen sigent».

² Там же, стр. 168. — «usgeben und reden sollen, als ob si von irer oberkeit genodtrent und in vil wege begwaltiget, dardurch si zu diesem irem furnemen merklich geursachet werent, dem sollen ewer liebe und alle erberkeit gar dehein glawben geben... dann aller anfang und ursprung kompt us demselbigen boshafftigen man Jos Fritzen... ob aber Josen gesellschaften mit vil zins und gulten beladen gewesen und dorumb der meinung gestanden sint, die on hawptguet mit ir selbs fraveln und ongegründt thät abzulosen und geistliche nund weltlichen umb daz ir nichts zu geben, darzu irs gefallens wider alle erberkeit zu herschen».

³ Там же, стр. 170.

видно, что вопросу об отношении швейцарцев к движению «Башмака» придавалось большое значение»¹.

«Отцы» Фрейбурга старались, чтобы и другие немецкие города усвоили их взгляд на характер движения «Башмака». В нашей земле, — писали они в Аугсбург, — случилось то, что «некоторые бесконечно злонамеренные крестьяне без всякой причины, а только из внушения дьявола и собственного злодейства решили установить свою власть над почтенными и преступно упразднить свои процентные и другие платежи без уплаты основного долга и для этой цели они вознамерились поднять «Башмак» против всех почтенных»².

Эту свою концепцию о характере «Башмака» фрейбургский магистрат старался обосновать в специальном докладе, составленном 15 ноября 1513 г., о возникновении и начале «Башмака». Во вводной части доклада указывается преследуемая его авторами цель: данное в нем «освещение» возникновения «Башмака» выдвигается в противовес заявлениям заговорщиков о том, что заговор вызван господским гнетом. В самом докладе повторяется уже известная нам версия фрейбургского магистрата о том, что заговор есть дело одного Йосса Фрица и что он направлен на упразднение всех долгов и платежей вообще. При этом утверждается, что «обманными» разговорами о господском гнете Йоссу удалось привлечь не широкие слои крестьянства, а только «некоторых крестьян, имущество которых заложено выше своей доходности и стремления которых направлены на то, чтобы много потреблять и мало работать»³. Таким образом, отцы Фрейбурга старались уверить всех в том, что движение «Башмака» было движением только неимущих низов, которые хотели установить свое господство над всеми «почтенными» и сколько-нибудь состоятельными (*uber die erbarkeit zu herschen*) с тем, чтобы упразднить всякие долговые обязательства и их последствия, что даже более или менее имущие элементы крестьянства остались в стороне от него. Правители Фрейбурга стремились опровергнуть при помощи этого аргумента подозрение о возможности контакта между участниками данного заговора и какими-либо слоями городского бюргерства.

Фальшивый характер версии, при помощи которой ее

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 175.

² Там же, стр. 174. — «...das etlich boshafftig unendlich pawrsloute on all ursach ungezwengt, sondern allein us tuffellischem insprachen und eigner furgesetzter bosheit uber die erbarkeit zu herschen und ir zins und schuld on houptguet mit fraveler that zu bezalen und abzulosen... den puntschuech ufzuwerfen, in meinung, irs gefallens wider alle erbarkeit zu handlen».

³ Там же, стр. 182. — «...hat er etlich purslewte (die ir guter mer, dan si ertragen mogen, versetzt, darzu ir gemut allweg uf vil zerung und wenig arbeit gestellet haben) an sich gezogen, im selbs ein anhang gemacht».

авторы старались отрицать антифеодальный характер движения, не подлежит никакому сомнению. Из письма гехбургского ландфогта маркграфу Баденскому видно, что во Фрейбурге весьма серьезно учитывалась возможность крупных волнений крестьян округа, возмущенных казнями участников «Башмака» в городе¹. Против версии фрейбургского магистрата говорит рассмотренная уже выше антифеодальная программа «Башмака» 1513 г. Усердное отрицание фрейбургским магистратом этой очевидной истины доказывает лишь, что именно антифеодальный характер движения в его развитой и обобщенной форме, нашедшей свое яркое выражение в наличии политического требования устранения реакционной территориальной системы, сделал его возможное влияние на оппозиционное бюргерство чрезвычайно опасным для существовавшего порядка, вызывал сильное подозрение княжеской верхушки.

Буржуазный немецкий историк Курт Казер в монографии, посвященной бюргерским движениям начала XVI в., ставит своей целью определить характер и значение этих движений, но рассматривает их изолированно от вопроса о характере крестьянского движения этого времени и от вопроса о месте и роли немецкого бюргерства в политической борьбе предреформационной эпохи. Казер дает извращенное представление как о характере, так и о значении городских движений начала XVI в. По мнению Казера, городские движения первых двух десятилетий XVI в. не имели уже того политического содержания, которое характерно для городских движений XIV и XV вв., когда шла ожесточенная борьба между патрицианскими родами и цехами, когда бюргерство, осознавшее свое возросшее социальное значение, боролось за изменение политического статуса городов, за демократизацию городского устройства. В начале XVI в., утверждает Казер, для бюргерства речь шла только об облегчении налогового бремени, об устранении злоупотреблений в области городских финансов и не больше. Политически городские движения начала XVI в., по мнению Казера, представляли собою шаг назад от движений XIV и XV вв. Новое в движениях начала XVI в. в немецких городах Казер видит только в том, что в некоторых из них (в Эрфуртском восстании 1509 г., в Кельнском движении 1513 г., в Брауншвейгском и Регенсбургском восстаниях 1512—1513 гг. и в некоторых других) на арену выступал уже городской «пролетариат» со своими «социалистическими» стремлениями и требованиями, со своей «слепой» и «кровавой» ожесточенностью против богатых, власть и богатства которых он хотел захватить

---

¹ А. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 188—189.

и разделить между своими людьми. Эти «социалистические» элементы, проявившиеся уже в зародыше, по мнению Казера, в движениях XV в., сделались более определенными в начале XVI в. и окончательно оформились во время самой реформации и в крестьянской войне¹.

Невежественные и злобные рассуждения этого буржуазного историка о «социалистических» и «пролетарских» движениях XV и XVI вв., — т. е. того времени, когда их не было и быть не могло, — не нуждаются в настоящее время в серьезном опровержении². Представив в ложном свете характер участия городских низов в бюргерских движениях XV—XVI вв., Казер не мог дать более или менее верного представления о характере, значении и тенденциях самого бюргерского движения того времени. Казер приписывает движениям городских низов «социалистические» цели в его собственном извращенном представлении о них. Казер, однако, умалчивает о главном значении борьбы городского плебса, характер которой определялся тогда состоянием крестьянского движения³, заключавшемся в том, что благодаря ей, благодаря участию в бюргерском движении плебейских масс, свободных от бюргерской ограниченности, городское движение сближалось с антифеодальным движением крестьянства того времени, которое, как показали требования «Башмака» 1502 и 1513 гг., выдвигало уже такие обобщенные социальные и политические требования, в которых больше всего заинтересовано было бюргерство.

Мы уже видели, что магистрат Фрейбурга пытался отрицать антифеодальную сущность «Башмака» и настаивал перед феодальными господами на том, что заговор 1513 г. направлен против богатых вообще, что его участниками являются те, которые стремятся к дележу всех богатств и к упразднению всех долгов. Нам уже известны и мотивы, которыми руководствовался фрейбургский магистрат, распространяя на все движение характеристику целей одного из его элементов. Магистрат имперского города указывал на требования народных низов — разоренных крестьян и городского плебса — и умолчал о более общих лозунгах «Башмака», связанных с его антифеодальной сущностью. Тем самым магистрат подчеркивал участие в движении того элемента горожан, который являлся наиболее активным проводником сближения городского движения с крестьянским. Феодалы верили фрейбургскому магистрату в том,

¹ К. К а з е р. Ук. соч., стр. 1—13, 18—33, 170—180, 181—185.

² Ненаучный и абсурдный характер всех разговоров о якобы «социалистических» движениях в средние века убедительнейшим образом показал И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом. См. И. В. С т а л и н. Соч., т. 13, стр. 118—119.

³ См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. VIII, стр. 124.

что требования народных низов, направленные против богатых, отпугивают само бюргерство. Однако они знали также о том, что коль скоро происходит сближение крестьянских движений с городскими, то общие антифеодальные лозунги «Башмака» и особенно те, которые получили уже политическое выражение в требовании устранения территориальных князей, способны увлечь за собою широкие круги бюргерской оппозиции. Поэтому мы видим, что в господских кругах относились весьма сдержанно к уверениям фрейбургского магистрата в отсутствии опасности со стороны городов. В этих кругах движения в деревне и в городах рассматривались и до 1513 г. как явления общего порядка, имеющие общее политическое значение. В мае 1512 г. принято было решение Швабского союза о необходимости императорского мандата, призывающего все чины Швабского союза принять общие меры против «восстаний и возмущений подданных против господ», которые происходят в настоящее время «в городах и на селе»¹.

Тревожное настроение, царившее в господских кругах по отношению к городам, имело достаточное основание не только потому, что в городах бюргерская оппозиция опиралась в своих выступлениях на революционные элементы народных низов, но и потому, что и руководящие круги городов обнаружили стремление воспользоваться подъемом движения для усиления своей оппозиции князьям, Швабскому союзу и оказываемому на города имперскому нажиму. В конце 1512 г. города Швабского союза приняли решение обратиться к ближайшему рейхстагу с жалобой на новую пошлину, введенную юртембергским герцогом, и на то, что возложенные на города предыдущим рейхстагом в Кельне имперские платежи чрезвычайно обременительны и тягостны и вызывают в городах волнения². В октябре 1513 г. городские представители заявили на съезде Швабского союза в Ульме о необходимости обратить внимание «на значительные и неслыханные восстания и возмущения, которые происходят во многих местах в империи — в городах и общинах — и которые вызывают тревогу и отчасти делают невозможным взимание имперского пфенига»³. Такого рода заявления со стороны руководящих лиц городов тогда были нередки.

Тревога господствующего класса по поводу настроения в городах, обнаруживавшаяся в городах тенденция к подъему общественной оппозиции, к восприятию идей государственного преобразования, — объясняется переживавшейся тогда городами эпохой бурного экономического подъема, появлением в начале XVI в. в городах элементов капиталистических отношений.

¹ К. Kl ü p f e l. Urkunden, Bd. II, S. 58—59.

² Там же, стр. 59—60.

³ К. Kl ü p f e l. Ук. соч., стр. 75.

В этом подъеме видели тогда угрозу территориальной системе и всем связанным с ней явлениям. Однако условия экономического развития в раздробленной Германии вели к тому, что практически бюргерские движения начала XVI в. выливались в разрозненные локальные выступления в отдельных городах. Совершенно очевидно, что антифеодальная борьба крестьянства, принимавшая общенародный характер и выдвигавшая уже лозунг устранения территориальной системы, содержала в себе возможности далеко идущего влияния на характер городских движений и что выступления городского плебса, являвшегося активным проводником сближения городских движений с крестьянством, получали в германских условиях исключительное политическое значение. Понять значение городских движений начала XVI в. и их связь с последовавшей затем бюргерской реформацией можно только имея в виду характер и развитие антифеодальной борьбы крестьян, на фоне которой они происходили.

Казер только упоминает о том, что одновременно с городскими движениями в течение двух десятилетий перед реформацией в деревне давали о себе знать предвестники Крестьянской войны: движения «Башмака» и «Бедного Конрада»¹. Упоминая о вюртембергском «Бедном Конраде», Казер утверждает, что города, участвуя в этом восстании против герцога Ульриха, преследовали в нем те же ограниченные цели, что и в бюргерских движениях того времени вообще и что так же, как в других бюргерских движениях, там одновременно имели место выступления городских низов с «социалистическими» требованиями². О значении самого антифеодального крестьянского движения для городов Казер ничего не говорит. Между тем, независимо от самого характера вюртембергского «Бедного Конрада», направленного главным образом против налоговых вымогательств герцога Ульриха, отклики этого восстания в соседних землях, в частности в Бадене, выразились в попытках организации массовых выступлений против узурпаций общинных угодий и других актов сенъериальной реакции, в попытках, рассчитанных на сочувственное отношение и поддержку со стороны городов.

Участники раскрытого в 1514 г. заговора «Бедного Конрада» в районе деревни Бюль в Бадене показали на допросе, что руководитель заговора Бастиан Гугель призывал «содействовать в устранении новых прав и удержании старых прав»³. В другом месте Бастиан Гугель обратился к своим сторонникам

¹ К. К а з е р. Ук. соч., стр. 34.

² Там же, стр. 180—181.

³ А. R o s e n k r a n z. Ук. соч., стр. 257.— «die neuen recht helfen abthun und alten recht helfen handhaben».

на собрании с тем же призывом и при этом разъяснил, что под «новыми правами» он имеет в виду господские судебные заседания; на которых каждый крестьянин обязан доносить о всех достойных осуждения поступках его соседей, о которых ему стало известно (*ruggericht*), новые правила наследования, согласно которым супруги не наследуют друг другу, и новый порядок, запрещающий крестьянам удить рыбу в общинном озере¹. Программа требований связана была с планом устранения маркграфского фогта. На возражение одного из среды присутствовавших, что фогт не станет обсуждать требования крестьян, Гугель ответил: «Не фогт хозяин, а мы хозяева»².

Организаторы баденского «Бедного Конрада» имели основания рассчитывать на сочувственное отношение городов. Даже «прославившийся» своим жестоким преследованием участников «Башмака» магистрат города Фрейбурга, так же как и магистраты Страсбурга и Эслингена, не решились теперь перейти сразу к строгим репрессивным мерам по отношению к задержанным участникам «Бедного Конрада» и действовать в контакте с князьями. Потребовался энергичный нажим со стороны князей и императора для того, чтобы вернуть магистраты указанных городов к старой активности и рассеять их недоверчивое отношение к мерам князей. Маркграф Филипп Баденский, направляя пешее войско в помощь Ульриху Вюртембергскому, просил Фрейбург не препятствовать продвижению этих войск, которые должны действовать в интересах «всех властей и почтенных»³. Такое же послание отправлено было феодалами Бадена магистрату Страсбурга⁴. 3 августа 1514 г. магистрат Эслингена обратил внимание Страсбурга на то, что герцог Ульрих Вюртембергский продолжает держать свои военные силы в боевой готовности, несмотря на то, что в его земле восстание «Бедного Конрада» уже подавлено⁵. Правящая верхушка имперских городов ожидала, что княжеские силы, подавившие «Бедный Конрад», предпримут враждебные действия против городов. Этим обстоятельством объясняются колебания городских магистратов в вопросе о наказании задержанных. Однако фрейбургский магистрат официально аргументировал свою медлительную тактику в вопросе о репрессиях тем, что имеющиеся в его распоряжении материалы обвинения подтверждают только антифеодалные требования участников заговора, в

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 258.—«...hat Bastian ain ring gemacht und geredt: «ir gesellen, wöllen ir mir helfen die nuwen recht abthun, nemlich das ruggericht, die nuw ordnung, und das fischwasser wider in alsem stand bringen?». О значении «die nuw ordnung» см. стр. 244.

² Там же, стр. 257.—«...der vogt ist nicht meister, wir sind meisters».

³ Там же, стр. 240.

⁴ Там же, стр. 240—241.

⁵ Там же, стр. 241—242.

частности требования свободного пользования альмендой. Магистрат просил у маркграфа Филиппа Баденского прислать ему дополнительные обвинительные материалы против задержанного в Фрейбурге руководителя «Бедного Конрада»¹. В тот же день (14 августа) магистрат написал также начальнику маркграфской администрации в Гохберге о том, что допрос Гугеля не показал дело «Бедного Конрада» в Бадене таким тяжелым, как о нем говорят. Авторы письма считают необходимым продолжать следствие и не торопиться с репрессиями. Они указывают, что и раньше магистрат не желал поспешных действий в отношении бедных людей².

Здесь, таким образом, содержится явный намек на то, что правители города считают неудобным осуществление репрессий по отношению к участникам «Бедного Конрада» на основании материала, уличающего их только в борьбе против актов сеньеральной реакции. Магистрат, безусловно, имел в виду общее настроение в городе, отношение горожан к крестьянским требованиям. Не менее характерен ответ маркграфа Филиппа на эти соображения и сомнения фрейбургского магистрата. Маркграф указывает, что, требуя свободной ловли рыбы и дичи, лица, руководимые Бастианом Гугелем, посягали на исконные права господ. Этого преступления, т. е. организованной борьбы против феодальных прав господ, совершенно достаточно для самого строгого осуждения³.

Как видим, в движении «Бедного Конрада» в Бадене положение в городах привлекало к себе внимание князей и господ не столько со стороны чисто городских локальных требований, сколько со стороны общего отношения в городах к антифеодальному движению крестьянства. Не спадавшая волна крестьянских движений, направленных своим острием против всей территориальной системы и искавших союзников в городах, создавала в Германии ситуацию чрезвычайного политического напряжения. В сентябре 1514 г. был опубликован мандат императора о мобилизации всех сил наследственных австрийских

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 242—243.

² Там же, стр. 249.— «...konnen aber unsers bedunkens den handel so hart und gross, wie uns angezoug ist, noch zur zit nit an ime erfinden, deshalben... wir sollent uns der sachen bass erfahren und nit mit ime ilen, und wir dann...solhs bishar in unserm pruch gehapt, das wir on gruntlich erfahrung mit armen leuten nit gern geilt».

³ Там же, стр. 259.— «...das er sich wider unsern herr vatter (als sin oberkeit) ufgeworfen, sich den Armen Cunzen genant, der sin und allen muglichen vlis ankert, emborung bi andern undertanen zu Buhel und im selben ampt wider die oberkeit ufzuwecken, vischen, vogeln, jagen und hassen (das alles unsern herr watter von hoher oberkeit wegen zustendig...) fahen,... ist er solher siner mutwilligen handlung wider die oberkeit, ungehorsame und einen uflauf anzurichten und machen (das im rechten bi swerer straffe verbotten), als wir achten, straffbar...»

земель ввиду того, что «во всей священной империи немецкой нации, как и во всех входящих в ее состав королевствах и землях, имеют место тяжелые события, восстания и неслыханные заговоры как никогда раньше при нашем правлении»¹.

Раскрытый в 1517 г. новый заговор «Башмака» под руководством Иосса Фрица и фрейбуржца Штофеля показал, что в общем революционном подъеме, выражавшемся в разрозненных выступлениях различных элементов оппозиции в разных местах империи — в городах и на селе, — наиболее значительным событием представлялось наметившееся в народных низах стремление к образованию крестьянско-плебейского лагеря для ведения общей борьбы за освобождение всех, страдающих от феодального гнета. Все антифеодальные требования этого «Башмака» выражены в чрезвычайно общей форме, придающей им характер программы широкой оппозиции. В плане организаторов заговора проявилось стремление добиться со стороны значительной части бюргерства поддержки восставшего простого народа и присоединения к его борьбе. Уже буржуазный историк А. Розенкранц признал, что в заговоре 1517 г. не выдвигалось никаких задач местного значения². Таким образом, в данном движении наметились силы, стремящиеся к объединенной борьбе.

Показания Михаила из Дюнкельсбюля на допросе свидетельствуют о большом распространении заговора по всем землям юго-западной Германии. Допрашиваемый назвал имена помощников главных руководителей — Иосса и Штофеля, которые вербовали в союз людей из всего большого района, на который распространялось его влияние. Многочисленные вербовщики принадлежали большей частью к ремесленникам различных профессий. Многие из них были кабатчиками. Важное значение в заговоре имели нищие, которые осуществляли связь по всему району и которые должны были в нужный момент зажигать сигнальные огни, каждый в определенном пункте. Из допроса видно, что в намеченном плане восстания городам уделялось значительное место³.

Однако о целях и характере готовившегося в 1517 г. восстания наиболее интересный материал дают показания другого обвиняемого по этому делу — Клауса Флекенштейна из Вейсенбурга. Восстание намечено было начать в районе городов Гагенау и Вейсенбурга. Там должны были собраться заговорщики

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 260.— «...die schweren louf, emporungen und seltzamen pratiken, so sich ietz allenthalben im heiligen Rich teutscher nation und in allen iren anstossenden kuniglichen und landen begeben und erzoigen, mer dann vor ie bei zitten unserer regierung beschehen ist».

² Там же, стр. 309, прим. а.

³ Там же, стр. 269—289.

и обсудить меры, необходимые для привлечения на свою сторону «простого бедного люда в городах и на селе». Когда эта цель будет достигнута, должны быть заняты города Гагенау и Вейсенбург. Заняв же эти города, они сразу низложат магистрат и суд¹.

Из этого пункта Розенкранц делает вывод, что занятие того или иного города, фигурирующее в планах всех заговоров «Башмака», нужно было заговорщикам не для обеспечения себе военного опорного пункта, а для удовлетворения нужд «пролетариата»². Однако если бы это было так, то основным своим мероприятием после занятия городов заговорщики считали бы дележ имущества богатых или какое-либо другое социальное мероприятие. Смещение же магистрата и существующих судебных учреждений — это как раз то, что составляло главный объект бюргерских движений в XVI в. План заговорщиков в 1517 г. заключался, следовательно, в том, чтобы, начав восстание силами «простых бедных людей городов и сел», привлечь на свою сторону и бюргерскую оппозицию. В этой связи интересен следующий пункт показаний Флекенштейна; «...когда указанные два города — Гагенау и Вейсенбург — будут завоеваны и подчинены их власти, они намеревались убить прежде всего членов магистратов и судебных учреждений, а затем — всех тех, которые станут оказывать им сопротивление»³. Они, таким образом, рассчитывали, что после устранения наиболее ненавистных органов власти правящей верхушки к ним перейдет основная масса бюргерства, а те, которые и тогда будут против них, будут ими перебиты. То же мы видим и из следующего пункта тех же показаний. Заговорщики намеревались истребить и изгнать всю знать и рыцарство этой местности, а тех, кто после этого будет против них и не делается их сторонником, они хотели убить во всех городах и селах⁴. Из всех приведенных пунктов показаний следует, что одних — именно «простых людей городов и сел» — заговорщики

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 308. — «...zu rathslagen, wie sie den gemeinen armen man in den stetten und uf dem lande an sich bringen und darnach Hagnow und Wissenburg uf einen tag innemen möchten. Item wan sie Hagnow und Wissenburg also erobert und ingenomen hetten, wollten sie rath und geriecht abgethon haben».

² Там же, прим. с.

³ Там же, «...wan sie die obgenanten zwo stette... erobert und zu irer gewaltsame bracht hetten, wolten sie erstlich rath und geriecht und nachwolgens alle die ihenen, so inen widerstant gethan hetten, zu tod geschlagen haben».

⁴ Там же, стр. 308. — «...darnach allen adel und die ritterschaft allenthalben in diesr lantsart zu tod schlagen, uszutilken und des lants verjagt haben. Und wer sich sunst widder sie gesetzt und inen nit anhengig gewesen were, wolten sie uf dem lant und in den stetten all zu tod geschlagen haben».

рассчитывали иметь с самого начала в своих рядах; других — феодальную знать и правящую верхушку городов — они намеревались истребить и изгнать. Остальную же часть населения городов, т. е. бюргерство, они рассчитывали присоединить к числу своих сторонников, отчасти самим устранением верхушки, являющейся их общим врагом, отчасти — угрозой приравнения их к знати и городской верхушке.

В последнем пункте показаний приводится новый пароль этого заговора, по которому его участники узнавали друг друга: «Дурака следует держать крепко зажатым в руках, и когда Клаус Фок, наш бюргер, здесь же признает, сказать при этом: это хорошо»¹. Пароль предыдущих заговоров гласил: «Мы не можем жить из-за попов и дворян». Новый пароль показывает, какое значение придавалось теперь нажиму на бюргерство со стороны объединившихся крестьян и плебеев.

Требования этого «Башмака» очень лаконичны и даны в самой общей форме, способной объединить всех противников существующего строя: «Чтобы все ренты, чинши и платежи были полностью упразднены; за исключением римского императора и церкви, никому ничего не давать; не признавать и не покоряться никакой господской власти»².

В планах и программных требованиях «Башмака» 1517 г. нашли свое выражение надежды наиболее передовой части формировавшегося тогда крестьянско-плебейского лагеря, которые не имели оснований в конкретных условиях. Ближайшее будущее, в особенности разразившаяся семь лет спустя Великая крестьянская война, показало, что крестьянская масса оказалась неспособной преодолеть ограниченность своего кругозора местными интересами, а городской плебс — неспособным сделаться объединяющей силой. Тем более не могло быть речи о том, чтобы такие социальные слои, как крестьяне и плебеи, в действительности подчинили для общей антифеодальной борьбы городское бюргерство. И все же само появление и распространение таких идей и такого плана отражало выступление на арену тех сил, которые могли сделаться фактором объединения разрозненных частей народа, если бы само бюргерство проявило нужную инициативу и обратилось к ним. События 1525 г. показали, что бюргерство, заинтересованное в государственном единстве, искало его на пути компромиссов с

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 309.— «Und ist die losung, damit ein buntschuher den andern erkennen möcht, gewesen: den dumen in der rechten hant beschlossen und zugethon halten, und als Claus Vock, unser burger, daneben bekennt hat, dabi zu sagen: das ist gut».

² Там же, стр. 308.— «Item das renten, zins und gulten tod und abe sein solten. Item das man hinfure, usgescheiden einem römischen keiser und der kirchen, nichts mer geben, auch keiner oberkeit gewertig und gehorsam sein solte».

дворянством, но оказалось политически неспособным обратиться к революционным силам народа. Однако перед реформацией и в первые годы ее, в момент наивысшего подъема бюргерского радикализма, господствующий класс Германии, изо всех сил старавшийся удержать и укрепить реакционную территориальную систему, рассматривал открывшуюся возможность объединения враждебных феодализму сил на основе революционной борьбы крестьянства и городского плебса как реальную угрозу крушения всей социальной и политической системы. Термин «Башмак» применялся в первые годы реформации в самом широком значении и часто как выражение опасности превращения борьбы народных низов в исходный пункт большого политического движения.

Характерным в этом отношении является один эпизод, относящийся к 1518 г. Габсбургская администрация горных промыслов в Тодтнау сообщила Максимилиану об угрожающем положении, создавшемся в районе промыслов. Произвольные действия лесного фогта по отношению к горнорабочим вызвали здесь волнения. Попытка императора разобраться и разрешить данный конфликт не дала результатов вследствие неадекватности лесного фогта. Тогда один из подданных в Тодтнау, по имени Конрад Оккер, начал агитацию в кабаках, призывая народ не ждать императорского разбора дела. Вообще «не следует давать себя угнетать», говорил он, так как если народ этого хочет, то он может привести швейцарцев из-за Альп. Замечание одного рудокопа о том, что ведение такой агитации чрезвычайно опасно, что во Фрейбурге и в других имперских городах за такие разговоры рубят головы, вызвало сильное возмущение Оккера и всех присутствующих при этом, которые набросились на этого рудокопа и стали его избивать. Сообщая об этом, австрийская администрация промыслов обращает внимание императора на то, что данная ситуация грозит вылиться в большое возмущение, из которого может возникнуть «Башмак»¹. Авторы обращения советуют императору принять энергичные меры и обратиться к фрейбургскому магистрату, имеющему «большой опыт» в деле ликвидации и предотвращения «Башмака». Как видим, термин «Башмак» применяется здесь к волнениям, которые не связаны непосредственно с крестьянским движением. «Башмак» означает в данном случае не тайную организацию, готовящую выступление с определенными требованиями, а широкое народное выступление против существующих властей вообще.

Настоящий же смысл, который вкладывался господствующим

¹ A. Rosenkranz. Ук. соч., стр. 309.— «...das dan zw grosser verachtung und conspiracion (daraus ain puntschuech entspringen möcht) dienen ist».

этим классом в понятие «Башмака», можно уяснить из важного политического документа, относящегося ко времени избрания Карла Габсбурга германским императором. Это тезисы Майнцского кардинала Альбрехта, представляющие собою изложение мотивов, которыми курфюрсты должны руководствоваться при избрании императора. Основная идея тезисов заключается в том, что перед князьями империи стоят задачи внешнего и внутреннего порядка, которые делают вопрос о выборах императора чрезвычайно серьезным. Внешние задачи заключаются, по мнению кардинала, в защите немецких князей от турок и других врагов, которым нужно оказывать серьезное сопротивление, и в возвращении в империю всего, что было отнято у нее врагами¹. Задача же князей в области внутренней политики заключается в необходимости охраны существующего порядка и обеспечении неизбежности всех привилегий и доходов феодальной иерархии. Если не будет сильной имперской власти, то «города и другие сословия перейдут к швейцарцам и каждый будет добиваться мира для своего благополучия, где сможет»². Необходимо иметь государя, говорится дальше, который внушает страх, который способен установить мир в империи и охранять его, чтобы удерживать церковь и империю при своих обычаях, господских привилегиях и правах и оказать сопротивление неверующим — и врагам³. Забота об охране привилегий и существующих прав каждого — это забота о сохранении территориальной системы. Эта забота должна, по мнению автора тезисов, выражаться не только в охране империи от неверующих извне, но и в предотвращении революционного движения. Для выполнения обеих задач кардинал Альбрехт считает необходимым, чтобы император был способен обеспечить охрану империи из собственных средств и собственными силами. Ни один немецкий князь, говорится в первых тезисах, не в состоянии осуществлять эти задачи собственными средствами и обеспечить в империи мир и послушание. И дальше: установить имперский налог на простого человека было бы весьма странным;

¹ Deutsche Reichstagsakten, jüngere Reihe, 1-ter Band, Gotha, 1893, S. 843—844. — «Item alsdan wurde der Türk und alle so an Teutsche land und die cristenheit stossen, sonder allen widerstand inbrechen und nach irem selbs willen handeln... Item der dazjenige, so von dem reich von den feinden abgezogen, widerumb darzu brengen moge».

² Там же. — «Item derhalben wurd nimer frid im reich sein. Item es wurden die stet und ander stend zu den Switzern slaen, und iglicher seins besten understeen wo er mag, frid suchen, und anders mer...»

³ Там же. — «Darumb ist von noten, daz man ein hern haben moge, der geforcht. — Item das er frid und recht ufricht und halt. — Item daz er des vermogens sei, solchs zu erhalten und hanthaben. — Item der die kirch und das reich bei irem herkomen, herlichkeiten und gerechtigkeiten hanthabe. — Item der den veinden und ungleubigen widestand tun moge».

это и невозможно, так как «некоторые князья едва обладают средствами для удовлетворения собственных нужд»¹. Смысл этих слов, напоминающих известные нам аргументы времени вормского рейхстага 1495 г., заключается в том, что все возможное следует брать с простого человека самим князьям, и это не должно являться источником для нужд империи. В следующем пункте содержится намек на необходимость привлечения средств «чужих наций»². Император должен вернуть империи все, что было отнято у нее врагами. Это также соответствует пункту, обсуждавшемуся в 1495 г., о необходимости возложить бремя имперских расходов на чужие народы с тем, чтобы все внутренние ресурсы оставались у князей. Однако основой имперских сил и средств должны быть силы и средства самого императора, «чтобы не допускать и не создавать необходимости для дополнительного обложения и отягощения бедного простого человека, так как из этого не проистекало бы ничего хорошего, а только Башмак»³. Если нельзя найти такого сильного человека среди курфюрстов и князей, то необходимо, чтобы император был немцем по своему происхождению и обычаям, во-первых, для утверждения «чести нашей нации» и, во-вторых, чтобы «этим удовлетворить простого человека, которого в настоящее время легко склонить к возмущениям и злым восстаниям»⁴.

Таким образом, в 1518 г. «Башмак» понимался вообще как возмущение простого человека, который может подорвать весь существующий социальный и политический порядок. Кроме того, весьма характерно для начала эпохи реформации утверждение автора тезисов о необходимости считаться с революционными настроениями «простого человека», готового отстоять «честь нации».

---

¹ Deutsche Reichstagsakten, S. 843—844.— «Item kein furst hat das vermogen, daz reich fur sich selbs oder von dem seinen zu erhalten.— Item... kont kein gehorsam, frid oder recht im reich erhalten — Item solt man ein tribut uf den gemeinen mann setzen, wurd man wunder horen; dann es ist nit muglich, wurde auch nit gescheen, wann etlich fursten selbs kaum so vil haben, das sie sich erhalten können».

² Там же.— «Item von der frembden nacion hilf etc.».

³ Там же.— «Item daz er sich selb eins solchen vermogens sei, damit der arm gemein man sonder merklich ursach und not nit mit auf setzen und schatzungen uberlagen und beswert werde, dann daraus wurde nichts guts folgen, allein ein buntschuch».

⁴ Там же стр. 843—844.— «Item vor allen dingen must je der konig, so man keinen Teutschen kurfursten oder fursten haben kan, von seinem stam und herkomen ein Teuscher sein, damit die ere von unser nacion nit entwendt, auch der gemein man derhalben gesetigt wurde, der dann itzonder zu entporungen und bosen ufruren leichtlich zu bewegen ist...»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предыдущее изложение представляет собою попытку разобраться в основных моментах политической истории Германии XV в., образующих политическую предисторию общественного подъема XVI в., великой социальной борьбы эпохи реформации. Изучение этих процессов истории XV в. необходимо для понимания политического значения самих событий эпохи реформации. В заключительной части своей книги «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельс указал на историческую связь этих событий с политической судьбой Германии в новое время, с проблемой ее государственного объединения¹. Подавление народных сил привело к обострению и усилению раздробленности Германии. Однако само их выступление на историческую арену в момент, когда решалась историческая судьба народа, было выступлением тех сил, борьба которых за свое освобождение была вместе с тем борьбой против главных носителей государственной раздробленности Германии, против территориальных князей, выполнявших тогда основную задачу всего класса феодалов Германии — обеспечение усилившегося сеньериального наступления против крестьянства и сеньериального и княжеского наступления против городов. Тем самым указан был в тех условиях Германии путь, который мог бы при наличии необходимого тогда руководства со стороны зарождавшегося класса буржуазии повести к успеху борьбы против княжеского мелкодержавия. Изучение тех исторических фактов предреформационной эпохи, которые помогают выяснить политическое значение социальной борьбы самой эпохи реформации, представляется весьма актуальным в настоящее время, когда прогрессивные патриотические силы Германии ведут борьбу за государственное единство своей страны, против англо-американского империализма и его реакционных ставленников. В своей

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 196.

речи на Третьем съезде СЕПГ Вильгельм Пик призывал партию принять все меры «к тому, чтобы изучать, ценить и показывать народу большие традиции освободительного движения, которыми так богата история Германии». «Музеи в Германской демократической республике,— говорил Вильгельм Пик,— до сих пор часто посвящены князьям и дворянам, игравшим в истории Германии лишь незначительную роль. Напротив, история Великой крестьянской войны 1525 г., произведения борцов за единство Германии в период феодальной раздробленности... остаются сейчас мало известными нашей молодежи, нашему народу»¹.

В главе V данной работы дается анализ того «имперского преобразования», которое верхушка господствующего класса Германии, в постоянной грызне между ее различными кликами, пыталась осуществить в XV и в начале XVI в. и в котором реакционная немецкая буржуазная историография, как это показано в главе I работы, видела исходное начало германской государственности в новое время. Источники показывают, что в попытках господствующего класса произвести имперскую реформу речь шла прежде всего об укреплении территориальной системы, т. е. системы государственной раздробленности, об охране классовых интересов немецких феодалов на основе этой системы. Политика «княжеской партии» заключалась в том, чтобы охрана классовых интересов всех феодалов и всего феодального строя поручалась крупным князьям и локальным территориальным объединениям типа Швабского союза, концентрирующим военные и финансовые силы большого района в руках господствующей в данном районе княжеской клики. История подготовки и принятия имперской реформы на Вормском рейхстаге 1495 г. показывает, что вся эта реформа и предусмотренные в ней имперские институты должны были базироваться на реальной силе Швабского союза в юго-западной Германии и на организациях такого же типа, которые, по мысли вдохновителей реформы 1495 г., возникнут в других районах страны. Именно такие организации концентрированной в руках князей реальной силы, а не мифический «имперский пфениг» должны были сделаться ее основой. Мы уже видели, что само взимание имперского пфенига стремились сделать реальным в юго-западной Германии через организацию Швабского союза, обеспечившую подчиненное положение городов князьям. Если в области внутренней политики авторы имперской реформы 1495 г. стремились сделать Швабский союз

---

¹ Отчетный доклад Вильгельма Пика на Третьем партийном съезде о работе Центрального правления СЕПГ. «Большевик», № 14, 1950, стр. 85.

основным и образцовым звеном всего имперского устройства, то вместе с тем они стремились также начать ряд координированных действий всей княжеской Германии против соседних народов с тем, чтобы, как откровенно заявлялось, и «чужие языки» привлечены были к несению бремени имперских расходов, другими словами, чтобы подчинить соседние народы и земли и сделать их источником военных и финансовых сил для княжеской империи. Внешнеполитическая цель олигархии территориальных князей, тесно связанная с ее внутренней политикой, заключалась в том, чтобы империя, построенная на локальных организациях типа Швабского союза и окруженная подчиненными ей соседними народами, являющимися для нее источником военных сил и финансовых средств, не только обеспечила возможность безраздельной и бесконтрольной эксплуатации феодалами и князьями низших классов, но и представляла собою оплот, противостоящий, как об этом откровенно заявил руководитель княжеской группировки в Швабском союзе Бертольд Майнцский, процессу образования и развития по соседству с Германией национальных государств. Несомненно, что эта организация должна была, по мысли ее главарей, устранить возможность контакта нараставшей в Германии волны крестьянского движения против сеньериального наступления и усилившихся оппозиционных настроений в городах с элементами антифеодального и освободительного движения в других странах, прежде всего в Швейцарии и Чехии.

В имперском проекте господствующего класса не было речи ни о каком внутреннем единстве страны, ни о какой поддержке прогрессивных элементов, которые в других странах, по словам Энгельса, «находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка...»¹. Вместе с тем мы видим, что уже тогда с планом реакционнейшего решения государственной проблемы Германии были связаны агрессивные намерения по отношению к другим народам.

Однако в то время, когда княжеская верхушка Германии составляла планы закрепления государственной раздробленности, сделав реакционную территориальную систему гарантом всего феодального строя, народное движение, особенно антифеодальное движение крестьянства, вылилось в условиях Германии в борьбу прежде всего против княжеской власти, получив здесь особое политическое значение. Уже с самого начала XV в. можно наблюдать, что крестьянские выступления против феодалов принимают характер образования в значительном районе крестьянских союзов, направленных фактически против князей. Таковы рассмотренные нами союз крестьян Альгау

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 443.

(1402 г.) и союз «заозерных» крестьян в районе Боденского озера (1406 г.). Мы видели уже в главе IV данной работы, какую большую тревогу вызвали эти крестьянские союзы в кругах господ не только в местах, непосредственно затронутых движением. Особенно же обнаружилось исключительное значение крестьянских движений с 30-х и 40-х годов XV в., когда окрепло оппозиционное движение в немецких городах и в то же время революционные события в Чехии и их отклики в Германии показали, что антифеодальная борьба крестьян может сделаться основой народного движения, направленного против всего политического порядка. Важным симптомом осознания этой тенденции в политической жизни сделалась та популярность, которую получил в различных радикальных и революционных кругах появившийся в конце 30-х годов XV в. известный памфлет — «Реформация императора Сигизмунда».

В самом крестьянском движении обнаружались новые черты его, свидетельствующие о широком значении, которое оно получило в жизни народа, и о его влиянии на другие слои общества в силу того, что оно по своему существу направлялось против княжеской власти. О характере крестьянских движений в Германии с 30-х—40-х годов XV в. говорит появление символа «Башмака», сделавшегося знаменем революционного немецкого крестьянства вплоть до Великой крестьянской войны. Впервые знамя «Башмака» было развернуто в 1439 г., когда крестьяне района Страсбурга поднялись на борьбу против банд арманьяков, вызванных из Франции немецкими князьями и рыцарями для расправы не только с крестьянами, но и с горожанами этого района. Арманьяки были изгнаны крестьянами, за которыми пошли и плебейские элементы городов. Знамя «Башмака» было тогда поднято крестьянами как символ, вокруг которого должны собираться все противники чужеземных грабителей, вызванных в страну князьями и феодалами. Еще ярче общенародное значение борьбы крестьян под знаменем «Башмака» проявилось на втором этапе нашествия арманьяков — в 1443—1445 гг., когда последние в количестве 50 тыс. человек прибыли в Эльзас, Зундгау и Шварцвальд по призыву Фридриха III и немецкой знати юго-западной Германии для подчинения швейцарцев Габсбургскому дому и подавления крестьянского движения в соседних со Швейцарией немецких землях. Крестьяне были тогда главной силой в общенародном движении, приведшем к изгнанию чужеземцев и стимулировавшем общий подъем политической оппозиции против князей главным образом в городах. Яркий антикняжеский и антигабсбургский характер приняло антифеодальное восстание крестьян Гегау в 1460 г., которое также проходило под знаменем «Башмака». Этим восстанием сорвана была попытка Габсбургов разгро-

мать с помощью геггауской знати швейцарцев в Тургау и покорить город Шафгаузен с тем, чтобы упрочить положение князей и феодалов во всей юго-западной Германии. Таким образом, с самого своего появления знамя «Башмака» показало значение крестьянского антифеодального движения в деле борьбы против власти князей, т. е. против носителей государственной раздробленности.

В крестьянских тайных обществах, охвативших большой район юго-западной Германии в конце XV и начале XVI в. и известных как заговоры «Башмака» 1493, 1502, 1513 и 1517 гг., знамя «Башмака», до поднятия которого дело не дошло ни в одном из этих заговоров, предназначалось для того, чтобы, будучи развернутым после первых успехов группы заговорщиков, оно собрало для дальнейшей борьбы самые широкие массы не только деревень, но и городов. Крестьянское движение конца XV и начала XVI в., будучи в корне антифеодальным, направленным против начавшегося процесса сеньериальной реакции, призывало вместе с тем к общенародной борьбе против князей. Требования крестьян в то время отнюдь не были узкими. «Башмак» 1493 г. привлек к себе внимание весьма широкой политической оппозиции не только горожан, но и части андлауского рыцарства. В программах же «Башмака» XVI в. мы находим уже такие требования, как конфискация монастырских и церковных земель в пользу народа и устранение всех властей, кроме императора. «Мы здесь впервые встречаем у крестьян,— писал Энгельс,— требование секуляризации церковных имений в пользу народа и требование единой и неделимой германской империи»¹. Продолжением этих политических требований крестьян, выступивших под знаменем «Башмака», Энгельс считает требование Мюнцером единой и неделимой республики.

История «Башмака» от его появления в 1439 г. до Великой крестьянской войны показывает тесную связь, которая уже тогда существовала в Германии между антифеодальной борьбой крестьян и борьбой против реакционных носителей политической раздробленности страны. Те же обстоятельства, которые привели к поражению в XVI в. восставших крестьян — экономическая разобщенность отдельных частей Германии и обусловленное этим обстоятельством своеобразие классовой структуры Германии, особенно природы ее бюргерства,— сделали невозможным в то время п о б е д у движения за государственное единство. Однако в момент подъема борьбы крестьянских масс против начавшегося процесса феодальной реакции, политической опорой которой была княжеская власть, стремившаяся

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 148.

провести имперскую реформу в интересах этой реакции,— вопрос о революционном устранении всей территориально-княжеской системы не мог не быть поднятым самым ходом антифеодальной борьбы, развитию которой препятствовала существовавшая политическая система. О том, что эта особенность движения вовлекла широкие оппозиционные слои в городах, заинтересованные в государственном единстве, говорят не только известные памфлеты: «Реформация императора Сигизмунда», «Реформация императора Фридриха III» и другие документы, но и та же длительная история крестьянских выступлений и заговоров под знаменем «Башмака».

Из данной работы видно, какое большое значение в планах немецких князей занимала Швейцария. Вопрос о восстановлении власти Габсбургов над швейцарскими землями трактовался в XV в. не только как вопрос габсбургской политики.

Покорение Швейцарии рассматривалось в XV в. как мера, необходимая для упорочения во всей юго-западной Германии власти князей, усиления подчиненного положения городов и подавления крестьянского движения. Это можно проследить уже на первом этапе арманьякской войны 40-х годов XV в. После бургундской войны 70-х годов значение Швейцарии в планах господствующего класса Германии возросло: на Швейцарию теперь смотрели как на источник большой военной силы, который может сыграть решающую роль в отношениях немецких князей с соседними странами и в судьбе территориальной системы в Германии. Мы уже видели, какое значение придавалось Швейцарии на вормском рейхстаге 1495 г.

Немецкое крестьянское движение, как это видно из материалов данной работы, в течение XV в. препятствовало Габсбургам и другим немецким князьям вновь покорить Швейцарию и подавить в соседних со Швейцарией землях дух сопротивления феодальной агрессии. Несмотря на то, что руководящие круги швейцарских кантонов и городов часто предавали своих крестьянских союзников в германских землях, как это особенно отчетливо видно из истории австро-швейцарской войны и восстания «Башмака» в Гегау в 1460 г., нельзя не заметить, что революционное движение крестьян юго-западной Германии сыграло немалую роль в спасении швейцарской независимости в течение всего XV в. и в особенности в решающей Швейцарской войне 1499 г. (см. главы IV и VI данной работы). Эта война начата была Швабским союзом в исполнение решений вормского рейхстага. Она должна была сделаться началом преобразования империи на основе княжеского проекта стабилизации территориальной системы.

Расстраивая реакционные имперские планы немецких князей и вступив вместе с тем на революционный путь, антифео-

дальная и антикняжеская борьба немецких крестьянских масс сыграла важнейшую роль в подготовке бурного общенародного политического подъема XVI в. В немецком бюргерстве тогда еще были радикальные элементы, не потерявшие связи с народом и стремившиеся порвать с реакционной системой княжеского мелкодержавия и раздробленности. Однако последовавшие в XVI в. события времени реформации и Великой крестьянской войны показали политическую слабость немецкого бюргерства, которое не сумело возглавить силы народа для последовательной борьбы с реакцией и предало народные интересы.

Ф. Энгельс, обративший внимание на эти особенности немецкого бюргерства, проявившиеся и в тактике германской буржуазии во время революции 1848 г., указал в 50-х годах XIX в. на политические задачи немецкого рабочего движения, становившегося решающей силой национального развития народа. Во введении к данной работе уже подчеркнуто было значение этого указания Энгельса для понимания истории Германии нового времени.

Эти уроки истории немецкого народа приобретают особое значение в настоящее время, когда, как указал И. В. Сталин в своей исторической речи на XIX съезде партии, буржуазия во всех капиталистических странах «стала другой, изменилась серьёзным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя»¹.

Обращаясь к представителям коммунистических и демократических партий капиталистических стран, И. В. Сталин говорил:

«Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять»².

---

¹ И. В. Сталин. Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат, 1952, стр. 11.

² Там же, стр. 12—13.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., т. IV.
Маркс К. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2.
Маркс К. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. VII.
Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII.
Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV.
Энгельс Ф. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1.
Энгельс Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2.
Энгельс Ф. Письмо Зорге. Лондон, 31 декабря 1884 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII.
Энгельс Ф. Письмо Каутскому. Лондон, 21 мая 1895 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX.
Энгельс Ф. [О реформации и Крестьянской войне в Германии] (набросок). «Архив Маркса и Энгельса», т. X.
Энгельс Ф. Заметки о Германии. «Архив Маркса и Энгельса», т. X.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. Соч., т. 13.
Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земле делии. Вып. 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки. Соч., т. 22.
Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Соч., т. 29.
Сталин И. В. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе. Соч., т. 5.
Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11.
Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. Соч., т. 13.

- Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме. «Вопросы ленинизма», 11-е изд.
- Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952.
- Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.
- Сталин И., В. Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г. Госполитиздат, 1952.

*Важнейшие использованные публикации
источников*

- Baumann F. L. Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben. Tübingen, 1877.
- Die Correspondenz des schwäbischen Bundeshauptmanns Ulrich Artzt (W. Vogt. Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg. Augsburg. 1879, 1880, 1882).
- Schreiber H. Der deutsche Bauernkrieg. Gleichzeitige. Urkunden. Freiburg i. Breisgau, 1839—1840.
- Grimm J. Weistümer. B. I—VI. Göttingen, 1840—1863 (тт. V—VI изданы Шпедером в 1868—1878 гг.).
- Rosenkranz A. Der Bundschuh. B. II — Quellen. Heidelberg, 1927. Mitteilungen der badischen historischen Kommission. a) N 14. Karlsruhe, 1892; b) N 15. Karlsruhe, 1893.
- Palacký F. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges. B. II. Prag, 1873.
- Nicolai de Cusa cardinalis, utriusque Juris Doctoris. De Concordantia Catholica. Opera. Basileae, 1565, т. II, 4.
- Wormser chronik von Friedrich Zorn. Stuttgart, 1857.
- Deutsche Reichstagsakten (ältere Reihe). B. X, XI, XII. Gotha.
- Deutsche Reichstagsakten (jüngere Reihe). B. I. Gotha.
- Die Reformation des Kaisers Sigmunds, hrg. v. H. Werner. 1908.
- Monumenta Boica, v. 34. Monachii, 1844.
- Von dem so genannten Armen Gecken Kriege. (Die Älteste Teutsche so wol Allgemeine als insoderheit Elsassische und Strassburgische Chronicke von Jacob von Königshoven... in Truck gegeben von D. Johann Schiltern. Die XVII Anmerckung). Strassburg, 1698.
- Bellvm Armeniacvm, der so geante Armengecken Krieg de anno 1439 et 44 (in Truck gegeben von D. Johann Schiltern). Strassburg, 1698.
- Speierische Chronik. F. J. Mone. Quellensammlung der badischen Landesgeschichte. B. I. 1845.
- Fortsetzungen des Königshoven. F. J. Mone. Quellensammlung der badischen Landesgeschichte. B. III. 1863.
- Urkunden und Regesten über die ehemalige Hochstiftbaselsche Landvogtei Schliengen (hrsg. v. Bader. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. B. XVI. Karlsruhe, 1864).
- Kern Theodor Der Bauernaufstand in Hegau 1460.— Urkunde (Zeitschrift der Gesellschaft für Beförderung der Geschichtsaltertums- und Volkskunde, B. I, 1869, Freiburg i. Breisgun).
- Datt J. P. Volumen rerum Germanicarum novum sive — De Pace imperii publica. Ulmae, 1698.
- Klüpfel K. Urkunden zur Geschichte des Schwäbischen Bundes. Stuttgart, 1846.
- Müller J. J. Reichstags-Theatrum unter Kaiser Maximilian I. Jena, 1722.
- Реформация императора Фридриха III. (Пер. В. В. Бауэра. Лекции по новой истории, т. I. Приложение).

Urkundenauszüge zur Geschichte des Schwabenkrieges. Mitgeteilt von Heinrich Witte. (Mitteilungen der Badischen historischen Kommission, N 21, Karlsruhe, 1899).

Regesten und Akten zur Geschichte des Schwabenkrieges hrg. von K. Horner. (Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde, B. III. Basel, 1904).

Использованная литература

- Aubin G. Zur Geschichte des gutsherrlich bäuerlichen Verhältnisses in Ostpreussen. Leipzig, 1910.
- Бауер В. В. Лекции по новой истории, т. I, СПб., 1886.
- Baumann F. L. Der Algau, seine Grafen und freie Bauern. Zeitschrift des historischen Vereins für Schwaben u. Neuburg, 1875.
- Barthold F. W. Der Armegeckenkrieg im Jahre 1444 bis 1445. Historisches Taschenbuch, hrg. v. F. v. Raumer. Neue Folge III. Leipzig, 1842.
- Below G. v. Die Ursachen der Reformation. München u. Berlin, 1917.
- Below G. v. Der deutsche Staat des Mittelalters. Leipzig, 1914.
- Below G. v. Probleme der Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1926.
- Below G. v. Territorium und Stadt. München u. Leipzig, 1900.
- Bezold F. v. Der rheinische Bauernstand vom Jahr 1431. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. B. 27, Karlsruhe, 1875.
- Bock E. Der Schwäbische Bund und seine Verfassung. Breslau, 1927.
- Bock E. Monarchie, Einung und Territorium in späten Mittelalter. Historische Vierteljahrschrift, Dresden, 1929. B. 24 (32), Heft 4.
- Bosch M. Die Wirtschaftlichen Bedingungen der Befreiung des Bauernstandes im Herzogtum Kleve und in der Grafschaft Mark im Rahmen der Agrargeschichte Westdeutschlands. Stuttgart, 1920.
- Dierauer J. Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft. B. II, Gotha 1920.
- Elben A. Vorderösterreich und seine Schutzgebiete im Jahre 1524. Stuttgart, 1889.
- Fuchs C. J. Der Untergang des Bauernstandes und des Aufkommen der Gutsherrschaften nach archivalischen Quellen aus Neu-Vorpommern und Rügen. Strassburg, 1888.
- Gierke O. Das Deutsche Genossenschaftsrecht. B. I, Berlin, 1868.
- Goltz T. v. d. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. B. I, Stuttgart—Berlin, 1902.
- Gothein E. Politische und religiöse Volksbewegungen vor der Reformation. Breslau, 1878.
- Gothein E. Die Hofverfassung auf dem Schwarzwald. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1886.
- Gothein E. Die Lage des Bauernstandes am Ende des Mittelalters. Westdeutsche Zeitschrift, 1886.
- Hartung F. Bertold von Hennenberg, Kurfürst von Mainz, Historische Zeitschrift, B. 103, 1909.
- Hartung F. Die Reichsreform von 1485 bis 1495, ihr Verlauf und ihr Wesen. Historische Vierteljahrschrift. B. XVI, 1913.
- Inama-Sternegg K. Th. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. Leipzig, 1901.
- Janssen J. Geschichte des deutschen Volks seit dem Ausgang des Mittelalters. B. I, Freiburg, 1878.
- Kalkoff P. Der Grosse Wormser Reichstag von 1521. Darmstadt, 1921.
- Kern T. v. Der Bauernaufstand in Hegau 1460. Zeitschrift der Gesellschaft für Beförderung der Geschichtsaltertums- und Volkskunde. B. I. Freiburg i. Breisgau, 1869.
- Knapp T. Gesammelte Beiträge zur Rechts- und Wirtschaftsgeschichte vornehmlich des deutschen Bauernstandes. Tübingen, 1902.

- K n a p p T. Neue Beiträge zur Rechts- und Wirtschaftsgeschichte des
Württembergischen Bauernstandes. Tübingen, 1919.
- K ü h n I. Das Bauergut der alten Grundherrschaft. Leipzig, 1912.
- L a m p r e c h t K. Deutsche Geschichte. B. V, Freiburg i. Breisgau,
1904.
- L a m p r e c h t K. Deutsche Wirtschaftsleben im Mittelalter. B. II,
Leipzig, 1885.
- L a m p r e c h t K. Das Schicksal des deutschen Bauernstandes bis zu
den agrarischen Unruhen des 15-ten und 16-ten Jahrhunderts.
Preussische Jahrbücher. B. LVI, 1885.
- L a n g e t h a l C. E. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. 3 Buch.
Jena, 1854.
- M a u r e r G. L. Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe, der Hofver-
fassung in Deutschland. B. III. T. I. Leipzig, 1901; B. IV, Erlangen,
1863.
- M o l i t o r E. Die Reichsreformbestrebungen des 15 Jahrhunderts bis
zum Tode Kaiser Friedrichs III. Breslau, 1921.
- M u l l e r J. Der Geschichten Schweizerischen Eidgenossenschaft. Th. 3,
4, 5. Leipzig, 1825—1826.
- N a u d é W. Die Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten vom 13
bis zum 18. Jahrhundert. Acta Borussica. B. I, Berlin, 1896.
- П и к Вильгельм. Отчетный доклад на Третьем партийном съезде о ра-
боте центрального правления СЕПГ. «Большевик», 1950, № 14.
- P r u t z H. Staatengeschichte des Abendlands im Mittelalter. B. II. Berlin,
1887 (Allgem. Gesch. in Einzeldarstellung hrg. v. W. Oncken. 6-ter
Teil).
- R a n k e L. v. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. B. I,
Leipzig, 1873.
- R o s e n k r a n z A. Der Bundschuh. B. I (Darstellung). Heidelberg,
1927.
- С м и р и н М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая
крестьянская война. М., 1947.
- S t a e l i n C. F. v. Württembergische Geschichte. T. 3, Stuttgart, 1856.
- V o g t W. Vorgeschichte des Bauernkriegs. Halle, 1887.
- W a g n e r F. Der Schwäbische Bund und die fränkischen Hohenzollern,
Forschungen zur deutschen Geschichte, B. 22, Göttingen, 1882.
- W i t t i c h W. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. Leipzig.
1896.
- W i t t i c h W. Epochen der Deutschen Agrargeschichte. Grundriss der
Sozialökonomik. Separatabdruck aus Abteilung VII. Tübingen, 1914.
-

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Маркс Карл 4, 5, 8, 13, 43, 82, 92—94, 104, 165, 230, 246, 274, 291
- Энгельс Фридрих 3—10, 13, 15, 21, 37, 43, 46, 49, 50, 54, 82, 171, 229, 235, 246, 251, 274, 296, 305, 326, 333, 339, 345, 366, 368, 372, 373, 377—379, 388, 399, 401, 403, 405
- Ленин Владимир Ильич 14, 32, 45, 83—85, 87—89
- Сталин Иосиф Виссарионович 5, 9, 45, 64, 83, 234, 388, 405
- Альбрехт, австрийский герцог 189, 203, 220
- Альбрехт, маркграф бранденбургский см. Гогенцоллерны
- Аубин (Aubin) Густав, буржуазный историк XIX в. 47
- Бадер, буржуазный историк и археограф XIX в. 180—182
- Барфенинг Рудольф (Рюле), страсбургский бюргер, участник борьбы против арманьяков 177, 178, 223
- Бартольд Фридрих Вильгельм, буржуазный историк середины XIX в. 176, 177, 186, 191—193, 195—197, 202, 203, 207, 208, 216, 217, 219, 225, 226
- Бауер Василий Васильевич (1833—1884), русский буржуазный историк 280, 281, 299—302
- Бауман Франц Людвиг, буржуазный историк и археограф XIX в. 52, 61, 94, 95
- Белов (Below) Георг фон, буржуазный историк конца XIX—начала XX в. 32—34, 39, 42, 51, 75
- Бем (Böhm) Вилли, буржуазный историк XIX в. 121—123, 165
- Бернгарди Вильгельм, буржуазный историк XIX в. 121, 122
- Бертольд Майнпский (1442—1504), архиепископ и курфюрст 16, 17, 26, 27, 30, 31, 35—37, 44, 235—240, 244, 256—258, 262—266, 277, 283, 286, 288—290, 295, 299, 311, 367, 401
- Бесерер Вильгельм из Ульма, один из руководителей Швабского союза 243, 247, 248, 250, 252, 276, 295, 324
- Бецольд (Bezold) Фридрих фон, буржуазный историк конца XIX—начала XX в. 111, 119, 121, 122, 174, 224
- Бисмарк Отто фон Шенгаузен, князь (1815—1898), имперский канцлер и министр-президент Пруссии в 1871—1890 гг. 26, 37, 41
- Блюменек Бальтазар фон, немецкий феодал 368, 369
- Болман Яков фон, полководец Максимилиана I 312
- Бокк (Bock) Эрнст, буржуазный историк-юрист XX в. 39—42

- Бош Маргарета, буржуазный историк XX в. 48, 49, 75, 82
- Бренц Георг, секретарь шпейерского епископа 351, 352, 361, 362
- Брунетти Петер, нотариус Базельского собора 108
- Брюн Конрад, участник заговора «Башмака» 78
- Бурггард Мэнх из Ландскрона, немецкий рыцарь 182, 191—197, 225
- Вагнер Ф., буржуазный историк XIX в. 237, 238, 243, 254
- Вальдман Ганс (1435—1489), политический деятель Швейцарии 305, 306
- Варибюль, бюргер г. Сен-Галлена 309, 311—313
- Васко-да-Гама (1469—1524), португальский мореплаватель 4
- Вейнман Маттерн, один из руководителей заговора «Башмака» 380, 381
- Верденберг (Варденберг) Хуг фон, граф, один из руководителей Швабского союза 226, 247—249, 255, 264, 312
- Вернер Генрих, буржуазный историк конца XIX—начала XX в. 122, 123, 125, 143, 146, 161, 162, 164
- Виллингер, советник Максимилиана I 382, 384
- Вильгельм Баденский, маркграф 186, 191
- Витте Генрих, немецкий буржуазный историк и археограф XIX в. 320, 321, 325
- Виттельсбахи Альбрехт и Вильгельм, баварские герцоги 241, 250, 254, 255, 314
- Виттих (Wittich) Вернер (1867—1925), буржуазный историк 47, 48
- Вольфганг, баварский герцог 250
- Габсбурги, австрийские князья и императоры Германии 14—20, 27—30, 35, 39, 40, 170, 175, 180—181, 185, 186, 193, 229, 231, 236—242, 247, 254—258, 261, 276, 281, 284, 290, 304, 309, 310, 314, 315, 317, 320—322, 325, 351, 367, 402—404
- Гагенмюллер, буржуазный историк XIX в. 247
- Ганслер (или Ганзер) Яков, один из вождей заговора «Башмака» 341, 342
- Гартунг (Hartung) Фриц, буржуазный историк конца XIX—начала XX в. 30—32, 34, 35, 39
- Гейльман Ганс, бюргер г. Шлетштадта 307, 308
- Генгенбах Памфил (Gengenbach Pamphilus), хронист XVI в. 373—375
- Георги Виттельсбах, баварский герцог 238, 240, 247, 250
- Гирке (Gierke) Отто фон (1841—1921), буржуазный историк-юрист 20—25, 39, 41—43
- Гогенцоллерны, маркграфы бранденбургские 203, 204, 237—241, 255, 273
- Гольц (Goltz) Теодор фон дер (1836—1905), буржуазный историк сельского хозяйства 51
- Готэйн (Gothein) Эбергард (1853—1923), буржуазный историк 25—28, 43, 51, 59, 72, 94, 97
- Гримм Вильгельм (1786—1859), немецкий филолог 146, 155, 156, 334, 335, 338
- Гримм Яков (1785—1863), немецкий филолог, издатель «Weistümer» 54, 146, 155, 156, 334, 335, 337, 338
- Гугель-Бастиян (Gugel-Bastian, ум. в 1514), руководитель крестьянского восстания в Бадене 390—392
- Гузер Яков, участник заговора «Башмака» 372, 373, 378
- Гумель Ганс, участник заговора «Башмака» 379, 380
- Гуттен (Hutten) Ульрих фон (1488—1523), политический деятель низшего рыцарства в Германии, гуманист и поэт 37
- Датт Иоганн Филипп, немецкий археограф XVII в. 235, 239, 240, 268, 286
- Дирауэр (Diebauer) Иоганнес (1842—1920), буржуазный историк 304—306, 309, 310, 312, 314, 315, 320, 324

Дройзен (Droysen) Иоганн Густав (1808—1884), буржуазный историк 33

Евгений IV, папа (1431—1447) 176

Зиккинген (Sickingen) Франц фон (1481—1523), немецкий рыцарь 38

Зорге Фридрих Альберт (1828—1906), немецкий революционер, деятель I Интернационала 10

Иероним, хлебопек-подмастерье, участник заговора «Башмака» 378

Инама-Штернегг (Inama-Sternegg) Карл Теодор фон (1843—1908), буржуазный историк-экономист 56, 59, 60, 76

Ионокус, аббат монастыря св. Петра в Шварцвальде 68

Иосс (Joss) Фриц (ум. ок. 1517), виднейший руководитель заговоров «Башмака» 1502, 1513 и 1517 гг. 91, 352, 368—370, 372, 376—379, 382, 385, 386, 393

Казер Курт, буржуазный историк конца XIX — начала XX в. 382, 387, 388, 390

Кальков (Kalkoff) Пауль (1858—1928), буржуазный историк 37—39

Карл V Габсбург, германский император (1519—1556) 19, 38, 39, 396

Карл VII, французский король (1422—1461) 175, 186, 188, 189, 191, 192, 203, 204, 206

Карл VIII, французский король (1483—1498) 256, 267, 310

Карышев Николай Александрович (1855—1904), русский экономист 83

Келлер Людвиг (1849—1915) буржуазный историк 121, 122

Кене Карл, буржуазный историк 122, 161, 162

Кенигсгофен Яков Твингер (Königshofen, Jakob Twinger 1346—1420), автор страсбургской хроники 175, 176, 179, 188, 195, 198, 209, 212, 218—220

Керн Теодор фон (1836—1873), буржуазный историк 166, 226, 231

Кистлер Петр, бюргер г. Берна, знаменосец цеха мясников 304
Клюпфель (Klumpf) Карл (1810—1894), немецкий буржуазный историк и археограф 236, 239, 260, 263

Кнапп (Кнарр) Теодор, буржуазный историк-экономист конца XIX — начала XX в. 60, 63, 68, 78, 88, 91, 93, 94, 97, 98, 100

Коммерси де, один из командиров армянских банд 199, 200, 221

Константин I, римский император (306—337) 133, 141, 142

Кюн (Kühn) Иоганнес, буржуазный историк конца XIX — начала XX в. 64, 65, 74

Лампрехт (Lamprecht), Карл (1856—1915) буржуазный историк 25, 28—30, 43, 54, 94
Лангеталь (Langenthal) Христиан Эдуард (1806—1878), буржуазный ученый (ботаник и историк сельского хозяйства) 64

Ландек Давид фон, андлауский рыцарь 342, 343

Лупфены, штюлингенские ландграфы 52, 169, 225, 226, 324, 325

Людвиг V, курфюрст Пфальцкий (1508—1544) 111, 116, 118, 180, 202—207, 220

Людовик, дофин см. Людовик XI.
Людовик XI, французский король (1461—1483) 3, 175, 180, 189, 191, 192

Людовик XII, французский король (1498—1515) 313, 314

Лютер Мартин (1483—1546), деятель реформации, основатель немецкого протестантизма 18—20, 37, 92, 126, 127

Максимилиан I Габсбург, германский император (1493—1519) 15—17, 19, 27, 30, 31, 35, 39, 44, 236, 240, 242, 253—258, 261—266, 268, 276, 277, 285, 287, 296, 299, 306, 310—314, 318, 319, 324, 325, 327,

- 328, 359, 363, 365—368, 374, 382, 396
- Маурер (Maurer) Георг Людвиг (1790—1872), немецкий буржуазный историк-юрист 24, 42, 76
- Мейер Килиан, участник заговора «Башмака» 68, 368—373, 381
- Мерсвин Яков, защитник участников заговора «Башмака» на суде в 1493 г. 336, 349
- Молитор Эрих, немецкий буржуазный историк XIX в. 35, 36, 38, 39, 43, 110, 111
- Моне (Mone) Франц Иосиф (1796—1871), буржуазный историк и археограф 73, 176, 178, 232
- Монтгомери, генерал, шотландец на французской службе 199, 215
- Мюллер Иоганн фон (1752—1809) буржуазный историк 176, 187, 190—194, 196, 197, 305, 306
- Мюллер Иоганн Иахим (1665—1731), архивариус и археограф 253, 255—258, 265—279, 281, 283, 284
- Мюнцер Томас (ок. 1490—1525), крупнейший вождь крестьянско-плебейского лагеря во время Крестьянской войны в Германии 333, 403
- Николай Кузанский (Nicolaus Cusanus, 1401—1464), кардинал 109—111, 176
- Нодэ (Naudé) Вильгельм, немецкий буржуазный историк конца XIX — начала XX в., 47, 48, 50
- Онкен (Oncken) Вильгельм фон (1838—1905), буржуазный историк 122
- Палацкий (Palacky) Франтишек (1798—1876), чешский буржуазный историк 107, 109
- Пейтингер (Peutinger) Конрад (1465—1547), гуманист XVI в. 38
- Пик Вильгельм, президент Германской демократической республики 400
- Пиркгеймер (Pirkheimer) Вилибальд (1470—1530), гуманист 324
- Пруц (Prutz) Ганс (1843—1929), буржуазный историк 122
- Райзер Фридрих, гуситский проповедник в Германии XV в. 121, 122
- Ранке Леопольд фон (1795—1886) буржуазный историк 15—22, 25, 33, 34 42, 45
- Рапи Люкс, наемный кнехт, предавший заговор «Башмака» 1502 г. 352, 357
- Рейнер Яков, участник заговора «Башмака» 340, 341
- Ренэ Анжуйский, герцог Лотарингский 190
- Ретель (Ретельн), баденский маркграф 195, 200, 325
- Рехберг Ганс фон, немецкий рыцарь 190, 191, 193—196
- Ритгейм Иоганн фон, князь, аббат Кемптенского монастыря 246, 247
- Розенкранц Альберт, буржуазный историк и археограф XX в. 306, 307, 344, 345, 361, 371, 373, 376, 394
- Ротт Ганс фон, сеньер деревни Бусмансгаузен 53, 63, 69, 70, 71, 73
- Себастиан, аббат Кемптенского монастыря 80
- Сигизмунд, австрийский герцог 187, 226, 228
- Сигизмунд германский император (1411—1437) 111, 138
- Сильвестр I, папа (314—335) 141—143
- Симонс, хронист 356, 361
- Тритемий, аббат, автор хроники Хирзауского монастыря 352—356, 360, 361, 363
- Трухзес фон Вальдбург, немецкий рыцарь 226
- Ульман Ганс, бургомистр г. Шлетштадта, руководитель эльзасского заговора «Башмака» в 1493 г. 308, 336—346
- Ульрих Вюртембергский, герцог (1498—1519) 185, 186, 203, 325, 327, 390, 391

Унгельтер Ганс, представитель г. Эслингена в Швабском союзе 315—317, 321, 324—327

Фердинанд I, австрийский эрцгерцог (1503—1564), германский император с 1556 г. 98
Филипп, австрийский эрцгерцог 284

Филипп I Баденский, маркграф (1479—1533) 380, 391, 392

Флекенштейн Клаус из Вейсенбурга, участник заговора «Башмака» 393

Фогт (Vogt) Вильгельм, буржуазный историк и археограф XIX в. 52, 59, 60, 122

Франк Себастиан (1499—1543), немецкий философ и хронист 361, 363

Франциск I, французский король (1515—1547) 38

Фридрих, австрийский герцог 169, 170, 182

Фридрих, базельский епископ 180, 181

Фридрих Бранденбургский, маркграф см. Гогенцоллерны

Фридрих Саксонский, курфюрст (1486—1525) 18—20, 37, 38, 275

Фридрих III, германский император (1440—1493) 35, 175, 176, 181, 185, 186, 188—191, 193, 202—204, 220, 228, 235, 242, 268, 285, 402

Фрундсберг Ульрих фон, командир войск Швабского союза 248

Фуки (Fucks) Карл Иоганн, буржуазный историк XIX в. 47

Фюрстенберг Генрих фон, граф, главнокомандующий войск Швабского союза 226, 321, 326, 327

Хенки Томас, участник заговора «Башмака» 370

Хорнер (Hörner) К., археограф XIX в. 319—321, 328

Цельнер (Zöllner) Рейнгард, буржуазный историк XIX в. 119

Циглер Клаус, один из руководителей заговора «Башмака» 336—338, 341—343, 346, 347
Цорн Фридрих, вормский хронист 111, 114, 172

Шаден Лауэль из Штольцгейма, участник заговора «Башмака» 347

Швендинер, бюргер г. Сен-Галлен 309, 311

Шильтер Иоганн, издатель хроники Кенингсгофена 175, 176, 202, 204, 208, 222

Шрейбер Генрих, буржуазный историк и археограф XIX в. 52

Штауфены, германская императорская династия 21

Штелин Кристоф-Фридрих фон (1805—1873), буржуазный историк 169—171, 185, 186, 230

Штольце Вильгельм, буржуазный историк конца XIX—начала XX в. 77, 94

Штофель, один из руководителей заговора «Башмака» 393

Штриблин Симон, участник заговора «Башмака» 370, 373, 374

Шютц Ульрих, один из руководителей заговора «Башмака» 341—345

Эбер Валентин, гуманист, секретарь г. Аугсбурга 122

Эбергард, аугсбургский епископ 167, 168, 170

Эбергард Вюртембергский, герцог (1450—1496) 169, 170, 236, 239, 255, 294

Эльбен Арнольд, буржуазный историк XIX в. 52

Эндерлин, участник заговора «Башмака» 382

Эней Сильвий Пикколомини (р. 1405), папа Пий II (1458—1464) 186, 188

Янсен (Jansen) Иоганнес (1829—1891), буржуазный историк 55, 77, 93, 110, 165

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Извращение политической истории Германии XV— —XVI вв. в немецкой буржуазной историографии	13
Глава II. Усиление феодального гнета в немецкой деревне в XV и начале XVI в.	46
Глава III. Революционные отклики гуситских войн в Германии и так называемая «Реформация императора Сигизмунда» . .	106
Глава IV. Первые выступления крестьян под знаменем «Ба- шмака»	166
Глава V. Имперская программа княжеского мелкодержавия . .	234
Глава VI. Нарастание оппозиционного движения в 90-х годах XV в. и Швейцарская война 1449 г.	292
Глава VII. Заговоры «Башмака» (1493—1517 гг.)	333
Заключение	399
Литература и источники	406
Указатель имен	410

*Утверждена к печати Институтом истории
Академии Наук СССР*

•

Редактор издательства *А. А. Зимин*
Технический редактор *Т. А. Землякова*

•

РИСО АН СССР № 14-49В. Т-07736. Издат. № 3613.
Тип. заказ № 645. Подп. к печ. 30/X 1952 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 13. Печ. л. 26 + 1 вклейка.
Уч.-издат. 27,4+0,3. Тираж. 3000

Цена по прейскуранту 1952 г. 18 руб. 65 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
31	10 св.	шла об	шла не об
63	2 сн.	см. прим. 2	См. стр. 61, прим. 1
91	11 сн.	они отличают	они не отличают
129	16 сн.	их	его
159	1 сн.	феодалных классов	феодалов
249	20 св.	критикует	цитирует
271	8 св.	подчинения крупных	подчинения крупным
275	13 сн.	благородных бюргеров	благородных, бюргеров
398	25 св.	который	которое

М М. Смирин.

